

Пьер Бриан

Дарий в тени Александра

Пьер Бриан

Дарий в тени Александра

Дарий
в тени
Александра

Darius dans l'ombre d'Alexandre

Pierre Briant

FAYARD

Дарий в тени Александра

Пьер Бриан

ВЕЧЕ
МОСКВА

Бриан П.

Б87 Дарий в тени Александра / Пьер Бриан; пер. с франц. А.Н. Степановой. — М. : Вече, 2007. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-1946-1

Кем же был на самом деле «тот Дарий, который был побежден молодым македонским царем»? Почему-то считается, что на фоне личности Александра Великого его враг, персидский царь Дарий III, не заслуживает пристального внимания. Однако автор с полным основанием полагает, что слабый интерес к Дарию и его империи — это проявление общей недооценки эпохи Ахеменидов в истории Древнего Востока. Пьер Бриан пытается ответить на вопрос: был ли Великий царь «смелым» или «недостойным», — поставленный еще в Античности...

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9533-1946-1

«Darius dans l'ombre d'Alexandre» de Monsieur Briant Pierre
World copyright © LIBRAIRIE ARTHÈME FAYARD, 2003

© Степанова А.Н., перевод на русский язык, 2007

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом
«Вече», 2007

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы поблагодарить всех тех, кто помогал мне на протяжении четырех лет подготовки и редактирования, в особенности в области изысканий в персидской и арабо-персидской литературе и иконографии. Филипп Жину (Париж) любезно передал мне неизданную рукопись о сасанидских текстах, в которых говорилось об Александре; Марина Гайяр (CNRS, Париж) разрешила мне использовать ее неизданный французский перевод «Дараб-наме» Абу Тахера Тарсуи, а также великодушно передала мне неизданные переводы Ибн Балхи и Динавари. Франсис Ришар (Отдел восточных рукописей VnF), Доминик Жерен (Кабинет медалей, VnF), Мариан Масхкур (Париж) и Мари-Франсуаз Клерго (Коллеж де Франс) помогли мне собрать различные изображения; Ф. Ришар направлял меня в поиске рукописей и соответствующих им иллюстраций; Д. Герен оказал неоценимую помощь во время исследований в Кабинете медалей; М. Масхкур познакомил меня с иллюстрациями, полученными в ходе исследований кофеен Ирана; я благодарен М.Ф. Клерго за возможность воспроизвести в этой книге оригинальных рисунков с исключительно интересной картины, которые она осуществила с большим талантом и точностью (рис. 40). Я также благодарен коллегам, которые собрали для меня библиографические сведения: Массмеху Фархаду (Галерея свободного искусства, Вашингтон) Шарлю-Анри де Фушекуру (Париж), Роберу Иллебранду (Эдинбургский университет), Марии Субтельны (Университет Торонто), Марии Шупп (CNRS, Париж), Жилю Вейнштейну (Коллеж де Франс), Юрико Яманака (Осака). Библиотекари Коллеж де Франс, Института исследования Ирана (университет Paris-III) и французского Исследовательского института в Иране (Тегеран) облегчили мне доступ к ценным фондам. Особенно тепло я думаю сейчас о своей подруге, которая читала и перечитывала наброски и черновики этой книги и своими постоянными поощрениями и ценными предложениями помогла мне довести это предприятие до конца в намеченные сроки.

Дарий претерпел великое, бесспорное поражение, когда он должен был отступить перед добродетелью, мужеством, великодушием и справедливостью. Он был изумлен, встретив противника, столь же непобедимого в своем благородстве, как и перед натиском удовольствий, испытаний и фаворитизма.

Плутарх. О судьбе Александра

О вы, стоящие с высоко поднятой головой, знающие традиции великих царей, посмотрите, что остается от этих могучих государей... Кто теперь пост дифирамбы их справедливости? Небо прекратило вращаться вокруг них, и от них не осталось других воспоминаний, чем слова разных людей, говорящих, что один имел великий дух, а другой не имел его, порицающих одного и восхваляющих другого. Теперь наша очередь...

Фирдоуси. Шах-наме

МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

ИСТОРИЯ ДАРИЯ И ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА

Историки и читатели их трудов всегда были очарованы вопросами, связанными с историей великих империй, особенно вопросами их возникновения и распада. Если говорить о философии истории, достаточно напомнить Жака Бениня Боссюэ его размышления о «Возвышении и падении империй» (1681), «Размышления о смене империй» Вольнея (1791), размышления о причинах падения Персидской империи от руки Александра, изложенные Гегелем в своем публичном курсе (1826—1829). Еще в античные времена была создана теория пяти империй: Ассирийской, Мидийской, Персидской, Македонской и Римской. При чтении «Введений», написанных Полибием для своей «Истории» и Дионисием Галикарнасским для «Римских древностей», становится ясным, что эта теория главным образом продвигала идею превосходства Римской империи над всеми прочими, включая Персидскую империю, которая не смогла сопротивляться наступлению Александра Великого весной 334 года. В результате четырехлетней войны Дарий III, десятый Великий царь и потомок основателя династии, Кира (ок. 557—530), погиб, убитый приближенными (июль 330 г.).

Но, с удовольствием констатируя исчезновение Персидской империи, рассуждая об идее ее внутренней неустойчивости, древние авторы не стремились объяснить причины и условия ее падения, лишь постоянно подчеркивая недостатки и пороки последних ее правителей. Нынешние историки также не задают-

ся вопросами о причинах явной внезапности исчезновения некоторых древних империй. Даже если их формулировки несколько меняются, суть вопроса остается практически неизменной: что надо ставить на первое место — структурные причины или конъюнктурные, а также насколько важны личные факторы? Именно на этом настаивает Жак Ле Гофф в своем «Святом Людовике»¹: «заявляемое противопоставление между индивидуумом и обществом» суть ложная апория. «Знание общества необходимо для того, чтобы понять, как в нем формируется и живет конкретный персонаж». В рамках монархических государств Античности историк, знающий о важности структурного анализа, должен уметь также использовать инструменты, позволяющие ему постичь личность последнего правителя, понять его политическое видение и оценить его способность к созданию стратегий и даже к тому, способен ли он вести за собой армии.

Именно по этой причине в момент завершения своей книги о Персидской империи я решил провести особое изучение личности Дария III, которая была как бы продолжением и дополнением изучаемой темы. У меня было желание провести полный структурный анализ на основании возможностей, предлагаемых источниками и исторической проблематикой. Безусловно, это было очень беглое впечатление, поскольку известно, что ни одна книга не может быть полностью исчерпывающей, ведь могут появиться новые документы, а интерпретации, кажущиеся прочными в тот момент, когда они выдвигаются, могут быть вновь поставлены под сомнение, в том числе и в форме авторского раскаяния. Однако внимательное прочтение недавних публикаций позволяет мне думать, что ни в целом, ни в отдельных деталях интерпретация истории Персидской империи в моей книге 1996 года еще не была подвергнута уничтожающей критике.

Принимая во внимание материалы из этой книги, которые относят нас к самому раннему этапу македонского вторжения, имея анализ монархии Ахеменидов и подробное описание империи, а также пытаюсь восстановить стратегию, проводимую Дарием по отношению к Александру², следует выбрать и предложить читателю несколько иной угол зрения на проблему. Желание посвятить книгу последнему из Ахеменидов было огромным еще и потому, что она стала первой публикацией такого рода. Конечно, существуют труды, восстанавливающие персидскую историю в ее династической последовательности, а также работы, в которых дан необычный взгляд на завоевания молодого македонского царя, и которые — по крайней мере лучшие работы, — упоминают его противника с большей или меньшей степенью точности и доброжелательством. Но, хотя во многих странах каталоги издателей и списки книготорговцев изнуряюще повторяют друг друга, красноречиво свидетельствуя о постоянном росте интереса к биографической литературе, занимающейся «воссозданием событий», никогда не было ни одной книги, посвященной истории Дария.

Это наблюдение, возможно, удивит некоторых читателей, но большинство находится во власти кажущегося очевидным расхожего мнения, независимо от того, осуждают ли они наличие этого печального пробела или, напротив, не видят причины смущаться его, поскольку, в конце концов, все они считают, что на фоне личности самого Александра его персидский враг, с его отсутствием харизмы, не стоит такой предупредительности и не заслуживает обширных упоминаний в документах.

Тем не менее подобный дисбаланс создает определенную проблему и стоит того, чтобы на него обратили особое внимание. Конечно, заметно, что письменных источников, посвященных Дарию, не слишком много, и что они не особенно связаны между собой, но было бы упрощением приписывать потерю памяти об историческом персонаже лишь документарным пробелам. Исторические предпочтения являются, были и остаются отражением эпохи и точки зрения, используемой методики и способа постановки вопросов. Я абсолютно убежден, что сохраняющаяся незаинтересованность Дарием III и его империей является проявлением общей недооценки эпохи Ахеменидов в истории древнего Ближнего Востока. В особенности следует отметить, что, за исключением Кира и Дария I, персидские цари не слишком интересовали историков и биографов.

Вследствие принципиальных заявлений, которые, став в наше время банальными и даже ритуальными, преумножили вред эллиоцентрических и александрофильских представлений, специалисты, изучающие Александра и его эпоху, не смогли извлечь всю возможную пользу от увеличения знаний об эпохе Ахеменидов. Однако Михаил Ростовцев в многочисленных работах, опубликованных с начала XX века, довольно рано проложил новые пути, которые должны были существенно изменить подход к изучению структурных и генетических взаимоотношений между эллинским и ахеменидским обществами. Во вступительной главе своего монументального труда об эллинском мире (1941) он не обошел вниманием империю Дария III. Сама логика повествования не позволяла надолго задерживаться на персоне Великого царя, но в книге выражено глубокое убеждение автора: эллинские государи возводили свои государства не на развалинах империи Ахеменидов — они возводили фундамент своей власти на вполне жизнеспособном наследстве — империи Дария, побежденной Александром. И хотя значительное число историков, изучающих эллинистический мир, не упустили возможности черпать вдохновение в трудах Ростовцева, имелись и такие специалисты по эпохе Александра, которых подобное видение предмета отнюдь не вдохновляло. В семидесятые годы прошлого века эстафету подхватили историки, изучавшие мир Ахеменидов: их исследования, проводившиеся в течение последующих тридцати лет, принесли весьма значительные результаты. Но и в этом случае необходимо с сожалением отметить: они не слишком существенно изменили общее мнение относительно истории Александра.

По различным причинам, которые нет необходимости повторно здесь анализировать, многие специалисты по эпохе Александра все еще *de facto* считают, что им необходимо лишь опосредованно изучать историю взаимоотношений с Ближним Востоком под управлением Великих царей. Однако если включение истории Александра в общую историю Македонии и греческих городов не вызывает вопросов, то для историка, изучающего биографию Александра, также должно быть абсолютно очевидным, что анализ его завоевания стран Ближнего Востока вплоть до Центральной Азии и Индии и политики, которую проводил македонский царь по отношению к различным народам, предполагает некоторое взаимное влияние — можно даже сказать, тесную связь, — с исследованиями, касающимися организации и эволюции империи Ахеменидов.

Но в исследованиях и книгах относительно истории Александра, появившихся за несколько последних десятилетий, этого не происходит. Парадоксаль-

но, но Персидская империя представлена там иногда даже более кратко, чем в трудах, появившихся в течение XIX века. Разумеется, эти соображения не повлекли за собой снижения усилий исследователей эпохи Александра после издания труда де Друазана «Александр» (1833), — тем более что его описание Персидской империи нам сегодня кажется наиболее подходящим. По крайней мере, он считал необходимым посвятить часть введения Дарию и его империи. В истории такой демарш применялся с давних пор. Как можно попытаться объяснить результаты войны между Македонией и персидской империей, совершенно не интересуясь не только Дарием и его окружением, но и странами, над которыми он властвовал, и их населением? Никто не может сегодня поставить под сомнение, что исследования, посвященные Дарию III, предполагают наличие двух сторон — а именно, ахеменидской и эллинистической, — которые затем соединяются, образуя единое целое в момент политического и культурного перехода, ставшего следствием столкновения между Дарием и Александром.

Именно поэтому в книге об Александре, первое издание которой вышло в 1974 году, я доказывал необходимость отхода от «психологического» подхода к изучению личности Александра и перехода к более «рациональному» подходу. Как тогда, так и сейчас я считаю, что вследствие сосредоточения на личности молодого македонского царя, мы «слишком часто пренебрегаем [его противником], как будто Александр существовал сам по себе, совершая подвиги в одиночку». Именно этому вопросу я посвятил главу, где рассказывается о «сопротивлении завоеванию»³.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ТУПИК

Книгу об Александре я начал не без некоторой обдуманной провокации со следующего заявления: «Эта книга не является биографией». Отчасти мой выбор определялся количеством страниц в серии: я решил тогда поговорить об «исследовании некоторых существенных и совершенно естественно поднимающихся вопросов»; я хотел «показать всем основные аспекты исторического явления, которое нельзя сводить только к личности Александра, какова бы ни была значимость этой персоны». В этой формулировке можно ясно увидеть мое недоверие к биографическому жанру, или скорее никогда не покидавшую меня сдержанность ввиду нередких случаев исключительной сосредоточенности на образе «великого человека», который этот жанр измыслил и долгое время пестовал. Таким образом, вполне возможно, что усердное знакомство с трудами, посвященными Александру, во многом поспособствовало сохранению у меня этого состояния настороженности — поскольку, начиная с Античности и до наших дней, огромное множество посвященных ему биографий скорее напоминают хорошо составленные хвалебные речи, в которых не предполагается достаточное количество уважительного внимания к противоположному «лагерю», и еще меньше уважения к профессии историка.

Конечно, эта сдержанность относительна и контролируема. Тем не менее, как справедливо говорит Жак Ле Гофф в своем труде «Святой Людовик», «биография не есть только коллекция всего того, что можно и что нужно знать о персонаже». Если историк считает себя настоящим профессионалом, он дол-

жен оценивать со всей скрупулезностью надежность доступных ему источников, и при этом важно, чтобы он располагал достаточным количеством документов, имеющих между собой определенные связи. Так обстоит дело с биографией св. Людовика, поскольку он, «(наряду со святым Франциском Ассизским) является личностью, жившей в XIII веке, о котором мы лучше всего информированы из первых рук». И если, — снова цитируя Ле Гоффа, — долг историка состоит в том, чтобы «рассказать о жизни человека единственно при помощи подлинных документов, принадлежащих определенной эпохе» (стр. 313), то данная книга не может быть расценена как биография, поскольку, как мы увидим далее, мы не располагаем подлинными документами эпохи Ахеменидов. Как описать жизнь человека, который ненадолго появляется в документах в возрасте сорока четырех лет⁴ и шестью годами позже умирает, не оставив ни наследника, ни воспоминаний, и даже последние моменты жизни которого были сразу же использованы его врагами?

Природа и способ создания документальной базы привели к парадоксальной ситуации: несмотря на крепкую связь с долгой историей Ахеменидов, о фигуре Дария и его решениях можно узнать только из текстов, повествующих об Александре, составленных в македонском лагере, а иногда и вовсе в «западном» лагере. Этим объясняется требуемая длина и желательная точность фрагментов текста, посвященных в этой книге методам, среде, стилям и предположениям авторов римской эпохи, изложивших — на греческом или латинском языке — историю Александра. Именно поэтому, желая вновь соткать образ Дария, мы в этой книге вновь обращаемся к личности Александра.

Мы не будем говорить о греко-римских источниках, упоминающих Дария, поскольку ни один античный автор не считал необходимым сделать последнего Великого царя главным персонажем своего рассказа или написать его биографию. Все авторы стремились прежде всего писать об Александре — либо чтобы превознести его до небес, либо чтобы осудить за его недостатки и излишества, или, во всяком случае, чтобы рассказать о его пути и подвигах. Все они были вынуждены в самых разных контекстах упоминать Дария III, или, говоря более точно, того, про кого не известно ничего, кроме того, что он был противником молодого македонского героя. Нередко его даже выделяли из ряда славных носителей этого имени лишь малопривычным определением «тот Дарий, который был побежден Александром».

Занимаясь исследованием последней фазы эпохи Ахеменидов (особенно это касается IV в. до н.э.), мы постоянно оказываемся в крайне невыгодном положении. Ввиду редкости собственно ахеменидских источников — если они вообще существуют, — историк вынужден пытаться читать греко-римские источники, пытаясь вытащить из них то, что скрыто в них греко-римской интерпретацией событий. Действуя с осторожностью и строго просеивая информацию, при таком методе из греко-римского источника можно извлечь массу очень важных сведений об империи Ахеменидов, которую завоевал Александр и растащили его преемники.

Таким образом, множество эллинистических записей возникло как отражение военных и хозяйственных забот. В них древние авторы прямо или косвенно приводят сведения о мостах, ущельях и горах, которые пришлось преодо-

левать армиям, об оросительных системах, мешающих движению военных кораблей на Тигре, о хлебных амбарах и складах, где македонские войска могли снабжаться, о деревнях, где они становились на зимние квартиры, о городах и дворцах, где они находили отдых и добычу, об именах и функциях администраторов сатрапий, которых они захватывали, а также о правилах ахеменидского двора, обряды и ритуалы которого Александр перенял. В некотором смысле важно то, что они существуют, пусть даже в виде литературных фрагментов. Для историка Античности описание трофеев, захваченных при взятии города или лагеря, эквивалентно инвентаризационным спискам после кончины, на которые опираются современные историки: что знали бы мы о богатстве царского лагеря, если бы, вследствие поражения персов на Иссе, во многих эллинистических текстах не была бы описана палатка Дария, вход Александра в роскошные апартаменты победленного, и, наконец, если бы не были захвачены огромные сокровища, оставленные в Дамаске Великим царем до сражения, а затем скрупулезно пересчитанные и зарегистрированные специальными хозяйственными службами македонцев?

Для того, кто решил отправиться на поиски Дария в источниках, посвященных Александру, способ чтения документов в принципе тот же самый, но в нем имеются некоторые специфические трудности. Легче найти документы о состоянии империи, чем о самом Дарии. Региональные исследования могут базироваться также на локальных текстах, что не подходит для биографического исследования — по крайней мере, для Дария III. К тому же, ввиду весьма эмоциональной ангажированности древних авторов по отношению к Александру и их активного присоединения к победившему македонскому большинству, они выписывают образ его противника крайне осторожно, стараясь при этом повести дело так, чтобы, даже упоминая Дария, говорить об Александре. В подобной ситуации рискованно, если не сказать невозможно, восстановить с достаточной степенью уверенности «реальный» образ персидского Дария, оказавшийся вложенным в ткань повествования этих авторов или выраженный неосознанно теми или иными словами. Как мне кажется, причина этого состоит в том, что чаще всего эти авторы игнорируют Великого царя полностью или почти полностью, с его мыслями и его стратегией, даже когда некоторые из них изображают, что говорят как бы от персидского лагеря, приписывая Великому царю некие мысли, чувства и слова. Их внимание полностью приковано к македонскому царю, и они даже не являются историками в современном понимании этого слова.

ОБРАЗЫ, ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ

Автор этой книги с удовольствием использовал бы в качестве эпитафии прекрасное посмертное обращение к Дарию, написанное в 1180 году Готье де Шатильоном в книге «Александриада»: «О, Дарий, если однажды поверят тому, что мы пишем, Франция с полным правом будет считать тебя равным в славе Помпею»⁵. Профессиональные реалии очень быстро ставят на место исторические амбиции!

Конечно, Дарий III, Великий царь, не является Луи-Франсуа Пинаго, этим антигероем, давшим свое имя книге, в которой Ален Корбен пытался успешно

решить парадоксальную задачу — «снова заставить существовать человека, о котором уничтожено даже воспоминание, [...чтобы] воссоздать его, дать ему второй шанс — довольно прочный — и возможность запомниться в своей эпохе»⁶. Объясняя свой демарш, автор пишет, что он не собирался писать биографию — «попытка, без сомнения, абсурдная, когда речь идет о крестьянине XIX века. Речь шла [...] о том, чтобы вернуть к жизни фрагмент исчезнувшего мира, который мог бы стать элементом необычного сюжета»⁷.

Естественно, можно было бы отклонить сам принцип методологического сравнения на том вполне понятном основании, что сведения о Дарии не столь драматически недоступны, как информация о Луи-Франсуа Пинаго, и что последний из персидских царей не настолько неизвестен истории. Тем не менее необходимо отметить, что все, что мы «знаем» о нем и его жизни, укладывается в несколько слов⁸: родовое имя; имя его жены; его матери; его дочерей и сына; имя, которое он носил прежде, чем стать царем (даже при том, что существуют две различные традиции); крохи информации о его положении при дворе до его восшествия на престол; названия сражений, которые он проиграл; дата его смерти и возраст, которого он достиг к этому моменту. И больше ничего или почти ничего: или, точнее, «остальное» совмещается с историей завоеваний Александра. Конечно, историки уже давно научились не отступать в страхе перед отсутствием документов, и их задача состоит в том, чтобы создать историю из того, чего мы не знаем. Но в данном случае пустота достигает столь гигантских масштабов, что было бы неразумно пытаться завербовать ее себе в союзники.

Благосклонно упоминая о Пинаго Корбена, критик написал, что, в конечном счете, «закрыв книгу, мы не стали знать об этом человеке намного больше, чем ранее»⁹. У меня есть все основания опасаться, что читатель придет к такому же выводу после прочтения этой книги, поскольку в конечном счете — если предположить, что кому-то захочется отнести его к категории «великих людей Античности», — последний из ахеменидских царей все равно останется «неизвестным» среди тех, кто обладал верховной властью и водил за собой армии.

Однако Дарий, естественно, говорил, писал письма, посылал письменные приказы, возможно, он даже сам до 334 года лично осуществлял кампании в разных уголках своей империи, и, без сомнения, он любил, составлял заговоры, и поддерживал дружеские отношения, но мы не нашли никаких следов этой общественной и частной жизни. О ней нам известно лишь через посредство греческих и римских авторов. Обрывочные цитаты царских писем, речей или его письменных документов либо являются подозрительными, либо представлены в виде таких намеков, что любое восстановление оригинала попросту исключено. Возьмем простой пример у Арриана, описывающего расположение ахеменидских армий во время сражения при Гавгамелах: «Аристул говорит, что план, воспроизводящий ход сражения таким, каким его определил Дарий, был составлен позднее»¹⁰. Эта формулировка ясно показывает, что Арриан не имел перед глазами документа, даже в виде свободного изложения Аристула. Согласно широко использовавшейся в античный период практике, ссылка на документ, которым мог бы воспользоваться Аристул, придавала авторитетность его собственному сочинению. Короче говоря, современный историк не в со-

стоянии будет утверждать наверняка, что у Аристобула был в руках такой документ, или что ссылка подтверждает истинность дальнейших выводов Арриана. Он лишь с полным правом может утверждать, что в штабе Ахеменидов был скрупулезно разработан свой план сражения, но подобное утверждение можно сделать и без дополнительного замечания Арриана.

К тому же эти авторы намереваются главным образом представлять единственного героя этой истории — Александра, — оставляя Дарию черты и речи столь стереотипные, что нынешние историки мало что могут извлечь из них для того, чтобы вернуть исторической личности его подлинные черты. Если мы возьмем в качестве примера многочисленные рассказы, которые — не только в древних источниках, но и в средневековой или даже современной драматургии и историографии, — касаются смерти Дария, становится ясно, что внутри повествований могут варьироваться детали, но основная функция этих произведений — превозносить «рыцарское» отношение Александра к своему врагу, украшенному всеми теми достоинствами, которые обычно связываются с образом «достойно проигравшего». Точно так же многочисленные появления матери, жены и дочерей Дария менее всего призваны рассказать о чувствах, обуевающих Великого царя, но нужны для того, чтобы продемонстрировать сыновнюю привязанность и «восхищающую сдержанность» Александра. Каждому персонажу приписываются строго определенные сюжетом роли. Невероятный успех подобных сцен и рассказов в исполнении художников — поборников древних обычаев и певцов героического величия молодого македонского царя — обусловлен еще и тем, что чаще всего они уподобляли Александру своего покровителя, использовавшего их и дававшего им заказ.

Среди пьес, взятых из античного театра, действие «Царь персов припадает к ногам Александра» являлось одним из наиболее часто представлявшихся, и всем понятно, что в нем главным образом иллюстрировалось благородное величие Александра, а не почиталась память Великого царя, молчаливо осужденного за то, что своим поражением он допустил, чтобы женщины, столь благородные по происхождению и великие душой, попали в лапы врага. И если взять сцену, где Александр бросает свою мантию на тело Дария, убитого своими приспешниками, снова именно македонский царь недвусмысленно выведен в качестве положительного героя. В любом случае Дарию отведена роль не творца собственной истории, а лишь пешки в руках Александра.

Видя такое положение, романист или писатель-фантаст может встать на путь, проложенный Эндрю М. Рамси, который в 1727 году, будучи вдохновленным «Киропедией», опубликовал любопытное произведение, оказавшееся настоящим бестселлером:

«Ксенофонт ничего не говорит в своей “Киропедии” ни о чем, что происходило с Киром начиная с шестнадцати и кончая возрастом сорока лет. Я воспользовался молчанием древних авторов относительно молодости этого принца, заставив его путешествовать, и рассказ о его путешествиях позволяет мне описать религию, обычаи и политику всех тех стран, по которым он проезжал, особенно в тех странах, где в то время происходили основные преобразования — Египта, Греции, Тира и Вавилона».

Воспользовавшись привилегиями *inventio* и *imitatio*, он позволил себе переплетать ссылки на древние тексты и элементы фантастики:

«Я почти ничего не приписывал древним в плане религии, лишь допустимые, вполне формальные пассажи [...]. Насколько возможно, я минимально отступал от точной хронологии событий [...]. Единственная свобода, которую я позволил себе, состоит в том, что я ввел в исторические эпизоды некоторые частные ситуации и характеры, чтобы сделать свое повествование более поучительным и интересным»¹².

Заметно, что автор также старается придерживаться общего уровня познаний своего времени. Чтобы еще раз подчеркнуть свою приверженность реальным историческим данным, он воспроизводит в приложении письмо Николая Фрере, которое, как он говорит, подтверждает его хронологию жизни Кира с точки зрения исторических знаний того времени, принятых среди специалистов¹³.

Такого же подхода придерживаются авторы исторических романов — именно так действует Гор Видал, который в романе «Создание» уводит читателя из Парса в Афины и Индию, двигаясь вместе со своим героем-рассказчиком, Киром Спитамай, внуком Зороастра, другом детства и посланцем Ксеркса. То же делает Мари Рено, которая на страницах книги «Персидское дитя» выводит Дария III, а затем и Александра, увиденных глазами молодого евнуха Багоаса, фаворита Великого царя, а затем и его македонского победителя. И совершенно неважно, в сущности, что первый из них (Кир Спитама) был творением современного романиста, а второй (Багоас) упоминался у Квинта Курция в его цикле рассказов и пьес — они оба ожили на книжных страницах.

У историка, занимающегося изучением биографии последнего Дария, могут возникнуть трудности, если он, сославшись на «молчание древних», займется ни на чем не основанным восстановлением образа последнего из Ахеменидов. Более того, в отличие от специалистов по «пинаготическим исследованиям», или, говоря шире, многих историков прошлого и настоящего, у него нет возможности проконсультироваться в кадастровых регистрах или архивах, хранящих гражданские акты, где он мог бы найти точные даты рождения и смерти царя и множество других сведений, которые позволили бы заполнить, хотя бы частично, пустоту первых сорока четырех лет жизни человека, дожившего всего до пятидесяти.

Имея перед собой множество оригинальных документов, биограф святого Людовика может позволить себе не изучать жизнь короля после смерти короля и не будет предлагать своим читателям «историю легендарного образа короля-святого», так как «этот увлекательный сюжет выходит за рамки поднятой проблематики». Напротив, историк, исследующий последние годы империи Ахеменидов, будет вынужден предпочесть этот подход, то есть изыскивать черты образа Дария III в литературе и иконографии, или, точнее, изучать этапы и условия конструирования разносторонних воспоминаний о Великом царе. В целом меня очень удивляет тот факт, что ни историки Персидской империи, ни историки Александра, насколько мне известно, никогда не пытались систематически заняться подобными исследованиями. Единственно, кто идет подоб-

ным путем — романисты и специалисты, исследующие легенды об Александре. В настоящее время они энергично и крайне плодотворно трудятся или над версиями, которые, восходя к «Роману об Александре» Псевдо-Каллисфена, были созданы и распространены в западных странах в Средние века, или над персидскими и арабо-персидскими версиями, в которых был создан и пронесен через века парный портрет Искандера и Дара.

Однако при этом следует подчеркнуть наличие лакуны, которая наложила на документарный пробел, имеющийся у историков. Удивительно, насколько тщательно и с какой проницательностью эти специалисты анализируют пути и средства, при помощи которых создавалась память об Александре — мифы, легенды и просто выдумки, — при этом совершенно не желая заняться изучением тех же древних и средневековых романов об Александре с целью вычленения из них элементов образа Дария¹⁴. Особенно огорчительно, что никто не исследует подобным образом персидские и арабо-персидские тексты, поскольку на основании письменных источников и чтения наизусть странствующими аэдами «книг царей» сформировалось представление иранцев о своем прошлом. Особенно заметно это стало после того, как тысячу лет назад широко распространилась поэма Фирдоуси «Книга царей» («Шах-наме»). В ней, помимо множества других глав, рассказывается о трогательной истории Искандера и Дара, их битвах и их братском примирении в тот миг, когда царь Ирана делает свой последний вздох. По этой причине — несмотря на мою неопытность в этой, достаточно специфической, области, — мне показалось необходимым заняться поисками образа Дара. Параллельное расследование напрашивалось еще и потому, что персидская версия частично восходит к греческому роману Псевдо-Каллисфена.

На основании анализа греко-римских, персидских и арабо-персидских традиций можно было бы понять, почему, когда и как родились — в терминах их отбора и обработки — описания и образы, которые, накапливаясь с античных времен, и соткали полотно памяти о Дарии. Это расследование сможет отчасти приоткрыть путь для восстановления биографии Дария, но эта биография все равно останется неполной, неопределенной, субъективной — одним словом, калейдоскопичной. Цель этой книги состоит в том, чтобы объяснить, почему Дарий был осужден, наравне со многими другими, бродить бесплотной тенью по полям исторического забвения.

НЕВЕРОЯТНАЯ БИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК ДЛЯ СВОИХ

Прежде чем начать подробно рассматривать греко-римскую традицию изображения Дария и создавшие ее историографические источники, необходимо рассмотреть документальную базу, которую мы окрестим «ахеменидской». Она состоит из источников, происходящих из самой империи, письменных, иконографических, археологических или нумизматических. В принципе они способны несколько осветить ахеменидскую точку зрения на Великого царя, начало его правления и его решения перед лицом македонского вторжения. Чтобы правильно рассчитать свои силы, давайте просто попытаемся ответить на следующий вопрос: каковой была бы история Дария, созданная лишь при помощи современных свидетельств, полученных из Персии или других стран, входивших в империю? Каким бы вероятностным это ни казалось, мы увидим, что это упражнение будет весьма поучительным и прольет достаточно света на изучаемый вопрос.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА РАЗВАЛИНАХ

«Я приветствую вас, одинокие развалины, святые могилы, молчаливые стены! К вам я обращаюсь; вам я шлю мою молитву... Сколько полезных уроков, трогательных или суровых размышлений предоставляете вы разуму, умеющему прислушиваться!... О руины! Я вернусь к вам и вашим урокам! Я приду в мир вашего одиночества, и там, уйдя от огорчительного накала страстей, я полюблю людей, приходящих лишь в воспоминаниях...»

Так, в форме обращения, высказывается Вольней во введении к опубликованному им в 1791 году труду «Руины», являющемуся описанием его поездки на Восток (1784). Автор грустно бродит по жалким остаткам Пальмиры, от которой остался лишь «мрачный скелет». Книга задумана как меланхолическое размышление о том, как рассыпались в прах великие цивилизации прошлого, павшие жертвами «медленного истощения от деспотизма». Пораженный грандиозностью руин, Вольней выдает читателю свои «Размышления о создании и падении империй», помогая себе напыщенной речью «Дух гробниц и развалин», многословной и педантичной, появившейся внезапно, но очень своевременно:

«И мне на ум пришла история прошлых времен; я вспомнил древние века, когда в этих краях жили двадцать замечательных народов, [среди которых] Персия, владычествующая от Инда до Средиземного моря... собиравшая подати с сотни народов... Где они, валы Ниневии, стены Вавилона, дворцы Персеполя, храмы Баальбека и Иерусалима?»

Размышляя о руинах Востока и глядя на богатую Европу, Вольней опасается, как бы однажды ему не пришлось так же стоять «на берегах Сены, Темзы или Свидерзее», — конечно, если все корни деспотизма не будут вырваны из ее души.

Подобные восклицания, в которых вмешиваются описательные потуги и романтические порывы, встречаются также, но в менее сдержанной форме, у путешественников, посланных с различными миссиями или поехавших самостоятельно в поисках великих цивилизаций древности. Так, сэр Роберт Кер Портер в 1817—1820 годах совершил большое турне по Грузии, Персии, Армении и Вавилонии, и затем опубликовал в 1821 году свой отчет о путешествии, полный размышлений, описаний и иллюстраций. Он старался как можно точнее описать и изобразить встречавшиеся ему памятники и изображения, но при этом его охватывала величественная тоска, навеянная дворцами, от которых остались только гигантские скелеты с дверными и оконными проемами, со скульптурами из твердого черного камня: «С головой, полной воспоминаний о Кире, основавшем эту империю, и Александре, отобравшем ее, я повернулся спиной к пустым могилам, к этому пустынному центру руин. Все вокруг было тихо и безмолвно; это было похоже на монументальные свидетельства о расе героев...» (Travels, 1,683). Вскоре Гегель, прочитавший записки Кера Портера, также высказался о полном запустении:

«Персидская империя принадлежит прошлому. Остались лишь редкие следы ее былого расцвета. Наиболее красивые и богатые города, такие как Вавилон, Сузы, Персеполь, ныне полностью во прахе, и лишь редкие развалины указывают нам еще, где они находились.» (Уроки философии и истории, стр. 142, 152).

С тех пор рефлексия относительно резкого и непонятного исчезновения ахеменидской цивилизации и того, что от нее остались лишь редкие разрозненные материальные свидетельства, становится общим местом у историков, рассуждающих о бурной истории «восточных империй».

Европейские путешественники¹ открывали этот мир, читая древних авторов: «проще всего определить месторасположение Персеполя по описаниям Арриана [Арриан], Квинта Курция и Диодора Сицилийского; огромное удовольствие доставляет возможность проехать по этой стране, имея в руках томик древнего автора» (XVI, 89). Именно так говорит один из наиболее известных путешественников, пересекавших страну начиная с XVII века — шевалье де Шарден. В записках, сделанных во время путешествия, размышления о неумолимом течении времени переплетаются с желанием разместить руины в историческом времени. Говоря о двух гробницах, расположенных над террасой, описание которой он только что привел, Шарден упомянул неотчетливое воспоминание о Дарии, но он ощущал сильный скептицизм по отношению к местным традициям.

Два с половиной века спустя, во время своего приезда 3 мая 1902 года, Пьер Лоти уже смотрит на дворцы и могилы, думая о знаменитых (и к этому времени уже хорошо известных) Дарии Великом и Ксерксе. Читатель не удивится романтическому настрою его речи, несколько напоминающему «руинизм» Вольнея:

«Неизъяснимый покой ушедших навсегда цивилизаций витает над этими апрельскими полями, которые знавали в былые времена сарданапалову пышность, затем пожары, резни, приход великих армий, вихри великих сражений. Что касается эспланады, на которую мы только что поднялись, то в этот час, в эти мгновения наступающего вечера, это место несказанной меланхолии... Два крылатых гиганта встречают меня перед входом — это Ксерксу пришла фантазия установить их вечными часовыми. Они рассказывают мне о своих хозяевах множество глубоко личных подробностей, которые я и не надеялся постичь; созерцая их, я понемногу постигаю, насколько величественной, торжественной и великолепной видел жизнь этот полубогородный человек, и это созерцание дает мне больше, чем прочтение десятка исторических томов». («К Исфакхану», 130).

Продолжая поездку, Лоти и его компаньоны вновь приходят на следующее утро, 4 мая, «попрощаться с великими молчаливыми дворцами». И теперь, при тусклом свете бледного рассвета, развалины имеют более дряхлый и более зловещий вид — таким способом автор погружает читателя в атмосферу, позволяющую упомянуть «македонскую орду» и факел Александра. При подобной концовке автор, не колеблясь, использует все наиболее подходящие литературные приемы:

«Наступая на эту древнюю таинственную землю, моя нога ударяется о едва торчащий из земли кусок дерева — мне пришлось раскопать его, чтобы увидеть полностью. Это фрагмент балки, которая должна была быть огромной, сделанной из нерушимого ливанского кедра. Не приходится сомневаться — это элемент остова здания времен Дария... Я поднимаю его и снова бросаю на землю. Одна из сторон деревяшки черна, обуглена и крошится — это огонь, принесенный факелом Александра!.. Следы этого легендарного огня все еще существуют, вот они, у меня в руках, все еще заметные спустя более чем двадцать два века!.. Можно сказать, что в этом куске кедра дремало древнее зачатие, вызывающее духи давно минувшего... мне приходит на память

пассаж Плутарха; пассаж, который я переводил когда-то во время занятий с угрюмой скукой, по указке преподавателя, но теперь он внезапно оживает и становится ясным; описание ночной оргии в городе, раскинувшемся здесь, вокруг этих эспланад... И вот дикие крики опьянения и ужаса, внезапная вспышка кедрового каркаса, треск настенных эмалей и падение гигантских колонн, опрокидывающихся одна на другую, падающих на землю со звуком, подобным раскату грома... Именно тогда, в ту ночь, обуглилась часть балки, которой касаются сейчас мои руки» (стр. 143).

Разумеется, воспитанный на современных трудах, по отношению к которым он отлично умеет демонстрировать сдержанность, столь подходящую для путешественника по руинам, Лоти, как и его предшественники, был вооружен смутными воспоминаниями о прочитанных греческих авторах, особенно Диодоре Сицилийском, который в римскую эпоху создал первое литературное описание событий. Он напоминает о том, что именно «вследствие прихода македонских армий персы узнали о существовании западных народов». Это замечание призвано подчеркнуть главенство памяти об Александре над воспоминанием о Персеполе, и в результате лишит остроты воспоминание о Великих царях, из которых были упомянуты только Дарий Великий и Ксеркс.

Давайте вернемся на полвека назад. В 1841—1842 годах художник Эжен Фланден совершал научную поездку по Персии в обществе архитектора Паскаля Коста. Об этом рассказывают поразительные по точности планы и чертежи, которые и сегодня еще составляют важный архитектурный и иконографический источник. Помимо этой общей публикации в трех томах ин-фолио, Эжен Фланден написал свой личный отчет. В нем он познакомил читателя со своими собственными размышлениями о руинах Персеполя. При этом он выдвигает аргументы против ставшего уже доминирующим тезиса о творческой скудости персидского искусства; напротив, он утверждает, что «в этих дворцах ахеменидских принцев ничто нельзя назвать ни диким, ни варварским» («Описание путешествия», стр. 148). Он также пытается связать недвусмысленно печальный конец последнего Великого царя со своими собственными рассуждениями. Он пишет: если «археолог соберется вызвать из небытия великие тени персов времен Ксеркса», он непременно «ошутит должное почтение к бойцам, которым у Арбел изменила удача». Фланден описал «остатки великолепных дворцов, откуда бежал побежденный Дарий, чтобы вскоре умереть от удара кинжала предателя». Этот довольно литературный образ вписывает Персеполь в рамки ахеменидской истории вместо того, чтобы полностью отказаться от него, как принято делать с позиций традиционного «ориентализма». Но можно ли в действительности углядеть, пусть даже смутно, силуэт Дария III на террасе Персеполя или где-либо поблизости?

Именно об этом думали некоторые путешественники, спрашивавшие себя о тождественности главных действующих лиц и о датировании рельефов, вырезанных на обрыве Накш-и-Рустам, у подножия гробниц ахеменидских царей (рис. 1). На одном из таких рельефов изображены два всадника, одетые так, как предположительно могли быть одеты цари; правый всадник держит в вытянутой правой руке кольцо, в то время как левый всадник, за которым стоит слуга,

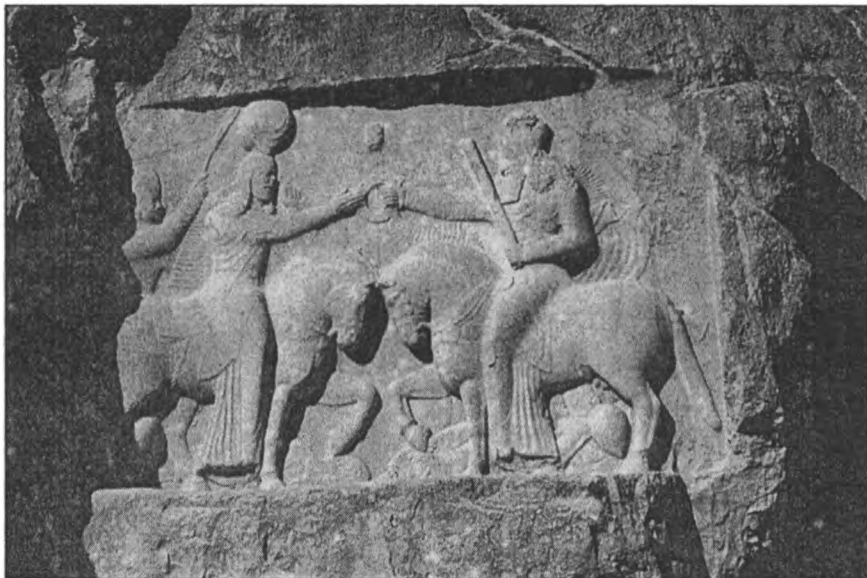

Рис. 1. Рельеф, связанный с инвеститурой Ардашира, в Накш и-Рустам. Фото

державший зонтик, укрывающий его от солнца, также вытягивает правую руку, как будто для того, чтобы завладеть этим кольцом. Публикуя в 1711 году рассказ о своих «Путешествиях», известный голландский путешественник Корнелий де Брюин не преминул предложить читателю рисунок. Мы легко можем сравнить его отчет с чертежами трех других путешественников — Шардена, Нибура и Морье — поскольку они были объединены на одном и том же листе (рис. 2) русским государственным секретарем А.Н. Олениным, который в письме от 4 августа 1817 года, «во имя святой античности», настоятельно просил Роберта Кер Портера сделать точное описание, чтобы таким образом окончательно рассеять все сомнения: именно это не преминет сделать опытный путешественник, предлагая своим читателям подробное описание (I, стр. 548—557) и рисунок (№ 23 в указанном издании), который он представляет как более точный, чем те, что сделали его предшественники, но столь же красивый (рис. 3).

Шарден и Де Брюин собрали в одном месте всю информацию о том, что же именно изображено на рельефе. Первый изучил изображенных людей и заявил, что речь идет о царе Индии и о царе Персии (Рустаме), «которые, после долгой и кровавой войны, согласились закончить ее личным поединком; что этот бой состоял в том, чтобы взяться за железное кольцо и вырывать его у своего противника... Царь Персии победил царя Индии»(XVI, 182). Де Брюин также задал себе вопрос о личности изображенных персонажей, и поведал одну из сообщенных ему версий следующими словами:

«Есть мнение, что первый — Александр, а другой — Дарий, который этим жестом уступает ему империю. Другие говорят, что эти фигуры представляют собой двух могучих принцев или генералов, которые после долгой вой-

Рис. 2. Рельеф, связанный с инвеститурой Ардашира, в Накш и-Рустам.
Рисунок из письма А. Н. Оленина

Рис. 3. Рельеф, связанный с инвеститурой Ардашира, в Наки и-Рустам. Прорисовка

ны, не принесшей успеха ни одному из них, договариваются, что тот, кто вырвет кольцо из рук противника, будет признан победителем...» («Путешествия», II, стр. 282).

На самом деле речь здесь идет о красивой истории, которую легко состыковать со слухами о поединке, в котором два царя сошлись, согласно некоторым греко-римским авторам, во время битвы при Иссе и/или Гавгамелах². В действительности же, как подчеркнул знаменитый Сильвестр де Саси в 1793 году в своих «Воспоминаниях о различных персидских древностях», эта история ни на чем не основана: различие в стиле доказывает, что рельеф относится к пост-ахеменидской эпохе (он создан спустя приблизительно пять веков после времен Дария I), и, согласно записям, в этой сцене изображена инвеститура сасанидского царя Ардашира (левый всадник) богом Ахура-Маздой (правый всадник). Но Саси очень сурово обошелся с Де Брюином, поскольку тот — совсем как Шарден — выпустил в свет наиболее пылкие из услышанных им историй. Саси заключил: «Но нет никакой причины базировать свои заключения на подобных сказках...» Таким образом, предания свидетельствуют о наличии у персов определенных воспоминаний об ахеменидской эпохе, которые восприняли

и которыми руководствовались европейские путешественники, с той лишь разницей, что местные предания восходили к роману о Дара и Искандере, а не к истории Дария и Александра.

ЦАРЬ БЕЗ ДВОРЦА

Если отделить изменения и разрушения постакхеменидского периода, Персеполь, который посещают сегодня, и есть тот самый Персеполь, разграбленный и частично разрушенный Александром в 330 году, то есть город Дария III. Перечитывая греко-римских авторов, можно легко перенести то или иное описание на местность, которую мы знаем благодаря раскопкам и восстановлению, выполненным американской миссией, а также благодаря работам, продолжаемым там иранскими археологами (рис. 4): терраса и две царские гробницы, возвышающиеся над ней, дворцы, земляные укрепления, которые ныне считаются осыпавшимися. В военном квартале города находят даже наконечники стрел и вооружение. Нет только никаких письменных источников, подтверждающих пребывание в городе последнего персидского царя. Более того, работы с остатками зданий и рельефами не дали никаких, даже самых незначительных, следов присутствия Дария в этом месте. Единственно, что мы имеем, так это следы пожара, на самом деле выявленные археологами, но они являются скорее подтверждением активного присутствия Александра, чем отсутствия его противника. Иными словами, историк, изучающий эпоху Дария, будет идти по Персеполю полный радости первооткрывателя или сраженный охватившей его неудержимой печалью?

Одно из качеств, присущих всем Великим царям, является стремление к строительству — это свойство проявил еще Кир в Пасаргадах. Именно это свойство присуще всем царям, от Дария I до Артаксеркса III. Им характеризуются в описаниях все цари, даже при том, что эти описания достаточно скудны и бедны событиями. В них отсутствуют какие-либо ссылки на внешние войны и даже на внутренние проблемы — за единственным исключением описания и рельефа, вырезанных Дарием I в Бехистуне. Обычно подобные описания главным образом посвящены утверждению законности власти царского рода. Они прославляют качества, особо важные для монархии и династии, причем постоянно упоминая генеалогию живущего царя и упорно настаивая на привилегированных отношениях между ним и Ахура-Маздой, великим богом-покровителем династии, к которому вместе с Митрой и Анахитой обращаются все цари, начиная с Артаксеркса II.

Царские деяния происходят как во дворцах, так и на полях сражений. Отличный воин, царь, достойный своего звания, также строит и возводит в своих столицах величественные монументы; он заканчивает и, при необходимости, восстанавливает сооружения, которые были начаты его предшественниками. Плутарх, желая противопоставить великодушие Александра скупости, приписываемой им последнему акхеменидскому царю, утверждает, что «некоторые цари редко приезжали в Персиду, а Ох [Артаксеркс III] из жадности не побывал там ни разу»³. В действительности с первых работ, торжественно начатых в Сузах и Персеполе во времена Дария I, в больших царских резиденциях строительство

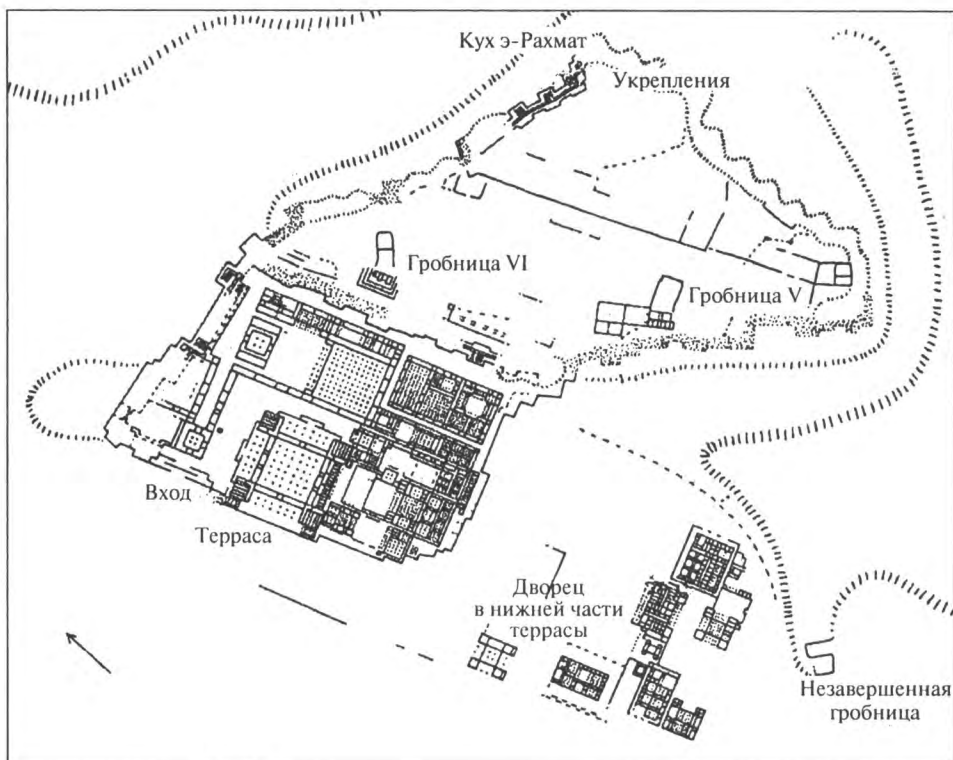

Рис. 4. План расположения царских гробниц в Персеполе

и восстановление сооружений никогда не прекращались, и то, что было верно для Ксеркса или Артаксеркса I, было верно и для царей, правивших в IV веке: они строили и восстанавливали. Об этом свидетельствует, например, надпись об Артаксерксе II в Сузах:

«Артаксеркс, Великий царь, царь царей, царь народов, царь на этой земле, сына царя Дария, Дария — сына царя Артаксеркса, Артаксеркса — сына царя Ксеркса, Ксеркса — сына царя Дария, Дария — сына Гистаспа, Ахеменида, заявляет: Дарий, мой предок, построил эту ападану [парадный зал], а затем, во времена моего деда Артаксеркса, этот зал сгорел; тогда, благодаря Ахура-Мазде, Анахите и Митре, я повелел восстановить эту ападану. Да охраняет меня Ахура-Мазда, Анахита и Митра от любого зла...» (A² Sa).

В Персеполе особенно много следов Артаксеркса III в юго-западном углу террасы. Его присутствие подтверждено несколькими найденными надписями с его именем. После обращения к Ахура-Мазде и упоминания всех предков до Дария I, Артаксеркс III приказал вырезать: «Эта каменная лестница была построена мной и в мое время» (A³ Pa). В результате тщательных исследований можно показать, что царь приказал построить дворец, лестница которого по фасаду была украше-

на рельефами, некоторые из которых были взяты прямо со дворца его предка Артаксеркса I. Кроме того, он пристраивает к западному фасаду дворца Дария лестницу, украшенную рельефами, изображающими двенадцать народов, пришедших воздать почести Великому царю, взяв за образец изображение поклонения народов, высеченное на восточном и северном фасадах ападаны Дария и Ксеркса, с тем исключением, что количество поклоняющихся здесь не столь велико.

Если выбор цифры «двенадцать» намеренный (а не навязанный космогоническими представлениями), очень соблазнительно связать изображение с детальным описанием царского кортежа Дария III, выполненным Квинтом Курцием. После колесниц «священных богам, и следующих десяти богато украшенных колесниц «следовала конница двенадцати народов, разных по вооружению и нравам»⁴. Но важно признать, что, в отличие от Артаксеркса III, помимо этого — чисто вероятностного — сближения между иконографией Персеполя и латинским литературным источником, ни Дарий III, ни его непосредственный предшественник, похоже, не оставили ни малейшего следа своего пребывания в Персеполе (равно как и в какой-либо иной царской резиденции). И похоже, что надпись Артаксеркса III, которую мы только что цитировали, представляет собой последний пример из свода ахеменидских надписей: насколько известно в настоящий момент, не существует слов, сказанных от лица Дария III, ни в Персеполе, ни каком-то другом месте.

ЦАРЬ БЕЗ МОГИЛЫ

Именно к этому периоду относится первое литературное упоминание о городе, выполненное Диодором Сицилийским, который, скорее всего, получил все эти сведения от какого-то спутника македонского царя. Помимо крепости и насыпей Диодор упоминает о существовании царских могил в следующих терминах:

«В восточной части крепости, в четырех плетрах [123 м], имеется гора, называемая царской горой, где находятся царские погребения. Внутри гора выдолблена, и в результате в центре горы образовались комнаты, ставшие гробницами. Поскольку туда не было пробито наклонного въезда, тела в эти комнаты поднимались при помощи специальных устройств»⁵.

Описание Диодора не свободно ни от ошибок, ни от приблизительности. Похоже, что он спугал гробницы Персеполя и могилы Накш и-Рустам, расположенные в 4 км на север от Персеполя (рис. 5—6). В частности, можно задаться вопросом о том, что это были за подъемные устройства. Согласно Ктесию, однажды родственники Дария I хотели посетить надгробный памятник, который царь приказал построить на горе Накш и-Рустам:

«Когда жрецы, которые поднимали их кверху, увидели их, они испугались и от страха отпустили веревки; близкие царя упали и разбились. Дарий был этим очень огорчен и приказал обезглавить всех жрецов, число которых было сорок»⁶.

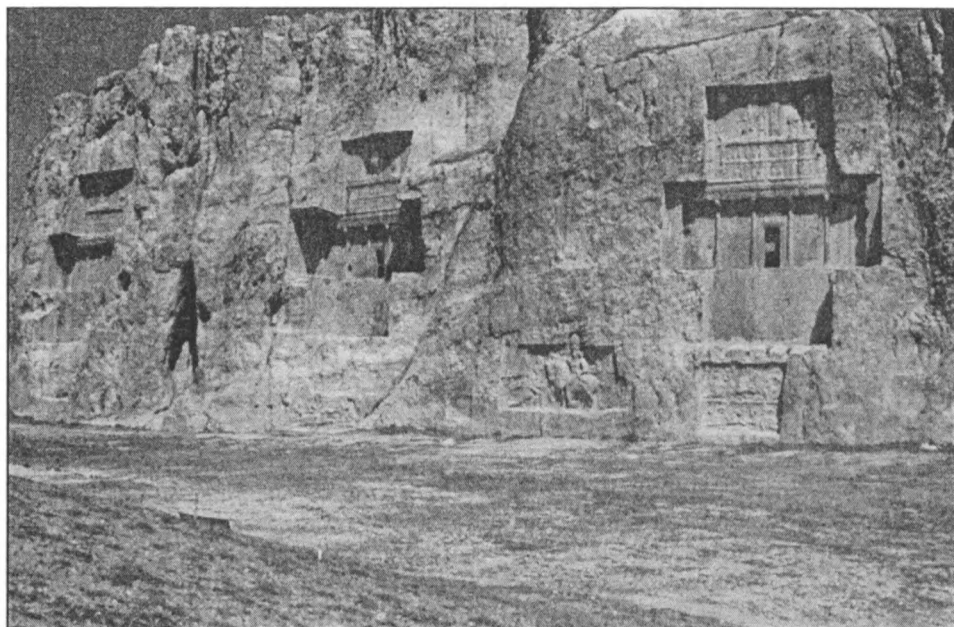
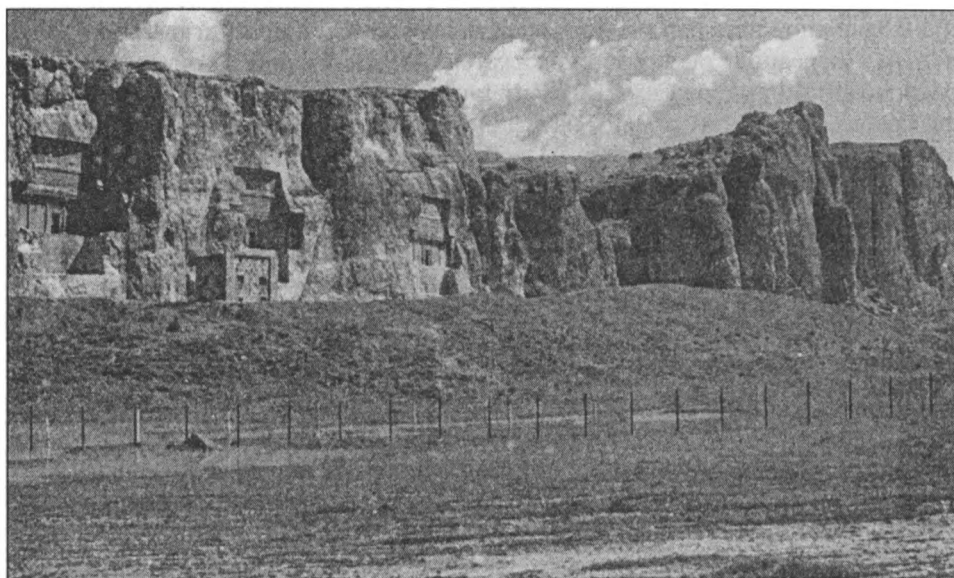

Рис. 5—6. Царские гробницы в Накш и-Рустам

Если, ввиду наличия обрыва в Накш и-Рустам, можно понять существование подвижной платформы, подтягивавшейся кверху с помощью веревок и талей, то в Персеполе такая система кажется ненужной ввиду того, что гробницы расположены над террасами и доступ к ним не составляет особого труда. Там две гробницы были вырублены на склоне в скале (рис. 7), одна на северо-востоке (гробница VI), другая — на юго-востоке (гробница V). И та и другая украшены резным крестообразным фасадом, точно соответствуя четырем царским гробницам Накш и-Рустам (рис. 8). Одна из гробниц Накш и-Рустам формально идентифицируется вырезанными на ней надписями — речь идет о гробнице Дария I. Хотя три другие не имеют никаких отличительных надписей, было решено, что они содержат останки трех его непосредственных преемников, то есть Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II. По неизвестным причинам (на обрыве Накш и-Рустам еще оставалось место), цари IV века решили расположить свои гробницы на горе Персеполя, создав их по тому же образцу. И на той и на другой изображены носильщики трона, и на одной из них, южной гробнице (V), каждый из тридцати носильщиков трона описан при помощи короткой трехязычной надписи. Тридцать носильщиков трона, изображенные на гробнице Дария I, обозначены следующим образом (DNe 1—30): «Этот — перс... этот — мидиец... и так далее». Эта гробница и записи иногда приписываются Артаксерксу II (A²Pa), а иногда — Артаксерксу III (A³Pb), но некоторые авторы предпочитают это не уточнять (A³P).

В любом случае похоже, что ни Артаксеркс IV, ни Дарий III не имеют личных погребений. Если очень короткий срок владычества первого и драматические обстоятельства его физического устранения Багоасом могут стать правдоподобным объяснением (за неимением более полных доказательств), случай с Дарием III является более сложной задачей, просто потому, что согласно греко-римской и персидской традициям, Александр решил устроить своему побежденному врагу «царское погребение», говоря точнее — в царском некрополе, расположенном, согласно Арриану, в Персии, там же, где были похоронены его предшественники⁷.

Разумеется, это и является причиной давнего допущения, что Дарий III был похоронен в Персеполе, или по крайней мере что при его жизни были начаты работы по строительству специфической гробницы. Но где точно? Вот что пишет по этому поводу шевадь Шарден:

«Жители Персеполя, я имею в виду людей любознательных, полагают на основании преданий, что Нимруд, которого мы называем Немрот, был похоронен в первой гробнице, а Дарий, которого они называют Дараб — во второй; но они не имеют никаких доказательств этого, кроме своих преданий... Очевидно, эти бессодержательные, ненадежные предания о месте погребения Дария послужили основой для еще более пустого и забавного утверждения, что местом погребения является роскошное здание дворца Дария. Европейцы, живущие в Персии, его иначе и не называют... [Наши источники] говорят довольно единообразно, что «Александр забальзамировал его тело и отдал его матери, приказав ей похоронить его в гробнице предков» (XVI, 161—162).

Рис. 7. Персеполь, царская гробница VI. Вид с террасы

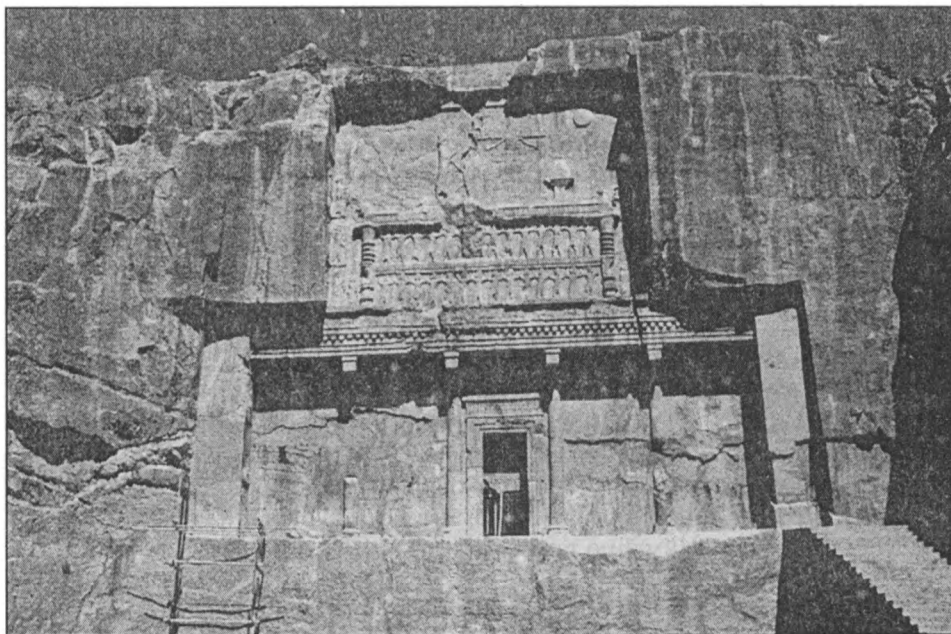

Рис. 8. Персеполь, царская гробница V. Изображение в центре

Хотя имя Дара (Дараб) приписывается двум царям «Шах-наме» (наш Дарий III и его отец)⁸, в действительности кажется, что персы, расспрашиваемые путешественниками, говорят именно о противнике Александра, поскольку убеждены, что их царь был похоронен в одной гробнице, расположенных над террасами. Шарден считал «эту пустую легенду» достаточно ценной информацией. Он исповедовал странные теории об истории этого места и о природе памятников, считая, что эти монументы относятся к храмам, а не к царским дворцам, датируемым им временами первых мифических иранских царей, а не эпохой Ахеменидов (XVII, 18—34). На основании очень своеобразного прочтения источников он также весьма неожиданно заключал, что Дарий был похоронен в Экбатанах.

В ходе трех своих визитов в Персеполис Шарден не упустил возможности изучить или просто увидеть своими глазами руины всех древних зданий, имевшихся в окрестностях (XVI, 147), но, похоже, он не решился выйти за пределы террасы и ее окрестностей. Таким образом, покидая террасу и двигаясь прямо на юг, приблизительно через пятьсот метров можно увидеть слегка выступающий из земли контрфорс. Обогнув его, обнаруживается другая гробница (названная гробницей VII), ориентированная точно на юг, то есть развернутая к террасе задним фасадом (рис. 9). Площадь, на которой можно разместить декоративные скульптуры, была недостаточна, и архитекторы добавили три ряда кладки из хорошо подогнанных тесаных каменных блоков. Это расширение наверху позволило идентичным образом воспроизвести мотивы с фасадов прочих гробниц (рис. 10). В центре отлично узнаваем царь на трехступенном пьедестале под аркой, стоящий лицом к зажженному на алтаре огню. На верхнем уровне на кладке из песчаника было высечено его обращение к Ахура-Мазде. Поскольку заметно, что фигуры стражей по бокам каменной кладки (рис. 11) оставлены в виде контуров, становится ясно, что работы были прерваны или заброшены: отсюда название «незавершенная гробница», данное монументу. Это ясно подтверждается остатками того, что могло бы быть эспланадой, ведущей к гробнице: она забита кусками скал разных форм и размеров, которые можно считать остатками от проекта нивелировки поверхности, который так никогда и не был завершен, и/или карьером, откуда были извлечены и где были вырезаны каменные блоки (рис. 12). Кроме того, нет ни дверей, ни внутренних помещений — короче, не наблюдается гробницы в строгом смысле этого слова, точно размеченного фасада, ни входа, ни выхода.

Если Шарден об этом не говорит ни слова, то другие путешественники не упустили возможности это описать. Можно найти довольно нечеткое описание у де Брюина, в контексте, который, впрочем, не вполне ясен. Описав свое пребывание в Персеполе в ноябре 1704 года, он описал обе гробницы, расположенные выше террасы, также считая, что нет никаких оснований полагать, что Дарий III был похоронен именно там:

«Нельзя утверждать, что тело царя Дария почит в одной из этих могил, так как древние авторы ничего об этом не говорят; и тот же Квинт Курций, который достаточно подробно описал события жизни Александра Великого, говорит просто, что этот принц отослал тело Дария, убитого Бессом, цари-

Рис. 9. Персеполь, незаконченная гробница. Общий вид с юга

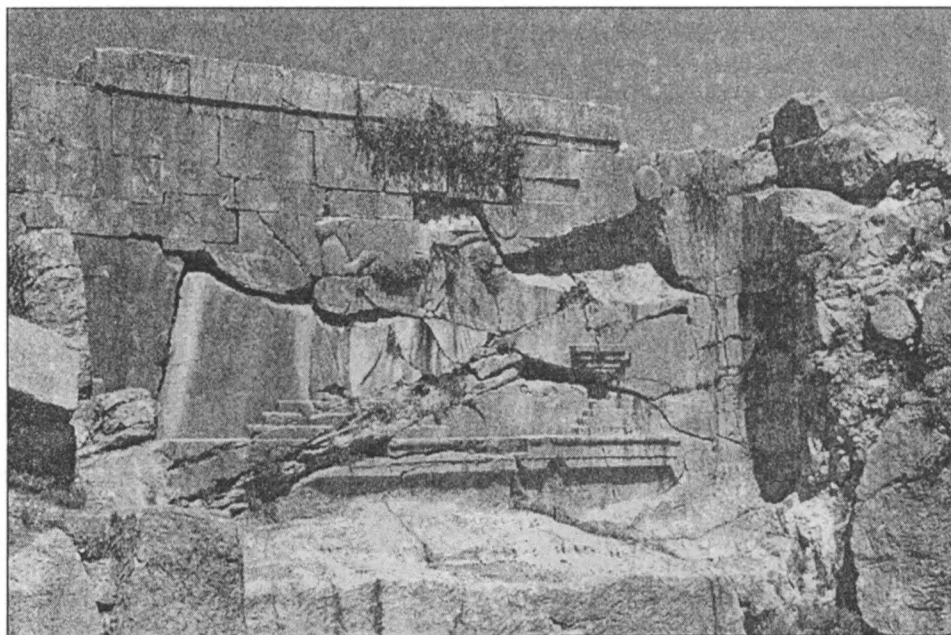

Рис. 10. Персеполь, незаконченная гробница. Изображение в центре

Рис. 11. Персеполь, незаконченная гробница. Контур стража

Рис. 12. Персеполь, незаконченная гробница. Карьер при входе

це Сисигамбис, матери этого монарха, чтобы та похоронила его в гробнице предков» («Путешествие», стр. 277).

Затем, в тексте главы, посвященной этому вопросу, он говорит о другой гробнице, «вырезанной в скале неподалеку от Персеполя», на которой вырезано изображение «царя, стоящего перед алтарем, на котором горит священный огонь»; царь «держит в руке изогнутую дугой змею». Хотя автор и не присовокупил рисунков и не предложил никаких других способов идентификации, похоже, что он ссылается на то, что мы называем незаконченной могилой.

Лишь Карстену Нибуру, побывавшему в Персеполе в марте 1765 года, мы обязаны первым действительно точным описанием. Дав описание обеих гробниц, расположенных выше террасы, он не преминул сделать также описание третьей. Он предлагает, хоть и весьма приблизительно, несколько путей интерпретации этого монумента, вовсе не упоминая гипотезу о том, что это гробница, предназначенная для Дария III:

«В четверти лье на юг на той же горе подобным же образом вырезана скала перпендикулярно к обрыву, поскольку здесь также имеется склон. Выбранные здесь камни [sic] были первоначально уложены наверху фасада, чтобы сделать его более высоким, а в самой скале вырезали эти фигуры; но эта работа не продвинулась слишком далеко. Есть только две завершённые фигуры — одна с круглым туловищем, которое, скорее всего, должно отождествляться с солнцем, и вторая — в длинном одеянии, с дугой в руке, которая стоит перед алтарем. Несколько фигур сбоку закончены лишь наполовину; так что, возможно, это сооружение не было завершено, либо по причине смерти того, кто руководил проектом, либо потому, что в Персию была привнесена другая религия, либо по какой-то иной причине. Со временем рядом остались лежать крупные обломки скалы, которые не были удалены и остались лежать на месте...» («Путешествие», стр. 125).

Гробница также описана Джеймсом Морье в «Путешествии в Персию...» в 1818 году. Главным образом он задается вопросом о каменных блоках, оставшихся лежать перед фасадом. Он пытается убедить себя и читателей, что они были помещены там намеренно, чтобы создать нечто вроде лабиринта, который прежде был покрыт широкими каменными плитами и землей: из этого он заключал, что посвященные могли проникать внутрь гробницы только через тайный подземный вход! Несколько лет спустя сэр Джон Уизли вслед за Нибуром вернулся к более реалистичной версии: он утверждал, что памятник так и не был закончен. Кроме того, он высказывает мнение, что эта гробница древнее, чем другие царские гробницы («Travels», стр. 271—272 и № 56).

В знаменитом описании «Путешествия в Персию», опубликованном в 1841 году, Фланден и Кост также посвятили памятнику несколько строк и два рисунка, на главном из которых запечатлено то, что они назвали «гробницей 12» (рис. 13). Они замечают, что «у нее есть признаки двух [других] гробниц», но они остаются верны благоразумной осторожности: «У этого памятника есть множество свидетельств прерванной работы» (III, стр. 132). Затем они добавля-

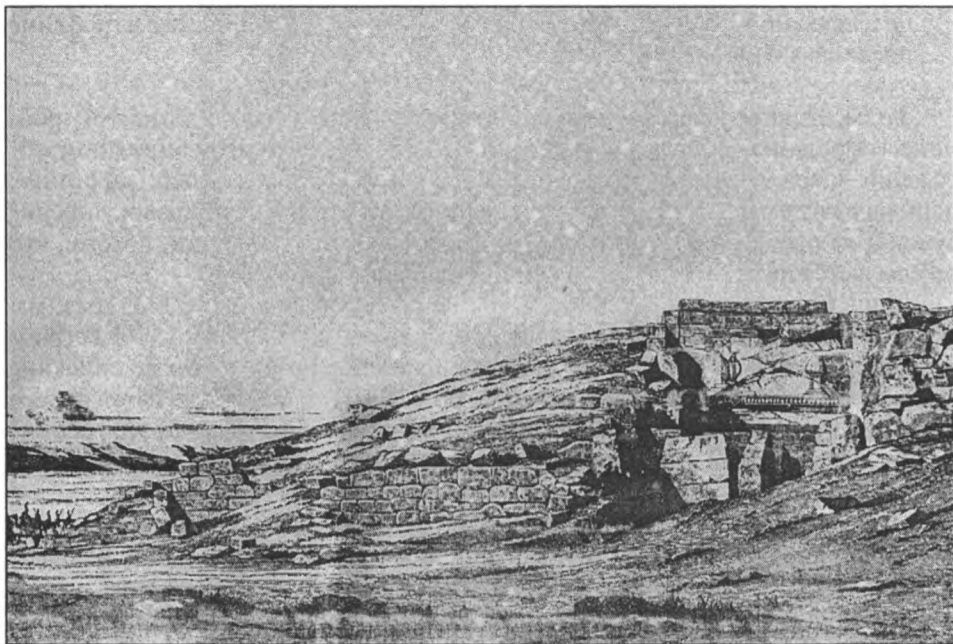

Рис. 13. Персеполь, незаконченная гробница (Е. Фланден и П. Кост)

ют: «Невозможно точно сказать, каково его точное назначение». Упомянув о наблюдениях Нибура и Фландена-Коста, лорд Керзон в 1892 году также высказывается очень осторожно. Пытаясь связать гробницу с именем Арсеса или Дария III, он удивляется выбору места, так как если бы гробница была закончена, она едва возвышалась бы над поверхностью земли: «Похоже, это указывает на ослабление ранее существовавших запретов, строго определявших невозможность легкого доступа в гробницу» (стр. 183—185). И, наконец, в то же самое время, в основном основываясь на чертежах Фландена и Коста, Перро и Шипье высказались весьма немногословно и немного точнее: «Три другие гробницы были высечены из горного массива, на который опирается терраса Персеполя. Одна из них только намечена; будет вполне достаточно внимательно посмотреть на две другие» («История искусств», V, стр. 633).

Связывание ее с именем Дария III вошло в обиход только в XX веке. В 1923—1924 годах Эрнст Херцфельд провел шесть недель в Персеполе, делая фотографии, описания памятников и составляя планы... Опубликованное на французском и персидском языках, сопровождаемое тридцатью иллюстрациями и планом, его сообщение было представлено на рассмотрение правительству Тегерана, с целью побудить его обеспечить охрану этого места и разрешить там проведение раскопок. Иллюстрация XIII (фотография гробницы) подписана следующим образом: «Незаконченная гробница Дария III». Вот как описан сам памятник:

«И, наконец, недалеко от внешней границы пригорода, отмеченной в этом месте остатками ограды, с южной стороны выпуклой вершухи горы, огра-

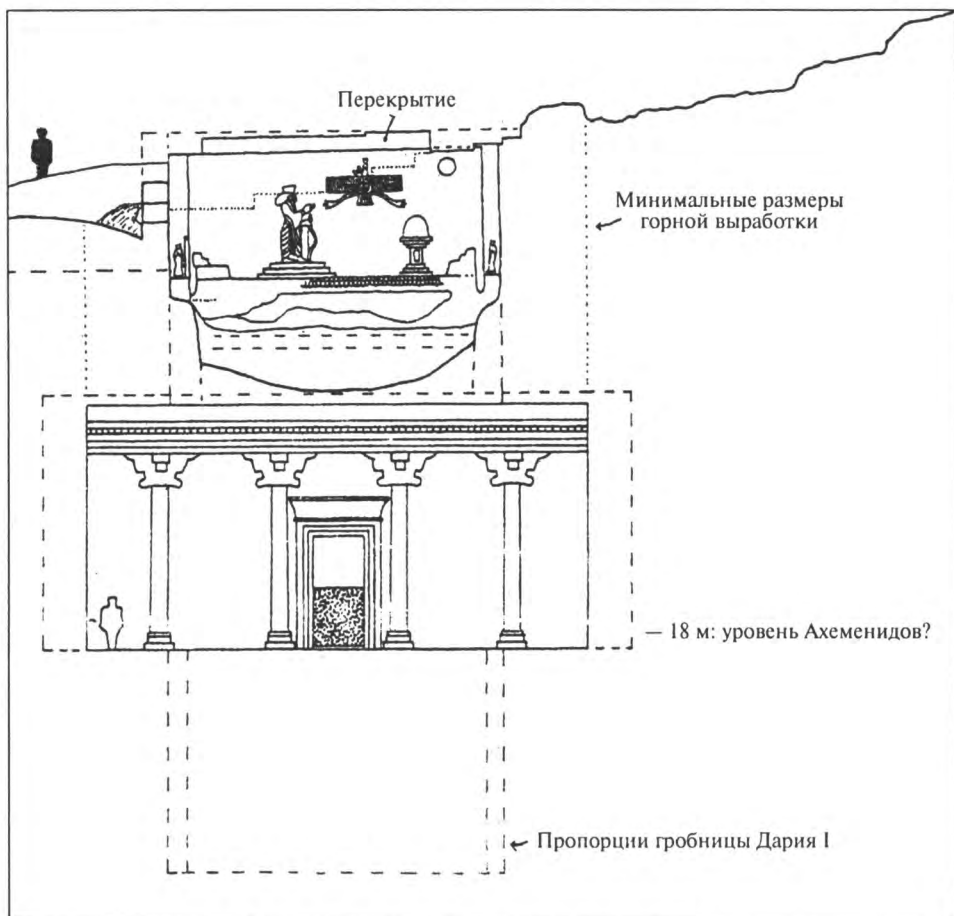

ничивающей южную четверть террасы, высечена третья царская гробница. Работа осталась незаконченной: без сомнения, это гробница последнего Дария, не завершенная к моменту прихода Александра. Выполнена только верхняя часть — изображение царя, стоящего перед алтарем с зажженным огнем. Все остальное — лишь открытая горная выработка. Скульптура, являющаяся точной копией изображений с других гробниц, является, тем не менее, доказательством упадка искусства». («Сообщение», стр. 32—33.)

Уверенность Херцфельда может удивить, поскольку он не добавил ничего нового к уже известным фактам; основанная на очень субъективной эстетической оценке, ссылка на «упадок искусства» малоубедительна.

Эта идентификация была принята А.Т. Ольмстедом в книге (1948), вышедшей уже после смерти автора. Книга посвящена истории Персидской империи; ясно видно, что автор столь же неправомерно думал, что Дарий III вел работы на террасе (стр. 493—494; 517). Он основывался на сообщениях археологов, с которыми находился в тесном и постоянном контакте и которых он мог часто встречать, поскольку речь шла об экспедиции Чикагского института востоковедения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Эрх Шмидт, сменивший Э. Херцфельда на посту руководителя американской экспедиции, выражает свою убежденность авторитетной формулировкой, не оставляющей места для сомнений: «Мы не сомневаемся в том, что незаконченная гробница предназначалась для Дария III» («Персеполь» III, стр. 107). Он добавляет, что, очевидно, тело умершего царя не было там похоронено; скорее оно было внесено в одну из двух гробниц, существовавших уже к этому времени выше террасы, в каждой из которых было достаточно места (по его мнению, вероятнее всего это гробница VI). Согласно этой интерпретации, незаконченная гробница была заказана самим Дарием. С этого момента данная идентификация рассматривалась как непреложный факт в большинстве научных публикаций и в путеводителях.

Тем не менее остается еще много сомнений, и сегодня, когда эта идентификация принята, ее сопровождает по крайней мере один вопросительный знак. У двух немецких археологов, В. Кляйсса и П. Кальмейера, возникли затруднения с датировкой в результате исследований местности, проведенных в 1973 году и опубликованных в 1975 году. Решив выполнить теоретическую реконструкцию первоначального плана некрополя (рис. 14), они высказались против общепринятой датировки, основываясь на тщательном археологическом, стилистическом и иконографическом анализе. Согласно их мнению, сооружения не датируются 330 годом, так как техника постройки была очень близка к методам построения гробницы V. Из этого они заключили, что она была первой попыткой построения гробниц после того, как царей перестать хоронить в Накш и-Рустам. Но эта попытка завершилась техническим фиаско, следствием которого явился выбор места у обрыва выше террасы. Их заключения не были приняты единогласно: не придерживаясь утверждения, что речь идет о гробнице Дария III, другой археолог, М. Роаф, несколькими годами позже (1988), оценил, что стиль резьбы более поздний, и «датировка памятника второй половиной ахеменидского периода будет более вероятной» (стр. 146—147).

*Рис. 14. Незаконченная гробница Персеполя:
теоретическое восстановление первоначального плана*

К сомнениям археологов добавляется двусмысленность греко-римской литературной традиции. Древние авторы утверждают, что Александр принял решение похоронить Дария согласно персидским традициям в гробницах его предков в Персеполе⁹. Очевидно, именно существование подобных данных оправдало уверенность исследователей в том, что гробница Дария существовала. Но проводились ли похоронные мероприятия? Об этом можно поспорить. Поскольку внимание древних авторов было сосредоточено на том, чтобы полностью, день за днем, проследить кампанию Александра, эти авторы ничего не говорят о практической реализации царского повеления, так что, скорее всего, все сводится, как обычно, к вероятностным аргументам.

Уже не в первый раз, горя желанием поразить воображение окружающих, Александр заботится о том, чтобы с честью предать земле бранные останки своих противников. Давайте вспомним пример Статир, жены Дария: «Он про-

явил на похоронах столько страсти, сколько требует в Персии древний обычай»¹⁰. Сразу после Исса «он разрешил матери Дария похоронить его согласно обычаям его страны, так, как она хотела; она приказала похоронить его небольшому числу очень близких родственников». Повторяющаяся ссылка на «персидские обычаи» иллюстрирует желание Александра показать, насколько он уважает своих врагов: в этом смысле захоронение Дария «согласно царским обычаям» находилось в полном соответствии с его обычной политикой. Кроме того, стремясь показать свое уважение к желанию, высказанному Великим царем перед его кончиной, Александр пытался унаследовать власть Дария в очевидной династической последовательности. У Ахеменидов, так же как и у македонцев, проведение похоронных церемоний создает прецедент, позволяющий наследнику подтвердить законность своих притязаний. Но, более озабоченный тем, чтобы гнать Бесса к границам Бактрии, Александр не смог возглавить погребальный кортеж.

Можно также процитировать сопоставления. Наиболее значительными являются похороны останков Митридата, который погиб, преданный собственным сыном:

«Помпей дал денег на похороны Митридата и приказал своим начальникам похоронить его останки с царскими почестями, поместив их в царские гробницы в Синопе, потому что он восхищался его великими успехами и полагал его одним из величайших царей своего времени...»¹²

Слова и формулировки в обоих случаях полностью соответствуют, но важно помнить, что проведение параллелей не позволяет делать надежные выводы. Положение Александра после гибели Дария не было совсем таким же, как позиция Помпея после смерти Митридата. В тот момент, когда ему приходилось противостоять сопротивлению Бесса и бесчисленных иранских народностей, захоронение Дария в Персеполе, возможно, желательное с точки зрения политического жеста, могло оказаться также и полным опасностей. Семьюдесятью годами раньше, когда Кир Младший приговорил к смерти одного из близких родственников, Оронтаса, подозреваемого в измене, он позаботился о том, чтобы бесследно устранить тело: «Никто никогда больше не увидит Оронтаса ни живым, ни мертвым, и никто не сможет точно сказать, как он умер. Любой мог делать свои предположения, но его могила никогда не была найдена»¹³. Конечно, Дарий III не был мятежником, поэтому нет оснований предполагать, что его остатки были развеяны. Тем не менее в момент, когда присоединение персидского населения не было завершено полностью, Александр мог счесть опасным создать таким образом место поклонения в историческом центре персидско-ахеменидской власти.

Можно было бы придать больше значения сведениям, которые сообщает один только Плутарх¹⁴, согласно которым Александр переслал останки Дария его матери Сисигамбис, жившей в царской резиденции в Сузах. Согласно этой версии, похороны Дария носили скорее частный характер, чем публичный. Верно также, что пассаж Плутарха вписывается в греческое представление об отношениях между матерями (авторитарность, даже излишняя) и сыновьями (сла-

бость), имевшими место у Ахеменидов. В доказательство приводится ожесточенное стремление Парисатиды забрать останки своего сына Кира и похоронить их (тело Кира, несмотря на все предпринимавшиеся попытки, так никогда и не было обнаружено)¹⁵.

Подчеркнем, наконец, что другие умолчания позволяют выпустить на волю определенные сомнения. Известно, что на обратном пути из Индии Александр заехал в Пасаргады и Персеполь¹⁶. В рассказах об этом посещении немало эпизодов с разрушенными гробницами и наказаниями, наложенными на реальных или предполагаемых виновников. В Пасаргадах царь подверг допросу магов, ответственных за охрану гробницы Кира, и «Орксин был обвинен в ограблении храмов и царских гробниц». Прибыв в Персеполь, Александр выразил сожаление по поводу принятого в 330 году решения разрушить часть царских дворцов и позаботился о том, чтобы назначить сатрапа-македонца, Певкеста, обязав его усвоить персидский язык и культуру. Итак, никогда не вставал вопрос о гробнице, в которой Дарий III был похоронен и возле которой Александр мог бы предаваться духовному созерцанию.

Короче говоря, мы видим, что изучение литературных источников не позволяет решить проблемы, возникшие вследствие анализа археологических свидетельств. Верно только одно: какой бы ни была датировка незаконченной гробницы, Дарий не был похоронен там, и никто не может доказать, что он был похоронен в одной из двух других гробниц. Если предположить, что решение, принятое Александром, было выполнено, то допустимы любые гипотезы, в том числе та, согласно которой Дарий похоронен «в Персии», но не в самом Персеполе: можно предполагать другие места захоронения, и снова без документальных подтверждений...

Что бы там ни было между Александром и Дарием, это является еще одной иллюстрацией колоссального контраста в сохранении памяти о царях. Александр был похоронен в гробнице, которую так никогда и не нашли; и наоборот, тело Дария, скорее всего, не нашло вечного успокоения в гробнице, в которой царь должен был очутиться по праву родства. Весь мир разыскивает гробницу Александра, и существует множество людей, которые считают, что нашли ее; но никто не собирается разыскивать гробницу Дария III, и «незаконченная гробница» является местом, не хранящим памяти об усопшем. Без сомнения, именно это делает столь волнующими и трогательными размышления на развалинах безымянного, незаконченного и заброшенного памятника, который порой обходят стороной даже гиды и туристы.

ЦАРЬ БЕЗ ЛИЦА

Ограничивая исследование персидско-ахеменидскими документами, мы не можем ничего сказать о внешнем облике царя. Известно о существовании монет с изображением царя, которые чеканили начиная с периода владычества Дария I — золотых дариков и серебряных сиклей (рис. 15 а, б). Неизменно на лицевой стороне изображался царь в виде сражающегося воина (стреляющий, бегущий...); увенчанный короной, одетый в царские одеяния, он сражается с невидимым врагом при помощи своего лука и копья. Т. Хид был одним из пер-

Рис. 15а. Дарик, тип IIIб

Рис. 15b. Сикль, тип Пс

вых, кто в 1760 году дал (довольно произвольно) рисунок царской персидской монеты (рис. 16).

В начале прошлого века Эрнест Бабелон, специалист по нумизматике, знания которого всегда высоко ценились и почитались, выдвинул и защищал тезис, согласно которому лица на монетах были индивидуализированными портретами персидских монархов. Таким образом, он возражал против того, что их нельзя отличить один от другого. На основании конкретных примеров Бабелон подчеркивал, что, по его мнению, всем отлично известен портрет Кира в Пасаргадах (тот, что сегодня принято называть «крылатым гением» (рис. 17), а с другой стороны, того или иного царя можно распознать по барельефам Персеполя:

«Вы легко определите личные особенности портретов, не зависящие ни от моды, ни от мастерства исполнителей. При этом необходимо упомянуть портреты царей, выгравированные на цилиндрических или конусообразных печатях из драгоценных камней. Несмотря на миниатюрность и скудость изображений и сложности, присущие этому роду гравюр, можно различить портреты различных принцев и можно достичь вполне заметного результата, сравнивая эти предметы между собой и сопоставляя их с портретами на монетах» («Трактат» II/1, столбец 258).

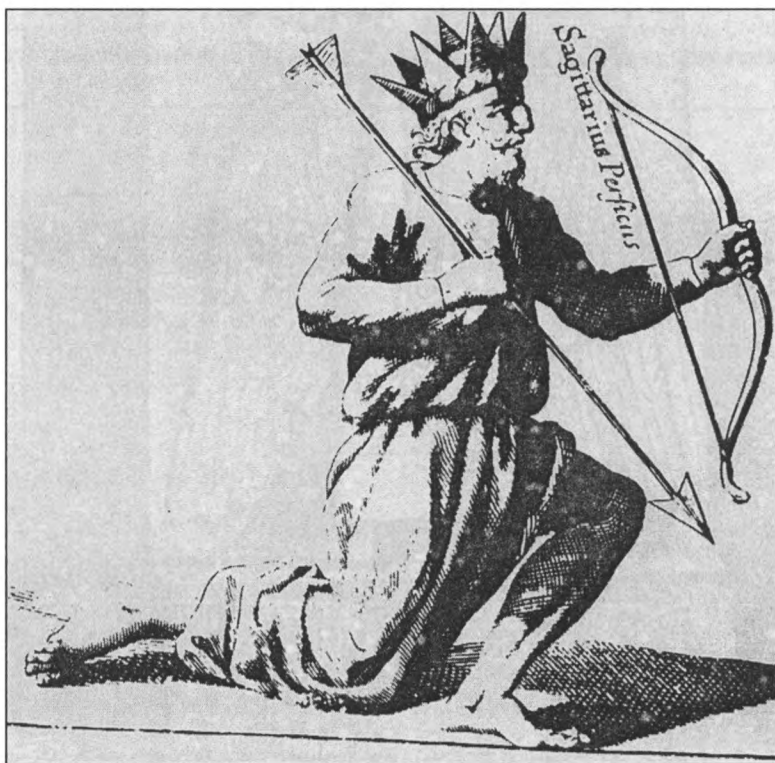

Рис. 16. Рисунок с царской монеты

Рис. 17. Крылатый гений Пасаргад (рисунок Делатфоя)

Он считал, что аналогичным образом дела обстоят и с гравюрами на монетах:

«Трудно требовать от этих миниатюрных портретов скрупулезной точности и идеального сходства... Но мы утверждаем, что граверы, делавшие портреты для монет, не ограничивались созданием отвлеченного изображения Царя царей: подобная концепция противоречила бы естественной логике, согласно которой все развивается от конкретного к абстрактному, а не наоборот... В начале каждого царствования определялся царский облик, наиболее соответствующий чертам нового властителя, и этот портрет, однажды созданный, сохраняется на весь период царствования данного государя неизменным, или меняется очень мало» (столбец 259).

Начиная с клада, обнаруженного на полуострове Афон, автор использовал все доступные ему способы, чтобы отличить монеты, отчеканенные при Дарии, от тех, которые были отчеканены при Ксерксе, и, пойдя дальше, составить общую картину индивидуализированных царских портретов (рис. 18). Стоит прочитать некоторые из обоснований, которые автор приводит, чтобы идентифицировать того или иного царя. Вот что он говорит по поводу Дария II: «Этот царь легко узнаваем по крупному семитскому носу, и по этому признаку можно предположить, что его мать была вавилонянкой».

Все наоборот у Кира Младшего, у которого «прямой нос и лицо, выдающее мягкий и интеллектуальный характер, которое соответствует скорее греку, чем

Рис. 18. «Царские портреты» (Вавилон)

азиату» (II/2, 1910, столбец 50—51)! Здесь вновь появляются весьма сомнительные физиогномические критерии, которые подводят к достаточно старому историографическому течению, согласно которому Кир Младший «почти грек», а «вавилонизация» династии стала одной из причин «упадка Ахеменидов».

Что касается «портрета» Дария III, который, очевидно, наиболее трудно вычленить, Бабелон дает слово Ш. Ленорману, который демонстрирует очень специфический тип дарика, датированный предположительно периодом господства Дария III¹⁷. Вот комментарий, полученный на основании царского портрета, изображенного справа (рис. 19):

«На монете изображен стрелок с бородой, человек зрелого возраста, а известно, что последний Дарий вступил на трон в сорок пять лет. Хотя на мозаике Помпеи борода этого Дария скрыта под ниспадающей частью тиары, можно найти достаточное сходство между этим подробно прописанным портретом персидского царя и изображением персидского принца, которое очень отличается на медали герцога Люнна. Мужественное выражение лица, орлиный нос, глубокие глаза и борода до середины груди, заметно вытягивающаяся вперед...» (II/2, столбец 68).

Слабость аргументов, выдвинутых Ленорманом и принятых Бабелоном, очевидна, и ловкость художника не может скрыть бессодержательность их утверждений. «Крылатый гений» Пасаргад не является портретом Кира Великого, и

Рис. 19. Поздний дарик, лицевая сторона

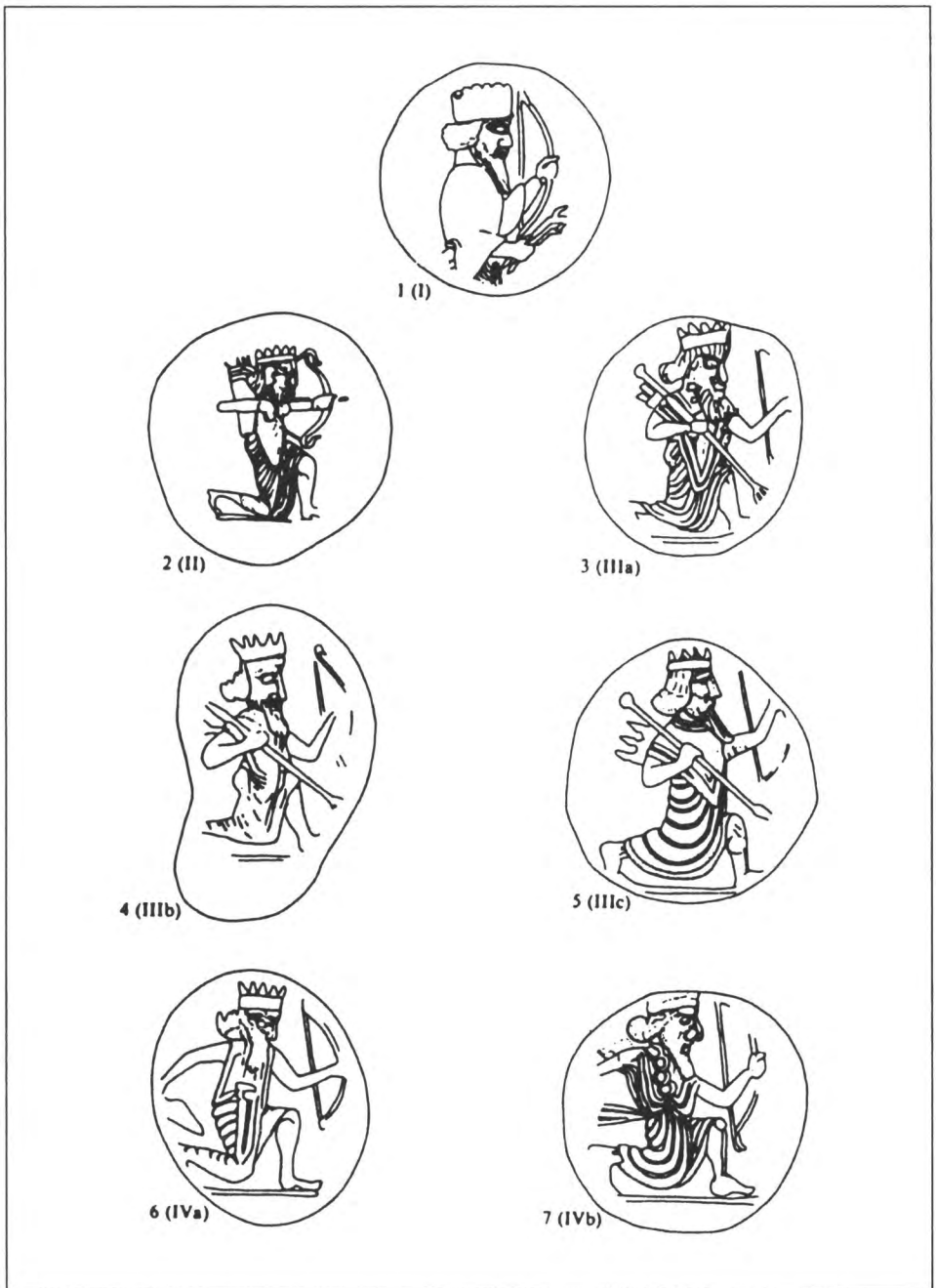

Рис. 20. Эволюция царских изображений на персидских монетах (рисунок Стронаха)

ни лицо, ни осанка, ни царский венец персонажей барельефов Персеполя не позволяют отличать одного от другого: те, кто изображены в Персеполе и в других местах, не являются какими-то персонифицированными царями — это сама царская власть во всей славе, сопровождаемая безличными и нематериальными атрибутами. И если дискуссия о дате появления первого портрета никогда не прекращалась, то же самое относится и к царским монетам.

Конечно, недавние исследования показали, что начиная с Дария I до Дария III портреты на монетах менялись, но эти же исследования также доказали, что изменение изображений никогда не переплетается с изменениями во власти. Можно также с легкостью утверждать, что царские монеты в огромном количестве чеканились во время царствования Дария III, чтобы финансировать потребности армии и флота. Нет никаких сомнений, что монеты, отчеканенные во время его царствования, принадлежат к типу IVb, согласно наиболее обычной современной типологии (рис. 20). Но этот тип чеканился начиная приблизительно с 380 года, и эти монеты ходили в Вавилоне и после смерти Александра: на монетах можно увидеть царственного лучника, несущего в правой руке копье (рис 21). В целом невозможно таким образом отделить монеты, отчеканенные во время царствования Дария III, от других монет типа IVb. И даже

Рис. 21. Двойной дарик, отчеканенный в Вавилоне во времена Александра

если мы могли бы установить, что некая монета была отчеканена в один из годов царствования Дария, из этого не следовало бы, чтобы царская фигура является изображением правящего царя. Короче говоря, приходится признать: прижизненного портрета нашего Дария не существует¹⁸.

ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ

Давайте теперь оставим центр империи и переместимся в провинцию. Начнем с другого вопроса, даже если он удивит вас: если отместить рассказы греческих и латинских авторов, как определить, что новый Великий царь вступил на трон? При отсутствии хроник и подробных архивов — по пометкам о годе правления в частных документах или в заголовках публичных документов — речь идет о вавилонских клинописных табличках, арамейских папирусах или о малоазиатских надписях на греческом языке или на различных местных языках. При работе с табличками или другими документами, упоминающими имя Дария или Артаксеркса, при отсутствии других указателей часто трудно бывает определить, о каком именно Дарии или Артаксерксе идет речь. Как правило, в текстах указывалось имя царя без указания имени его отца. В принципе, пометка о годе правления может позволить решить этот вопрос, но в любом случае это не может быть достаточным критерием.

Давайте теперь обратимся к замечательному примеру трехязычной записи Ксанфа, в арамейской версии которой говорится: «В месяце сиван 1 года царя Артаксеркса». О каком Артаксерксе идет речь? Только по контексту можно понять, что речь не может идти ни об Артаксерксе I, ни об Артаксерксе II. Издатели решили, что это Артаксеркс III, то есть дата — 359/8. Но эта гипотеза была в свою очередь оспорена, так как датировка ставит почти неразрешимые хронологические и исторические вопросы в рамках истории Малой Азии IV века до н.э. Именно по этой причине договорились считать, что это первое официальное упоминание о том, кто был известен до тех пор в греческих рассказах о кровавой борьбе внутри угасающей ахеменидской династии под именем Арсеса. Есть определенная вероятность, что этот царь принял имя Артаксеркса (Артаксеркса IV), как и большинство его предшественников. Согласно этой гипотезе, надпись Ксанфа придает господству Арсеса/Артаксеркса неожиданную административную реалистичность: жизнь империи продолжается даже в период, который, если верить классическим источникам, был заполнен гнусными и кровавыми дворцовыми переворотами, главной фигурой которых становится зловещий Багоас (Багой). Стоит добавить, что этот царь также цитируется или упоминается в некоторых вавилонских текстах: есть фрагмент, в котором зафиксирована дата смерти Артаксеркса III и прихода его преемника; хронологическая компиляция эллинистической эпохи четко обозначает его как «сына Артаксеркса». Есть очень неполный повествовательный текст, в котором упоминается его имя и имя Александра в контексте восстановительных работ, ведущихся в Эсагиле в Вавилоне.

У Дария III не было этого шанса. Его имя появляется только как элемент датировки на не слишком важных документах. В Египте, например, известен папирус, датированный «вторым годом, третьим месяцем сезона ахет (время

половодья, середина июля — середина ноября) фараона Дария». Ввиду некоторых совпадений речь предположительно идет о Дарии III. В других документах речь идет о более заметных событиях, но действительно потрясающая информация в них не содержится. Стоит вспомнить о стеле в Мемфисе, датированной 4 годом господства Александра Великого. На ней говорится, что бык, похороненный под ней, родился (?) во времена господства «царя [Верхнего] и Нижнего Египта, Дария, да живет он вечно», то есть, по всей видимости, Дария III: одна из многочисленных египетских иллюстраций преемственности политических событий. Кроме того, Дарий и его предшественник служат хронологическим референтами в арамейском папирусе Вади-Далие, которым зафиксирована продажа раба: «20-й день месяца адар 2 года, года воцарения Дария, в городке Самария, расположенного в провинции Самария». Таким образом, получается 19 марта 335 года до н.э., что соответствует одновременно 2 году Арсеса/Артаксеркса IV (чье имя не упоминается и кто к этому моменту уже умер) и году воцарения Дария.

Недавно появившаяся партия папирусов и пергаментов, написанных на арамейском и происходящих с территории Древней Бактрии, датированная годами между Артаксерксом III и Александром, вносит в исследования, несомненно, новаторскую струю. Но вносимая ими новизна скорее относится к положению Бактрии в ахеменидской империи, чем собственно к господству Дария¹⁹.

Среди найденных вавилонских табличек очень немногие с уверенностью датируются годами его правления, и они не затрагивают вопросы «большой истории» даже опосредованно. Одна из них является списком продуктов, предназначенных для персонала храмов Вавилона и Борсиппы, во времена Дария; очень вероятно, что имеется в виду Дарий III. Другая, полученная из Ура, датирована (вероятно) мартом 331 года. И, наконец третья, из Ларсы, датированная тем же временем, показывает, что дела идут спокойно и нет оснований предполагать какие-либо серьезные события, происходящие в Вавилонии (месте концентрации и подготовки царской армии).

ИМЕНА ЦАРЯ

Другая группа вавилонских документов принесла новую и очень интересную информацию. Речь идет о том, что принято называть «астрономическими таблицами», или астрономическими вавилонскими табличками. О них было известно уже давно, но опубликованы они были только совсем недавно. Среди них содержится совсем небольшая группа, датированная ахеменидским периодом между 464 и 331 годами до н.э. Эти таблички не являются хроникой: они содержат астрономические наблюдения, регистрировавшиеся день за днем вавилонскими специалистами — теми, которых греки называли халдеями. К астрономическим наблюдениям добавлялись и другие типы сведений (но это присоединение не носило регулярного или систематического характера): метеорологические данные (небольшой дождь, ясное или облачное небо, проливные дожди и т.д.); уровень вод Евфрата в Вавилоне; цены на пять продуктов первой необходимости на рынке (ячмень, горчица, финики, кунжут, шерсть); и, иногда, памятная пометка в связи с обсуждаемым днем.

Вернемся, однако, к описательным документам, которые можно в них отыскать. Давайте рассмотрим здесь сведения, которые можно найти в табличках относительно личности самого Великого царя. На табличке, датированной 333 годом, можно прочесть: «[год 3] Арташата, [который назван царем] Дариямуш». Отсюда мы узнаем, что, прежде чем оказаться царем, наш Дарий носил красивое персидское имя Арташат («полный счастья и правды») и, согласно обычаю, много раз подтверждаемому классическими источниками, при воцарении взял себе имя Дария. Выбор царского имени проливает свет на идею, которую хотел воплотить новый царь во время своего правления, и место, которое он хотел занять в длинной цепочке царей ахеменидской династии. Отметим, что, как и его два одноименных предшественника, Арташат пришел к власти в результате долгой и кровавой борьбы, которая практически обескровила династию. В этом смысле возможно, что взятым на себя тронным именем Дарий он хотел подчеркнуть идею о том, что его воцарение должно прекратить кровавую анархию и стать началом возрождения династии. Таким образом, если смотреть на политическую программу Дария через призму выбора его имени при воцарении, это был неплохой выбор.

Как только были выявлены искажения, возникшие вследствие адаптации к греческому языку царских имен, ранее известных в персидской или вавилонской форме, стало понятно, что информация, приходящая с той и с другой стороны, достаточно близка. Но это неверно в случае с Дарием III. Конечно, принятие царского имени при воцарении подтверждено классическими источниками, в частности Юстинианом, который пишет: «Народ... поместил его на трон и, чтобы придать ему должное царское величие, удостоил его именем Дария». Как и Диодор, он посвятил яркий пассаж славному подвигу, совершенному будущим Дарием во время кадусийской войны, ведшейся Артаксерксом III. Но Юстиниан в этом пассаже дает ему имя Кодоман²⁰, что полностью отличается от того, что мы видели на вавилонских табличках — Арташат. Возможно, там речь идет о третьем имени, или скорее о прозвище, об этимологии которого специалисты продолжают спорить до сих пор.

Что бы там ни было, информация, полученная из табличек, достаточно важна. Даже несмотря на ее скромность, с ее помощью Дарий вписывается в хронологию и монархические традиции ахеменидской династии. Можно сказать, что в каком-то смысле она делает его обычным, одним из многих, в том смысле, что она позволяет не сводить все к его роли несчастного противника Александра. У ахеменидского Дария появляется реальность, которую все греко-римские источники старались уничтожить. Хотелось бы пойти дальше и наполнить портрет персидского Великого царя другими деталями, но, к несчастью, имеющийся объем документов не позволяет этого.

КАМПАНИЯ ДАРИЯ III В ЕГИПТЕ?

Принимая во внимание, что о деятельности и политике Дария в начале царствования и в период 334—330 годов сообщения греко-римских источников столь же беглые, сколь и спорные, восстановление сведений о персидских военных операциях становится крайне деликатной задачей. Можно заметить, что

в астрономических табличках время от времени встречаются более или менее явные указания о войнах, ведшихся Великими царями (Артаксеркс II), среди которых некоторые противоречат классическим источникам. Поэтому возможно, что Дарий также проводил кампании во главе своих войск еще до высадки Александра, о которых мы ничего не можем узнать на основании чтения греческих и латинских авторов. Проблема состоит в том, что документы, которые могли бы об этом свидетельствовать, не только редки, но чаще всего очень расплывчатые, темные и неопределенные.

Особенно красноречивую иллюстрацию этого положения мы находим в египетском документе — иероглифическом тексте, традиционно называемом «Стела сатрапа» (рис. 22). С момента его открытия в 1870 году было множество дискуссий, которые продолжают и поныне. В противоположность другим документам, которые были использованы в этой главе, данный памятник не относится не только ко временам царствования Дария, но даже не к ахеменидскому периоду: он датирован 7 годом царствования молодого царя Александра, сына и преемника Александра Великого, то есть ноябрём 311 года. Речь идет об одном из многочисленных документов Египта периода Лагидов, в которых упоминается ушедшая эпоха Ахеменидов. О ней говорится практически только в негативных выражениях. В этих документах хвалят Птолемея, в том числе первого из них, который на данный момент был просто наместником Египта (откуда и его имя на стеле). На стеле сказано «Его величество [Александр IV] находится в Персии». Эта стела была первоначально помещена в святилище Буто, расположенном в западной Дельте. В документе превозносятся «фараонские» качества Птолемея:

«Это молодой человек, с могучими руками, добывающийся выполнения своих планов, ведущий войска, несгибаемый, твердо стоящий на ногах, ожидающий опасность (?), не показывая спины, заставляющий бежать своих врагов, ловкий, когда берется за лук и не знающий промаха при обращении с мечом. Ни один воин не способен сравниться с ним. Храбрые воины покорствуют его руке. Никто не противится его приказам. Нет никого ему равного в обеих землях Египта²¹ и сопредельных странах».

Если документ и касается последних лет ахеменидской истории, то это прежде всего потому, что среди деяний, приписываемых ему жрецами, он был выделен из трех его преемников стереотипной формулировкой, вызывающей множество вопросов: «Он вернул статуи богов, найденные в Персии, а также все священные предметы, и поставил их на прежнее место». Узнав о некоторых эпизодах недавней истории храма, изложенных ему «теми, кто стоял рядом с ним, а также благородными людьми Нижнего Египта», он оказал очень важную услугу храму Буто и его божествам — подтвердил, по просьбе жрецов Пе и Деп (два божества Буто), дарение земель. Жрецы представили ему историю следующим образом:

«Болотистая область, называвшаяся “земля Уаджет”, принадлежала богам Пе и Деп с незапамятных времен. Враждебно настроенный Ксеркс забрал ее и не делал пожертвований с нее (= земли) богам Пе и Деп».

Рис. 22. Стела сатрапа

Это послужило основанием для решения Птолемея:

«Этот великий начальник [Птолемей] сказал: пусть служба писцов выпустит письменный приказ, в котором говорится: “Птолемей Сатрап. Я отдаю земли Уаджет Хорендоту [Гор-защитник-его-отца], хозяину Пе, и Уаджет, хозяйке Пе и Деп, с этого дня и навсегда, как и все находящиеся там города, деревни, всех рабов, все ... (?), все воды, всех быков, всю домашнюю птицу, все стада и все хорошее, что там получено с этой земли, что существовало там прежде и то, что расположено на ней, а также дар, который сделал царь Верхнего и Нижнего Египта, хозяин Обеих Земель, да живет он вечно”».

Декрет Птолемея является возобновлением древнего пожалования, отменного Ксерксом. Птолемей принял такое решение, выслушав своих информаторов, которые также рассказали ему, что «эта болотистая область» уже была отдана богам Пе и Деп «царем Верхнего и Нижнего Египта, сыном Ра» Хабабашем. Тот принял подобное решение, «пройдя по болотистым областям, находящимся в окрестностях, пройдя по болотам дельты и осмотрев все каналы, ведущие к морю, чтобы отогнать подальше от Египта персидские суда».

Чтобы попытаться определить время царствования Хабабаша, когда он противостоял в Дельте надвигающимся персидским войскам, у нас есть имя царя — Ксеркс. В течение долгого времени думали, что данный текст намекает на одно из восстаний в Египте, которое Геродот датирует концом царствования Дария и которое было подавлено его преемником Ксерксом²². Согласно этой гипотезе, Хабабаш должен быть главой мятежа: он передал земли в дар Буто, а Ксеркс, подавив восстание, аннулировал этот акт дарения. Интерпретация очень соблазнительная, поскольку она отлично вписывается в картину разрушений, осуществлявшихся «фанатичным» Ксерксом, данную в классических текстах.

Но отныне оказывается, что такая интерпретация непригодна. С одной стороны, странно, что в 311 году дар Хабабаша, конфискованный Ксерксом около 484 года, не был возвращен ни одним из независимых фараонов, руководивших Египтом между 404—400 годами до н.э. и повторным завоеванием Египта Артаксерксом III в 343 году. Еще более важно то, что мы сегодня располагаем семью или восемью египетскими документами, которые бесспорно свидетельствуют, что царствование фараона Хабабаша, известного как в Верхнем, так и в Нижнем Египте, приходится на период незадолго до появления там Александра. Таким образом, следует допустить, что через несколько лет после 343 года (ни один из документов не позволяет восстановить хронологию абсолютно точно), Хабабаш снова прогнал персов и правил в течение двух лет, прежде чем был побежден последней персидской контратакой, поскольку с 334 году и до прихода Александра Египтом уже руководил персидский сатрап.

В приведенный контекст очень точно укладывается ссылка на инспекцию, проведенную Хабабашем в Дельте одновременно с передачей в дар области храму Буто. В этом легко узнать постоянную заботу фараонов IV века, а потом и самого Птолемея, поскольку страна подвергалась атакам из Сирии как по суше, так и морем. Чтобы помешать продвижению вражеского флота и армии, они укрепили устье Нила — настоящие «двери» в Дельту, и столицу страны Мем-

фис, «возводя тесно расположенные крепости, земляные укрепления и выкапывая рвы»²³.

И очевидно, что остается имя, данное врагу — «Ксеркс». Принимая во внимание, что речь здесь не может идти о сыне Дария, необходимо предложить другую гипотезу. Может ли быть так, что, как в некоторых греческих текстах, имя «Ксеркс» стало в Египте чем-то вроде общего названия, обозначающее любого персидского Великого царя? Но тогда о каком из последних персидских царей идет речь — об Артаксерксе III, Арсесе/Артаксерксе IV или Дарии III?

Датировка Дарием III предполагает простор для стратегических предположений. Если она и была принята многими историками завоеваний Александра, то это потому, что они надеялись найти там объяснение того, что иначе является необъяснимой тайной: почему флот Дария III, столь превосходящий по количеству и качеству македонский флот, не попытался помешать Александру пройти Проливы весной 334 года? Скольвание противником в Дельте или состоянии неподготовленности вследствие экспедиции в Египет — что именно может объяснить, почему персидское командование оказалось неспособным продемонстрировать все свои силы? Другие авторы видят в этом даже иллюстрацию полной дезорганизованности империи Дария в 334 году, признак «упадка Ахеменидов». Некоторые уверенно утверждают, что в первый период царствования Дария мятеж полыхал не только в Египте, но также и в Вавилонии, что помешало Великому царю спокойно подготовиться к защите западных рубежей. Коротко говоря, так же как в 404 году мятеж в Египте, скорее всего, поспособствовал наступлению Кира Младшего из Малой Азии на своего брата, царя Артаксеркса II, так и мятеж Хабабаша в Дельте позволил Александру беспрепятственно пройти в Малую Азию и бросить там вызов армиям сатрапов Дария.

Не стоит удивляться тому, что каждая из возможных датировок имеет свое обоснование. Напрасный труд составлять списки вероятностных аргументов в пользу той или другой датировки. Стоит упомянуть, что греческие авторы, ввиду интереса, всегда проявлявшегося к мятежам в долине Нила, не оставили бы без внимания подобные экспедиции; но, особенно при такой информационной неопределенности, необходимо устранить любые умозаключения, построенные на молчании источников. Давайте скажем категорически: преимущество любой из трех датировок не может быть твердо доказано. Мы завязли в узле гипотез, которые, кажется, поддерживают одна другую: но точно известно лишь то, что самое изощренное сочетание двух существующих вероятностных гипотез не создаст, как по волшебству, обоснованных доводов. Чтобы объяснить, как Александр смог беспрепятственно высадиться, были выдвинуты самые разнообразные доводы, но ни один из них не является надежным доказательством. Что касается Вавилонии, то текст, обычно используемый для подтверждения идеи, что Дарию пришлось сражаться параллельно против узурпатора («списка Урука»), очень неопределенен, чтобы на его базе строить гипотезу. Что же говорить тогда о совместном использовании Стелы сатрапа и «списка Урука»? Придется, хотя и с сожалением, согласиться: при современном состоянии наших познаний и методов ни иероглифическая стела, ни клинописные таблички не могут дать надежную и поддающуюся проверке информацию о положении Дария III в начале войны.

ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ ЧЕРЕЗ МОНЕТЫ: ОТГОЛОСКИ И СОМНЕНИЯ

Если обратиться теперь к операциям, ведшимся против Александра, ситуация несколько менее печальная, но все же достаточно безнадёжная.

Известно, что война требует огромных денежных ресурсов и предполагает непрерывную чеканку монет. Мы уже говорили, говоря о сиклях и дариках, а также предполагаемых «царских портретах»²⁴, что проблема состоит в том, что практически невозможно точно датировать чеканку и устанавливать прямую связь между событием и чеканкой монет. Даже когда исследуется особый тип монеты или особо оригинальная надпись на ней, сама по себе монета ничего сказать не может. Вероятная связь происходит от сближения между гипотезой и эпизодом, описанным греко-римскими литературными текстами.

Рассмотрим реверс странного дарика, лицевая сторона которого уже была представлена (рис. 19). На ней нанесено изображение царя, которое, без какого-либо сомнения, относит монету к типу IVb (IV в.). Что касается реверса, то он бесспорно является загадкой. Вопреки абсолютно общепринятой практике, на нем нет вдавленного квадрата, а можно увидеть изображение военного корабля, на носу которого выбита карийская буква (рис. 23). Справедливо будет отметить, что использование темы царского героизма на монетах карийской чеканки не редкость, и известно даже о карийской золотой монете, отчеканенной от имени сатрапа Пиксодароса. Но эта эмиссия является крайне специфической, поскольку известен лишь единственный экземпляр. Со времени первой публикации (1856), высказываются предположения, что она была отчеканена в Галикарнасе, когда в 334 году этот город был осажден македонскими войсками. Ввиду роли, сыгранной тогда в перегруппировке сил и приготовлениях осады, более точно эту монету приписывают Мемнону, которого Дарий назначил главнокомандующим побережья и царского флота. Речь могла бы вестись также о монетах, отчеканенных после того, как Мемнон и Оронтобат решили оставить город и вернуться на укрепленные позиции²⁵. При любом раскладе это был первый случай, когда недавно назначенный военачальник, пусть даже получивший право общего руководства, получил от царя разрешение чеканить монету по типу царской и к тому же добавлять на реверсе изображение, показывающее его связь с адмиральской должностью. Или же Мемнон сам решил проявить подобную инициативу? Видно, что в ожидании новых находок остается достаточно сомнений, и поэтому все остается в области гипотез и предположений.

Подобную же осторожность следует испытывать по отношению к монетам, отчеканенным в Синопе, на которых нанесены на арамейском языке имена, среди которых некоторые были идентифицированы как персидские — Гидарн, Оронтобат и Митропаст. Речь идет об эмиссии монет генералами, которые после Исса приняли участие в контратаке персов в Малой Азии. Об этом известно в основном от Диодора и Квинта Курция²⁶. Гипотеза соблазнительна, поскольку персидским военачальникам, разумеется, нужно было чеканить монету, чтобы содержать войска и предпринимать военные операции, но она оставляет открытыми коренные вопросы. Из трех идентифицированных имен (к тому же суще-

Рис. 23. Нос военного корабля на реверсе дарика позднего типа

ствуют проблемы прочтения), у Квинта Курция упоминается только Гидарн. Возможно, что речь идет о сыне Мазея/Маздая, очень высокого сановника, известного и активного представителя непосредственного окружения Дария, но мы не можем утверждать с уверенностью, что речь не идет о его тезке. Оронтобат не может быть одноименным персидским сатрапом в Карии, известным по текстам и монетам, отчеканенным в Карии. Что касается Митропаста, мы знаем перса, носящего это имя. Это сын Арсита, сатрапа Фригии-Геллеспонтки, который после поражения у Граника предпочел покончить жизнь самоубийством. Случайно известно, что, когда Неарх плыл вверх по течению в Персидском заливе, некий Митропаст нашел убежище на одном из островов залива²⁷: но когда и почему — мы ничего об этом не знаем. В конечном итоге поддержка, которую мы надеялись получить от состыковывания литературных источников и нумизматических документов, слишком неопределенна, чтобы можно было строить на ней прочную доказательную конструкцию. К тому же подобные сопоставления не принесли впечатляющих открытий.

Хорошо известный многочисленными пассажами в греко-романских литературных источниках, персидский вельможа Мазей (Маздай) известен относительно хорошо. При Артаксерксе он был назначен сатрапом Киликии, а затем был послан с поручением «в страны за рекой и вне Киликии»²⁸. При Дарии III он также играл первые роли. Ему было поручено задержать продвижение македонской армии, которая перешла Евфрат. В ходе сражения при Гавгамелах он наносил удары по македонскому лагерю, когда Дарий оставил поле битвы. Не-

Рис. 24. Монета из Мембига с изображением жреца

Рис. 25. Монета из Мембига с именем Мазея

1a

2a

1b

2b

*Рис. 26. Монета, отчеканенная в Египте от имени последних сатрапов:
Мазак (1a и 2a — аверс и реверс) и Савак (1b и 2b — аверс и реверс)*

сколько недель спустя, укрывшись в Вавилоне с остатками своих солдат, он согласился сдаться Александру и взамен получил титул и власть сатрапа Вавилонии. Как первый иранский сатрап, назначенный Александром, он единственный пользовался привилегией чеканить монету.

Совсем недавно (1995) был обнаружен новый тип монеты с его именем. Обсуждаемые монеты были отчеканены в сирийском городе Мембиг, который в римскую эпоху стал знаменит под названием Гиераполис. Он был известен главным образом благодаря очень известному храму «сирийской богини». Датированная временем царствования Александра и эллинистическим периодом, отчеканенная монета легко определяется, поскольку на реверсе отчеканена надпись: «Абдхадад, жрец Мембига» (рис. 24). На реверсе монеты, о которой недавно было опубликовано сообщение, выбита та же надпись, а имя «Mazday» связано с формулировкой: «который находится на Трансофратене» (рис. 25). Сравнивая эту монету с уже известными, можно предположить, что в тот момент Мазей потерял Киликию и его штаб был переведен в Сирию. По этой причине комментатор заключает, что эта монета была выпущена после завоевания Киликии Александром, и что в тот момент Сирия оставалась (до 331 г.) частью территорий, контролируемых Дарием, и была, как и прежде, под управлением Мазея. Но по ряду причин, в детали которых в данный момент не стоит вдаваться, гипотеза остается весьма спорной. Изменение в надписях не обязательно иллюстрирует изменения в политической и административной ситуации. Речь может идти также о монетах, отчеканенных при Артаксерксе III или в первые годы правления Дария III. В ожидании более определяющих открытий остается думать, что Дарий потерял территории за Евфратом после поражения при Иссе и падения Дамаска.

Четвертую и последнюю подгруппу монет также лучше всего отнести по времени в последние годы ахеменидской истории. Согласно Арриану, среди персидских вельмож, которые пали при Иссе, был «Савак, сатрап Египта»²⁹. Согласно небольшой группе свидетельств, мы знаем, что Дарий не опустил рук после сражения, и что, не будучи в силах подготовить новую армию в Вавилоне, он приказал жителям Тира сопротивляться Александру и дал аналогичные инструкции наместнику Газы. Тир и Газа должны были помешать Александру дойти до Египта. Долина Нила также не была брошена на произвол судьбы, так как мы знаем, согласно Арриану, что Великим царем там был назначен новый сатрап по имени Мазак³⁰. В Египте были обнаружены серебряные и бронзовые тетрадрахмы (рис 26) с надписями на арамейском языке: SWYK (Савак) и MZDK (Маздак). Чеканка монеты находит, таким образом, подтверждение в сведениях, сообщенных классическими текстами, и мы можем предположить, что часть выпуска монет позволила Саваку набрать и содержать войска сатрапии по приказу Великого царя.

«МЕМУАРЫ» ЕГИПЕТСКОГО ВРАЧА

Только в египетских и вавилонских сводах текстов есть доступ к письменным свидетельствам о реакции местного населения. Известна биографическая надпись египетского знатного человека по имени Самтутефнах, который соста-

вил ее во времена Птолемея I. Предназначенная для будущих поколений, эта надгробная надпись крайне положительно описывает жизнь умершего. Обращаясь к богу Ра, «владыке Обеих Земель», персонаж надписи упоминает фазу своей жизни, относящуюся к периоду до и во время завоевания Александра:

«Ты выделил меня из многих, когда отвернулся от Египта; ты внушил привязанность ко мне Принцу Азии. Его придворные восхваляют меня, а меня он сделал главой жрецов Сехмета взамен моего брата.

Ты защитил меня во время наступления греков, разразившегося, как только ты отвернулся от Азии; они убили многих рядом со мной, но ни один не поднял на меня руку.

Впоследствии я увидел тебя во сне, когда Ты сказал мне: «Иди же в Гераклеополь, я буду с тобой». Я в одиночку прошел по чуждым странам, бесстрашно пересек море, зная, что таким образом я повинуюсь твоему приказу. Я достиг Гераклеополя, и ни один волос не упал с моей головы».

Таким образом, представляется, что, когда Египет возвратился под власть персов, наш персонаж был обласкан милостями «Принца Азии», то есть Великого царя, который в данном случае может быть Артаксерксом III, Арсесом или Дарием III. Затем, когда Дарий III оказался лицом к лицу с Александром и греками, Самтутефнах был в лагере персов, являясь, вероятно, частью группы врачей, следовавшей за войском. Не участвуя в сражении, он оказался свидетелем сражения, и ему угрожали победившие греки — вот почему он благодарит бога за защиту. Возможно, он был взят в плен (из надписи ясно понять это нельзя). Затем он получает счастливое сновидение, в котором бог предписал ему вернуться в Египет. Можно представить несколько возможных сценариев развития событий. Нам кажется, что упомянутое сражение является сражением при Иссе или при Гавгамелах, но любая реконструкция событий все же будет построена на песке.

ОТНОШЕНИЕ ВАВИЛОНА К ПОРАЖЕНИЮ ДАРИЯ

Более информативной является одна из астрономических вавилонских табличек, о которых уже говорилось выше. Многие события, выбранные составителями в качестве хронологических ссылок, остаются для нас непонятными, например, сообщение о чудесах (родилась птица с трех лапах), или неприятных приметах («волк забежал в Борсиппу и убил двух собак; не смог убежать, и был убит [на месте]»). Время от времени речь может вестись также о событии, более подробно описанном в некотором повествовании: намек на Саламин на Кипре — без сомнения, это упоминание о кампании, проводившейся в 372 году против Кипра Артаксерксом II и известной по классическим источникам; еще одно сообщение о царе и сыне царя (?); ссылка на военную экспедицию против Разаунду, далекой страны. Другие события еще значительнее: в табличке, датированной первым годом царствования Филиппа III, упоминается, что в месяц Aiaгу: «на 29 день царь умер». На этой табличке дано сухое и бесстрастное, почти нотариальное, сообщение о смерти Александра,

ночью с 10 на 11 июня 323 года. Даже если подобные сообщения не собираются четко и ясно в стройную повествовательную цепочку, эти таблички дают представление о вавилонском взгляде на события, известные только по греческим и римским источникам, а также на эпизоды, которые неизвестны ни по каким другим источникам.

Три из сохранившихся табличек датированы царствованием Дария III. В двух первых, относящихся к году 2 и году 3 приводится точное положение планет и несколько метеорологических данных. Несмотря на поломки и пробелы, текст, записанный в конце правой стороны, а затем на оборотной стороне третьей, крайне интересен для нашего исследования. В данном случае речь не идет о бытовых заметках — здесь резюмируются наблюдения событий, произошедших более чем за месяц. После сообщения о серии тревожных метеорологических явлений между 13 и 30 сентября (полное затмение луны, сопровождаемое «смертями и чумой», «огненная стена», отмеченная в районе храма Набу) идет сообщение о следующем произошедшем событии:

«11 дня этого месяца была паника в лагере неподалеку от царя [...] ...у противников царя. 24 утром, царь народа [...] знамя? [...]

Они сражались друг с другом, и тяжелое? поражение войск [...]

войска царя его оставили и [ушли?] в свои города [...]

они сбежали в страну Гути [...]

[В] седьмой месяц

за сикль д[енег...]

в этот месяц, с первого дня до [...]

пришел в Вавилон, говоря: “Эсагила [...]”

и вавилоняне для собственности Эсагила [...]

11 дня месяца, в Сиппаре приказ Ал[ександра...]

[“... я не проникну в ваши дома”. 13 дня, [...]

[...] к? внешним воротам Эсагила и [...]

14 дня, эти? Ионийцы бык [...]

Короткий, тучный [...]

[...] Александр, царь мира, [пришел? в] Вавилон [...]

[...] и вавилоняне и народ [...]

[...] сообщение для [...]

[...] ...[...]

Видно, что в документе так много пропусков, что его даже трудно датировать, если бы не имя Александра и не упоминание о лунном затмении. Принимая во внимание, что в тексте упоминается сражение между «войсками царя» и Александра, поражение первых и вход Александра, «царя мира», в Вавилон, речь может вестись только о сражении при Гавгамелах и его последствиях. Табличка позволяет отныне с уверенностью датировать сражение 1 октября 331 года (24 днем месяца улулу 5 года Дария). Причины паники в персидском лагере 18 сентября не ясны: возможно, речь идет об известии о переходе армией Александра реки Тигр, но, однако, это не могло сильно удивить Дария — ведь он ожидал Александра на поле битвы, тщательно им выбранным и давно приготов-

ленном. Возможно, причиной паники был другой естественный феномен, который вызвал страх у солдат Великого царя? Уверенно ничего сказать невозможно.

О поражении Дария хорошо известно по греко-римским источникам. Мы знаем, что после короткого военного совета в Гавгамелах вечером в день битвы царь решил оставить открытой дорогу на Вавилон и свернуть к Экбатанам, надеясь собрать там новую армию. Именно это выражает вавилонский составитель, используя архаичный термин «Гути», что для вавилонян ясно определяло гористые регионы на севере и востоке.

Тем не менее в табличке не уточняется все то, что мы знаем по рассказам Арриана, Квинта Курция и Плутарха. В ней приводятся абсолютно новые сведения об этапах продвижения Александра к Вавилону, и она заставляет задуматься об отношениях между македонским царем и вавилонянами. Вопреки каноническому представлению, длительное время существовавшему вследствие прямолинейного прочтения Арриана и Квинта Курция, движению Александра к Вавилону не было, собственно говоря, триумфальным шествием, закончившимся восторженным приемом вавилонским населением, переполненным радостью при мысли об освобождении от персидского ига. Клинописный текст не оставляет никаких сомнений в том, что следует совершенно по-другому трактовать греко-римские литературные источники, — то есть, триумфальный вход Александра стал результатом переговоров, проведенных между вавилонскими властями и Александром на следующий день после сражения при Гавгамелах. Чтобы успешно завершить переговоры, Александр должен был провозгласить официально в Сиппаре 18 октября, что его войска не будут притеснять население и не посягнут на храмы; двумя днями позднее была принесена жертва, в которой приняли участие «ионийцы», то есть, скорее всего, военачальники Александра, шедшие в авангарде. Вероятно, именно в результате данного соглашения новый владыка приветствовался как «царь мира» и 21 октября появился в Вавилоне.

Очевидно, важность этого документа состоит в новизне содержащихся в нем сообщений, но его первичный историографический интерес кроется собственно в его существовании и личностях составлявших его людей. Если отбросить очень лаконичную запись о египтянине Самтутефнахе, то речь здесь идет о единственном тексте, описывающем конкретный момент персо-македонской войны глазами представителей местной элиты, тесно связанной с храмами и святилищами. В этой связи можно просто упомянуть, что в крайне неполной вавилонской хронике выделяется упоминание о сражении против ханаанеян — термин, использовавшийся в некоторых эллинистических вавилонских документах для описания македонской армии; сражение велось «Дарием, царем царей [...] (*šar šarr [ani]*)» — вполне вероятно, что это Дарий III. Похоже, что в начале абзаца есть ссылка на свержение царя, но пробелы в тексте и неуверенность в трактовке не дают нам возможности предположить, даже под видом гипотезы, внушающий доверие вариант реконструкции событий.

Таким образом, остается только астрономическая табличка. Конечно, текст ее сведен к сухому перечислению «фактов», происходивших день за днем — нулевой уровень записи. Но, по крайней мере, в первый раз мы можем реально

сопоставить греко-римские и вавилонские источники, описывающие точно датированное и идентифицированное событие. К тому же, вписанный в хронологическую ткань и привязанный к определенному моменту, клинописный текст имеет то преимущество, что в нем не содержится открыто выраженного предвзятого сообщения в пользу той или другой из воюющих сторон, даже при том, что, разумеется, из текста ясно, что Дарий был побежден, а Александр как победитель был принят в городе.

Таким образом, в исторической последовательности вавилонских событий один царь сменяет другого, и описывающий произошедшее не вкладывает в описание ощущение страшной катастрофы, по той простой причине, что, с вавилонской точки зрения, речь идет скорее, о наследовании, чем о свержении. Можно также подчеркнуть, что, согласно многочисленным неоассирийским свидетельствам, титул Александра, «царь всех (*šar kiššati*)» с этих пор почти исчез и в вавилонскую эпоху употреблялся крайне редко. Известно только упоминание этого титула в сообщении, датированном ахеменидской эпохой — в *цилиндре Кира* (ок 539 г. до н.э.), а также в другом, датированном эллинистической эпохой, в период царствования селевкида Антиоха Сотера, в *цилиндре Борсиппы*, датированном двумя с половиной веками позже (прибл. в 268 г. до н.э.). Эти упоминания появляются в двух текстах, составленных по чисто вавилонским нормам и согласно архаичной модели: в астрономической табличке, где «страна Гути» обозначает гористый регион, Мидию, куда бежал Дарий. Эти записи были составлены в особых обстоятельствах, когда цари (в одном случае персидский, в другом — македонский), не теряя своей специфичности, просто включены в последовательность наследования царской власти в Вавилоне. Тем не менее было бы неверным утверждать, что, придавая македонскому завоевателю титул, предполагающий выражение универсальной царской власти, вавилонская элита желала тем самым как-то особенно символически выразить свое стремление избавиться от владычества Дария, носившего просто титул «царя»: персидское владычество фактически исчезло на всей территории Вавилонии. К тому же это титулование, похоже, имеет нечто общее с тем, что говорит Плутарх о провозглашении Александра «царем Азии» после победы при Гавгамелах³¹.

В любом случае, в текстах, датированных 330 годом (Вавилон и Ларса), Александр носит титул «царя многих стран», который Дарий носил за несколько месяцев до этого (февраль — март 331 г.), согласно табличке из Ларсы. Если свести все просто к хронологической ссылке, очевидно, что сообщение о царе не затрагивает незыблемых фактов вавилонской истории. Кроме того, легко понять, почему столь подробно и тщательно описанная в рассказах греческих и римских авторов смерть Александра не заслужила ничего, кроме краткой пометки в очень длинной астрономической табличке, датированной 1 годом царя Филиппа (сводный брат и преемник Александра), в которой зато даются крайне точные и подробные сведения относительно положения планет в рассматриваемый период.

Таким образом, видно, что политический горизонт составителей нашей таблички не выходит за рамки интересов великого храма Мардука в Вавилоне, Эсагилы. Вероятно, только вследствие особых милостей, оказанных ему Александром, возникло упоминание о поражении Дария и довольно детальное сообще-

Рис. 27. Мазей и его дети, предводительствуемые богиней Мира, принимают Александра в Вавилоне

ние об отношениях, которые новый царь сумел сформулировать и установить с вавилонской аристократией. Напротив, в табличке ничего не говорится о другом соглашении между персидскими властями Вавилона (Мазеем и Багофаном) и Александром — соглашении, не касавшееся храма напрямую и которое позволяют выявить только греко-римские источники и нумизматические документы. Согласно Квинту Курцию, Александр был принят Мазеем, «который укрылся в этом городе после сражения. Он предстал перед Александром со своими уже взрослыми детьми: он сам передал город в его руки»³². Именно этот акт капитуляции хотел проиллюстрировать Торвальдсен в известном рельефе (рис. 27)³³.

Найденная табличка подводит нас к тому, что мы знаем из греко-римских текстов, и соединяет с аналогичными размышлениями относительно египтян — она подтверждает, что персидское поражение не объясняется просто внутренней враждебностью вавилонян или египтян по отношению к Дарию и персидскому владычеству. Заключая соглашение с вавилонскими храмами, Александр всего лишь продолжил традиционную ахеменидскую политику, но ничего не указывает на то, что Дарий от нее когда-либо отклонялся.

В общей сложности, результаты исследований документов ахеменидской эпохи периода Дария скорее можно считать неудовлетворительными. Материальные свидетельства (археологические, нумизматические) или отсутствуют, или очень неопределенные, и, при любом раскладе, они не приносят ничего действительно нового и оригинального. Египетские монеты подтверждают точность имен сатрапов, назначенных Дарием, но они не опровергают нашего подхода к этому моменту истории. Хотя надпись Самтутефнаха трогательна и оригинальна, она не говорит нам ничего нового ни по поводу самого Дария, ни по поводу его политики. Даже информация, извлеченная из астрономической вавилонской таблички, менее важна, чем могло поначалу показаться: хотя она уточняет условия инвеституры Александра, «царя многих», жречеством и властями города, мы ничего не узнаем о политике и стратегии Дария после Гавгамел. В лучшем случае использование этих документов сводится к их четкому включению в документальную базу, созданную на основе прежде всего греко-римских источников. Даже при том, что обе истории тесно связаны, в конечном счете ахеменидские документы, к сожалению, меньше касаются истории царствования Дария, а скорее обогащают историю завоевания Александра и описание последствий этого завоевания.

ГЛАВА 2.

ДАРИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Чтобы выявить тенденции, определявшие суждения о Дарии III и его империи, необходимо рассказать, как рассматривались этот персонаж и его действия с тех пор, как в первые десятилетия XIX века стали расширяться исследования Античности на документарной и филологической базе, которые старались сделать в рамках «науки об Античности» (Altertumswissenschaft) достаточно прочными и строгими. Однако, мы увидим, до какой степени некоторые из суждений и интерпретаций, высказанных в более ранние времена, не подвергались практически никаким сомнениям — ни в обосновании, ни в выражении.

Даже если бы Дарий как самостоятельный персонаж привлекал бесконечно меньше внимания, можно было бы сказать, — как мы говорим это регулярно по поводу Александра, — что каждый историк придумал своего Дария. Поскольку еще со времен Античности имелось два изображения Александра, одно — положительное, а другое — отрицательное, так существует и два полностью противоположных портрета Дария, созданных специалистами по греческой истории и специалистами по истории персидской: изображение царя, полного достоинств, столкнувшегося с неразрешимой задачей, и изображение подлого и недостойного царя, оказавшегося неспособным защитить свою честь и честь своей страны.

ДО ОБРАЩЕНИЯ К ИСТОРИИ

Тому, кто пытается создать историю темы и/или образа, всегда сложно определить точку отсчета. В данном случае очень соблазнительно обратиться к XIV веку и упомянуть не слишком прогремевшее произведение Бокаччо (1313—1375), опубликованное на латинском языке под названием «De casibus virorum illustrium» и переведенное на французский язык Лораном де Премьерфэ под названием «Благородные неудачники». Среди персонажей с трагической судьбой Бокаччо не упустил вывести нашего Дария («De Dario Persarum rege», книга IV, глава VIII).

Представленный (неправильно) как сын и преемник Оха (Артаксеркса III)¹, Дарий показан как наиболее могучий из людей своего времени, что, по контрасту, позволяет автору повести свой рассказ о несчастливой судьбе персидского царя. Дважды разгромленный в ходе целой вереницы сражений и два раза бежавший, Великий царь укрывается в Вавилонии и пытается вести переговоры о возвращении попавших в плен принцесс крови. Увидев, что договориться с Александром невозможно, он готовит войско и в третий раз встает лицом к лицу с македонской армией. Снова потерпев поражение, Дарий хочет покончить с собой, но в этом ему мешают его близкие, и он бежит, взяв с собой несколько спутников. Он направляется в Парфию, скорее как заключенный, чем как царь: он связан позолоченными путами и его везут в повозке. Вскоре его смертельно

ранит Бесс, «самый близкий из его друзей». Умирающего от жажды, его спасает неизвестный персидский солдат, которому он высказывает свою последнюю волю. «Таким был конец столь великого, могучего и богатого царя». Однако он не был оставлен без погребения. Персидский солдат сумел убедить Александра, и тот пришел почтить останки своего врага и приказал организовать «торжественные царские похороны согласно персидским традициям».

Очевидно, различные эпизоды жизни Дария прямо позаимствованы у Орозия, который по совету Августина Иппонского в первых десятилетиях V века составил «Историю» («Против язычников»). Он пространно пересказал предшествующих авторов, в частности, кратко изложил «Обличительные истории» Трога Помпея, записанные Юстинианом. Царствование Филиппа и его сына Александра представлены там очень негативно: «Александр был бедствием, и наиболее ужасным, для всего Востока... Он ненасытно жаждал человеческой крови, и для него было неважно, кровь ли это врагов, или даже его союзников... Он умер в Вавилоне, когда, все еще томимый этой неутолимой жаждой, выпил яд, поданный ему слугой-изменником». Это он ответственен за те катастрофы, что обрушились на Дария и его царство. Именно у Орозий Бокаччо позаимствовал оценку решения Александра о похоронах своего врага: «Суетная жалость» — писал Орозий, который, в отличие от Юстиниана, хотел высказать свой негатив тому, что он представляет как «жестокий плен, в котором македонский царь держал не только мать Дария и его супругу, но даже двух его дочерей»². Понятно, что, по контрасту, неистово враждебный взгляд на приключения Александра отбрасывал трагическую тень на изображение его врагов, особенно на образ Дария, а также на некоторых из его друзей, например Каллисфена, о печальной судьбе которого Бокаччо рассказал в другой главе. Произведение Орозия было широко распространено и использовалось задолго до Бокаччо, в частности, в очень популярной «Истории с древних времен до Цезаря», опубликованной между 1206 и 1230 годами.

Эта тема непостоянства фортуны встречается у многих авторов того времени, и на них произведение Бокаччо порой оказывало некоторое влияние — например, на Лидгейта с его «Падением принцев» (Fall of Prince). В этом произведении также заметно знакомство с Квинтом Курцием и Валерием Максимом. Другой пример — Петрарка и ужасный портрет македонского завоевателя, который он нарисовал в своем «De Viris Illustribus». Бокаччо много читали во Франции, так что его произведение смогло вдохновить молодого автора трагедий, Жака де ла Тай, (умершего в 1562 году в возрасте двадцати лет), который отлично знал греческий и латинский языки. Спустя чуть более десяти лет после его смерти, в 1573 году, два его произведения, «Дарий» и «Александр», были опубликованы его братом. В первом речь идет о трагической судьбе последнего персидского царя. Сюжет охватывает очень короткий период, от поражения при Гавгамелах (октябрь 331 г.) до смерти (июль 330 г.). Несчастный царь и персидский хор встречаются и в других трагедиях, например, в «The tragedy of Darius» сэра Уильяма Александера, впервые опубликованной в Эдинбурге в 1603 году, или в пьесе «Darius, King of Persia», сыгранной в Королевском театре в 1688 году. Дарий-Кодоман является также героем пьесы Тома Корнеля «Darius», изданной в 1659 году.

В пьесе Жака де ла Тай царь произносит длинный монолог, который составляет 1-ю сцену I акта. Он оплакивает свою судьбу, обращаясь к вымышленному собеседнику:

Я вижу жалкое состояние Тиранов,
Я, кто был Царем Царей, кого все боялись,
Перед которым весь Восток стоял на коленях,
Теперь отвергнут, беглец, задавленный неприятностями,
Теперь я притча во языцех и игрушка в руках Судьбы...
Скитаясь по пустыне, я все бегу (стихи 7—12; 47).

Он упоминает своего македонского победителя, который развращает свою душу и впустую тратит силы на наслаждения, которые совсем недавно принадлежали ему самому:

Увы! ты теперь наслаждаешься в моих царских дворцах,
Теперь ты грабишь,
Мое имущество и мои сокровища, и тебя изнеживают
Почести и удовольствия, игры с моими наложницами (стихи 43—46).

Затем начинаются разговоры с приближенными, которые остались ему верны — среди них Артабаз, евнух Бубас и грек Патрон, и многочисленные разговоры между заговорщиками Бессом и Набарзаном, в то время как «хор персидских воинов» воспевают величие Персии и разоблачают бесчестных заговорщиков. В конце пьесы Дарий обменивается речами с Полистратом, который приносит воду своему жаждущему хозяину. Александр появляется на сцене в V акте. Хор в своем последнем выступлении называет его Великим, поскольку своим мужеством он заслужил того, чтобы «управлять Вселенной».

Начиная с этого времени устанавливаются некоторые положения и образы. Хотя в трагедии Жака де ла Тай заглавная роль была отдана Дарию, Великий царь в действительности не является главным действующим лицом. Сцены, где он появляется, дискутирует или произносит монолог, не являются попыткой его реабилитировать или хотя бы воспеть его достоинства. Он скорее эмблема и красноречивый свидетель превратностей судьбы и того, как люди античности принимали или не могли принять свою трагическую судьбу. Как утверждает М.Г. Лонги, единственный и настоящий герой произведения — Александр:

«Персонаж... доминирует в произведении в ореоле всего своего могущества: выход на сцену в пятом акте на самом деле подготовлен всем ходом пьесы. Дарий читает монолог, ярко живописуя свою несчастливую судьбу, судьбу своей матери и своих детей, попавших в руки врага, а также смерть жены, пленницы Александра» (стр. 279).

Хорошо заметна идентичность источников, использовавшихся обоими авторами. Если отбросить Орозия, то любимый автор — это Квинт Курций, чей труд («История Александра») был необыкновенно распространен, особенно на-

чиная с XV века, благодаря переводу Васке де Люцена (1468), который оставался очень популярным в течение приблизительно двух веков, прежде чем был опубликован перевод Вожела после его смерти в 1653 году. В зависимости от моральных и литературных допущений, к которым мы еще вернемся, он был единственным, кто вводит читателя в лагерь Дария между сражением при Гавгамелах и смертью царя³, и одним из тех, кто, наряду с Юстинианом и Плутархом, дал волнующее описание смерти Дария. С другой стороны, Юстиниан и Диодор — единственные, кто приписывает Дарию воинские подвиги, совершенные еще до воцарения под именем Кодомана (Юстиниан). Речь идет о победоносном поединке с кадусийским военачальником⁴. Мы находим подобное упоминание, например, в «Дарии» Тома Корнеля (акт I, сцена 3), где введены «Кадусии, побежденные в стольких битвах»:

Кодоман всегда был опорой нашего войска...
 С тех пор как добрая судьба, милосердная к персам,
 Задержала среди нас этого неукротимого героя,
 Наши наиболее жестокие враги, окружавшие нас со всех сторон,
 Разбиты и бежали, и, похоже, думают только о мире.

Затем, не без некоторой напыщенности, Кодоман сам описывает в следующих терминах услуги, оказанные королю Оху: «Три соседних скипетра я завоевал для вас, / вы правите сотней народов благодаря мне... / Египет, Армения будут тому свидетельством, / Моих благородных трудов они достойные плоды» (II, 3).

Речи и реплики Дария и его товарищей в пьесе Жака де ла Тай являются всего лишь почти буквальным переводом речей, которые можно найти у Квинта Курция. Именно у Квинта Курция, Юстиниана и Плутарха встречается персонаж по имени Полистрат, солдат Александра, который обнаружил смертельно раненного Дария. Герой пьесы практически ни в чем не отделился от прототипа; единственно, в подражание Бокаччо, он делает из Полистрата персидского солдата: возможно, просто потому, что таким образом оба персонажа могут говорить на общем для них языке⁵. Именно эта традиция теперь определяет точку зрения на Александра и Дария.

Напротив, «Анабасис» Арриана, переведенный Пьетро Паоло Вер-Джеро на латинский язык в 1430 году по поручению императора Сигизмунда, осмысленный султаном Мехмедом Завоевателем в 1460 году и позднее переведенный на французский язык Никола Перро д'Абланкуром в 1646 году, относится к памяти Дария намного более критически. В предисловии Абланкур не упустил возможности подчеркнуть казавшееся ему несомненным превосходство Арриана перед Юстинианом, Диодором и Квинтом Курцием, особенно для тех, кто интересовался историей великих вождей. Авторов же вроде Жака де ла Тай более интересовала жизнь, и еще более — трагическая смерть героев.

Гегемония традиции Вульгаты и Орозия⁶ и, если смотреть шире, древней нравоучительной историографии (в частности, Валерия Максима), объясняет, почему изображение Дария соединялось чаще всего с темой каприза фортуны. Эта тема была очень любима Квинтом Курцием, который охотно и весьма патетически использовал ее. Эта гегемония позволяет понять, что в момент, когда в

Европе выбирались и печатались первые книги по древней истории, доминирующий образ последнего персидского царя являлся «романтической фигурой», сильно отмеченной пафосной болтливостью, стремящейся к тому, чтобы восприниматься трогательно. Это отношение легко вписывается в общее направление морализаторских историй, получивших широкое распространение в XVII—XVIII веках. При этом энергично и без тени сомнения клеймятся серьезные пороки, проявленные Александром после смерти своего противника. Этот «патетический романтизм» будет разоблачен теми из историков, кто в XIX веке попытается встать на «беспристрастную» точку зрения.

ОТ ДРОЙЗЕНА ДО БОССЮЭ И ОБРАТНО

Можно считать, что в основании современных исследований завоеваний Александра стоит фигура Д.-Г. Дройзена. Он родился в 1808 году в Пруссии и посвятил большую часть своей жизни исследованию исторического периода, который до тех пор крайне недооценивался и которым многие пренебрегали — периода, который начался поражением Афин от Филиппа II (338 г.), а затем развился в деяния Александра. Значимость этого периода он видел в противопоставлении Запада и Востока. Именно с исследований Дройзена начинается историографическое исследование периода, называемого эллинистическим. Его труд, опубликованный сначала на немецком языке (между 1833 и 1843 гг.), а затем в виде журнальной публикации в 1877—1878 годах, был переведен на французский язык в 1883 году под названием «История эллинизма», первый том которого был посвящен Александру Великому.

Согласно вполне классическому плану, Дройзен представляет вначале главных действующих лиц, предоставляя приблизительно двадцать страниц истории Великих царей, начиная с Кира, и ситуации в империи на момент воцарения Дария III. Хотя последний из Великих царей не занимает в повествовании особого места, и хотя Дройзен указал на свою нерешительность относительно начала войны, он описал царя достаточно положительно. Стоит полностью процитировать его суждение, поскольку, как мы увидим, это мнение повторяли все последующие поколения историков, иногда даже почти дословно:

«Бразды правления были в руках такого царя, какого у персов не было уже давно; красивый и серьезный, такой, какого азиаты охотно представляют себе в качестве своего правителя: милостивый для честных, наделенный всяческими достоинствами своих великих предков, свободный от безобразных недостатков, которые испортили жизнь Оха [Артаксеркса III] и привели империю к гибели. Казалось, что Дарию предначертано излечить полученную им империю от ран, не нуждаясь ни в преступлениях, ни в пролитии крови. В начале его царствования не было ни одного мятежа... От ионических берегов до Инда Азия, объединенная благородным Дарием, казалась в такой безопасности, какой не было уже давно. И однако этому царю пришлось стать последним из потомков Кира, царствовавших над Азией. Казалось, что требовалась невинная жертва, чтобы искупить то, что не могло излечиться никак иначе... Уже на горизонте собиралась буря, ко-

торая должна была уничтожить Персию.... Дарий желал избежать этой войны любой ценой; казалось, он предчувствовал, что, чтобы распасться, его колоссальной империи, раздираемой изнутри и мучимой застоём, нужен был лишь легкий толчок извне. Мучаясь нерешительностью, он пропустил последний момент, когда еще можно было предупредить атаку, которой он опасался» (стр. 67).

Это суждение и то, как оно было сформулировано, было принято весьма позитивно. Однако речь не шла о великом историографическом нововведении. Наоборот, уже давно активно проводилось обсуждение личности последнего Великого царя. В записке, посвященной иранским народам Античности, опубликованной в 1839 году, М. де Сент-Феликс давал Персидской империи периода после смерти Артаксеркса III описание, ставшее уже каноническим:

«Последние годы Оха [Артаксеркса III] заставили забыть триумф периода начала его царствования и выставили напоказ его безобразно изломанную душу. Ненависть и презрение завладели людьми. Распад государства, ростки которого существовали и ранее, начал быстро прогрессировать. Сатрапы активно стремились к отделению и независимости: дисциплина в войсках, злоупотреблявших вином и пьяных от наслаждений, была потеряна; казна опустела, и население, из которого выжали все, до последней капли, чтобы обеспечить разорительную расточительность коррумпированного пышного двора, потеряло ощущение национальной общности и привязанность к своему правительству» (стр. 359—360).

Что же мог сделать Дарий? Немногое, несмотря на свои положительные качества:

«Храбрый, активный и благородный, Дарий мог решить внутренние проблемы царства и привести его к славе; но Александр сел на македонский трон и ему было предначертано судьбой завоевать Персию» (стр. 359).

Читал ли автор «Александра» Дроузена, чье первое немецкое издание появилось в 1833 году? Можно спорить об этом, но это неважно. Эта идея высказывалась уже Шарлем Ролленом, который между 1730 и 1738 годами опубликовал первый настоящий учебник древней истории. Роллен родился в 1661 году. Он был профессором риторики в Коллеж де Франс (1688), а затем ректором Парижского университета (1694). Этот пост он позднее потерял ввиду своей приверженности янсенизму.

В этом труде есть разделы «Древняя история египтян», «От карфагенян до ассирийцев», «Вавилоняне», «Мидийцы», «Персы», «Македонцы» и «Греки». История персов и греков представлена в виде чередующихся глав. Книга XV посвящена истории Александра. Важно подчеркнуть, что Роллен не льстит македонскому царю. Его «История» имеет нравоучительный характер и предназначена для воспитания принцев. «В ней представлены известные примеры всех достоинств, которыми они должны обладать, [а также] низкие и недостой-

ные пороки, которые нанесли ущерб прекрасным деяниям и опозорили [...] царствование Филиппа и Александра, его сына». Если автор действительно хвалит некоторые «прекрасные деяния Александра» и особенно его поведение по отношению к персидским принцессам, попавшим в плен при Иссе («вот наиболее прекрасное поведение Александра»), то затем он осуждает царя, который, по его мнению, не заслуживает титула «великий». Ощущая духовную связь с Античностью (позднее я буду говорить об этом более подробно), но также следуя собственным воззрениям, в которых на первом месте находится духовная и религиозная идея, понижывающая все произведение, Роллен говорит, что уже с момента взятия Тира, но еще в большей степени начиная со смерти Дария, Александр ведет несправедливую войну: «Нет больше ни завоевателя, ни героя, но есть узурпатор и разбойник... Никогда не было более безумного намерения, скажем больше — более ужасного, чем намерения этого принца... [Жизнеописание великих людей Плутарха]... Александр из них один из наименее уважаемых». Отсюда следует размышление автора о сохранении мифа об Александре, он замечает с сожалением, что этот миф все еще используется «всеми ораторами, которые начинают хвалить любого из принцев»⁷.

Дарий не слишком много присутствует в повествовании. Роллен признает, что Великий царь не лишен некоторых положительных качеств. Повторяя Квинта Курция, Диодора и Плутарха, он говорит, например, о Дарии: «Он приятен и сговорчив... Он естественно добр и гуманен... Он был наиболее красивым из всех принцев, наиболее высоким и величественным». Затем автор задает риторический вопрос: «Но разве с судьбой можно поспорить?» — чтобы яростно осудить, вслед за многими другими, казнь афинянина Харидемоса, защищавшего стратегию, отвергнутую царем (IV, стр. 42—44). Кроме того, будучи высоким, красивым и сильным, Дарий не имел качеств, необходимых для солдата, которых требовало его положение: «Персы защищались с огромным мужеством до тех пор, пока не увидели бегство Дария» (IV, стр. 55).

Роллен сам заставляет нас снова плыть против течения времени, поскольку он указывает на своего вдохновителя (IV, стр. 286—291). Говоря о Дарии III и его империи, он относит нас на полвека назад, в 1681 год. Он цитирует и подробно пересказывает нам «Размышления господина Боссюэ, епископа Мо, о персах, о греках и о македонцах», содержащихся в «Рассуждениях о всеобщей истории», говоря точнее — в третьей части этого труда, «Империи», в которой сказано, что «преобразования направляются Провидением». Эта «всеобщая история» адресована монсеньору наследнику престола. Таким образом, это действительно сделано для того, чтобы «заставить принцев читать историю».

В труде Боссюэ история Персии занимает место между египтянами, «которые первыми составили правила правления» и падением Римской империи, особенно в связи с данным Киrom разрешением вернуть иудеям Иерусалим и восстановить там храм. В первой части труда, «Эпохи», восьмая эпоха называется «Кир, или восстановленный храм иудеев». Впервые вводя туда персонаж по имени Дарий III, Боссюэ посвящает ему вполне приятные слова: «Благодаря своим достоинствам он заслужил того, чтобы отнести его к царской семье, что, впрочем, весьма вероятно». Озабоченный тем, чтобы представить ученику то, что он называет «спектакль истории», а также стремясь подготовить свои выво-

ды, Боссюэ соединяет Дария с Александром, но пока без неблагоприятных для первого сравнений:

«Таким образом, два смелых царя одновременно начали свое царствование: Дарий, сын Арсама, и Александр, сын Филиппа. Они ревниво смотрели друг за другом, и казалось, что они рождены для того, чтобы оспаривать мировое господство».

В дальнейшем рассказе об Александре и падении империи мы обнаруживаем портрет Дария. Выбранные для этого слова также положительны:

«Дарий, правивший в это время Персией, был справедлив, храбр, щедр, любим народом. Ему хватало и разума, и сил, чтобы реализовать свои намерения...» (стр. 564—565).

Но было бы ошибочно вырывать фразу из контекста. До этого Боссюэ посвятил несколько страниц положению в Персии, которые могли позволить читателям понять, «что же разрушило Персидскую империю и что возвысило Александра». Даже при том, что Дарий как личность описывается достаточно положительно, он принижается рассуждением, в котором описывается неумолимый ход упадка погибающей империи. Рядом с ним описывается Александр, унаследовавший от своего отца Филиппа «македонцев, не только закаленных в боях, но еще и гордых победами». Сравнение может быть только в ущерб Дарию:

«...Но, если его сравнить с Александром, его разум с этим великим гением, его величие с высотой и незыблемостью непобедимого мужества, с героем, которого препятствия только взбадривали, с этим неистовым стремлением повседневно увеличивать славу своего имени, это заставляло его ощущать в глубине сердца, что все должно было уступить Александру как человеку, которого судьба поставила над прочими людьми. Александр внушал доверие не только своим военачальникам, но и самому последнему из его солдат. Он возвышался над всеми затруднениями и над всеми окружающими, так что не стоит сомневаться, кому из двух должна была принадлежать победа. И если вы добавите к этому превосходство греков и македонцев над их врагами, вы признаете, что Персия, атакованная таким героем и такими армиями, не могла больше противиться смене господина...» (стр. 565).

Влияние Боссюэ заметно не только у Роллена, но, например, и у господина де Бюри, который в 1760 году опубликовал труд о Филиппе и Александре. Представляя Персидскую империю и последовательность царей, «прежде чем детально рассмотреть события, которые способствовали распаду империи», и восхищаясь частными и публичными обычаями персов, он обильно цитирует «Всеобщую историю» де Мо (стр. 224—226). Он не забывает упомянуть подвиг будущего Дария в кадусийской войне, а затем обсуждает обстоятельства его воцарения и его характер:

«Дарий был смелым принцем, он доказал это во время царствования своего предшественника, когда спас армию от поражения, но он никогда не был военачальником. Власть, к которой он был вознесен, наполнила его душу гордостью и тщеславием, и он поверил, что приобрел вместе со скипетром качества, необходимые для царя... Говорят, что характер Дария был приятным и спокойным, но богатство и лесть испортили его... Он послал [Харидемоса] на казнь» (стр. 259—261).

Давайте подчеркнем глубину и перманентность влияния Боссюэ и Роллена. Во втором издании своего замечательного труда, посвященного древним историкам Александра (1804), барон Сент-Круа цитирует «знаменитого Боссюэ» *in extenso* в той части, где он представляет Дария (стр. XXXII). Влияние «Рассуждений о всеобщей истории» также заметно в кратком курсе древней истории 1900 года Роулинсона, представленном его автором как наиболее современный учебник, предназначенный для замены учебника Хеерена, первое издание которого датировалось 1799 годом: «Рассуждения» Боссюэ (в английском переводе 1728 г.) числятся среди «современных трудов, охватывающих весь период древней истории» (стр. 6). Роулинсон цитирует также труд Роллена, «Древняя история» которого имела оглушительный успех и оказывала огромное влияние, как это подчеркивали Ш. Грелль и Ш. Мишель:

«Значимость “Древней истории” Шарля Роллена до настоящего времени не была отмечена в достаточной степени. Во всяком случае, Вольтер не ошибался в его оценке, цитируя оттуда многие интересные пассажи. До публикации этого труда во Франции не существовало никакого удобного обобщения истории Древней Греции... [Труд] фактически регулярно перепечатывался до середины XIX века: иными словами, Роллен царил в течение более чем ста лет» (1988, стр. 82).

Количество людей, познакомившихся с этим произведением, росло. Его прочитали во многих европейских странах, где переводы выпускались один за другим. Переведенный в 1768 году, этот труд к 1824 году имел пятнадцать изданий на английском языке, начиная с журнальной версии знаменитого Летрона: именно к этому изданию Роулинсон отсылает свои читателей.

Небесполезно, возможно, добавить, что Роллен также оказал некоторое влияние на художников и артистов, искавших «хорошие сюжеты». Это свидетельствует Жак Гамелен (1738—1803), рисовальщик и талантливый художник, который, пробыв девять лет в Риме, решил вернуться в родной Лангедок. У него было множество разных интересов, и при этом он очень глубоко интересовался Античностью. Многие его картины и рисунки являются сценами «персидской истории», в них можно узнать фигуры Кира, Дария Великого, Оха (будущего Артаксеркса III), а также сцены, взятые из истории Александра. Когда художник ссылался на книги, в которых он черпал вдохновение, речь всегда шла о «Древней истории» Роллена, с указанием номера тома, а иногда даже страницы⁸. Выбор сцен крайне эмоционален и весьма выразителен (семья Дария перед Александром, больной Александр, спасенный своим врачом, Александр,

мучимый жаждой, вход Александра в Вавилон, и т.д.). Они составляют нечто вроде сборника иллюстраций, как и рекомендовал сам Роллен.

ОТ ДЖОРДЖА РОУЛИНСОНА ДО МАРИ РЕНО

Джордж Роулинсон был братом дешифровщика надписи Дария I в Бехистуне. Его можно рассматривать как дополнение истории Дройзена с персидской стороны, поскольку он разделяет некоторые его суждения в своей знаменитой книге «The fifth Oriental Monarchy», появившийся в 1867, а затем в 1871 годах. Там он противится ужасному портрету, созданному Аррианом в форме надгробной речи⁹:

«По примеру Платона [Ер. V], Кодоман, последний персидский царь, мог бы с некоторой долей основания пожаловаться, что судьба произвела его на свет слишком поздно. Обладая личной храбростью, которую он доказал в течение кадусийской войны, огромный и очень красивый, приятного нрава, способный на длительные усилия и не лишенный в то же самое время военных способностей, в обычное время он мог бы быть хорошим царем, и, живи он в подобное спокойное время, он занял бы почетное место в череде персидских монархов. Но он не смог соответствовать условиям, в которые попал» (стр. 515).

В другом месте он использует подобную формулировку:

«Морально стоящий выше большинства своих предшественников, Дарий III не обладал достаточным умом, чтобы противостоять трудным обстоятельствам, в которые попал» (1900, стр. 93).

Согласие в главном не предполагает, что наши авторы имеют одинаковые суждения относительно каждой из граней личности царя. У тех, кто в целом позитивно оценивает личность Дария, можно отметить иногда весьма серьезные разногласия, например между Дройзеном и Роулинсоном. Первый выступает против Великого царя, который при Иссе «искал спасение в бегстве, вместо того, чтобы искать его в битве, в рядах своих сторонников». То же после Гавгамел: вместо того чтобы снова собрать своих людей и защищать сердце империи, «он страшно путается и впадает в замешательство», потому что «был готов ко всему, чтобы спасти хоть что-то».

Совсем иначе думает Роулинсон, который, полемизируя с одним из своих предшественников (Г. Грот), полагает, что Великий царь вел себя разумно и мудро, и что толкователи слишком часто давали слишком злобное толкование его бегства с поля битвы: «Это было скорее последствием, чем причиной» побед македонцев. Если Дарий бежал после Иссы, то не для того, чтобы «добавить несколько месяцев к своей несчастной жизни», но для того, чтобы восстановить армию и снова завоевывать то, что он потерял (стр. 528). Что касается его поведения при Гавгамелах, то можно этого не одобрять, но это не должно лишать возможности «выразить ему полное сострадания уважение, которое мы оказываем обычно при столь великом несчастье». Справедливо, что, если бы царь позволил убить себя на поле битвы, «он был бы окружен ореолом славы», но, в

конце концов, добавляет Роулинсон, ссылаясь на примеры Помпея и Наполеона, он не был единственным царем или военачальником, которые не имеют мантии героя (стр. 538)!

Что бы там ни было, успех портрета был длительным. В 1879 году, в своей истории Древней Персии Ф. Жюсти пишет о последнем Великом царе:

«Он был красивым и сильным человеком... Он доказал свое мужество в войне против кадусиев и за это был назначен сатрапом Армении. Не стоит приносить этого принца; если бы ему не пришлось мериться силами с Александром, он стал бы, согласно многим сообщениям, превосходным руководителем. Он был смелым человеком, способным бороться до конца, но его предали» (стр. 130).

Со своей стороны, как и многие другие, А.М. Куртей сочувствует несчастной судьбе человека, который «за очень короткий отрезок времени был сброшен с высот человеческого величия в самые глубины несчастья — человек, который мог бы стать украшением более мирной эпохи [в качестве] доброжелательного, но слишком слабого и апатичного деспота, неспособного должным образом противостоять столь жестокому кризису — царь, который был бы счастливее, если бы он не властвовал» (1886, стр. 150).

Похожее мнение мы обнаруживаем в персидской истории генерала Перси Сайкса, первое издание которой появляется в 1901 году:

«Этот последний член известного рода вызывает некоторую симпатию. Он заработал репутацию отважного человека во время кадусийской кампании, убив множество врагов в ходе личных поединков, за что и был назначен сатрапом Армении. Его характер намного более благороден и менее порочен, чем у любого из предшественников, и если обстоятельства царствования были обычными, он мог бы царствовать со славой. К несчастью для него, на Западе образовалась новая власть, руководимая самым великим воином своего времени, и Дарий, даже при поддержке всех ресурсов империи, согнулся и пал при появлении Александра Великого... Он был, разумеется, много способнее, чем большинство его предшественников» (стр. 233, 245).

Почти в неизменном виде эта оценка быстро разошлась при помощи авторов учебников древней истории, например учебника Джоржа Вебера, переведенного на французский язык в 1883 году:

«Дарий Кодоман, человек доброго нрава, отмеченный отвагой и многими личными достоинствами, получил царский титул. Он освободился от жестокого Багоаса и правил затем с такой умеренностью и справедливостью, с какой позволяли трудные обстоятельства; поэтому много благородных греков, решивших ускользнуть от македонского деспотизма, перешло на службу в армию персов. Но конец великой монархии стремительно приближался. Дарий должен был искупить преступления своих предшественников» (стр. 238).

Как не вспомнить и о «Древней истории народов классического Востока» Гастона Масперо (1889)? В ходе обобщения материала, на основании вдумчивого чтения авторов XIX века, почитаемых авторитетами, Масперо возродил модный тезис, который он высказал блестящей прозой. Как и множество других, он открывает свое описание Дария напоминанием о его подвигах в войне с кадусиями, а затем, в свою очередь, дает комментарий, неутомимо передаваемый из поколения в поколение:

«Храбрый, благородный, мягкий, наделенный огромным желанием делать добро, он заслуживал большего, чем все его предшественники, и он заслужил право царить в эпоху, когда империи не столь угрожали» (стр. 808).

Похоже, что тогда эта позиция приобрела статус канонического общего места. В своей памятной «Истории Персидской империи» (1948) А.Т. Ольмстед также поминает подвиги будущего царя Дария III во время кадусийской войны и пишет: «Он мог бы оказаться хорошим руководителем, если бы обстоятельства ему это позволили» (стр. 490). Даже Роман Гиришман написал несколькими годами позже, в «Истории доисламского Ирана» (1951):

«Этот смелый человек мог бы, возможно, спасти свою страну, если бы его противником не была, в первый раз в истории, вся объединенная Греция, управляемая военным гением. Великая ошибка Кодомана состояла в презрительной недооценке молодого Александра вследствие гордости могучего монарха и недооценке его войска» (стр. 200).

Со своей стороны, Ф. Шахермайер в своем вышедшем в 1949 году труде «Alexander der Grosse» (2-е издание, 1973), делает из Дария человека, наделенного несомненными царскими достоинствами, даже если он бледнеет при сравнении со «сверхчеловеческой» фигурой своего македонского противника:

«У него были повадки истинного принца, благородное воплощение упадка эпохи Ахеменидов. Ему было сорок четыре года, и его описывали как высокого и красивого человека. Уже будучи принцем, он прогремел своей личной отвагой: о нем известно как о героическом участнике поединка “между двумя армиями”, в котором он одержал победу. Мы знаем о нем как о доблестном воине. Но затем мы узнаем, что он был потомком от брака брата и сестры — таковой существовал в Персии и считался вполне достойным, — а также, что его жена одновременно являлась его единокровной сестрой, и что он имел от нее детей... Многие авторы Античности и нашего времени несправедливо упрекают его за то, что он был менее достойным, чем Александр. В действительности он сделал все, что было нужно, чтобы защититься от македонского наступления, он поступил дальновидно и без промедления. Не стоит удивляться, что он не был готов противостоять Александру, так как явления такого рода на Западе еще не было. Поэтому не стоит осыпать его упреками, так как, ввиду превосходства противника, провал был неизбежен. Кроме того, вследствие сложившихся обстоятельств, ответствен-

ность лежит не только на Великом царе, но и на его военачальнике греческого происхождения, Мемноне» (стр. 131).

Давайте рассмотрим последнее произведение, которое в принципе относится к несколько другому жанру — я хочу поговорить об историческом романе. В 1972 году знаменитая американская романистка Мари Рено выпустила книгу «The Persian Boy», которая была переведена на многие языки. На французском языке она появилась в 1984 году, под названием «персидский ребенок». Повествование ведется от лица главного героя. Его зовут Багоас (Багой) — это один из двух персонажей, известных по греко-римским источникам времен Дария III и Александра. Другой представлен как царский воспитатель (в особенности Диодором Сицилийским) ситаясь евнухом, он занимает очень высокий поста хилярха (начальника тысяч) во времена царствования Артаксеркса III. Именно он убивает Великого царя, чтобы возвести на трон Арсеса, сына убитого царя, затем устраняет, в свою очередь, Арсеса и его детей, чтобы выбрать нашего Дария в качестве преемника. Несколько позже он исчезает при очень романтических обстоятельствах, которые Мари Рено искусно вплетает в ткань романа: Дарий заставляет его выпить отравленное вино из кубка, который он поднес Великому царю.

Другой Багоас, молодой евнух на службе у господина, прежде чем войти в личные и очень близкие отношения с царем, изучает слухи о воцарении Дария. Портрет нового царя основан на положительном подходе:

«В то время как я выздоравливал у продавца, был провозглашен новый царь. Род Оха пресекся, он не был царской крови, но это неточно; его, казалось, ценили... Говорили, что Дарий, новый царь, был столь же смел, как и красив. Во время войны, которую вел Ох против кадусиев, их герой-гигант бросил вызов воинам царя, и лишь Дарий принял вызов. Он был ростом в шесть с половиной футов и пробил своего противника с первого же броска копья, что создало ему надежную славу. Был созван совет, маги спросили небеса; но никто не осмелился возражать выбору Багоаса, его слишком сильно боялись. Между тем до сих пор царь никого не убил и выказывал любезный и приятный нрав...» (стр. 14).

Очевидно, как обычно, Мари Рено добросовестно ознакомилась с источниками, преданно принимая точку зрения, созданную Юстинианом, Диодором, Квинтом Курцием и Плутархом, а вслед за ними и всем историографическим сообществом.

ДРУГОЙ ВАРИАНТ: ПОДЛЫЙ И НЕДОСТОЙНЫЙ ЦАРЬ

Было бы ошибочно полагать, что «положительная» интерпретация личности последнего Великого царя была принята большинством исследователей. Этого не было даже во времена Дройзена. Внутри политического течения, благоприятствующего объединению Германии, активистом которого был Дройзен, труд Филиппа Македонского служил примером и прецедентом для маленьких, не-

способных увеличиваться республик. Совершенно иначе он оценивался «либералами» (в Англии особенно), которые активно выступали против деспотических систем. Необходимо также учитывать внутреннюю враждебность тех и других против наполеоновского империализма, источника катастрофы для многих европейских стран. В таком контексте Филипп Македонский, Александр и «азиатские деспоты» (в том числе Дарий) были представлены и интерпретировались как особенно ужасные негативные примеры.

Это особенно ясно видно у Бартольда Георга Нибура¹⁰ в одной из первых работ 1805 года — переводе на немецкий язык «Первой Филиппики» Демосфена, который он посвятил царю Александру I: антимакедонское настроение и антинаполеоновский пафос были видны и ясно выражены. Это красноречиво показывает курс обществоведения, который он вел в университете Бонна в 1825—1826, а затем в 1829—1830 годах. Говоря о «несчастном Дарии», он противится тому, что называет «общественным мнением», и высказывает очень критическое суждение:

«В качестве частного лица Дарий приобрел хорошую репутацию в персидской армии... и общественное мнение в истории к нему благоприятно. Но я не могу понять, на основании каких фактов это мнение создано. Он не понял, как надо использовать ресурсы своей огромной империи против Александра. В ходе сражения при Арбелах он показал себя храбрым человеком; но там это качество не было чем-то исключительным, такое же свойство рядом с ним проявляли несколько тысяч других людей, и не иметь его было просто позорно. Как принц, лишенный всего, он вызывает просто поток сострадания, которое к тому же усиливается тем, что Дарий был человеком с гуманным характером. Ему не приписывают ни одного акта жестокости, хотя жестокость свойственна даже лучшим представителям восточных владык, которые обычно смотрят на людей как на насекомых. Похоже, он имел добрые, человеческие намерения... Даже при том, что его считали храбрецом, все же он был достаточно беспечен... Если бы он поднялся на трон вследствие личных качеств, если бы он оставил дворец и двинулся в провинции, чтобы своими глазами увидеть состояние дел, если бы он передал Мемнону неограниченные права по командованию армией и если бы Мемнон сам сумел утвердить себя и перебороть зависть сатрапов, Александр был бы, разумеется, побежден» (1856, стр. 378—380, 431).

В то же самое время многочисленные английские историки, публиковавшие книги по греческой истории, регулярно трактовали образ Александра с иной точки зрения, очень отличной от точки зрения Дройзена, и даже иногда противостояли ей. В 1801 году — в год, когда во Франции барон Сент-Круа довольствовался тем, что полностью цитировал суждение Боссюэ, — Жилье отмечает, что поведение самого последнего представителя династии Ахеменидов ясно доказывает, что он не был «ни храбрецом, ни благоразумным»; опираясь на некролог, написанный Аррианом, он добавляет, что из положительных качеств царю можно приписать только отсутствие актов жестокости (1801, стр. 323).

В 1835 году Митфорд указал, что приход Дария был плохо принят персидской знатью и сатрапами и что, приняв это все во внимание, даже если раскритиковать Арриана за систематически проявляемую пристрастность, его суждение о военном бессилии Дария абсолютно разумно (VII, стр. 211). Со своей стороны, Тирлуолл в открытой дискуссии по поводу позиции Дройзена напоминает, что к моменту вступления на престол Дарий «был почитаемым принцем, пользовавшимся популярностью», поскольку «он приобрел достаточную репутацию ввиду своего личного мужества, главным образом благодаря подвигу, совершенному в одном из походов против кадусиев». И, устранив евнуха Багоаса, «он освободил трон от унижительного подчинения... Все решило, что он способен защищать свое царство», но вскоре события доказали, что он был всего лишь «трусом, неспособным поддерживать свою репутацию в настоящих сражениях... [Его поведение при Иссе] похоже, уничтожило репутацию, которую он заработал своими личными достоинствами» (VI, 1845, стр. 145, 184). Отсюда следует следующее суждение, которое повторяло уже многократно слышанное: «Дарий был одним из множества царей, которые были бы счастливее и уважаемее, если бы никогда не поднимались на трон. Между тем, если бы он жил в мирное время, он, скорее всего, считался бы по крайней мере столь же способным выполнять эту функцию, как и множество его предшественников» (стр. 243—244).

Наиболее решительным противником Дройзена был другой талантливый английский историк, Джордж Грот. По примеру Б.Г. Нибура, чьи работы он очень ценил, Грот рассматривает персону Александра и ставит под сомнение труд по эллинизации, который Дройзен описал и хвалил в своем произведении. Он считал, что македонец хотел скорее «азиатизировать» Грецию, чем «эллинизировать» Азию (XIII, 1869, стр. 83—96)¹¹. Суждение о Дарии также очень отличается от суждения Дройзена. У Дройзена это «принц, рожденный под несчастливой звездой». Грот строго осуждает Дария: преступная бездеятельность в начале войны, а также «личная трусость, неуверенность и некомпетентность», которые сделали поражение персов неизбежными (XI, 1869, стр. 431—434, 451—452, 491). То есть ясно, что знать хотела его сместить, а что было делать?

Также решив, что Арриан является наиболее точным источником информации, Грот пишет нечто вроде итога деятельности и царствования Дария на момент гибели царя. В этом документе он с силой обрушивается на романтический образ, который уже давно властвовал в историографии при помощи трогательных рассказов, иногда даже слезливых, об условиях, в которых умер Великий царь:

«Последние дни этого принца были описаны историками при помощи трагического ложного пафоса; в истории не так много сюжетов, более пригодных для проявления подобного чувства, если рассмотреть только глубину его падения с заоблачной высоты власти и великолепия до поражения, смещения и убийства. Но беспристрастный отчет не позволяет забыть, что главная причина этой катастрофы была в его собственном ослеплении, долгой апатии после сражения при Иссе и сдаче Тира и Газы, в сентиментальной надежде выкупить цариц, в пленении которых он сам был виноват, и, в ко-

нечном счете, в том, что еще менее простительно — в личной трусости в каждом из двух решающих сражений, которыми он решил сам руководить. [В общей сложности] не так уж многое может сделать этого побежденного принца уважаемым или интересным» (XII, 1869, стр. 9).

Некоторые историки из тех, кто занимается «персидской историей», по своей научной значимости весьма неравные, также опубликовали очень отрицательные суждения о Великом царе. В 1869 году Гобино публикует свою «Историю персов». Будучи убежденным сторонником тезиса о духовном упадке империи, он любил опираться на персидских и арабо-персидских средневековых авторов, в том числе на «Дараб-наме», принадлежащий перу Абу Тахера Тарсуси, но он цитирует также и текст сасанидской эпохи «Письмо Тансара». Именно на основе иранских рукописей он выковал свое видение образа последнего персидского царя, жестокость которого вызывала неприязнь и весьма способствовала победе Македонца¹². Принятый уже давно¹³, этот метод был отвергнут теми из историков Древней Греции и Александра, которые намеревались основываться исключительно на классических источниках. Так было и с бароном де Сент-Круа, который на основании обзора восточных авторов (1804, стр. 167—192) беспощадно заключает: «Я достаточно уже говорил о них, чтобы можно было их оценить и понять, как арабские и персидские авторы описывали, или, скорее уж, перелицовывали действия Александра. Настоящая история содержится только в рассказах греческих и латинских писателей, которые и будут предметом моего обсуждения» (стр. 192). Со своей стороны, Жилье считает, что на фоне «ничтожных фантазий» восточных авторов, безусловно, следует предпочесть такого писателя, как Арриан (1801, стр. 323, № 56). Подобные скептические декларации мы находим у Митфорда (VIII, 1835, стр. 18), или у Thirlwall (VI, 1845, стр. 142, № 1). В рецензии на произведение Гобино, опубликованной в «Journal asiatique», Эрнест Ренан очень строго и нелицеприятно отнесся к тому, что автор использовал «восточные» источники¹⁴.

Проблема в том, что, увиденные глазами арабо-персидских или греко-римских авторов, и особенно Арриана, воспоминания о Дарии несут достаточно отрицательный заряд. Это подтверждает другой портрет Дария у Гобино, который, несмотря на сомнения в надежности (II, стр. 404), также использует греко-римские источники. Во время первого осмотра войск «царь и его придворные позволили себе пасть жертвами националистического тщеславия... Дарий был настолько очарован мощью своей армии, что он решил лично командовать ею и был уверен, что легко победит Александра» (стр. 376). В действительности же он быстро «вскочил на коня, бросил лук, щит, мантию, и бежал, даже не отдав необходимых приказов, ничего не сказав своему окружению, продемонстрировав всем, что такое принц, потерявший власть» (стр. 380). При Гавгамелах снова «Дарий, потеряв голову, бежит...» (стр. 389). Он укрылся в Экбатанах, «не пытаясь ничего сделать, дрожа перед будущим, не в силах предотвратить грядущие события...» (стр. 393—394).

Т. Нольдеке, прозванный «Нестором востоковедения», в научном плане человек совсем другого калибра. Он активно противится тем, кто хотел бы написать позитивный или хотя бы минимально снисходительный портрет Дария, и

делает это в достаточно жестких терминах, возникших, вероятно, вследствие прочтения Грота:

«Несчастье бросило на последнего властителя всей империи романтический отблеск, но объективный анализ может показать, что он был просто одним из деспотов, неспособных к правлению, которых так часто порождает Восток. Возможно, что он действительно проявлял личную смелость в ходе войны, ведомой Артаксерксом III против кадусиев, и что за это он был награжден назначением сатрапом Армении, но как царь он проявил себя недостойным перед лицом опасности. У него были великие устремления и позорные результаты. По своей природе он был человеком мягким, скорее размазней, при том, что имел просто-таки фанфаронскую гордыню, отличался отсутствием принципиальности, особенно в ходе войны: именно эти черты полностью оправдывают сравнение с Ксерксом, высказанное Гротом. Он не стоял ровень с самым великим военачальником всех времен, и в этом никто его не может упрекнуть, но Ох [Артаксеркс III], без сомнения, значительно усложнил бы задачу, стоявшую перед Александром, и не совершил бы глупости, в минуту мрачного настроения приказав обезглавить столь полезного человека, каким был старый наемник Харидемос, отлично понимавший, как правильно вести войну против македонцев...» (1887, стр. 81).

Если посмотреть на труды об Александре, нельзя не отметить, что многие приняли эту точку зрения, очень враждебную для Великого царя. Такова статья Берва, в которой фактически впервые создается «биография» Дария (1926, № 244, стр. 129). Именно в связи с превосходством Арриана над Клейтархосом (источник, на который ссылаются Юстиниан и Диодор в этих пассажах) Х. Фурманн решает отклонить рассказ о кадусийском подвиге будущего Дария III, сочтя его «романтизированным», и отдать предпочтение очень негативному портрету, созданному Аррианом, и, кроме того, дает очень критическую интерпретацию тактики персидского монарха во время сражения, изображенного на «Неапольской мозаике» (1931, стр. 143—144; 323, № 85). Обнаруженная в 1831 году, знаменитая мозаика вызвала поток публикаций, авторы которых противоречили привычной интерпретации поведения Дария III¹⁵.

Один из трудов, имеющих наибольшее влияние, — «Александр Великий», принадлежащий перу У. Тарна и выпущенный в Кембридже в 1948 году. Он полностью посвящен прославлению македонского героя. О Дарии III в нем есть только несколько очень коротких пассажей. Окончательная эпитафия этому персонажу очень критическая:

«Дарий, великий и прекрасный — легенда и фикция. Он, без сомнения, обладал внутренними достоинствами; иначе это был бы просто неинтересный тип труса и бессильного деспота» (I, стр. 58).

В другом месте автор оспаривает достоверность источников (Квинт Курций или Диодор), на основании которых можно было бы составить более благоприятный портрет царя (II, стр. 72).

Идея, согласно которой Дарий был по крайней мере хорошим отцом семейства, была развита уже Жоржем Раде в книге «Александр Великий» (Париж, 1931), и в некоторых предшествующих ей статьях, посвященных переговорам между царями. Пытаясь восстановить муки, которым подвергся царь после того, как его семья была взята в плен в результате его поражения при Иссе, что и заставило его начать переговоры с Александром, автор считает, что по отношению к Александру, движимому ненасытным честолюбием, Дарий реагирует согласно «восточным» традициям, которые предписывают вести переговоры вместо того, чтобы вступить в битву:

«Было бы неправильно оценивать события из иранского мира с помощью идей иных стран и представлять ахеменидского монарха, сметенного неудачами и смирившегося с необходимостью согнуться перед врагом. Движущие силы, которые толкали его к совершаемым им действиям [чтобы добиться освобождения принцесс, захваченных после Иссы] вдохновлялись не только политической или военной необходимостью; возможно, они носили более личный характер... Он был в основном обеспокоен судьбой своих родственников. У Дария личные достоинства были более значительны, чем его достоинства как главы государства... Он испытывал внутреннюю тревогу, которую ему было труднее перенести, чем всеобщие несчастья. Самая большая напасть для восточного правителя — это потеря гарема. Вот откуда следует эта инициатива переговоров, в которой сентиментальная страсть и чувственная ревность занимали такое же место, или даже большее, как и государственные интересы» (стр. 74—75).

В целом Раде занимает позицию в стане противников Дария III. Это особенно хорошо заметно в портрете убийцы, который он рисует в эпизоде, имевшем место незадолго до гибели Дария под ударами заговорщиков в своем лагере:

«Дарий оказался неспособным предотвратить столь критическую ситуацию. Он был наделен многими моральными достоинствами, ему недоставало таланта и характера. В молодости он продемонстрировал могучую силу, его таланты покрыли его славой, и он казался наиболее достойным скипетра. Но сказался возраст, и его физическая отвага пошатнулась. В этом пятидесятилетнем человеке воля и желания уже ослабели. Мог ли он без стыда вспоминать, что он, бывший герой кадусийской войны, дважды покинул поле битвы и оставил своих близких врагу? Такое количество катастроф его просто уничтожило. Формально он оставался Великим царем. В действительности же он был самодержцем больше по названию, и слабый ум и старческая трусость, его колебания после поражения лишили его престижа, связанного с его именем» (стр. 202).

Ж. Раде стремился создать как можно более подробный портрет царя. Он единственный, кто привел аргумент возраста! Возможно, прочитав именно его труд, романист К. Манн создал довольно удивительный портрет Великого царя, портрет мягкого, некрасивого человека, вялого и уставшего до срока:

«По своей природе он стремился к меланхолии и идиллии, не доходя до претенциозности или сентиментализма... Он успокаивался в цветах и ученых беседах... [Он был] привязан и относился с большим почтением к своей матери, энергичной пожилой даме, которая его немного презирала; рыцарская нежность связывала его с прекрасной и меланхоличной женой, которая родила ему двух дочерей... Великий царь не имел представительной внешности: он был скорее коренастым, почти маленьким, у него была слишком большая голова, которую он постоянно наклонял, когда задушивался; у него были задумчивые глаза, нередко пустые, красивого коричневого цвета... Ему сильно докучали горцы Кардусии [sic]. Его способность к сопротивлению была уже невелика, он казался уже слишком усталым... [После смерти Мемнона] он уже больше не искал выхода из создавшейся ситуации. Он просто сидел неподвижно, и слезы струились по его толстым щекам» (стр. 79—80, 105).

ДАРИЙ В ГАЛЕРЕЕ ЦАРСКИХ ПОРТРЕТОВ

Чтобы лучше понять личность Дария III, стоит создать его портрет на основании суждений о его предшественниках. Странник династической истории, Джордж Роулинсон считал, что для того, чтобы написать персидскую историю, лучше всего составить галерею царских портретов. Этому предписанию преданно следовали целые поколения историков, и оно было осуществлено на практике Дройзеном, который, однако, не предполагал предложить читателям историю Персидской империи.

У Дройзена благожелательный портрет Дария III вписывается в общее видение вопроса, в котором он стремится к тому, чтобы начертить линию непрерывного упадка, начиная с Дария I, и особенно с первых поражений, нанесенных греками при его преемнике Ксерксе:

«После Дария, после поражений при Саламине и Микале, начинают проявляться признаки застоя и упадка... С конца царствования Ксеркса все заметнее становится ослабление деспотичной власти и влияние двора и гарема... [В результате] сатрапы внутренних провинций... все смелее преследовали собственные интересы и пытались создать в своих сатрапиях независимую и наследственную власть» (стр. 53—54).

Дефекты системы головокружительно увеличились в следующем веке, во время длительного царствования Артаксеркса II, отмеченного мятежом Кира Младшего, и главным образом разложением, ускоренным придворными обычаями:

«История, написанная, по правде говоря, греками, дает нам еще более печальную картину слабости старого Артаксеркса внутри своего двора, где он играет роль мяча в руках своей матери, своего гарема, своих внуков» (стр. 58).

Если портрет Дария благожелателен, то это возникает вследствие противопоставления критическому суждению о царствовании Артаксеркса III. Конечно, он снова завоевал Египет, бывший независимым в течение двух поколений: «Империя персов была столь же мощна, как в лучшие дни». Но ненависть, которую он этим вызвал, жестко повлияла на равновесие и даже на выживание империи:

«Традиция представляет Оха как настоящего азиатского деспота, кровожадного и хитрого, энергичного и сладострастного, и тем более ужасного, что все его решения были хладнокровны и расчетливы. Только такой характер, как у него, мог соединить расплывающуюся ткань империи и придать ей вид силы и молодости: он мог принудить к подчинению мятежные народы и наглых сатрапов, приучая их быть молчаливыми зрителями своих капризов, своих кровожадных инстинктов, своего бессмысленного сладострастия... Царь управлял с безудержным произволом и жестокостью. Все его опасались и ненавидели» (стр. 59, 66).

С точки зрения, принятой Дройзенем — с позиций спаянности империи по отношению к готовящемуся македонскому нашествию, — воцарение Дария III является прогрессивным: «Ни один мятеж не нарушил начало его царствования... С ионических берегов до Инда Азия, объединенная под рукой благородного Дария, казалась в такой безопасности, в какой она не была уже давно».

Совсем иной точки зрения придерживается Нольдеке, пылкий поклонник царствования Артаксеркса III и жестокий противник Дария III:

«Артаксеркс III был совсем иным [чем Артаксеркс II, изнеженный царь]... Он принадлежал к тем деспотам, которые были способны восстановить на некоторое время разлагающуюся восточную империю — деспотов, которые проливают кровь без страха, кто не задумывается о выборе средств, но кто обычно способствует благополучию государства... Он был первым царем, после Дария [Первого], кто осуществил великую победоносную военную кампанию, и таким образом поднял империю» (1887, стр. 75, 80).

Вписанная в длинную династическую последовательность от Кира до Александра, цепочка от Артаксеркса III до Дария III и царствование последнего из Ахеменидов описаны еще более мрачно С. Бенджаменом в 1888 году:

«Персия поднялась из праха. Гений Артаксеркса-Оха вернул ей величие и могущество и дал империи надежду на дальнейшее существование. Империя могла бы существовать очень долго, если бы царь имел в качестве преемников людей с талантом, равным дарованию Кира Великого. Но судьба решила иначе, и в тот самый момент, когда Персия должна была сразиться на поле битвы с одним из самых великих военачальников истории, ее судьба была поручена Провидением одному из наиболее некомпетентных правителей, сидевших на ее троне. Без сомнения, Дарий Кодоман не совершил столько же преступлений, как некоторые

из его предшественников, но он и не обладал их энергией и талантом. Он был труслив, и его слабость была столь же велика, как и его слабоумие... [После Гавгамел] другой царь или военачальник.... мог бы продолжать противостоять Александру и его немногочисленной армии, оказывая такое сопротивление, которое могло бы привести того к гибели. Но Дарий относился к тем людям, которые растрачивают все, что накопили их предки. Создатели и гробовщики великих империй не отливаются по одному образцу» (стр. 141, 146).

Нольдеке и Бенджамен не единственные, кто прославляет память об Артаксерксе III. Хотя и «вызывающий негодование», этот Великий царь, как нехотя замечает Юстиниан, «был довольно умен, чтобы поставить несколько значительных людей и без излишней подозрительности передать им наиболее важные функции, что встречается не так уж часто в восточных системах правления»; он также правильно оценивал македонскую опасность (1879, стр. 139). Согласно Ольмстеду, «каким бы кровожадным он ни был, Артаксеркс III был способным правителем, и не будет чрезмерным сказать, что, убив его, Багаос разрушил персидскую империю... Это убийство полностью изменило международное положение» (1948, стр. 489). Анализ этих событий пересказывается Гиршманном в следующих терминах:

«Судьба, казалось, предлагает Персии последний шанс на спасение, возводя на трон человека жестокого, но который был наделен железной волей и имел силу государственного деятеля [Артаксеркс III]... Империя была восстановлена полностью. Она кажется сильнее, чем когда-либо со времен царствования Дария [Первого]... [Но] Артаксеркс III умирает, отравленный, и это убийство ударяет в то же время и по империи, которой осталось существовать совсем немного времени... Убийство потрясло политическую арену мира, на которую вступала новая сила — Македония» (1951, стр. 197, 200).

Давайте посмотрим под конец на эссе, написанное Б. Тойнби и представленное автором как «остроумная шутка, но по серьезному поводу» (1969, стр. VI)¹⁶. Задаваясь вопросом о роли личности в истории, автор представляет мир, в котором три личности, стоявшие на первом плане, исчезнувшие в промежутке пятнадцати или шестнадцати лет, продолжали бы жить. Речь идет о Филиппе и его сыне Александре, а также о Артаксерксе III, которого он представляет как намного более энергичного, чем был «беспечный Артаксеркс II». Согласно сценарию художественно-исторического романа, Артаксеркс III не сумел воспрепятствовать вторжению в империю Филиппа II в 333 году и согласился заключить договор, который зафиксировал демаркационную линию на Евфрате; в обмен на это македонский царь дал ему элитные части, которые позволили ему восстановить власть Ахеменидов в Центральной Азии. Вследствие пространственного сужения империи царь сумел справиться со своими неприятностями, которые значительно ослабили страну после поражения Ксеркса в Греции, и умер в 325 году от естественных причин, окруженный всеобщим ува-

жением... Интересно, что Тойнби выбрал Артаксеркса III для ведения войны против Филиппа в 333 году, как если бы он был единственным из последних Великих царей, который был способен играть эту роль. Очевидно, что ему не пришлось в голову представить то, что могло бы произойти, «если бы Дарий жил дольше»!

И, наконец, очевидно, что возрождение во времена царствования Артаксеркса, единогласно признаваемое даже теми, кто пишет о его кровавой жестокости, ставит этого «реставратора и поддержателя имперского могущества» на особое место в галерее царских портретов — место, которое прямо или косвенно, но принижает образ Дария. Был ли Дарий наделен достоинствами, необходимыми для царя, или нет, но он раздавлен двумя мощными деятелями, достижения которых неоспоримы. Конечно, никто и не думает поставить на одну доску или хотя бы сравнить Артаксеркса III и Александра.

Таким образом, даже при положительной трактовке образа Дарию отводится второстепенная роль, так как он не сумел сохранить имперское наследство Артаксеркса III и у него не было никакой возможности мешать Александру.

Именно в этом состоит историографическая проблема противопоставления Дария и Александра: как говорил де Сент-Феликс, «что можно сделать против одного из гениев, которые появляются время от времени, когда Вечность хочет изменить лицо мира»? Атакованная таким героем и такими армиями, Персия не могла избежать смены господина [Боссюэ]. К несчастью для нее, на Западе возникла новая власть, руководимая величайшим воином своего времени [Сикес] — ведь Запад никогда не порождал подобного явления [Шахермайер]. Отсюда следуют смягчающие обстоятельства, в которых Дарию не отказывает даже столь резкий критик, как Нольдеке: «Никто не может упрекнуть его в том, что он не был столь же велик, как один из величайших военачальников всех времен». Дарий наделен многими достоинствами, но по сравнению с македонским героем он был всего лишь обычным человеком. В обычные времена он мог бы быть хорошим царем [Роулинсон]. Если бы он не был обязан противостоять Александру, он мог бы остаться в истории примером превосходного руководителя [Жюсти]. Дарий — один из множества царей, которые были бы счастливее и уважаемее, если бы никогда не поднимались на трон [Тирлуолл], и т.д.

АЗИАТСКИЙ ДЕСПОТ

В целом Дарий отличен от Артаксеркса III, которого Дройзен называет «настоящим азиатским деспотом, кровожадным и хитрым, энергичным и сластолюбивым». Тем не менее к нему также применима одна из основных характеристик Великих царей; он также «восточный человек», «азиат». По словам Ж. Раде, именно благодаря этому он предпочитает разглагольствования сражению, так как «дипломатические маневры всегда были областью, в которой люди Востока были непревзойденными мастерами... [благодаря] упорной гибкости и плодотворному двуличию». Терзаемый «сентиментальной страстью и чувственной ревностью», он был вынужден вести переговоры ввиду захвата собственной семьи, так как «самое большое несчастье для восточ-

ного правителя — это потеря гарема». Расцениваемый Роулинсоном как человек «слабый и злой», Дарий II находился под тлетворным влиянием «его жены Парисатиды, одной из наиболее жестоких и зловредных даже среди восточных женщин». Однако «ослабление деспотичного могущества, усиление влияния двора и гарема» ощущалось уже в конце царствования Ксеркса. Дарий III у Раде является истинным наследником Ксеркса Дройзена и Дария II Роулинсона.

Таким образом, чтобы объяснить читателям традиции и институты Персии времен Античности, господин де Бюри сопоставил ее с Персией его времени, которую он знал главным образом на основании чтения отчетов о поездке Тавернье:

«Сравнивая то, что путешественники последних двух веков нам сообщают о современных персиянах, с тем, что античные авторы писали об их предках, мы видим, что их характер остался тем же, за исключением некоторых незначительных деталей, что и во времена Кира и Александра» (1760, стр. 224—225).

В процессе сравнения он настаивает на сохранении достоинств персидского народа, описанных как греческими авторами, так и Боссюэ и Тавернье. Но в целом, особенно начиная с XIX века, в Европе развилось «ориенталистическое» воззрение, основанное на сопоставлении «восточных» народов с персами Античности. Именно поэтому Б.Г. Нибур систематически делает ссылки на современную восточную историю, пытаясь объяснить своей аудитории то, чем могла бы быть империя Дария III. Он говорит, что для того чтобы разобраться в принципах царствования Артаксеркса II, достаточно «прочитать историю царей Суфи и моголов». Упадок царствования очень похож на упадок Турции в конце XVIII века (1856, стр. 362). «Царь не был тираном; но, так как он был типичным примером восточного деспота, его история полна максимальной жестокости, которая воспринималась как вполне естественная вещь» (стр. 360). При Артаксерксе III мы видим «нормальное развитие восточного государства»: принц сладострастен, беспечен и бездарен; положение евнуха Багоаса сравнимо с тем, что мы знаем о персидском дворе конца XVIII века... Вот как Нибур объяснял победы Александра над армиями Дария:

«Сражения против варваров существенно отличаются от тех, которые ведутся против цивилизованных наций... Сражения против персов и других восточных народов имеют все те же признаки, в некоторой степени недостойные... Победа при Гавгамелах была легкой; это была победа над азиатской трусостью и варварским беспорядком... причина превосходства европейцев над азиатами: так было всегда, за исключением времен калифов и турецких побед, когда европейцы стали сами наполовину азиатами» (1856, стр. 432, 439, 445).

Сторонник крайне сомнительных тезисов о политике Александра по отношению к иранцам, Берб прибегает к практически к тем же формулировкам. Таким образом, чтобы объяснить то, что он считает серьезными слабостями Дария, автор полагает, что «только сравнение с натурой восточных султанов» мо-

жет позволить оценить несостоятельность Дария; помимо этих султанов, он дает два других примера, взятых из Античности, — Тиграна Армянского и, «в некоторой степени», Антиоха III, так как люди Востока были неспособны показать ту сознательную энергию, которая была известна у людей Запада: «С этой точки зрения, Дарий, по сравнению с Александром, был представителем другого мира, который македонцы разбили вдребезги, но который и сам постепенно разрушался» (1926, стр. 129).

Сравнение с султанами приводится довольно часто, когда авторы упоминают «упадок Персии». Говоря о пышности жизни двора во время Ксеркса, Ф. Жюсти пишет: «Повседневная жизнь шаха в античное время была такой же, как и сегодня», и видит поразительную иллюстрацию этой восточной неизменности в существовании гарема и в политической роли женщин: «Женщины играли в мировой истории роль намного более важную, чем мы привыкли считать, и женская половина дома последних Ахеменидов была не просто сценой любовных интриг и кровавых ссор, но также точкой отсчета политических реалий и многочисленных преступлений» (1879, стр. 125—126). Говоря о «жизни гарема» при Ксерксе, он утверждает: «Такова обычная эволюция восточных империй» (стр. 123).

Таким образом, легко понять, что для Нольдеке Дарий был не чем иным, как «одним из ничтожных деспотов, которых так часто порождал Восток». Вслед за Гротом автор сравнивает его с Ксерксом, про которого он пишет, что «его поведение во время войны было обычным поведением восточного деспота». Описание Ксеркса у Роулинсона еще более апокалиптическое:

«Слабый и легко поддающийся влиянию, в моменты страсти и самозабвения подобный ребенку — эгоист, ветреник, хвастун, жестокий, суеверный, беспутный, — он проявляет себя как восточный деспот в наиболее презренной форме... Именно царствованием Ксеркса мы должны датировать упадок империи как с точки зрения территориальных потерь, так и с точки зрения ослабления военной мощи, административного порядка и национального рассудка. С него началась коррупция двора — фатальное зло, которое почти повсюду ослабляет и разрушает восточные династии» (1871, стр. 470—471).

Если Дройзен утверждает, что Дарий был «красивым и серьезным», то почти тут же он добавляет — под видом уточнения — сведения, которые ограничивают восхищение: «Именно таким азиаты любят представлять своего сюзерена». С точки зрения Шахермайер, подобное упоминание, напротив, носит характер комплимента. Он, совсем как Гобино, обрушивался на тлетворное влияние греков, «нации, которой никогда не были присущи разум и благородство» (II, стр. 131), и сожалел, что при Артаксерксе II «иранская нация доминировала скорее, чисто номинально» (II, стр. 300). Шахермайер, адепт «арийской чистоты», был неистово враждебен к «восточным помесям», которые для него означали «дегенерацию». Поэтому провозглашаемое им восхищение Дарием полностью основано на его расистском мировоззрении:

«Нет ничего общего ни с одним из этих персов, перестроившихся на западный, эллинистический манер. Нет ничего удивительного в том, что, став правителем, он остается прежде всего иранским воином, и в его характере добавляется лишь самодовольство восточного паши. Удивительно, до какой степени Дарий, будучи совершенно восточным человеком, старался как можно быстрее приспособиться к условиям западной политики, которая все больше выходила на передний план» (стр. 131).

Эти «персы, перестроившиеся на западный, эллинистический манер», незамедлительно напомнили портрет Кира Младшего, который дает Роулинсон (курсив из английского текста):

«Несмотря на свои значительные заслуги, у Кира были значительные и серьезные дефекты. Так же как татарами всегда называют русских, так и истинно восточный человек здесь предстает в одеждах греков и с греческим мировоззрением... Интеллектуально Кир велик, *но только для азиатов...*» (стр. 495—496).

Ссылка на татар ясно показывает, что понятие «восточный» преодолело века. Раде, что естественно для него, вставил Дария и его любовь к сложным переговорам в длинный ряд его предшественников: «Что касается неожиданных реваншей, начиная с эпохи Тиссаферна до наших дней их приносила [восточным людям] упорная гибкость их плодотворной двуличности» (стр. 74). И когда он утверждает, что «самое большое несчастье для восточного правителя — это потеря гарема», становится ясно, что Дарий вписан в широкий спектр царей и султанов, или, как неоднократно высказывался Дройзен, «азиатских деспотов». Один из постулатов «ориентализма» проявился у Джеймса Дарместетера в его первом уроке в Коллеж де Франс в 1885 году, когда он объединил воедино историю Персии, от Ахеменидов до Сасанидов: «Деспотизм и персидские традиции». И еще век спустя, в 1983 году, эта идея все еще является единственной — она проявилась в книге Кука о Персидской империи, где он пытается связать палаточные лагеря Ксеркса и Дария III и реальность персидского двора, описанного венецианским послом Пьетро делла Валле в XVII веке: «Деспотические режимы приходят и уходят, но персидская история неизменна со времен Ахеменидов» (стр. 231).

ЗАСТОЙ, УПАДОК И РАЗВИТИЕ

Включение Дария III в очень длинную цепочку «азиатских деспотов» в то же время показывает, как за суждениями о его характере и способностях как государственного деятеля и полководца проглядывает сам персонаж. Вначале он просматривался через гегемонистскую теорию, считавшуюся бесспорной: теория о непрерывном упадке ахеменидской империи считалась частным примером неизбежного явления — застоя, являющегося неотделимым признаком любого деспотичного правительства. С этой точки зрения Дарий попадает в ключевой момент процесса, относительно природы которого все авторы высту-

пают единым фронтом, даже если они могут расходиться во мнении относительно способностей обсуждаемой личности к ее устранению.

Унаследовав древнюю античную теорию о пяти империях, Боссюэ уже спрашивал себя не только «о возвышении и падении империй, но и о причинах их роста и их упадка». Какой еще более наглядный пример рассуждений Боссюэ мог бы получить его известный ученик, как не этот, так как «где еще можно получить более наглядный урок суетности человеческого величия»

Когда Боссюэ завершает главу IV о неудержимом подъеме Македонии при Филиппе II и собирается начать главу V — «Персы, греки и Александр», он пишет в заключение о падении персидской монархии: «Но чтобы понять, что именно ее погубило, надо просто сравнить персов и преемников Кира с греками и их военачальниками, главным образом с Александром». Действительно, после побед первого Кира Персидская империя видела эволюцию всех восточных империй, но эволюцию молниеносную. Под этой прозрачной ссылкой подразумевается знаменитое противопоставление Платона (Законы III. 693c—698a) сыновей царей, выращенных во дворце женщинами и евнухами (таких, как Камбиз и Ксеркс), с царями, рожденными простыми людьми и выросшими в простоте (Кир и Дарий I). Боссюэ считает, что «Камбиз, сын Кира, был тем, кто развратил нравы». В течение длительного историографического периода А. Хеерен был единственным, начиная с Платона, кто сделал относительно Дария III благоприятные заключения: «Не будучи, как его предшественники, выращенным в серале, Дарий продемонстрировал достоинства, которые сделали его достойным лучшей судьбы, чем та, что его ожидала» (1836, стр. 119). Боссюэ, наоборот, придерживался «наиболее вероятного мнения», согласно которому Дарию происходил из царской семьи.

Несмотря на заметное, но короткое восстановление империи при Дарии I, зло распространялось неотвратимо: «При его преемниках все пришло в упадок, и роскошь персидского двора была безмерна». Таким образом, понятно суждение, приписываемое всегда его врагам: «Когда возвышенная Греция смотрела на азиатов, на их изысканность, их украшения, их женоподобную красоту, она ощущала к ним одно презрение». В доказательство приводится урок, который, как и поколения историков, пришедших после него, Боссюэ извлекает из истории Десяти Тысяч: «Только [они] смогли не оказаться разбитыми при всеобщем поражении армии [Кира Младшего]».

Затем Роллен сформулировал теорию, согласно которой причины поражения не следует искать только в личных дурных качествах Дария. Автор отводит значительно большее место общему упадку Персидской империи, исследованию которого он посвящает значительное время. Обозначив начало рассматриваемого периода смертью Кира, он рассуждает о «причинах упадка Персидской империи и об изменениях нравов» (I, стр. 566—578). Он перемещается в конец царствования Артаксеркса II и спрашивает себя о «причинах волнений и мятежей, которые столь часто возникали в Персидской империи» (III, стр. 481—485). Рассуждение продолжается и заканчивается смертью Дария, моментом, о котором Роллен размышляет в связи с «недостатками, которые привели к упадку и гибели Персидской империи» (IV, стр. 144—148). Изложение открывается следующим пассажем: «Смерть Дария Кодомана может рассматриваться как пере-

ломный период, но не как единственная причина гибели персидской монархии». Встроив Дария в династическую последовательность, автор считает, что «легко понять, что гибель империи началась уже давно, и что упадок нарастал постепенно, пока не дошел до своего логического конца». Он безапелляционно констатирует:

«Сошлись воедино и были допущены в общественной жизни множество ослабляющих общество моментов, и постепенно они разрушили мужество, унаследованное персами от предков. Они не изнемогли, как римляне, под тяжестью мелких признаков спада, борясь с ними и порой побеждая. Едва Кир исчез, возникла иная нация с иными царями с совершенно иным характером... Можно сказать, что Персидская империя почти с самого своего зарождения была тем же, чем другие империи стали только по прошествии долгих лет, что она началась с того, чем другие уже завершают существование. Она несла в себе основную причину своего разрушения, и этот внутренний дефект постоянно увеличивался от царствования к царствованию... [Принцы] отказывались от завоевательных намерений и предавались праздности, были вялыми и беспечными. Они пренебрегали военной дисциплиной... [И таким образом] принцы оказывались слабыми или порочными, [руководимыми] ленью и любовью к удовольствиям, расслабленными радостями сладострастной жизни» (IV, стр. 144—148).

Роллен был одним из первых авторов, использовавших образ гиганта, лишённого реальной силы: «Ослепляющее сверкание персидской монархии скрывало ее реальную слабость; это безмерное могущество, сопровождаемое таким блеском и величием, не черпало сил в сердце народов. При первом же ударе, нанесенном этому колоссу, он был разрушен». Именно об этом говорит знаменитое выражение «колосс на глиняных ногах», и к этому тезису восходит объяснение, развитое Дройзеном, а за ним Масперо и множеством других историков о нежизнеспособности Персидской империи ввиду остановки завоевательного процесса: «[принцы] отказались от завоевательных намерений».

В 1839 году де Сент-Феликс высказал мнение, что развал Персидской империи не может быть приписан только таланту Александра. Для подобного разрушения должны были быть также и внутренние причины. Автор относит к ним чрезмерную власть сатрапов, «ослабление царского дома, его истребление Охом, его унижение под властью Багоаса», а также «совершенно ужасающие союзы¹⁷... Это ужасное злоупотребление, вносящее беспорядок в семью, стало плодотворным источником коррупции и, бесспорно, активно способствовало деградации этого суверенного азиатского народа...» Приняв все это во внимание, он полагает, что «если бы Персия не была поработана Александром, она разделилась бы на несколько государств. Завоевание только замедлило процесс преобразования» (стр. 443—445).

В начале своего труда, с первой же страницы, Дройзен задал вопрос, который объясняет первую главу (стр. 3): «Как могло произойти, что Персидская

империя, которая завоевала столько царств, столько стран, сумела успешно править ими в течение двух веков... Как случилось, что она обрушилась при первом ударе македонцев?» Сделав отступление для описания эволюции Греции и Македонии, он отвечает на этот вопрос. Александр был призван сделать на Востоке то, что его отец начал делать в Европе. Он демонстрирует развитие Греции и неизменность Персидской империи, ее абсолютную, недвусмысленную, застывшую неизменяемость. «Если со стороны Европы все было готово для окончательных решительных действий, то со стороны Азии находилась огромная Персидская империя, достигшая момента, когда она исчерпала властные возможности, которые были источником ее успехов; казалось, ее больше ничего не поддерживает, кроме инертной силы свершившегося факта» (стр. 48). Под видом мнимой косвенной речи он приписывает заключение самому Дарию: «Он, казалось, предчувствовал, что для распада колоссальной империи, терзаемой изнутри и застойной, нужно было только внешнее потрясение». Это высказывание, введенное в оборот Ролленом, было затем принято и приспособлено последующими поколениями и имело успех. В 1869 году Гобино оценивает империю на момент воцарения Дария II в следующих выражениях: «Огромная масса, которая не падает только благодаря своему весу» (II, стр. 352).

Эта эволюция началась давно, но, согласно Дройзену, она ускорилась в период между Дарием и Ксерксом, особенно в результате поражений, нанесенных греками: «Начали наблюдаться признаки застоя и упадка, от которых эта империя, неспособная к внутреннему развитию, начала изнемогать сразу после того, как она прекратила рост за счет побед и завоеваний». Застой присущ этой системе; упадок наступает ввиду того, что структурный застой более невозможно прикрыть приятными последствиями завоеваний, иначе говоря, притоком трофеев, подарков и даров. Имперская модель, созданная Дройзенем, живет только войной и завоеваниями: у нее нет эндогенного развития, она должна воевать, чтобы добыть богатства, которых в империи не производят. В результате, как только империя терпит поражение, она неминуемо подвергается застою и упадку.

Как это уже отмечал Роллен, такая точка зрения уменьшает ответственность Дария, «невинная жертва, вынужденная искупать то, что уже не могло быть излечено... Он должен был искупить преступления своих предшественников» (Дройзен, стр. 67; Вебер, 1883, стр. 238). Падение империи в меньшей степени является следствием личности царя, а в большей — следствием исторической эволюции. В последней части, носящей программное название «Конец старого восточного мира», Масперо рассматривает идею о том, что период царствования Дария является последним этапом процесса разложения, то есть смерти:

«Когда погибла Ассирия, ее унаследовали иранцы и создали единую империю из всех предшествующих государств, существовавших ранее на территории Азии, но упадок произошел молниеносно, неожиданно для них, и, будучи господами в течение почти двух веков, они оказались в крайне удрученном состоянии... Между первым Дарием и последним история Ахеменидов является почти непрерывной серией внутренних войн с мятежными

провинциями. По очереди восставали ионийские греки, египтяне, халдеи, сирийцы, племена Малой Азии... Они измотали Персию, но и Персия исчерпала их силы: когда Македония вышла на сцену, все они находились в таком состоянии протрации, что не могли не признать свой грядущий конец» (стр. 813—814).

Масперо по-своему подхватывает теорию Дройзена, высказанную уже Ролленом, о связи между прекращением завоеваний и упадком империи:

«Восточные империи живут только при условии постоянной готовности и непрерывных побед. Они не могут ни закрыться в определенных границах, ни ограничиться обороной. В тот день, когда они прекращают экспансию, они начинают неизбежно разрушаться: они или являются завоевателями, или их не существует» (стр. 726).

Согласно Масперо, единственное отличие состоит в личности правителя: «И именно активность спасает их от утраты прав, поскольку очень многое зависит у них от личности правителя, которому нельзя быть вялым или неумелым». Этого нельзя сказать о Ксерксе: «И в то время как военные действия Греции вели к разделению империи, что делал Ксеркс? Ксеркс растрачивал в изнеженности и разгуле ту небольшую энергию, которая была у него вначале... Бездарность царя и вялость правительства скоро стали видны с такой очевидностью, что это даже взволновало двор». Его потомки все менее были способны нести груз царской власти. Даже кровавая энергия Артаксеркса III ничего не могла поделать: «Чтобы империя могла оказывать то влияние в мире, право на которое давала ее безграничность, нужно было ее снова завоевать, чтобы затем постепенно привести в порядок, но могли ли согласиться с длительной реорганизацией составляющие ее элементы?» Ответ явно содержится в самом вопросе и одинаков у всех авторов: «Империя, которую Александр собирался атаковать, уже давно была готова развалиться (Duguy, 1919, стр. 300). Эту идею мы вновь находим у автора, который, однако, зашел слишком далеко, обсуждая персидскую историю, основываясь лишь на царских надписях (Ahl, 1922, стр. 93.).

Подобный тип заявлений о «восточных империях» был долгое время очень популярен у историков. В невероятном пассаже о «персидском упадке» Ф. Альтгейм не постеснялся написать с обезоруживающей уверенностью, пытаясь путем безапелляционного суждения придать интерпретации вид экспериментальной проверки: «В Азии величие выживает не дольше двух поколений, и Ахемениды не стали исключением из этого правила» (стр. 77). В рамках такого контекста автор пытается придать важность своему произвольному назначению Вавилона столицей империи Ахеменидов¹⁸ — города, который, по его мнению, был насыщен разложением и заразал им завоевателей:

«Известность великого города составляли предоставляемые им наслаждения, его безнравственность и кутежи. Одно лишь название — Вавилон — сразу напоминало о наслаждениях чувственной жизни, упадке и красоте,

приобретшей болезненную привлекательность. В болотистом климате, где быстрее наступает цветение, но столь же быстро возникает распад, развивались высокоррафинированные формы наслаждений. Город был похож на гетеру, жадную до молодости, которой она жаждет насыщаться и увлечь с собой в вырождение» (1954, стр. 76—77).

Можно лишь вновь поразиться удивительным повторениям формул и представлений. Дважды веками раньше Роллен предлагал своим читателям такое же точно объяснение, в рамках уже канонического ныне представления об «упадке персидской монархии».

«Завоеванный Вавилон подносил своим победителям отравленный кубок, очаровывая их привлекательностью своего сладострастия. Он поставлял им министров и учил, как наслаждаться роскошью, искусством и изысканностью...» (IV, стр. 144).

С тех пор никто не удивляется, что выводы Альтгейма также остались надолго: «Восхождение на престол Дария III Кодомана, похоже, означало приход лучших дней. Но смертный час уже настал» (стр. 78).

КОЛОНИЗАТОР АЛЕКСАНДР И КОЛОНИЗИРОВАННЫЙ ВОСТОК

Успех этой модели объясняется ее простотой и пластичностью. В ней можно сохранить структуру и смысл, приспособить ее к новым потребностям, добавить новые детали. Давайте вернемся к суждению Масперо об упадке ахеменидской империи. Следствием этого суждения является утверждение о необходимости внешнего вмешательства: «Старый восточный мир из последних сил агонизировал: и прежде, чем он умер сам, счастливая отвага Александра призвала Грецию к принятию наследства». Это заявление Масперо напрямую унаследовано от Дройзена, который, в свою очередь, основывался на небольшом по объему труде Плутарха («De Fortuna Alexandri»), прочитанном с мыслью (вдохновленной Гегелем) о «плодотворной» встрече Европы с Азией. Приведенные им примеры показывают, согласно его мнению, что македонский царь принимает решения, видя изменения и преобразования в стране. Эти решения позволили ему прийти к следующей общей оценке:

«Достаточно хорошо заметна значимость побед Александра с точки зрения экономики страны. Возможно, никогда больше один человек не приводил к столь внезапным, столь мощным преобразованиям на столь огромном пространстве... [Речь идет действительно], — добавляет Дройзен, — о преобразовании... необходимом и проводимом с полным осознанием цели» (стр. 690—691).

В свою очередь, неистовство созидательной деятельности Александра демонстрирует огромный контраст с застоём ахеменидской империи. В целом

предпринятые Александром меры имели целью «пробудить народы Азии от оцепенения», например, благодаря «восстановлению системы вавилонских каналов».

Подобную идею мы обнаруживаем у других историков эпохи Александра, писавших о работах, проводимых на Тигре. Уже представленные Хогартом в 1897 году (стр. 191), а затем Дройзен, две идеи были развиты У. Вилкеном в 1952 году (стр. 258—259) и Ф. Альтхеймом в 1954 году (стр. 143). Одна из них состояла в том, что Александр «был великий экономист», а другая в том, что он доказал это, развивая ирригационное сельское хозяйство в Вавилонии: «Он приказал убрать плотины, которые персы возвели в русле Тигра для защиты от нападений с моря... Персы, не имевшие флота, установили заграждения, чтобы защищаться против атак с моря; эти заграждения пали». Вновь легко определить происхождение тезиса: нужно лишь прочитать без сокращений пассажи Арриана и Страбона, полностью посвященные неистовой деятельности македонского царя. Однако, начиная с 1850 года, Чесней поставил под сомнение оборонительный характер сооружений: «Разрушение этих стен может быть полезным для навигации, но очень невыгодным с других точек зрения, в особенности с точки зрения сокращения производства по всей стране, росту которого ассирийцы посвятили столько усилий, к тому же завершившихся успехом». В 1888 году Делаттр также выдвигал вполне здравые аргументы: «Кажутся невероятными утверждения Арриана и Страбона, согласно которым персы всегда опасались вторжения флотов, пришедших в их империю из Персидского залива и поднимающихся по рекам. Откуда бы они появились? Почему, согласно выдвинутой гипотезе, заграждения находятся так далеко от моря?» Нет объяснений. Эти комментарии не были прочитаны или их не приняли во внимание, продолжая безостановочно повторять одну и ту же историю, не пытаясь вернуться к текстам и контекстам. Причина столь длительного ослепления проста: то, что Дройзен окрестил «экономическими успехами Александра», стало неотъемлемой составной частью канонического образа завоевателя, «колониального героя» в любой европейской стране¹⁹.

Вовлеченный в политические баталии своего времени, Дройзен старался установить связь между своими исследованиями и волновавшими его вопросами современности, поскольку, с его точки зрения, «события эллинистической эпохи [есть нечто большее], чем просто объект трудолюбивых досугов эрудитов». Беспощадно разоблачая «прискорбные ужасы, являющиеся следствием системы колонизации, в которой уже в течение трех веков упражнялись христианские нации Европы», он предлагает увидеть в «действительно грандиозной системе эллинистической колонизации» модель, пригодную для щедрой колонизации, которую он пропагандировал (III, стр. 774—777). Таким образом, стоит ли удивляться тому, что, вопреки намерениям автора, его интерпретации легко используются идеологами колониализма. Во Франции эта идея развивалась главным образом после поражения 1870 года: было необходимо навязать колониальную идею общественному мнению, которое в большинстве своем было к нему враждебно. Анализ школьных учебников и распространенных трудов в период 1850—1950 годов ведет к абсолютно ясным результатам.

Если явный или подразумеваемый анализ империи Дария остается крайне негативным, то изображение действий Александра в период с XVII по XVIII век быстро меняется. Конечно, авторы учебника продолжают сожалеть об изменениях в поведении завоевателя: «Великодушный и щедрый, Александр мог бы быть достойным примером, если бы пороки не испортили его... Этот принц предался корысти, гневу, роскоши, несдержанности, разгулу... Он напал, без какого-либо правового повода, на скифов и индийцев и т.д.» Но, начиная с 1890—1900 годов, эти морализаторские суждения были оставлены ради восторгов по поводу его трудов как преобразователя Востока.

Именно в античной истории теоретики и публицисты, историки и географы ищут прецеденты, которые должны доказать, что Франция должна также броситься в приключения, если она хочет сохранить свое доминирующее положение. Глядя на историю завоеванных ею стран, в первую очередь в Северной Африке, французские авторы ссылаются на римский прецедент. Им нравится развивать идею о том, что солдаты и французские колонисты пришли восстановить сельскохозяйственное благополучие, созданное римской колонизацией, а затем разрушенное арабским вторжением. Но Александр также может являться великим прецедентом. Хочу процитировать только один пример. Накануне войны 1914 года один из военачальников, Рейно, пытался проводить параллель между колониционной политикой Александра и системой протектората, которую Франция намеревалась навязать Марокко: «Мы возьмем у македонского героя урок колонизации, который, несмотря на возраст в две тысячи лет, является для нас сегодняшних жгуче актуальным... Только вместо всех других европейских народов мы собираемся использовать [этот пример] в Марокко».

Историографические последствия были тяжелыми и долговременными не только для истории империи, но и для самой фигуры Дария. Завершившаяся ахеменидская история была украдена историками, высадившимися, наподобие Александра, в страны, которых они не знали. Нередко они действовали на основании чтения древних авторов и тех, кого они, особо не рассуждая, называли «древними историками эпохи Александра», обычно не давая себе времени разумно оценить их труды. Имея имидж побежденного, такой человек как Дарий III, не имел никаких шансов на самостоятельную жизнь внутри историографии этого периода, тем более, что многие историки приписывали его поражение трусости «азиатского деспота», вскормленного властью и роскошью. Даже некоторые моральные и внутренние достоинства, в которых ему не отказывают некоторые авторы, не возвышали Дария, так как эти его качества были совершенно недостаточны для того, чтобы поддержать энергию в своих подданных и отразить атаки героя, пришедшего из Европы. Единственное, в чем единогласно сходятся все критики Дария, — это неслыханная мощь его противника. В остальном же его безжалостно опускают до уровня обычного царя, без размаха или таланта.

Кроме того, колониальная историография сделала из него плохого администратора, бросающего на произвол судьбы дороги, преобразующего налоги в предметы роскоши, вместо того чтобы заниматься ирригацией и развивать товарооборот, устраняющегося от участия в беседах по вопросам сети рек и питающих поля каналов Вавилонии, — короче, содержащего свою страну в неспра-

ведливой зависимости и «азиатском застое». Вот, например, как вслед за Дройзеном²⁰ В. Дюруа представляет труд по экономическому преобразованию Азии как следствие завоеваний Александра. В этом отрывке легко читается изображение царства Дария:

«За счет дорог, которые Александр открыл или обеспечил их безопасность, подготовленных им портов, строек, убежищ или этапов, начала активно развиваться торговля и связь между народами... Промышленность получила сильный толчок при помощи огромных, прежде неактивных и потому бесплодных, богатств, лежавших в царских сокровищницах, которые теперь были пущены в дело расточительной рукой завоевателя» (1889, стр. 314).

Рассматриваемый исключительно в телеологической перспективе, первый победоносный завоеватель, пришедший из Европы — «солдат цивилизации», — только Александр был в состоянии предложить реальный выход странам империи Дария. Таково мнение А.Т. Ольмстеда, высказанное в 1948 году в его замечательной книге об истории Персидской империи. С его точки зрения, развал империи объясняется излишним налоговым бременем. По этой причине история империи постоянно сотрясалась все большим числом мятежей покоренных народов (стр. 289). Переходя практически к началу царствования Дария III, он с негодованием описывает хитроумные финансовые меры, навязанные ахеменидскими военачальниками как подвластным жителям страны, так и иноземным наемникам, и поэтому безоговорочно отводит Александру роль положительного героя, освободителя страны, раздавленной деспотизмом Дария: «Ближний Восток был, таким образом, готов к тому, чтобы согласиться с любым захватчиком, который предложил бы ему надежное и эффективное управление» (стр. 487). Тезис показался настолько четким и ясным, что он был взят на вооружение Реза Пехлеви, бывшим шахом Ирана, озабоченным возвеличиванием иранской истории: «Разложение Ахеменидов привело к такому уникальному явлению как — Александр Македонский» (1979, стр. 18).

ИТОГ И ПЕРСПЕКТИВЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Если попытаться сейчас кратко и в общем оценить образ Дария в историографии ближайшего времени (приблизительно в последнюю четверть века), придется отметить, что новациям предпочитается повторение прежних выводов. Для большинства авторов — тех, которые, по крайней мере, считают полезным сказать о Дарии несколько слов (а таких не так уж и много), — империя давно вошла в спираль безнадежного упадка. Некоторые продолжают считать, что в результате македонского завоевания Ближний Восток наконец-то познал реальное экономическое и коммерческое развитие. Артаксеркс III считается «последним великим Ахеменидом» или «наиболее агрессивным и победоносным монархом в IV веке». Его царствование рисуется как подъем империи перед окончательной катастрофой. Когда образ Дария описывается, а не только упоминается — что бывает крайне редко, — суждение о нем остается неуверен-

ным, переменчивым и неустойчивым. Авторы любят упоминать, что «он был красивым и большим, а также совершил великий подвиг в войне против кадусиев», но, однако, о его царствовании большинство авторов отзывается не лучшим образом. Некоторые считают, что «вопреки очень жесткому осуждению потомства, он не был противником, которого можно было бы недооценивать»; другие, напротив, полагают, что победы Александра объясняются прежде всего «посредственностью и некомпетентностью его противника». Третьи, наконец, думают, что, приняв во внимание все известные сведения, «ввиду отсутствия документации никакое суждение не может быть признано окончательным», и т.д. Некоторые не колеблются вернуться к давно ставшей пошлой оценке, введенной в обиход еще Боссюэ: у Дария было множество положительных качеств, но он не мог ничего сделать против столь исключительного человека, каким был Александр.

Конечно, можно отметить, что в течение последней четверти века в историографии наметилось движение по пересмотру этого образа. Даже при том что негативная версия сохраняет своих сторонников, сегодня историки нередко принимают «позитивную» версию и соглашаются считать, что ни у Исса, ни при Гавгамелах стратегия царя не была глупой и он не был трусливым воином. Но необходимо констатировать, что в этих редких монографиях «позитивного» толка не предлагается ни новых путей, ни новых методов. Переоценка Дария как воителя кажется тем более непрочной и парадоксальной, что ввиду печального состояния документальной базы восстановление хода сражений Александра и Дария, видимо, навсегда останется в области противоречивых гипотез. Сражение при Гранике является этому красноречивым примером, поскольку две наиболее подробные версии — версия Арриана и версия Диодора — совершенно отличны. Но проблемы, существующие с описанием битв при Иссе и Гавгамелах, остаются по-прежнему настолько острыми, что крайне трудно уверенно сказать что-либо относительно достоинств Дария по сравнению с Александром, как в ходе битвы, так и вне ее. Единственное заключение, которое мы можем сделать сегодня с очень большой вероятностью, состоит в том, что Дарий проводил осознанную стратегию в период между битвами при Иссе и Гавгамелах, которая позволила ему вести свою игру и завлечь Александра туда, где он решил встретиться македонскую армию. Но — и снова по причине противоречивости источников — роль, которую сыграл Великий царь в ходе сражения, до сих пор остается предметом дискуссий.

Что касается всего остального, основания для расхождения в интерпретациях остались практически неизменными. Очевидно, что многие поколения продолжают неумолимо заниматься словопрениями по поводу нескольких пассажей греко-римских авторов, которые позволяют как выдвинуть на передний план бойцовские качества и физическую представительность Дария, так и настаивать на его некомпетентности и трусости: первый образ является следствием перефразирования нескольких пассажей авторов Вульгаты и Плутарха, в то время как второй был создан главным образом на основании суждений Арриана, поддержанных также и другими древними авторами. Как показывает изменение тона в английской историографии первой половины XIX века, нелюбимый портрет Дария возник вследствие того, что Арриана там предпочли

Юстиниану, Диодору, Квинту Курцию и Плутарху, при помощи которых в период между Средними веками и Ренессансом распространялся, наоборот, образ красивого, смелого Великого царя, преследуемого злой судьбой. Ясно выраженный в последнее время интерес к традиции Вульгаты сформировал, в свою очередь, у историков большую приязнь к лицеприятному портрету Дария. Тем не менее в вопросах анализа военных действий ученые продолжают большее внимание оказывать Арриану. Как говорил его первый французский переводчик, Николя Перро д'Абланкур, сам весьма заинтересованный всеми этими проблемами, «это военный человек», который «относится к войнам как великий полководец»²¹.

Несколько смущает то, что движение по пересмотру образа Дария связано с весьма желательной тенденцией по культурному раскрытию истории Александра, которое в новейших исследованиях пойдет бок о бок с очень критическим суждением по поводу последствий македонских завоеваний. В результате этого сдвоенного движения возникает серьезная проблема. Дебаты об Александре-«цивилизаторе» и Александре-«разрушителе» являются всего лишь возобновлением или продолжением полемики, уже давно ведшейся в литературе. В этих трудах «моральные» условия неизменно весьма далеки от историографических целей. Нет никакого смысла в том, чтобы вероятное обесценивание образа Александра и его завоеваний привело к пересмотру образа его противника, как будто образ Дария находится в иллюзорной механической зависимости от образа Александра. Ведь если историку Александра необходимо избежать синкретической тесной связи с «великим героем», то историк Дария, со своей стороны, не является простым свидетелем, призванным защитой, чтобы помочь первому в качестве эксперта в процессе реабилитации.

Таким образом, чтобы выскользнуть из этого тупика, простого анализа современного исторического творчества явно недостаточно. Нам надо вернуться прямо к древним источникам, чтобы понять, как именно создавались документы о Дарии III, особенно в римскую эпоху. Разумеется, речь не идет о том, что придется прежде всего провести поиски первичных источников, которыми пользовались древние греко-римские авторы — это абсолютно бесполезно, поскольку они безвозвратно исчезли. При отсутствии даже минимальных условий, необходимых для успешного ведения настоящих биографических исследований, не стоит надеяться на то, что удастся выбрать между «положительным» и «отрицательным» портретами. Даже если последний из Великих царей был особенно обижен древней и современной историографией, цель книги, которая ему посвящена, не может состоять в том, чтобы прежде всего восстановить его образ: необходимо, скорее, понять, как и почему этот образ формировался в течение многих веков. Таким образом, недостаточно постоянно отсылать читателя к Юстиниану и Диодору, чтобы утверждать, что Дарий был смелым человеком (поскольку до своего воцарения он победил в дуэли с кадусийским воином), или к Плутарху, чтобы сделать вывод или подтвердить тезис о том, что Дарий был красив и имел внушительное телосложение. Недостаточно также просто разоблачить пристрастность Арриана в описании Дария и Александра; скорее необходимо понять, над какими литературными моделями работал Арриан и как он писал свой труд и какие

предполагаемые и реальные условия были вообще у древних авторов, писавших об Александре. В качестве примера подобного тезиса бесконечно важнее понять, на основании каких образов и каких ментальных категорий строился и распространялся мотив личного поединка, который обнаруживается в легенде о Дарии и в легенде об Александре.

И наконец, вопросы, которые были вызваны историографическим исследованием, отражают основной методологический вопрос — вопрос отношения историков к своим источникам. Эти вопросы можно было бы считать почти банальными, если бы исследования и ответы на них не были бы столь решающими: как работали авторы, которые в римскую эпоху, описывая подвиги Александра, упоминали о Дарии, и как их труды могут быть использованы сегодня? Таким образом, чтобы иметь шанс ответить на эти вопросы, необходимо осознать и неутомимо повторять следующую истину: авторы, которых мы изучаем, не являются «нашими коллегами», как подчеркнула с большим талантом и пронизательностью Николь Лоро, говоря о Фукидиде²². Таким образом, недостаточно, говоря о том или ином эпизоде, вести критический анализ различных противоречивых версий, утверждая, что при помощи некоторой сортировки можно отделить зерна от плевел — по той простой причине, что текст состоит из совокупности «хороших» зерен и «плевел». Лучше погрузиться в процессы литературного творчества и спросить себя о происхождении и циркуляции периодически повторяющихся образов.

ПАРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ГЛАВА 3. «ПОСЛЕДНИЙ ДАРИЙ: ТОТ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОБЕЖДЕН АЛЕКСАНДРОМ»

ЖИЗНИ В ПРИМЕРАХ, ПРИМЕРЫ ЖИЗНЕЙ

Невозможно точно зафиксировать во времени и в пространстве рождение жанра биографии. Можно лишь сказать, что в Античности любили — не меньше, чем мы сейчас, — наслаждаться трудами, посвященными действиям «великих людей» — царей, вождей, кондотьеров. Жанр, который мы называем биографией, развился в Греции, а затем в Риме, смешавшись с жанром элогии. И даже когда автор хочет показать своим читателям примеры человеческих пороков, он обращается к примерам из жизни «великих людей», а не никому не известным простым смертным.

Об этом свидетельствуют многочисленные сборники: давайте просто процитируем «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (где Александр является позитивной фигурой рядом с Цезарем), или труд Корнелия Непота, посвященный великим иноземным военачальникам, который является переработкой намного более внушительного произведения, сегодня практически полностью пропавшего — «De viris illustribus». Конечно, ни Плутарх, ни Непот не писали биографий в том смысле, в котором их понимает нынешний историк. Уже эллинский историк Полибий, никого не упоминая напрямую, описывая пороки и достоинства Филиппа V Македонского, бросал упрек «другим писателям» в том, что они высказывают суждения «о царях и других знаменитых людях», не помещая их в точные исторические условия. В этом контексте он указывает метод, которому должно следовать:

«Мы никогда не будем делать выводов в преамбулах, как это делают другие историки, но всегда будем показывать царей и других замечательных людей в рамках обстоятельств и сопутствующих событий, делать ремарки, соответствующие ситуациям, в которых оказались герои, поскольку мы считаем, что этот способ рассказа о своих наблюдениях наиболее точно соответствует одновременно интересу писателей и интересу читателей» (X.26.9).

В целом такого же мнения придерживается и Диодор Сицилийский, который в начале книги XVII, посвященной Александру, сообщает: «Но ничто нас не обязывает в преамбуле заранее воспеть какой-либо из подвигов этого царя: подробности свершившегося сами по себе обнаружат все величие его славы» (§ 1.4).

Различие видно у Плутарха в начале его «Жизнеописания Александра» (1.1—3), но у Плутарха совсем другой подход, чем у Полибия. Обращаясь к своим читателям, Плутарх так определяет свою программу: «Мы просим читателей не придирайтесь к нам за то, что вместо того чтобы сообщать подробно и скрупулезно обо всех знаменитых действиях этих двух людей [Александр и Цезарь], мы сокращаем большую часть рассказа об этих жизнях. В целом мы не пишем *историй*, мы описываем *жизни*, и главным образом то, как и в каких наиболее ярких действиях проявляется их мужество или порок...» Основная задача, по Полибию, состоит в том, чтобы рассказывать в мельчайших деталях «о событиях и боях». Авторы «жизнеописаний», напротив, пытаются «проникнуть в потаенные закоулки души... Часто маленький факт, слово, шутка лучше показывают характер, чем бои, в которых пали тысячи людей».

Латинский автор Корнелий Непот в начале главы, посвященной подвигам фиванца Пелопида, демонстрирует ту же точку зрения: «Если я рассказываю о нем подробно, возможно, я больше опишу историю эпохи (*historia*), чем историю его жизни (*vita*)». Таким образом, замечает Непот, автор должен избежать двух подводных камней: во-первых, плохо проинформировать читателей, стараясь их не отвлекать, а во-вторых, утомить читателей, стараясь их образовать! Страх увидеть, как читатель бросает книгу, объясняет также, почему авторы «Жизнеописаний» охотно жертвовали точностью ради завлекательности. Кроме того, ни Плутарх, ни Непот не претендовали на лавры историков. Древняя биография писывалась скорее в дидактических целях, что и объясняет ее нравоучительный характер.

Подобные биографии невозможны без повторяющихся экскурсов к знаменитым примерам (*paradeigmata, exempla*), которые придают им жизненность и смысл. Плутарх высмеивал «ленивых... желающих получить готовенькое от других, все для них приготовивших»². Но он и сам написал множество трудов такого рода, которые он предназначал, в частности, императорам, которые, таким образом, «[не потеряют] слишком много времени, так как [смогут] вкратце познакомиться с изображениями многих достойных героев»³. Именно так он высказывается в предисловии к своим «Афоризмам царей и стратегов» — труде, который он направил Траяну. Указывая на отличие «фактов и изречений» от «Жизнеописаний», Плутарх объясняет, что эти «памятные высказы-

вания дают возможность правильно понять характеры и принципы поведения, свойственные руководителям». В другом месте он поясняет: «Характер и душа царей и могущественных людей проявляется главным образом в их речах»⁴.

Сборники *exempla* были предназначены для обучения государственных мужей и военачальников. Они являются плодом долгой и терпеливой компиляции и написаны в развлекательной и понятной форме. Они составлены в виде коллекции высказываний и острот знаменитых людей (*apophtegmes*), политических, финансовых и военных стратегаем, взятых из жизни могущественных царей и великих военачальников прошлого. Таковы, например, написанные в IV веке до н.э. греческие «Полиоркетика» Энея Тактика и «Экономики» Псевдо-Аристотеля, или, в римский период, «Военные хитрости» Полиена и труд Фронтин под тем же названием. Валерий Максим уверяет, что он составил свои «Запоминающиеся факты и деяния» «подобно знаменитым авторам» и разобрал их тематически, «так, чтобы читатель мог избежать долгих усилий при поиске документов»⁵. Однако вполне возможно, что сам он позаимствовал свои истории, героями которых были не римляне, в уже существующем греческом сборнике *exempla*.

Сами цари и императоры не пренебрегали подобным занятием и время от времени составляли подобные сборники. Светоний утверждает, что этим занимался Август. Увлеченный греческой культурой, Август много читал и делал пометки:

«Прежде всего при чтении греческих авторов он искал рецепты и примеры, которым было бы полезно следовать в общественной и частной жизни; он их копировал дословно и очень часто передавал своим домашним, военачальникам или главам провинций, а также римским судьям те предупреждения, в которых нуждался тот или иной из них...»⁶

Продолжение пассажа показывает, что, для того, чтобы составить собственные сборники, Август сам прибегал к чтению уже существующих тематических сборников *exempla*, причем изменяя состав представленных героев и наполняя конструкцию произведений чрезмерной пышностью.

Светоний также отдавал себе отчет в том, что авторитетность советов и примеров была основана на том факте, что рассмотренные вопросы уже вызывали интерес древних. То же верно для выбора прецедентов, даже в юриспруденции, что показывает речь Цицерона, обращенная против Верреса, оспаривающая пригодность аргументов противника и его примеров:

«Поскольку в столь важном деле, по поводу столь серьезного обвинения, когда защитник начал заявлять, что инкриминированный факт совершался достаточно часто, аудитория ожидает примеров, позаимствованных в древних временах, в литературных источниках и в письменной традиции, примеров, абсолютно достойных уважения, восходящих к глубокой древности. То есть это такие примеры, которые обычно достаточно авторитетны в качестве доказательства и довольно интересны слушателям»⁷.

Таково же было и мнение Квинтилиена, который предлагал, чтобы ученики школ риторики использовали примеры, маленькие факты, взятые из жизни знаменитых людей, поскольку они являются «очень мощным средством в любых делах, так как они представляют собой иллюстрации, из которых в подходящий момент можно извлечь пользу... Весь мир согласился с тем, что нет ничего лучше подобных примеров, поскольку обычно будущее является ответом на прошлое...»⁸

Exempla передавались таким образом из поколения в поколение. Изыскивая примеры для иллюстрации своей речи о предрассудках многочисленных народов, и цитируя египетские, персидские, гирканские обычаи, Цицерон, будучи сам мастером *exemplum*, ссылается на Хрисиппа, составившего список странных (то есть не греческих) похоронных практик: «Существует множество других обычаев, сведения о которых собрал Хрисипп, поскольку исследователь не должен пренебрегать никакими деталями⁹. Представляя школу стоиков, Хрисипп действительно был «великим компилятором», как называет его Круазе. Он собирал различные примеры у предшествующих авторов, например у компаньона Александра, Онесикрита, которого цитировал Страбон. Тот утверждал, что, оскорбленный обычаем высушивания трупов в Согдиане-Бактрии, Александр запретил этот обычай¹⁰. Другой текст констатировал тот же обычай во времена преемников Александра¹¹. В целом классификация Хрисиппа имела большой успех, поскольку описание уже ушедших варварских практик (как, например, инцест у персов) идентично (или почти совпадает) описанию Плутарха¹² и поскольку Порфирий (в III веке н.э.) все еще ссылается на бактрийскую практику. Наконец, мы обнаруживаем список Хрисиппа, почти неизменный, у Евсевия Кесарийского в IV веке после Р.Х.¹³.

ЕХЕМПЛА И УРОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Моралисты могут объединять собранные в виде сборников *exempla* по тематикам, составляя из них повествовательное и жизнеописательное тело своих произведений. Урок, который Сенека хочет дать своим «*De Ira*», очень прост: «Вот примеры, над которыми следует поразмышлять, чтобы избежать их повторения, и, напротив, вот примеры умеренности и мягкости»¹⁴: такова единственная и подлинная цель сборника *exempla*. С точки зрения Сенеки, примеры из персидской жизни, которые он приводит, иллюстрируют «жестокость гневных варварских царей, которых не смогли изменить ни воспитание, ни письменная культура»¹⁵. Хотя, напрямую черпая у Геродота, он не отмечает ни одной из черт персидской монархии, которые были описаны автором «Историй»: «Царь никого не отправляет на смерть... по причине одной единственной ошибки; он предается ярости только все тщательно обдумав и найдя многочисленные примеры умышленного вреда, причиненного виновником, более многочисленные, чем оказанные им услуги»¹⁶. С другой стороны, Сенека намеревается предложить читателям тщательно обдумать примеры «умеренности и мягкости»¹⁷. При этом ни один персидский царь не упоминается. Однако мягкость и умеренность Артаксеркса II стали общим местом в литературе римской эпохи¹⁸. Кроме того, не скрывая, что Дарий III подвержен присту-

пам бесконтрольного гнева и насилия, Квинт Курций неоднократно подчеркивает его мягкость и умеренность¹⁹.

Очевидно, что у авторов сборников *exemplā* нет никакого стремления к историческим изысканиям, намерения достигнуть полноты информации или внутренней связности. Они просто используют в дидактических целях эпизоды из жизни, вырванные из исторического контекста. В трактате Плутарха, посвященном «контролю над гневом», нет никаких упоминаний Великого царя, кроме крайне короткого и довольно неясного намека на Кира Младшего²⁰. Нередко возникает путаница между царями. Цицерон²¹ приводит забавную историю, главным героем которой был Дарий III, в то время как у Плутарха²², этот герой — Артаксеркс II. Валерий Максим приписывает Оху подвиг «свержения магов», обычно приписываемый Дарию I²³; в другом месте *exemplū* просто упоминается Дарий²⁴. В первом случае Ох принижается вследствие его измены по отношению к тем, кто ему помог; во втором Дарий восхваляется за личную смелость в поединке против «гнусной и жестокой тирании». Таким образом, очень возможно, что имя «Ох», отвратительная репутация которого связала с этим именем образ жестокого царя, будет систематически связываться с дурными и наказуемыми деяниями²⁵. Пример показывает, что возможны изменения в зависимости от темы, которую автор решил проиллюстрировать своим рассказом: рассказ может подвергнуться нескольким изменениям, чтобы как можно лучше послужить дидактическим целям.

В этих сборниках встречается и другой тип нравоучительных повествований: примеры, позволяющие объяснить читателям, почему и как рушатся империи. В подобных материалах постоянно встречаются ссылки на злоупотребления, роскошь и чревоугодие, и в связи с этими пороками постоянно упоминаются Великие цари. Очень часто разоблачается, приводя в качестве авторитетного источника (иногда даже неявно) Ксенофонта и контрпример неподкупной Спарты, обычай персидских царей выискивать повсюду самые изысканные блюда и наиболее экзотические рецепты. Говоря о Ксерксе, Валерий Максим заключает, без сомнения, вслед за Цицероном: «Но, в то время как он предавался различным излишествам, какие только несчастья не обрушивались на величайшую из империй!»²⁶ Используя почти те же выражения и выдвигая те же обвинения, философ Клеарх из Сол делает Дария III ответственным за разрушение власти персов: «Он не понимал, что губит себя, до тех пор, пока другие не выхватили у него скипетр²⁷ из рук».

Нынешний историк не должен волноваться, узнав о таком разночтении, и даже придавать ему хоть какое-то значение. С одной стороны, надо просто знать, что Ксеркс, изображаемый посредством *exemplā*, собранных Валерием Максимом, выглядит особенно отвратительным²⁸, и что в любом случае, согласно очень упрощенному пониманию римлян, Ксеркс и Дарий III могли считаться — как один, так и другой, — ответственными за распад империи: считалось, что поражения первого в Греции открыли длительный период необратимого упадка, а поражение второго от руки Александра окончательно развалило империю, построенную Киром. С тех пор стало общим местом все время приводить в пример безудержный поиск роскоши и удовольствий, приписываемый бесчисленными авторами некоему Великому царю²⁹, превращая, таким образом, — фак-

тически в соответствии с моделью, навязанной Ксенофонтом³⁰, — личную ответственность в структурный анализ.

Подобные же, можно даже сказать, аналогичные приемы используются обычно в трудах некоторых «историков». Этот метод, например, использован Титом Ливием в его «Предисловии». Он считал, что «главное и наиболее благодетельная польза от истории — ярко представлять вашему взору примеры всякого рода». Древние историки одновременно использовали и пополняли подобные сборники настолько, что многие повествования об Александре или Дарии очень похожи на серию *exempla*, размещенных с большей или меньшей ловкостью и логикой внутри ткани повествования: таким образом, в рассказе о стоянке Александра в Вавилоне у Квинта Курция видны те же культурные стереотипы об «упадке», которые являются костяком повествования Тита Ливия о стоянке Ганибалы в Капуе³¹. Везде одни *exempla*! Но даже если с точки зрения современного человека, сборники *exempla* представляют собой малозначительный литературный жанр, основанный на крайне утилитарном представлении об истории, было бы ошибочно пренебрегать их вкладом и отбросить их при сборе возможных источников.

Примеры и афоризмы, затрагивающие сюжеты или персонажи, которыми пренебрегли или которых забыли, передают разрозненные осколки сведений, необходимых для восстановления потерянной информации. Через них мы получаем доступ к сведениям, которым очень часто отсутствуют в настоящих исторических трудах, или взятых из уже исчезнувших исторических произведений. Отсюда интерес к «Пиру мудрецов» Афиней который под видом разговора философов на званом обеде цитирует множество пассажей, взятых у авторов, о которых мы не знаем ничего, кроме имен. Кроме того, оказывается, что в этом произведении часто упоминаются Великие цари и обычаи, которые Ахемениды взяли у Александра, особенно в книге XII, где *exempla* в основном повествуют о роскоши (*tryphe*) и удовольствиях (*hedone*): персы в этом произведении описаны как учителя, так как «они имели репутацию людей, наиболее широко известных своей роскошью» (513f).

Считается, что в *exempla* собрано то, что большинство древних историков и писателей объединяет под выражением «достойно памяти». Именно в таком ключе рассматривалась в античные времена история Александра не только писателями, но и самим действующим лицом этих историй, которое, согласно Ариану, высказывало сожаления о том, что рядом с ним нет никого, равного Гомеру, воспевшему Ахилла, кто мог бы стать «герольдом его памяти»³². Готовясь к выполнению того, что в дальнейшем будет описано как беспрецедентный подвиг (в ходе осады индийской крепости), он выбирает позу, которая наиболее полно способствует укреплению его репутации и его позитивного образа у потомков:

«Он отдавал себе отчет, что, если бы он остался в этом месте, то он рисковал бы, не имея возможности совершить доблестный подвиг, достойный описания и памяти потомков (*logou axion*)... И если все же ему пришлось бы рисковать, он погиб бы в бою, совершая великие подвиги (*megala erga*) которые были бы достойны того, чтобы оставаться в памяти потомков»³³.

Диодор говорит о Александре следующим образом: «царь осмелился совершить нечто неслыханное, достойное памяти потомков (*mnémès axia*)»³⁴.

Такая концепция сокращает историю до рассказов о «великом человеке». Авторы сборников *ехетрла* предоставляют государственным деятелям Античности «созерцать образы множества героев, достойных памяти потомков (*axiòi mnémès*)»³⁵. Именно «руководителям греческого народа, почитавшихся достойными памяти потомков (*memoria digni*)» Корнелий Непот посвятил большую часть своего труда, к несчастью, на сегодняшний день утраченного³⁶. Отсюда притворно путанные объяснения Лукиана Самосатского, который, ссылаясь на пример Арриана, оправдывается в том, что его интересует жизнь самозванца Александра из Абонотика и он посвятил ему свой труд: «Я краснею... за свое предположение о том, что память этого трижды презренного человека достойна того, чтобы сохранить о ней память в истории»³⁷. И наоборот, отсюда же заявление Валерия Максима, в следующих терминах объясняющего критерии отбора персонажей: «Я не люблю брать в качестве примеров истории малоизвестных персонажей (*ab ignotis*). С другой стороны, я стараюсь не упоминать о великих людях (*maximi viri*) только для того, чтобы лишний раз упрекнуть их в их пороках»³⁸. Как известно, эта концепция сохранялась в течение многих веков. Так, например, Вольтер был убежден, что история делается, по крайней мере, по большей части, энергичными действиями «великих людей» (царей, которым содействуют философы). Он утверждал, пользуясь терминологией, унаследованной со времен Античности: «История принца — это не то, что он сделал, а лишь действия, достойные того, чтобы остаться в веках»³⁹.

Разумеется, у нынешнего историка есть собственные критерии и собственные требования. Сама идея отбора «достойных памяти» фактов и деяний и отделения их от других, обреченных на забвение, противоречит нашему пониманию истории, и в частности, истории «великих людей». Но если пытаться рассуждать о царе, рядом с которым не было своего герольда или бытописателя, историку не из чего выбирать: он с помощью своих собственных методов просматривает, размежевывает и пытается извлечь пользу из пыльных обрывков документов, переживших века и выброшенных на берег потока забвения. В таких условиях, если производимые действия систематичны и методичны, сборники *ехетрла* содержат документы, из которых — с учетом их специфичности и ограниченности — историк может почерпнуть некоторую информацию не только в плане коротких зарисовок, но и как материал для интерпретации — «мораль истории», — что и придает им смысл.

НАСЛЕДСТВО АНТИЧНОСТИ

Стоит подчеркнуть, что у этого литературного жанра появилось обильное потомство. Читая труды средневековых, а затем и современных ученых, видно, что описанные в них сцены, предложенные комментарии и изобретенные апофтегмы очень похожи на то, что мы можем найти у греческих и римских авторов. И средневековые, и современные историки легко находили у античных коллег факты, которыми можно было подпитать и проиллюстрировать мужество и подвиги современных им монархов.

Естественно, речь не идет о простых совпадениях: практически все греческие и латинские классики были переведены, внимательно прочитаны и повторены — авторы с успехом создавали все новые сборники *exempla*, применяя прием, опробованный в античные времена. В литературном и культурном контексте, где доминировало стремление подражать Античности, этот тип литературы постоянно совершенствовался и воспроизводился. В 1547 году появилось печатное издание труда «L'Institution de Prince» («Поучение принцам»), составленного Гильомом Бюде между 1515 и 1522 годами и посвященного Франциску I. Опубликованное без названия, это произведение в 1907 году было озаглавлено Деларуэлле: «Le Recueil d'apophtegmes offert à François I» (Сборник афоризмов, преподнесенный Франциску I). В этом труде Бюде позаимствовал у Плутарха схему и количество «высказываний, сентенций и выдающихся деяний великих принцев... царей Ассирии, Мидии, Персии, Египта и Македонии, таких как Александр Великий и Филипп, его отец, и наследники Александра, правившие в разных странах Азии». Он ссылается на авторитет труда, послужившего ему образцом, как на книгу, которая была «настойной книгой Траяна, славного императора», и начинает свое повествование авторским приветствием своего славного предшественника. Когда Бюде намеревается познакомить читателей «с фактами и событиями прошлых лет, достойными того, чтобы остаться в памяти потомков», он обильно цитирует «греков, столь усердных и искусных в изучении истории» (10r). Бюде считал, что благодаря его труду великие деяния царей не канут в реку забвения (24v). Он сам составил на свое усмотрение первый придворный сборник *exempla*, в котором выводит «великого Артаксеркса, царя персов» и восхваляет его, наравне с Франциском I, за благосклонность по отношению к тем, кто преподносит ему даже совсем скромные дары, и за «доступность и человечность, а также добрый и милосердный вид» (2v—3r). Рассказанный в двух вариантах у Плутарха, а затем у Элиана, анекдот о простом крестьянине, набирающем воду в ладони, чтобы предложить царю напиток, был включен уже в некоторые сборники *exempla* византийской эпохи⁴⁰.

Публикуя в 1663 году свой перевод «Apophthegmata» Плутарха, Перро д'Абланкур упоминал предшествующие «Apophthegmata», опубликованные Эразмом в 1500 году под названием «Adagiorum Collectanea», которые автор не переставал корректировать и пополнять в последующие годы⁴¹. Он упоминал также публикацию эльзасского гуманиста Ликостена (Конрад Вольфхарт), которого он считал слишком «научным» (в нем слишком ощущался Колледж): однако составленный Ликостеном в 1555 году тематический план и его латинская афористичная лексика имели необычайный успех⁴². Тридцатью годами позже (1576) в труд подобного же толка были включены несколько коротких историй и апофтегм, героями которых выступали Александр и его окружение. Автор этого произведения всюду цитировал древних авторов, демонстрируя свою эрудицию и черпая материал во всех коллекциях *exempla*, позволяя себе при этом бесчисленные отступления⁴³. Он также посвящает длинную главу льстецам, наполненную ссылками и примерами *exempla*, взятыми у Плутарха и других древних авторов. В их число входит рассказ об «Алекса́ндре, великом царе Македонии... который покинул свою страну, чтобы отправиться воевать с великим владыкой Дарием». Можно также процитировать «Опыты» Монтеня, публиковавшиеся с большим успехом триж-

ды в разных редакциях — в 1580, 1582 и 1588 году: автор почерпнул сотни высказываний и фактов из сборников *exempla*, из жизнеописаний и различных произведений историков периода греческой и римской Античности⁴⁴.

Этот жанр сохранил свою огромную популярность в последующий период. Перечитывая программное заявление Валерия Максима или пояснения Квинтилиана к готовым спискам *exempla*⁴⁵, немедленно вспоминается Роллен, который, сам будучи учителем педагогики, выступал за то, чтобы ученики сами составляли собственные выписки: «Сборники подобного толка, составленные умелой рукой, освобождают от множества усилий и придают труду писателя черты глубокой эрудиции, не отнимая у него много труда, однако поэтому и не позволяют воздать ему значительные почести»⁴⁶. Вслед за Туррейлем он предлагает своим читателям маленький сборник «памятных фактов и высказываний Филиппа», чтобы таким образом «расписать характер этого принца». В этом эссе он приводит обоснования, очень подобные тем, которые приводил Плутарх, то есть говорит о том, что «некоторые факты и некоторые слова больше говорят [о великом человеке], чем их самые яркие поступки» (III, стр. 603). С античного периода и до наших дней этот жанр отмечен диалогом между принцем и философом. Назидательность является в нем главным принципом.

ОСКОЛКИ ВОСПОМИНАНИЙ И ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Когда речь заходит о жизнеописаниях известных людей, сборниках высказываний или описаниях военных хитростей, передаваемых потомству в качестве примеров, достойных подражания, передачи в качестве положительного опыта и скрупулезного обдумывания, Дарий III занимает в них весьма скромное место. Он явно не относится к числу людей, «достойных памяти». Династия Ахеменидов и ее представители описаны всего у двух авторов. В завершающей части глав, посвященных описанию Персии и ее обитателей, Страбон подчеркивает значимость Кира и Дария, затем он перескакивает к последним царям, Арсесу и Дарию III, по отношению к которому он не испытывает большого восхищения: он утверждает, что Дарий III не принадлежал к царской семье⁴⁷. Со своей стороны, рассмотрев «почти всех достойных памяти потомков вождей греческого народа», Непот начинает главу хвалой персидским царям:

«Но из тех, кто присоединил к своему титулу неограниченную власть, наиболее значительными, по нашему мнению, были персидские цари Кир и Дарий, сыновья Гистаспа, которые оба были простыми гражданами (*privatus*), когда за их заслуги (*virtus*) они были удостоены царской власти. Первый пал на поле битвы. Дарий умер от старости. Из того же народа были еще трое: Ксеркс и два Артаксеркса, прозванные Длинной Рукой (*Macrocheir*) и Великой Памятью (*Mnémon*). Ксеркс был знаменит главным образом тем, что во главе самых могучих армий на памяти людей (*post hominum memoriam*) он пришел по суше и по морю атаковать Грецию. Что касается Длинной Руки, то он заслужил свою репутацию (*laus*) главным образом благодаря своему внушительному виду, физической красоте, к которой он добавил удивительное военное (*inaredibili virtute belli*) мужество, поскольку он оказался наиболее

достойным из всех персов. Великая Память, напротив, был славен своей справедливостью; ибо вследствие преступления матери он лишился жены⁴⁸, но сумел пожертвовать своими страданиями ради сыновней любви. Эти два царя, носящие одно и то же имя, были сражены болезнью и отошли в мир иной; другой [Ксеркс] умер под ударами префекта Артабана» (*De regibus XXI*).

Таким образом, мы видим, что о Дарии III речь не идет. Отметим просто, что указание «Дарий, сын Гистаспа» предполагает наличие подразумеваемой ссылки на другого Дария, с которым предупрежденный читатель не должен его спутать. Трудно сделать хоть какой-то вывод из подобного отсутствия информации, тем более, что Дарий II также не упоминается, и тем более, что Артаксеркс III и Арсес проигнорированы. Ни первый ни вторые не относятся, очевидно, к категории «царей, достойных памяти». Автор не объясняет причин своего выбора персонажей, но ясно, что избранные им фигуры составляют портрет идеального царя: рожденный как простое частное лицо, он отличается своими физическими качествами и исключительным личным мужеством в бою, а также личными человеческими качествами, порой проявляющимися больше всего в частной жизни (сыновняя любовь Артаксеркса II). Все это достаточно банально: речь не идет, собственно говоря, об индивидуализированных портретах. Ясно, что пассаж является всего лишь кратким резюме утраченного труда Непота, которое он посвятил «царям иных народов» и к которым он отсылает свои читателей.

Конечно, по весьма очевидной причине в подавляющем большинстве этот труд посвящен греческим и римским вождям и стратегам. Среди «Жизнеописаний» Плутарха Великому царю — а именно Артаксерксу II, — посвящен единственный рассказ. Это жизнеописание весьма необычно, так как это единственный рассказ, посвященный Плутархом не кому-либо из греков или римлян, и который, единственный из трех, не сопровождается никакой параллелью. Выбор Артаксеркс II объясняется, вероятно — по крайней мере, частично, — избытком информации, которую Плутарх нашел у Ктесия, Динона, Ксенофонта и некоторых других, а также, вероятно, у Датамеса, сатрапа Каппадокии, который взбунтовался против Артаксеркса II.

В сборниках *ехетрпа* ситуация совершенно аналогичная. Среди финансовых и военных хитростей, собранных автором «Экономик» и Полиеном, Датамес является единственным персом, представленным в галерее знаменитых военачальников, составленной Корнелием Непотом. Если взять другой труд Плутарха, а именно «*Αροφτεγματα*» («Апофтегмы»), приписываемые царям и знаменитым людям, то там есть упоминания о нескольких Великих царях: помимо Артаксеркса II, воспоминание о котором открывает сборник и предваряется лстивым и просительным посвящением автора императору Траяну, здесь можно встретить Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I, Кира Младшего и его мать Парисатиду, а также двух военачальников IV века до н.э., Оронта и Мемнона, один из которых (Мемнон) был одним из военачальников, к которым прислушивался Дарий III: но о самом Великом царе там ничего не говорится, кроме как одновременно с историей, в которой восхваляется его победитель⁴⁹.

Взамен Дарий III мимолетно появляется в «Пестрых рассказах» Элиана из Пренесты, другого автора коротких нравоучительных историй римского пе-

риода. Он упомянут в списке из двадцати персонажей, которые, имея достаточно простое происхождение, достигли вершин власти: в этом списке есть два персидских царя — Дарий I, в подобном же контексте встречающийся у Непота и в «Историях» Геродота, и Дарий III, который в этом случае был отнесен к *рабам*, что одновременно неточно и несколько чрезмерно⁵⁰. Еще два упоминания о Дарии III можно найти в другом сборнике того же автора («Животные»), и в обоих случаях восхваляется верность домашних животных. В форме трогательных историй о взаимной преданности между хозяином и животным эти краткие истории иллюстрируют плачевную судьбу Великого царя, вынужденного в одном случае (VI.48) спешно бежать с поля битвы (в чем ему помогает его кобыла) а в другом случае (VI.25) умирать в ужасном одиночестве (с ним оставался только его верный пес). Эти *ехемпра* находятся на пересечении интересов двух типов тематических сборников: «смерть знаменитых людей» и истории животных, верных своим хозяевам и даже спасающих их от смерти. Известна также история Дария I, спасенного верблюдом, который нес его запасы еды⁵¹.

В «Памятных деяниях и высказываниях» Валерия Максима Дарий появляется только в историях, посвященных подвигам Александра, победителя персов⁵², или мужеству македонцев, из которых автор извлекает следующую мораль: «Если бы это чудо оказалось перед глазами Дария, он знал бы, что солдаты этой нации не могут быть побежденными, поскольку он понял бы, что уже с ранних лет они обладали подобной выносливостью и стойкостью»⁵³.

Аналогичная ситуация складывается в «Stratagemata» («Военные хитрости»), которые их автор, Полиен, адресовал во II веке н.э. императорам Антонину и Веру. Среди девятисот *ехемпра*, терпеливо объединенных автором, довольно значительное количество военных хитростей приписывается греческим военачальникам V и IV веков. Эти военные хитрости они применяли в войнах и столкновениях с персами. В этих рассказах также выведены некоторые Великие цари — Кир, Камбиз, Дарий, Ксеркс, Артаксеркс I и Артаксеркс III, — но не Дарий III. Там встречаются также имена военачальников и сатрапов Великих царей. Автор также представляет серию из тридцати двух примеров, взятых из истории Александра Великого⁵⁴. В них имя Дария III появляется пять раз, главным образом в виде ссылок: он является тем, кто командовал персами, противостоящими Александру, он тот царь, чьи армии были неоднократно разбиты; и больше ничего или почти ничего.

Даже когда Полиен в исключительно информативном пассаже об обычаях ахеменидского двора приводит список продуктов, использованных поварами Великого царя, он утверждает, что текст этот был найден солдатами Александра в Персеполе в 331/330 году, записанным на бронзовой плите, но он приписывает авторство нормативных актов Киру (§ 32): византийский толкователь, называемый Леоном Императором, решил, что речь здесь идет об ужине Дария III. Кроме того, приводится эпизод, который, согласно другим источникам, иллюстрирует умелую военную хитрость Дария и его советников перед Гавгамелами (они разложили на земле металлические ловушки, чтобы задержать македонскую конницу). Но эта хитрость была сведена на нет исключительной предусмотрительностью и ловкостью Александра, позволившей ему и его солдатам

избежать тайных козней врага (§ 37). Дарию оказалось трудно получить удовлетворительную историографическую жизнь в агрессивной тени героя без страха и упрёка!

ДАРИЙ ПЕРЕД ЛИЦОМ АЛЕКСАНДРА

Давайте теперь попытаемся посмотреть, что есть о Дарии у тех, кого можно было бы назвать «историками Александра», то есть у авторов римской эпохи, которые писали на греческом (Диодор Сицилийский, Плутарх, Арриан) и на латинском языках (Квинт Курций, Юстиниан), использовали по своему усмотрению труды, на сегодня уже утраченные или дошедшие до нас только в виде небольших отдельных фрагментов, и пытались создать непрерывный рассказ о жизни деяниях Александра либо в форме книги или в главе, специально предназначенной для этой цели (Арриан, Квинт Курций, Плутарх), либо в качестве одной из частей труда по всеобщей истории (Диодор, Помпей Трог, представленный в упрощенном виде Юстинианом).

Квинт Курций, Юстиниан, Диодор и Плутарх представляют особую традицию, обозначаемую термином «Вульгата» (лат. «Общественная»): считается, что она идет от Клитарха, который работал в Египте во времена Птолемея. Это весьма спорное и искажающее истину название, так как, подчеркивая наличие предполагаемого общего источника, оно стремится, с одной стороны, к тому, чтобы заставить историческую мысль заниматься бесконечным и часто бессмысленным определением одного или нескольких первоначальных источников, а с другой стороны, к тому, чтобы объединить весьма различных авторов, весьма разных во всем — и в частности, в своем литературном творчестве, то есть в их творческой свободе, — начиная с выбора материалов, которые они использовали и/или отбросили. В подобных условиях несравненно более полезны размышления об использованных литературных моделях.

В течение долгого времени к Вульгате относились немного пренебрежительно, сравнивая ее с Аррианом: во-первых, считалось, что Арриан является серьезным, точным и добросовестным историком, а кроме того, традицию Вульгаты признавали романизированной и произвольной. Такое противопоставление в настоящее время не слишком употребительно, хотя в неявной и невысказываемой форме продолжают предпочитать Арриана, даже в том случае, когда его оценки Александра и Дария не более надежны, чем высказывания других авторов римской эпохи. В действительности и Арриан, и Вульгата представляют собой документы, которые необходимо прочитать, расшифровать и интерпретировать с равным вниманием и с одинаковой степенью критицизма. В данном случае важно знать, насколько сильно разнится трактовка образа Дария у Арриана и представителей Вульгаты.

С общей точки зрения литературной композиции смерть Дария занимает особое место как у одних, так и у других. Наличие и сама длина похоронной речи, которую Арриан посвящает Великому царю, предвещает конец этапа в его повествовании⁵⁵: она завершает первую часть его труда, намного более короткую, чем вторая, посвященная периоду 330—323 годов. В «Истории Александра» Квинта Курция различие между двумя частями еще более ощутимо, но они намного более уравновешенные по объему — в каждой насчитывается по пять

книг. Также известно, что Помпей Трог посвятил особую книгу — книгу XI — «событиям и деяниям Александра до смерти царя Персии»⁵⁶. Очевидно, что у Юстиниана, который преданно отрезюмировал произведение Помпея Трога⁵⁷, та же композиция. В эллинистической хронологической компиляции под названием «Паросский мрамор» смерть Дария является такой же исторической отметкой, как приход и смерть других персидских и македонских царей.

Причиной этого является только собственное предпочтение авторов, так как смерть Дария сама по себе является важной датой в их концепции всемирной истории, поскольку она обозначает конец Персидской империи и переход к македонской гегемонии. Смерть Дария является важной вехой и в более ограниченных рамках истории Александра, поскольку является первой четко определяемой завершающей точкой. У множества древних авторов смерть Дария и то, как Александр становится его преемником, является чем-то вроде театрализованного завершения столкновения между этими царями. Это действительно конец восхождения обоих царей к вершинам: один достиг вершины, а другой скатился вниз⁵⁸. Это была их первая и последняя встреча: один — полный жизни, а другой — мертвый (или умирающий). Эта сцена крайне драматизирована в различных традициях. Это был также момент, когда Александр (за что его весьма осуждали древние авторы) перенял обычаи двора Дария. Короче говоря, и у тех и у других, но в различной степени, смерть Дария является важным элементом повествования: с точки зрения истории или судьбы последнего из Ахеменидов, период 334—330 годов является драмой в том смысле, который вкладывается в этот термин в театре.

Разумеется, было бы чрезмерным считать, что эта первая часть представляет собой «историю Дария». Но, даже несмотря на выбранную Аррианом амнестическую форму повествования, Дарий фактически является единственной царственной фигурой, которая перед лицом македонского завоевателя способна была при необходимости соперничать с ним. В некотором смысле оба царя рассматриваются параллельно, что облегчается тем фактом, что они взошли на престол приблизительно в одно и то же время. Для тех, кто не интересовался исключительно судьбой Александра, соблазнительно провести синоптическую историю — этот выбор мог бы стать для автора интересной композиционной задачей. Таким образом, в начале книги V, то есть после рассказа о сражении при Гавгамелах, Квинт Курций очень отчетливо оправдывается за то, что он не вставил туда описание развития греческих военных действий:

«Если бы я хотел сообщить в хронологическом порядке то, что произошло у греков или у иллирийцев во Фракии под руководством и командованием Александра, мне пришлось бы прервать описание событий в Азии, общее представление о которых, без сомнения, стоит давать вплоть до бегства и смерти Дария, что позволит представить в моем труде последовательное развитие, соединяющее все факты воедино. Таким образом, я начну с того, что покажу последствия сражения при Арбелах»⁵⁹.

И на самом деле он возвращается к событиям в Европе только в начале книги VI, уточняя (1.21): «Таким был исход этой войны, которая началась так вне-

запно, но которая закончилась еще до победы, которую Александр одержал над Дарием».

Диодор придерживался противоположного мнения. Он начал описывать попеременно военные действия в Европе и в Азии и делал экскурс в европейские дела⁶⁰. Таким образом, не следует удивляться, что книга XVII открывается следующим программным утверждением: «

«В лежащей перед вами книге рассказ о деяниях Александра начинается с его восшествия на престол, а далее описываются все его подвиги, которые он совершал до самой смерти. К этому мы присоединим рассказы о том, что происходило в течение того же периода в пределах обитаемого мира (oikoumene). Нам кажется, что таким образом мы легче всего сможем сохранить в памяти потомков исторические факты, представляя их в сокращенной форме, позволяющей представить их в должной последовательности, один вслед за другим (1.2)».

Подобное заявление мы находим в начале каждой книги: автор определяет период, который он собирается описать, и напоминает о том или тех периодах, о которых он уже говорил в предыдущих томах. Следующая книга (XVIII) открывается, таким образом, достаточно логично: «В предыдущей книге описывались все деяния Александра вплоть до его смерти» (§ 1.6). Причина понятна: Диодор пишет рассказ, посвященный Александру. Но в то же время и там, и в других местах автор собирается перемещаться с одного отрезка истории на другой. После описания в нескольких главах первых лет царствования Александра (§ 2—4), он заявляет: «Теперь, когда мы рассмотрели положение в Греции, мы намерены перейти к ситуации в Азии». Переход происходит очень легко, потому что в конце царствования Филиппа II македонский армейский корпус действовал в Малой Азии. Подобным образом Диодор сообщает о положении и действиях этого корпуса, а затем решительно переходит к описанию положения в Персидской империи, устанавливая четкую связь с содержанием предыдущих книг (XVI).

В частности, в ходе длинного рассказа, посвященного экспедиции Артаксеркса III в Сиро-Фигикию и в Египет (42—51), он упоминает «гнусного» персонажа — Багоаса (Багоя, 49—51), который играл первостепенную роль в процессе, приведшем Дария III на трон: «Так как в нашем рассказе будет вестись речь о Персидском царстве, необходимо вернуться несколько назад во времени, чтобы оказаться у самых истоков событий»⁶¹. Далее следует повествование о придворных заговорах и династической борьбе, обескровившей двор, начиная с убийства Артаксеркса III до прихода к власти Дария III. Далее следуют два различных рассказа о приходе Дария и очень положительная оценка его персоны, после чего идет рассказ о военных приготовлениях, предпринятых им перед лицом македонской угрозы (§ 5—6).

Такая же история представлена в книге X «Истории Филиппа» («Филипповы истории»), которую Помпей Трог посвятил истории Персидского царства периода между 380 и 335 годами, заканчивая ее нашим Дарием, «который должен был выдержать войну против Александра Великого»⁶². К несчастью, это про-

изведение было утеряно, за исключением краткого пересказа, выполненного Юстинианом. Конец книги X был посвящен мрачной и кровавой истории династии ахеменидских царей за период между воцарением Дария II и восхождением на престол Дария III. Лишь Диодор и Юстиниан приводят необычную версию воцарения Дария. Эти главы стоят особняком в древней литературе, вследствие явно выраженного стремления показать, пусть даже мимоходом, того, кто собирался вести войну с Александром. Можно только сожалеть, что пропали первые две книги «Истории Александра» Квинта Курция, в которых почти наверняка несколько глав было посвящено Дарию перед рассказом о высадке Александра.

Подобный экскурс является важным включением в обширную литературную композицию, и является не чем иным, как парным портретом обоих царей. Александр также был упомянут на страницах книги в весьма выгодном, хвалебном свете, как Юстинианом, так и Диодором. Описав все трудности, которые ожидали молодого человека после смерти его отца, Диодор заранее описывает действия, которые тот должен был предпринять, чтобы стабилизировать свое положение на троне:

«Вопреки великим затруднениям, которые испытывало царство, и серьезным угрозам, Александр, будучи еще весьма молодым, в короткий срок привел в порядок, вопреки всем ожиданиям, все общественные дела, какими бы трудными они не были. Он заслужил симпатию одних людей уверенностью, с которой он беседовал с ними. Страх, который он внушал, не позволил свернуть с пути истинного другим. И, наконец, он силой заставил некоторых подданных подчиниться своей власти»⁶³.

Совершенно ясно, что описание Персидской империи и Македонского царства задумано и построено, в особенности у Диодора и Юстиниана, параллельно. Александр осудил персидского царя за то, что он был замешан в убийстве Филиппа II⁶⁴. Со своей стороны, Диодор заметил, что Александр и Дарий начали свое царствование приблизительно в одно и то же время⁶⁵. Было известно, что вначале Дарий заблуждался относительно молодости нового македонского царя, но вскоре он «занялся большими военными приготовлениями. Он оснастил многочисленные триеры, собрал большое количество вооружения, подобрал наилучших военачальников»⁶⁶. Короче говоря, мобилизация людей и снаряжения идет полным ходом с той и с другой стороны.

Это синоптическое видение позволяет ему еще эффектнее заключить вводные главы событиями в Европе и Азии, когда Александр собирается отправиться воевать против Дария. Подчеркнув выдающиеся качества одного и другого, он теперь может легко представить войну, которая вот-вот начнется, как нечто вроде дуэли между двумя людьми, которые уже доказали свою значимость — один в Европе, другой в Азии. Этот образ их противостояния также развивается, но на этот раз в полемической и обвинительной форме, в письме (придуманном), посланном Александром Дарию в ответ на попытку персидского царя к примирению после поражения при Иссе: «Если, впрочем, ты не согласен по поводу царской власти, сразись за нее еще раз, уверенно ожидая

меня; но беги, так как я настигну тебя повсюду, где бы ты ни находился»⁶⁷. Точка зрения Диодора и Юстиниана весьма различна: совершенно ясно, что высокие качества воина и военачальника, бесспорно, делают Дария достойным противником для того, кто пришел положить конец распри по поводу суверенитета. Это дуэль за «первое место»⁶⁸ — здесь заранее предвидится исчезновение одного из противников и порождение власти, которая объединит Европу и Азию.

РИМЛЯНЕ О ДАРИИ

Стоит добавить, что, помимо Арриана, авторов Вульгаты и Плутарха, в эллинистической и римской Александрии постепенно сформировалось нечто вроде биографической, беллетризированной, отчасти выдуманной истории Александра и его завоеваний. Наиболее ярким примером подобного рода является «Роман об Александре». Хотя некоторые византийские переписчики приписывали его Каллисфену, племяннику Аристотеля, надо признать, что текст, который мы знаем на сегодняшний день по многочисленным копиям различных эпох, является произведением неизвестного автора, который — скорее всего, в III веке н.э. — воспользовался многочисленными версиями, циркулировавшими в его время. Образ Александра, который намеревается живописать автор «Романа», сформулирован абсолютно ясно: «Идеал доблести и благородства, воплощенный в конкретном человеке... Мы собираемся показать великие деяния Александра, высокие качества его души и тела» (1.1.1—2). Оригинального текста на сегодняшний день не существует, но он был переведен на латинский язык Юлием Валерием под названием «Подвиги Александра Македонского» («Res Gestae Alexandri Macedonis»), что вполне могло быть также первоначальным названием труда, который привыкли называть «Роман об Александре».

«Большинство людей ошибается, говоря, что он был сыном царя Филиппа. Это не совсем правильно. Он не был сыном этого царя, об этом говорят наиболее мудрые египтяне, он был сыном царя Нектанеба, но сложил царский сан» (1.1.3). Таким образом, египтоцентрическая тональность романа ощущается буквально с первых строк. «Отец» Александра появляется на заднем плане во вполне узнаваемом историческом контексте повторного завоевания долины Нила Артаксерксом III в 343/2 году, следствием которого было бегство фараона в Эфиопию⁶⁹. В «Романе» прогнанный из своей страны персидским вторжением Нектанеб укрывается в Македонии, и бог сообщает египтянам, что их фараон «вернется в Египет в качестве царя, но не в образе старца, а в виде молодого человека, который низложит власть их врагов — персов» (1.3.4). Затем описывается волшебное оплодотворение Олимпиады от Нектанеба, рождение Александра, признание отцовства Филиппом, отношения Александра с Аристотелем, описание его ярких достоинств, особенно его «ума и бойцовских качеств» (1.16.4). Ввиду отсутствия его отца, который был на войне, Александр впервые оказывается лицом к лицу с персами. Он встречает посольство Великого царя, пришедшее требовать выплаты традиционной дани в «сто золотых самородков весом в двадцать фунтов». Он грубо отсылает послов к их хозяину, обещая вскоре прийти и отобрать ранее выплаченные по-

дати. Но перед тем как уехать, послы успевают заказать портрет Александра знаменитому художнику и получить его.

Так начинается первая часть «Романа»; она закончится смертью Дария. Экспедиция в Азию выбирает маршрут по меньшей мере необычный и сложный. Победив персидских сатрапов при Гранике и завоевав побережье Малой Азии, Александр отплывает на Сицилию, покоряет римлян, затем получает Африку и Ливию. Он посещает алтарь Амона, и бог признает его как своего сына. Далее следует несколько глав о пребывании царя в Египте: он не только основывает там Александрию, но его происхождение является также причиной того, что во время остановки в Мемфисе он официально признается царем Египта. Стоя перед статуей, представленной ему как изображение Нектанеба, на которой был записан текст пророчества о войне против персов, он решает наложить на египтян «налоги, которые прежде выплачивали Дарию». Жители охотно на это согласились и с триумфом проводили его до границы страны. То есть война с Дарием была не репрессивной войной против персов, обвиненных в разрушении греческих алтарей в ходе мидийских войн, а имела целью уничтожить последствия подчинения Египта персами и сделать из Александрии «столицу обитаемой земли».

Маршрут, описанный в романе, повторяет тот, которым Александр следовал начиная с весны 331 года, но некоторые события по необходимости перемещены во времени. Ведь именно возвращаясь из Египта (а не направляясь на юг!), Александр осаждают Тир, захватывает его и «оставляет там финикийского сатрапа». В это время он встречает первое посольство Дария, которое доставляет ему ремень, мяч и шкатулку, полную золота. Царское письмо объясняло смысл столь странного подношения:

«Таков твой возраст: ты еще младенец и нуждаешься в том, чтобы тебя школили. Поэтому я послал тебе ремень, мяч и шкатулку, полную золота, чтобы ты выбрал то, чего ты хочешь больше всего: ремень, чтобы напомнить тебе, что тебе еще надо учиться; мяч, чтобы ты развлекался с детьми твоего возраста и прекратил подстрекать наглую банду подростков, как главарь — разбойников, маня их за собой на бесчинства, сеющие тревогу в наших городах... У меня достаточно золота и серебра, чтобы покрыть ими всю землю. Поэтому я послал тебе шкатулку, полную золота, на случай, если тебе нечем кормить твою банду разбойников» (I.36).

Можно предугадать тон ответного послания молодого македонца, который обращает символический смысл послания против самого отправителя: ремнем он собственноручно свяжет варваров и обратит их в рабство; мяч — это символ того, что он завоюет весь мир; что касается шкатулки, то она означает, что Дарий придется выплатить дань своему молодому победителю.

Видя неготовность своих сатрапов, Дарий сам противостоит своему противнику и располагает свой лагерь около реки Пинарий. В это время Александр оставляет южную Малую Азию и отправляется в Киликию, а затем в Финикию. Мы видим, как Александр преодолевает Тавр и, подходя с севера, достигает Киликии, как это и было в реальности. Итак, два противника стояли лицом к

лицу, то есть достигнув того положения, которое они действительно занимали перед битвой при Иссе. Затем последовал разгром персов и безостановочное бегство Дария, захват царской палатки, матери, супруги и детей Великого царя. В то время как царь снова собирал армию, македонец вновь начинает свой удивительный путь, который возвращает его в Европу, в Абдери, на берегу Южной Фракии: в этот момент рассказчик повествует о наказании, наложенном на Фивы — событие, которое в действительности состоялось до выступления Александра!

«И тотчас же Александр, соединив свои войска, бросился навстречу противостоявшим ему варварам, пересекая Киликию». Так начинается книга II, в которой два царя готовятся к схватке, но маршрут Александра существенно отклоняется. Рассказав красивую историю выздоровления царя после принятия ванны в Кидне в Киликии, автор отправляет героя на завоевание Великой Армении. Александр отдает своим войскам команду пересечь Евфрат, «приказав воздвигнуть мост при помощи пролетов и железных опор». Затем было сражение около Тигра, на берегах которого Великий царь расположил свой лагерь, но это сражение кончилось ничем. И опять Александр готовит свои войска, цари обмениваются письмами, и Дарий просит помощи у Пора, царя индийцев. Александр достигает Персии и, переодевшись, пересекает замерзшую реку Странг, после чего получает аудиенцию при дворе Великого царя в качестве посланника царя Александра. Опознанный одним из персов, который был в составе посольства при дворе в Пелле, он спешно оставляет пиршественный зал и снова переходит реку, которая вскрывается ото льда в тот самый момент, когда его преследователи достигают берега!

Ту же самую реку, скованную льдами, вскоре пересекает Дарий, пришедший померяться силами с Александром. И снова поражение! В ходе бегства Дарий сумел пересечь замерзшую реку, но его войскам этого сделать не удалось. В отчаянии он пишет Александру, предлагая ему обменять членов своей семьи на горы золота. Вскоре Александр и его армия достигают дворца Дария в Персии. Царь приказывает поджечь дворец Ксеркса. В это время Дарий укрылся в Мидии, а затем около Каспийских Ворот, где двое его сатрапов, Бесс и Ариобарзан, составляют заговор и закалывают царя своими мечами. Затем следует знаменитая сцена смерти Дария. Привлеченные ложной надеждой на вознаграждение, убийцы Великого царя были сами убиты вскоре после совершения преступления.

Еще заметнее, чем в исторической традиции, в композиции «Романа» четко разделяются две части произведения, отделяемые одна от другой смертью Дария. Начиная с момента гибели Дария рассказ приобретает совсем другую тональность; Александр в нем иногда говорит словами его писем к матери, Олимпиаде. Отбросив эпизод столкновения и дуэли с индийским царем Пором, автор опустил этапы завоевания стран Иранского плато и Центральной Азии — тем более что предатель Бесс и его сообщник были казнены после смерти Дария. Автор показывает нам лишь путешествие молодого человека, в котором живет «желание увидеть конец земли, посмотреть и исследовать эти места». Он встречает удивительные народы, необыкновенные деревья и плоды, «людей без головы, коренастых гигантов с горящим взглядом, людей, которые лают, как

собаки»... Александр исследует даже дно морей, используя для этого стеклянный колокол! Он знакомится с легендарными принцами и принцессами, такими, как царица амазонок... Затем он возвращается в Вавилон и умирает. Во всей этой части в действиях и желаниях героя полностью отсутствует мотив взятия территорий силой. Он отправился на поиски чудес света и самого себя. Как в греческой легенде, так и в арабском мифе, Александр — «властитель перевалов и дорог», как изящно сформулировал это Франсуа де Полиньяк.

Даже в беллетризированной форме, первая часть наполнена описаниями завоеваний, столкновений царей между собой, побед в различных сражениях, захвата территорий, за которыми мы можем следить по карте, несмотря на все выдумки и повороты сюжета. Основной акцент там делается на личное противостояние между двумя царями, на желании македонского царя столкнуться со своим противником один на один. Родной брат Великого царя, Оксиделк (Оксиарт), беспощадно выражает свои сомнения в способностях Дария успешно противостоять своему молодому противнику. Превосходство, приписываемое Александру, символизируется тем, что македонский царь соглашается еще до сражения поставить под вопрос свою царскую власть и таким образом снова отвоевать ее у того, кто ее у него оспаривает:

«Повтори все снова, Александр, и таким образом царская власть останется в твоих руках. Он не доверил ведение войны ни своим стратегам, ни своим сатрапам, как и ты, но бросился в первых рядах в атаку на врагов, сражаясь перед лицом своих войск, принял участие в схватке, чтобы, став в бою одним из многих, снова стать лучшим и, одержав победу, подтвердить перед всеми свое право на царскую власть... Александр показал себя лучшим во всем, ничего не передоверяя, но исполнив все благородно, согласно своей рыцарской смелости. И в бою он был подобен льву» (II.7.4—6).

На протяжении всего рассказа Дарий проявляет себя неспособным противостоять своей судьбе...

ГЛАВА 4. ДАРИЙ ПО АРРИАНУ

НЕКРОЛОГ – УБИЙЦА

В своем «Анабасисе» Арриан скрупулезно, шаг за шагом, описывает мельчайшие события жизни македонского царя, никогда ничего не сообщая о Дарии. Объяснения и обоснования своего стремления отделить истину от лжи, которые он дает во введении, касаются только жизни и личности Александра. Дарий вообще не представлен читателям «Анабасиса». До момента, когда он встал во главе армии и повел ее в Киликию, где его постигла неудача при Иссе в ноябре 333 года, упоминания о Дарии практически полностью отсутствуют, за

исключением туманных и неопределенных намеков. И лишь дойдя до момента его смерти в июле 330 года, Арриан впервые дает краткое ретроспективное описание его личности и жизни. В этом пассаже приводится весьма жесткий взгляд на образ последнего из Великих царей:

«Таков был конец Дария, последовавший при афинском архонте Аристофонте в месяце гекатомбеоне. Не было человека, который бы вел себя на войне так трусливо и неразумно; вообще же жестокостей он не творил, может быть, просто потому, что творить не довелось: только вступил он на царство, как пришлось ему воевать с македонцами и эллинами. Даже при желанинн нельзя было издеваться над своими подданными, находясь в опасности, еще большей для себя самого, чем для них. При жизни на него обрушивалась одна беда за другой; с самого начала, как он пришел ко власти, не было у него передышки. Сразу же его сатрапы были разбиты в конечном сражении при Гранике; сразу же были отняты Иония, Эолида, обе Фригии, Лидия и Кария, кроме Галикарнасса, но вскоре был взят и Галикарнасс, и вдобавок еще все побережье вплоть до Киликии. Затем его собственное поражение при Иссе, где его мать, жена и дети на его глазах были взяты в плен; потеря Финикии и всего Египта; позорное бегство — одним из первых — при Арбелах и гибель большого войска, состоявшего из одних варваров. С этого времени он как беглец скитался по своей державе и умер, преданный своими близкими в самый критический момент; царь и одновременно узник, ведомый с позором, он погиб от козней, которые замыслили самые близкие ему люди(6). Такова была судьба Дария при жизни; когда он умер, его погребли по-царски; дети его получили от Александра такое содержание и воспитание, какое они получили бы от самого Дария, останься он царем. Александр стал ему зятем. Когда Дарий скончался, ему было около 50 лет» (III.22.2—6).

Портрет и рассказ весьма обобщены — настолько, что это позволяет обвинить автора в некоторой карикатурности или по крайней мере упрощении. Особенно ясно это видно в описании поражений Дария в форме ускоренной ретроспекции, где Арриан, чтобы лучше показать неизбежность поражения персов и непосильную для последнего Великого царя ответственность, наполнил свой рассказ выражениями и временными наречиями, которые придают процессу поражения необычайную и искажающую скорость, при этом не колеблясь вольно использовать хронологию событий, которой он достаточно скрупулезно следовал в первых книгах «Анабасиса». Дарий представлен им как бесцветный и посредственный индивид, наделенный гнусной трусостью, неспособной противостоят с величием и твердостью судьбе, которую он вынужден встретить. Даже возможные достоинства (умеренность) поставлены под сомнение и превращены в пороки и потенциальные недостатки (жестокость), которые не проявились только вследствие отсутствия подходящих исторических обстоятельств! Обвинительная речь тем более впечатляющая, что на протяжении всего рассказа, в особенности во время описаний сражений, Арриан сохраняет ту же тональность.

НИ СМЕЛЫЙ СОЛДАТ, НИ ЗАМЕТНЫЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК

Ясно, что Арриан не собирается признать наличия у Дария хоть какого-то мужества: напротив, он осуждает его более активно и по большему числу оснований, чем другие авторы. Давайте рассмотрим одно из суждений Арриана: «В области военной деятельности он был, более чем кто-либо, мягок и достаточно осторожен»¹. При всей своей тривиальной банальности определения, использованные Аррианом, были, разумеется, очень значимы для читателей. Говоря о ситуации Артаксеркса перед сражением при Кунаксе, Плутарх пишет, что у него было «больше количество лучших сатрапов и стратегов в совете и во время битвы, чем у Кира»². Это позволяет ему выбрать лучших среди приближенных — например, Мардония, «одного из первых среди персов по своей отваге на войне и мудрости в совете»³, или Тирибаза, дававшего Артаксерксу мудрые советы и почитавшегося за «его отвагу на войне и здравые суждения на совете»⁴. Стоит вспомнить персов, отобранных Артаксерксом III в ходе египетской кампании: они наделены одновременно «отвагой и верностью»⁵. И наоборот, персидские военачальники могут обвиняться в «трусости и неопытности»⁶. Давайте процитируем также Парсондаса из мидийско-персидской легенды: «Его отвага и ум вызывали восхищение»⁷.

В этом и те и другие, похоже, сообразуются с достоинствами самого царя, которые сначала Дарий I, а затем Ксеркс выказывают при любом удобном случае, «во дворце и на поле битвы» (DNb; XPI). Но читатели приведенных произведений в основном не были персами. В одной апофтегме Плутарх утверждает, что, «сочиняя собственное хвалебное слово, Дарий [I] говорил, что он становится более прозорливым на поле битвы и в присутствии опасности»⁸. Оценивая Дария III, Арриан, разумеется, не ссылается, даже косвенно, на царские заявления. Когда в начале IV века до Р.Х. греческий поэт написал эпиграмму в честь ликийского династа Арбинаса из Ксанфа, он также восхвалял «его ум и его силу», но из этого не следует, что поэт имитировал заявление Дария. Восхваление соединения качеств ума и мужества не является чисто персидской монархической идеологией. Намного более вероятно, что греческий поэт черпал вдохновение и формулировки в гомеровских поэмах.

В конце концов теми же терминами может быть описан греческий советник Харидемос, которого мы вскоре увидим действующим рядом с Дарием III. Он также «весьма восхищал отвагой и талантами стратега, участвовал в военной кампании рядом с царем [Филиппом]. Он стал советником, который действовал в этом качестве при Дарии»⁹. Греческий стратег с тем же успехом может приветствоваться за свои качества «отваги и живости ума», даже если он состоит на службе врага македонского царя¹⁰.

С помощью умело подобранных терминов Арриан легко показывает эллинистически настроенному читателю военную несостоятельность Дария. Первое определение («мягкий») скорее демонстрирует его неспособность к участию в боях, и даже, как мы увидим, трусость. Второе определение («достаточно осторожен») соединяет неспособность выстроить приемлемую стратегию и следовать ей с должным упорством и постоянством. Тот же термин использует Геродот, чтобы объяснить читателям, почему и как, не сделав необходимых при-

готовлений в тылу, Камбиз выступил войной против эфиопов, «на край света... и это был поступок сумасшедшего, человека с отсутствием здравого смысла».

В некоторых диалогах, которые он ведет от лица Александра и Пармения, Арриан, будучи сам специалистом и практиком военного дела, очень понятно объясняет, что должен делать военачальник, достойный этого звания, беря при этом за образец македонского царя. Этот царь смел и «готов рваться навстречу опасности»¹². В то же самое время он наделен здравым смыслом, то есть способностью обдумать ситуацию и оценить реальные обстоятельства, которые позволяют или запрещают атаковать в тот или иной момент¹³: «Ему нет равного в том, чтобы распознать, что надо сделать как в сложной, запутанной ситуации, так и в понятном положении, чтобы разрешить ситуацию к своему успеху»¹⁴. Это качество, которое греки называют *гнопе*, противопоставляется гневу: вождь никогда не должен принимать решение, если он потерял хладнокровие и не способен полностью владеть своими порывами и страстями¹⁵.

Согласно Периклу и Фукидиду (II.13.2), которые явно оказали на Арриана значительное влияние, первое достоинство лидера — это умение сосредоточить значительные финансовые ресурсы, позволяющие оплатить военные расходы. Но ум превышает хозяйственной подготовки: даже будучи хорошо снабженным деньгами и солдатами, военачальник плох, если он лишен *гнопе*; он идет навстречу гибели и вовлекает в нее свою армию. Арриан уверен, что именно в этом кроется истинная причина последовательных поражений царских армий — они объясняются личными недостатками царя, у которого, несмотря на то что он пользовался неисчерпаемыми резервами, не было достоинств, необходимых ни для солдата, ни для их главнокомандующего.

ОТ ОДНОГО НЕКРОЛОГА К ДРУГОМУ

Выразительность черт еще очевиднее и демонстрируется еще жестче, если параллельно посмотреть на содержание некролога, посвященного тем же Аррианом Александру. В нем он крайне эмоционально воспеваает сверхчеловеческие достоинства и Александра и защищает память этого героя от осуждения некоторых черт его характера и действий:

«Телосложением он был очень красив, и весьма вынослив; его ум был крайне проницательным; мужество его было невероятным; никто не любил славу и опасность так, как он, никто не был столь внимателен, выполняя волю богов. Он вполне был способен управлять наслаждениями тела, и лишь в удовольствиях разума проявлял себя ненасытным ради славы, которую они приносят. Ему нет равного в том, чтобы распознать, что надо сделать как в сложной, запутанной ситуации, так и в понятном положении, чтобы разрешить ситуацию к своему успеху. Никто лучше него не мог правильно расположить войска... рассеять их страх перед лицом опасности. Во всем этом он выказывал невероятное благородство души. И если действие включало неизвестность, он бросался туда с невероятной смелостью и дерзостью; он удивительно умел быстро выхватить из-под носа у врага добычу прежде, чем тот сообразит начать опасаться такой возможности; никто тверже него не

держался принятых соглашений и договоренностей и никогда не позволял сделать ничего, за что его могли бы обвинить в неискренности; он был очень хозяйственным по отношению к своим богатствам, не тратя их безмерно на свои удовольствия, но был расточителен, стремясь обязать других» (VII.28).

Конечно, как и у Плутарха¹⁶, физический портрет Александра выглядит по меньшей мере лаконично и стереотипно, возможно, просто потому, что у того не было впечатляющего телосложения, достойного царя. И тем более катастрофичным для памяти Дария является то, что, вопреки установившемуся литературному правилу, Арриан не приводит никаких упоминаний о физическом облике персидского царя, даже несмотря на ставшее всеупотребительным описание Плутарха: «Дарий был красивым и большим человеком, и он превосходил всех других мужчин по красоте и величественной осанке»¹⁷. Александр является единственным героем этой истории Арриана, образцом и примером всех мыслимых достоинств (в процитированном пассаже их приведено не меньше девятнадцати). Рядом с ним множество простых смертных выглядят посредственно, даже серо: Дарий, бесспорно, наиболее заметный представитель этой серой массы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОРМЫ; О РОЛИ *MIMESIS*

Далее я буду часто иметь возможность вернуться и весьма подробно рассмотреть образы Дария и Александра, такими, какими они представлены у различных авторов. Прежде всего важно понять, почему и на каком основании Арриан пришел к решению наделить персидского царя столь явно выраженными негативными чертами. Вопрос и ответ на него очень важны, так как многие детали этих портретов являются основополагающими для современной историографии. Обсуждение этого вопроса тесно связано с проблемой литературных моделей, из которых черпали информацию Арриан и другие авторы, и норм, которым они подчинялись.

Необходимо подчеркнуть — и все время напоминать — о глубинных разногласиях между древней историографией и историческим методом, сформировавшимся в течение XIX и XX веков в Европе. Конечно, такое временное ограничение может вызвать улыбку, поскольку можно сказать, что автор, похоже, решил ломиться в открытые двери. Но улыбка и ирония исчезают по мере того, как мы начинаем погружаться в древнюю и современную литературу, развившуюся на основании образа Александра и его приключений. Все еще чересчур поглощенная определением и исследованием «первичных» источников, использовавшихся известными нам авторами римской эпохи, которые на сегодняшний день либо числятся в утерянных, либо существуют в виде разрозненных фрагментов, нынешняя историография продолжает завышать, пусть даже неявно, исторический вклад Арриана и других авторов, которые удобно, но достаточно ложно были занесены в категорию, называемую «историки эпохи Александра». В действительности же литература, которую мы вынуждены использовать, чтобы восстановить историю взаимоотношений Александра и Дария, не

имеет ничего общего с реальной историей, такой, как мы привыкли ее понимать. В своем столь вдохновляющем эссе о *mimèsis* Эрих Ауэрбах посвятил этому вопросу несколько страниц, внося некоторую ясность:

«Античная историография не интересуется действующими силами, но видит лишь достоинства и недостатки, успехи и ошибки; как в области разума, не остается места для исторического развития — повествование носит сугубо морализаторский характер... Моралистическая историография... не может создать синтетико-динамические понятия... Вторая отличительная черта этой историографии состоит в том, что она является образцом ораторского искусства... Морализм и риторика несопоставимы с концепцией реальности, считающейся последствием развития определенных сил... [использованные тексты] обнаруживают как границы древнего реализма, так и границы исторического сознания античных народов» (*Mimèsis*, стр. 49,51).

Естественным следствием была приверженность моделям, позволяющим продемонстрировать и объяснить события — к ним тяготели все авторы античного периода. Еще сильнее это было выражено в римскую эпоху, когда произведения греческой литературы бережно собирались и одновременно им систематически подражали, повторяя и перепевая избранные отрывки. Эти отрывки изучали и повторяли в школах как образцы, изменять которые категорически возбранялось. Мы знаем, что Дионисий Галикарнасский написал исследование «О *mimèsis*» (О подражании), ныне утерянное, но доказано, что «сборники подражаний великим писателям были еще до него одной из трех частей, обязательных для образования оратора» (Крузе). Дионисий широко трактовал то, что он считал необходимым позаимствовать у великих историков прошлого (Геродот, Фукидид, Ксенофонт и т.д.).

В другой из его работ, «Аттические ораторы», Дионисий, вслед за многими другими, борется с тем, что он называет упадком, постигшим, согласно его мнению, ораторское искусство после Александра. Оно было испорчено пороком, называемым им «азиатством». Этот порок характеризовался признаками, очень близкими к тому, что обычно говорили, описывая Персию эпохи Дария: изобилие (*eurogia*), роскошь (*truphe*), отсутствие достоинства (*ageneia*), вялость (*malakia*), изнеженность, — короче, распутная куртизанка, «прибывшая вчера или позавчера, из какой-то дыры в Азии — отдаленной мидийской, фригийской или карийской провинции» и занявшая место «законной, свободнорожденной супруги». Столь печальной эволюции Дионисий предлагает противопоставить ни больше ни меньше как восстановление древнего порядка (*he arkhaia taxis*), то есть древнюю риторику, основанную на мудрости (§ 1.2).

Чтобы проиллюстрировать свою речь, Дионисий берет пример ритора Эгесия из Магнезии, который около 250 года до Р.Х. написал историю Александра. Страбон сделал из него «инициатора азиатского стиля, развратившего установленные аттические обычаи»¹⁸. Сам Дионисий видит в нем проявление самого принципа литературного упадка, альфу и омегу ненавидимых им авторов, которые позволили себе быть достаточно оригинальными и освободиться от требований традиции. Он разоблачает это на примере того, как Эгесий трактовал один

из эпизодов истории Александра, а именно наказание, наложенное македонским царем на Батиса, назначенного Дарием управляющим Газой. Читая Квинта Курция, и нескольких авторов, по времени более нам близких, становится ясно, что он сам или его источник умудрился достаточно искусно скопировать гомеровскую модель — наказание Гектора Ахиллом. Именно это пытался сделать и Эгесий, но Дионисий считает, что он не сумел это сделать достаточно искусно, поскольку его азиатская манера «подходит лишь для женщин или людей низкого сословия». Видно, что обсуждение не сосредотачивается вокруг вопроса о том, попытался ли тот или другой деятель провести, как мы сейчас сказали бы, «историческое» исследование. Речь идет просто об осуждении с точки зрения традиционных правил *mimēsis* литературного качества произведения,

Это осуждение Эгесия Дионисием, квалифицированное Страбоном как «риторическое», многое говорит нам об «историках Александра» римской эпохи. Обсуждение касается интеллектуального климата, в котором работали авторы. Писатели римской эпохи, жившие в период между принципатом и империей, были прежде всего «моралистами», как в политическом смысле этого термина, так и прежде всего с точки зрения общественных и культурных норм того времени. В произведениях, которые в основном являются историзированными сочинениями о власти (*peri basileias*) и о здоровом и уравновешенном применении власти, они используют разновидность повествования, подпитываемого и прерываемого вставками из общеизвестных *exempla* и апофтегм, с целью возвысить «хороших царей» и разоблачить «плохих». Арриан также следует этой тенденции. Об этом свидетельствует его заявление, помещенное в начале книги: он утверждает, что основывается в ней главным образом на двух трудах Аристубула, «потому что он принимал участие в походах царя Александра и Птолемея, и потому, что он не только принимал участие в походе, но и сам был царем, и поэтому не мог врать ввиду того, что это деяние для него позорнее, чем для других людей». Такое заявление может показаться следствием обезоруживающей наивности, но только в том случае, если его рассматривать с точки зрения исторического метода, исповедуемого в наши дни. В действительности же Арриан основывается на совсем иной логике. Базируясь на образовании, которое он получил у Эпиктета, и, скорее всего, думая об императорской власти своего времени, он считает своим долгом способствовать утверждению одной из принятых характеристик «хорошего царя», который должен говорить только правду.

Продолжая находиться в интеллектуальном контексте Арриана (и множества других авторов, которые здесь также имеются в виду), важно напомнить о важном наблюдении: *mimēsis* была для них литературной нормой, которой охотно подчинялись, поскольку подражание позволяло соперничать с наилучшими. Таким образом, от одного автора к другому, из одного века в другой передавались типажи героев, ситуаций, речей (придуманных), которые неумоимо воспроизводились раз за разом, абстрагируясь от исторической вероятности, и даже больше: не стремясь к исторической точности. Лукиан, знавший труды Арриана, написал замечательный, небольшой по объему труд «Как надо описывать историю». Он высмеивает там всех тех, кто, как он говорит, пытаются писать об истории, не потрудившись познакомиться с началами исторического метода, и потому он вознамерился исправить их ошибки и научить их ремеслу.

В особенности он высмеивает тех, кто намеревается рабски имитировать великих предков: «Один копирует Фукидида, другой переписывает Геродота», или еще: «Все эти историки пытаются соперничать с Фукидидом» (§ 18,26). Он разоблачает стремление современных ему историков посвящать свои книги восхвалению великих людей, чью биографию они писали:

«Единственный долг историка состоит в том, чтобы рассказать все, как было. Но он не сможет этого сделать, если боится Артаксеркса, чьим врачом он является; если он ожидает пурпурное одеяние, золотое ожерелье, великолепного коня в плату за похвалы, расточасмые в его труде» (§ 39).

Читатель Лукиана знал, что автор целился этими строками в Ктесия, врача при дворе Артаксеркса, а также во всех тех, кто согласился служить Великому царю и получать от него почетные подарки. Артист или врач, о котором, как о Гиппократе, известно, что он отказался ответить на приглашение Великого царя прибыть к его двору, стал настоящим литературным типажом.

Проблема состоит в том, что, являясь неистовым и страстным сторонником *mimèsis*, Лукиан, будучи талантливым полемистом и пародистом, не нашел ничего лучшего, чем дать несколько уроков этого метода. Адресуя похвалы Фукидиду и Ксенофону — которых он расценивает как «беспристрастных писателей», что может весьма удивить — Лукиан осуждает Аристобула, который «описывал поединок Александра и Пора, специально зачитывая царю эту часть своего труда, в надежде, что этот пассаж позволит ему снискать милость правителя по причине придуманных подробностей, которые он изобрел для того, чтобы еще более возвысить славу Александра, и преувеличений реальных подвигов вождя» (§ 12). Арриан в своем «Предисловии» выразил всевозможное доверие, которое он ощущает по отношению к Аристобулу, и, возможно, парадокс возник вследствие желания высмеять своего современника. Он состоял в том, что упреки в адрес историков-придворных превращены самим Лукианом в разновидность монархической басни: энергично отклоняя подхалимство Аристобула, «царь взял книгу и бросил ее в Гидасп, по которому они собирались плыть». Мораль истории проста и понятна: идеальный царь — друг правды (*altheia*), он ненавидит льстецов (*kolakes*). Таким образом, Лукиан сам пользовался обоснованиями, не слишком отличающимися от тех, которые употреблял Арриан в своем «Предисловии» для пушей убедительности, говоря Птолемию: «Он сам был царем, и для него врать было позорнее, чем для кого-либо другого».

Конечно, нередко подчеркивалось, что примат подражания, по крайней мере у лучших писателей эллинской и римской эпох, не исключает при необходимости способности к самостоятельному творчеству. Не стоит переводить *mimèsis* совсем буквально, как «подражание»; это не является подражанием, а скорее «ссылкой на литературное наследие» (Ж. Бомпер). Подобное замечание наверняка порадует специалистов от литературы и литературного творчества. Но оно существенно отличается от мнения историка, которому пришлось оказаться лицом к лицу с ужасным чудовищем, порожденным невероятным, но плодотворным союзом подражания и творческого воображения. Естественно, необходимо придавать большое значение различиям между текстами одного антич-

ного автора и другого, но нередко случаи, когда древний «историк» посвящает себя подражаниям и при этом готов на самые чудовищные выдумки, абсолютно непроверяемые современными историками. С точки зрения метода, ныне хорошо обкатанного при помощи критики документов, работа историка Александра и Дария очень часто сводится к тому, чтобы взвесить правдоподобие подражания и оценить невероятность фантазий, рискуя придать слишком большое значение собственным интерпретациям.

АРРИАН И КСЕНОФОНТ: ОТ ОДНОГО АНАБАСИСА К ДРУГОМУ

Ни в коей мере не желая обесценить его талант, можем утверждать, что, будучи современником Лукиана, Арриан также весьма активно использовал ресурсы *mimêsis*. Не стоит сомневаться, что в противопоставлении Александра и Дария, а также в большинстве других пассажей произведения, Арриан, как и большинство его литераторов-современников, использовал и преобразовал в своих интересах замечательные литературные образцы. Фотий говорил о нем, что он был, с точки зрения языка и стиля, «бесспорно, подражатель Ксенофонта». Его восхищение Афинами и Ксенофонтом общеизвестно; свидетельством тому, помимо всего прочего, служит заглавие его книги, посвященной завоеваниям Александра — «Анабасис». Работая над парными портретами Дария и Александра, невозможно не упомянуть на редкость очевидную параллель, а именно — отчетливое противопоставление Ксенофонтом царя Артаксеркса II и его молодого брата Кира Младшего. В особенности стоит вспомнить портрет молодого принца, который Ксенофонт, согласно правилам, которым следовал и Арриан, представил в форме развернутого повествования, помещенного сразу после исчезновения Кира с поля битвы при Кунаксе.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению, скажем, что этот замечательный пассаж отлично вписывается в элогическую литературу, которая, зародившись в определенных придворных кругах, была подхвачена в определенный период той греческой литературой, авторы которой вступались за Кира: именно благодаря чистому и простому подражанию античной литературе этого периода мы превозносим Кира Младшего, что длительное время являлось доминирующей тенденцией современной ахеменидской историографии.

Давайте также рассмотрим труд Плутарха «Артаксеркс». Плутарх также черпает информацию и основывает свои суждения на трудах Ктесия и других авторов «Персики». Постоянно подчеркивается тема духовного и политического превосходства Кира над своим братом. В другом месте Ксенофонт подводит итог своим рассуждениям под видом мнимого диалога: «Клянусь Зевсом, я верю, что если бы Кир Младший выжил, — говорит Сократ, — то он стал бы великолепным монархом. Он доказал это, в частности, когда двинулся против своего брата, чтобы оспорить его власть»¹⁹. По словам Плутарха, «Кир не переставал хвалить себя, говоря, что у него сердце более великое, чем у его брата, что он образованнее и лучше подготовлен в искусстве магов, что он может пить вино и не пьянеть, в то время как его брат был подлым и вялым, и не садился верхом на коня ни на охоте, ни на поле битвы»²⁰. Таким образом легче понять борьбу, ко-

торая происходила при дворе Дария II, отца Артаксеркса и Кира, разделяя его на два лагеря: «Те, кто желал изменений и потрясений, считали, что создавшееся положение требует человека вроде Кира, — ярких достоинств, отлично подготовленного для войны и преданного своим друзьям, и что величие империи требовало царя гордого и амбициозного»²¹, — то есть всех тех качеств, которых лишен Дарий и которыми в избытке наделен Александр.

Давайте теперь более подробно рассмотрим надгробную речь Кира в «Анабасисе» Ксенофонта. Прочитаем ее параллельно с надгробными речами, посвященными Аррианом Александру и Дарию. С первых же слов читатель понимает, что цель речи состоит в том, чтобы во всем противопоставить Кира своему брату Артаксерксу, законному царю. Как и у Арриана, который, очевидно, довольно много позаимствовал у своего предшественника, портрет построен на серии моментов, в которых один превосходит другого (в греческом тексте таких моментов четырнадцать):

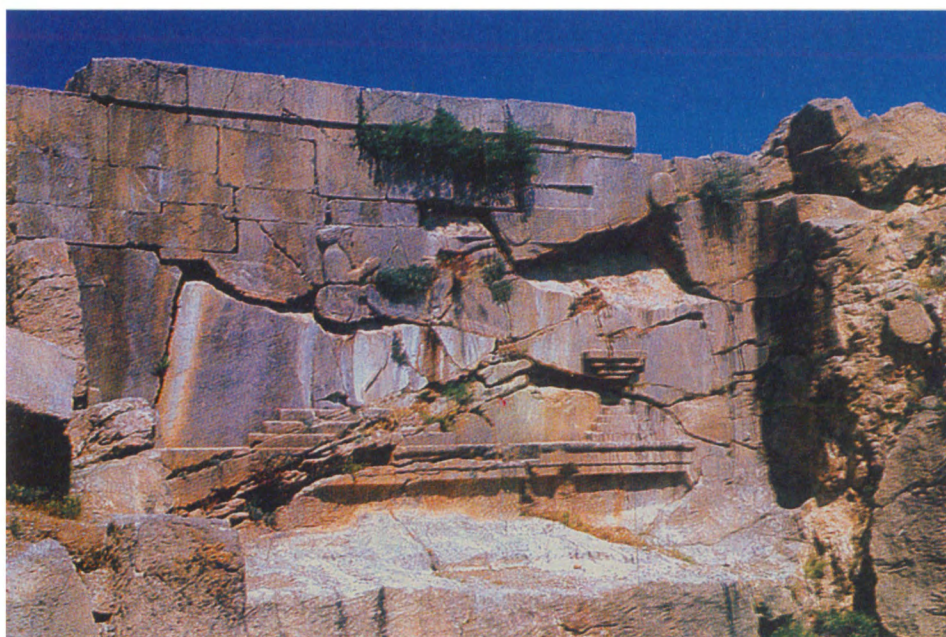
«Начиная с самых юных лет, когда он воспитывался вместе со своим братом и другими персидскими детьми, Кир был заводилой во всем... Позже, он больше всех других любил лошадей и управлялся с ними, как никто другой²². Его высоко оценивали в военных упражнениях, стрельбе из лука и метании копья. Когда подошел возраст, он проявил себя страстным охотником, ему нравилась опасность, когда он оказывался лицом к лицу с диким зверем. Однажды на него набросилась медведица: он не испугался, стремительно напал на зверя, был выбит им из седла, получил раны, шрамы от которых остались навсегда, но в конечном счете убил ее, что совсем не помешало ему воздать добром тому из соперников, кто первый прибежал к нему на помощь» (1.9.2—6).

Видны многочисленные следы стилистических заимствований у Ксенофонта, в том числе в портретах, которые Арриан создает, опираясь на категории, использованные Ксенофонтом в различных своих трудах. В некотором смысле образы Артаксеркса рядом с Киrom Младшим и Дария рядом с Александром являются обезличенным портретом Великого царя, который тот же Ксенофонт, в другом своем небольшом по объему труде («Агесилай»), противопоставил царю Спарты Агесилаю, греческому герою, обладающему всевозможными достоинствами: первый «редко мог продемонстрировать миру свои достоинства, а Агесилай охотно проявлял свои добродетели в любое время... В Персии люди могут обежать землю, изыскивая что-то, что они могли бы с удовольствием выпить, тысячи других людей стараются изобрести нечто, что смогло бы подстегнуть их аппетит... Агесилай же, благодаря своей любви к труду, пил с удовольствием все то, что находил под рукой, с удовольствием ел любой продукт» (§ 9). В этот момент хочется вспомнить об описании Александра, сделанным Аррианом: «он был скромн в телесных удовольствиях и ненасытен только в удовольствиях разума», в противоположность Дарию, «который, чтобы удовлетворить свою привычку к роскоши, никогда не отдалялся от своего обоза, даже когда находился в военном походе»²³.

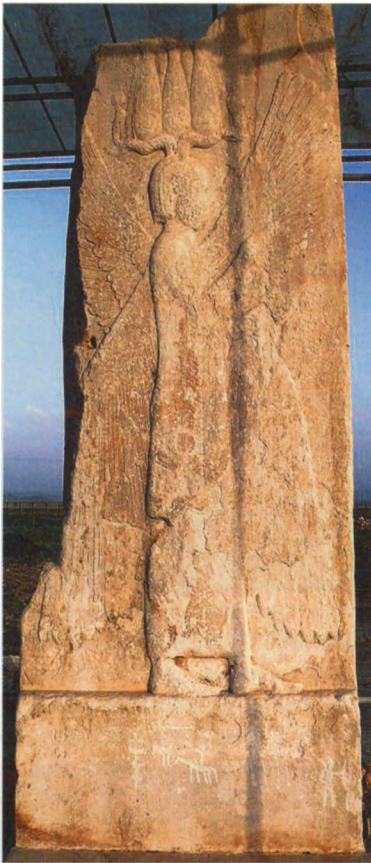
Необходимо добавить, что копирование произведения Ксенофонта и его литературной техники не является простым школярским упражнением. Если

Вид на Персеполь. Из книги Э. Фландена и П. Коста. 1841—1842 гг.

Неопознанная гробница в Персеполе

Крылатый гений из Пасаргад

Изображение человеко-быков на пропильях царя Ксеркса в Персеполе

Панель западной лестницы Артаксеркса II во дворце Дария

*Гробница Кира Великого в Пасаргадах. Из книги Р. Портера.
Около 1818 г.*

*Гробницы царей в Накш и-Рустаме. Из книги Р. Портера.
Около 1818 г.*

Гробницы царей в Накш и-Рустаме. Современный вид

*Инвеститура сасанидского царя Ардашира (левый всадник)
богом Ахурамаздой*

Персидский царь пускает стрелы в скифских всадников. Табличка из Мюнхенского археологического музея

Бронзовая фигурка всадника эпохи Ахеменидов. V—IV вв. до н.э.

*Навершие рукояти меча. Ахеменидский период.
V—IV вв. до н.э.*

*Военный совет Дария III.
Прорисовка изображения на так называемой Вазе Дария*

*Александр Македонский.
Камя из сардоникса.
Около 325 г.*

*Александр Македонский. Камя
из сардоникса.
Около 325 г.*

*Копия статуи
Александра Македонского,
найденная в Пелле*

*Александр Македонский в битве при Гранике. Гравюра XIX в.
с картины Ш. Лебрена*

Дарий столь незначительно упомянут в произведении Арриана, то это прежде всего потому, что «Анабасис» посвящен воспеванию подвигов Александра. Арриан очень четко выражает свою точку зрения в длинном пассаже, традиционным называемом «вторым предисловием»:

«Александр считал Ахилла счастливым, потому что тот имел Гомера, который стал его глашатаем, сохранившим его память для будущих поколений. И, конечно, Александр действительно мог считать Ахилла таковым, потому что, несмотря на свои возможности в других областях, кое-чего ему все же недоставало: его подвиги (ta erga) не были воспеты так, как он того заслуживал, ни в прозе, ни в стихах; он не был воспет даже лирическими поэтами, такими как Гиерон, Гелон, Ферон и многие другие, которые даже не выдерживали с ними сравнения; в результате его подвиги (ta erga) были известны намного меньше, чем достаточно малоинтересные факты из прошлого. Доказательством служит тот факт, что поход Десяти Тысяч с Киром в верхние земли (anodos) к морю, страдания, перенесенные Клеархом и теми, кто попал вместе с ним в плен, последующих набег (katabasis) под командованием Ксенофонта, были намного известнее благодаря Ксенофонту, чем Александр и подвиги Александра (ta Alexandrou erga). Александр один руководил походом, он не бежал перед Великим царем, он даже не возликовал, победив противников, мешавших его продвижению к морю. Среди греков и варваров нет никого, кто совершил бы столь же невероятные подвиги, как по числу, так и по значимости (kata plethos he megethos). И я утверждаю, что именно это побудило меня к созданию настоящего труда: я не считаю себя недостойным познакомить мир с подвигами Александра (ta erga Alexandrou). Я имею право дать себе подобную оценку, поскольку мне нет необходимости ставить свое имя, ведь люди его достаточно хорошо знают; мне не нужно говорить, где моя родина, моя семья, должность, которую я исполнял в своей стране; мне достаточно сказать, что с самого детства мои труды были известны и уважаемы, как известны и сейчас, на моей родине. Я уверен в этом, и поэтому я не считаю себя недостойным встать рядом с величайшими писателями, писавшими по-гречески, и писать об Александре, который является одним из величайших полководцев» (1.12.5).

Арриан намеревается воспеть подвиги (erga) Александра. Многочисленные применения этого термина не оставляют в этом никаких сомнений и в конечном счете ясно свидетельствуют о том, что он создает подражание произведению Геродота: тот намеревался живописать и напомнить потомкам erga царей и народов, в особенности царей — лидийских, вавилонских, египетских и персидских²⁴. Также нет никакого сомнения в том, что, еще более, чем Ксенофонт и Геродот, Арриан вдохновлял образ Гомера, особенно при описании наиболее героических аспектов жизни молодого македонского царя: вскоре мы вернемся к этому.

Предисловие содержит также ясное упоминание о Кире и Десяти Тысячах, но отношение к ним бесконечно менее позитивное, чем в речи, вложенной в уста Александра перед сражением при Иссе. Разумеется, следует подчеркнуть,

вслед за Моргенсом Х. Хансеном, что эти речи перед сражением были полностью составлены древними авторами, начиная с афоризмов и очень коротких фраз, который военачальник мог произнести, переходя от одного отряда к другому, двигаясь вдоль строя войск, в случае необходимости обращаясь к солдату или к десятнику или сотнику²⁵. Таковы и речи Александра перед Иссом, к которым я обращаюсь.

В них, согласно Арриану (II.7.9), «Александр вспомнил о Ксенофоне и его Десяти Тысячах, которые не могли сравниться с ними ни по числу, ни по чему-то иному... победили неподалеку от Вавилона самого Великого царя со всей его армией, а затем в своем походе к Понту Эвксинскому с успехом атаковали и побеждали все народы, которые пытались преградить им путь». В «Предисловии» же, напротив, Арриан умудряется противопоставлять оба «Анабасиса» и обоих вождей: Александр сам ведет армию, в то время как у Кира на флангах стоят греческие военачальники; Десять Тысяч и Ксенофонт не были одиноки перед лицом многочисленной армии царя: в первой части похода, марша в глубокий тыл, их направлял Кир (анабасис в строгом смысле этого слова); речь не идет о безусловной победе под стенами Вавилона; напротив, этот прецедент не оценивается слишком положительно: ясно сказано, что Десять Тысяч бежали от Великого царя, и что победы, которые они одержали впоследствии, были одержаны над значительно менее знаменитыми противниками. Более того, они одерживались в то время, как греки бежали к морю (*katabasis*, поход к побережью); Александр же, напротив, не участвовал в *katabasis*, он не бежал от Великого царя.

Иными словами, исторические прецеденты комментируются и подаются в зависимости от требований текущего момента: в первом случае (речь перед Иссом) историю Десяти Тысяч используют для того, чтобы воодушевить, укрепить и обосновать превосходство греков над варварами на основании хорошо известного *topos*, противопоставляя число (варвары) и качество (греки); во втором случае Аррианом руководит желание доказать, что никто не совершил *erga* (подвигов), сравнимых с подвигами Александра. В данном случае приключение Десяти Тысяч приведено в качестве контрпримера, так как, в сущности, они вели себя подобно Дарию III. Давайте особенно запомним ссылку на бегство перед лицом врага, так как — у Арриана в особенности, — неоднократные панические бегства из гущи сражения являются чертой, периодически определяющей поведение Дария III при столкновениях с Александром, и противопоставляющей одного другому. Также ясно, что согласно логике изложения, определенной в его «Предисловии», Арриан не упоминает никаких подвигов (*ergon*), приписываемых Великому царю, в то время как согласно традиции, которой следуют Диодор Сицилийский и Юстиниан, Дарий до своего воцарения совершал запоминающиеся деяния²⁶.

Сравнения, противопоставляющие великих полководцев, при которых автор настаивал на трусости, присущей персам, часто принижали значение побед Александра. Этот парадокс веселит Лукиана, который выступает от лица Филиппа, очень критически оценивая победы, одержанные его сыном: «Ты, всегда боровшийся только с подлыми трусами (*deloi*)... мидийцами, персами, армянами... всегда готовыми бросить свои луки, копыя и щиты... разве ты не знаешь, что до тебя Десять Тысяч, ведомые Клеархом, сражались с ними так, что

они даже не предполагали, что греки могут убежать?» В другой главе «Диалогов умерших» Ганнибал подчеркивает превосходство собственных побед с формулировкой, в которой снова утверждается трусость Великого царя: «Я сражался с самыми храбрыми, а не с мидийцами или армянами, то есть с людьми, которые убегают прежде, чем их начинают преследовать, оставляя победу отважным... Александр, тот тоже торжествовал над трусливым Дарием»²⁷.

Воспеватели Александра вполне осознавали этот подводный камень риторики. Чтобы избежать подобной трудности, они любили дать слово Дарию, заставляя его самого превозносить мужество Александра. Это особенно очевидно в речи, которую его заставляют произносить, восхваляя великодушие, проявленное Александром при смерти его жены Статирь: «Ну что ж! — воскликнул он. — Персия не пала совсем низко, и нельзя сказать, что мы последние из подданных и трусов, раз потребовался такой человек, чтобы восторжествовать над нами»²⁸.

КИР МЛАДШИЙ, АЛЕКСАНДР, ДАРИЙ И ИХ ПРИВЕРЖЕНЦЫ

Мы можем выделить у Ксенофонта некоторые характеристики «идеального военачальника», которые, так сказать, еще более отягощают и без того негативный образ Дария III. В качестве особо убедительного примера давайте возьмем обязательную для хорошего военачальника способность привлекать и сохранять нерушимую преданность друзей и солдат при помощи своего к ним великодушия.

Совсем как Александр у Арриана, который «не жалел своих богатств, чтобы оказать услугу другим», Кир у Ксенофонта особенно восхваляется, совсем, как Кир из «Киропедии», за одно из своих качеств, *polydoria* — этот термин мы можем перевести как «великодушие», но который этимологически восходит к понятию «раздачи множества даров» (*dora*). Это качество заключается в вознаграждении за оказанные услуги и в щедром одаривании тех, кто преданно служит. Кир посылал своим друзьям «половину гуся или половину своего кувшина с вином каждый раз, когда он получал их, что было им очень приятно»²⁹, так и Александр, «каждый раз, когда ему приносили очень редкие плоды и рыбу, он распределял их между своими друзьями, порой не оставляя ничего для себя»³⁰. Именно благодаря этой практике Кир Младший смог объединить вокруг себя персидских дворян и, что еще важнее, всех тех, кто были иначе обязаны хранить верность законному Великому царю, Артаксерксу II.

Давайте возвратимся к уже процитированному пассажиру из «Экономики» и к легитимационной речи Ксенофонта. Сократ, от лица которого ведется речь, объясняет, что Кир Младший стал бы превосходным правителем, основываясь на следующем наблюдении, представленном как несомненное доказательство:

«Ни один дезертир не был передан, как говорят, Киром Великому царю, но тысячи и тысячи перешли от Великого царя к Киру. И в этом, на мой взгляд, доказательство высоких качеств военачальника, которому охотно повинуются (*ekontes*) и соглашаются оставаться в нем в опасности: друзья Кира сражались рядом с ним столько, сколько он жил, и, когда он был убит, все они покончили с собой, сражаясь над его телом, за исключением Ариеса» (IV.17—18).

То же самое мы видим и в «Анабасисе»:

«Хотя Кир был всего лишь подданным своего брата, никто не бросил его и не перешел на сторону царя. Это попробовал сделать только один Оронт, причем этот Оронт быстро понял, что человек, которого он считал верным себе, был более верен Киру, чем ему самому. Напротив, было множество таких, кто оставил царя, чтобы поддержать Кира, когда отношения между братьями стали враждебными. Среди этих людей было множество тех, кого Артаксеркс любил более всего, но они сочли, что Киром они будут лучше вознаграждены, чем царем» (1.9.29).

Подобное же мнение высказывает Ктесий, придворный врач Артаксеркса II, который, в своих «Персидских историях» демонстрирует твердую политическую позицию относительно памяти Кира Младшего: «От Артаксеркса к Киру перебежало множество людей, но никто не дезертировал от Кира к Артаксерксу. Арбарий, который попытался присоединиться к Киру и был отвергнут, был сожжен»³¹. В действительности же множество персидских дворян предпочло поддержать Артаксеркса против Кира, и дезертиров у Кира было намного больше, чем это готовы признать Ксенофонт и Ктесий. Но не имеет большого значения тот факт, что исходные наблюдения были вымышленными: мы рассматриваем процесс создания образа идеального правителя, воплощенного в образе человека, про которого необходимо доказать, что он имеет больше заслуг для того, чтобы занять царский трон, чем его брат. Настойчивость, с которой говорится о верности персов, является лишь частью речи, содержащей доказательства легитимности претензий Кира на царскую власть, речи, составленной в пользу Кира и в ущерб его брату, который описывается абсолютно лишенным всяческих достоинств подлинного царя.

Что особенно важно — так это то, что мы встречаем совершенно идентичную речь в письме, которое, согласно Арриану, Александр послал в ответ на дипломатические ходы, сделанные Дарием после Исса. Македонский царь не довольствуется обвинениями против Великого царя и его предшественников в том, что они являются зачинщиками этой войны, он позиционирует себя как политическую альтернативу Дарию. И в этом ключе он начинает методично ставить под сомнение законность власти своего противника, который, как он считает, захватил царскую власть, нарушая правила, ахеменидские и персидские традиции. Среди аргументов, которые использует Александр согласно Арриану, фигурирует, например, следующий:

«Теперь, когда я победил в сражении сначала твоих военачальников и твоих сатрапов, а затем и тебя самого и твою армию, которая у тебя была, теперь, когда я получил эту страну по воле богов, я беру на себя заботу о тех, кто, сражаясь на твоей стороне, не нашли смерти в сражении и нашли убежище около меня: ведь в военном походе против меня они участвуют вопреки собственной воле (ekontes)» (II.14.9).

Речь совершенно ясна и основана на противопоставлении двух категорий противников: тех, кто перешел к нему по своей воле, и тех, кто перешел к нему

в результате поражения. Александр утверждает, что персы, оказавшиеся после сражения в его лагере, не являются военнопленными, стремящимися вернуться в лагерь Дария, чтобы принять участие в реванше. Совсем наоборот — они охотно присоединились к Александру и, вместо того чтобы быть соратниками Великого царя, отныне хотят его встретить в качестве соратников македонца.

Обоснованная этим аргументом речь логично перетекает к следующему предположению: «Поэтому приходи ко мне сам, как к хозяину всей Азии, которым я являюсь». От Ксенофонта к Арриану, от Кира Младшего к Александру, и, наконец, от Артаксеркса II к Дарию III видна недвусмысленная связка: к концу Артаксеркса II и Дарий III лишаются своего статуса Великого царя, не просто вследствие поражения от своего открытого врага, но и также вследствие выбора, выраженного публично их бывшими соратниками. И более того, когда речь частично изменяет свою направленность и начинает выражать более позитивное отношение к Артаксерксу, начиная с Кунакса, удаленное сравнение с Дарием снова не в пользу последнего из Ахеменидов³². Это постоянно повторяющийся аргумент в монархической литературе: он вновь был использован Птолемеем, чтобы разоблачить жестокость и незаконность власти Пердикки³³. В дальнейшем мы увидим, что, базируясь на тех же идеологических предположениях, идентичное осуждение против Дария выражается в персидской и арабо-персидской литературе³⁴.

Стоит вспомнить один из аргументов из речи Сократа, считавшийся способным доказать нерушимую верность приближенных делу Кира и ему самому: «Когда он был убит, все они покончили с собой, сражаясь над его телом, за исключением Аридея». Контраст между смертью Кира Младшего, описанной Ксенофонтом, и гибелью Дария III, рассказанной Аррианом, действительно разителен, но общий мотив, как в литературном, так и в идеологическом плане, довольно очевиден. Давайте сначала посмотрим на описание Кира в «Анабасисе» Ксенофонта:

«То что произошло после его смерти, еще вернее доказывает, что будучи сам храбрым воином, он умел выбирать верных, преданных и надежных людей. Когда он умирал, все его друзья, которые еще были живы, все сотрапезники погибли, сражаясь за него. Исключением оказался один Арией: он стоял со своими войсками на левом крыле и командовал кавалерией. Когда он узнал, что Кир убит, он спасся со всей армией, которой командовал» (1.9.30—31).

В качестве примера чудесной самоотверженности и преданности любимому и уважаемому хозяину, каким был Кир, некоторые древние авторы рассказывали красивую историю Артапата. Вот как она излагается у Ксенофонта:

«Говорят, что Артапат, самый верный его жезлоносец, увидев распростертого на земле Кира, прыгнул со своей лошади и бросился на него. Одни утверждают, что царь отдал ему приказ перерезать себе горло за Кира, а другие говорят, что он извлек свой меч и зарезался сам. У него был золотой меч; он также носил ожерелье, браслеты и другие драгоценности, как и наиболее

благородные персы, так как пользовался уважением Кира за свою верность и преданность» (1.8.28—29).

Какая разница по сравнению с описанием смерти Дария у Арриана!

«Изгнанный из собственной империи и скитаясь, он пал жертвой подлейшего предательства от руки своих приближенных, так как оказался в позорной телеге, одновременно и царь, и заключенный в оковах. В конечном счете он погиб от рук своих самых близких придворных, в результате подлого заговора против него» (III.22.5).

Тема и ее обработка весьма интересны: ведь среди наших авторов Арриан — единственный, кто развивает ее в рамках речи, направленной против Дария. Затем эта тема была подхвачена сборниками ехетра, о чем свидетельствует «красивая история», рассказанная Элианом³⁵. В ней он противопоставляет жалкую смерть Дария, оставленного всеми — за исключением его собаки! — и восхитительную верность Артапата, который предпочел покончить с собой рядом с телом его хозяина.

АЛЕКСАНДР, ДАРИЙ И ГОМЕРОВСКАЯ МОДЕЛЬ

Давайте возвратимся ко второму предисловию «Анабасиса» и к декларации Арриана: «Александр считал Ахилла счастливым, потому что тот имел Гомера, который стал его глашатаем, сохранившим его память для будущих поколений... И я утверждаю, что именно это побудило меня к созданию настоящего труда: я не считаю себя недостойным познакомить мир с подвигами Александра (ta erga Alexandrou)».

Известно, до какой степени греческое воспитание было основано на непрерывном чтении Гомера, особенно «Илиады». Арриан напоминает, что после смерти своего друга Гепестиона Александр обрил себе голову в память об умершем, и комментирует это следующим образом: «Я не считаю этого неправдоподобным вследствие его желания подражать Ахиллу, с которым он мечтал поостязаться, начиная с самых детских лет»³⁶. Со своей стороны, создавая восторженный портрет молодого Александра, Плутарх сообщает: «Он также имел врожденный вкус к литературе и к чтению. Он считал “Илиаду” своей опорой при обучении воинскому искусству и говорил об этом. Он носил с собой подробный критический анализ этой поэмы, сделанный Аристотелем. По свидетельству Онесикрита³⁷, он все время держал его под подушкой рядом с мечом». Согласно Диону Хризостому³⁸, царь даже знал наизусть всю «Илиаду» и большую часть «Одиссеи». В начале кампании имеется множество ясных его ссылок на Троянскую войну: так же, как это пытался сделать Агесилай, Александр — совершенно на иной почве — пытается построить свое приключение на следах Ахилла и Агамемнона.

На основании этих ссылок некоторые историки реконструируют «гомеровский» портрет Александра, уловив только его опьянение славой и не заботясь о рациональности, столь свойственной военачальнику. До такого доходить, разу-

меется, не следует. Его стремление к героизму вполне понятно, но не менее понятно желание просто поразить воображение. Описанное Аррианом паломничество к гробницам греческих героев в Трое свидетельствует о его бесспорном восхищении Александра персонажами того, что мы называем мифологией, но что для него было подвигами героев прошедших веков. Однако это также свидетельствует о стремлении приспособить для себя их славу и явиться всем в качестве их законного преемника: «Он посвятил в храме свои доспехи Афине Илионской и взял себе взамен некое священное оружие, хранившееся там со времен Троянской войны; говорят, что гипасписты несли его перед ним в сражениях»³⁹.

Не вызывает никаких сомнений, что подражание древним героям является элементом древней традиции, целиком посвященной воспеванию славы Александра. Как и все, кто был воспитан на греческой культуре в любом уголке греко-римского мира, Арриан хорошо знал Гомера. Что может быть лучше, чем черпать вдохновение из «Илиады», описывая подвиги Александра? Героические гомеровские образы образуют ритм и организовывают древние сказания, представленные в форме типовых гомеровских рассказов и именно так и понимаемые читателями. Это замечание особенно справедливо для батальных сцен. Давайте просто рассмотрим описание некоторых подвигов (*erga*).

Во время сражения при Гранике Александр подает пример в атаке: «Он вскакивает на коня, убеждая своих сподвижников следовать за ним и показать свою смелость». Он многократно демонстрирует героизм в поединках⁴⁰. Это описывается также и у Диодора, который повествует о единоборстве (*monomakhia*) между Александром и неким персом, результат которой был встречен овацией солдат в обоих лагерях⁴¹. У Диодора видная прямая ссылка на Гомера: он сообщает, что Александр получил множество ударов, среди которых «три по щиту, который он взял в храме Афины».

Самым интересным является недвусмысленный и наводящий на размышления контраст между персидскими военачальниками и Александром. Перед сражением армии были выстроены по обеим берегам реки. «Александра легко было узнать по сверкающему вооружению и готовности его окружения служить ему»⁴². Он не только не скрывается, но и намеренно выставляет себя на всеобщее обозрение до битвы и подвергается ударам во время сражения: «Его легко было узнать по щиту и плюмажу на шлеме, с каждой стороны которого вздымался султан перьев удивительной величины и белизны»⁴³. У Гавгамел «шлем был железный, но он сверкал как чистое серебро»⁴⁴. Этот мотив был целиком заимствован в эпосе Гомера, где изображены Гектор «в сверкающем шлеме» и Ахилл, у которого «сверкающий щит с множеством узоров закрывает грудь, а на голове покачивается шлем, из-под которого выбиваются яркие пряди золотых волос».

По Арриану, Александру пришлось врезаться во главе своих всадников в самую гущу персидской кавалерии, чтобы выгнать их «из самой гущи вражеской кавалерии, оттуда, где засели персидские командиры»⁴⁵. Такая точность незамедлительно подсказывает, что, определенно основываясь на Ксенофонте, Арриан говорит о позиции, занятой Дарием в ходе обоих сражений, следующих одно за другим. Он говорит, что «Дарий расположился в самом центре всех войск согласно обычаю, заведенному у персидских царей»⁴⁶. Согласно Арриану, то же

самое он сделал и при Гавгамелах: «В центре, где находился царь Дарий, располагались родственники царя, мелофоры, индийцы, карийцы, называемые изгнанными, и мардские лучники». Эта информация, скорее всего, взята у Аристобула, который, восстанавливая расположение персидской армии при Гавгамелах, утверждал, что он использовал «план, воспроизводящий ход сражения таким, каким записал его Дарий, и который впоследствии был взят у него»⁴⁷.

Арриан устанавливает подлинность этой информации при помощи следующей ссылки, подобной примечаниям внизу страницы: «Ксенофонт, сын Грилла, показал в своей книге смысл и разумность этого положения». Действительно, в описании расположения армий Артаксеркса и Кира Младшего в сражении у Кунакса Ксенофонт использует следующую формулировку:

«Кир знал наверняка, что царь находится в центре персидской армии. Впрочем, все военачальники варваров командуют своими армиями, находясь в центре своих войск: они считают, что это для них наиболее правильное место, так как они закрыты со всех сторон, а кроме того, если им случается отдать приказ, армия получает его вдвое быстрее. Таким образом, царь находился посередине своей собственной армии... У него не было никакого противника, с которым бы он находился лицом к лицу»⁴⁸.

Трудно избавиться от впечатления, что в повествовательной логике Арриана точность только усиливает негативное отношение к Великому царю, который, дорожа прежде всего своей безопасностью, уклоняется от личного поединка. Таким было представление, созданное Каллисфеном: изначально расположившись в центре своей армии, Великий царь мог выскользнуть и незаметно перейти на другое место, чтобы избежать личного столкновения с противником⁴⁹.

Александр же, напротив, доступен взглядам, его может увидеть любой. Создается даже впечатление, что армии останавливаются, чтобы восхищаться личным подвигом молодого царя. Позиция Александра кажется выписанной кистью художника, в противоположность положению, которое классические тексты регулярно приписывают персидским царям: те чаще всего не принимают участие в схватках, они держатся в стороне и созерцают сражение, как спектакль, который проходит перед их глазами⁵⁰.

Гомеровское видение присуще не только Арриану. В описании сражения при Гранике, созданном Диодором, поведение персов очень смелое, но действия Александра просто героические: он один сражается со множеством врагов:

«Родственники царя начали метать копья в Александра. Затем, сражаясь врукопашную, они грудью встали на защиту своего царя от множества опасностей, стремясь убить молодого царя. Но он не признавал себя побежденным множеством своих врагов, несмотря на окружающие его опасности. В его кирасе уже было две вмятины, одна — в шлеме и три — на щите, который он взял в храме Афины. Между тем, вместо того, чтобы растеряться, он собрался перед лицом опасности, горя восторженностью безрассудной смелости» (XVII.21.1—2).

Можно обнаружить множество повествовательных и литературных элементов в рассказах, предлагаемых тем же Диодором об атаках против Тира:

«Он убедил македонцев, что они должны продемонстрировать не меньшее мужество, чем он сам... Он осмелился делать то, во что видевшие это даже не могли поверить... По подвесному мостику он поднялся один на крепостную стену, не страшась воли Фортуны и не испугавшись воинственной ярости тирийцев. Имея в качестве зрителей армию, которая победила персов, он приказал другим македонцам следовать за ним и повел их за собой. Он убивал врагов, до которых мог дотянуться, поражая одних копьем, других — мечом, убивая некоторых ударами ребром щита, и таким образом смирил великую отвагу противника» (XVII.46.1—2).

То же мы видим у Квинта Курция: «Знаки царской власти и сверкание доспехов легко позволяли узнать его. Именно в него целились враги прежде всего. Его поведение, безусловно, достойно восхищения». То же было в Газе: «Он надел кирасу, которую надевал столь редко»⁵¹.

Гомеровский *mimèsis* присутствует везде. Известно, как тот же самый Квинт Курций описывает казнь Бегиса, командира гарнизона: «Он творил свою славу, повторяя Ахилла, от которого он происходил»⁵², ссылаясь на книгу XXII «Илиады»: «Ахилл оскорбил божественного Гектора. Он прорезал ему сзади сухожилия на ногах, от пяток и до лодыжек, затем привязал его тело к своей колеснице. Он поднялся на колесницу, надел свои известные доспехи, и, повинувшись одному удару кнута, его жаркие кони умчали его вдаль».

Многие истории, повествующие об осадах, особенно в Индии, подтверждают склонность их авторов к героическим древним источникам. Возьмем Арриана. Перед лицом врагов, укрытых в крепости, «Александр первым поднялся на вал и появился там, открытый взглядам, как хозяин. Видя это, македонцы, охваченные стыдом, поднялись на вал вслед за ним»⁵³. Затем, несколько дней спустя, новый вал и новая крепость станут свидетелями новых подвигов македонского царя. Не ожидая помощи, Александр хватает лестницу и начинает туда подниматься:

«Укрытый щитом, он начал подниматься; за ним последовал Певкест, носитель *священного щита*, взятого Александром в храме Афины, в *Трое* — он всегда держал его возле себя и приказывал нести перед собой в битве... Александра, стоящего на валу, обстреливали снизу из-за зубцов башен (так как ни один индеец не осмеливался приблизиться к нему)... Его было очень легко заметить по *сверканию доспехов* и его безумной отваге. Он отдавал себе отчет, что, оставшись на этом месте, он подвергся бы множеству опасностей, не сделав ничего *запоминающегося*, тогда как если бы он прыгнул вниз с вала, индийцы были бы, скорее всего, поражены ужасом от одного только его поступка; если бы ему все же было необходимо подвергнуться великим опасностям, он погиб бы, сражаясь, совершив *великие подвиги* (*megala erga*), *достойные того, чтобы остаться в веках*. Придя к этому заключению, он прыгнул вниз с вала в крепость... [Он был тяжело ранен]... В то время когда он

лежал там, Певкест старался прикрыть его, вздымая его священный троянский щит...» (VI.9.3—5; 10.2).

Этот рассказ встречается и у других авторов: «Царь сумел совершить неординарный поступок, который заслуживает того, чтобы о нем рассказали. Считая, что уйти с вала и присоединиться к сотоварищам, не совершив чего-то, было бы недостойно его личной славы, которой он только что добился, он прыгнул внутрь стен города»⁵⁴. Диодор добавляет, что, будучи тяжело раненным стрелой в грудь, Александр продолжал защищаться и даже атаковать. Он убил варвара своим мечом и «бросил вызов на личный поединок тем индийцам, которые этого хотели»⁵⁵. Этот героический и гомеровский мотив, если он действительно присутствовал, очень часто встречается в V книге «Илиады». Стремление к известности также позаимствовано из этой этой эпопеи: «Я не умру без борьбы и без славы, без великого подвига, рассказ о котором дошел бы до потомства» (Гектор).

Именно с точки зрения этой героической воинственной этики, поведение Александра показывается и обсуждается при описании битв при Иссе и у Гавгамел, в особенности у Арриана. Такая ссылка может только усилить негативность портрета Дария. В любом случае Александр сам, с юношеским пылом, встает во главе своей армии. Уже в битве при Гранике он отверг осторожность советов Пармениона и первый бросился в реку: персы, которые легко узнали его «в ярких доспехах и по готовности окружения служить ему» выставили перед ним несколько кавалерийских эскадронов⁵⁶. Окруженный свирепыми врагами, он яростно дрался, «и его щит, который он взял в храме Афины, получил три повреждения»⁵⁷. Давайте процитируем также рассказ Юстиниана о сражении у Гавгамел:

«Александр атаковал везде, где опасность была наибольшей, и везде, где он видел больше всего врагов, яростных и свирепых в битве. Он всегда бросался туда и хотел, чтобы опасность была значительно большей для него, чем для его солдат. В этом сражении он завоевал азиатскую империю...» (XI.14.5—6).

Легко увидеть последствия доверчивости современных историков, попавшихся на удочку этой смеси *mimèsis* и воображения, которую предлагает Арриан. Подобие между двумя разными «Анабасисами» порождает множество сомнений и относительно идеализированного портрета Кира Младшего, созданного Ксенофонтом, и того отвратительного образа Дария, нарисованного Аррианом — не только в надгробной речи, но и на протяжении всех глав, описывающих первые годы войны, ведомой Александром против ахеменидской империи.

Дарий у Арриана менее всего является исторической личностью, с ярко прописанной и четко прослеживаемой индивидуальностью. Это скорее историографический фантом, созданный при помощи стереотипов. Дарий все время находится в положении второстепенного персонажа, призванного усилить блеск молодого македонского завоевателя. В конечном счете его образ менее всего отражает наблюдения историка: это скорее литературный персонаж, отражающий одновременно как способность к литературному творчеству автора, так и исключительно греко-римское представление о героях. Осуждая труды, заклеянные им

как неудачные потуги придворных льстецов, Арриан в действительности сам очень четко следует той же самой логике: образ Александра в «Анабасисе» — это прежде всего один из вариантов жанра элогии, хвалебных воспеваний.

ДАРИЙ, АЛЕКСАНДР И ПОР

Из всех встречавшихся на пути македонца противников можно выделить еще одного царя, и традиции, существующие относительно этого героя, усиливают — явным или завуалированным контрастом — отвратительную репутацию Дария. Речь идет об индийском царе Поре. Все древние авторы подчеркивают его физическую привлекательность: «Одним из царей Индии был Пор, принц, знаменитый как своей физической силой, так и величием души⁵⁸... Большинство историков соглашались с тем, что Пор был ростом в четыре локтя и одну пядь»⁵⁹, или даже еще больше, если верить Арриану и Диодору! Говорили даже, что его фигура была соразмерна с размерами его слона⁶⁰, и «он бросал копье с мощью, с которой не могла сравниться даже катапульта»⁶¹. Отсюда размышление от лица Александра, написанное Квинтом Курцием: «Наконец я вижу опасность, стоящую вровень с моим гением: мы имеем дело одновременно и с необычными зверями, и с неординарными людьми»⁶². Это еще и способ внушить нам, что Александр также был высоким, чего не было на самом деле!

Согласно Лукиану, царь бросил в Гидасп листки, которые заставил его прочитать Аристокл, где Александру приписывались бессмысленные подвиги в ходе личного поединка с царем Пором — в особенности убийство слонов одним-единственным дротиком⁶³. Красивый *exemplum*, предназначенный проиллюстрировать то, что отделяет царя — раба своих льстецов, — от царя, подчиняющегося требованиям служения истине! Все эти пассажи развивают столь хорошо знакомую тему об идеальной царской власти, причем Александр представлен как бесспорное главное действующее лицо, даже когда он соглашается разделить сцену с «приятелем».

Рассказ о сопротивлении Пора вполне соответствует героическому образу: несмотря на то что ему было нанесено множество ран, он тем не менее готов сражаться до конца. Согласно одной из версий, в конце битвы его кладут на повозку, Александр приходит на него посмотреть. Пор заверяет его, что признает Александра более сильным бойцом, чем он сам, и добавляет: «Но даже теперь я не жалею об этом, поскольку я — второй после тебя». Отсюда следует решение, принятое Александром: «Он допускает Пору в круг своих друзей и незамедлительно жалует ему, с добавлениями, царство, господином которого он был»⁶⁴.

У Арриана мы обнаруживаем те же компоненты, но сопровождаемые некоторыми своеобразными и весьма интересными комментариями. После сражения Александр едет верхом вместе с несколькими компаньонами навстречу своему противнику, как если бы он пришел воздать должное царю, как бы признавая его власть или — как в данном случае — его духовные достоинства. «Он восхищается его ростом и его красотой, этим проявлением непокорства: один храбрый встретил другого, героически сражаясь за свое царство против другого царя»⁶⁵.

Это противопоставление заставляет вспомнить о том, как древние авторы описывают решение, принятое в конечном счете Дарием, о том, чтобы сражаться про-

тив Александра. Согласно сообщению Диодора, решение было принято в ходе военного совета: «Он не смог найти военачальника, подходящего для такого дела, и был вынужден собственной персоной спуститься к берегу и возглавить сражение за спасение своего царства»⁶⁶. Напротив, столкновение Александра с Пором — это встреча двух смелых людей, двух царей в полном смысле этого слова. Кроме того, на вопрос Александра о том, как следует с ним обращаться, Пор отвечает просто — «как с царем», и Александр «обращался с этим храбрецом как с истинным царем, за что Пор, начиная с этого момента, был верен ему в любых обстоятельствах»⁶⁷.

Противопоставление с Дарием и персидскими царями приходит на мысль не только на основании фразеологии, но и становится совершенно ясным из текста Арриана:

«Совершив в бою великие подвиги, не только как военачальник, но и как отличный солдат, Пор, увидев, что его кавалерия разбита, что его слоны частично погибли на поле битвы, а частично лишились погонщиков и бродят без управления, не убежал, дав сигнал бегства своим собственным войскам, как Великий царь Дарий: он продолжил сражаться, пока имелась хоть горстка индийцев, способных держаться на ногах» (V.18.4—5).

Этим все сказано! Таким образом, понятно и отношение Александра. Отношение к Пору как к царю противопоставляется ответу, который он дал Дарию после сражения при Иссе. Великий царь написал: «Он, царь, пришел просить другого царя о том, чтобы тот отдал ему его жену, его мать и его детей»⁶⁸. Ответ Александра был резким: «В создавшихся условиях приди ко мне, как к господину всей Азии... когда ты будешь обращаться ко мне, обращайся как к царю Азии; не пиши мне как равный равному... Если же ты не согласен по поводу передачи царской власти, сразись за нее еще раз, твердо ожидая меня, но не убегай, так как я все равно нагоню тебя, где бы ты ни был»⁶⁹. У Арриана, как мы видим, четко прослеживается противопоставление Дария и Пора. Этот последний имеет одинаковые с Александром царские достоинства — «рыцарские», как мы могли бы сказать, достоинства, которые столь ярко проявляются на поле битвы. В обоих случаях речь делает из Александра идеального царя, как противопоставляя его Дарию, так и признавая в Поре те же достоинства, носителем которых он является.

ГЛАВА 5. А ТОТ ЛИ ЭТО ДАРИЙ?

В ЛАГЕРЕ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

В произведениях авторов Вульгаты нет никакой надгробной речи по последнему из Ахеменидов — ни благожелательной, ни негативной. Тем не менее общий тон произведений несколько отличается от того, что мы видим у Арриана, особенно в суждениях о Дарии.

Давайте возьмем Квинта Курция. Ясно, что он оценивает все несколько иначе, чем Арриан: вместо того чтобы постоянно следовать за Александром, не отступая ни на шаг, ему нравится создавать у читателя впечатление, что он увидит его в центр лагеря Дария, где он заставляет говорить и действовать Великого царя и его приближенных. Вот почему мы видим описание, например, военного совета весной 333 года¹, описание похода Дария при оставлении Вавилона² или сцену пыток евнуха Тириота по приказу Великого царя³. Моменты такого рода наиболее многочисленны в книге V, так как Квинт Курций решил последить события вплоть до смерти Дария, не прерывая их рассказом о европейских делах: читатель, таким образом, «присутствует» на военном совете, состоявшемся в Арбелах после поражения при Гавгамелах⁴, на собраниях, где текут нескончаемые речи, затем попадает в гуцу заговора, сплетенного Бессом и его офицерами против Дария⁵, и, наконец, читает сцену его смерти, к несчастью, неполную из-за утраты части манускрипта⁶.

Но может ли нынешний читатель позволить себе обманываться приемами, которые позволяют автору прежде всего представить свои размышления на тему морали — в конечном счете, очень банальные, — относительно сути власти и превратности человеческой жизни? Анализируя такие рассказы, надо всегда иметь в виду технику апофтегм, такую, какая была показана Плутархом, которой в значительной степени пронизаны все труды, посвященные Александру: «Часто маленький факт, слово, шутка, показывают характер лучше, чем бои, в которых погибают тысячи людей»⁷. Именно с такой оговоркой следует читать анекдот Арриана о персидских принцессах, приведенных к Александру и Гефестиону:

«Лично я сообщил эти факты, не считая их ни абсолютно истинными, ни полностью неправдоподобными. Что бы там ни было, если дело было именно так, я хвалю Александра за его сострадание к этим женщинам и одновременные знаки доверия и почета по отношению к его другу; если историкам кажется, что он мог действовать и говорить таким образом, я поздравляю его с этим» (11.12.8).

Иначе говоря, с точки зрения Арриана, это «если не правда, то хорошая находка!», и важно только то, что он может добавить таким образом еще один штрих к духовному портрету Александра.

По чисто литературным причинам было бы, разумеется, очень удобно заставить говорить самого Великого царя, узнавшего о смерти своей жены со слов евнуха, бежавшего из лагеря Александра, или после сражения собирающего своих советников и обращающегося к ним с нескончаемой речью, «воспроизведенной» автором в прямой или косвенной речи. Было бы весьма соблазнительно заставить говорить греческого солдата, находившегося в непосредственном окружении Дария — Патрона, командира греческих наемников, в уста которого Квинт Курций вкладывает множество реплик, обращенных к своему господину. Но в данном случае обсуждаемый солдат является лишь рупором Квинта Курция, скорее всего, просто созданием пера автора, и его присутствие никак не гарантирует подлинность рассказа. Точно так же в случае разговоров (предполагаемых) между Дарием и Патроном Квинт Курций,

озабоченный обоснованием сцены разговора, который должен был остаться абсолютно секретным и конфиденциальным, без свидетелей, утверждает, что царь «говорил по-гречески»⁸. Зато изображая Дария на пороге смерти, дающего поручение простому солдату передать послание Александру, Юстиниан дает понять, что царь неспособен говорить на другом языке, кроме своего собственного⁹. И было бы глупо уточнять степень достоверности обоих текстов с целью определить реальность лингвистических способностей Дария: ни Квинт Курций, ни Юстиниан об этом не заботились, и, скорее всего, у них нет никакой информации по этому поводу; им важна только связность рассказа и эффективность их литературной хитрости.

ИЗМЕНА И ВЕРНОСТЬ

Также верно и то, что время от времени Квинт Курций, похоже, анализирует ту или иную политическую ситуацию с точки зрения интересов Дария. Тому свидетельством является употребление термина «предатель» (*traditor*) в применении к персам, которые перебежали в лагерь Александра. В этом плане особенно интересен случай с Мифреном, который сдал без боя крепость Сарды, благодаря чему попал в близкое окружение македонского царя. Когда после сражения при Иссе Александр хочет послать своего эмиссара, чтобы успокоить плененных персидских принцесс, находящихся в глубоком горе из-за смерти Дария, он решает послать к ним Мифрена, «человека, который предал Сарды, поскольку тот знал персидский язык». Затем царь отказывается от этой мысли, «опасаясь, как бы вид предателя не усилил горе и страданий пленниц»¹⁰. Мифрен также квалифицируется как предатель (*proditor*), когда получает сатрапию после взятия Вавилона. Он объединен там с двумя другими персами, которые только что передали город Александру. Все они, похоже, вознаграждены за их измену в пользу македонского царя: «Александр предоставил перебежчику Мазу сатрапию Вавилона и включил в свою свиту Багофана, сдавшего крепость; Армения же была отдана Мифрену, предавшему Сарды».

Также интересен и важен пример (безымянный) коменданта города Дамаска. После Исса Александр посылает Пармениона овладеть Дамаском и огромными богатствами, которые Дарий оставил там перед сражением. Македонцы находят ахеменидского солдата, некоего Марда, гонца с письмом от коменданта Дамаска Александру:

«Правитель в нем приглашал Александра послать, не задерживаясь, одного из его военачальников с несколькими людьми, чтобы передать ему все, что оставил ему на хранение Великий царь. Парменион приказывает сопроводить Марда и отправить его к предателю (*proditor*). Но тот выскользнул из рук своих стражей и был в Дамаске на день раньше» (III.13.2—3).

В конечном счете комендант приказал вывести из Дамаска людей, животных и сокровища, организовав ложное бегство, которое имело целью в действительности передать эту добычу врагу. У него все получилось. Отношение Квинта Курция к предателю однозначно негативное:

«Но карающие боги, не медля ни минуты, наложили заслуженное наказание на того, кто отдал в руки врага подобные богатства. Один из его сообщников, верный, как я думаю, царской власти, убил предателя и принес его голову Дарию — приятное утешение для царя, которому изменили; поскольку за него отомстил его враг, то он понимал, что память о его достоинствах не выветрилось полностью из людских сердец» (111.13.17).

Тем не менее, разумеется, нельзя сказать, что Квинт Курций постоянно принимает сторону Дария против Александра. Если он осуждает тех, кто изменил Дарию, то не потому, что сожалеет, что они облегчили задачу Александра, и не потому, что он использовал персифильские источники. Его намерения базируются на точке зрения скорее драматической, чем исторической. Латинский автор стоит на стороне законности, порядка и морали. Он хвалит тех, кто остается верным своим обязательством, и осуждает тех, кто восстает против установленной власти и обманывают доверие царя, независимо от того, кто является этим царем — Дарий или Александр. Приближенные Александра также должны были при любом удобном случае доказывать свою верность, в том числе и тогда, когда они получили письмо персидского царя, в котором тот побуждал их к измене, то есть к убийству, их царя. Квинт Курций осуждает некоего Сисинеса, «одного из верных компаньонов царя» или одного из греческих солдат, «на верность и преданность» которых Александр надеялся и рассчитывал¹². В глазах Квинта Курция не имеет большого значения, что фактически Сисинес находился на службе Дария и что Арриан характеризует его «как перса из его окружения, которому Великий царь очень доверял»¹³. В действительности его интересуется только *exemplum* монархической морали. Отсюда же невероятная популярность истории, в которой Александр очень сильно простудился после ледяной воды Кидна. Врач Филипп, подозреваемый в измене, вылечил царя, чем в полной мере продемонстрировал ему свою преданность. Квинт Курций извлекает мораль из этой монархической басни: «Итак, невозможно сказать, насколько сильно эта нация, помимо врожденного почтения к своим царям, ощущала к Александру страстное восхищение и обожание»¹⁴.

Если снова перенестись из лагеря Александра в лагерь Дария, речи и выступления от лица героев не будут столь же многочисленными, многословными и риторически красивыми. *Exempla* и предлагаемые наставления практически не меняются: речь по-прежнему идет о восхвалении того, что, по мнению автора, является величайшим достоинством, а именно — почитание монарха. Это особенно сильно проявляется в этой части произведения, где он ставит лицом к лицу с одной стороны — царя и его приближенных, а с другой стороны — вероломных сатрапов Бесса и Набарзана, а также войска Бактрии. В частности, особые похвалы обращены к греческим наемникам и их военачальникам, «чья преданность царю не изменилась до самого конца»¹⁵. То же касается и Артабаза, «самого старого из друзей царя», который, хотя и был изгнан в Македонию во время царствования Артаксеркса III, выказал по отношению к Дарию «преданность, которая никогда и никем не была оспорена»¹⁶. В целом, согласно его утверждению, персы решили, что «покинуть царя было бы кощунством»¹⁷. «У этих народов престиж царя чрезвычайно высок: его имени достаточно, чтобы объе-

динить варваров; и почтение к его прошлым удачам следует за царем во времена несчастий»¹⁸.

Подобные формулы разбросаны повсюду в труде Квинта Курция, утверждающего, что после Исса «Александр не мог обнаружить, куда направился Дарий... так как у персов есть прекрасная черта — они способны преданно хранить тайны своих царей... Древняя монархическая дисциплина требовала молчания под страхом смерти; болтливость наказывалась жестче, чем какой-либо иной мерзкий поступок»¹⁹. В этом контексте он считает, что тот кто наказал предателя Дамаска и принес его голову Дарию, был «почтителен к царской власти»²⁰, и Дарий мог считать поэтому, что он не потерял еще верность своих подчиненных. Поэтому он также хвалит верность Батиса, управляющего Газы — «человека невероятной верности», добавляет он с одобрительной интонацией, и по этой же причине осуждает предательство не «гомеровское», но «варварское», которое ему навязывает Александр, теперь сторонник «чужестранных обычаев»²¹.

Верность Батиса подчеркивается с тем же пылом, с какой автор недавно разоблачал Бесса, сатрапа Бактрианы, которому Дарий, вернувшийся после поражения у Исса, приказал подготовить новую армию: «Но его подозревали в вероломстве, и было известно, что он не хотел оставаться на вторых ролях. Он вызывал страх у царя: он так стремился к царской власти, что опасались его измены — единственного средства достигнуть желанной цели»²². Все эти персонажи встретились в Экбатанах в результате поражения при Гавгамелах. Находясь рядом с царем и его приближенными, Бесс и Набарзан разработали план «предать» Дария и передать его Александру, но они опасались, что македонский царь, будучи сам естественным защитником верности монарху, накажет их за измену»²³. Когда Квинт Курций говорит от лица Дария, царь, чтобы вернее убедить своих приближенных остаться ему верными, называет их «отцеубийцами» — термин, который также использовался в отношении врача Филиппа, подозревавшегося в том, что он травит Александра, или молодого пажа Димноса, которого подозревали в заговоре против своего царя»²⁴. Дарий провоцирует своих близких, внушая им, что единственная альтернатива продолжения войны — это, «подражая Мазу и Мифрену, принять неверную власть всего лишь над одной провинцией»²⁵. Действительно, — говорит он им, — «предатели и дезертиры правят в городах, которые принадлежат мне... А взамен вас хотят соблазнить»²⁶.

Постоянно возвращаясь к этому моменту, Квинт Курций отводит также важную роль Патрону, главе греческих наемников, который с маленьким отрядом выживших сопроводил Дария в Экбатаны. Квинту Курцию нравится подчеркивать и хвалить нерушимую верность греков по отношению к Дарию»²⁷, и особенно верность Патрона, «готового рискнуть всем, что у него есть, ради верности слову»²⁸... Патрон следовал за колесницей царя, выжидая случая заговорить с ним, так как он предчувствовал измену Бесса»²⁹. Затем он добился личной встречи с Дарием, для того, чтобы в его присутствии разоблачить заговор Бесса и Набарзана. Квинт Курций вкладывает ему в уста следующую речь:

«Царь, мы лишь небольшая горстка выживших из пятидесяти тысяч греков, но все мы последуем за тобой и твоей судьбой; твоя нынешняя судьба нахо-

дит нас столь же верными, как и в дни твоего благополучия: какую бы страну ты ни выбрал, мы пойдем с тобой, и она заменит нам нашу родину и станет нашей судьбой. Твои успехи и твои несчастья соединили нас с тобой. От имени нашей нерушимой верности я прошу тебя и умоляю устроить твою палатку в нашем лагере и поручить нам твою охрану. Мы отказались от Греции» (V.11.5—6).

Несмотря на все риторическое мастерство, демонстрируемое Квинтом Курцием, длинное повествование, описывающее самое сердце персидского лагеря, подчиненное ритму ряда речей главных действующих лиц (Дарий, Артабаз, Патрон, Бесс) и разговоров между ними, вызывает массу сомнений у современного читателя. Очень подозрительна настойчивость, с которой нам внушают мысль о решающей роли греческих наемников. История Патрона и его воинов есть всего лишь частная иллюстрация темы, столь долго муссируемой древними авторами. Рассказывая о прибытии к Дарию частей греческих наемников перед сражением при Иссе, тот же Квинт Курций комментирует это следующим образом: «Именно на них более всего надеялся Дарий... Они были его главной и почти единственной надеждой»³⁰. Но *topos* использовались и намного ранее, поскольку они были отработаны и постоянно совершенствовались в процессе рассказов о войнах, ведшихся Великими царями на протяжении IV века до н.э.: именно на основании этих текстов была выработана очень спорная теория о «военном упадке персов», неспособных, как говорили, сохранить свою империю без решающего вклада греческих наемников, нанимаемых за золото на эгейских рынках³¹. При совершенно иных условиях, конечно, место, приписанное Квинтом Курцием Патрону при Дарии, окруженном опасностями и предателями, напоминает чрезмерную значимость, которую все греческие источники придают Мемнону, состоявшему в числе полководцев Великого царя в начале войны. Узнав о смерти греческого военачальника и совсем не стремясь самостоятельно встать во главе своих войск, Дарий тщетно ищет возможного преемника среди своих приближенных, но никого не находит³².

Сама композиция этих глав свидетельствует скорее о желании автора построить драму, сюжет которой вращается вокруг вечных тем измены и ненадежности фортуны: «Я сам являюсь доказательством превратностей судьбы», — восклицает царь перед своими приближенными (8.15). Одиночество несчастного героя здесь скорее носит характер эмблемы. Дарий становится «изгнанником в своем царстве» (8.11), с ним остается всего несколько верных ему людей (Артабаз, Патрон и их персидские и греческие солдаты), в то время как бактрийские войска полностью перешли на сторону изменника Бесса (10.5). Затем, убежденный, что «донос греков был справедливым» (12.3), царь сам торопит Артабаза покинуть его и перейти в лагерь греков. И теперь он вновь оказывается полностью наедине с собой, если не считать нескольких евнухов, которые «не знали, куда скрыться»:

«Обычные охранники царя, которые должны были заботиться о его спасении даже ценой своей жизни, рассеялись, не считая себя достаточно сильными, чтобы сражаться с приближающимися массами вооруженных лю-

дей. Таким образом, бесконечно велико было одиночество царя, оставшегося в шатре... Войдя в шатер и будучи предупреждены евреями, что царь жив, Бесс и Набарзан арестовали его и связали. И этот царь, который только недавно мчался на колеснице, которого почитали и признавали, перед которым склонялись, стал теперь, даже без вмешательства иноземцев, пленником собственных рабов, и его бросили на позорную телегу» (V.12.9,15—16).

Эти главы подготавливают читателя к дальнейшим событиям: убийство и затем смерть Дария; поручение, переданное умирающим царем своему победителю — отомстить «отцеубийце»; и, наконец, преследование Александром Бесса³³. Захват Бесса и поход в Бактрию являются, таким образом, необходимыми элементами логической цепочки событий, так как любое преступление должно быть наказано и каждый предатель должен подвергнуться наказанию, которого он заслуживает.

ДАРИЙ И КАДУСИЙСКИЙ ВЕЛИКАН

Что еще более удивительно, в пассажах Диодора и Юстиниана излагается история, предполагающая показать всем исключительное мужество Дария, благодаря которому он взшел на персидский трон. Но нам следует вернуться к традиции, специфичность которой создает проблему.

Диодор Сицилийский посвятил свое повествование истории персидской династии, поставив в его центр отвратительную личность — хиляарха Багоаса, «злого и агрессивного евнуха», которого он уже представил в предыдущей книге. Диодор рассказывает, как этот персонаж убил Артаксеркса III и посадил на троне младшего сына покойного, юного Арсеса. В тот момент, когда он сам балансировал на краю могилы, он устранил царя и его детей и передал высшую власть «одному из своих друзей» по имени Дарий прежде, чем его уничтожил новый царь³⁴. Это повествование не делает из Дария по-настоящему позитивного героя: как и его предшественник, он скорее игрушка в руках Багоаса, которому был обязан тем, что тот привел его на трон, в то время как «царский дом был полностью уничтожен отныне, и не было больше никого, кто по своему рождению мог претендовать на трон». Подобная версия придавала Дарию вид узурпатора, чью царскую власть Александр мог оспорить законно, обращаясь к своему противнику со следующими словами: «Убив Арсеса с помощью Багоаса, ты захватил власть вопреки справедливости и правосудию, вопреки закону персов и нанося им вред»³⁵.

Только в концовке истории в образе Дария появляются положительные черты, так как, устав сопротивляться интригам Багоаса, «он пригласил его за свой стол, как будто для того, чтобы оказать ему особую честь, и, дав ему кубок [предварительно отравленный хиляархом], вынудил его выпить яд»³⁶. Новый царь доказал таким образом свою способность действовать, в том числе хитростью, соединенной со скрытым насилием.

Далее изложение течет намного более доброжелательно, даже искренне хвалебно:

«Если Дарий был признан достойным трона, то это потому, что у него была репутация человека, превосходящего всех других персов в мужестве (*andreia*). Однажды Великий царь Артаксеркс (III) вел войну против кадусиев, и один из них, знаменитый своей силой (*alkè*) и мужеством (*andreia*), бросил вызов на поединок (*monomakhèsaì*) одному из персов, кем бы он ни был. Никто не рисковал принять вызов, и Дарий был единственным, кто вышел вперед перед лицом опасности. Он убил того, кто вызвал его на бой. Он получил от Великого царя множество дорогих подарков в качестве вознаграждения, и в глазах всех персов это было признанием его отваги. Именно за это смелое поведение его признали достойным трона, и он получил власть в тот же момент, когда Филипп умер и Александр сменил его на троне. Таким был человек, которого Судьба избрала противником мужественному Александру, и они сражались в великих битвах (*agónas*) выясняя, кто из них лучший (*perì tou pròteiou*)» (XVII.6).

В книге X своих, ныне утерянных, «Филипповых историй» Помпей Трог описал персидскую историю в период между царствованием Артаксеркса II и приходом Дария III, посвящая достаточно много места мятежам сатрапов. Прологи напоминали, как автор расценивал царствование Арсеса, а затем царствование Дария, «которому выпало вести войну против Александра Великого», — обычная перифраза, которая позволяла древним авторам отличить этого Дария от его одноименных предшественников³⁷. К счастью, произведение Помпея Трога вкратце изложил Юстиниан, который донес до нас маленький кусочек истории Дария:

«Затем Ох... развязал войну против кадусиев. В этой войне один из врагов вызвал персов на бой. Некий Кодоман, на которого надеялась вся армия, вышел к нему, убил его и вернулся к своим с победой, вернув почти потерянную славу. Этот Кодоман получил за свой подвиг право управления Арменией. Впоследствии, после смерти Оха, народ, который не забыл отваги (*virtus*), проявленной Кодоманом, возвел его на трон, и, чтобы ничто не ущемляло его царского величия, его удостоили именем Дарий. Этот принц вступил в войну, объявленную ему Александром, сражался с большим мужеством и долгое время удача ему улыбалась. Но в конце концов он был побежден Александром и убит своими приближенными. Его смерть ознаменовала конец Персидской империи»³⁸.

Разумеется, происходящие из единого промежуточного источника, оба пассажи описывают Дария достаточно одинаково — это образ героического бойца и активного, энергичного и эффективного правителя. Именно этой традиции следовала европейская историография, которая, после Боссюэ, хотела подчеркнуть достоинства противника Александра: «Дарий, который царствовал в то время в Персии, был справедливым, храбрым, щедрым, любимым своим народом и не испытывал нехватку ни в разуме, ни в силе, чтобы выполнять свои намерения». Тексты, касающиеся мужества Дария-Кодомана во время кадусийской войны, очевидно, также создают достаточно привлекательный образ.

Читая Диодора, мы не можем отделаться от ощущения, что существовало две версии прихода Дария к власти, и что тексты искусственно присоединены один к другому, хотя они во многом несовместимы. Согласно одной версии, Дарий является приближенным, можно сказать — должником Багоаса, которого хилиарх заставляет занять трон, чтобы еще эффективней контролировать царскую власть. Согласно другой версии, он обязан властью своему личному мужеству, которое было признано и вознаграждено царем Артаксерксом III (управление провинцией) и всеми персами (восшествие на царский трон). В первой версии Дарий лишь последний представитель царского рода, даже еще менее выдающийся, чем Арсес, выдвинутый, а затем устранный Багоасом, и даже еще менее известный, поскольку в тексте подчеркивается, что он не принадлежал к семейству Ахеменидов. В другом тексте, напротив, Арсес даже не упоминается, и Дарий сменяет непосредственно Артаксеркса III.

ТРАДИЦИЯ ПОЕДИНКА ПЕРЕД ЛИЦОМ ДВУХ АРМИЙ

Эта традиция весьма распространена во многих обществах. При перечислении побед, выигранных неким Лациемм Сиккием Дентатом, Валерий Максим уточняет, что данный персонаж принял участие в ста двадцати общих сражениях; что он «тридцать шесть раз привозил трофеи, взятые у врага, и из этого числа в восьми случаях он делал это в присутствии обеих армий, вызывая врагов на поединок»³⁹. Этот пассаж показывает, что ритуализированные поединки должны были тщательно отделяться от поединков, которые могли произойти в ходе общих сражений. Множество подобных массовых баталлий, в которых выделялись личные поединки, было описано в «Илиаде», подобные же массовые бои велись и Александром, и нередко описывались по гомеровскому принципу.

Как отмечает Арриан⁴⁰, описывая сражение при Гранике, «люди сражались верхом, но это было похоже на бой пехоты: в ходе борьбы они тесно сплелись между собой, конь с конем, человек с человеком». Квинт Курций, говоря об Иссе, делает подобное же замечание о личных столкновениях:

«Вынужденные перейти врукопашную, македонцы, не колеблясь, берутся за мечи. И много крови пролилось тогда: армии сошлись так тесно, что доспехи ударяли в доспехи и меч летел в лицо. Ленъ или трусость скрыть было невозможно: стоя нога к ноге, как для целого ряда поединков, они оставались на месте до тех пор, пока победа одного не освобождала ему путь»⁴¹.

При Гранике перс Спитридат, «муж замечательной отваги», сопровождаемый отрядом лучших всадников, бросился на македонцев, «думая, что боги дали ему возможность личного поединка. Возможно, его личная отвага могла освободить Азию от страшной угрозы, надвигавшейся на нее». Александр решил противостоять ему и «всадил дротик в грудь сатрапа... Видя совершенный им подвиг, находившиеся рядом воины обеих армий издали страшный крик». Этот эпизод был введен лишь для того, чтобы сконцентрировать взгляд и воображение читателя на подвиге царя, ремарка же не уточняет, что данный поединок был личным⁴². Утверждая, что «Фортуна собирает в одном месте самых смелых,

чтобы решить, кому присудить победу», Диодор следует своей модели, и, чтобы отдать честь Александру, прибегает к формулировке, которую он использовал несколько ранее, упоминая о престиже Дария после единоличного поединка с кадусийским великаном: «По единогласному признанию, царь получил приз за отвагу, так как оказалось, что благодаря его единоличной победе в поединке была выиграна вся битва»⁴³. Но в действительности бой Александра и Спитридата, впрочем, сопровождавшийся огромным количеством других поединков, протекавших параллельно, не решил судьбы сражения.

При описании кампаний Александра незамедлительно приходит на ум еще одна параллель с кадусийским поединком, известным Диодору и Квинту Курцию. Дело происходит в иранской провинции Ария, сатрап которой, называемый Александром Сатибарзаном, «умелым военачальником исключительной отваги», выступил против македонцев. Царь посылает против него армию. Начинается общее сражение, и, согласно Диодору, оно не приводит к результату:

- «Тогда, сняв собственноручно шлем, покрывавший его голову, Сатибарзан показался и бросил вызов на поединок добровольцу среди военачальников врага. Когда Эригий принял вызов, начался великий бой, и случилось так, что Эригий оказался победителем. Растерявшиеся из-за смерти своего военачальника, варвары перешли на службу к царю, предварительно получив от него гарантии»⁴⁴.

Рассказ Квинта Курция почти такой же. Он просто уточняет, что Эригий ответил на вызов, «несмотря на свою старость», и с гордостью показал свои седые волосы. Сцена самого поединка представлена во вполне канонической форме:

«Считалось, что по данному приказу обе армии прекратили бой; в любом случае, солдаты незамедлительно отступили, оставляя свободное пространство, встав в круг вокруг людей, решающих не только свою, но и их судьбу, так как они все были связаны одной судьбой»⁴⁵.

Интересно, как Квинт Курций описывает исход поединка: «Эригий подошел и поприветствовал Александра, который протянул ему голову варвара как доставшийся тому трофей»⁴⁶. Используя типично римскую терминологию⁴⁷, Квинт Курций показывает, что в Риме также знали традицию поединка: когда римлянин до начала сражения убивал вражеского военачальника, он захватывал его доспехи, которые в качестве законной добычи (*spolia opima*) он приносил на алтарь Юпитера, — по крайней мере с некоторыми оговорками⁴⁸. После Ромула наиболее знаменитым примером таких приношений был, разумеется, Марцелл, «умелый воин; тело его было сильным, рука — быстрой, характер — воинственным... В личном поединке он превосходил самого себя. Он никогда не отклонял ни одного вызова, и он убил всех, кто его вызывал на бой». Наиболее громкий его подвиг был совершен во время битвы с галлами в Кластидиуме:

«В этот момент царь Гесат заметил его и понял по некоторым признакам, что он был командующим армией. Он бросился на своем коне вперед и по-

скакал далеко впереди других. Он несся навстречу врагу, выкрикивая слова вызова и размахивая копьем. Это был человек, превосходивший других галлов своим телосложением, выделявшийся сверкающими доспехами, которые блистали на солнце вспышками серебра, золота и разноцветными искрами... Марцелл бросился на этого человека, копьем пробил его кирасу и, помогая себе ударом своего коня, сбил его на землю, еще живого, а затем, вторым и третьим ударом, добил его на месте...»⁴⁹

Римские предания любят упоминать также о Максиме Валерии Корвине, также сражавшегося с галлами:

«Военачальник галлов, невероятной величины и высоты, в сверкающих золотых доспехах, двигался вперед огромными шагами, покачивая в руке копье. Он посмотрел вокруг себя свысока, презрительно и гордо, и спросил, есть ли кто-нибудь во всей пришедшей сюда римской армии, кто осмелился бы сражаться с ним. В то время как большинство воинов были раздраемы страхом и стыдом, трибун Валерий, получивший перед этим приказ сражаться с этим высокомерным галлом, молча мужественно вышел вперед. Они пошли навстречу один другому, остановились и схватились между собой... Вот так трибун на глазах у обеих армий в честном поединке победил и убил столь жесткого вражеского военачальника»⁵⁰.

Также был известен Манлий, взявший прозвище Торкватус. Говорят, что прозвищем своим он был обязан золотому ожерелью, снятому в качестве добычи с убитого им врага:

«Галл вышел вперед... Вдруг наступило молчание: он закричал страшным голосом, чтобы тот, кто согласен с ним на рукопашную, вышел вперед. Никто не осмеливался выйти, ввиду его чудовищных размеров. Тогда галл принялся высмеивать римлян и высовывать язык. Это огорчило некоего высокородного Тита Манлия, поскольку столь великий стыд их постиг в этом городишке. Этот римлянин, как я уже говорил, вышел вперед и не потерпел, чтобы римское мужество было посрамлено каким-то галлом. Со щитом пехотинца и испанским мечом он встал лицом к лицу с галлом... Победив же его, он отрубил ему голову, снял с него ожерелье и, как оно было в крови, надел себе на шею»⁵¹.

Особенно ярко выделяется — как в библейском бою Давида против Голиафа⁵², так и в противостоянии между Александром и Пором⁵³, а также в примерах Марцелла, Максима Валерия и Манлия Торквата, одна постоянно повторяющаяся деталь этих поединков — невероятный размер «военачальника варваров». Это же мы можем видеть в описании поединка, происходившего на Сицилии между Пирром и военачальником мамертинцев:

«Пирр вышел один вперед и встал перед строем, чтобы противостоять им. Он подвергался огромным опасностям, атакуя столь опытных и смелых му-

жей... Затем один из врагов, бегущий далеко впереди прочих, гигант, отлично вооруженный, бросил вызов царю высокомерным голосом, потребовав выйти ему навстречу, если тот еще жив. Пирр был в ярости. Он повернул обратно, несмотря на своих приближенных. С ужасным лицом, на которое страшно было даже смотреть, испачканным кровью, он прорвался через ряды своих бойцов, обогнал варвара и нанес ему по голове удар мечом столь сильной рукой и таким хорошим железом, что оружие прорезало тело до самого низа, и две половинки его упали по обе стороны от меча. Этот подвиг остановил продвижение варваров, которые восхитились Пирром как высшим существом, и они остановились, пораженные»⁵⁴.

Эту же черту мы обнаруживаем в отрывке поэта Алкея, процитированном Страбонам. История происходит на Ближнем Востоке, в неовавилонскую эпоху (в конце VII в. до Р.Х.): «Алкей говорил, что его брат Антименид, сражаясь бок о бок с вавилонянами, совершил великий подвиг и избавил их от опасности, убив огромного воина, рост которого на ладонь превышал пять локтей». За этот подвиг он был вознагражден, получив меч с рукоятью из слоновой кости»⁵⁵.

ДАРИЙ–КОДОМАН И КАДУСИИ

Поскольку данная практика находит отражение в самых различных культурных средах (от Средиземного моря до Тихого океана), подвиг, приписываемый Дарию, очевидно, не связан только с иранской традицией. Даже вызов, брошенный Сатирбазаном, не доказывает, что речь шла о практике, принятой исключительно в сатрапиях иранского плато. В конечном счете македонский военачальник, Эригий, сразу понимает смысл вызова, брошенного его противником, и отвечает на него не задерживаясь, просто потому, что подобная практика не была неизвестна в Македонии. Однако это не исключает, что подобные поединки являются частью иранской традиции.

Если ахеменидская документация не дает подобных свидетельств, мы найдем примеры в Иране более поздних эпох. Красивый пример приводит Прокоп в своих «Персидских войнах», где описано столкновение между персами-сасанидами и византийской армией, ведомой Велизарием и Гермогеном. Сражение медлило начаться. Молодой неизвестный перс выдвинулся из рядов и проехался верхом перед передовыми рядами римлян, бросая им вызов. Дальнейший рассказ почти дословно повторяет то, что мы уже неоднократно встречали: «Никто не осмелился выйти навстречу опасности, за исключением некоего Андреаса, одного из приближенных Буза, который не был ни солдатом, ни кем-то, приученным к военным занятиям. Он всего лишь руководил школой борцов в Византии, привлекая в нее молодых людей». Не спрашивая ничего мнения, Андреас вышел вперед и убил перса. Разъяренные, персы послали другого всадника с той же целью — «необыкновенно мужественного всадника исключительного размера». На этот раз речь не шла о молодом человеке, это был опытный воин, о чем свидетельствовали его седые волосы. И снова никто не ответил на вызов, за исключением того же Андреаса. Первый же удар сбросил на землю обоих бойцов: приученный к борьбе, Андреас получил преимущество перед пер-

сом, который оказался в невыгодном положении ввиду своего большого роста. Римская армия криками приветствовала подвиг, и обе армии разошлись⁵⁶.

Множество поединков описано в «Книге царей» Фирдоуси, и все они проходят согласно незыблемому ритуалу: боец бросает вызов, никто не осмеливается на него ответить, за исключением солдата, отмеченного некоторым качеством или некоторой характеристикой (например, старик с седыми волосами⁵⁷, — мотив, присутствующий не только в истории Сатибарзана и Эригия, но и в случае с Андреасом Византийцем). Один из наиболее известных рассказов — тот, в котором Сохраб выкрикивает вызов перед пологом шатра царя Кау. Никто не осмеливается на него ответить, за исключением знаменитого Рустама, про которого он вскоре узнает, что он его отец. Два героя столкнулись в строго определенном месте, «на расстоянии в два фарсанга между двумя армиями, на которое никто не осмеливался вступить»⁵⁸. Затем Рустам нанес Сохрабу смертельную рану...

Если мы вернемся к текстам, от которых мы отвлеклись на время, мы сможем заключить, что история боя с кадусийским великаном легко вписывается в предложенную схему: армии, стоящие друг против друга, представитель «варварского» народа громким голосом вызывает кого-либо на личный поединок, который происходит на оставленном свободном пространстве между двумя армиями, причем солдаты являются простыми зрителями. Кадусийский воин, выделяющийся особо впечатляющими размерами, вышел из рядов и бросил вызов солдатам Артаксеркса; из всей царской армии только будущий Дарий принял вызов, и его победа в поединке была признана обоими лагерями как отмечающая конец сражения и войны: кадусий признали себя побежденными, а Великий царь был признан победителем. Дарий-Кодоман спас свой лагерь и престиж царя.

Один из конструктивных элементов повествования вплетает эту историю в персидскую имперскую традицию: в контекст войны, ведомой царем против кадусиев. Классические авторы принимали участие во множестве походов, принятых при Дарии II, Артаксерксе II и Артаксерксе III против этого народа, чья территория раскинулась от северных земель Ирана до подступов к Каспийскому морю. Эти периодические «визиты» имели целью главным образом возобновить договор «дружбы и союза», который связывал Великих царей и кадусийских царьков, — союз, на основании которого кадусии должны были платить дань и предоставлять военные отряды⁵⁹. Именно на этом основании Дарий III после Гавгамел намеревается потребовать у кадусиев и саков, чтобы они предоставили солдат для армии, которую он намеревается восстановить в Экбатанах⁶⁰.

Соблазнительно предположить, что отношения между центральной властью и кадусиями иллюстрируют то, что Марсель Мосс определил как «регламентированную враждебность». Соглашение может быть заключено между двумя общинами в результате целого комплекса сложных взаимных обязательств и уступок (*potlach*), поэтому поединки вполне могли иметь место:

«Кланы, племена, семейства сталкиваются и сражаются либо отрядами, встречаясь на ничейной земле, либо при помощи своих вождей, либо со-

вмещающая то и другое вместе... В основе этой практики лежит принцип соперничества и антагонизма. Доходит и до сражений и убийств сталкивающихся между собой вождей и наиболее заметных воинов»⁶¹.

Во время подобных экспедиций, становившихся порой для Великих царей серьезным затруднением, стоит обратить внимание на повторяющийся элемент рассказов, который воскрешает в памяти однообразный характер поединков между римлянами и галльскими военачальниками: персидский боец проявляет в поединке исключительные качества, за которые царь выделяет его из прочих и отличает. Первый пример — случай с Датомом, «относившимся к тем солдатам Артаксеркса [II], который выполнял охрану дворца». Он был сыном Камизара, «и сам был смелым человеком, отличным солдатом, чью верность Великий царь нередко имел возможность испытать». Датом получил первое повышение:

«В первый раз он показал, на что он способен, на войне, которую Великий царь вел против кадусиев, где он сыграл важную роль. В этой войне погиб Камизар, и он сменил своего отца в совете царя»⁶².

В ходе другой экспедиции Артаксеркса II против тех же кадусиев уже некий Тирибаз избавил армию и царя от больших трудностей. Он сумел одурачить двух кадусийских царей, убедив каждого из них, что Великий царь хотел сделать именно его своим привилегированным союзником: «Мирный договор был заключен с каждым из двух царей. С тех пор Тирибаз стал важной особой и престиж его был очень высок, и когда они вернулись, он уже был подле царя»⁶³.

Так что не стоит удивляться тому, что кадусийский контекст и тема единоличного поединка были выбраны намеренно, чтобы а posteriori выстроить героическую биографию нового царя. Легко объяснимо, что и в Персии легитимность царской власти иллюстрируется при помощи прославления воинских доблестей — это совершенно ясно видно по «зеркалу принца», которое представляет из себя надпись, вырезанную Дарием на своей гробнице. Греческие авторы очень любили дворцовые легенды, построенные на этой теме. Геродот, например, давал следующее объяснение отстранению Смердиса его братом Камбизом: «Единственный среди персов, Смердис сумел согнуть приблизительно на два пальца лук, который ихтиофаги привезли от эфиопов, в то время как другие персы не сумели этого сделать»⁶⁴. Что касается греческих авторов, которые описывали противостояние Артаксеркса II и его брата Кира, то их труды полны коротких историй и афоризмов, посвященных теме военного превосходства младшего над старшим братом.

В конечном счете интересно отметить, что мотив превращения героя в царя уже был введен Ктесием в кадусийском контексте. Он говорил, что еще до победы Кира кадусийцы были ожесточенными врагами мидийцев: под предводительством перса Парсондаса, изгнанного с мидийского двора, они одержали великую победу над мидийцами: «и в результате, обожаемый жителями, Парсондас был провозглашен царем»⁶⁵. Можно также процитировать Страбона, даже если связь с повествованием, вполне вероятно, очень слаба. Страбон утвержда-

ет, что «выбирать в качестве царя наиболее смелого человека — нередкое явление у мидийцев, но это практикуется только у горных народов, а не повсюду»⁶⁶.

Настойчивый упор на личное мужество персонажа и его возвышение благодаря царской милости хорошо согласуется с другим правилом составления романизированных биографий, согласно которому герой является не сыном царя, а простым частным лицом (*idiotes*). Дарий был особенно достоин принять царскую власть. Так думал Корнелий Непот о Кире и о Дарии I, «наиболее значительных царях, которые, — и тот и другой — происходили из простых граждан, и лишь их заслуги принесли им царскую власть»⁶⁷. Как видно по главе Валерия Максима (III.4), описание жизней этих простых людей, ставших царями, или в любом случае очень значительными фигурами в государстве, составляло обязательную главу в сборниках *exempla* Дарий III фигурирует рядом с Дарием I в подобном списке, составленном Элианом⁶⁸. И, без сомнения, именно основываясь на Элиане и на теории, разработанной Платоном, Хеерен в своем учебнике отнесся к Дарию положительно: «Не будучи, как его предшественники, возвращенным в серале, Дарий III продемонстрировал достоинства, которые сделали его достойным лучшей судьбы, чем та, что его ожидала» (1836, стр. 119).

Кроме того, эта легенда полностью устраняла другую версию, бесконечно менее привлекательную, в которой Дарий был простой марионеткой в руках Багоаса. В ней также устранялась версия о царствовании Арсеса, так как Юстиниан утверждает, что провозглашение царя имело место сразу после смерти Артаксеркса III, потому что умерший царь отличал и выделял Кодомана. Именно «персидский народ» в порыве спонтанного энтузиазма вознес его на трон ввиду его ярких достоинств и дал ему знаменитое имя Дария.

Нет никаких сомнений в том, что подобные легенды о легитимности царской власти широко распространялись при помощи различных менестрелей и рассказчиков. Динон, отец Клитарха, в своем пассаже ссылается на знаменитого аэда, который при дворе Астиага призывал царя к бдительности, под видом пения и метафор указывая ему на опасность, которую представляет собой перс Кир⁶⁹. Как свидетельствуют об этом Ксенофонт и Страбон⁷⁰, именно при помощи «людей мудрых», то есть магов, легенды собирались у их создателей, запоминались и затем передавались молодым персам из поколения в поколение. О такой форме передачи красноречиво свидетельствует фрагмент, сохраненный в «Истории Александра» Хареса из Митилены, грека, состоявшего на высокой должности при македонском дворе. Он рассказал там очень красивый иранский любовный роман, героями которого были прекрасная принцесса Одатис и принц Зариандр. Он давал следующие, очень интересные, уточнения о хождении этой истории среди персов и иранцев: «Эта любовь останется в памяти всех варваров Азии, и она будет пределом всех желаний. И они будут живописать ее с алтарей, во дворцах, и в простых домах, и во многих семьях дочерям дадут имя Одатис»⁷¹.

Это конкретная иллюстрация распространения историй в обществе, которые в основном не прибегают к написанному, но передают факты и деяния великих людей при помощи голосов сказителей-аэдов, наделенных памятью и воображением, а также при помощи рисунков художников, владеющих красками и сохраняющих жизнь. Таким образом, вполне возможно, что какой-то автор эпохи Александра мог параллельно собрать и записать версию героическо-

го поединка, выигранного Дарием, адаптируя ее для греческих читателей, собственная мифическая и историческая память которых была полна подобных историй ритуальных поединков.

ОТЕНКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В общей сложности нет никакого сомнения в том, что разнообразные древние авторы придали Дарию портрет или черты характера, которые могут ощутимо различаться. Авторы Вульгаты пишут не только о поединке между двумя царями, но и указывают на местоположение царя в ходе больших сражений. В то время как, ссылаясь на Ксенофонта, Арриан уточняет, что Дарий был в центре своей армии, Квинт Курций отмечает, что при Иссе Великий царь стоял на левом фланге, там, «где он был готов сражаться»⁷²; то же и при Гавгамелах: «Дарий был на левом фланге, окруженный значительным числом войск»⁷³.

Говоря о поведении Дария во время сражений, они используют обычно выражения и формулировки достаточно или очень позитивные. Плутарх единственный из всех дает «очень царственный» физический портрет Дария: «Он превосходил всех других мужчин по красоте и представительности... Стоя посреди своего царского эскадрона, он отличался от всех своей красотой и размерами, стоя на колеснице»⁷⁴. Юстиниан подчеркивает его стойкость при военных столкновениях: «Дарий вступил в войну, которую ему навязал Александр Великий, с большим мужеством, и долгое время фортуна была на его стороне»⁷⁵. Подчеркивалось личное мужество Великого царя: «Дарий, с высоты своей колесницы, властвовал над всем»⁷⁶. Сражаясь на своей колеснице один, он метал копья в нападающих, в то время как многочисленные персы сражались рядом с ним»⁷⁷. Диодор и Квинт Курций также говорят о том, что это не Великий царь дал сигнал о крахе при Гавгамелах:

«Все были убеждены, что царь был убит. Траурные вопли, дикие крики, стоны приближенных и придворных Дария привели в беспорядок всю персидскую армию, которая до тех пор сражалась с равными шансами на успех»⁷⁸.

Передаваемая Квинтом Курцием и Юстинианом история о битве при Гавгамелах также достойна внимания. Ссылаясь на определенные анонимные источники, («как говорят»), Квинт Курций сообщает, что, «выхватив свой меч, Дарий спросил себя, не избежал ли бы он, умерев с честью, стыда бегства. Но, высоко поднятый на своей колеснице, он покраснел от того, что покидает своих приближенных»⁷⁹. Раздумья о самоубийстве напоминают позицию Арсита, поставленного Дарием во главе армии в Малой Азии в 334 году. После поражения при Гранике «он убегает во Фригию, и там, как говорят, он покончил с собой, поскольку персы сочли, что это он был ответственен за случившуюся неудачу»⁸⁰. Юстиниан цитировал Помпея Трога и за ним Орозия⁸¹: «Дарий, видя поражение своих войск, также хотел умереть»; Юстиниан добавляет, что «те, кто его окружали, вынудили его бежать»⁸².

Квинт Курций и Юстиниан вводят также особо значительный монархический повод, который необходим для того, чтобы ощутимо смягчить негативное

суждение относительно бегства Великого царя. Оставляющие спешно поле битвы при Гавгамелах и направляющиеся к городу Арбелы остатки царской армии должны были перейти реку Ликос. Царские советники посоветовали разрушить мост, таким образом отрезая путь преследователям. Дарий отказался принять тогда такое решение по следующим причинам:

«Он отлично понимал, что, разрушая мост, он оставил бы врагу тысячи и тысячи персов, которые не достигли еще реки. Оставив после себя мост нетронутым, он сказал, — согласно известному преданию, — что он предпочтет оставить проход тем, кто его преследует, чем закрыть его для тех, кто спасается бегством»⁸³.

Отношение, очень отличное от позиции далекого преемника Дария — сасанидского царя Хосроя, который, в аналогичных обстоятельствах, дал срок в три дня своим солдатам, чтобы преодолеть мост на Евфрате: «В условленный день часть его войск была оставлена в арьергарде, так как она не перешла реки: не испытывая никакой жалости к своим солдатам, царь послал людей разрушить мост»⁸⁴.

Необходимо добавить, что Диодор и Юстиниан — единственные, кто упоминают о македонской опасности, с которой жил Дарий с самого воцарения⁸⁵. Квинт Курций и Диодор также сообщают о мерах по организации тыла и снабжения, предпринятых Великим царем в начале его царствования и между сражениями при Иссе и Гавгамелах⁸⁶. Они также единственные, кто говорит о персидской контратаке, проведенной на арьергардные части Александра после сражения при Иссе⁸⁷. Диодор, но еще более Квинт Курций, похоже, имели также особый интерес к «дедовским обычаям» персов, на которые они неоднократно ссылаются. Таким образом, можно сказать, что в целом видение Квинта Курция, Диодора и Юстиниана, несомненно, менее неблагоприятно, чем то, которое мы находим у Арриана на протяжении первой части «Анабасиса», и между прочим, в некоторых случаях, оно отмечено значительной оригинальностью.

ЕСТЬ ЛИ «ИСТОРИЯ ДАРИЯ»?

Должны ли мы заключить из этого наблюдения, что Диодор, Квинт Курций и Юстиниан имели доступ к единственному и особому источнику, который был основан на сообщениях, полученных из лагеря самого Дария? Существовала ли когда-нибудь персидская версия «истории Дария», или по крайней мере персифильская версия событий?

Таков был тезис, защищаемый английским историком Тарном, который, будучи яростным защитником несравненного величия Александра, не мог допустить даже частично реальность позитивных представлений о Дарии, которые периодически встречаются то там то сям: «великий и добрый» Дарий — фикция... Это был жалкий пример деспота и труса, не способного ни на что» — уверенно пишет он (I, стр. 58). Он приписывал позитивный портрет Дария утерянному произведению, созданному неизвестным автором, которого он называет «источник из числа наемников». Он считает, что этот труд отражал точку

зрения греческих наемников, бывших на службе у Дария. Именно этим источником пользовался Диодор, составляя описание событий до сражения при Иссе; его использовал Квинт Курций, описывая период до смерти Великого царя (II, стр. 71—75; 105—106). Из этого источника Диодор и Квинт Курций позаимствовали портрет «смелого Дария», хотя, согласно Тарну, «в действительности он был обыкновенным трусом» (II, стр. 72)

Тарн пошел даже дальше, так как — по крайней мере под видом гипотезы, — он предлагал определить происхождение сведений, обильно используемых Диодором и Квинтом Курцием. Он считал, что главным вдохновителем, даже автором обсуждаемой книги, был, разумеется, Патрон, начальник наемников на службе Дария. Об этом можно думать на основании глав, посвященных Великому царю в книге V Квинта Курция. Сцены из лагеря Дария и короткие истории не доказывают обязательное участие в написании каких-то привилегированных информаторов, которые затем оставили бы свои воспоминания. Текст скорее похож на умело составленные *exempla*, чем на исторические воспоминания, которые были бы основаны на несомненных и поддающихся проверке свидетельствах.

Основываясь главным образом на рассказах, относящихся к первым годам войны, некоторые исследования убедительно доказали, что этот «источник из числа наемников» не что иное, как фантом. Если вполне допустимо, что в ходе войны или после их захвата наемники могли рассказать о том, свидетелями чего они были в персидском лагере (или то, что они услышали на своем уровне), существование труда (составленного Патроном или нет) кажется почти невероятным. Скорее следует говорить о возможности существования устных свидетельств, которые по своей природе невозможно идентифицировать. Самое большее, что можно добавить, так это вполне вероятную гипотезу о персах, которые сражались с Александром на протяжении 334—330 годов и могли затем также рассказывать о пережитом своим близким. Возможно, что именно таким образом были собраны рассказы о кадусийском подвиге будущего Дария.

Кроме того, порой трудно сделать твердые заключения из сопоставления трудов Арриана и авторов Вульгаты по поводу одного и того же эпизода. Давайте возьмем в качестве примера местонахождение Дария в ходе обоих сражений: согласно Квинту Курцию и Диодору, он находился на левом фланге⁸⁸, в то время как, основываясь на труде Ксенофонта, Арриан утверждает, что он находился в центре, чтобы быть в наибольшей безопасности и одновременно иметь возможность сноситься и с левым и с правым флангом⁸⁹. Арриан не первый, кто говорит об этом. Под видом прозрачного намека Плутарх ввел этот мотив в одну из многочисленных версий знаменитого (но, скорее всего, недостоверного) разговора, происходившего в Пелле между Александром и послами персидского царя: озабоченный тем, чтобы собрать информацию, необходимую для задуманного им похода, молодой правитель хотел знать, «какое место занимал Великий царь во время сражений»⁹⁰. Почти в то же время мы находим упоминание о позиции в центре войска у Николая Дамасского, рассказывавшего о сражении Кира Великого против мидийского царя Астиага: «Кир находился посередине вместе с наиболее благородными персами»⁹¹. Автор не упоминает свой ис-

точник; речь идет, возможно, о Ктесии. Наконец, в эпоху Арриана, в своей пародии на поход Александра, Лукиан не упускает возможности сделать из этого элемент фарса: «Для меня, — заявляет Сампипос, — центр, как это в обычае у персидских царей, когда они присутствуют в ходе военной кампании»⁹²; тем временем он предназначил правое и левое крыло двум своим компаньонам. Принимая во внимание, что Ксенофонт не использует термина *notos*, именно у Арриана Лукиан нашел его и скопировал⁹³.

Авторы римской эпохи вводят понятие «царь в центре» в качестве конструкторивного элемента рассказа. У Лукиана, под видом чистой насмешки, центральное расположение каждого из царей (Сампипоса и персидского царя) является обоснованием мотива личного поединка. Таким же образом в рассказе Ксенофонта о сражении при Кунаксе Кир Младший предположительно хотел встретить своего брата один на один. Из этого контекста следует, по мнению Плутарха, что за несколько лет до 334 года Александр уже думал о положении, которое Великий царь будет занимать в битве, чтобы иметь возможность встретиться с ним в личном поединке. Вероятно, именно по этой причине Аристокл поставил Дария III в центре в ходе сражения при Иссе, — представление и интерпретация, вызвавшее ироническую критику Полибия: «Откуда Александр и Дарий оба знали, где будет находиться царственный противник в его собственной армии?»⁹⁴

В греческих и римских текстах часты ссылки на обычаи персов, в том числе у авторов византийской эпохи: Агафий не упускает возможности посвятить некоторые главы религиозным и общественным обычаям «нынешних персов» (в сасанидскую эпоху), используя, помимо всего прочего, сведения, почерпнутые у классиков, таких как Геродот и Ктесий, которые позволяют ему также неоднократно упомянуть «персов древности» (ахеменидской эпохи)⁹⁵. Ссылки на персидские обычаи также часты в ходе повествований, не только у авторов, повествующих о походе Александра, но также и у Прокопа, который посвятил длинное описание в его «Войнах» столкновениям между византийскими и сасанидскими армиями.

Часто бывает затруднительно принять решение о достоверности и недостоверности обычаев, о которых рассказывают греко-римские авторы. Вся проблема состоит в том, чтобы разделить между собой реальные обычаи, обычаи, изобретенные для оправдания или украшения повествований о Персии, и обычаи, упоминаемые автором греко-римской или византийской эпохи согласно модели, заимствованной в *mimèsis* у автора классической эпохи. Если взять пример обычаев, упоминаемых греческими авторами относительно наследования царской власти, то приходится заметить, что они основаны на образе правовой и почти конституционной персидской монархии, который никак не соответствует реальности. Ссылка на те же самые обычаи были вставлены в одну очень подозрительную речь, при помощи которой пытались оспорить династическую законность Дария III⁹⁷.

В заключение можно сказать, что ничто не указывает на то, что когда-либо существовала «История Дария», которой могли бы вдохновиться авторы Вульгаты, и откуда, например, они черпали бы оригинальные сведения о «традиционных обычаях персов». Самое большее можно сказать, что в этой области Кли-

тарх мог иметь привилегированный доступ к некоторым специфическим сведениям при помощи его отца Динона, автора труда по персидской истории (Persika). Но этот труд ныне утерян, и мы не знаем, в какой момент карьеры Дария Динон заканчивал свой рассказ.

ОДИН АЛЕКСАНДР, ДВА ДАРИЯ

Впрочем, у наших авторов нет никакого серьезного продуманного плана реабилитации Великого царя. По мере необходимости и плана аргументации один и тот же автор в различных трудах, даже в разных главах одного произведения, может поддержать абсолютно противоположные тезисы, или, точнее, привести полностью отличающиеся один от другого портреты. Таким образом, буквально в одном абзаце Диодор излагает две противоречивые версии прихода Дария на трон. О том же свидетельствуют труды Плутарха: в то время как в «Жизни Александра» Дарий описан позитивно, в «De fortuna Alexandri» он неистово громит Дария, как игрушку в руках судьбы, простую марионетку в руках бесчестного евнуха Багоаса, недостойного и незаконного Великого царя. Стоит ли повторять, что, несмотря на постоянное упоминание «историков Александра», которые называются так исключительно вследствие языкового удобства, авторы, которых мы используем — за неимением лучших! — не историки в том смысле, в котором мы сейчас понимаем этот термин?

Точно так же, показав отважно сражающегося Дария, наши авторы без тени сомнения живописуют паническое бегство, в которое он бросается, как только его положение оказывается уязвимым. Например, Квинт Курций сурово осуждает решение, принятое Дарием под воздействием страха, который убегает, «постыдно избавившись от знаков царской власти»⁹⁸: в нескольких словах автор полностью уничтожает в глазах читателя благоприятное впечатление, которое внушает его предыдущий рассказ. Что касается темы поединка, то приведенные выражения были призваны лишней раз подчеркнуть воинственный пыл Александра, рвущегося в первые ряды, чтобы бросить вызов своему противнику.

Таким образом, ясно, что суждения, благоприятные для Дария, представлены вперемешку с очень негативными суждениями, и что они вкраплены в рассказ, действие которого всегда оборачивается на пользу его противника. Восхищение личностью Александра и его бесподобными подвигами в форме гомеровских *mimèsis* свойственно не только Арриану. Вот, например, как Диодор начинает свою книгу, посвященную македонскому завоеванию:

«Вскоре этот царь [Александр] совершил великие подвиги, и его ум позволил ему превзойти величие подвигов всех царей, воспоминания о которых дошло до нас с начала времен. За двенадцать лет он захватил большую часть Европы, почти всю Азию, что принесло ему, с полным правом, славу, уравнивающую его с героями и полубогами минувшего... Он происходил по отцовской линии от Геракла, а по материнской — от Эакидов, и сумел поддержать репутацию предков как своими физическими, так и моральными качествами»⁹⁹.

Этот пассаж подтверждает, что Квинтом Курцием, Диодором и Плутархом также широко использовались многие героические и гомеровские мотивы. Последний, как известно, написал две риторические речи о «Fortune d'Alexandre». Одна из тем, которой автор оказал особое внимание, была тема ран, полученных Александром в ходе сражений, когда он находился во главе своих войск; при этом речь не шла только о личных подвигах. Особенное внимание придавалось ранам, полученным в ходе осад. Большое место занимают истории о подвигах в течение осады «темного укрепленного городка посреди большой варварской страны» (Индия), так как «с чем его можно было сравнить, кроме блеска молнии?» Пронзенный со всех сторон, царь показывает сверхчеловеческое мужество перед лицом страданий:

«Он осыпан ранами с головы до ног, он весь в рубцах от вражеских ударов, нанесенных врагами копьем, мечом и кусками камней¹⁰⁰... Понятна слава, принесенная ему его ранами, ведь каждая часть его тела напоминала о побежденном им народе, добытой победе, взятом городе, сдаче царей? Вместо того чтобы скрывать свои шрамы, он их показывал, как изображения, вырезанные на теле его мужеством и храбростью»¹⁰¹.

В данном случае Плутарх выражает римское отношение к военным шрамам, настоящим «знакам необыкновенного мужества», которые, как он говорит в другом месте, кандидаты на консульство должны были показать всем как неопровержимые свидетельства их гражданского мужества¹⁰². Очень любили цитировать замечательный пример ста двадцати сражений, в которых принял участие Лаций Сиккий Дентат. На его теле было сорок пять шрамов, но всегда уточнялось, что «на спине его не было ни одного шрама»¹⁰³ так как, очевидно, почетны были только рубцы «от ран, полученных на передней поверхности тела (adversa corpore)». В глазах римлянина Квинта Курция раны, полученные Александром и его военачальниками, являются достаточными «доказательствами его мужества»¹⁰⁴. И когда авторы Вульгаты хотят отметить мужество персидских дворян, они могут это выразить при помощи того же образа. Квинт Курций выделял среди персов тех, кто был ранен в лицо Александром, и тех, у кого была пробита насквозь спина при бегстве¹⁰⁵. Мужество первых он приветствует в следующих терминах:

«Вокруг колесницы Дария лежали наиболее благородные его военачальники, погибшие со славой на глазах у царя. Все лежали лицом к земле, так, как они упали в бою, получив раны спереди»¹⁰⁶.

Тот же автор неоднократно возвращается к теме шрамов македонского царя: «Хотя предыдущая рана еще не зарубцевалась, Александр опять сражается в первом ряду»¹⁰⁷. Еще более явное заявление он делает от лица царя, возбуждающего мужество в своих войсках перед сражением при Гавгамелах: «Он начал с того, что дал всем пример мужества: он сражался в передних рядах. К этому призывали все его раны, каждая из которых была его украшением»¹⁰⁸. Такая настойчивость в упоминании ран, полученных Александром, как у Плутарха, являет-

ся, таким образом, частью кода, призванного подтвердить несравненное, бесподобное мужество и терпение героя. Тело царя, превращенное в книгу со «знаками славы»¹⁰⁹, становится свидетелем истории: «Каждая часть его тела напоминала о побежденном народе»¹¹⁰.

В этом, подчеркивает Плутарх, Александр противопоставлен персидским царям и Дарию, который недвусмысленно поставлен среди «царей, которые никогда не были ранены, кто никогда не проливал своей крови. Таковы эти любимцы Фортуны, эти Охи, эти Артаксерксы», а также «Дарий III, Сарданапал»¹¹¹. Так что можно сказать «о человеке, который никогда не был ранен, кто не проливал никогда своей крови, кто никогда не сражался?» — таковы Дарий I, Ксеркс или Арсес [Дарий III], «который потрудился всего лишь снять свое рубище посылного, чтобы надеть царскую одежду и причислаться должным образом»¹¹².

Давайте вернемся к тому моменту в «Жизнеописании», посвященном Плутархом Александру, где в хвалебной форме он защищает его память от обвинений, возводимых против него в античные времена. Описание достоинств будущего царя весьма красноречиво. Используя обычную, даже банальную, литературную хитрость, Плутарх делает так, чтобы его исключительно достойные намерения были подтверждены публично врагами, с которыми царь готовится воевать, в данном случае — в ходе разговора с послами Великого царя в Пелле. Плутарх превращает их в описателей бесподобного величия молодого македонского царевича: «Они восхитились им и подумали, что таланты Филиппа, столь восхваляемые, не шли ни в какое сравнение с размахом и талантами его сына»¹¹³. И далее: «Ошеломленные, они шли, повторяя: “Вот великий царь; наш же царь всего лишь богат!”»¹¹⁴

В конечном счете, от Арриана до авторов Вульгаты, каким бы ни был противник Александра — явный (Александр, Пор), подразумеваемый (Кир Младший) или подсознательно сравниваемый по мужеству в *mimèsis* (Артаксеркс), Дарий был обречен проиграть сражение за память потомков, как под натиском оружия, так и в результате совместных литературных усилий греко-римских авторов, не жалеющих сил, чтобы воспеть славу македонского царя. Абсолютно ясно, что поведение персидского царя описано и оценено с точки зрения этических норм, в которых Александр является паладином несравненных достоинств: Великий царь не умеет ни приобрести, ни сохранить верность своих близких, он лишен понимания ситуации, которое свойственно великим стратегам, он не сражается в первых рядах, он не берет приступом городов и его тело не покрыто памятными шрамами. Согласно подобной логике, он остается лишь «Дарием, который был побежден Александром».

ОТ АРРИАНА ДО «РОМАНА»: ОДИНОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

Основные черты образа Дария у автора «Романа об Александре» идентичны с представлением Арриана: Дарий не способен принять вызов, брошенный противником; он, бесспорно, является плохим царем. Его пороки ясно видны еще по первому посольству, которое он посылает Александру в период пребывания того в Финикии. Он презирает своего противника, считая его ребенком, кото-

рый «хочет, чтобы его школили, как младенца»; чуть позже он приказывает своим сатрапам «захватить Александра и отослать его в Македонию, на его родину, к его матери Олимпиаде, дав ему трещотку и косточки, которыми развлекаются македонские дети». Отсюда и его высокомерный ответ:

«Даже все человечество, объединенное под общим командованием, не сможет разрушить царство персов. Я располагаю таким множеством солдат, что их больше, чем песчинок в пустыне и их невозможно пересчитать, и ты должен дать им то, что им нужно, чтобы они могли вернуться на родину. Но если ты не повинешься моим приказам, я пошлю войска, чтобы преследовать тебя, чтобы мои солдаты захватили тебя. И тебя будут почитать не как сына Филиппа, а распнут, как бунтовщика» (1.36).

Поэтому понятна реакция македонского царя, который расценивает своего противника как хвостуна, которого он сравнивает с «бессильными псами, которые много лают, чтобы при помощи лая показать свою силу».

Начиная с первых же встреч и разговоров между царями возникает постоянно повторяющийся мотив измены приближенных Дария, которые, пораженные силой и харизмой молодого македонского царя, пытаются к нему присоединиться. Еще послы Великого царя хотели объяснить Александру, «как хитростью захватить Дария во время войны». Александр отклоняет их предложение, но предписывает им хранить молчание на переговорах: «Выражая свой восторг, послы Дария устроили ему шумную овацию».

Вскоре, пораженный уверенностью Александра, Дарий приказывает своим «сатрапам за Тавром» захватить македонца. Сатрапы отказываются, из-за страха, который вызывает у них македонский царь и его армия, и вынуждают Дария прийти самому им на помощь с большой армией. В оригинальной форме здесь появляется тема, которая затем будет отточена в «исторических» текстах¹⁵: только по причине слабости своих военачальников Великий царь возглавляет свою армию и противостоит Александру. Вскоре он доказывает свою неспособность, а его бегство описано следующими словами и выражениями:

«Персы, потерпевшие серьезное поражение, бросились в бегство... Затем, под покровом ночи, Дарий, страшно напуганный, бросился бежать как можно дальше. Между тем колесницу главнокомандующего было очень легко узнать; он бросил свою колесницу, сел верхом на лошадь и пустился в бегство. Но Александр, решивший во что бы то ни стало захватить Дария, бросился следом за ним, чтобы его не убил неизвестно кто. Таким образом, Александр, промчавшись шестьсот стадий, захватил колесницу, доспехи, супругу, дочерей и мать Дария, но самого Дария спасла ночь; после чего, взяв новую лошадь, он снова пустился убежать от своих преследователей» (1.41.8—10).

В ходе последнего сражения поведение царя было аналогичным. Дарий не колеблясь сбежал, направляя колесницу по телам собственных солдат: «Испуганный, он заставил колесницу повернуть назад, и колесами сбил множество персов; он скошил их, как крестьяне срезают колосья в полях». Кроме того, вме-

сто того чтобы позаботиться о судьбе своих солдат и для этой цели приказать сохранить мосты в порядке¹¹⁶, он переходит замерзший Странг, а когда его солдаты в ходе бегства дошли до реки, на ней уже начался ледоход, который «унес всех тех, кто вошел в реку, тогда как остальных персов убили македонцы» (11.16.8). Затем был заговор под руководством Бесса и Ариобазана, которые рассчитывали таким образом получить взамен прощение и вознаграждение от Александра.

Среди произведений римской эпохи, которые мы привычно относим к романтическому жанру, стоит выделить и еще один труд на латинском языке, «Пути Александра», который, около 338 или 340 года после Р.Х., описывает подвиги македонца (а также троянцев) для императора Константина II, накануне похода последнего против персов-сасанидов. Иногда этот труд приписывается Юлию Валеру (но это спорная гипотеза). Он, похоже, написан под сильным влиянием Арриана, и изображение Дария в нем фундаментально не отличается. Находясь лицом к лицу с героем, полным мужества и отваги в сражениях, разделяющим суровую жизнь рядовых и всегда готовым лично возглавить войска, Великий царь прибегает к хитрости, чтобы физически устранить своего противника, и к подкупу, чтобы отсоветовать ему продолжать борьбу. Убегая, он бросает царские регалии. При Гавгамелах «он видит своих людей растерявшихся перед лицом полной неясности, но желание остаться целым и невредимым заставило его пренебречь репутацией, и он повернул назад... Другие солдаты без колебаний “проголосовали ногами”, последовав примеру царя, и разделили его участь» (LXII). Преследование Александра потерпело неудачу, так как «Дарий быстро исчез, не оставляя следов».

Некоторые моменты «Пути» были, напротив, инспирированы Вульгатой. Это показывает описание бегства евнуха Тириота после смерти Статиры, жены Великого царя — история, о которой особенно подробно написал Квинт Курций. Здесь евнух безымянен, его не приводят в палатку Дария, который задает ему вопросы (как у Квинта Курция и Плутарха), — он появляется как *deus ex machina*, и к тому же в момент, когда Дарий собирается обратиться с речью к войскам перед сражением при Гавгамелах! Не ссылаясь определенно на смерть Статиры, евнух держит длинную речь, в которой восхваляет сексуальное воздержание Александра и уважение, которое он проявил по отношению к захваченным принцессам. В то время как Великий царь «перед лицом армии молился богам, говоря, что, если бы судьба не дала ему право управлять персами, Александр был бы достоин этого» (LVII).

Постоянно подчеркиваемая Аррианом¹¹⁷ тема измены приближенных Великого царя вновь выходит на первый план в другой биографической истории Дария. Среди сочинений, долгое время приписывавшихся Плутарху, имеется один любопытный, небольшой по объему, труд «Параллельные греческие и римские истории», автор которых подражает Плутарху. Он хочет показать при помощи примеров, взятых из жизни известных римлян, что в действительности сказки и легенды могут быть основаны на исторических фактах. Для этого автор цитирует параллельно эпизоды жизни персонажей, принадлежащих к тому, что он называл недавним прошлым. В этом контексте Дарий III располагается рядом с этрусским царем Тарквинием Великолепным (§ 11). По мнению авто-

ра, и тот и другой пострадали в результате измены сына. Автор упоминает первое поражение Великого царя при Гранике, где он потерял «семь сатрапов и пятьсот две колесницы». Эти «семь сатрапов» Псевдо-Плутарха встречаются в «Пути»: «они управляют всей Азией», утверждал автор. Именно против них Александр посылал авангард под руководством Пармениона и Аттала, чтобы ослабить сопротивление персов (XIX). Речь идет о «сатрапах Дария» из «Романа» (1.28.4), которых автор называет также «сатрапы/стратеги из-за Тавра» и «охранители царства Дария» (1.39.8). Что бы там ни было, согласно Псевдо-Плутарху, Дарий решил атаковать снова на следующий день. Но Ариобазан, его сын, особо хорошо расположенный по отношению к Александру, пообещал предать своего отца. В возмущении последний приказал отрубить ему голову.

Анонимный автор напрасно старается упомянуть свои источники, то есть тех, которых он называет «людьми, посветивших себя историческим записям» (в данном случае речь идет о некоем невразумительном Арегаде Книдском, предполагаемом авторе труда, посвященного Македонии). Изложенный анекдот, по всей видимости, имеет очень отдаленное отношение к истории сражений между Дарием и Александром, но он вносит свою лепту в очернение и без того отвратительной репутации последнего Великого царя.

ОСТАНОВКА НА ИЗОБРАЖЕНИИ: ДАРИЙ НА НЕАПОЛЬСКОЙ МОЗАИКЕ

Существует еще один хорошо известный иконографический документ, находящийся вне литературных текстов, но имеющий с ними определенную связь и подпитывающий «историю Дария». Речь идет о знаменитой мозаике, открытой в «доме Фавна» в Помпее 24 октября 1831 года, и с тех пор называвшейся «мозаикой Александра», «Битвой при Иссе» или «Неапольской мозаикой» (рис. 28). В то время как последнее название просто напоминает, что мозаика хранится в настоящее время в археологическом музее этого города, оба первых выражают частные, но спорные интерпретации относительно персонажа, являющегося главным героем картины, и о возможной идентификации исторических обстоятельств, вдохновивших художника.

Составленная из более чем двух миллионов кусочков естественно окрашенного известняка, имеющая размеры более чем 5,12 м × 2,71 м (5,82 м × 3,13 м с рамкой), мозаика изображает бой между двумя армиями, с первых часов после открытия мозаики отождествленными как армии Дария III и Александра (рис. 29). С правой стороны композиции находятся девятнадцать персонажей (рис. 30): среди них можно узнать Великого царя в колеснице (рис. 31—32). В его левой руке лук, он наклонился и протягивает правую руку вперед, в то время как возница хлещет коней, чтобы спешно покинуть поле битвы; рядом с колесницей спешенный перс держит лошадь (рис. 43). Справа и за колесницей ясно видны группы всадников, наибольшее число которых являются персами, судя по их прическам и одежде. На заднем плане, возвышаясь надо всей группой, длинные копья устремляются в небо, передавая движение (справа налево) армии Великого царя; нижние копья в беспорядке, при этом один из всадников этой группы держит знамя со слабо различимым рисунком. Перед колесницей можно так-

же различить персидского всадника, чей конь пал и его тело также пронзено копьем, которое держит один из всадников, расположенных на левой стороне (рис. 33): этот всадник, выдвинувшийся вперед (слева направо) — Александр, одетый в богатый доспех, украшенный изображением горгоны (рис. 34). На заднем плане дерево с сильно обломанными ветвями, выше которого располагается очень длинное копье, связывающее и уравнивающее обе части композиции.

Легко понять, что это открытие всколыхнуло энтузиазм археологов, историков искусства, а также широкой публики, воспитанной на примерах Античности. В первый раз все увидели изображение Дария на колеснице лицом к лицу к Александру — сцена, которую Ле Брюн представлял себе, составляя свою картину сражения при Арбелах (рис. 35): с луком в правой руке, сидящий на гигантском троне-колеснице Дарий в ужасе видит, как его молодой противник, верхом, пожинает победные лавры, символизирующиеся полетом орла, парящего над всей сценой.

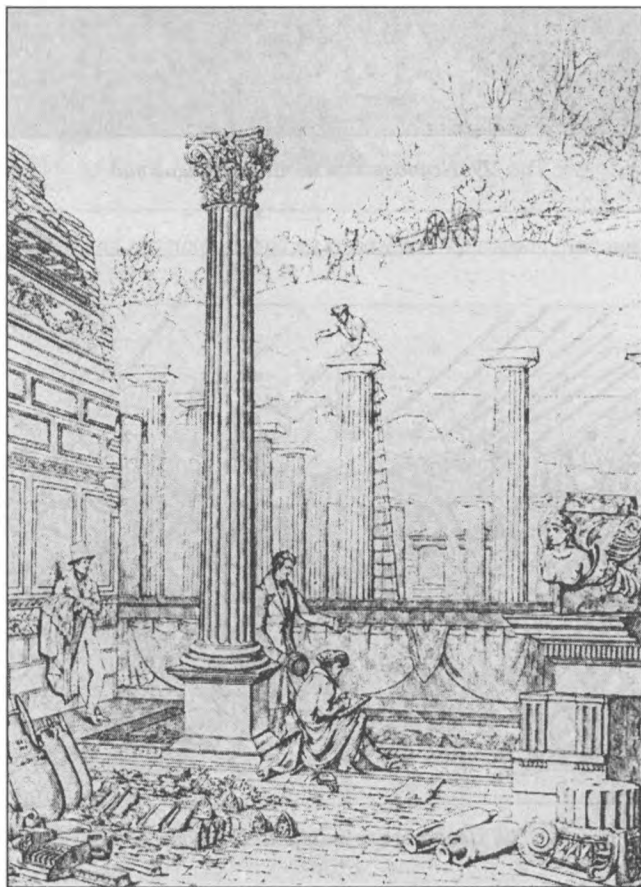

Рис. 28. Неапольская мозаика, обнаруженная и впервые описанная (рисунок Никколини)

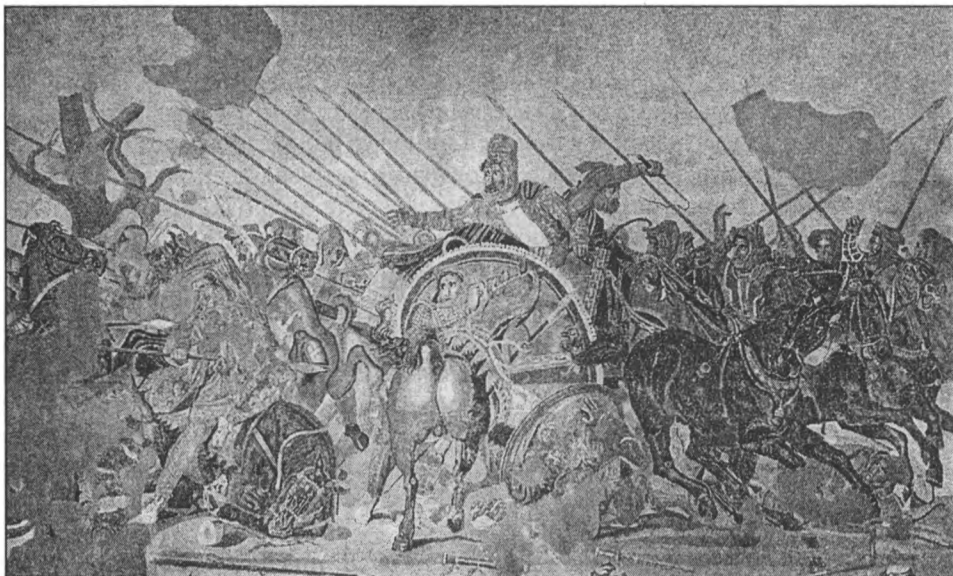

Рис. 29. Неапольская мозаика. Общий вид

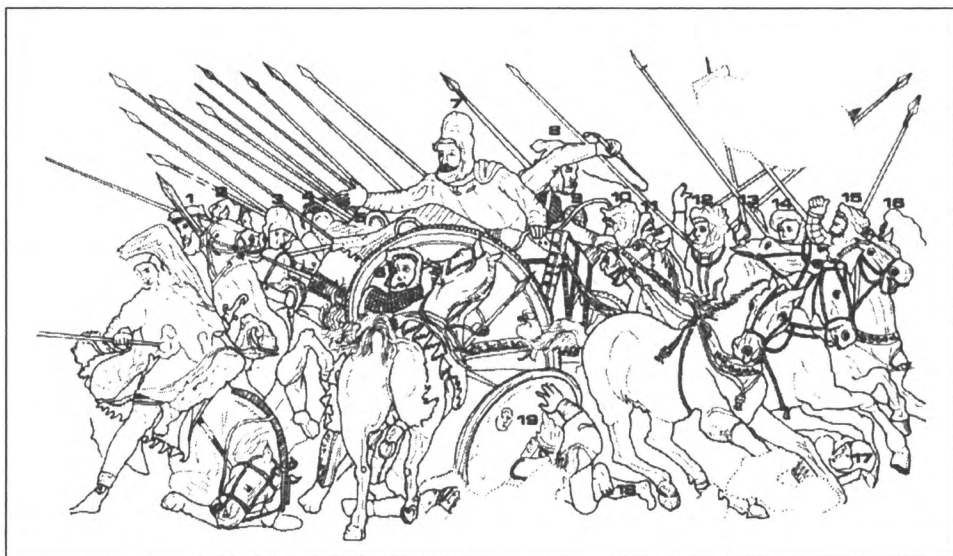

Рис. 30. Неапольская мозаика. Сторона Дария

Рис. 31. Неапольская мозаика. Дарий на колеснице. Фрагмент (рисунок Никколини)

Рис. 32. Неапольская мозаика. Дарий на колеснице. Фрагмент

*Рис. 33. Неапольская мозаика.
Персидский всадник,
пробитый копьем Александра*

Рис. 34. Неапольская мозаика. Александр (рисунок Никколини)

Рис. 35. Шарль Ле Брюн. Сражение при Арбелах: Александр верхом на коне

Рис. 36. Шарль Ле Брон. Сражение при Арбелах: Александр атакует Дария

Рис. 36а. «Сражение Александра» на саркофаге Александра

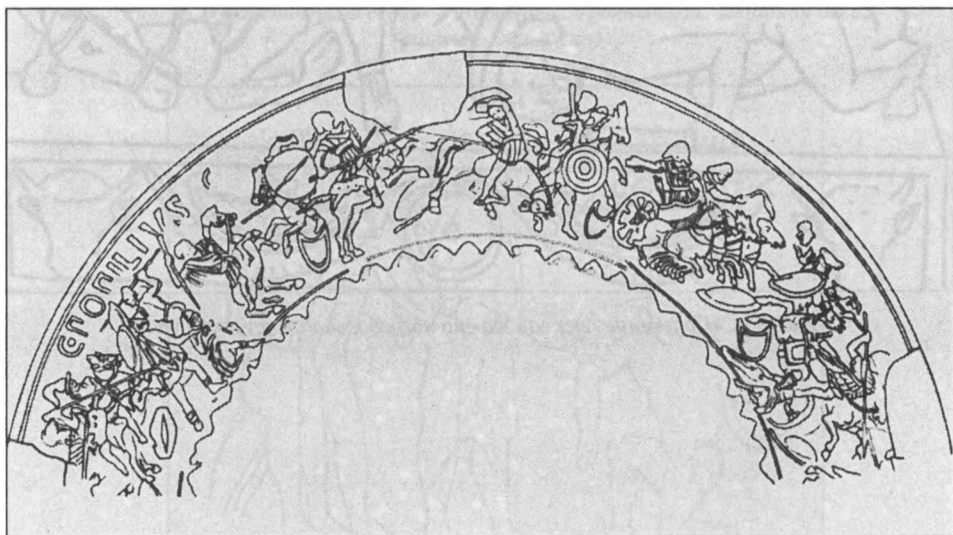

Рис. 36б. «Сражение Александра» на кубке С. Попилия

Рис. 36с. «Сражение Александра» на погребальной этрусской урне

*Рис. 37. «Царственный герой» в Персеполе. Тронный зал. Западная дверь
(рисунок Гиришмана)*

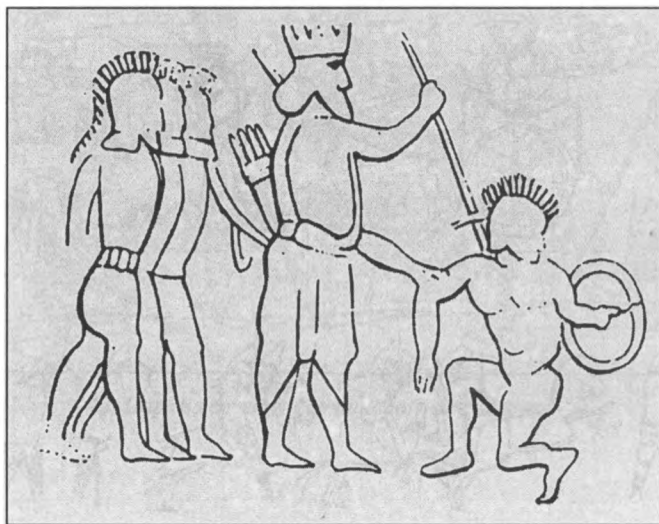

Рис. 38. «Царственный герой» на печати Персеполя

Рис. 39. Печать Артаксеркса I (?)

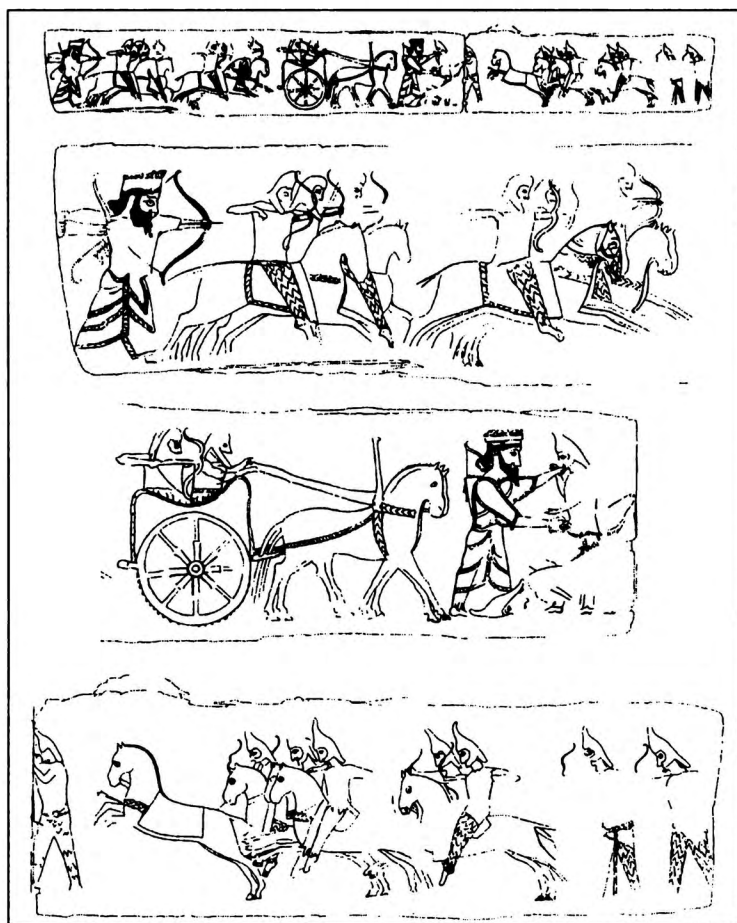
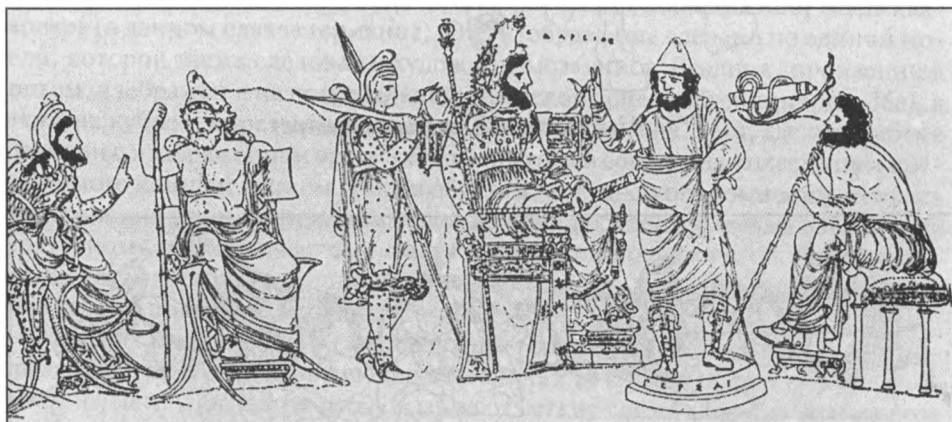

Рис. 40. Сцена сражения на деревянной доске. Эпоха Ахеменидов (рисунок М.Ф. Клерго)

Рис. 41. Царь/Царственный герой, убивающий скифа. Картина на деревянной доске

42. Царь на совете: картина на «вазе Дария»

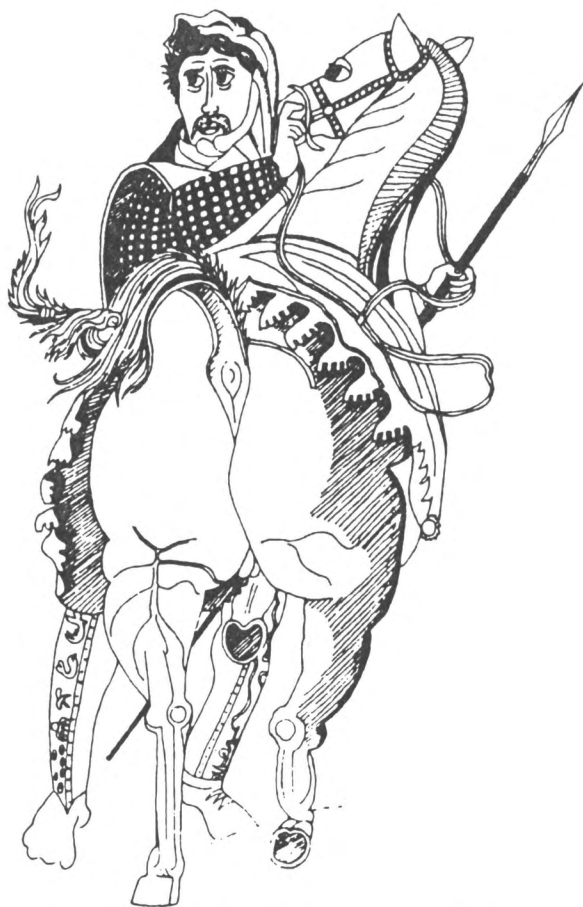

Рис. 43. Перс с конем (рисунок Битнера)

*Рис. 44. Александр преследует Дария.
Изображение на амфоре Руво*

С самого первого дня не прекращаются дебаты по интерпретации этого изображения, а в последние года количество публикаций даже умножилось. Я подведу итог основным результатам дискуссии, не углубляясь в подробный анализ мозаики, оставляя другим заботу о том, чтобы проанализировать состав, цвета и перспективы в рамках общих рассуждений об эллинистической живописи. Так как — никто в этом никогда и не сомневался, — мозаичист использовал в качестве модели не дошедшую до нас картину, созданную неизвестным художником, предметом обсуждения остаются личность художника, датировка картины, и то, что автор хотел ею сказать.

В зависимости от датировки мозаики — относится ли она к концу царствования Александра, создана сразу после его смерти или, напротив, выполнена намного позднее, — нельзя понять, создал ли художник сначала образец, который затем широко копировался, или он вдохновился уже существующим рисунком. Что бы там ни было, мозаика не является единственным экземпляром «Сражения Александра с Дарием». Известны также изображения на вазах из Южной Италии, приписываемые мастерской «художника Дария» (около 330—320? гг. до н.э.), на которых также изображено поражение и бегство Дария на колеснице, преследуемого Александром, на коне, с копьем в руках, бросающим его вслед убегающему противнику (рис. 44)¹¹⁸. На этом изображении Великий царь также низведен до положения побежденного. Он делает жест правой рукой по направлению к своему противнику, подобно тому, как его изображает автор мозаики. «Сражение Александра» является также одним из мотивов, изображенных на замечательном сидонском саркофаге, условно называемом «саркофагом Александра» (рис. 36а). Этот мотив обнаруживается на многочисленных италийских изображениях. На барельефе, найденном в Риме, император (римский), сидя на коне, пронзает копьем живот всадника-варвара (в данном случае германца). Это изображение сделано по единой модели, которой также следовал и художник-мозаичист. Всадник, пронзенный копьем, изображен и на погребальной этрусской урне из Изернии (рис. 36с), а также на кубке с вырезанным именем С. Попилия (рис. 36b), где этот мотив соединен с изображением врага, обратившегося в бегство на колеснице и преследуемого конным воином. Таким образом, нет никакого сомнения, что распространение этого мотива в римской Италии восходит к весьма известному культурному и политическому факту и является подражанием Александру. Вероятно, именно по этой причине владельцы «дома Фавна» приказали выполнить там подобную мозаику.

Мозаика находится не в самом хорошем состоянии: без сомнения, она пострадала во время транспортировки в Неаполь в 1843 году, но она уже была повреждена еще в древности, что доказывают четкие следы выполнявшейся реставрации. В левой стороне (изображение Александра) имеются значительные лакуны; вероятно, не хватает участка в центре картины, в зоне контакта между фигурой Александра (двигающегося слева) и фигурой Дария (двигающегося справа). Некоторые лакуны наносят особенно большой ущерб изображению, поскольку отдельные детали изображения выполняют разъясняющую роль, в особенности рисунок, который изначально находился на поднятом знамени с правого края картины (рис 30, № 13).

С самого начала дискуссии по этому поводу были краткими ввиду крайней скудости доступной информации о произведениях, темой которых были бы битвы Александра; Плиний в этой связи цитирует труд Филоксена Эретрийского, чьим покровителем был Кассандр (один из преемников Александра). Согласно автору конца I века н.э., некая Елена из Египта написала картину, на которой был изображен Александр во время сражения при Иссе. В этом тексте говорится также о некоем Аристиде из Фив, авторе картины, на которой Александр (?) сражается против персов¹¹⁹. Сегодня на труд Филоксена опираются чаще всего, но высказанная Кваранти в 1832 году гипотеза, приписывающая авторство картины Апеллесу, снова появилась в недавно изданной книге (Mogeno 2001), хотя другие авторы, напротив, считают неправдоподобным отсутствие упоминаний в древних текстах о выполнении подобной работы художником, столь близким к Александру.

Очень важный в глазах историков искусства вопрос об авторстве пропавшего шедевра не должен заслонять собой исследование способов создания и путей распространения изображений Дария. Основываясь на этой точке зрения, были выдвинуты различные интерпретации фактов, и они продолжают активно обсуждаться. Кратко говоря — является ли образ, доносимый до нас в мозаичной картине, позитивным или негативным? Хотел ли художник показать великого, смелого и достойного царя в постигшем его несчастье, или он изображал подлого властителя, бросающего свои войска, выстроившиеся для битвы? Эти споры начались с момента обнаружения мозаики. В 1787 году, во время поездки в Италию, Гёте посетил Помпеи, и в том числе дом, где обнаружили мозаику — именно по этой причине впоследствии это строение называли «домом Гёте». Примерно пять месяцев спустя после открытия археолог В. Цанн сделал первый рисунок и послал его Гёте, который получил его 6 марта 1832 года, за шестнадцать дней до смерти. Потрясенный «таким чудом искусства», Гёте немедленно ответил археологу, который просил его совета. Он был рад увидеть в Александре «триумфатора» над Дарием, менее потрясенного угрожавшей ему опасностью, чем жертвенностью одного из своих воинов, насмерть пораженного противником.

С тех пор было сделано множество наблюдений и приведено много доводов, имевших целью воссоздать намерения художника или определить характер полученных им инструкций. В 1931 году Х. Фурманн привел множество аргументов с целью показать, что автором картины-первоисточника был Филоксен. Он развил тезис, согласно которому художник хотел изобразить Дария лишенным величия и мужества: «Единственной его заботой является собственная судьба... Абсолютно по-другому изображен Александр, твердый и уверенно идущий к своей цели». Автор видел доказательство своего тезиса в изображении лошади, которую держат в поводу перед колесницей (рис. 43). Он полагал, что эта лошадь была предназначена для облегчения бегства Великого царя (стр. 143, 148). Как обычно, картина была интерпретирована при помощи древних текстов, которые констатируют присутствие подобной лошади, «помещенной для этой цели», согласно выражению Квинта Курция¹²⁰. Фурманн считал также, что невозможно точно определить одно из двух сражений; художник намеревался изобразить битву Александра с Дарием, а не отразить конкретный момент вполне определенной битвы.

Другая школа пыталась интерпретировать намерения и действия художника (кем бы он ни был) совершенно по-другому. Одним из наиболее почетных и влиятельных представителей ее был и остается Карл Ниландер, который обосновал большую часть своих интерпретаций на идентификации знамени, которым размахивает один из персов в правой части композиции. Благодаря использованию древних рисунков он хотел доказать, что это знамя не было сигнальным флажком (phoinikis), использовавшимся в Греции и в Македонии, а речь идет о персидском царском знамени. К тому же, по его мнению, длина копий не предполагает, что персидское войско было смято солдатами Александра, снабженными длинными македонскими копьями (sarisse); автор напоминает, что до сражения при Гавгамелах Дарий использовал македонские доспехи. Таким образом, в замысле художника нет намерения показать поражение персидской армии, которая была бы взята в клещи маневрами македонских армий. Напротив, считает Ниландер, армия Великого царя сохраняет свои боевые порядки.

Кроме того, повторяя интерпретацию, предлагавшуюся уже некоторыми толкователями, К. Ниландер считает, что во всей сцене доминирует не Александр, а Дарий, занимающий главную позицию на своей колеснице. Дарий показан здесь не как трус, но как царь, озабоченный жертвой благородного воина, бросившегося перед колесницей: именно на него, а не на Александра, смотрит Великий царь, и в его взгляде совсем нет страха. Художник хотел таким образом показать самоотверженность персов по отношению к своему царю: вместо того чтобы оставить его в минуту опасности, они готовы отдать свою жизнь ради его спасения. Таким образом, полагает Ниландер, нет ничего невозможного в том, что заказчиком художника был знатный человек, который после смерти завоевателя остался убежденным сторонником политики ирано-македонского сближения, проповедуемой Александром. За это говорит также большая точность деталей одежды и драгоценностей, надетых на Великого царя и окружающих его персов, а также предметов вооружения всадников и сбруи лошадей. Все это говорит о ясно выраженном желании реабилитировать память Дария.

Направление, заданное Ниландером (в том числе его идентификация изображенного на мозаике сражения как битвы при Гавгамелах) нашло благоприятный отзыв у некоторых комментаторов. Е. Бадьян считает, что этому произведению следовало бы дать название «мозаики Дария». Он также считает, что поза лошади Александра создает впечатление, что тот отказывается двигаться вперед. По его мнению, точность картины предполагает, что художник «должен был работать по крайней мере на основании реалистического описания Дария, изображение которого кажется столь же реалистичным, как и изображение Александра и что, таким образом, «Дарий был единственным из ахеменидских царей, черты которого нам доподлинно известны».

Тем не менее, если принять в расчет все интерпретации и комментарии, меньшее, что можно сказать — это то, что разногласия между интерпретациями остаются глубокими, основанными на ряде повторяющихся аргументов, из которых многие весьма непрочны. Можно взять один совсем недавний пример. Другой комментатор, Пфроммер, напротив, считает, что точность персидских деталей часто застает врасплох, или, точнее, что ее надо оценивать на основании знаний о Персии, весьма распространенных в ту эллинистическую эпоху. По этой и неко-

торым другим причинам автор заключает, что картина могла быть выполнена несколько десятилетий спустя после смерти Александра, в том числе в египетском политическом контексте. В то время как Ниландер считал, что заказ исходил скорее всего из круга приближенных первого Селевка, Пфроммер предлагал считать, что, изобразив Александра, торжествующего над бегущим Дарием, художник намеревался воспеть превосходство царей из дома Лагидов над «азиатскими» — в данном случае селевкидскими, — царями, с которыми они столкнулись в ходе Сирийской войны. В этом довольно своеобразном контексте Дарий характеризуется как подлый человек, готовый воспользоваться жертвой своих приближенных, чтобы броситься в бегство. Вполне четкая идентификация изображенного сражения как битвы при Иссе дополняет данную интерпретацию, которая, в свою очередь, служит основанием для нескольких вопросов.

Многие аргументы и тех и иных оппонентов можно вывернуть наизнанку. Вопреки тому, что считают С. Ниландер и его сторонники, достаточно неочевиден тот факт, что заказчик картины хотел создать абсолютно положительный портрет Дария. Задача определения современным историком вдохновителя и заказчика кажется чересчур сложной и щекотливой. Возможно, художник не хотел взваливать на плечи одного Дария всю тяжесть поражения, и он решил показать, что именно возница принял решение повернуть колесницу? Такая интерпретация возможна, но она не кажется абсолютно очевидной. Можно ли утверждать с уверенностью, как некогда говорил Гёте, чтобы взгляд Дария был направлен исключительно на благородного воина, пораженного копьем Александра, и выражает ли он исключительно чувство сострадания? Не смотрит ли Великий царь скорее на своего прямого противника — Александра, и не полон ли он страха перед бурной и победоносной атакой того, кто, владея копьем и энергично направляя коня, собирается вскоре встать перед Дарием, который, стоя на колеснице, разоружен и, не чувствуя в себе способности сопротивляться, предпочитает избежать прямого столкновения с молодым македонским царем? Действительно ли можно прочесть во взгляде Дария обуревающие его чувства? Расхождение в видении у различных художников совершенно очевидно влияет на субъективный характер таких толкований (см. рис. 31—32).

Конечно, Дарий не изображен однозначно: лук, который он держит в одной руке, и пустой колчан на левом боку ясно показывают, что он лично участвовал в сражении. Тем не менее общий смысл композиции не оставляет никакого сомнения зрителю эллинистической и римской эпох. С первого взгляда движения различных групп очень четко выражают намерение художника: он показывает тот момент, когда, перед лицом яростной атаки македонского царя, несмотря на жертву воина-перса, который упал на землю перед своим царем, Дарий отступает, однако, оставляя свою армию в боевом порядке, на что указывают движения его всадников и ряд копий, наклоненных справа налево. Художник с потрясающей силой и яркостью создал живое изображение, на котором царствование одного сменяется победой другого. Даже в образе «трагического героя», который придал ему художник, Дарий остается действительно побежденным, который — по причинам, определить которые не позволяет объем изображения, — оставляет место боя вместо того, чтобы отдать все силы, и в том числе свою жизнь, для спасения империи и Персии.

СЛОВА И ИЗОБРАЖЕНИЯ

У документа, задуманного и выполненного на основании этой стержневой идеи и превращенного затем в изображение, неизбежно будет ограниченная повествовательная и справочная ценность. Было ли изображение Великого царя сделано на основании некоторого образца, как полагает Е. Бадьян, и написал ли художник лицо Дария достаточно реалистично? При отсутствии какого-либо подтверждения невозможно сделать об этом какие-то выводы, так как, в конце концов, ни прическа, ни одежда Дария на мозаике не соответствуют точно ни «царской тиаре», ни «царскому платью» (*kandys*), которые считаются частью «царских регалий».

В то же самое время достаточно легко установить соответствия между текстами и изображением. Вот, например, персидский всадник, расположенный перед царской колесницей, который насмерть поражен Александром. На память незамедлительно приходит описание сражения при Иссе, данное Квинтом Курцием:

«Дарий, с высоты своей колесницы, возвышается надо всеми: это могучий призыв для персов, которые его защищают, и для врагов, которые его атакуют. Его брат Оксиарт, видя, что Александр угрожает царю, образовал вместе со своими всадниками заграждение перед колесницей царя. Своим оружием и физической силой он намного превосходил всех прочих; своими чувствами и своей привязанностью он принадлежал к небольшой группе избранных; он уверен, что отличился в этом бою, уничтожая атаковавших его смельчаков и обращая других в бегство... Александр со своими македонцами бросились напролом. Началась бойня. Вокруг колесницы Дария валялись останки его военачальников, погибших на глазах у своего царя. Они лежали лицом к земле, так, как они упали в бою, получив рану от удара спереди» (III.11.7—9).

Явно черпая вдохновение из того же источника, Диодор подчеркивает также бессмысленное мужество Оксиарта:

«Когда этот перс увидел, что Александр бросился в атаку на Дария, и понял, что он не может остановить его, он почувствовал страстное желание разделить судьбу своего брата. Он взял с собой отборных всадников, которыми он командовал, и бросился на Александра. Полагая, что верность, которую он выказал по отношению к своему брату, принесла бы ему славу у персов, он сражался прямо перед квадригой Дария... Но Александр и его воины превосходили персов в храбрости, поэтому число погибших [персов] около колесницы Великого царя все увеличивалось... Решив избежать наиболее серьезных опасностей, Великий царь сам хватает вожжи, вынужденный при этом потерять священную величественность и свою выправку, и нарушить обычай, который в Персии установлен для царей» (XVII.34.2—6).

При описании сражения при Гавгамелах персонажи снова вводятся теми же словами и теми же образами: «Дарий двинулся на колеснице, Александр вер-

хом... Погибнуть на глазах у царя казалось каждому из персов самой прекрасной смертью». Здесь Квинт Курций добавляет новый вариант: «[Затем] возникла, который сидел перед Дарием, был убит ударом копья»¹²¹. То же и у Диодора:

«Александр бросился на Дария, окруженного царским эскадроном и остатками элитной кавалерии. Великий царь выдержал удар врага: он сам сражался на своей колеснице, бросал копья в нападающих, тогда как многочисленные персы сражались вместе с ним. Так как оба царя рвались навстречу друг другу, Александр бросил копье в Дария и не попал; но он сумел поразить возницу, который стоял рядом с царем, и свалил его на землю» (XVII.60.1—2).

Тем не менее, единые в красочном описании «поединка двух царей»¹²², Квинт Курций и Диодор не в состоянии «точно указать», что именно художник изобразил на своей картине, и что могут прочитать на ней современные зрители. С полным правом можно предположить, что художник вдохновлялся версией, которая была принята нашими авторами и которая фактически смешивает два изображения Дария: бойца, который не колеблясь вступает в бой, чтобы померяться силами с Александром, и при этом бойца, который отчаивается и/или убегает, когда вражеская угроза становится слишком серьезной; художник, скорее всего, проиллюстрировал вторую фазу событий; первая же (сражающийся Дарий) предполагается состоянием лука и колчана.

Сравнивая поведение, приписываемое Дарию в ходе обоих сражений, с тем, что мы знаем о поведении Великих царей при подобных обстоятельствах, мы замечаем глубокие разногласия и спрашиваем себя: а сражался ли Дарий на своей колеснице? Насколько можно судить по весьма скудной информации, никто из Великих царей никогда не принимал участие в боях, ни верхом, ни на колеснице. Единственное, что напоминает это сражение или приходит на ум при упоминании об участии Дария в битве, является сценой поединка претендентов (Кир Младший и Артаксеркс II при Кунаксе)¹²³.

Столь вдохновенно описанных в официальных записях, особенно в «Зеркале принца», вырезанном на фасаде гробницы Дария I в Накш и-Рустам (DNa), изображений царских военных подвигов нет в царских резиденциях, за исключением изображения «царственного героя», сражающегося против разнородных чудовищ, которых он одолевает при помощи рук и короткого меча (рис. 37). Эта сцена многократно повторяется на печатях (рис. 38), где также можно найти изображение царя, держащего веревку, которой связаны ряды пленников (рис. 39). С этой точки зрения сцена на мозаике представляет исключение: она не соответствует персидскому представлению о поведении царя на войне, но скорее иллюстрирует греческое видение образа.

Единственной параллелью мозаике и исходной картине является другая картина, написанная на деревянных досках, хранящаяся сегодня в мюнхенском музее¹²⁴. Одна из изображенных там сцен представляет собой бой персов против скифов, которых легко опознать по высоким красным тиарам. Если допустить, что речь идет о войне, которую вел Дарий I против причерноморских скифов, картину можно датировать приблизительно 500-ми годами до н.э. Что бы там

ни было, на изображении (рис. 40) можно ясно различить слева первую царскую фигуру. Царь с помощью натянутого лука пускает стрелы в скифских всадников. На переднем плане, перед колесницей, ясно виден еще один Великий царь, который одет в длинное персидское платье (*kandys*) и зубчатую корону. Он хватается скифа за бороду, погружая при этом в его тело короткий меч; под его ногами лежит еще один враг (рис. 41). Вряд ли это реалистичная сцена — скорее всего, перед нами еще одно изображение «царственного героя».

Таким образом, если картина призвана проиллюстрировать бойцовские качества, связываемые с личностью любого Великого царя, это делается в весьма идеализированной манере; она не основывается ни на реальном сражении, ни на конкретном описании. То есть картина не является реальным подтверждением того, что Великий царь должен был принимать личное участие в ходе войн и сражений. То же самое можно сказать и о неапольской мозаике. Нет никаких сомнений, что в ходе официальных шествий, а также в начале сражений Дарий III, «согласно обычаю», находился на своей колеснице, откуда «он царил надо всем»¹²⁵. Это, впрочем, объясняет то политическое значение, которое македонская пропаганда связывала с захватом колесницы Дария III; при этом заявлялось, что были захвачены лук и платье царя. Но ничто не доказывает, что Великий царь бросал копьё и метал стрелы со своей колесницы или сражался с Александром один на один¹²⁶.

ГЛАВА 6.

ДАРИЙ МЕЖДУ ГРЕЦИЕЙ И РИМОМ

ПЕРСЫ В ПАРФИИ

Рядом с Александром Дарий навсегда сохранит свой негативный посмертный образ. Причину этого необходимо искать в контексте — одновременно историческом и литературном — перехода власти от Дария к Александру, поскольку именно с этого момента начинается то, что принято называть «ориентализацией Александра» — то есть то, что нынешние историки классифицируют как иранскую политику, состоявшую в присоединении побежденных под свою власть. На самом деле Александр очень хорошо знал, что он не смог бы успешно завершить поход без содействия иранской аристократии, которая была настоящим стеновым хребтом ахеменидской империи.

У древних авторов эта политика выражается внешне принятием придворных ахеменидских обычаев. Эта эволюция была очень плохо воспринята некоторыми представителями окружения Александра из числа его советников и военачальников, которые обвиняли царя в том, что он забыл «суровые и чистые» обычаи их македонских предков. Эти обвинительные речи основываются на глубинных греческих представлениях: восточные цари губят себя роскошью и

сладострастием, они изнежены и поэтому неспособны проявлять мужественную силу и военную энергию. Заметим, что подобные представления весьма противоречивы, так как роскошь, в которой одни видят симптом и причину «духовного упадка», другими считается ярким проявлением могущества, власти и богатства. По этому поводу велась яростная полемика. Свидетельством тому является знаменитый пассаж, где, в противоположность своим современникам, Плутарх защищает принятие церемониальных ахеменидских одежд Александром. При этом он прибегает к метафоре одомашнивания животных (к тому же не слишком доброжелательно по отношению к иранцам и «варварам» в целом):

«Охотники на хищников наряжаются в кожу оленей, охотники за птицами надевают туники с перьями; мы стараемся не надевать красную одежду, находясь рядом с быками, и белую — рядом со слонами, потому что эти цвета возбуждают и пугают этих животных. И если великий царь пытается, как животных, приручить и смягчить непокорные и воинственные народы, если он в состоянии успокоить их, принимая их национальный костюм и образ жизни, который им привычен, если он примиряет таким образом их жестокое сердце и успокаивает их злопамятство, почему надо это ставить ему в упрек? Давайте скорее восхитимся мудростью, с которой он смог, слегка изменив привычки, усмирить Азию и, победив тела оружием, получил сердца при помощи одежды».

Теперь понятно, почему в трудах римской эпохи фигура Александра имеет двойственное значение. Многие военачальники и императоры приводят Александра в качестве известного прецедента, очень удобного для узаконивания их завоеваний и политических намерений, но у многочисленных историков и римских моралистов образ Александра также отмечен негативным отношением, так как македонский царь, по их мнению, выгодно пользуется деспотической властью, которую авторы осуждали уже у Дария и прочих Великих царей, и которую они осуждают также у Рима.

Таким образом, сравнение — утверждаемое или искусно внушаемое, — между Александром и Дарием имеет очевидное следствие: Дарий продолжает, даже после смерти, использоваться в антимодели высшей власти, такой, против которой возмущаются греческие и македонские противники Александра, и такой, которую осуждают римские круги, стремящиеся к возвращению к источникам древней морали, особенно во времена принципата. Под забвением традиционных македонских обычаев римские моралисты подразумевают отход от старых римских традиций некоторыми из своих военачальников, которые, как и Александр, вкусили отвращающей привлекательности Востока. Это заметно, а *contra*rio, в парных портретах Цезаря и Александра у Веллея Патеркула, который является одним из представителей этого семейства строгих моралистов. Сравнивая личности и подвиги этих двух персонажей, он считает, что Цезаря можно сравнить только с Александром, каким он был до своего катастрофического изменения, когда он не пристрастился к вину и был хозяином своих страстей: напротив, Цезарь никогда не позволял себе наслаждаться сном или едой: им управляло не удовольствие, а жизненная необходимость².

Тема духовного упадка Александра под влиянием тлетворного Востока стала настоящим *topos* в римской литературе. Нет никакого сомнения в том, что эти *topos* основаны одновременно на системе римских ценностей, которые противоположны поведению, принятому тогда Александром, и на подразумеваемой или явной ссылке на современные события. Говоря о персах — о которых они знают очень мало, — авторы римской эпохи в реальности очень часто подразумевали парфян, против которых римским военачальникам и императорам пришлось вести много очень жестоких войн с весьма переменным результатом. Некоторые из них заканчивались кровавыми провалами. Лукиан, которого трудно заподозрить в симпатии к Александру, даже использует термин «парфяне», относясь к персам эпохи Дария и, таким образом, еще безжалостнее подчеркивая противопоставление между македонскими успехами и римскими поражениями: «Александр захватил Вавилон, почитаемый парфянами. О стыд! Народы Востока более опасались сарисс (македонские длинные копья), чем сейчас опасаются дротиков (*pilum*) римлян... Эта Парфия, столь гибельная для Красса, была всего лишь маленькой надежной провинцией для малышки Пеллы!»³

Парфянские войны составили предмет многочисленных римских произведений. Но не издевается ли Лукиан над этими людьми, которые внезапно обнаружили у себя призвание историка⁴? Один из современников Лукиана, Арриан, был не только автор «Анабасиса Александра» — он также составил «*Parthica*», в которой повествует о деталях похода Траяна против Парфии. И если в то же самое время персы присутствуют в «Военных хитростях» Полиена, то это вследствие конъюнктурных причин — из-за парфянской опасности, угрожавшей восточным границам империи (в 161 г. римляне подверглись унижительным поражениям в Армении). Автор, кроме того, возводит свою родословную к македонским корням, и беспардонно указывает на себя в качестве наследника достоинств людей, которые под руководством Александра были способны покорить персов силой своего оружия. Не имея возможности, — говорит он, — самому поступить на военную службу, он предлагает императорам Антонину и Веру сборник стратегических *exempla* полный наставлений по ведению военных кампаний! Таков же смысл дарственной надписи, с которой около двух веков спустя (около 338 г.), анонимный автор «*Itinerarium Alexandri*» направляет свой труд императору Константину II, готовящемуся к встрече с армией сасанидского царя.

Сравнение персов с парфянами было тем более уместным, что Парфия в свое время входила в число стран, подвластных Великим царям, и в ее составе имела сатрапия, граничившая с Гирканией. Она занимала стратегическую позицию на дороге, которая, связав Экбатаны и Рей, проходила по всей Центральной Азии — так называемый «путь на Хорасан». Весь этот регион сыграл первостепенную роль во время мятежей, разразившихся в Центральной Азии во время захвата власти Дарием I. В январе 521 года Экбатаны стали штаб-квартирой нового царя, а его отец Гистасп отдавал свои приказы из Парфии-Гиркании. Этой же дорогой воспользовался его далекий потомок Дарий III. Весной 330 года он, прежде чем быть убитым в глубине парфянских земель, направился со своей армией в Рей и к выходу в Каспийское море, где ему сообщили о прибытии Александра. Как и любая покоренная страна, Парфия посылала отряды в царскую армию: парфянский отряд фигурирует в составе армии Дария III при

Гавгамелах⁵. Когда Александр забирает власть в свои руки, он поручает пост сатрапа Парфии Амминапу⁶. Для Полибия нет никаких сомнений в том, что Парфия являлась частью земель, принадлежавших Великим царям, «в то время, когда персы были хозяевами Азии»⁷.

Таким образом, Юстиниан легко показывает связь между персами и парфянами, ощущавшуюся в Риме («Александр был на землях парфян»)⁸. Именно в Парфии, в деревне Тара, умер Дарий, из чего Юстиниан извлекает следующее сентенциозное наблюдение: «Я верю, что бессмертные боги решили таким образом, чтобы власть персов угасла именно среди тех, кто должен был наследовать им в их империи»⁹. Со своей стороны, Квинт Курций начинает делать многочисленные ссылки на парфян, как только Александр доходит до этих районов: «Парфияне живут в стране, в настоящее время занятой парфами, пришедшими из Скифии... Цари Македонии владели другими городами, которыми теперь владеют парфы... Медия сейчас занята парфами, которые держат там свои зимние квартиры... Оттуда переходят в Парфиену (Parthylene), страну в то время неизвестную, стоящую теперь в первом ряду народов, расположенных на востоке от Евфрата и Тигра, выходящих к Красному морю»¹⁰.

Связь между парфами эпохи Александра и парфянами римской эпохи также ясно показана Дионом Кассием, который в своей «Римской истории», рассказывая о начале войн Рима против Парфии, делает ретроспекцию в следующей форме:

«Этот народ живет за Тигром, большая их часть живет в фортах и гарнизонах, а также в нескольких городах, среди которых Ктесифон, где находится их царская резиденция. Изначально этот народ существовал уже среди древних варваров (oi palai Barbaroi), и они носили то же название при власти персидских царей. Но в ту эпоху они жили только на ограниченной части страны и не навязывали своего господства ни какой пограничной территории. Но, когда было свергнуто персидское господство и македонское царствование достигло апогея, когда преемники Александра ссорились между собой, деля земли на куски и создавая отделенные монархии, парфы впервые появились под предводительством некоего Аршака. Его наследники звались Аршакиды, etc.»¹¹.

В своем экскурсе о Персии Аммиан Марцеллин также указывает на эту преемственность, напоминая, вслед за Юстинианом, о легендарных истоках династии, с помощью весьма неточной формулировки: «Когда Александр почил в Вавилоне, персы вытащили на свет парфянское имя Арзаса, неизвестного человека, который, будучи вожакom разбойников, стал, благодаря целой череде подвигов, знаменитым основателем династии»¹².

Древние авторы также свидетельствуют о заимствовании или сохранении парфянами ахеменидских обычаев. Хорошо известный благодаря целой серии текстов¹³ обычай Великих царей пить воду только из Хоаспа приписывается Плинием парфянским царям¹⁴. Со своей стороны, Страбон упоминает о том, что парфянские цари меняют свою резиденцию в зависимости от времени года, проводя зиму в Ктесифоне¹⁵. Атений устанавливает их преемственность с Вели-

кими царями, утверждая, что «это были первые люди в истории, которая стали знаменитыми благодаря своему роскошному образу жизни (*truphè*)». Персидские цари были первыми, кто жил таким образом, переезжая из резиденции в резиденцию: «Таким же образом парфянские цари живут весной в Рее, зимуют в Вавилоне и проводят остальное время в Гекатомпиле»¹⁶. Говоря о прибытии Дария III в Экбатаны, Квинт Курций пишет совсем естественно: «Это столица Мидии: в настоящее время она занята парфами, которые живут там летом»¹⁷. И, читая Диона Хризостома, довольно трудно решить, приводит ли он воспоминание о поездке Великого царя или говорит о поездке парфянских царей¹⁸. Таким образом, легко понять, что в пародийном произведении, где он представляет новое завоевание Александра, осуществляемое честолюбивым афинянином, Лукиан смешивает очевидные реминесценции «Анабасиса» Ксенофонта и древних авторов, писавших об Александре (в том числе, вероятно, Арриана) с очевидными ссылками на парфянского царя, чья столица находилась в Ктесифоне¹⁹. В конечном счете Лукиан не более точен, чем иные его современники, и он не ставит историческую точность своей целью: таким образом, он без проблем может приписать Аршакидам столь прославленный у греков золотой платан ахеменидского двора²⁰.

САТРАП ДАРИЯ, ИЛИ ОБРАЗ ИЗВРАЩЕННОЙ МОНАРХИИ

В политических и морализаторских целях древние авторы проводят параллели между Дарием, персами и парфянами, живущими в роскоши и сладострастии, с одной стороны, и с другой стороны — между Александром, Дарием и персами (выделяя тот факт, что Александр проник в страну парфян). Захватив власть Дария, представляясь в качестве мстителя за него и перенимая обычаи ахеменидского двора, Александр в римской историографии сам превратился в Великого царя, в Дария.

Начнем с очень известного пассажа политической фантастики, принадлежащей перу Тита Ливия, где обнаруживаем сравнение между парфянами и Александром: он серьезно утверждает, что их известность и могущество безотчетно подчеркивается «греками, озабоченными восхвалением славы парфян в ущерб римлянам». Автор сам является опытным пользователем *exemplum* и представителем племени писателей нравоучительных историй, что ясно видно из того же его предисловия. Он намеревается «мысленно проследить за постепенным ослаблением дисциплины, начиная с первого отхода от обычаев, что постепенно стало нарастать со скоростью лавины день за днем, и в результате их падение в последнее время стало столь сильным, что средство против этого зла стало столь же нестерпимым, как и само зло». Для него бесспорно, что зло стало результатом внешних завоеваний, в особенности после побед, одержанных Манилием, и его триумфа по возвращению в Рим в 187 году до н.э.:

«Роскошь иностранных наций вошла в Рим именно с азиатскими армиями; именно она ввела в город кровати, украшенные бронзой, ценные ковры, вуали и тонкие ткани... Именно в эту эпоху на пирах стали появляться певички, женщины-арфистки и комедианты для развлечения гостей... повара,

которые были для наших предков самыми последними и наименее полезными из рабов, стали наиболее дорогими, и подлое занятие стало называться искусством»²¹...

Экскурс в эпоху Александра сильно пропитан этими представлениями о прошлом. Тит Ливий хочет объяснить, почему, если бы Александр хотел атаковать Италию, он не имел бы никаких шансов на победу: что он оказался бы лицом к лицу с римлянами, которые в тот момент не были испорчены азиатской роскошью. Иными словами, параллельные воспоминания об Александре и Дарии появляются у него в рамках размышления о негативных изменениях в римских нравах.

Чтобы успешно привести свои рассуждения к намеченной цели, Тит Ливий рассматривает Александра до и после смерти Дария. Конечно, он не отрицает, что, прежде чем уступить персидским обычаям, Александр был великим военачальником (*egregius dux*); кроме того, надо добавить, говорит он, что Александр, единолично командуя войском, мог взять себе всю славу, и у него была возможность умереть молодым, до возникновения возрастных неприятностей и затруднений. Напротив, пишет он, если бы он пошел войной на Рим, то против него стояли бы исключительно достойные римские военачальники, которые наверняка разгромили бы его. Отсюда возникает вполне ожидаемое сравнение: Александр был в состоянии меряться силами только с каким-нибудь «разложившимся» Дарием. В целях демонстрации этого Тит Ливий представляет все в карикатурном виде:

«Царь, тащивший в своей свите толпу женщин и евнухов, наряженный сверх меры в пурпур и золото, нагруженный драгоценной рухлядью, был скорее легкой добычей, чем врагом, и Александр победил его без особого сопротивления. Его заслугой было лишь то, что он не побоялся напасть на это пугало. Италия показалась бы ему весьма отличной от Индии, по которой он прошел во главе пьяной армии и в постоянных дебошах»²².

Обсуждая победы македонца над персидским «огородным пугалом» Дарием, Тит Ливий еще легче расправляется с «ориентализированным» Александром:

«И я еще говорю о том Александре, который не был тогда опьянен благополучием, которое никогда ни для кого не было менее переносимым, чем для него. Если рассматривать его новое поведение и новый характер, который он обрел в результате победы, то, придя в Италию, он был бы более подобен Дарию, чем Александру, и привел бы туда армию, не имеющую ничего общего с Македонией, выродившуюся вследствие восприятия персидских нравов. Я вспоминаю с огромным сожалением, что столь великий царь с презрением сменил свой костюм, с восторгом принимал лесть, требуя, чтобы перед ним падали ниц на землю — нравы, которые были бы невыносимы и для побежденных македонцев, а уже тем более невозможны для македонцев-победителей...»

Образ, как мы видим, очень простой и очень сильный: Александр превращается в персидского царя, в Дария — превращение, обозначаемое термином *degenegare*, который часто обнаруживается в латинских текстах, сообщающих об отвратительной ориентализации Александра: испорченные наслаждениями и мерзостями врага, македонская армия и ее военачальник оказываются неспособными в войне, совсем как перед этим Дарий и его воины, выращенные в «изнеженной Азии».

Диодор рассказывает, как после смерти Дария Александр продолжил свой поход в Гирканию. Один из его наиболее ярких подвигов, описанный у всех древних авторов, любящих красочные «восточные» описания, является любовная встреча с Фалестрис, царицей амазонок, с которой он проводит тринадцать дней и тринадцать ночей любви. У Диодора этот чувственный эпизод отмечает безудержный переход к образу жизни своего побежденного и скончавшегося врага, особенно в том, что касается одежд или царских сожительниц:

«После чего, думая, что он уже преуспел в своем предприятии, и никто больше не сможет оспорить его власти над империей, он начал страстно предаваться персидской роскоши и пышности азиатских царей. Для начала он завел на своем дворе азиатских распорядителей. Затем он назначил своими телохранителями наиболее знаменитых людей, в число которых входил тот же Оксатр, брат Дария. Затем он надел диадему персидских царей и тунику с белыми полосами, пояс и остальную часть нелепого персидского наряда, за исключением штанов и халата с рукавами. Он также разделил между своими компаньонами платья с пурпурной каймой и одел лошадей в персидские сбруи. Затем, как и Дарий, он повсюду возил своих сожительниц, чье число было никак не меньше числа дней в году. Само собой разумеется, что они были женщинами удивительной красоты, так как их выбирали между всеми женщинами Азии. Каждую ночь они собирались возле постели царя, чтобы он мог сам выбрать ту, которая проведет с ним эту ночь. Между тем Александр редко следовал этим обычаям и жил, дорожа старинными традициями, чтобы не шокировать македонцев... Однако многие его тем не менее порицали».

Изображение македонского царя, погрязшего в роскоши и сладострастии, столь типичных для Дария, встречается у всех древних авторов. Вот, например, у Юстиниана²⁴:

«После этого Александр взял наряд персидских царей, а также их диадему, прежде неизвестные у царей Македонии. В результате, образно говоря, он подчинился закону побежденных... Помимо одежды он также захотел подражать сладострастии персов и разделил свои ночи со множеством царских наложниц, прекрасных и высокородных. К этому присоединились пышные пиры, без которых сладострастие казалось бы жалким и сухим, он увлекся игрой в царское великолепие, абсолютно забыв, что при помощи таких обычаев невозможно ничего приобрести, а, напротив, так теряются великие империи».

Отсюда возникло шумно выражавшееся возмущение всей его армии, что он «выродился и изменил своему отцу Филиппу, настолько, что даже отрекся от обычаев своей родины и принял персидские обычаи»²⁵. Филипп действительно «предпочитал бои празднествам и использовал свои огромные сокровища только для военных действий... Отец любил умеренность, сын все больше предавался несдержанности, именно с этими качествами отец заложил основы мировой империи, а сын израсходовал славу этого великого труда»²⁶.

Арриан пишет подобную политико-морализаторскую речь в виде длинного отступления между казнью Бесса (убийцы Дария) и делом пажа Каллисфена. Он осуждает казнь Бесса после его поимки в Согдиане, поскольку, рассуждает он, наблюдаются заимствования достойных осуждения персидских практик:

«Упрекнув его за то, что он изменил Дарию, Александр приказал отрезать ему нос и уши... Я не одобряю это чрезмерное наказание Бесса. Я считаю варварским это калечение и полагаю, что Александр позволил себе вовлечься в соперничество с богатством мидийцев и персов... Никакое завоевание не полезно для счастья человека, если человек, который, совершил эти подвиги, не обладает, в то же самое время, способностью обузывать свои страсти»²⁷.

Он также не одобряет нововведений в устройстве пиров и в одежде македонского царя:

«Я не одобряю того факта, что, будучи потомком Геракла, он одевается по-мидийски вместо того, чтобы одеваться по-македонски, как одевались его предки; и то, что он не постеснялся поменять прическу, которую он, победитель, носил всегда, на прическу под персидскую тиару, прическу побежденных — я не вижу в этом ничего похвального... В вопросе о попойках он также приобрел новые, абсолютно варварские, привычки»²⁸.

Резко возражая софисту Анаксарху, ярый сторонник таких нововведений, Каллисфен, напоминает, что македонские монархические традиции сильно отличаются от персидских норм, и, чтобы обеспечить вполне убедительное подтверждение своим словам, он выбирает в качестве контрпримеров двух персидских царей, которые имели наихудшую репутацию у греко-римских авторов:

«Надо бы тебе напомнить, что ты не прителествуешь ни с Камбизом, ни с Ксерксом, и они не являются твоими советчиками. Ты сын Филиппа... чьи предки властвовали не посредством насилия, но по обычаю»²⁹.

С одной стороны, деспотическая власть, основанная на полном всевластии принца, а с другой — власть, смягченная «обычаями предков»: никакой другой пример, кроме примера персидских царей, не мог проиллюстрировать речь с большей силой.

Даже отмечая возникшую с момента взятия Газы тенденцию македонского царя к перенятию прискорбных иностранных обычаев³⁰, Квинт Курций отно-

сит настоящее начало негативной эволюции Александра и его приближенных к периоду длительной стоянки в Вавилоне, после сражения при Гавгамелах. Относительно этого эпизода Диодор крайне сдержан: «Александр позволил своей армии передохнуть подобным образом после завершения испытаний, которые она только что перенесла. Избыток провизии и гостеприимство жителей побудили его остаться в городе более тридцати дней». Еще меньше он говорит об этом, описывая вторичный приход войск в город, на обратном пути из индийского похода: «Как это было недавно, жители тепло приняли солдат. Все бросились в сладострастие и роскошь: у них было под рукой все, что необходимо для полного довольства»³¹. Диодор весьма прозрачно намекнул на римские идеи о роскоши, духовном упадке и ослаблении военной дисциплины, и Квинт Курций также говорит об этом.

Начиная с вечера разгрома, Дарий, назначенный глашатаем идей автора, разворачивает повествование о грядущем, в котором утверждает, что если он оставит открытой дорогу на Вавилон, то именно потому, что роскошь и женщины неизбежно испортят его противников³². Далее Квинт Курций лицемерно утверждает, что если сатрап Суз охотно переходит на сторону Александра, то это было приказано ему самим Дарием, «дабы трофеи задержали Александра»³³. Описание вавилонских развлечений Александра состоит из множества соответствующих картин:

«Александр жил в этом городе дольше, чем где бы то ни было ранее, и ни в одном другом лагере не было таких проблем с военной дисциплиной. Нет ничего хуже вавилонских обычаев; ничто не может сильнее прельстить и возбудить безудержные страсти. Родители и мужья заставляют детей и родных заниматься проституцией с гостями, несмотря на позор... Эта известная армия, победившая Азию, объевшись, после тридцати четырех дней всех этих мерзостей, была бы безусловно слишком слаба для ожидавших ее опасностей, если бы у нее был враг...»³⁴

Этот пассаж является не чем другим, как разновидностью римской литературы *exempli*. Как показывают первые слова и мораль истории, «стоянка Александра в Вавилоне» легко могла бы быть включена в качестве главы в сборники Фронтини и Валерия Максима, озаглавленные «О военной дисциплине» или «Древние институты». Согласно Валерию Максиму³⁵, так же как Титу Ливию и множеству других авторов, отвратительный «привкус роскоши» был введен в Рим вследствие побед в Македонии и в Азии. Он страстно осуждается, так как он развратил людей и народы, и более всего римлян, так же, как ранее были развращены спартанцы, — таков «Павсаний, который, совершив наиболее прекрасные подвиги, предался азиатским обычаям, и не краснеет от того, что его покинуло мужество, размягченное вследствие воздействия изнеженной жизни, которой он жил»³⁶. Как и целое римское литературное течение, жаждущее быть хранителем и носителем традиционных ценностей, Квинт Курций, даже без особо резких выражений в этом пассаже, разоблачает праздность (*otium*) как нечто противное древним жизненным правилам, позволяющим армии остаться единой, сильной и мощной³⁷. В данном случае праздность сделала армию

слишком слабой (*debilior*), и только отсутствие достойного врага позволяет скрыть очевидное. Таков истинный мотив Квинта Курция, который использует все клише о разложении и распаде, чтобы показать изменения, произошедшие в характере Александра.

Именно по причине римских мотивов и их стереотипного характера легко отыскать соответствующие параллели. Наиболее поразительный пример можно заимствовать у Тита Ливия — это описание стоянки Ганнибала и его армии в Капуе:

«Он отправился на зимние квартиры в Капую. Большую часть проведенного там времени он думал о своих войсках, поселенных в домах города, которые уже давно были проверены в деле, закалены в лишениях и непривычны к роскоши. Избыток трудностей сделал их непобедимыми; но они безоговорочно поддались наслаждениям неумеренного сладострастия, тем сильнее опьяняющих их, чем больше они были их лишены. Они бурно окунулись в развлечения. Долгий сон, вино, пиры, разгул, ванны и отдых, которые привычка делает день ото дня все более привлекательными, развратили их до такой степени, что впоследствии их более защищала слава прошлых побед, чем нынешние силы... Можно также заметить, что армия Ганнибала по выходе из Капуи уже не была столь же боеспособной, как до прихода туда. Почти все жители Карфагена безудержно общались с женщинами легкого поведения; и когда они снова стали жить в палатках, они почувствовали раздражение от солдатской жизни, им недоставало уже и мужества, и сил. Позже, в течение всего лета, они толпами бежали из своих отрядов, и эти дезертиры также скрывались именно в Капуе»³⁸.

Этот *exemplum* — поскольку это он и есть, — также использован Валерием Максимом в главе, посвященной роскоши и удовольствиям самых разных видов (*luxuria* и *libido*):

«Изнеженность Капуи была очень полезна для интересов нашей республики. Она связала Ганнибала силой своей привлекательности. Его невозможно было победить силой оружия, [но он был побежден] злоупотреблением хорошего стола, вина, приятных ароматов и сладострастия, что вынудило его и его армию расслабиться в удовольствиях...»³⁹

Как и другие авторы, Квинт Курций возвращается к этому вопросу после смерти Дария:

«Но когда разум Александра, более стойкого к военным трудам, чем к отдыху и бездействию, был освобожден от повседневных размышлений о преследующих его угрозах, он начал принимать приглашения на развлечения. И он, которого не могли победить персидские армии, был побежден их пороками: длительные пиры, бессмысленная привлекательность долгих попок и бессонных ночей, игры, толпы наложниц. Он позволил себе полностью поменять свои обычаи, переняв иноземные нравы; он принял их для

себя за образец, как желательный образ для своих сподвижников, чем поразили рассудок и оскорбили взгляд своих соотечественников до такой степени, что многие из его друзей считали его предателем своей Отчизны...»⁴⁰

На пирах появились восточные певицы — новинка, о которой Квинт Курций говорит следующим образом: «Отвратительное, невыносимое для чужестранных ушей». Преувеличенно стыдливый, Квинт Курций считает своим долгом извиниться перед своими читателями, поскольку полагает необходимым добавлять непристойные уточнения, в частности о бесстыдстве женщин, которые «в конце снимают одежды с нижней части тела!»

Чуть позже он также рассказывает о любовной встрече с царицей амазонок: «При этом он позволил свободно кипеть своим страстям, изменил скромности и умеренности, которые даже на вершине власти остаются высшими достоинствами, сменив их на гордыню и сластолюбие»⁴¹. Сообщив о введении в обиход придворных персидских обычаев, автор не преминул отметить свое отношение к «здоровым традициям власти, определенным македонскими царями, их гражданский порядок. Александр же взял за образец персидскую монархию».

Но в этом пассаже более интересны совершенно четкие уподобления с Дарием. «Александр надел на голову пурпурную диадему, затканную золотом и серебром, такую же, какая была у Дария... Он прикладывал печать Дария к письмам, направляемым в Азию... У него было триста шестьдесят пять наложниц, точно так же, как было у Дария»⁴², что привело к недовольству македонцев, «народа, непривычного к сладострастию... Их царь стал более похожим на побежденных, чем на победителей, он превратился из македонского военачальника в сатрапа Дария»⁴³. Только у Квинта Курция в этот момент появляется описание истории страсти Александра к молодому евнуху Багоасу, которого уже любил Дарий, что еще более усугубляет негативный образ македонского царя, который с этого времени не прекращал «вырождаться» до такой степени, что «раздавал царства или забирал жизнь согласно причудам одного продажного мужчины»⁴⁴.

Ясно, что осуждение Александра за то, что он превратил «суровую» македонскую монархию в деспотичную власть, испорченную роскошью и сладострастием, направлено также — и даже в первую очередь, — против Дария, его соблазнителя: он представляет собой тип азиатского деспота, который, стоя во главе огромных армий, но без реальной силы, развращен изнеживающей роскошью, которая следует за ним везде, даже во время войны, как утверждал Арриан⁴⁵. Справедливо, что после его смерти память о нем и его наследие подхватил Александр. Считалось также, что Дарий даже назначил своего противника в качестве мстителя за себя цареубийце Бессу, о котором было известно, что он провозгласил себя царем Бактрии, надел царское платье и принял царское имя Артаксеркса. Но, с точки зрения македонской пропаганды, речь здесь идет прежде всего об узаконивании военного наследства и о новой власти, которая намеревается подражать исчезнувшему монарху.

Тем не менее и после смерти Дарий не получает того, в чем ему традиционно отказывается при описании времени открытого противостояния с Александром. В глазах всех авторов римской эпохи Дарий не считается примером, достойным подражания. Он скорее является прецедентом, который надо осмыс-

лить и ни в коем случае не повторять. Кроме того, такой автор, как Плутарх, в своих двух небольших по объему трудах «О судьбе Александра» защищает политику, проводимую его героем по отношению к персам и мидийцам⁴⁶, при этом о Дарии не говорится ничего положительного: напротив, представленный там образ особенно ужасен.

Давайте наконец вернемся к последним фразам надгробной речи Дария у Арриана: «Вот что произошло с Дарием при жизни. После смерти он удостоился от Александра царских похорон, а его дети получили достойное воспитание, которое было бы у них, если бы он оставался царем, и Александр стал его зятем»⁴⁷. Может создаться впечатление, что Дарий получил нечто вроде посмертной реабилитации. Но это не так. Логика речи показывает скорее, что Арриан хочет в этом отрывке еще раз показать благородство Александра — до такой степени, что благодаря великодушию и благосклонности победителя Дарий и сам не остался без должного погребения, и его дети получили воспитание, достойное своего рождения. При этом одна из его дочерей становится женой царя (благодаря браку, который несколькими годами позже Александр заключил с ней). Иными словами, до самого конца персидский царь оказался не в состоянии самостоятельно выполнить все свои общественные и личные обязательства.

ПЯТЬ ИМПЕРИЙ

Уже неся в себе часть ответа, предшествующий анализ приводит к необходимому вопросу: является ли суждение о поведении Дария III в римской литературе чем-то особенным, или оно основывается на общей оценке персидской монархии?

В концепции времени, которое мы называем ахеменидским периодом, включена одна из стадий политической эволюции, которая неумолимо привела к мировому господству Рима. Эта теория очень четко отражена в предисловии «Историй» Полибия или во введении к труду «Римская античность» Дионисия Галикарнасского. Первый «интересуется вопросом, как и благодаря какому правлению римское государство смогло — совершенно невиданная вещь, — распространить свое царствование практически на всей земле, и это произошло менее чем за пятьдесят три года». При этом он упоминает «наиболее значительные империи прошлого, те, которые привлекли наибольшее внимание историков», те, «которые можно счесть сопоставимыми»: среди них упоминаются персы, пелопонессцы, македонцы. В более обширном отрывке Дионисий ссылается на ассирийцев, мидийцев, персов, а затем на македонцев.

Рассуждения подобного типа постоянно встречаются у авторов, пишущих об эволюции политических сообществ до возникновения всемирной власти Рима. Их можно найти, например, у Веллея Патеркула, в его пассаже относительно «власти в Азии» от ассирийцев (Сарданапал) до мидийцев (Арбак), где он использует римскую хронологию Эмилия Сура: «Ассирийцы были первыми из всех народов, которые установили гегемонию; следующими были мидийцы, затем персы, македонцы, и наконец гегемония пришла в Рим... Нин был первым ассирийским царем, следовавшим гегемонии»⁴⁸. Позже (конец V в. после Р.Х.) Зосима, этот «Полибий эпохи упадка», четко показывает модель наследования персидского, македонского, а затем римского владычества⁴⁹. Оспаривая

своих оппонентов в вопросе оппозиции между христианством и язычеством, Орозий в начале V века после Р.Х. также использовал навязанную древними авторами модель, согласно которой власть переходила от Нина, первого ассирийского царя, и Семирамиды, к Сарданапалу, при котором «власть перешла от ассирийцев к мидийцам», а затем к персам, которым Орозий посвящает довольно много глав, прежде чем перейти к Александру, «этому бедствию», а затем к эллинским царствам и к римским завоеваниям⁵⁰.

Эту теорию последовательности империй упоминает Арриан в прогнозе *post eventum* относительно сражения при Иссе: «Это ужасно, что персы увидят, как македонцы перехватят у них гегемонию в Азии так же, как персы захватили ее у мидийцев, а те — у ассирийцев»⁵¹. То же самое он говорит по поводу индийцев, завоеванных Александром: «Эти народы были ранее завоеваны ассирийцами, затем — мидийцами, после чего их покорили персы, и они платили за свои земли дань Киру, сыну Камбиза»⁵². Отсюда тот престиж Кира, к которому апеллирует Дарий перед сражением при Гавгамелах: «Нетленна память о Кире, который забрал власть у мидийцев и лидийцев и передал ее в руки персов»⁵³. В лукиановском диалоге Кир также упоминается: «Кир, сын Камбиза, передал персам империю мидийцев. Он победил ассирийцев и овладел Вавилоном. И сейчас он готовит поход против лидийцев, чтобы расправиться с Крезом и стать таким образом властелином мира»⁵⁴.

Рассматриваемые с точки зрения всеобщей истории (*koinè historia*), такой, как ее видит Дионисий Галикарнасский, римляне располагаются в длинной цепочке преемственности завоевателей, но в то же самое время они отличаются от предшественников невероятной мощью и завершенностью своих достижений — отсюда, например, тот престиж, который автор связывает с завоеваниями Помпея: «Иберийцы никогда не покорялись ни мидийцам, ни персам; они даже избежали македонского царствования, поскольку Александр быстро оставил Гирканию. Между тем Помпей обратил их в бегство в ходе великой битвы»⁵⁵. Именно этот тезис развивает Плутарх в своем небольшом по объему историческом труде «Судьба римлян»:

«Доблесть и добродетель⁵⁶, вероятно, примирились между собой, объединились, и, однажды объединившись, осуществили и завершили вместе самый прекрасный из человеческих трудов... Долгое время величайшие империи мира развивались и сталкивались по воле случая, поскольку среди них не было явного первенства, а каждый его страстно желал. В результате оставались одни руины и всеобщая нестабильность. Это продолжалось до того момента, когда Рим, набравший полную силу и достигший абсолютного развития, связал не только все присоединенные им народы и нации, но также и иноземные царства, расположенные за морями. Высшая власть стала стабильной и устойчивой. Таким образом, на мирных землях единая верховная власть безошибочно пошла по единственному пути»⁵⁷.

Надо воспринимать греческий термин *agété* в смысле мужества, то есть в смысле *virtù*: таким образом, это сила, мужество и ум, сознательные и организованные, противопоставляемые неконтролируемым капризам слепого случая,

судьбы (Tuchè). Плутарх говорит, что неслыханные успехи римлян являются следствием уникального союза собственного желания и выбора Тихе.

Напротив, Александр обязан своими успехами единственно arètè, в то время как персидские цари обязаны своим могуществом единственно Tuchè. Таким образом, мы видим здесь повторяющиеся рассуждения об универсальной гармонии и «исторической цели», созданные и распространяемые гегемонистской властью, которая только что покончила с разобщенностью. Давайте подумаем об обеих речах Плутарха, озаглавленных «De Fortuna Alexandri», который представляет Александра как объединителя разобщенного мира и вдохновителя универсальной гармонии. Различные народы отныне соединены греческими культурными нормами: «Более счастливы были побежденные Александром чем те кто ускользнул от его завоевания, так как не нашлось никого, кто вырвал бы их из их несчастной жизни, в то время как победитель силой привел побежденных к счастью»⁵⁸. В IV веке после Р.Х. Евсевий Кесарийский повторил подобные рассуждения в «Евангельских набросках», на сей раз с эсхатологической точки зрения, навязанной христианством, и используя ссылки, неявно, но вполне очевидно почерпнутые у Фукидида и Плутарха:

«То, чего не было еще никогда в истории, чего не осуществил ни один известный человек прошлого, возникло единственно из слов нашего Спасителя... Обычаи всех наций одинаковы и справедливы, и у всех они ранее были скотскими и варварскими... Теперь уже, став его учениками, персы не сочетаются браком со своими матерями, скифы оставили людоедство... Другие расы варваров не совокупляются более в инцесте со своими дочерьями или сестрами... Это было прежде; но сегодня этого нет совершенно, единственный спасительный закон уничтожил скотскую и бесчеловечную проказу всех подобных обычаев»⁵⁹.

Подобные речи неизбежно ставят предыдущие гегемонистские попытки на их «законное место»: у Полибия, Плутарха, Дионисия Галикарнасского и многих других предшественники Рима, в том числе Персидская империя (кратко, но по необходимости упоминаемая⁶⁰), могут рассматриваться только как блеклые эскизы гармоничной картины, которую один лишь Рим оказался в состоянии нарисовать в совершенстве:

«Фортуна оставила персов и ассирийцев, легким своим крылом ненадолго осенила Македонию, но вскоре сбросила Александра вниз, пронеслась через Египет и Сирию, возводя там и тут троны, а затем, отклонившись в сторону, несколько раз воодушевила жителей Карфагена; наконец, явившись на Палатин, в момент пересечения Тибра, она сложила крылья, сняла сандалии и оставила свое неверное и ненадежное занятие. Таким образом, она прибыла в Рим, решив там остаться навсегда»⁶¹.

Хотя времена изменились, Клавдий в 400 году после Р.Х. неумоимо ведет те же речи, как будто для того, чтобы убедиться, что в них есть некая магическая сила, укрепляющая в период смут и волнений, сила, которую знала древняя Римская империя:

«Римская власть никогда не закончится; другие империи пали жертвами пороков, порождаемых роскошью или ненавистью, которые внушает гордыня; именно так Спарта разрушила хрупкое величие Афин, чтобы, в свою очередь, изнемочь под превосходством Фив; именно так Мидия выхватила власть у ассирийцев, чтобы, в свою очередь, отдать ее персам, которые позднее были побеждены Римом. Но у Рима, чтобы удержать эту власть и оживить религию Нумы, были оракулы Сивиллы»⁶².

С точки зрения Плутарха, одним из знаков яркого превосходства Рима является то, что он смог выйти за собственные пределы и захватить иноземные царства «за морями»: преодоление морского пространства, похоже, ощущается как основополагающий акт победы и гегемонии. Формулировка *terra magique*, «на земле, как на море», появившаяся в Риме около 67 года до Р.Х., наилучшим образом выражает разницу масштабов, в том числе при соотнесении с Александром. Заявление Плутарха также находится в дискурсивной гармонии с общим мнением Полибия и Дионисия Галикарнасского, согласно которому персы, напротив, никогда так и не сумели ни перейти морские границы Азии, ни приручить время, откуда и последовало ограничение их гегемонистским устремлениям:

«Каждый раз, когда они в этом упражнялись, они подвергали опасности свою власть и само свое существование [Полибий]... Они не сохранили свою империю дольше двухсот лет [Дионисий]... Мы увидим, что они далеки от римской гегемонии, которая предпочтительнее всех прочих, предшествовавшей ей на человеческой памяти, не только вследствие величия империи и красоты ее деяний... но и по причине ее длительности — история начиналась в глубокой древности и дошла до наших дней».

Такова же искаженная картина славного ахеменидского прошлого, существующая у Аммиана Марцеллина⁶⁴:

«Достаточно хорошо известно, что обширные завоевания этого народа распространили его власть до Пропонтиды и Фракии, покорив огромное число стран, но гордыня его честолюбивых властителей заставила осуществлять нападения на земли чересчур удаленные, что в конечном итоге спровоцировало его ослабление за счет сильных встречных ударов, начиная с Кира: он преодолел Босфорский пролив с неисчислимым воинством и был уничтожен скифской царицей Томирис, мстительницей, которую направляли ее сыновья. Затем Дарий, а после него Ксеркс, атаковавшие Грецию и потрясшие весь мир до самых основ — они со своими войсками были практически уничтожены как на суше, так и на море. Они едва нашли способ спасти самих себя».

Видно, что, вопреки заявленному намерению исправить ошибки предшественников⁶⁵, Аммиан без стеснения обращается со своими источниками: он смешивает часть описания похода Ксеркса за Босфор и поход Кира в Централь-

ную Азию против саков (скифов), описанный у Геродота⁶⁶, с мифическим противоборством с Томирис, царицей амазонок. Имеется также некоторая путаница между походом Дария в Грецию и тем, который Ксеркс возглавлял собственной персоной. Но, как известно, точность не являлась основной заботой автора: в его задачу входит набрать как можно больше примеров из *exemplum* для того, чтобы составить впечатляющую и убедительную речь.

Страбон, со своей стороны, в кратком экскурсе в период персидской истории между Киром и Дарием III, не упускает возможности подчеркнуть печальную судьбу персов, которые, сохранив «гегемонию над Азией в течение приблизительно двухсот пятидесяти лет, были завоеваны македонцами; а затем подпали под власть парфян»⁶⁷.

Подобная очевидность, принятая практически всеми, не требовала долгих книжных исследований, посвященных тщательным исследованиям истории персидской монархии. Конечно, пример Страбона показывает, что была известна последовательность династии великих царей, что авторы того времени были также информированы о многочисленных придворных обычаях, переданных авторами «*Persika*» и компаньонами Александра, объединенных в сборниках *exemplum*, в том числе в специализированных сборниках — таких, как, например, ныне утраченный сборник, озаглавленный «Особенности Персии», приписывавшийся некоему Гераклиду Александрийскому⁶⁸.

К тому же руководители Рима должны были также столкнуться в ходе своих новых завоеваний с проблемами, связанными с их положением наследников — пусть даже весьма отдаленных, — Персидской империи. Например, Тацит сообщает, что во времена Тиберия сенаторская комиссия вела расследование в Малой Азии, с целью решить, необходимо или нет сохранить привилегии, затребованные храмами и некоторыми населенными пунктами⁶⁹; некоторые из местных руководителей ссылались на уставы, установленные ахеменидскими царями, в особенности Киром и Дарием I. Именно в эпоху римской империи изобретательные фальшивомонетчики создали подробный документ, вырезанный в камне на греческом языке, который представлял собой письмо, посланное Дарием I одному из его подчиненных, по имени Гадат, в Малую Азию. Это письмо обосновывало налоговые привилегии, на которые ссылался алтарь Аполлона во времена римского господства.

Также возможно (но здесь далеко до уверенности), что парфянские и сасанидские цари потребовали у римлян признания статуса законных наследников ахеменидского величия. Согласно Диону Кассию, Ардашир намеревался «потребовать то, чем обладали его предки, вплоть до греческого моря». Сасанидский царь возводил свой род к Киру, «первому, кто передал мидийскую империю в руки персов», и упоминал при этом Дария, «их последнего царя, погибшего от руки Александра Македонского»⁷⁰. Не без здравых причин подобный тезис ставился некоторыми историками под сомнение. Они утверждают, что подобные декларации, известные исключительно по греко-латинским источникам, являются скорее продуктом римской пропаганды. Давайте отметим, что этот тезис, похоже, формулируется с помощью ссылки на теорию наследования империй, с использованием типичного греко-римского определения, которое обычно соединяется с образом Дария III. Из всего этого можно увидеть только

то, что римляне не забыли ни о существовании в прошлом персидско-ахеменидской империи, ни о ее территориальной протяженности, но в этом нет ничего неожиданного: в конце концов, страны между Средиземным морем и Евфратом, на которые распространялся римский протекторат, переплетались с западными сатрапиями Великих царей.

И наконец, римские военачальники должны были сражаться в Малой Азии с династиями, которые претендовали на то, чтобы быть потомками Кира и Дария, — такова, например, Понтийская династия. В триумфальном кортеже после победы над Митридатом, «шестнадцатым потомком Дария, сына Гистаспа, царя персов», фигурировало даже «ложе [пиршественное] Дария, сына Гистаспа»⁷¹. Среди наиболее близких Митридату людей мы видим его сыновей, имеющих имена Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс⁷². Тот же Помпей также победил «Дария, царя мидийцев»⁷³. В триумфе Гая находился Дарий Аршакид⁷⁴. Римляне знали также о царях династии Коммагены, которые, согласно письменным и художественным свидетельствам, связывали себя с Дарием, сыном Гистаспа. Но эти выражения более или менее фиктивных прав наследования не предполагали и не создавали базы для точных знаний об эпохе царствования ахеменидской Персии.

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ EXEMPLA

В сущности, то, что знали римляне о прошлом персов, пришло к ним главным образом через очень косвенные отголоски полемики, которую они читали у греческих классиков, в особенности Геродота, а также Платона, Ктесия, Ксенофонта и придворных хроникеров кампаний Александра. И Великие цари у авторов римской эпохи занимают положение слабых, можно даже сказать, анекдотическое. Лишь некоторые персонажи избежали этой участи благодаря главным образом Плутарху и Корнелию Непоту — Артаксеркс II и близкие к нему люди: брат Кир Младший, его мать Парисатида, а также такие сатрапы, как Оронт и Датамес. Среди других царей наиболее часто упоминаются Кир, Дарий и Ксеркс: это произошло благодаря Геродоту, Платону и еще более Ксенофонту с его «Киропедией», который первым создал модель хорошего царя, ставшую известной в классический период и сохранившую этот статус в римскую эпоху.

Если образы Дария и Ксеркса так хорошо сохранились в памяти в виде анекдотов и апофтегм, то это произошло вследствие широкой распространенности нравоучительных анекдотов, имевших отношение к мидийским войнам. Пародийный пассаж в «Мастере риторики» (§ 18) Лукиана показывает, что некоторые эпизоды мидийских войн систематически вносились в сборники анекдотов, построенных на историческом фоне:

«Пусть все твои речи заканчиваются упоминаниями Марафона и Кинегира, ибо без них ничего невозможно добиться, постоянно говори о переходе Афона под парусом и Геллеспонта пешком. Пусть в твоих речах через слово упоминается солнце, которое закрыли от взгляда мидийские стрелы, бегство Ксеркса, Леонид, восхищенный расшифрованной надписью Офриада, Саламин, Артемизион и Платей».

Таким образом, становится ясно, что ужасная репутация Ксеркса поддерживается и писателями римской эпохи. Анекдоты Валерия Максима, в которых выведен Ксеркс, полностью основываются на его греческом походе. Он остался в памяти только потому, что выведен в упоминающих его *exempla* как тот, кто принял своего победителя Фемистокла, изгнанного афинянами⁷⁵. Все упоминания о нем весьма неблагоприятны: он не принимает в расчет ни предзнаменования, ни мнение специалистов (магов)⁷⁶; он сносит статуи, похищенные у афинян⁷⁷; будучи «во главе целой Азии», он оказывается неспособным противостать маленькому отряду решительно настроенных спартанцев и побеждает их только предательством⁷⁸, его постигает катастрофа⁷⁹ в то время, как он предпринял безумную попытку сковать море цепями⁸⁰; он ответственен за потерю «всей молодежи объединенной Азии, служившей в его армии»⁸¹; побежденный, он постыдно поддается страху и убегает⁸². У него не только нет здравого смысла, у него даже рассудок помутнен⁸³, он надут от гордости и отсутствия чувства меры, о чем говорит и его имя (*sic*)⁸⁴; к поражению и развалу его империи также привела его любовь к роскоши и удовольствиям⁸⁵.

Нет никаких сомнений в том, что мидийские войны по-прежнему рассматриваются как показательное событие, сохранившее бесспорную оперативную ценность в идеологических и политических рамках столкновения с парфянами. Но еще чаще в хвалебной литературе римской эпохи приводится в качестве контр-примера эпизод гордыни Ксеркса, который хотел превратить море в континент (мосты на Босфоре), и его окончательный провал. Эти истории были особенно полезны в качестве *exempla* для тех, кто доказывал уникальность римской власти, которая одна достойна доминировать над всем известным миром, «как на суше, так и на море».

Разумеется, согласно времени и обстоятельствам, прецедент мог быть использован по-разному. В начале V века после Р.Х. Клавдий был убежден, что огромная армия Стиликона, идущая против варваров, является лишь прецедентом, который он считает весьма обнадеживающим:

«Никогда столь значительные силы, говорящие на столь различных языках, не подчинялись единому командованию... Говорят, что подобным образом армия, которую Ксеркс собрал на краю света, осушала реки, встречавшиеся ему на пути, омрачала свет дня, в то время как его флот преодолевал подводные камни и наводил мост на море, чтобы его можно было перейти, не замочив ног»⁸⁶.

Клавдий мог бы также сослаться на войска Дария III, численность которых греческие и римские авторы регулярно раздували до абсурдных величин. Они не упустили также возможности упомянуть проблемы, вызванные разнообразием языков, которыми пользовались представители различных воинских контингентов⁸⁷. И опять мы видим здесь скорее пример образцового *exempla*, а не серьезный исторический анализ.

Упоминание о некоторых из Великих царей мы находим в труде «De Ira» Сенеки, который по-своему использует примеры, прямо или косвенно взятые из чтения «Историй» Геродота. Особенно он нацеливается в Камбиза: он чересчур

увлекается вином и впадает в пьянство во время пира, больше смахивающего на пьяную оргию, он, как бы играя, убивает молодого персидского аристократа⁸⁸; он бросается в абсурдный военный поход, в течение которого его солдаты умирают тысячами⁸⁹. Дарий также осужден Сенекой за то, что он убивал персов, которые не хотели принимать участие в его походе⁹⁰. Ксеркс действует аналогично в подобной же ситуации: «Его судьба была такой же, какую он заслужил: побежденный, впавший в поражение, видя повсюду, как рушится его судьба, он шел между трупами своих людей»⁹¹. По логике самой речи Сенеки, Кир также не избегает достаточно негативного суждения, так как он вспыллил на реку, и по этой причине его поведение оценивается как буйное помешательство (*fugor*): «Он потерял, таким образом, и время, столь важное в подобных обстоятельствах, и энергию солдат, которую он извел на бесполезный труд, и возможность внезапно атаковать. Он объявил войну реке, вместо того чтобы объявить ее своим врагом»⁹².

В целом нетрудно понять, как древние авторы отбирают и строят свои нраво-учительные истории. Хотя, согласно испытанной временем технике риторики, они любят ссылаться на авторитет «древних документов»⁹³, их информационная работа сводится чаще всего к быстрому прочтению греческих произведений (в случае персидских анекдотов, написанных Сенекой, это был Геродот), или — еще проще, — сверяясь с уже написанными и изданными сборниками *exempla*

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРИ В ИСТОРИЯХ ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Римские авторы, которые вставили упоминания о персидских царях в свои истории о походе Александра, действовали точно так же. Ярчайшее тому подтверждение — речь, вложенная в уста Каллисфена, который противится нововведениям Александра в его дворе после смерти Дария III и хочет разрушить аргументы, выдвинутые Анаксархом для защиты и иллюстрации политики царя. Негативные ссылки, выдвинутые философом, недвусмысленны — они призваны подчеркнуть противопоставление между высокомерием абсолютных деспотов и их военной беспечностью, особенно явно выражаемой по отношению к врагам, о которых им известно, что они более слабы, чем они сами. Досталось всем Великим царям, начиная с Кира и кончая Дарием III:

«Ты не часто встречаешь и советуешься не с каким-нибудь Камбизом или Ксерксом, но с сыном Филиппа... Надо тебе напомнить, что Киру нанесли поражение скифы, народ бедный и независимый, и что, в свою очередь, Дарию преподнесли урок также скифы, Ксерксу — афиняне и спартанцы, Артаксерксу — Клеарх и Ксенофонт, с их Десятью Тысячами, а нашему Дарию — Александр, перед которым никто не падал ниц».

Если в этой обвинительной речи, направленной против персидских царей и Александра, идеологическая нагрузка главным образом падает на Камбиза и Ксеркса — как одного, так и другого греки осуждали за их жестокость и нетерпимость, — то можно увидеть, что Кир здесь также заклеямен за поражения, на том же основании, что и Артаксеркс II и Дарий III. Тем не менее в целом он пользуется особым статусом и престижем, по причинам, которые легко понять.

Он был основателем империи, «он установил гегемонию персов... Он забрал власть у мидийцев и лидийцев, чтобы передать ее Персии»⁹⁵. Он был «наиболее предприимчивый монарх Азии, чему доказательством является его поход против скифов⁹⁶ и в Центральную Азию, где он основал город Кирополис⁹⁷. Благодаря победам в царских резиденциях накопились огромные богатства, которые затем попадут в руки Александра, и Персеполь в том числе⁹⁸: «Там были огромные сокровища, много золота и серебра. Оно накапливалось со времен Кира, первого царя персов»⁹⁹. Могущество и слава демонстрируются великолепием основанной им столицы, Пасаргады, где располагается его гробница, многословно описанная компаньонами Александра¹⁰⁰, и перед которой маги продолжают приносить традиционные жертвы¹⁰¹. Его известность такова, что в формулировке, где видна рука известного риторика, каким был Квинт Курций, Александр «удивляется, что погребение столь славного и богатого царя не было более роскошным, чем у какого-нибудь плебея»¹⁰². Известность Кира связана не только с его победами, но и с его умом и проницательностью (ρηγοῦντα): по этой причине Плутарх упоминает его в начале списка знаменитых людей (Агесилай, Фемистокл, Филипп, Брасид, Перикл), от которых Александр унаследовал особые достоинства¹⁰³.

Если Кир стоит особняком в рассказах о походах Александра, то это потому, что македонский завоеватель сознательно хотел приспособить для себя его память, представляясь как его преемник. В качестве «первого царя персов и основателя их гегемонии в Азии» Кир действительно обладает царской легитимностью и наделяет ею своих преемников. Цари надевали мантию Кира в ходе церемонии инвеституры в Пасаргаде¹⁰⁴. Они были преемниками Кира в непрерывной династической цепочке¹⁰⁵, за исключением Дария III, обвиненного в том, что он присвоил трон знаменитого основателя династии. Таким образом, ясно, что, согласно Арриану, который долго описывает меры, предпринятые Александром в Пасаргадах, македонский царь «имел в глубине души намерение после победы над персами нанести визит к гробнице Кира»¹⁰⁶. Древние авторы без колебаний поддерживают версию о том, что Александр перевел на греческий язык надпись на стене гробницы, которая гласила: «Я, Кир, тот, кто дал власть персам»¹⁰⁷. Страбон говорил об Александре, что тот был «другом Кира»¹⁰⁸. И то, что царь намеревался пощадить Кирополис, несмотря на мятеж, является следствием того, что «ни один другой царь из противостоявших ему не внушал ему большего восхищения, чем Кир и Семирамида»¹⁰⁹. В то же самое время он вступает в соперничество с моделью, которую намеревается как повторить, так и превзойти. «Никто другой не вторгнулся с войной в земли индийцев, кроме Кира, сына Камбиза. Он дошел до земель скифов и был наиболее предприимчивым из азиатских монархов»¹¹⁰. Кир, согласно Арриану, не преодолел просторы Гедросии: «Он пришел в эти земли с намерением захватить индийскую территорию; но, прежде чем он смог достичь своей цели, он потерял почти всю свою армию. Солдаты стали жертвами пустыни и непреодолимых трудностей пути; эти факты, сообщенные Александру, возбудили в нем чувство соперничества по отношению к Киру и Семирамиде».

Александр намерен сохранить для себя одну всемирную славу «первого царя персов». Отсюда ожесточение против Орксина, захватившего власть в Пер-

сии во время индийского похода, представленного Квинтом Курцием следующим образом: «Будучи родом из Семи Персов»¹¹¹, он намеревался представить дело так, будто он является прямым потомком великого царя Кира... благородство и фортуна которого поставили его выше всех варваров»¹¹². Со своей стороны, Дарий также пытается привлечь на свою защиту Кира, и перед битвой при Гавгамелах он обращается к его памяти со следующими словами: «Нетленная память о Кире, который отнял власть у мидийцев и лидийцев, чтобы передать ее персам»¹¹³. С точки зрения Александра, такая претензия невыносима, о чем он утверждает в речи, которую вкладывает в его уста Квинт Курций: «Сам Дарий не получил Персидскую империю по наследству; он достиг трона Кира только благодаря евнуху Багоасу».

Если вернуться теперь к Дарию и Ксерксу, то они появляются только в упоминаниях о мидийских войнах, под видом царей, о которых Александр заявляет, что против их памяти он ведет репрессивную войну. И в речи, произнесенной Александром перед сражением при Иссе, отмечено: «Если бы он обратился к грекам, то напомнил бы им вторжения в Грецию этих народов, когда сначала наглый Дарий, а затем и Ксеркс, потребовал у них землю и воду... Он напомнил бы им, как были дважды уничтожены их храмы мечом и пламенем, как были взяты приступом города, как были осквернены все человеческие и божественные соглашения»¹¹⁵. Обвинения против них содержались в письме, которое царь посылает Дарию: «Дарий, имя которого ты носишь, опустошил и разграбил берег Геллеспонта, на котором живут греки, а также греческие колонии Ионии; затем с большой армией он пересек море, принеся войну в Македонию и Грецию. И снова царь своего народа, Ксеркс, пришел атаковать нас со своими дикими воинствами варваров... Опустошать наши города, сжигать наши деревни... Войны, которые вы предпринимаете, кощунственны»¹¹⁶. Персеполь обречен на разрушение, так как именно оттуда вышли армии Дария и Ксеркса в свой святоотцовский поход¹¹⁷. Несмотря на могущество, Дарию и Ксерксу не удалось сделать греков рабами персов.

Особенно ясно, что воспоминание о Ксерксе постоянно присутствует в рассказах о высадке Александра и его троянских подвигах, даже если его имя там не упоминается. Квинт Курций разоблачает предателей, которые «хулили» Бранхидов: «Чтобы понравиться Ксерксу, они осквернили храм в Дидимейоне»¹¹⁹. За ним также следовали беотийцы, которые обосновались в Вавилоне, где находились до прихода Александра¹²⁰. Ксеркс вывез из Греции статуи, которые он поместил в Вавилоне. За кощунства, совершенные им в Греции, ему отомстила куртизанка Таис, о которой известно, что она привела людей, которые подожгли дворцы Персеполя¹²². Александр подчеркивает, что персы «понесли бы, от лица греков, самое суровое наказание, если бы они были обязаны видеть его на троне и во дворце Ксеркса»¹²³. Плутарх сочиняет даже немой диалог между Александром и Великим царем во время осады Персеполя, диалог, который свидетельствует, впрочем, о двойственном взгляде на персидскую монархию:

«Видя огромную статую Ксеркса разрушенной толпой тех, кто спешил ворваться во дворец, он остановился и обратился к нему с речью, как к живому: “Должен ли я пройти, — сказал он, — оставив тебя распростертым на

земле, из-за твоего похода против греков, или я должен отдать тебе должное за твое великодушие и мужество, которое ты выказал?» В конечном счете, после долгих размышлений, он пошел дальше»¹²⁴.

Если, на том же основании, что и Камбиз, Ксеркс считается типом нечестивого деспота¹²⁵, то это потому, что его пагубные действия приносили зло также и его собственным народам¹²⁶: «При входе в Вавилон Александр предложил вавилонянам восстановить храмы, которые Ксеркс заставил уничтожить, в особенности храм Бела, бога, которого вавилоняне почитали более всего»¹²⁷. Арриан возвращается к этому при описании второго пребывания Александра в Вавилоне: «Храм Бела был стерт с лица земли Ксерксом после его возвращения из Греции, как и все другие алтари Вавилона»¹²⁸. Отвратительный образ Ксеркса и его огромных армий время от времени появляется в историях, передававшихся в Греции после мидийских войн; но история разрушения храмов Вавилона, похоже, была изобретена либо после прихода Александра, либо в годы, последовавшие после его ухода. В римскую эпоху она стала практически канонической. Арриан постоянно обращается к ней при упоминании историй о мерах, которые предпринял Александр в Экбатанах после смерти Гестеиона: «Другие авторы говорят (но я им не верю), что Александр заставил снести до основания храм Асклепия в Экбатанах: деяние, достойное варвара, и нисколько не связанное со всем тем, что мы знаем об Александре. Это деяние, напротив, скорее пристало гордыне Ксеркса и очень хорошо согласуется с историей о цепях, которые, как говорят, он велел погрузить в Геллеспонт, намереваясь тем самым отмстить Геллеспонту»¹²⁹.

Ссылка на Ксеркса также присутствует в двух небольших по объему трудах Плутарха «Fortune d'Alexandre». В этом чисто риторическом произведении Плутарх намеревается доказать, что Александр был царем-философом, какого мир никогда не знал. Его победы объясняются не вмешательством Фортуны (Тυχή), а его личными качествами (αρετή). Чтобы успешнее доказать это, Плутарх, естественно, вынужден часто сравнивать успехи Александра с достижениями других монархов, среди которых немало персидских правителей. Среди них Ксеркс, оцениваемый как «неразумный варвар, который потратил столько бессмысленных усилий для того, чтобы возвести над Геллеспонтом мостки», в то время как «разумные монархи соединяют Азию и Европу не балками, плотами, безжизненными и нечувствительными связями, но законной любовью, целомудренными свадьбами, общим потомством»¹³⁰. Это очевидная ссылка на браки между македонцами и иранками, которые очень приветствовал Александр. Чтобы лучше продемонстрировать, что Александр всем обязан именно своим личным качествам и личным подвигам и ничем не обязан богине Тихе, Плутарх намерен противопоставить условия его вознесения на трон тому, как пришли к власти персидские цари. В длинном пассаже он встраивает Дария III в целый ряд царственных наследников, которые, в отличие от Александра, не обладали ни одним из необходимых качеств:

«Я рассматриваю роль, которую сыграла Фортуна, и все доводы тех, кто считает, что именно ей Александр обязан своим величием. О, Зевс, почему это не

говорится о человеке, который никогда не был ранен, никогда не проливал свою кровь, никогда не сражался? Человеке, которого возвело на трон Кира ржание лошади, как первого Дария, сына Гистаспа¹³¹, или о том, кто поднялся туда благодаря ласкам, расточаемым другому человеку его супругой, как Ксеркс, который вступил на трон вследствие маневров Атоссы по отношению к Дарию? Можно ли овладеть венцом власти над Азией так, как это сделал он, который пришел к власти благодаря интригам Багоаса, нашедшего Оарса, которому нужно было только сбросить рубище посылного и облачиться в царскую мантию, правильно причесаться и надеть венец на голову?»¹³³

Верный читатель Геродота, как и все греки, Плутарх почерпнул у него образы Дария и Ксеркса, но он использует их в иронической и полемической форме, которой совсем не было у автора, которым он воспользовался. Что касается «этих царей, которые никогда не были ранены, кто никогда не проливал свою кровь», речь по-прежнему идет о персидских царях, «Охах¹³⁴, Артаксерксах, которых с момента рождения Фортуна вознесла на трон Кира»¹³⁵. И, несколько путая Дария с Арсесом, Плутарх расценивает Дария III как «раба и посылного Великого царя». В то время как Александр сделал себя сам, совершенно самостоятельно, в то время как ему пришлось сражаться против все более грозных врагов, такие люди «как Артаксеркс, брат Кира, были провозглашены царями после их отцов, при их жизни; они одержали победы без слез, провели свою жизнь в празднествах, организуя торжества и театральные постановки. Наконец, каждому из них повезло — он смог состариться на троне»¹³⁶. Здесь мы видим одну из излюбленных проблем эллинистической политической философии: будет ли лучшим царем сын царя или сын простого частного лица? Именно поэтому помимо Артаксеркса II Плутарх упоминает Антиоха, сына Селевка или Птолемея Филадельфа, указывая на то, что сыновья только и делают, что без труда прибирают себе наследство, завоеванное со славой их отцами, боевыми товарищами Александра Великого.

Именно в этом контексте Дарий, «тот, который был побежден Александром», упомянут в пассаже в «Пестрых историях» Элиана: он описывается там как сын раба; персидский царь является частью (как и Дарий I, «носитель колчана Кира») списка вождей и царей, вышедших из полной неизвестности¹³⁷. Валерий Максим также посвятил этому вопросу целую главу — «Люди скромного происхождения, ставшие великими»¹³⁸. Персидских царей там нет, но автор, который прочитал Геродота¹³⁹, не забыл упомянуть анекдот, в котором Дарий I показан в то время, когда он был простым частным лицом. Этот *topos* использован Непотом, который считает, что «Кир и Дарий, сын Гистаспа, наиболее значительные фигуры среди тех, кто присоединил к своему имени неограниченную власть. И тот и другой, они оба были простыми частными лицами, когда за свои заслуги они добились царской власти»¹⁴⁰. Действительно, как уже говорил Платон, не будучи сыновьями царя, они избежали недостатков и пороков, присущих дворцовой жизни¹⁴¹. Но на этот раз, перед лицом героической судьбы Александра, предполагаемое неясное происхождение персонажа толкуется не в пользу этого персонажа: остается только определение «Дарий, который был побежден Александром».

Обращаясь напрямую к богине Тихе, Александр добавляет к осуждению сравнение, которое еще больше обесценивает его противника: «Твое произведение — это Дарий, раб и посыльный Великого царя, из которого ты сделала хозяина Персии, Сарданапала, который интригой получил пурпур, и которого ты украсила царским венцом»¹⁴². У Плутарха, как у большинства других древних авторов, Сарданапал стал эмблемой азиатского деспота, загубленного роскошью и пороками. Плутарх противопоставляет его Семирамиде-завоевательнице: «Сарданапал, из которого Природа сделала человека, украшался пурпуром в недрах своего дворца, валялся, задрав ноги вверх, среди своих сожительниц; после смерти ему поставили каменную статую, и он был изображен танцующим в одиночестве, по обычаю варваров, шелкая пальцами над головой: К ней сделали подпись: “Ешь, пей и блуди: все остальное неважно!”¹⁴³ Это сближение, сделанное Плутархом, еще более унижает Дария, и так уже представленное как ничтожная игрушка в руках Фортуны. Эпитафия (придуманная) на гробнице Сарданапала особенно сильно контрастирует с (не менее сфабрикованной) эпитафией, которую, согласно Онескриту, древние авторы читали на гробнице Дария Великого (или Кира?): «Я был другом для моих друзей. Как всадник и как лучник я доказал, что я превосходил кого бы то ни было; я был наилучшим среди охотников»¹⁴⁴.

ОТ ОДНОГО ДАРИЯ ДО ДРУГОГО: ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ

Согласно очень благосклонной легенде о воцарении Дария III, Юстиниан утверждает, что, помещенный на трон народом, новый царь «был удостоен имени Дария, чтобы не ощущать недостаточности царского величия»¹⁴⁵. Если выбор этой трактовки обнаруживает, возможно, его большие амбиции и его уважение к ахеменидскому прошлому и его личным достоинствам, нельзя не констатировать, что сопоставление достаточно жестокое с точки зрения истории: один Дарий расширил и организовал империю, другой ее потерял. Это банальное наблюдение не только не ускользнуло от древних авторов — они сделали из него основу для своего исторического видения.

В пассаже Элиана Дарий III и Дарий I включены в одну и ту же категорию людей, вышедших из полной неизвестности и ставших царями, но контраст хорошо заметен: один — это «[тот] кто был побежден Александром»; другой же был известен повсюду под родовым именем: «Дарий, сын Гистаспа», или же, согласно другой, часто упоминаемой формулировке, (в которой приводится наиболее известный подвиг из его царствования): «Дарий, тот, кто убил мага и кто передал власть персам»¹⁴⁶. Перед лицом столь знаменитого одноименного предшественника наш Дарий становится тем Дарием, из-за ошибки которого империя персов перешла в руки македонцев, как ясно видно из того отрывка, в котором Страбон излагает династическую историю Персии:

«Человек, который установил гегемонию персов, был Кир. Его сменил его сын Камбиз, который был убит магами. Маги были убиты семью персами, которые затем передали власть Дарию, сыну Гистаспа. Затем последним наследником Дария был Арсес. Он был убит евнухом Багоасом, который воз-

вел на трон некоего Дария, не принадлежавшего к царской семье. Он был смещен Александром, который затем царил сам в течение десяти или одиннадцати лет. Затем гегемония над Азией была разделена между его многочисленными преемниками и их потомками, а затем она исчезла. Гегемония персов над Азией длилась приблизительно двести пятьдесят лет».

Этот параграф закрывает последнюю часть книги XV, которую Страбон посвятил географии Персии, истории и традициям народа и династии этой страны. Следующая книга (XVI) посвящена Вавилону и Ассирии¹⁴⁸. Описывая Ассирию, он упоминает деревню Гавгамелы. Он говорит о ней как о «значительном поселении», поскольку приводит воспоминание Дария I: «Там он дал отдых верблюду, который помог ему пересечь скифские пустыни»¹⁴⁹. Чтобы назвать царя, Страбон использует хорошо знакомое выражение: «Дарий, сын Гистаспа». Естественно, несколькими строчками выше он не преминул, напомнить о сражении, произошедшем в Гавгамелах в 331 году: это там, где «Дарий был побежден и где он потерял свою власть»¹⁵⁰. Говоря об одном Дарии и о другом, Страбон очень ярко показывает взлет и падение могучей империи!

ПРИНУЖДЕНИЕ И РЫВОК

ГЛАВА 7. ЦАРЬ СВЕРХУ И ЦАРЬ СНИЗУ

СНИЗУ ВВЕРХ, СВЕРХУ ВНИЗ

Древние авторы мало говорят о подвигах и фактах жизни Дария с момента высадки Александра. Под видом развития вводной части Квинт Курций сообщает нам, что «Дарий в первый период своего царствования приказал заменить ножны коротких персидских мечей на модель греческого образца»¹. Это решение, возможно, вписывается в царские приготовления, упомянутые Диодором, которые велись для отражения атак экспедиционного корпуса, посланного в Малую Азию Филиппом II. Затем Диодор перескакивает к высадке Александра и к сражению при Гранике, утверждая просто, без каких-либо объяснений, что «персидские военачальники и сатрапы прибыли слишком поздно, чтобы помешать македонскому походу»². Приводя такое же объяснение, — этически связанное скорее с греческой, чем с персидской концепцией — Юстиниан утверждает, что это был выбор Дария: «Уверенный в своих силах, он решил не прибегать к хитрости и утверждал своим приближенным, что скрывать свои намерения — значит украсть у себя победу»³. Эта и последующая формулировки свидетельствуют, пусть и ненадежно, о функционировании руководящей цепочки: «Таким образом, первая встреча произошла на равнинах Адраста». Выражение «таким образом» (*igitur*) почти не оставляет сомнения: сатрапы Малой Азии перенесли сражение во Фригию по прямому приказу Великого царя. Кто, впрочем, мог бы в этом сомневаться?

В целом негативный флер на образе Дария становится все более и более плотным в течение первого года войны, поскольку он видел, как Александр смял сатрапов при Гранике весной 334 года, после чего захватил побережье Малой Азии, в том числе земли сардов, а затем вошел в Гордион весной 333 года. Наблюдение может показаться парадоксальным, так как это период, в течение которого Дарий практически отсутствует в древних повествованиях. Но парадокс

этот — только кажущийся. Именно вследствие его удаления от театра военных действий отношение к Дарию становится таким плохим, не только в виде прямого осуждения, но и вследствие того, что все повествование сосредотачивается на его противнике. Это отсутствие фактически интерпретируется как бездействие, так как древние авторы оценивают Дария через призму македонского прочтения, то есть героической маневренной войны, описанной согласно доминирующей литературной модели — гомеровской.

Выбор Аррианом названия «Анабасис» довольно ясно показывает, что он возводит свой труд к Ксенофону, но при этом описывает Александра в течение длительных походов греков по ахеменидской империи. Исходя из концепции, что у греков есть обширные морские и континентальные пространства, страны на побережье обозначены выражением «страны внизу»; оставляя побережье, чтобы идти внутрь континента, необходимо «подняться» к «верхним странам»; к «странам внизу», наоборот, необходимо «спускаться». Движение наверх — это анабасис; движение вниз — катабасис. Увиденные из Суз или Персеполя греческими авторами страны западной Малой Азии будут «странами внизу», а сатрапии иранского плато и Центральной Азии постоянно называются «верхними сатрапиями» или «сатрапиями вверх»; также эти термины переводятся как «высшие сатрапии»⁴.

Это сближение не годится только для анабасиса Кира Младшего, поскольку, если греческие ораторы и даже сам Александр в приписываемых ему речах, предшествующих сражению, были безмерно возбуждены предыдущими кампаниями, доходившими до самого сердца ахеменидской власти, тем не менее война, о которой рассказал Ксенофонт — анабасис в узком смысле (поход к верхним странам), — ведется персидским принцем, взбунтовавшимся против своего брата, законного Великого царя. Несмотря на ошибочно присвоенное им Ксенофонтом центральное положение, греческие солдаты служат делу, которое не является их собственным, кровным. Кроме того, после смерти их нанимателя, катабасис (поход к морю внизу) больше похож на бегство от Великого царя, чем на победоносный поход в эти страны, — то, что Арриан, впрочем, не упустил подчеркнуть в другом своем пассаже⁵.

С этой точки зрения, анабасис царя Спарты Агесилая в 396—394 годы имеет в греческом представлении совсем другое символическое значение. Выбор порта посадки, Авлиды, выражает прямую связь между начинающейся войной и походом Агамемнона под стены Трои. Планы, приписанные спартанскому царю его апологетами, имеют совершенно необычный размах и смелость: «И тогда он составил план похода на Персию и план атаки против самого Великого царя... Он готовился пройти как можно дальше внутрь верхних стран. Он считал, что все народы, которых он оставил позади себя, были отданы ему их царями»⁶. Согласно Плутарху, речь шла даже, ни больше ни меньше, о том, чтобы выгнать раз и навсегда Великого царя из его логова в «высоких дворцах»:

«Агесилай рвался вперед. Он решил перенести войну подальше от эллинского моря; он хотел вынудить царя сражаться за самого себя и за благополучие, которым он пользовался в Экбатанах и в Сузах. Он решил вырвать его из его праздности, чтобы он больше не мог, спокойно сидя на троне, судить о войнах между греками и развращать политических лидеров» (Ages. 15.1).

Канонический образ Великого царя — тот, который был в ходу в Греции, когда Александр бросился через проливы, восславив греческих героев Троянской войны. Решения, приписанные Дарию, были обдуманы, описаны и объяснены в рамках стандартных греческих представлений о персидском правителе, который скрывает свою нерешительность в глубине своих дворцов, который опасностям и славе личного поединка «предпочитает преимущества и удовольствия, которые дали ему благоприятные условия»⁷. Александр же, напротив, не намеревается «довольствоваться тем, чтобы царить в праздной роскоши власти»⁸.

С момента высадки в Троаде Александр, согласно традиции, заявил, что он овладел землей Азии: «Когда они коснулись берега, Александр первый бросил копье, как на вражеской земле... Затем он прыгнул с судна... обозначая тем самым, что получил Азию из рук богов, как территорию, завоеванную острием копья»⁹. Общий смысл заявлений, вложенных в уста завоевателя, не оставляет никаких сомнений: он бросает вызов Дарию. По образцу Агесилая «он хочет вынудить царя бороться за свою персону и за благополучие, которым он пользовался в Экбатанах и Сузах», то есть ради своей империи. Древние авторы намерены систематически изображать заочные контакты между обоими царями с точки зрения подобного противопоставления, до момента, когда Александр сможет наконец склониться над останками Дария, убитого его приближенными.

В первое время, согласно Плутарху, «Александр думал, образно говоря, о том, чтобы действовать и первым делом укрепиться путем завоевания приморских провинций и их богатств, а уже потом подниматься в верхние регионы страны навстречу царю Дарию»¹⁰. Затем тот же Плутарх приписывает Александру новое решение, которое он принял весной 333 года, когда царь, будучи в Гордионе, узнал о смерти Мемнона: «Эта новость утвердила его в намерении отправиться в поход в верхние земли. Дарий уже шел из Суз, уверенный в многочисленности своих войск»¹². Уводя свою армию в нижние земли навстречу Александру, который поднимался со стороны моря, Дарий ответил в конечном счете на вызов, брошенный его противником годом раньше.

Разделенные, и одновременно такие близкие, оба царя были намерены перемещаться по пространству империи согласно предписанной схеме движений между нижней и верхней частью страны. Сами эти движения показывают и определяют размах территориальных притязаний каждого из обоих главных действующих лиц. Вполне однозначный, этот образ одновременно прост и очень значителен: один из царей безостановочно продвигается вперед и закладывает основы новой империи, а другой комбинирует, выжидает, а затем отступает и убегает, теряя день ото дня шансы сохранить свою власть.

Таков сценарий: теперь давайте перейдем к его деталям.

ЦАРЬ, ЕГО СОВЕТНИКИ И ЛЬСТЕЦЫ

Таким образом, чтобы снова ввести Великого царя в игру, в которой Александр до тех пор, казалось, был единственной действующей фигурой, наши авторы решили изобразить персидский военный совет. Заставляя читателей принять участие в дебатах, пусть даже выдуманных, авторы, согласно испытанной технике повествования, создают ощущение активного участия, и таким обра-

зом делают из читателей свидетелей подлинности своего повествования. Нынешние читатели, естественно, смогут обнаружить подобную хитрость и избежать подводных камней!

Военный совет подробно изображен Диодором¹³. Его описание помещено перед рассказом о концентрации и подготовке войск в Вавилоне. Квинт Курций также упоминает о военном совете, но относит его ко времени, когда армия была уже собрана в одном месте¹⁴: вскоре мы увидим причины — чисто литературные — этого незначительного различия. Этот совет отнесен ими на весну 333 года, то есть это дата известия о смерти Мемнона, который в течение года устраивал македонцам суровую жизнь, нападая на их морской арьергард. Эта потеря, как считается, стала фатальным ударом для царя¹⁵. Арриан не говорит об этом совете, но позже, в ходе подготовки к сражениям в Киликии, он приводит — и в очень похожих терминах — жесткую дискуссию между Дарием и македонцем Аминтасом, скрывающимся подле него¹⁶. Квинт Курций описывает также дискуссию между царем и руководителями греческих наемников, которые по приказу Дария были присланы командующим морским фронтом Фарнабазом (преемником его дяди Мемнона) для того, чтобы усилить царскую армию¹⁷.

Все эти рассказы имеют один общий момент: Дарий и его греческий или македонский советник противятся наилучшей стратегии. Вопрос, поставленный Дарием своим друзьям, был прост: должен ли он сам встать во главе армии «и спуститься на берег, чтобы вступить в бой с македонцами», или он должен предоставить эту миссию военачальникам? Выявляются две позиции: некоторые требуют, чтобы царь сам принял командование над армиями, но им противостоит изгнанный афинянин Харидемос, состоящий на службе у Великого царя. «Он посоветовал Дарию не принимать поспешных решений, особенно когда речь идет о царской власти, и послать вести военные операции опытного военачальника. Соблазнившись вначале советом Харидемоса, царь в конечном счете склонился к мнению своих друзей, которые пробудили в нем подозрение, что Харидемос жаждет получить командование, чтобы передать македонцам Персидскую империю». Великий царь, слыша агрессивный тон афинянина, который ставил под сомнение мужество персов, впал в дикий гнев и немедленно осудил его на смерть. Хотя позднее он раскаивался в том, что «совершил великую ошибку», но было слишком поздно. Дарий был объят страхом перед военным мастерством македонцев и их царя: в конечном счете он решил сам встать во главе своих армий¹⁸.

Так в первый раз мы видим в решающий момент персидский лагерь изнутри. Неудивительно, что эти сведения переданы двумя авторами — Диодором и Квинтом Курцием, — которые любят изображать события подобным образом. Эти пассажи предназначены для того, чтобы дать или предположительно указать ответы на вопросы относительно стратегии, целей и тактики Великого царя по отношению к македонскому вторжению, не говоря уже о его личных возможностях руководить штабом и войсками на поле битвы. Стоит ли останавливаться на чувстве глубокого недоверия, которое вызывают чтение этих пассажей и первый их анализ?

Разумеется, ничто не указывает на то, что какое-либо обсуждение имело место при дворе Дария. Скорее удивило бы обратное. Крайне важно было взять

стратегическую инициативу в свои руки с момента высадки Александра. Нет никакого сомнения, что решение, принятое сатрапами Малой Азии — сопротивляться Александру, — было внушено им непосредственно центральной властью, от которой Арсит, сатрап Фригии и районов Геллеспонта, получил приказ принять на себя командование армиями. Это, без сомнения, объясняет, почему Арсит после поражения, чувствуя себя виновным перед Великим царем, покончил с собой¹⁹. И даже если считать действия Мемнона — такие, как их описывают в древних преданиях, — переоцененными, все равно нет оснований отрицать, что Дарий после известия о поражении при Гранике назначил его «главнокомандующим Азии в нижних землях и на море»²⁰. Можно не сомневаться, что в описываемый момент при дворе проводился военный совет, чтобы понять, что следует делать в связи с наступлением Александра. Нет никакого сомнения, что успехи македонского царя создали совершенно невиданное ранее стратегическое и политическое положение: вопреки крайне активным действиям сил персов на море в тылу македонцев (Фарнабаз был назначен Дарием вместо его дяди Мемнона), лидер греческого анабасиса впервые имел шансы повести победоносное наступление против верхних стран.

Проблема состоит не в том, чтобы таким образом поставить под сомнение сам факт дебатов при дворе Дария. Мы пытаемся просто определить: в какой мере, до какого момента и согласно какой системе оценок современный историк может использовать тексты, в которых приведено описание военных советов при дворе Дария, и часто даже от имени Великого царя.

ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ И ЕГО СОВЕТ

Чтобы оценить степень правдоподобности подобных ситуаций и речей, необходимо поместить данный военный совет в длинный ряд других. Греческие авторы всегда любили уводить читателя за кулисы власти. Так что не без причины итальянский художник — тот, которого мы называем «художником Дария», — изобразил подобную сцену самое большее десятилетие спустя после поражения Дария III от руки Александра (рис. 42). Под фризом с изображением богов, где очень четко видно противостояние между Грецией и Азией, мы видим Великого царя на троне, подписанном именем Дария, и окруженного солдатами и высокопоставленными придворными; перед ним стоит человек на маленькой круглой эстраде, помеченной именем Persai, который обращается к царю и другим советникам. Внизу показана сцена выплаты дани, в частности, греками. В целом можно допустить, что в центре показан военный совет перед походом против греков. Согласно одной из гипотез, принимаемых большинством ученых, художник изобразил здесь греческое представление о военном совете Дария I, который был собран для того, чтобы оценить положение в начале мятежа в Ионии; другие полагают, что речь идет о совете перед первой мидийской войной. Когда вазу, на которой был изображен данный рисунок, датировали 330—320 годами, некоторые толкователи подумали, что речь идет скорее о военном совете, созванном Дарием III после известия о смерти Мемнона. В результате этого совета Харидемос, царский советник, был убит за то, что он высказал мнение, не понравившееся царю.

То, что греческий художник начала эллинской эпохи в Великой Греции черпал вдохновение в общепринятых у греков представлениях о персидском дворе, является, конечно, достаточно выдающимся явлением, но это не слишком удивительно по причине громкого эха македонских завоеваний, о чем свидетельствуют другие картины на других вазах, исходивших из рук того же художника или, в любом случае, из той же мастерской. То, что он выбрал сцену совета Великого царя, показывает популярность этой темы, связанной также с размышлениями о власти и механизме принятия политических решений, абсолютно отличных от принятых при политическом строе греческих полисов. Но насколько важна при этом точная датировка? Да совсем не важна. Действительно, греческие представления о «дворе по-персидски» нельзя считать «фотографиями» событий, имеющих точное расположение во времени и в пространстве. Они начинены условностями, которые пронизывают как конструкцию сцены, так и художественный язык.

То же самое и с текстами, которые должны по идее ввести читателя внутрь близкого круга советников Великого царя. Квинт Курций сочинил окружение Дария и описал другие военные советы, после сражения при Арбелах и во время пребывания двора в Экбатанах между октябрём 331 и весной 330 года. Он не боится «цитировать» *in extenso* нескончаемые переговоры и ораторские поединки, которые объединяют и противопоставляют приближенных Дария²¹. Ему нравится также «восстанавливать» разговоры, которые Великий царь вел со своими близкими в частной жизни²². Абсолютно ясно, что Диодор и Квинт Курций, или их общий источник (или источники) активно пользовались стандартным набором персонажей, сцен и подходящих реплик.

В более общем плане сцена совета, созданного Великим царем, является совершенно классической в греческой литературе. Известны замечательные «конституционные дебаты» заговорщиков, которые, сгруппировавшись возле Дария, только что устранили «царственного мага», и которые, согласно Геродоту, задают вопросы относительно политического строя, который необходимо установить²³. Также известен совет, созданный Дарием, чтобы определить, кто будет его преемником: при этом противопоставляются друг другу двое его сыновей, Артобазан и Ксеркс. Последнего яростно поддерживает его мать, Атосса, и ссыльный спартаец Демарат²⁴. Другие советы должны были решать вопросы о своевременности военных походов. В частности, хорошо известен очень длинный пассаж Геродота²⁵, где Ксеркс, «в тот момент, когда собирался отправиться в поход против Афин, созвал на совет главных вельмож Персии», правда, совсем не для того, чтобы посоветоваться, а скорее для того, чтобы познакомиться их со своим решением... и посостязаться в греческой риторике!

Эти советы изображаются в стереотипной и повторяющейся форме, и роли на них распределены согласно неизменному плану. Если взять совет, созданный Ксерксом перед походом в Грецию, то на нем противостоят два близких родственника царя: Мардоний, который толкает к войне, и Артабан, который умоляет царя не рисковать с греками, чьи достоинства он описывает. В той же роли Мардоний выступает и в 479 году, когда он спорит со своим коллегой Артабазом: Мардоний, с его жестоким и опрометчивым характером, хочет вести войска в сражение против греческих войск, упоминая при этом «персидскую

привычку к сражениям»; Артабаз же, напротив, «имел более точный взгляд на будущее и считал более правильным не бросаться сразу в риск сражения»; ему казалось более правильным дать денег греческим вождям, которые не упустили бы возможности «отступить от своей свободы»²⁶.

Аргументы, которыми обмениваются персонажи, и приведенные человеческие типы неудержимо вызывают в памяти военный совет, на который в 334 году собрались персидские сатрапы Малой Азии с идентичной повесткой дня: вступать или нет в сражение против Александра²⁷. Роль, которую при дворе Ксеркса играл Артабан, а затем, в Греции, Артабаз, теперь исполняет родосец Мемнон, который предлагает не рисковать; лучше, по его мнению, применить перед лицом Александра тактику выжженной земли, и в то же время начать войну в Европе, чтобы вынудить Александра повернуть назад. Кроме того, очевидно, что — совсем как Артабаз в 479 году, — Мемнон считал, что персидское золото позволило бы убедить многих вождей покинуть македонский лагерь²⁸. И так же, как Артабаз представлен Геродотом как человек, «у которого был более справедливый взгляд на будущее», Диодор говорит похожие слова о Мемноне: «Как показали дальнейшие события, этот человек дал превосходный совет». Квинт Курций также принимает подобный анализ событий. Он отмечает, что в Киликии Арсам «вспомнил советы Мемнона, данные им в начале войны, и решил, хоть и слишком поздно, выполнить план, который раньше был спасительным: железом и огнем он опустошил Киликию для того, чтобы создать перед врагом пустые земли»²⁹.

Выступая против Мемнона, персы, которые стояли на стороне Арсита, представляют доводы, близкие к доводам Мардония в Греции: защищая идею встретить Александра в сражении лицом к лицу, они обращаются к понятной им традиции «гордой восторженности»³⁰. Использованное выражение напоминает «персидскую привычку к сражениям», о которой говорил Мардоний, выступая против того, что он считал малодушием Артабаза. Именно это старался выразить Юстиниан, приписывая Дарию следующие стратегические мысли, явно объединенные этикой свободной, смелой и радостной войны: «Уверенный в своих силах, он пренебрег обращением к хитрости и заявил своим приближенным, что скрывать свои намерения значило бы украсть победу». Это заявление странным образом напоминает реплику, приписываемую Аррианом Александру, брошенную им перед Гавгамелами в ответ на предложение Пармения прибегнуть к ночной тайной вылазке: «Было бы позорно украсть победу, и Александр считал для себя необходимым победить при свете дня и без хитроумных приемов»³¹.

Во всех этих случаях решение принимается по совету тех, кто восхвалял наступление; во всех этих случаях греческий автор выступает в защиту «мудрого» решения и разоблачает авантюризм тех, кто толкает царя к войне. Причина этого в том, что дальнейшие события ясно показали, что действия, приводящие к отсрочке генерального сражения, позволяли избежать поражения! Но фактически обвинение падает на царя, решившегося на риск, который автор считает опрометчивым. В сущности, у Артабана, Артабаза, Мемнона и Харидемоса есть другой общий момент. — то, что они предостерегали от недооценки греческих и македонских войск, или, точнее, от слишком сильного презрения, проявленного Мардонием, персидскими сатрапами в 334 году или Дарием III. Квинт Курций очень строго осуждает снисходительное высокомерие, проявленное

Дарием по отношению к своему противнику: «Это хвастовство не имело под собой реальной основы»³².

После смотра своих огромных армий чувства персидского царя представлены Квинтом Курцием следующим образом:

«Таким образом, Дарий ни в чем не испытывал меньшую нужду, чем в количестве солдат; и вот, радостно созерцая огромные толпы, собранные им для этого случая, полный надежд, которые с привычной легкостью внушали ему придворные³³, он повернулся к Харидемосу» (III.2.10).

Весь пассаж построен на принципе *mimèsis*. Квинт Курций копирует действительно замечательную геродотовскую модель, и делает это вполне явственно, подравнивая количество войск, стоящих перед Дарием, к тому, что собрал Ксеркс в 480 году в Абидосе, а затем в Дорискосе³⁴. Великий царь был воодушевлен зрелищем в Абидосе: «Видя, как весь Геллеспонт покрыт его кораблями, как повсюду на равнинах Абидоса видны его солдаты, он поздравил себя со своим счастьем». Этому выражению, использованному Геродотом, соответствуют, по всей видимости, слова Квинта Курция, намного более пошлые, которыми он описывает надменное удовлетворение Дария, «очень радостного при созерцании толпы, собравшейся по этому случаю»³⁵.

Параллель видна не просто в описании и в способе подсчета войск; она также заметна в манере действий персонажей и в их репликах. Согласно Геродоту, после парада Ксеркс приказывает привести к себе греческого беглеца, Демарата-спартанца, и спрашивает у него его мнение. Грек не упускает возможности предостеречь его от неоправданного чувства превосходства, которое тот, по-видимому, питает по отношению к малочисленным греческим войскам, — совсем, как это делает Харидемос перед Дарием III. Очевидно, для того, чтобы быть полностью уверенным в соответствии своей известной модели, Квинт Курций, в отличие от Диодора, помещает описание этого разговора после (а не до) сбора войск. Наиболее заметна разница в концовке истории: «Ксеркс отнесся к словам со смехом; несколько не разгневавшись, он мягко удалил Демарата». Насколько это отличается от бессмысленного гнева Дария, который приказал казнить Харидемоса!

Греческий советник Великого царя — хорошо узнаваемый литературный типаж. Можно вспомнить Истия, которому Дарий I, желая удалить его из Милета, обещал в случае прихода к нему в Сузы сделать комменсалом и советником³⁶. Так же обстояли дела с Демаратом при Ксерксе — персонажем, выведенном на известном совете, собранном Дарием I, чтобы решить, кому из сыновей он должен передать власть: согласно Геродоту, именно Демарат сумел представить решающий довод в пользу Ксеркса. Аргумент багрянородности казался настолько бесспорным, что, согласно Плутарху, Парисатида пыталась его повторно использовать в пользу своего любимого сына Кира — на этот раз безуспешно³⁷! Со своей стороны, после того, как «Харидемос сражался на стороне царя [Филиппа?], он стал советником Дария»³⁸.

Присутствие этих греческих изгнанников, любимых принцами, вводит другой литературный мотив: зависть, которую они порождают у персидских дворян: царь спрашивает греческого советника, и мнение грека систематически

перевешивает мнение персидских дворян, которые также принимают участие в совете. Мемнона в 334 году и Харидемоса в 333 году подозревают в одном и том же намерении и в одном и том же преступлении: «Персы придерживались мнения Арсита, потому что они в большей или меньшей степени подозревали Мемнона в том, что он заставляет затягивать войну из-за почестей, которые он получал от царя³⁹... Друзья Дария резко противоречили Харидемосу и возбудили в нем подозрение, что он хочет получить командование, чтобы передать Персидскую империю македонцам»⁴⁰. Мнения и советы руководителей греческих наемников перед сражением при Иссе также резко отличаются от того, что говорили царские придворные, которые подозревают их в том, что они готовы продать тому, кто больше заплатит: «Если они хотят разделить силы, то это для того, чтобы суметь, держась в стороне, передать Александру то, что они ему обещали»⁴¹. В свою очередь, тексты и подтексты явно говорят о конфликтах, которые, согласно Диодору, происходили между Артабазом — персидским военачальником, возглавлявшим персидский поход в Египет в 373 году, и руководителем греческих наемников, афинянином Ификратом: «Отвага и достоинства Ификрата возбудили подозрения Фарнабаза, который спрашивал себя, не собирался ли тот захватить Египет для себя»⁴².

В каждом из случаев наши авторы восхваляют проницательность руководителей и греческих советников. Все авторы считают, что ход истории мог бы быть иным, если бы цари смогли позаимствовать смелость первых и осторожность вторых. По отношению к Мемнону Диодор выказывает то же пристрастие, которое он систематически проявляет в другом месте к греческим командирам, действующим в ахеменидских армиях. В этом у Мемнона и Харидемоса есть по крайней мере один известный прецедент: Фемистокл, который, будучи изгнанным с родины, пришел ко двору Артаксеркса I. Грек «достаточно хорошо знал персидский язык и беседовал с царем без переводчика... Он принимал участие в его охотах... Он был даже допущен к матери царя, и изучил доктрину магов». Можно легко угадать продолжение: «Фемистокл возбудил зависть людей при дворе, наделенных властью, которые полагали, что он осмеливался говорить свободно против них перед лицом царя»⁴³. Сама история Фемистокла является перепевом истории Даниила, получившего завидный пост при дворе Дария: «Царь выделял его за чрезвычайный ум и предпочитал его вождям и сатрапам и предложил поставить его во главе всего государства. Тогда вожди и сатрапы бросились искать то, что могло бы причинить ущерб Даниилу; но они не смогли найти ни одного его промаха, настолько он был верен»⁴⁴.

ГНЕВ ЦАРЯ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО И МОНАРХИЧЕСКАЯ БАСНЯ

Нет никаких сомнений в том, что анекдот про Харидемоса питал образы и вымыслы о персидских царях, об их власти над предметами и людьми — абсолютной власти, которая, как провозглашают Квинт Курций и Харидемос, «часто портит природу человека»⁴⁵. Различные мотивы, собранные здесь под видом анекдотов, предназначены для того, чтобы проиллюстрировать мораль, а в данном случае — монархическую мораль.

В этих историях Дарий постоянно показывает свои слабости характера и суждений. Действительно, наши авторы постоянно нелицеприятно и жестко высказываются о царе. «Гнев лишил его разума, и он действовал вопреки своим же интересам», — пишет Диодор, согласно которому Дарий «связал Харидемоса поясом, согласно персидскому обычаю, и передал его своим слугам, приказав умертвить его»⁴⁶. Сцена прямо заимствована в «Анабасисе» Ксенофонта, описывающего в подобных терминах результат суда над предателем Оронтом в палатке Кира Младшего: «После этого... по приказу Кира все помощники встали и связали Оронта поясом в знак смерти его самого и его родственников; затем он был уведен теми, кто получили соответствующий приказ»⁴⁷. Чтобы добавить последний штрих, Диодор (который особенно любил выразительность) добавляет от себя слова: «согласно обычаю персов». Параллель не в пользу Дария, который, нерешительный от природы, позднее раскаялся, и, «признавая правду слов Харидемоса, приказал похоронить его»⁴⁸. Кир обладал решительным характером, лишенным жалости по отношению к тем, кто шел вразрез с его интересами. Он, напротив, устранил все следы заговорщика: «Никто никогда больше не видит Оронта, ни живым, ни мертвым, и никто не сможет точно сказать, как он умер. Каждый делал свои предположения, и его могилы никогда никто не видел»⁴⁹.

Эта сцена и ее персонажи могли бы фигурировать в сборнике *exemplā*, в разделе, посвященном гневу: хороший софист мог бы легко использовать это сравнение для поддержки своей речи по поводу «хорошего царя» и «плохого царя». Дарий мог бы проиллюстрировать и того и другого. Слабость характера присутствует в нем вместе с насилием и жестокостью, новый пример которой он вскоре продемонстрировал:

«Подталкиваемый варварской жестокостью своих неистовых придворных, он приказал отрезать или прижечь руки всех раненых и больных, ставших пленниками, и приказал их водить повсюду, чтобы они убедились своими глазами в его силе; когда они увидели достаточно, он отправил их к их царю [Александрю], чтобы они рассказали ему, что видели»⁵⁰.

Квинт Курций описывал Дария как «чистосердечного и приятного по своей природе» и даже как «доброе и безупречное»⁵¹. Но, стало быть, он умеет поддаваться порывам страстей. В другом *exemplum*, который иллюстрирует «хорошего царя», Дарий утверждает, что «он не совершил бы жестокости и не заставил бы убивать людей, которые стремились к нему, и кто были его солдатами»⁵². Но выражение, использованное Квинтом Курцием, похоже, не столь хвалебно, как это может показаться: на фоне стойкости характера Александра мягкость Дария могла бы означать также и слабость, как это видно у Плутарха в парных портретах Кира Младшего и Артаксеркса, и в их дебатах, которыми они иллюстрируют две модели царской власти:

«Впрочем, в натуре царя [Артаксеркса] была некоторая медлительность, которую многие принимали за умеренность. Вначале казалось, что он хочет повторить во всех отношениях мягкость своего тезки Артаксеркса... Между

тем те, кому нравились переменчивость и возбуждение, считали, что ситуация требует другого человека, такого как Кир, ярких достоинств, в высшей степени годного для войны и преданного своим друзьям, и что величие империи требовало гордого и честолюбивого царя» (Art. 4.4; 6.1).

У Квинта Курция есть и третье определение: Дарий имел «приятный и управляемый характер»⁵³. Быть «управляемым» означает также, что царь нерешителен: «Каждый день он призывал своих советников на совет: их мнения постоянно расходились»⁵⁴. Испытывая нехватку собственного мнения и душевных сил, царь стал игрушкой в руках своих придворных, которые побуждают его изменить принятое решение⁵⁵, даже когда «мнение Харидемоса нравилось царю больше, чем точка зрения его придворных»⁵⁶. Он позволяет убаюкивать себя «надеждами, которые внушали ему высокопоставленные лица с присущей им традиционной легкостью»⁵⁷.

Использованная терминология ставит Дария в длинный ряд царей, погубленных плохими советниками и льстецами. Дебаты об этом были особенно животрепещущими при дворе Александра⁵⁸. Говоря о Дарии, а затем об Александре — естественно, при весьма отличающихся обстоятельствах, — Арриан обрушивается, практически в идентичных терминах, на «этих людей, которые только и знают, что льстят, и приходят и будут приходить к каждому последующему царю, доводя того до разрушения»⁵⁹. Но вследствие этого Дарий страдает от своих собственных дефектов характера, благодаря которым он является совершенно ужасным военачальником:

«Все это заставило Дария колебаться в принятых решениях: он должен был лично принять сторону той партии, мнение которой казалась ему наиболее правильным... Со всех сторон ему кричали, что их кавалерия раздавит своими копытами македонскую кавалерию. Возобладали плохие советы, потому что в тот момент их было приятнее слышать» (II.6.4,6).

Образ нерешительного царя, игрушки в руках своих советников, чрезвычайно распространен и важен в монархической литературе. Размышления о Дарии четко вписываются в общее течение эллинистической философии, посвященной вопросам царской власти. Книга VI Атенея в большей части посвящена дискуссии пирующих философов, рассуждающих относительно двух похожих человеческих типов, одновременно отвратительных и смехотворных, таких как нахлебник и льстец⁶⁰. Многочисленные эссе о лести были опубликованы, например, Теофрастом, учеником Аристотеля, а также стоиком Клеархом из Сол. Полибий также посвятил множество своих трудов этой теме, поскольку считал, что влияние советников таково, что их следует выбирать с особым тщанием. Он не преминул также гневно высказаться относительно множества подобных царских советников, особенно при дворе Лагидов. Один из морализаторских опусов Плутарха озаглавлен «Как отличить льстеца от друга?». Не используя целенаправленно пример персидских царей, автор клеймит в нем многих «изнеженных владык», которые, предавшись роскоши и удовольствиям, отдают реальную власть в руки льстецов⁶¹. Он разоблачает лесть, которая, согласно

его утверждению, может вызвать «разрушение великих домов и крупных предприятий, часто даже приводя к гибели империй».

Аналогичную формулировку мы обнаруживаем у Сенеки⁶²: цари, которые слушают льстецов, «притягивают к себе бесполезные войны и все губят... Они гибнут сами, губят своих близких и огромные империи». Эта фраза извлечена из длинного *exemplum*, построенного на отношениях между Ксерксом, льстецами и Демаратом. Сенека развивает идею о том, что «тем, кто обладает всем, более всего не хватает тех, кто сказал бы им правду», вместо того чтобы быть оглушенными ложью окружающих их льстецов. В качестве доказательства от противного Сенека использует совет, созданный Ксерксом, о котором он, разумеется, прочитал у Геродота, но который он весьма изобретательно приспособил для своих нужд. «Душа самоуверенная и позволяющая себе забыть о ненадежности средств, которым она доверяет, царь, задав вопрос своим советникам, нашел только подстрекательство»: в результате его придворные, которые толкали его к войне, «перевозбудили человека, уже склонного к безумной заносчивости». Единственный человек, грек Демарат, осмелился поставить под сомнение обоснованность столь щедрых советов. Говоря о будущем, Демарат подчеркнул в своем обращении к Ксерксу, что сама масса его армий стала бы для него непреодолимым затруднением при войне с греческими армиями: «Дальнейшие события подтвердили прогнозы Демарата: перс, который разрушал божественные и человеческие законы... сумел оценить разницу между армией и мятущейся толпой. Ксеркс, более вызывающий жалость вследствие стыда, чем потерь, поблагодарил Демарата за то, что тот сказал ему правду, и позволил ему попросить то, что тот желает... Он заслужил вознаграждение, прежде чем попросил о нем; но сколь должен был быть жалок народ, где не оказалось никого, кто мог бы сказать правду царю!»

Конечно, Сенека прямо не назвал Дария. Но очевидно сравнение с поведением Ксеркса по отношению к Демарату у Квинта Курция и у наших авторов. Дарий действует и реагирует точно по образцу анонимного властителя, описанного Сенекой, «пришедшего к тому, что он более не знал правды вследствие привычки слышать то, что льстит ему, вместо того, что является истинным... Он уступает гневу вместо того, чтобы тормозить его... Он наказывает за непроверенные факты так же, как если бы они были подлинными, он считает столь же позорным позволить себе уступить, как позволить себе сражаться».

Единое мнение, которое они демонстрируют в размышлениях о царской власти, эти авторы иллюстрируют в форме особенно красноречивого *exemplum*, где отношения и чувства, приписываемые Великому царю — его проволочки, раскаяние, гнев, страх перед Александром и его македонцами, его жестокость к тем, кто говорит «языком правды», еще более усиливают ужасное впечатление, испытываемое читателем. Великий царь напрасно старается задним числом «упрекнуть себя за то, что совершил страшную ошибку [осудил Харидемоса на смерть], — царская власть не могла помешать свершиться тому, что должно было свершиться», — поучительно комментирует Диодор⁶³.

Иронический парадокс власти состоит, впрочем, и в том, что ввиду особой почтительности, которую каждый должен испытывать перед лицом царя, Харидемос должен сам винить себя за необдуманый поступок: «Ему недоставало сдер-

жанности... Чрезмерная и несвоевременная свобода его речей погубила все его надежды»⁶⁴. Читатели знали, разумеется, о сложном положении советников, испытывавших на себе ярость Великого царя, как это, например, описал Элиан:

«Если кто-то имеет намерение давать советы Великому царю по поводу некоего тайного и трудного вопроса, имея целью отличиться, он встает на золотой кирпич. Если его советы кажутся дальновидными, то, прежде чем попроситься, он получает этот кирпич как вознаграждение за свой совет; однако его глещут бичом, поскольку он посмел противоречить царю» (Hist. Var. XII.64).

Теперь понятно, почему прежде чем дать совет, приближенный или придворный царя спрашивал его, хотел бы он его слышать⁶⁵! Необходимо, чтобы разумный советник был выслушан царем, но в случае с Дарием этого не произошло, констатирует Квинт Курций, сожалея об этом. В этом контексте особенно замечательно выглядит трогательное простодушие реплики, вложенной тем же автором в уста Великого царя. В то время как придворные толкают его к тому, чтобы убить руководителей греческих наемников, обвиненных в вероломных советах, царь отклоняет это предложение и поучительно замечает, что «никто не должен платить головой за не слишком разумное мнение, так как у него не осталось бы советников, если бы давать советы было бы столь опасным делом!»⁶⁶

ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ И ЕГО ДЕЛА

Проанализировав декорации, актеров, диалоги и сценографию, давайте вернемся к результатам военного совета. Вот как освещают их Квинт Курций и Диодор. Первый пишет:

«Как и следовало ожидать, Дария поразила новость о смерти Мемнона; отказавшись от всех прочих намерений, он решил сражаться сам; он осудил все действия своих военачальников, считая, что рассудок оставил всех, за исключением одного, а удача — всех их» (III.2.1).

Со своей стороны, Диодор утверждает, что если Дарий решил взять на себя командование, то это произошло потому, что он не доверял никому из своих военачальников:

«Мысленно оценив достоинства македонцев и постоянно представляя себе неутомимую деятельность Александра, он искал военачальника, способного заменить Мемнона. Он не смог найти такого и был вынужден сам, собственной персоной, спуститься на берег и возглавить сражение за спасение империи» (XVII.30.7).

Обвинение в трусости здесь звучит неявно, но оно постоянно проявляется. Если следовать за мыслью наших авторов, царь попытался послушаться Харидемоса и возобновить войну, делегировав при этом руководство другим людям, а сам решил остаться в арьергарде, выжидая.

Полезность этих объяснений необходимо снова оценить в свете литературных прецедентов. Давайте перенесемся во времена царствования Артаксеркса III и к ситуации в долине Нила. Египет сопротивляется всем попыткам завоевания. «Мало пригодный для войны, любящий мир, Великий царь бездействует», доверяя армии военачальникам, которые все потерпели неудачу «ввиду их неспособности и отсутствия у них опыта». Когда финикийцы и цари Кипра присоединились к мятежу египтян, «царь пришел в ярость и решил объявить войну повстанцам. Поэтому он оставил привычку посылать военачальников, и решил сам вести войска в бой ради сохранения своего царства»⁶⁷. Персидские цари не единственные, кто упоминается по этому поводу, поскольку то же самое объяснение применяется тем же автором в рассказе о нерешительности фараона Акораиса по отношению к персидской угрозе: «Так как у него не было хорошего военачальника, он привел афинянина Шабрия: его опыт и ум сделали из него заметного стратега и его достоинства покрыли его славой»⁶⁸.

От Артаксеркса III до Дария III стереотипные объяснения, даваемые Диодором, подпитывают точку зрения его самого и других древних авторов, которые часто приводят рапорты, при помощи которых Великие цари обмениваются информацией с военачальниками своих армий, посланных воевать со вторжениями или мятежами. Эти рапорты по структуре носят конфликтный характер. Многие придворные истории построены на базе вечной темы неблагодарности царей — например, история Датамеса, рассказанная Корнелием Непотом:

«Эта быстрота действий обеспечила Датамесу милость Великого царя, но возбудила против него не меньшую ненависть придворных, которые видели, что он один значит для царя больше, чем все они вместе взятые. Такая мысль объединила их, всех без исключения, с целью погубить его» (Dat. 6.2).

Датамес был предупрежден другом Пандантесом, который заканчивает свое письмо сентенциозной формулировкой, воспроизведенной косвенной речью Непота:

«Он объяснил ему, что таков обычай Великих царей: они приписывают свои несчастья другим людям, а свой успех — своей счастливой судьбе, что позволяет им легко убедить себя терять военачальников, по поводу которых пришло известие о их поражении» (Dat. 5.4).

Согласно нашим авторам, персидские цари одновременно авторитарны и скупы. Они не оставляют стратегам никакой инициативы, они не имеют права как-то изменять полученные ими от царя инструкции: отсюда, согласно Диодору, невероятная длительность и медлительность в руководстве наступлением, что очень часто позволяет врагу пробить защиту персов и с успехом победить царские армии⁶⁹. Это мелочное наблюдение проявляется также в предоставленных в распоряжение персидских полководцев фондах: бюджет рассчитывается в зависимости от предварительной сметы, и стратег никоим образом не может превзойти предписанную сумму, иначе ему придется возмещать траты из своего

кармана. Тактика, направленная на получение прибылей, которой, кажется, пользуется Мемнон, также ограничена. Он отослал жену и детей ко двору: «Он сразу подумал, что хорошо обеспечил их безопасностью, и, приняв при дворе таких заложников, царь был бы более благосклонным к тому, чтобы поручить ему высшее командование. Именно это и произошло»⁷⁰. Если история верна, можно подозревать, что именно по приказу царя жена и дети Мемнона были оставлены в качестве «гарантии»!

Артаксеркс III, на первом этапе своего царствования, и Дарий III до смерти Мемнона — оба полностью соответствуют портрету Великого царя, составленному Плутархом⁷¹: «Он празднo проводил время в глубинах дворцов, спокойно сидя на троне, судя войны между греками и подкупая политических лидеров». Считается, что подобная характеристика относится к Артаксерксу II до атаки Агесилая, но ее можно легко переносить с одного царя на другого. Согласно Диодору⁷², перед весной 333 года «Дарий рассчитал, что театр войны будет перенесен из Азии в Европу». И похоже, что, какими бы ни были реальные планы Мемнона, его контратака в Эгееде возбудила серьезные опасения у греков⁷³, которые уже готовились увидеть высадку персидских войск. Для этой цели Мемнон использовал золото и серебро, переданные Дарием: «Золотом Мемнон испортил множество греков, которых он убедил действовать заодно с персами». В письме, которое, как считается, македонский царь послал Дарию после сражения при Иссе, Александр обвиняет своего противника в том, что тот пытался, еще до македонского наступления, «подкупить друзей македонского царя и разрушить мир, который Александр установил в Греции»⁷⁴.

Традиционная претензия к Великим царям частично основана на искажении при переводе греческих слов, означающих «подарок» и «злоупотребление». Но это не искажает образ «праздного» Великого царя, который, прячась в глубине своих великолепных дворцов, отказывается встать во главе войск и предпочитает использовать свои сокровища для растления противника. Отсюда знаменитая реплика, вложенная в уста Агесилая, который был вынужден уйти из Малой Азии: «Он сказал, уходя, что царь прогнал его из Азии при помощи тридцати тысяч лучников: таким было количество дариков, переданных в Афины и Фивы и розданных политическим лидерам, чтобы повлиять на решение их народов вступить в войну против Спарты»⁷⁵. Весьма символический образ греческого анабасиса, в котором царь верхней страны может обороняться, даже не взяв в руки оружия!

Другое обвинение, выдвинутое Александром, дополняет картину. Не слишком торопясь возглавить армию, Дарий прибег к заговорам и к убийствам. Он не только обязан своим восшествием на трон физическому устранению Арсеса, но, кроме того, как пишет Александр, он состоял в заговоре с убийцами его отца Филиппа⁷⁶. Того же Дария подозревают в том, что в течение первого года войны он нанимал наемных убийц и отравителей для того, чтобы трусливо избавиться от своего врага. Древние авторы сообщают, — относя этот эпизод к различным датам между Граником и Иссом, — что под предлогом послания сатрапу Великой Фригии Дарий вступил в контакт с Александром Линкастом, членом высшей македонской аристократии, и обещал ему, что «если бы он убил царя Александра, Дарий сделал бы его царем Македонии и дал бы ему, помимо царской

власти, тысячу золотых талантов». Сисинес, посланец, был схвачен и признался; Александр Линкаст также признался в этом и был закован в железо⁷⁷. Согласно другому обвинению, на этот раз приписанному Пармениону и, вероятно, полностью выдуманному во всех деталях, Дарий, кроме того, связался с Филиппом, врачом Александра. Он обещал ему тысячу талантов и руку своей сестры, если бы тот отравил своего великого пациента. Эта история позволяет древним авторам отметить великодушие Александра и его мужество по отношению к смерти, а также преданность тех, кто ему служит⁷⁸. Нет ничего удивительного в том, что этот *exemplum* будет фигурировать в сборнике Валерия Максима в сопровождении пристроенной к нему монархической морали: «Бессмертные боги... не позволили, чтобы несправедливый донос вынудил его оттолкнуть средство, способное спасти ему жизнь»⁷⁹.

Незадолго до Гавгамел Великий царь возобновил свои махинации. Поскольку он тщательнейшим образом выбирал место предполагаемой битвы, его обвинили в том, что он хочет избежать генерального сражения. С одной стороны, он пытается помешать своему врагу продвигаться вперед, применяя тактику выжженной земли, что вызывает тревогу Александра: «Он боялся увидеть, что враг скрывается во внутренних районах царства, после чего ему придется следовать за ним в одиночестве и отчаянной нищете»⁸⁰. Кроме того, Великий царь пытается найти союзников в лагере Александра, в особенности среди греческих войск, поскольку надеется на то, что их верность Александру не слишком крепка:

«Перехватили письмо Дария, в котором он торопил греческих солдат, подбивая их убить царя или выдать его при помощи предательства; Александр решил прочитать его перед войсками — настолько он доверял приверженности и верности греков. Но Парменион, как и другие, убедил его не делать этого, утверждая, что не надо допускать, чтобы подобные посулы доходили до ушей солдат: «Чтобы расставить ловушку царю, было достаточно одного человека; жадность не познает страха перед святотатством». Александр признал обоснованность этого мнения и снялся с лагеря» (Квинт Курций IV.10.16—17).

ЦАРЬ В ЛОВУШКЕ

В ходе подготовительных маневров, происходивших перед сражением при Иссе, и под градом критических замечаний греческих военачальников, Дарий с явным пылом возражает: «Если бы он продолжал отступать, он без сомнения отдал свое царство врагу; исход войны зависит от славы лидера, и тот, кто отступает, создает основу для бегства»⁸¹. Эта выразительная мужская уверенность наминает слова, которые Юстиниан вкладывает в уста Дария, на этот раз перед приходом Александра. Царь хвалится, что он намеренно позволяет Александру проникнуть в глубь своих земель, прежде чем приказать своим сатрапам остановить его на равнине Адраста (сражение при Гранике):

«Между тем царь Дарий, уверенный в своих силах, пренебрег хитростью и утверждал перед своими приближенными, что скрывать свои намерения означает просто украсть победу. Вместо того чтобы отразить врага от своих

границ, он позволил ему проникнуть в центр своего царства; он был уверен, что больше славы в том, чтобы изгнать врага, чем в том, чтобы не дать ему войти» (XI.6.8—9).

Заявления несколько парадоксальные, если вспомнить слова Диодора: «вынужденный необходимостью», Дарий после сильных колебаний возглавил армию, чтобы повести ее навстречу Александру⁸².

Согласно Квинту Курцию, Дарий оправдывал также свое решение долгом, который велел ему оставаться верным персидскому обычаю: «Разделять войска было никоим образом невозможно, ввиду соблюдения обычая предков, которые всегда единым фронтом безбоязненно вставали перед армиями врага»⁸³. Можно долго теряться в догадках о смысле этой формулировки и о природе обычая, упомянутого Дарием, который внезапно становится сильно озабоченным и стремящимся немедленно устремиться в бой. И снова решение приносит Геродот. Когда Ксеркс собирает высшую персидскую знать, чтобы представлять им свои планы и выслушать их мнения, он предваряет свою речь словами:

«Персы, не я ввел этот обычай (nomos), который был передан мне моими отцами и с которым я сейчас сообразуюсь: как завещали нам наши древние предки после того, как они отняли власть у мидийцев, а Кир победил Астиага. Мы никогда не оставались в бездеятельности; бог ведет по этому пути; и мы сами, в ряде случаев, старались ему следовать к нашему благу» (VII.8).

Здесь ясно обнаруживается сближение с *mimèsis*. Квинт Курций тщательно прочитал Геродота, и ему — как, впрочем, и многим другим древним авторам, — нравится оправдывать такую интерпретацию персидских нравов ссылкой на обычаи незапамятного времени (о реальности которых можно обоснованно задать вопрос). В этом случае, как и во многих прочих, царь находит в них аргумент, чтобы объяснить и оправдать свое решение.

Но, расценивая уверенность царя как «хвастовство», Квинт Курций не добавляет в это определение никакого комплимента. Вначале он осуждает бессмысленное презрение, которое Дарий выказывает по отношению к Александру, обвиняя того, что тот симулировал болезнь в Тарсе, затем в том, что тот «съежился в узкую колонну, как неблагородные звери, которые от шума, производимого проходящими мимо них, скрываются в лесных чашобах!»⁸⁴ «Его со всех сторон подзуживали, говоря, что их кавалерия легко раздавит своими копытами македонскую кавалерию», согласно утверждению Арриана⁸⁵. В то же время Квинт Курций осуждает глупость царя, чей тактический выбор (узкое место) привел его к поражению⁸⁶, которое Арриан считал неизбежным⁸⁷. Упомянув, что в тот момент, когда царь вывел свою армию на равнину, Аминтас «побудил его оставаться на месте»⁸⁸, Арриан констатирует также непостоянство Великого царя. Дарий, как уточняет Квинт Курций, мог бы добавить аргумент, относящийся к организации тыла и снабжению: в любом случае, он не мог больше вернуться назад, так как его огромная армия «не нашла бы достаточно продовольствия в опустошенной местности, попеременно опустошавшейся как его солдатами, так и врагами»⁸⁹. Это объяснение, годное для любого случая, Квинт

Курций позаимствовал, очевидно, у Ксенофонта: таково мнение, которое Арией высказал грекам после Кунакса, чтобы убедить их в том, что они не смогут возвратиться к нижним странам тем же путем, которым они добрались в Вавилонию⁹⁰. Таким образом, видно, что ни одно из этих (предполагаемых) царских заявлений, ни что-либо из древних комментариев по-настоящему не возвеличивает царя, который, превозносимый льстецами-придворными, кажется все более и более самодовольным вследствие своего иллюзорного превосходства.

Можно также удивиться этому литературному подходу, состоящему в осуждении Великого царя за то, что он не стремился действовать против Александра, но при этом и в том, чтобы отвести эффектную роль советникам, которые точно так же советуют политику выжидания, осторожности, и к которым, по этой причине, Дарий плохо отнесся. Противоречие лежит только в области слов и вещей, так как и тот и другой аргумент отягощают образ Дария. Действительно, с точки зрения наших авторов, Дарий виновен в том, что не принял с энтузиазмом вызова, порывисто брошенного ему Александром: по примеру Великого царя, описанного Плутархом⁹¹, он не сам избрал возможность бороться и защищать себя и свою империю; он был скорее «вырван из своей праздности» обстоятельствами.

Дария также осуждают за то, что он решил в конечном счете принять генеральное сражение. Резоны ясно выражены глашатаями наших авторов: совсем как Ксеркс в 480 году, Дарий в 333 году ощущает неуместный комплекс превосходства. Именно в этом смысл речи, написанной по образцу той, которую Геродот приписывал Демарату. Квинт Курций вкладывает ее в уста Харидемоса после того, как он увидел царскую армию: если этой армии может быть достаточно для того, чтобы удерживать в повиновении народы своей империи, она ничего не сможет против хорошо обученной и опытной армии, солдаты которой приучены жить в суровых условиях и презирают золото и серебро⁹². Кроме того, Великий царь выбрал абсурдную тактику, которая обеспечивает ему неотвратимое поражение. При этих условиях, действительно, лучше бы он послушал своих советников и переждал, или даже отступил! Память о Великом царе, таким образом, стала пленницей хитросплетений софизмов, закрученных умелыми риторамии.

Эти хитросплетения доходят до совершенства, если переместиться в лагерь Александра. Там роль разумного советника приписывается Пармениону. Старый товарищ Филиппа II, посевший в походах, Парменион был в пяти эпизодах введен в этом качестве Аррианом⁹³. Этот прием позволяет автору проиллюстрировать качества Александра в разгар событий, согласно рецепту, проверенному древними биографиями: ввести замечания о царях в связи с событиями, в которых они принимают участие⁹⁴. В четырех из этих притч обсуждение явно вращается вокруг личных качеств царя, который постоянно стоит перед выбором между его любовью к опасности и необходимым пониманием ситуации.

Какое бы мнение ни высказывал Парменион, оно ставится под сомнение Александром и Аррианом. Если он советует осторожность (как перед сражением при Гранике или узнав о предложениях Дария после Исса), Александр предпочитает действие: «бежать от опасности было бы недостойно моей сообразительности»; таким образом, он противится своему военачальнику, признанному счаст-

ливым потому, что он «больше не должен в будущем встречать опасности». Когда Парменион, напротив, предлагает вступить в морское сражение около Милета, Арриан считает, что в данном случае недостаточно объявить о своей «готовности разделить опасность»; здесь намного важнее подтвердить свое суждение, то есть принять в расчет специфические условия. Когда накануне Гавгамел Парменион предлагает предпринять ночную атаку, Арриан берет слово и одобряет отказ Александра: «он достаточно находчив, чтобы бежать от опасности... необходимо выиграть победу без хитростей»; военачальник должен одновременно проявить «свою устойчивость перед лицом опасности» и «рассуждать со справедливостью и точностью». В единственном случае, по мнению Арриана, Александру следовало бы последовать совету Пармениона, а именно — не губить Персеполь. Упрек выражен достаточно твердо, но он смягчен в то же самое время решением Александра весной 330 года: снова посещая Персеполь на обратном пути из Индии, «Александр сам не мог гордиться тем, что сделал»⁹⁵.

Видно, как введение выдуманных диалогов между Александром и Парменионом позволяет Арриану восхвалять достоинства Александра, которые делают из него исключительного лидера: принятие на себя риска, а также разумное и уравновешенное рассуждение, соблюдение правил честной войны и способность сожалеть о вероятной ошибке, — короче, полная противоположность Дарию, «мягкому и недостаточно рассудительному», если пользоваться определениями, использованными тем же Аррианом⁹⁶. Таким образом, логически получается, что какое бы решение он ни поддержал или ни принял, действия Великого царя в любом случае остаются обесценены сопоставлениями, хитро организованными нашими авторами. Вследствие козней риторики и ловушек софистики состязание двух образов ведется нечестно: Дарий не имеет никаких шансов выиграть.

КИР МЛАДШИЙ, АРТАКСЕРКС И ДАРИЙ III

Дарий III не просто раздавлен тенью Александра; как мы можем заметить, он также неблагоприятным для него образом сравнивается с его предком, Артаксерксом II. Читатель может быть удивлен появлением этого героя, так как мы видели, что — в особенности у Арриана, — образы Дария и Александра моделируются на базе парных портретов Артаксеркса и Кира Младшего, выписанных Ксенофонтом, Ктесием и некоторыми другими более поздними авторами⁹⁷. Если я и возвращаюсь к этому, то только потому, что в ходе общего сражения (при Кунаксе), образы обоих братьев путаются и даже частично заменяют один другой. Самое большое историографическое несчастье Дария состоит в том, что он не имеет права на такой льготный режим: в греческой галерее персидских царей сходство с другими рассказами нагружает его ошибками и дефектами обоих: и Артаксеркса II, и Кира Младшего.

Для сравнения приводится встреча между царем верхней страны и царем нижней. Положение Дария по отношению к Александру несколько напоминает ситуацию между Артаксерксом и Киrom: и тот и другой должны ответить на атаку из нижней страны противника, который, как в первом, так и во втором случае, считается достойным быть царем, и который намеревается свергнуть правящего царя с престола. Кир и Александр, кроме того, считаются способ-

ными привлечь к себе «людей из верхней страны»⁹⁸. В ответ Артаксеркс и Дарий должны как-то определить свою стратегию. Мы видели, как стратегия Дария оценивается нашими авторами; давайте теперь переместимся на совет в штаб-квартире Артаксеркса.

Увиденные Плутархом и его вдохновителями, дебаты, имевшие место вокруг Артаксеркса, звучат как почти точные прецеденты той речи, в которой Харидемос обвиняется в том, что он предложил Дарию не возглавлять армию — но полностью обратный прецедент. Роль царского советника принадлежит здесь персидскому дворянину Тирибазу:

«Говорят, что он осмелился первым сказать ему, что не надо было избегать сражения, оставлять Мидию и Вавилон, а также Сузы, чтобы отвести войска в Персию в то время, когда у него была армия во много раз более многочисленная, чем армия его противника, и большее число сатрапов и хороших стратегов, чем у Кира, для совета и для боя. Царь решил тогда в кратчайший срок дать решающий бой» (Арт. 7.3).

Все понятно: следуя мнению своего советника, царь решает не отступать в верхнюю страну и остановить Кира в Вавилонии, воспользовавшись своим превосходством в живой силе, количестве военачальников и советников. Если Великий царь может принять такое решение, то потому, что, в отличие от Артаксеркса III и Дария III, про которых говорится, что они испытывали недостаток стоящих военачальников⁹⁹, у него есть только проблема выбора «из своих сатрапов и стратегов».

Сомнение и нерешительность теперь переносятся в лагерь Кира. Там роль осторожного советника играет грек Клеарх, который, по примеру Харидемоса у Дария, пользуется полным доверием своего хозяина: Кир даже ввел его в круг «семи персов своего окружения», созванных для того, чтобы судить предателя Оронта, так как «ему казалось, что в качестве советника, — и это было мнение других персов, — он был наиболее рассудительным из эллинов»¹⁰⁰. Как и Харидемос при Дарии III, Клеарх советует Киру быть осторожным и проводить политику выжидания. Будучи весьма критичным, Плутарх приписывает поражение робкой осмотрительности греческого военачальника, и считает, что было смешно действовать таким образом, «отойдя на десять тысяч стадий от моря, чтобы взять оружием верхние земли, не получив отпора ни от кого»¹⁰¹. Ясно, что введение образа Клеарха имеет целью отмыть Кира от любого осуждения: скорее всего, именно этим вызвано явное изменение тона высказываний по отношению к Артаксерксу. Необходимо было указать на ответственного за катастрофу, даже путем приписывания мужественному Клеарху неподходящей ему роли.

Этот пример показывает, что древние авторы анализируют все положения через неизменную канву. Вначале неполноценность Дария III по отношению к Александру была выражена в терминах, идентичных тем, которыми описывался Артаксеркс II по отношению к Киру. Начиная с Кунакса маятник качнулся в другом направлении, но авторы все время используют ту же самую бинарную схему: хороший и плохой советник, советник персидский и греческий, наступать или отступать, подниматься к верхней стране или спускаться навстречу

противнику, с точки зрения мужества и трусости, способность понимать советы или неспособность понять ситуацию, и т.д. И заочное сравнение между Артаксерксом и Дарием у разных авторов становится все более нелицеприятным для последнего, поскольку первый, будучи победителем на поле битвы, намерен поиздеваться над телом смертельно раненного противника.

Можно найти параллели в суждениях относительно главных действующих лиц. Вначале сравнение оборачивается не в пользу Артаксеркса и Дария III, чьи военные приготовления и манера боя строго осуждаются. Точно так же, как, согласно Диодору¹⁰², Артаксеркс не получил отрядов от «индийцев и других народов, ввиду отдаленности их стран», так и в армию Дария не вошли «бактрийцы, согдийцы, индийцы и другие прибрежные жители Красного моря, так как выступление войск произошло в большой спешке»¹⁰³. Это сближение было сделано с намерением проиллюстрировать неизменность персидских методов боя, поскольку моменты, связанные с управлением и организацией тыла и снабжения, являлись, безусловно, одним из элементов выбранной стратегии. Тем не менее присутствующая в литературе начиная с V века тема медлительности персидских военных приготовлений напоминает скорее тяжелую *mimèsis*. Мы обнаруживаем этот мотив у Лукиана, современника Арриана. В пародии «Судно или пожелания» Самипп, военачальник, руководящий походом против Великого царя, собирает своих советников и просит у них совета: один, Адимантос, советует проявлять осторожность и даже трусость, другой же, Тимотай, предлагает скорее «двигаться со всеми армиями навстречу врагу, не ожидая, чтобы тот усилил свою армию союзниками, пришедшими к нему на помощь». «Пока враги еще в дороге, давайте атакуем их», — заключает он. И действительно, в этот момент царь сумел объединить «людей из ближних и дальних земель своей империи»¹⁰⁴.

Вначале Артаксеркс уклоняется от боя: «Он не вступил в бой и сражался отступая»¹⁰⁵. Ксенофонт подчеркивает преступное доверие, проявленное Киром в начале столкновения со своим братом: «Царь не мешал армии Кира пройти, и тот подумал, как и многие другие, что царь отказался от сражения. Поэтому на следующий день он продвинулся вперед еще дальше, не обращая внимания на его оборону»¹⁰⁶. И здесь параллель с событиями войны Дария и Александра достаточно очевидна: в то время как Александр «явно показывал, что он продвигается вперед... Дарий не продвинулся больше. Он остался на берегу реки, в некоторых местах довольно крутом: он даже приказал поставить в некоторых местах преграждающие изгороди, которые казались вполне доступными; действуя таким образом, он продемонстрировал окружению Александра, что стал пленником своего собственного решения»¹⁰⁷.

Иными словами, Дарий решил обороняться за укреплением. Арриан развивает те же доказательства, осуждая персов эпохи Дария, который, по его мнению, преградили русло Тигра серией «*kataaraktes*», представленных как настоящие долговременные укрепления, — в действительности же это были легкие заграждения, сделанные из фашии и земли, предназначенные для повышения уровня воды в периоды спада вод, и таким образом улучшающие оросительную систему. Согласно Арриану, Александр старался их разрушить, «говоря, что это не годится для людей, стремящихся продемонстрировать свое военное превосходство»¹⁰⁸. Это размышление, очевидно, вдохновлено рассуждениями философов и греческих

ораторов, среди которых были Платон и Ксенофонт: город не должен надеяться на свои стены, он должен положиться на мужество своих граждан.

Дарий совмещает недостатки Артаксеркса (расположившегося посреди своей армии и укрывшегося за рукотворными защитными сооружениями, вместо того чтобы сражаться) и пороки Кира (хвастовство перед сражением, в котором он показывает свою уверенность в том, что Александр опасается продвигаться и сражаться с ним¹⁰⁹). Он демонстрирует свой еще более низкий уровень в качестве руководителя, и даже бравирует им, показывая не только военную, но и духовную, и психологическую несостоятельность. Кроме того, он отказывается вести наступление или контрнаступление во главе своих войск, хотя именно так делает его противник: «Александр убедил своих соратников вести себя храбро... Со всех сторон войска отвечали ему криком, требуя немедленно броситься на врагов»¹¹⁰. Как и после высадки Александра, один из царей движется вперед, радостный и победительный, а другой остается застывшим на месте, нерешительным и как бы парализованным юношеской радостью его противника.

ЛЕГЕНДА О ПОЕДИНКЕ МЕЖДУ ДАРИЕМ И АЛЕКСАНДРОМ

Эта легенда, добавляющая новые штрихи к портрету Дария, рассказывается только авторами Вульгаты и не упоминается Аррианом. Согласно этой легенде, Александр искал возможность добиться личного поединка с Дарием. Квинт Курций¹¹¹ описывает это следующими терминами: «Александр искал возможности, убивая царя, обрести славу и добычу». Та же версия встречается у Диодора:

«Александр бродил повсюду, осматривая окрестности, пытаясь найти Дария. Как только он его заметил, он лично бросился со своими всадниками против самого Великого царя, так как более всего стремился лично стать инструментом победы, больше даже, чем взять верх над персами» (XVII.33.5).

Формулировка предполагает соревнование: «Все македонцы желали найти Великого царя»¹¹². Она главным образом стремится подчеркнуть желание Александра добиться единоличной славы, и она не слишком далека от той идеи, которой автор объяснил инициативу перса Спифробата при Гранике: то есть идеи о том, что мономахия — единоличный поединок — может решить исход общего сражения¹¹³. Диодор действует аналогичным образом, описывая сражение при Гавгамелах и приписывая те же мысли Александру: «Озабоченный тем, чтобы загладить поражение своих войск, Александр бросился на Дария с царским эскадром и остатком элитной кавалерии»¹¹⁴.

Даже если бы Арриан ничего толком не сказал по этому поводу, легенда о царском поединке была очень широко известна в его эпоху. Доказательством тому служит пародия, написанная Лукианом. Один из ее персонажей, Самипп, воображает себя новым Александром, завоевывающем Азию, и ставит себя против Великого царя; он даже ранен, как в версии, относящейся к Александру и Дарию:

«Что касается меня, как ты видишь, я собираюсь вступить в личный поединок (μονομαχῆιν) с царем: он бросает мне вызов, и скрыться мне было бы

абсолютно недостойно... Я ударил его и пробил его и его коня одним копьем! Затем я отрезал ему голову и снял его венец: отныне я царь и все падают ниц передо мной. Пусть все варвары падут передо мной ниц!» (Судно, 37)

Факт реального поединка ставится под сомнение Полибием, который по своей привычке приводит крайне рациональное доказательство. Среди всех причин, которые он подвергает критике, есть описание сражения при Иссе, данное Каллисфеном, в котором сказано:

«Говорят, что Александр устроил все так, чтобы предложить личный поединок Дарию, и что у Дария была приблизительно та же мысль по отношению к Александру, но что он затем изменил свое мнение. Но как они узнали друг о друге, где кто находится в другой армии? И куда Дарий направился после этого? Об этом не говорится абсолютно ничего» (XII.22.2).

Легенда была настолько широко распространена, что, согласно Эратосфену, личный поединок изображался в лицах в лагере македонян. Александра проинформировали о том, что в лагере войска разделяются на группы, одна возглавляется «Александром», а другая «Дарием», после чего солдаты сталкиваются, бросая друг в друга комья земли, прежде чем взяться за камни и палки. Александр приказал осуществить следующую постановку:

«Он приказал обоим вождям сойтись в личном поединке. Он лично вооружил одного из предводителей, Александра, а Филот вооружил другого, Дария. Армия наблюдала за поединком и выискивала в нем то, что она считала предзнаменованием грядущего. После жестокой борьбы тот, которого прозвали Александром, вышел победителем и получил в подарок двенадцать деревень, а также право носить персидский наряд. Вот в любом случае то, о чем рассказывает Эратосфен» (Плутарх, Алекс. 31.4).

В ходе пересказа и переработки, естественно, появлялись варианты, которые вызвали сомнения и пересуды. Сообщая версию поединка, высказанную Харесом из Митилены, Плутарх цитирует «письмо» Александра Антипатру, где царь говорит о своей ране, но «не указывает, кем он был ранен»¹¹⁵. Рана на бедре также упомянута Квинтом Курцием при описании столкновения — но без упоминания Дария¹¹⁶, и Диодором — без связи с каким-либо конкретным поединком¹¹⁷. Упоминание о подобной ране также приводит Арриан, но без какой-либо ссылки на поединок с Дарием¹¹⁸. В описании сражений, где постоянно дрались врукопашную¹¹⁹, было удобно ввести рассказ о царском единоличном поединке. Кроме того, рана на бедре — мотив, который часто повторяется в легендарных рассказах. Возможно, что легенда об этой ране, вполне реальной, послужила своего рода спусковым механизмом для прочих измышлений.

По правде говоря, этот вопрос не требует первостепенного внимания современного историка, более заинтересованного возникновением и распространением литературного сюжета. Итак, ясно, что такой сюжет особенно хорошо вписывается в идею македонского вызова. Отвергая предложения Дария

после сражения при Иссе, Александр писал в своем письме к Дарию: «Если, впрочем, ты не согласен передать мне царскую власть, сразись за нее еще раз, уверенно ожидая меня; но не убегай, так как я настигну тебя, где бы ты ни был»¹²⁰. В том же ключе звучит и реплика, приписываемая Александру, отклоняющему в подобных терминах предложения, которые Дарий сделал несколько ранее битвы при Гавгамелах: «То, что он потерял и то, чем он еще обладает, есть военная добыча»¹²¹. Сохранение императорской власти предполагает прямое участие царя в боях, согласно утверждениям древних авторов, которые все как один говорят следующее: чтобы сохранить свою власть или свою империю, царь должен сразиться лично¹²². О том, что царская власть может быть завоевана в результате победоносного поединка, свидетельствует легенда, относящаяся к приходу к власти самого Дария. Именно эту популярную тему подхватил Лукиан, герой которого мечтает, как он столкнется в поединке с Великим царем, так как «это признак царя — быть раненым в поединке за свою империю»¹²³.

Этот сюжет разрабатывался не только авторами повествований об Александре, но использовался и авторами, описывавшими столкновения между Киром Младшим и царем Артаксерксом II. Вот как Ксенофонт представляет личную встречу между двумя братьями в ходе сражения при Кунаксе:

«Со своими сотрапезниками Ксенофонт замечает царя и группу людей, которая его окружала. Он больше не мог сдержаться: “Вот он, — закричал он, — я его вижу!” и бросился к нему, ударил его в грудь и ранил через щель в доспехах, как подтверждает его врач Ктесий, который утверждал, что он лично вылечил рану» (Anab. 1.8.26).

Согласно Диодору, «случай поставил обоих противников, которые оспаривали царскую власть, в центре их армий. И они набросились друг на друга, желая лично решить судьбу сражения... Кир первым бросил копье и попал в царя, который упал на землю. Эта информация, без сомнения, восходит к Динону, который сообщил, что Кир встретился с Артаксерксом, и заставил того упасть на землю. При третьей атаке царь решил встретить своего брата лицом к лицу: «Он атаковал Кира, который смело и безрассудно бросился на него, несмотря на летевшие в него стрелы. Царь поразил его своим копьем, а воины из его окружения также нанесли ему свои удары». Напротив, Ктесий утверждал, что раненый Артаксеркс отступил на соседний холм и решающий удар Киру нанес перс Митридат. После победы официальная версия навязала всем мнение, что именно Артаксеркс убил своего брата¹²⁴ — по этой причине были казнены двое, которые претендовали на то, что именно они нанесли Киру решающий смертельный удар: победа в поединке, по всей видимости, должна была узаконить власть победителя.

Как в описании битвы при Кунаксе, так и при Иссе и Гавгамелах, *mimèsis* безусловно сделал свое дело. Поединок, которого так страстно желал Александр, отлично сочетался с его неудержимым движением вперед, навстречу персидскому царю, например перед Гавгамелами: «Он сам бросился к Дарию широким шагом, испустив боевой клич»¹²⁵. Или перед сражением при Иссе у Диодора: «Александр ходил повсюду, выискивая глазами Дария. Сразу же как только он его заметил, он сам бросился со своими всадниками в атаку на царя»¹²⁶. История

этого поединка была передана Плутархом, рассказывающим о сражении при Иссе: «Сражаясь в первом ряду, он был ранен Дарием мечом в бедро, как об этом сообщает Харес»¹²⁷. Подобный мотив мы обнаруживаем у Юстиниана: «Оба царя сходятся с гордой неустрашимостью... Они ранены в ходе поединка»¹²⁸.

Еще более ясно это высказано авторами Вульгаты при описании битвы при Гавгамелах. В то время как у Арриана Дарий, видя Александра, бросившегося на него со своими всадниками, быстро убегает¹²⁹, изображение обоих царей, стоящих лицом к лицу, описано у Квинта Курция следующим образом:

«Войска обоих царей практически сошлись вплотную, и сражение разгорелось с новой силой. Все больше персов падало на землю. Количество раненых было почти одинаковым с обеих сторон. Дарий ехал на колеснице, Александр был верхом: оба были защищены лучшими, невероятно самоотверженными воинами... Каждый страстно желал добиться славы, убив вражеского царя» (IV.15.23—35).

У Квинта Курция затруднения македонцев по прорыву строя персов разрешаются вмешательством рока, который возвращает солдатам веру в успех, «и особенно тогда, когда возница Дария, сидевший перед ним и правивший лошадьми, был пробит копьем... Левое крыло рассеялось и бежало: оно бросило царскую колесницу»¹³⁰. Диодор же приписывает смерть возницы Александру и говорит о том, что Великий царь сам принимал участие в боях:

«Александр бросился на Дария с царским эскадроном и остатками отборной кавалерии. Персидский царь выдержал удар врага: сражаясь (agonizomenos) собственной персоной на своей колеснице, он бросал копья в сторону нападающих, в то время как многочисленные персы также сражались на поле боя. Так как оба царя направлялись навстречу друг другу, Александр бросил свое копье в Дария и не попал; но он сумел поразить возницу, который находился рядом с царем, и обрушил его на землю... [Войска думают, что Дарий умер]... Великий царь также был охвачен страхом и бежал» (XVII.60.1—3).

Рассказ создает впечатление единоличного поединка, принятого Дарием и проигранного им ввиду парадоксального и чисто случайного успеха Александра: не попав в противника; он поражает возницу и провоцирует таким образом панику у Великого царя. Во всех случаях очевидно, что исход поединка поддерживает и подтверждает царские амбиции Александра: он «сражался в первом ряду»¹³¹, и только бегство позволяет Дарию уйти от своей судьбы.

БОЙ ИЛИ ПОДАРОК!

Не слишком удачливый на поле битвы, Великий царь, помимо того, обвинен в уклончивых маневрах. Известно, что в результате сражения при Иссе его собственная семья (мать, жена, их сыновья) попала в руки Александра. Согласно древним авторам, к македонскому царю были отправлены три посольства; дати-

руют их по-разному. Таким образом, Дарий подозревается в том, что его основной целью было заключение мира с Александром, чтобы вернуть себе семью, рискуя при этом оставить врагу всю Анатолию и даже земли между Средиземным морем и Евфратом. То есть это означало, так сказать, зафиксировать создавшееся положение: желаемый Дарием мир предлагал сосуществование — на этот раз мирное, — между царем верхних земель и царем нижних.

Легко понять, что древняя легенда может быть истолкована историками только в пользу Александра: их трудно заподозрить в снисходительности по отношению к Дарию. Жорж Раде без колебаний помещает начало переговоров в длинный ряд «восточных» приемов: «Военная удача отвернулась от него, и он решил на сей раз попробовать использовать дипломатические махинации!» Внимательно читая древних авторов, охотно вбирая в себя их сущность и стиль, автор делает на этом основании малоприятные для Великого царя выводы: «Мозг становится бессильным, если не будет подчиняться урокам фактов. Они указывают на общее отсутствие психологического смысла... Почтительный сын, нежный отец, терзаемый ревностью супруг, он соскальзывает к капитуляции, привычной для слабых душ. Расслабляющее влияние семейных привязанностей приводит к тому, что он вынужден отвергнуть гордые политические убеждения» (Александр, стр. 73—74, 78, 80).

Таким образом родился образ Великого царя, который, раздавленный внутренней скорбью, готов жертвовать империей отцов за то, чтобы освободить близких родственников. Это то, что английский историк Тарн выразил безжалостной формулировкой: «Возможно, он обладает высокими личными достоинствами; в противном случае это был бы несчастный пример бездействующего деспота и труса» (I, стр. 58). И даже при том, что сегодняшние историки расценивают содержание писем между Великим царем и Александром в основном с критической точки зрения, тем не менее странное поведение, приписываемое Дарию, передает одновременно ощущение как досадной политической слабости, так и трогательного выражения личных чувств — то и другое достаточно сильно переплелось между собой при восстановлении образа Великого царя.

Древние тексты нередко внимательно просматривались и тщательно изучались, чтобы попытаться определить реальность и содержание этих дипломатических событий. Цель здесь, разумеется, состоит не в том, чтобы выяснить точные даты отправки посольств или детали предложений персов. Нет никаких причин сомневаться в реальности самых первых двух посольств в 333—332 годах. Что касается того, чтобы узнать, что же именно там говорилось, то это совсем другое дело. Речи и письма, приписываемые царям, являются не чем иным, как литературной и риторической композицией, более или менее умелой, близкой к фантастике или просто смешанной с нею. Эти тексты мало дают для истории дипломатии, больше — для истории образа: ведь именно на их основании были созданы и распространились парные образы Великого царя и Александра.

Ведение переговоров в особенности призвано проиллюстрировать ограниченность Великого царя как военачальника. Согласно Арриану, второе посольство нашло Александра, когда он осаждал Тир, то есть спустя несколько месяцев после Исса. Информированный об отказе Александра, Дарий «начал снова готовиться к войне»¹³²: формулировка предполагает, что он оставался неактив-

ным все месяцы, прошедшие после сражения при Иссе, или по крайней мере прервал приготовления на время переговоров. Диодор, напротив, уверяет, что Великий царь не потерял своей решительности, когда возвратился в Вавилон после Иссы¹³³. Тем не менее тот же автор утверждает, наравне с другими, что в ходе третьего посольства, посланного незадолго до сражения при Гавгамелах, Дарий предложил Александру оставить ему все территории к западу от Евфрата. Ответ, приписываемый Александру, звучит как духовное и политическое осуждение его противника: «Если он стремился быть первым, он должен был бороться против меня за единую монархию. Если он, напротив, презирал славу и предпочитал удобства и удовольствия, ему придется повиноваться всем приказам Александра»¹³⁴.

Финансовые предложения, выдвинутые при переговорах о судьбах знаменитых пленников, еще больше омрачают образ Дария, который намеревается выкупить царевен и юного царевича за деньги, как выкупают простых лиц, попавших в руки разбойников и пиратов. Александр, который, напротив, старается не относиться к пленникам из членов царской семьи как к простым заключенным, не мог оценить такие предложения иначе, кроме как «недостойные его, так как он сделал более достойных поступков, чем могут возместить дары, которые ему предлагают»¹³⁵. И здесь обнаруживается хорошо известный монархический сюжет, отлично проработанный монархической идеологией и проиллюстрированный Александром и его преемниками. Двигаясь по дороге из Суз в Персеполь, Александр также отказался платить местным народам дары и дань, которые Великие цари, напротив, имели привычку давать, чтобы обеспечить себе безопасные перемещения из столицы в столицу. Несколькими годами позже один из его преемников, Антигон Одноглазый, столкнулся с той же проблемой, на этот раз идя из Суз в Экбатан горной дорогой — наиболее прямой, — на которой другое племя также намеревалось потребовать подарки и дань: «Антигон счел недостойным себя получать их согласие или делать им подарки, когда с ним шла столь сильная армия». Но позднее, ввиду неслыханных трудностей, которые он встретил на своем пути, «он сожалел о том, что не оплатил свободный проезд деньгами». Как бы то ни было, в обоих случаях горячее желание македонских вождей не покупать победы деньгами определенно противопоставляется слабости, которую таким способом Великие цари демонстрировали в самом центре их царства¹³⁶.

Именно в этом ключе и на этом фоне следует анализировать диалог между Александром и Дарием. Разбитый в сражении, Великий царь опять намеревается взять реванш или просто остановить противника ценой золота вместо того, чтобы встать во главе своих войск. Он действует как один из своих предшественников, против которого хотел недавно выступить Агесилай, «чтобы вынудить его сражаться лицом к лицу»¹³⁷. Вместо этого спартанский царь был изгнан из царства «лучниками царя», то есть серебряными сиклями и золотыми дариками с изображением лучника, разосланными по Греции с коррупционными целями. Идея довольно прозрачная: Александр не позволяет отклонить себя от намеченной им цели. Напротив, ответы, которые он отправляет Великому царю, говорят достаточно ясно, что если Дарий хочет вернуть царевен и царевича, он сможет это сделать только в результате победы в сражении: как и земли, кото-

рые Дарий уже потерял или еще контролирует, царская семья является частью оспариваемой добычи¹³⁸.

Конечно, портрет Дария не абсолютно отрицателен, так как царь решает в конечном счете сражаться. Но упрек остается: он не решился на этот выбор по своему желанию, а предпочел прекратить войну дипломатическим путем. В результате Дарий был вынужден снова сражаться с противником намного более решительным, чем был он сам: «Услышав этот ответ, Дарий оставил надежду достигнуть соглашения», — пишет Диодор¹³⁹. То же мы видим у Квинта Курция, описывающего Великого царя после провала его второго посольства: «Не преуспев в достижении мира, он начинает активно собирать свои силы и готовиться к войне»¹⁴⁰. Даже положительно оцененный отказ Дария, противопоставленный требованиям Александра, остается встроением в оправу из повествовательной и семантической логики, которая демонстрирует малодушие Великого царя, или, во всяком случае, его нерешительность, поскольку в конечном счете предъявляемое ему обвинение состоит в том, чтобы он предпочел тайные подарки и переговоры прямому столкновению лицом к лицу на поле битвы.

Кроме того, именно царевнам авторы приписывают самое решающее осуждение. Если они издают душераздирающие стоны, то это менее всего вызвано страхом смерти, позора или жестокой боли: они убеждены, что их сын, муж и отец погиб в ходе сражения. Они знали это, или верили, что знают, — с этим согласны все авторы, рассказ которых меняется только в деталях. У Квинта Курция носителем дурной вести является «пленный евнух, который случайно остановился перед их палаткой и узнал в руках того, кто его нашел, одежду, от которой Дарий избавился, чтобы ее вид не выдал его: заключив, что одежду сняли с убитого, он принес ложную весть о смерти царя». У Плутарха¹⁴² «при виде колесницы и лука царя, они били себя в грудь и рыдали, считая, что он погиб». У Диодора¹⁴³ царевны бросаются на землю в скорби, когда им сказали, что «Александр бросился в погоню, чтобы привезти останки Дария». Для того чтобы их успокоить, Александр заставляет Леоната сказать им, что он «не привез ничего, кроме оружия и одежды, которые Великий царь оставил в своей колеснице»¹⁴⁴.

Каковой бы ни была версия, постановка выглядит достаточно однозначно. Реакция царевен на очевидную для них смерть царя предполагает, что царь, достойный этого имени, не оставил бы никогда «знаков власти», наоборот, он скорее умер бы, защищая их. Этот вставной эпизод служит для того, чтобы показать существующее трагическое противоречие между образом Великого царя, который представляют себе персидские царевны, и его недостойным образом, выведенным авторами, которые намереваются навязать македонское видение событий, причем оно выдается за фактическую реальность, которую никто не может поставить под сомнение.

Даже образ юного сына Дария использован для того, чтобы выразить немое осуждение его отца. Квинт Курций и Диодор в похожих выражениях описывают сцену, происходившую в палатке персидских женщин, когда Александр и Гефестион пришли уважительно поприветствовать их:

«Александр обнял сына Дария; ребенок, который видел его тогда в первый раз, совсем его не испугался и схватил за шею. Впечатленный неустраши-

мостью ребенка, он посмотрел на Гефестиона и сказал ему: «Как я хотел бы, чтобы Дарий имел что-то от этого характера!» (III.12.26)

Диодор высказывается еще яснее: «Александр говорит Гефестиону, что этот шестилетний мальчик выказал мужество, невероятное для своего возраста, и проявил себя более достойным, чем его отец»¹⁴⁵. Чуть позже еще одна деталь усугубит потрет. Рассказывая о прибытии к Александру третьего посольства Дария, Квинт Курций утверждает, что, озабоченный в первую очередь освобождением матери и двух дочерей, Великий царь предложил своему противнику сохранить взамен возле себя своего сына Оха¹⁴⁶. Дойдя до предложения оставить в руках врага молодого царевича, «которого само рождение предназначало для верховной власти»¹⁴⁷, Дарий доказывал, что его личные чувства были сильнее, чем долг царя, и он «полностью подтвердил» суждение, высказанное Александром в присутствии мальчика!

ПАНИЧЕСКОЕ БЕГСТВО В ВЕРХНИЕ ЗЕМЛИ

Изображение труса, пытающегося задержать час гибели, подпитывается также античными свидетельствами о непрерывном бегстве Дария, прерванном его жалкой смертью в парфянском поселке. Как только опасность делается слишком серьезной, Дарий отступает и бежит, и, что еще хуже, тем самым подает сигнал к беспорядочному бегству всего войска. Этот сюжет повторяется особенно ярко и часто Аррианом, начиная с описания битвы при Иссе:

«Персы не дрогнули до момента, когда узнали, что Дарий бежал... Но с этого момента поражение было явственным и общим... Что касается Дария, то как только Александр обратил его левое крыло в бегство и он понял, что его левое крыло смято, он немедленно развернулся и бежал в арьергард на своей колеснице, в первых рядах беглецов...» (II.11.2,4).

Преследуемый Александром, Дарий по мере бегства освобождается даже от всех знаков царского достоинства:

«Поскольку при бегстве он двигался по довольно ровной местности, то он сумел выбраться с поля боя целым и невредимым на своей колеснице; но, когда на пути начали попадаться овраги и другие неровности поверхности, он оставил колесницу и избавился от своего щита и одежды (kandys); он оставил в колеснице даже свой лук. Затем он снова бросился в бегство верхом, и опустившаяся ночь избавила его от попадания в руки Александра» (II.11.5).

Теперь Александр может объявить себя победителем, поскольку он вернулся в свой лагерь с колесницей, щитом, платьем и луком Дария. Вскоре он завладевает палаткой Великого царя и его богатствами — это яркий знак передачи власти¹⁴⁸.

Согласно тому же Арриану, поведение Великого царя было не менее недостойным и при битве при Гавгамелах. Дарий снова находится в центре своих

войск, окруженный элитными отрядами¹⁴⁹. Затем в ходе сражения Александр переходит в наступление:

«Он быстрым шагом бросился к Дарию, выкрикнув воинственный клич... Он повел за собой своих всадников... Дарий, которому положение казалось ужасающим, находясь во власти страха, в момент, когда события были еще достаточно благоприятны, первым повернул назад и бежал... Персы правого крыла не знали еще ничего о бегстве Дария и, налетев на левый фланг Александра, атаковали войска Пармениона... [преследование Александра]... Он прибыл в Арбелы на следующий день... Он не мог найти и захватить Дария, который ускользал, не останавливаясь ни на миг; но он нашел там сокровища Великого царя, весь его багаж и снова (authis) колесница Дария был взята, и снова (authis) захватили щит, лук и стрелы» (III.14.2—3,6; 15.3—5).

Арриан повторяет тот же образ в звонкой элогии, посвященной мужеству, проявленному индийским царем Пором перед лицом Александра. Он создает удаленное сравнение, и оно снова не в пользу Дария. Несмотря на массу затруднений и ударов, нанесенных македонцами его войскам, «Пор не убегает, давая сигнал бегства своим собственным войскам, как это сделал Великий царь Дарий»¹⁵⁰. Он снова возвращается к Пору в виде короткой ретроспекции при описании сражения у Гавгамел, «в ходе которого Дарий бежал и бежал не останавливаясь, пока не попал в руки Бесса, а затем умер, когда Александр уже приближался»¹⁵¹.

Даже если авторы Вульгаты делают позитивные замечания о поведении и привычках Великого царя в ходе сражений, все они описывают его страх и бегство в резких терминах: «Успех [Александра] оставался сомнительным до того момента, когда Дарий бежал», — пишет Юстиниан¹⁵². Описав беспощадные бои, которые шли в ходе сражения при Иссе вокруг царской колесницы, Диодор продолжает:

«Но лошади, которые несли квадригу Дария, были изрешечены ранами, и вид неисчислимого количества трупов вокруг них пугал их: они неистово грызли свои мундштуки и, еще немного, и они унесли бы Дария в окружение его врагов. Чтобы избежать этой серьезной опасности, Великий царь сам быстро схватил вожжи, вынужденный одновременно потерять священное величие и нарушить обычай, который персы установили для своих царей. Слуги привели Дарию другую квадригу. Но возник момент неясности в тот момент, когда царь переходил с одной колесницы на другую, и Дарий, которого враг тесно окружал, был охвачен паникой и страхом. Отметившие тревогу Великого царя персы (из ближнего окружения) побежали... Дарий, царь, побежденный силой оружия, быстро бежал и, хватая поочередно лучших своих лошадей, бросился галопом, пытаясь ускользнуть из рук Александра: его план состоял в том, чтобы добраться до верхних сатрапий» (XVII.34.6—7; 37.1).

Прибегнув, очевидно, к тому же источнику, Квинт Курций также описывает страх лошадей царской колесницы, а затем страх Великого царя, который обращается к окружающим его бойцам:

«Он опасался попасть живым в руки своих врагов, прыгнул с колесницы и вскочил на лошадь, которая следовала за ним для этой цели, постыдно избавившись от знаков царской власти, которые могли бы выдать его при бегстве. Затем, когда все остальные бежали, напуганные, он бросился туда, где они нашли свободный путь для бегства...» (III.11.11).

То же самое можно встретить при описании битвы при Гавгамелах, даже если в этом случае Диодор и Квинт Курций указывают, что не сам Великий царь дал сигнал к бегству:

«Он сам сражался на колеснице и бросал копьа в нападающих... (XVII.60.2)... Все были убеждены, что царь был убит. Скорбные крики, дикие стоны родных и приближенных Дария привели в замешательство и беспорядок персидскую армию, которая до этих пор сражалась с равными шансами» (Квинт Курций IV.15.28—29).

В этом случае Квинт Курций утверждает также, что, «как говорят», оставленный своим левым крылом, Дарий извлек свой короткий меч и спросил себя, не избежал ли бы он, умирая с честью, стыда бегства. Но, стоя высоко на колеснице, «он отказался оставить своих воинов, которые не были готовы единогласно покинуть поле битвы»¹⁵³.

Если Дарий не является, таким образом, первым ответственным за панику, тем не менее он поддается общему пораженческому настроению ввиду того, что видит, что его фланги прорваны:

«Он также был охвачен страхом и бежал... Было невозможно понять, в каком направлении бежал Дарий... Слышался только стон людей, лежавших повсюду, топот кавалерийских отрядов и непрерывное хлопанье кнутов... Он бежал в верхние сатрапии, желая оставить между собой и Александром как можно большее пространство¹⁵⁴... Когда Дарий развернулся на колеснице и бежал, это уже был даже не бой, а массовое убийство... Слышалось хлопанье вожжей — это возница не переставал хлестать царскую упряжку: это были единственные следы, которые Дарий оставил в своем бегстве» (Квинт Курций IV.15.32—33).

В то время как Арриан утверждает, что в Иссе Дарий бежал на своей колеснице, прежде чем бросить ее и пересесть на коня¹⁵⁵, Квинт Курций вводит один особенно унижительный мотив, доказывающий, что бегство царя было подготовлено заранее: «Он опасается попасть живым во власть врага, прыгивает с колесницы и садится на лошадь, которая следовала за ним для этой цели»¹⁵⁶. Плутарх также отмечает, что паника не зародилась вследствие действий Дария, наоборот, он отмечает его мужество. Плутарх рассказывает, как царская колесница не могла более маневрировать, поскольку ее колеса были заблокированы трупами, валяющимися вокруг нее: «Тогда Дарий оставил свою колесницу и свое вооружение; он сел верхом на кобылу, которая, как говорят, была подведена ему, и бежал»¹⁵⁷. Эта тема была снова рассмотрена, в более расширенной и аргу-

ментированной форме, Элианом, автором римской эпохи, в морализаторском анекдоте, включенной в его труд, где были собраны анекдоты о животных:

«Похоже, что кобыла была хорошей матерью и с нежностью вспоминала своих жеребят. Последний Дарий отметил это. По этой причине ему нравилось, чтобы его сопровождали на поле битвы несколько кобыл, которые недавно ожеребились, но у которых отняли их жеребят. Жеребята, которые теряют свою мать, выращиваются на молоке другой кобылицы, как это делается и у людей. Таким образом, когда сражение при Иссе стало неблагоприятным для персов, и когда Дарий был побежден, он вскочил на кобылу, озабоченный тем, чтобы как можно быстрее бежать и спасти свою жизнь. Известно, что кобыла, вспоминая о своем жеребенке, которого она оставила позади, способна со всей возможной скоростью и заботой спасти своего хозяина в момент ужасной опасности» (Anim. VI.48).

Разумеется, автор сборников *ехептл* каким является Элиан, должен пользоваться всем, что попадает к нему в руки. При чтении его рассказов следует отличать то, что составляет основу истории и морализаторские комментарии, которыми он их приукрашивает. В данном случае речь идет о привязанности, которую, согласно Элиану, испытывают кобылы по отношению к своим жеребяткам: даже когда они отделены от них, они их не забывают. История отношений кобылы/жеребятки должна была быть довольно известной, так как, в самом разном повествовательном контексте, мы обнаруживаем ее в «Романе об Александре» и в «Искандар-наме» Низами¹⁵⁸. Для того чтобы сделать повествование еще бодрее и забавнее, Элиан вставил его в описание поведения Дария III в ходе сражения. Даже если в повествовании не присутствуют определенные термины, все равно мы обнаруживаем там *topos* подлого царя и беглеца. Повествование просто приводит к подобной характеристике, так как, если верить Элиану и Плутарху, Дарий, знающий о привязанности кобыл к жеребяткам, преднамеренно выбрал кобылу. Торопливый читатель, таким образом, вынужден думать, что еще до начала сражения Дарий подготовил все для того, чтобы обеспечить себе неизбежное бегство, откуда появилось выражение Квинта Курция: «Лошадь, которая следовала за ним для этой цели (*ad hoc*)». В результате возникла история, крайне принижающая царя, готового к любым уверткам и хитростям, чтобы не рисковать своей собственной жизнью. Именно основываясь на этой легенде, комментаторы интерпретировали присутствие лошади около царской колесницы на Неапольской мозаике (рис. 43): перс, который держит в поводу лошадь, готов передать повод Великому царю¹⁵⁹. Надо ли уточнять, что иконографическая интерпретация исходит также от предполагаемых слабости и трусости Великого царя, и это мнение еще более усиливается в результате совпадений между Аррианом и Вульгатой?

Совершенно ясно, что, использованные друг за другом, соответствующие друг другу и ассоциативно усиливающие друг друга, использованные слова и выражения будут позорить Дария и лишать его достоинств, единогласно признанных характеристиками законного царя, неважно, идет ли речь об испытании боем, — стоя в первых рядах перед лицом всего войска вместо того, чтобы

постоянно показывать врагу спину, — или о долге государя попытаться испытать судьбу вместо того, чтобы готовиться к поражению, о духовном обязательстве защищать своих солдат от краха и унижения вместо того, чтобы подготовить свои тылы и все необходимое для бегства еще до начала сражения.

Необходимо отметить и еще один сюжет. Дело в том, что, если Дарий ускользнул в конечном счете от Александра, то, с одной стороны, он оставил поле битвы еще в тот момент, когда битва была в самом разгаре (в особенности при Гавгамелах), но при этом он воспользовался ночью, чтобы скрыть свое бегство. Невозможно не обнаружить связь этого момента с одним из эпизодов переговоров, описанных Аррианом, между Александром и Парменионом, накануне сражения у Гавгамел¹⁶⁰. Старый военачальник уговаривал Александра атаковать персов ночью; при этом атака получилась бы неожиданной, в условиях неясности, тем более что ночью люди более склонны пугаться. Ответ Александра, а главным образом Арриана, выводит на первый план тактические и практические аргументы (ночь может быть благоприятной для слабейших), и даже политические: побежденный при таких обстоятельствах, Великий царь мог бы «отказаться признать свою неполноценность и неполноценность войска, которым он командовал, из-за того, что атака македонцев происходила бы скрытно и в ночи». Аргумент, отведенный Великому царю, содержит явную ссылку на нормы, принятые в обоих лагерях, и являющиеся, по всей видимости, этическими нормами: ночной бой не может выявить истинного победителя.

Если аргументы практического и тактического характера по большей части исходят от Арриана, этические аргументы выдвигаются в основном Александром: «Он ответил Пармениону, что для него было бы позором украсть победу, и что Александр должен победить при свете дня и без фокусов»¹⁶¹. Эта реплика очень точно напоминает то, что Юстиниан вкладывает в уста Дария в контексте, посвященном началу войны¹⁶², и она довольно точно воспроизведена арабо-персидским автором Таалиби, написавшим «Историю персидских царей», который, не называя Пармениона, приводит тот же самый диалог: «Ночная атака — это разбой, а разбой не к лицу царям» (стр. 408), — отвечает Искандер. Царская реплика очень точно соответствует традиционной ментальности, согласно которой солдат ведет свой бой при свете дня; ночь, напротив, используется людьми хитрыми и недостойными. К противопоставлению Александра и Дария присоединяется, таким образом, контраст между преследователем и беглецом; он соединяется с героизмом, проявленным македонским царем в первых рядах своих войск и при свете дня, в противовес позорному бегству Великого царя, который пользуется ночью, чтобы постыдно скрыться обманным путем от своего долга, по крайней мере с точки зрения греческих этических норм: необходимо встречать противника лицом к лицу, без хитростей или уловок.

СЮЖЕТ С БЕГСТВОМ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

Во многих моментах изображение бегства Дария смешивается с историей Ксеркса в 480 году. В конечном счете и тот и другой были осуждены практически в идентичных терминах за то, что они привели империю к падению из-за их любви к тлетворной роскоши и последующей расслабленности¹⁶³. К тому же кажется

весьма вероятным, что подобный эпизод из «Романа об Александре» был напрямую вдохновлен апокалиптическими описаниями отступления Ксеркса, которые можно найти, например, у Эсхила: точно так же, как часть армии Ксеркса тонет в реке Стримон, вначале замерзшей, а потом растаявшей под солнечными лучами, так же и Дарий и люди из его свиты смогли перейти замерзшую реку Странга, прежде чем крах поглотил «основные силы персов и варваров»¹⁶⁴. Другие сопоставления более заметны: Ксеркс, покидая Сарды, бросил колесницу Зевса/Ахура-Мазды, которая находилась в его кортеже — такая же точно колесница числилась в официальном кортеже Дария при выходе из Вавилона¹⁶⁵.

Рассказы, повествующие об этих двух Великих царях, отличаются своим безличным характером. Они разрабатывают две взаимозависимые темы — бегство победленного царя и превратность фортуны. Эти темы многократно обрабатывались и развивались классическими авторами, во-первых, в связи с поражением Ксеркса, а затем в связи с тем, что они единогласно считали его непрерывным бегством в Азию после сражения при Саламине:

«Ксеркс испускает долгий стон и сетует на пучину страданий... Он разрывая свою одежду, исторгая крик, а затем внезапно отдает приказ своим сухопутным войскам и бросается в паническое бегство [Эсхил, Персы, стр. 465—470]... Ксеркс, узнав о своем поражении, боялся, как бы какой-нибудь иониец не посоветовал бы грекам — или как бы эта идея не пришла в голову им самим, — поплыть к Геллеспонту, чтобы разрушить там мосты и заблокировать его в Европе, где он оказался бы в смертельной опасности. Ксеркс решил бежать... Царь направился к Геллеспонту и за сорок пять дней достиг места, где он переправлялся. Из его армии, можно сказать, почти никто не вернулся... Возвращаясь, ему не удалось найти в этой стране [Пеония] священную колесницу Зевса, которую он оставил там, когда шел на Грецию» (Геродот VIII, стр. 155—177; см. IX.108).

Портрет Ксеркса, который рисует Юстиниан, содержит также некоторые из черт, обычно приписываемых Дарию, например чувство превосходства и даже высокомерия, а также бахвальство¹⁶⁶. Давайте обратим внимание на описываемое автором противопоставление безграничности армии, парад которой Ксеркс недавно принимал, и недостатков и дефектов самого царя:

«Но эта столь значительная и отличная армия осталась без военачальника. Если оценивать царя, то можно хвалить его богатства, но не таланты военачальника... Он первый в бегстве и последний в битве, робкий в опасности, надменный, когда не нужно ничего опасаться и, наконец, исполненный уверенности в своих силах безо всяких реальных на то оснований...»¹⁶⁷

У Валерия Максима бегство столь могучего царя было, естественно, возведено в трусость:

«Этот человек, который окружил море цепью своих кораблей, на земле превратился в животное, которое бежит изо всех сил, чтобы сбежать от опасно-

сти. Он был вынужден повернуть назад, полный страха, чтобы вернуть себе свою империю» (1.6, ext. 1).

В истории также не раз встречалась не менее избитая тема — тема изменчивости фортуны, которую безо всякого смущения выражали при помощи полных напыщенности образов:

«Насколько его поход в Грецию был ужасен, настолько и его отступление было позорным и несчастливым... Ксеркс нашел, что мосты разрушены зимними бурями, и быстро пересек море в рыболовецкой лодке. Это был удивительный спектакль, замечательный и хорошо сделанный, позволивший показать людей без прикрас: в маленькой лодке находился тот, кому еще недавно не хватало целого моря» (Юстиниан, II. 11.1; 13.9—10).

Изображения персидских царей в состоянии поражения были столь сильны и столь содержательны, что они были использованы другими авторами римской эпохи, описывавшими, например, паническое бегство Помпея с поля Фарсальской битвы. Так же как и Дарий, Помпей «освободился от знаков власти»¹⁶⁸ и, совсем как это сделал Ксеркс у Юстиниана, «он бросается в лодку, неспособную сопротивляться ветрам и потокам... которая уносит его в открытое море: тот, чьи весла ударяют еще в воды Корцира и залива Левкады, хозяин Сицилии и либурнийской земли, прокрадывается, дрожа, на углу челнока»¹⁶⁹.

Легко понять, что в эллинскую эпоху изображение бегства царя Дария на колеснице особенно сильно привлекало художников. Подобный сюжет можно увидеть на вазе в Апулии. На амфоре из Неаполя (рис. 44) царь стоит на колеснице, запряженной четырьмя лошадьми и управляемой колесничим, который хлещет упряжку, в то время как его преследует всадник в коринфском шлеме, вооруженный копьем, появляющийся слева; справа изображен бой между греком и персом. Так же, как на *Вазе персов*, где изображен царский совет, созванный царем, под фигурой которого написано имя «Дарий» (рис. 42), описываемая сцена заполнена фигурами божеств: Зевс приказывает Nike (богине Победы) увенчать олицетворение *Элады* перед лицом униженной *Азии*. На трех других вазах мы обнаруживаем сюжет того же периода (из которых одна ныне потеряна). Сегодня считается, что эти вазы были сделаны в 330—320 годах. И те и другие могли выйти из мастерской «Художника Дария» или ему подобной.

В том же десятилетии, прошедшем со времени смерти Дария и Александра (произошедшей с семилетним интервалом), художники Апулии были наслышаны об основных эпизодах эпопеи Александра, так как рассказы об этих событиях непрестанно циркулировали среди людей. Но намерение художников не состояло в том, чтобы проинформировать всех о реальных исторических событиях: они работают с повторяющимися мифологическими моделями. Картина не собирается становиться ни реалистичной, ни документальной, даже тогда, когда изображается царский совет. В наименьшей степени художник стремится изобразить исторических персонажей — речь идет о персонажах условных и представленных как таковые: колесница изображена греческого типа; Великий царь носит одежду, которую обычно надевали актеры в театре, изображавшие персов, а также ама-

зонак; царь представлен в виде изнеженного «восточного» царя, который не оказывает никакого сопротивления — образ, совершенно не похожий на изображение бойца (пусть даже побежденного), который мы видим на мозаике. Что касается преследователя на коне, который предположительно является Александром, то он изображен с бородой, и его черты совершенно не похожи на тот физический облик, который хорошо известен и широко распространен. Стоит добавить, что сцена предполагает, что Александр захватил Дария, и даже что он его убил (этот сюжет достаточно слабо представлен в литературной традиции)¹⁷⁰. На самом же деле иконографический контекст позволяет утверждать только, что объединенные единым движением, созданным воображением художника, эти анонимные персонажи не могут быть никем другим, как Дарием и преследующим его Александром. Каким бы ни было при этом графическое выражение, необходимо констатировать, что изображения «бегства Дария» появились очень рано; рано сформировался и «канон» этого изображения: победа Александра, отобранная движением копья, которым македонский царь угрожает своему врагу, безоружному и напуганному, стоящему на своей колеснице.

ПОДРОБНОСТИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Контраст между царем-беглецом и царем-преследователем, отображенный художниками, является основной идеей античных рассказов. Об этом свидетельствует особенно резкое выражение, использующееся Аррианом: в то время как македонский царь находится в первом ряду сражающихся, Дарий — в первом ряду бегущих¹⁷². Здесь мы обнаруживаем изображение молодого завоевателя, полного лихости и порыва, который, высадившись на побережье, без колебаний выбирает путь в глубь страны, навстречу Великому царю¹⁷³, так как «решено было застигнуть Дария, где бы он ни находился»¹⁷⁴. Это то, о чем перед Иссом Аминтас напоминает Дарию, убежденному в том, что Александр не осмелится атаковать: «Он утверждал категорически, что Александр немедленно бросится навстречу Дарию, где бы он его ни увидел»¹⁷⁵. После первых дипломатических переговоров молодой царь провоцирует своего противника на бой за царскую власть и предупреждает его: «Не убегай, так как я настигну тебя везде, где бы ты ни был»¹⁷⁶. Это предупреждение было повторено в ходе второго посольства: «Везде, куда мог бы бежать Дарий, он будет преследовать его»¹⁷⁷. Согласно Плутарху, он очень огорчился из-за уклончивой тактики, выбранной противником, — настоящее «посягательство на славу»¹⁷⁸, — и очень обрадовался тому, что может встретиться с ним в общем сражении, так как он сказал Пармениону в утро перед Гавгамелами: «Это — уже победа, что не надо больше бегать туда-сюда по огромной и опустошенной стране в погоне за ускользящим Дарием, чтобы заставить его сражаться»¹⁷⁹. Впрочем, то же самое, по словам Квинта Курция, считал и Дарий, который решил дать сражение:

«Но когда из достоверных источников пришло известие, что Александр со всеми своими войсками пошел бы в любое место, куда решил бы направиться Дарий, то Великий царь, понимая, с каким человеком он имеет дело, приказал собрать в Вавилоне все разноплеменные отряды» (IV.9.2).

Повторяющийся характер подобных выражений у различных авторов показывает, до какой степени тема личного столкновения между обоими царями тесно связана с темой преследования со стороны Александра. Приняв решение выйти навстречу своему противнику, Дарий в действительности, начиная с момента завершения битвы при Иссе, не перестает убежать. Напротив, в македонском царе есть твердое и непрекращающееся желание подняться в глубь страны и вынудить своего противника поспорить с ним за верховную власть на поле битвы. В сознании читателя, таким образом, не остается сомнений относительно того, что каждый из царей параллельно проходит урок перемещений в пространстве, тем более, что он легко может связать его с дипломатическими предложениями, приписываемыми Великому царю: убегая безостановочно в глубь страны, Дарий оставляет власть над территориями македонскому завоевателю, который спешит по его еще теплым следам. Именно эти рассуждения приписывает Квинт Курций Александру, обращаясь к своим войскам перед сражением при Гавгамелах: «Наилучшим доказательством потери ими боевого духа было то, что персы сжигали свои города и поля, как все то, что будет принадлежать их врагам»¹⁸⁰.

Как и при любом подобном столкновении, цель каждого из противников состояла в том, чтобы захватить лично военачальника вражеской стороны: «Каждый страстно желал добиться славы и убить вражеского царя»¹⁸¹ [...]. Все македонцы желали найти Великого царя»¹⁸², и Александр думает только о том, чтобы захватить своего убегающего врага. Так было при Иссе, где, согласно Плутарху, у Дария «был запас в четыре или пять стадий»¹⁸³, и где, согласно Диодору, Александр, «в конце пробега в двести стадий, повернул назад и вернулся в лагерь к середине ночи»¹⁸⁴. Давайте посмотрим у Арриана¹⁸⁵:

«[Оставив колесницу и знаки власти], Дарий возобновил свое бегство верхом, и только наступившая ночь помогла ему не попасть в руки Александра. Поскольку этот последний вел преследование при свете дня, когда наступила ночь и ничего больше не было видно, он вернулся в лагерь... Надо сказать, что преследование было замедлено, потому что, как только фаланга была разбита, он сделал полукруг и сам лично не начал преследования до тех пор, пока не увидел, как от реки были отброшены иностранные наемники и персидский кавалерийский отряд» (II.11.5—7).

Александра вновь постигла неудача, как и в Гавгамелах: «Победитель не сдержал беглецов»¹⁸⁶. В каком-то смысле «он демонстрировал победоносный вид прежде, чем исход боя стал несомненным», за что его приветствует Квинт Курций, который считает, что, делая так, он выказал «больше рассудочности, чем нетерпения»¹⁸⁷. Но в то же самое время наступление, руководимое Мазеем, поставило македонцев в положение, когда они сами были вынуждены убежать. Перед столь явной опасностью Парменион послал гонца, чтобы попросить Александра вернуться назад, и таким образом заткнуть брешь. Только обеспечив успех, царь мог возобновить преследование, которое он вел до наступления ночи. Он разбил свой лагерь, преодолев реку Ликос, на которой немного времени тому назад, согласно Квинту Курцию, Дарий оставил мост для того, чтобы позволить своим войскам ускользнуть от македонцев¹⁸⁸.

«Затем, оставив свой кавалерийский отряд отдыхать до полуночи, Александр снова отправился на полной скорости в Арбелы, с идеей найти там сокровища и остатки имущества Дария. Он прибыл в Арбелы на следующий день, покрыв с момента завершения сражения шестьсот стадий. В Арбелах он не смог найти Дария, который без малейшего промедления бежал»¹⁸⁹.

Таким образом, понятно разочарование Александра:

«Царь сильно торопился настигнуть своего бегущего врага, когда получил плохие новости от Пармениона. Он приказал всадникам остановить лошадей; пехота прекратила продвижение; он скрипел зубами из-за того, что у него вырвали победу из рук: “Дарий оказался счастливее в своем бегстве, чем он сам в его преследовании”»¹⁹⁰.

Впоследствии Пармениона обвиняли в том, что он позволил Дарию во второй раз убежать: «Недовольный сообщением, царь не сказал правды своим солдатам; под предлогом того, что он уже насытился резней и что наступила ночь, он дал сигнал отступить».

Тем не менее терминология, использованная Диодором при описании принятия «знаков власти» Дария, заставляет считать, что Александр снял с Дария доспехи и забрал его оружие¹⁹², как это мог бы сделать римский победитель в поединке, помещая доспехи врага на алтарь, посвященный Юпитеру Феретрийскому в виде «трофейных доспехов»¹⁹³. В конце концов, именно в таких терминах Квинт Курций выражает надежду, жившую в Александре во время битвы при Иссе: «Убивая царя, он искал славы получения трофейных доспехов»¹⁹⁴.

ЦАРЬ ВЕРХНИХ И НИЖНИХ ЗЕМЕЛЬ

Согласно Квинту Курцию, вечером в день поражения, в то время как Александр шел по его следам, Дарий держал со своими близкими друзьями короткий военный совет в Арбелах: он решает не защищать Вавилонию и отойти к Экбатанам, где он мог бы собрать новую армию¹⁹⁵. Диодор передает это в следующих терминах:

«Дарий убежал в верхние земли. Он желал увеличить расстояние между собой и Александром и получить достаточную отсрочку, чтобы собрать новую армию. Дойдя до Экбатан в Мидии, он сначала находился там, собирая всех, кто вернулся целым и невредимым после краха, и вооружая тех, кто еще не воевал. Он также призвал воинов из соседних народов, посылал сообщения сатрапам и стратегам, находящимся в Бактрии и Верхних сатрапиях, чтобы убедить их оставаться ему верными»¹⁹⁶.

Как и предполагалось, Александр направился к Вавилонии, и в течение следующих месяцев (ноябрь 331 — апрель 330 года) посвятил себя завоеванию крупных царских резиденций и укреплению своей власти в Персии. Вопреки положению, которое создалось и доминировало после сражения при Иссе и после

наступления из Египта, македонская армия не идет больше по следам ахеменидской армии; каждый из двух царей следует собственным путем. Очевидно, именно по этой причине Великий царь снова исчезает из повествований древних авторов, чье внимание приковано к делам и подвигам Александра.

Тем не менее, разумеется, оба противника оставались настороже. Мысль о Дарии не оставляла македонца, который получал новости, исходящие из лагеря Дария в Экбатанах. Ввиду того, что положение в Персеполе в апреле — мае 330 года стабилизировалось, преследование возобновилось, еще более ожесточенное и ускоренное, чем ранее. Вот как Арриан описывает надежды и планы Великого царя:

«Дарий решил, что если Александр остался бы в Сузах и Вавилоне, он будет ожидать, стоя на месте, в Мидии, чтобы увидеть, не изменилось ли что-то снова в положении Александра: но если бы Александр пошел против него, он поднялся бы по Парфии и Гиркании до Бактрианы, опустошая всю страну и обеспечивая тем самым скорость, невозможную для Александра. Он послал к Каспийским Воротам... женщин, остатки движимого имущества, которые к тому времени еще были при нем, а также крытые повозки, в то время как он, с армией, которую он смог собрать в его положении, ожидал врага в Экбатанах» (III.19.1—2).

Продолжение рассказа показывает, что сообщения, получаемые Александром в это время, были противоречивыми: одни констатировали желание Дария сражаться в генеральном сражении; затем очень быстро выяснилось, что, будучи неспособным вынудить скифов и кадусиев прислать ему воинские отряды, Великий царь решил возобновить бегство вглубь страны:

«Александр был в трех днях пути от Экбатан, когда ему навстречу вышел Бисфан, сын Оха [Артаксеркса III], бывшего царем Персии перед Дарием. Бисфан сообщил ему, что Дарий бежал четыре дня назад с сокровищами Мидии, приблизительно в семь тысяч талантов, и армией, насчитывающей около трех тысяч всадников и шесть тысяч пехотинцев» (III.19.4—5).

Затем Арриан сообщает о заговоре против Дария Бесса, сатрапа Бактрии, и Барсента, сатрапа Арахосии и Дрангианы, которые, объединившись с хилиархом Набарзаном, задержали Дария и «увезли как пленника в крытой повозке»¹⁹⁷.

Этот момент истории Дария и Александра описывается Квинтом Курцием на протяжении книги V, в которой автор излагает события, начиная со следующего дня после битвы при Гавгамелах и до смерти Великого царя. Автор не колеблется, как уже подчеркивалось¹⁹⁸, воспроизводить в мельчайших деталях как общественные речи, так и частные разговоры. После объявления о возобновлении преследования Александром, Дарий, согласно Квинту Курцию, «опасался, что Александр сумеет его обогнать, и изменил свой план и свой путь». Квинт Курций добавляет, что Великий царь «больше готовился к тому, чтобы сражаться, чем к тому, чтобы бежать»¹⁹⁹, и что самый близкий друг царя, Артабаз, предлагал всем «надеть свою самую красивую одежду, взять самое богатое

оружие, которое у них было, и следовать за царем в бой, настроившись на надежду на победу и готовность умереть с честью»²⁰⁰. Но, хотя «эти слова были приняты общим согласием», Квинт Курций никогда не позволяет читателю предположить, что общее сражение готовилось со всей серьезностью. Напротив, «Дарий решил затем пойти в Бактрию, а Александр шел так быстро, что расстояние между ними никак не оказывалось достаточным»²⁰¹. Очевидно, тем временем Бесс и его сообщники сделали все возможное, чтобы подорвать власть и престиж, которыми еще пользовался Великий царь.

Таким образом, дальнейший контекст является действительно контекстом бегства. Квинт Курций показывает, как царь, обладающий «простым и прямым характером», дает свое прощение заговорщикам, а затем оставляет Экбатаны в большом экипаже, согласно правилам двора: «Дарий дал сигнал к походу и, согласно древнему правилу, поднялся на свою колесницу... Не осознавая опасности, которая ему угрожала, он торопился ускользнуть от рук Александра, единственного предмета его опасений»²⁰². Самое меньшее, что можно сказать — это то, что подобные слова не возвеличивают царя, который уже долгие годы кажется преследуемым единственной заботой: оставить между собой и своим преследователем как можно большее пространство. Затем описываются измена, арест и приводятся рассуждения о превратности фортуны:

«Этот царь, которого недавно везла колесница и которому оказывались божественные почести, стал теперь без вмешательства иностранной силы пленником, посаженным на позорную повозку... Чтобы царь не был лишен почестей, его связали золотыми путами: это еще одна из насмешек, которыми судьба не переставала его осыпать. И чтобы нельзя было узнать царя по его поведению, повозку покрыли мерзкими кожами» (IV.12.16,20).

Предупрежденный об этих событиях, Александр еще больше ускоряет темп, как никогда ранее настроенный захватить царя, который ускользает от него начиная с осени 333 года: «Только в нем заключена наша победа»²⁰³, — говорит он своим военачальникам, чтобы передать им свою энергию, когда готовится к тому, чтобы удвоить темп, пересекая засушливые районы в ужасную жару, без достаточных запасов воды²⁰⁴:

«Он гнал свою армию в ужасной спешке; это был скорее бег, чем поход; даже ночью они не отдыхали от дневных трудов»²⁰⁵... По дороге он видит, что, продвигаясь со всей возможной скоростью, он оставляет в арьергарде очень много солдат. Много лошадей пало. Тем не менее он продолжил свой путь с той же скоростью и прибыл на одиннадцатый день в Рей, расположенный в дневном переходе от Каспийских Ворот, которых тот достиг в том же темпе, что и Александр... Отчаявшись захватить Дария за счет скорости, Александр оставался на месте пять дней, позволяя своей армии отдышаться, а затем выступил против Парфии... [Предупрежденный об аресте Дария] он еще более ускорил движение, взяв с собой только отборных воинов [элитные войска]... Он двигался всю ночь и весь день, и следующий день до полудня; затем, дав своим людям немного отдохнуть, он сно-

ва двигался всю ночь.... [Информированный о развитии и последних событиях заговора] он считал, что должен изо всех сил продолжать преследование. Уже и люди, и лошади были обессилены от непрерывной усталости, но Александр продолжал свой путь... [Выбирая короткий путь] который пересекал пустынную, безводную местность, он отправился в путь к вечеру и двигался с максимально возможной скоростью. Пройдя в течение ночи приблизительно четыреста стадий²⁰⁶, на заре он напал на варваров» (Арриан I 1.20—21, извлечения).

После нескольких месяцев, когда он жил «изгнанным из своей собственной империи»²⁰⁷, Дарий достиг конца своего отчаянного бега, умирая в нищете, оставленный всеми — за исключением своего пса²⁰⁸! Хозяин останков своего врага, которые он приказал похоронить в царских гробницах, Александр стал победителем. Совсем как Дарий до весны 334 года, он мог наконец считаться царем нижних и верхних земель. Тем не менее триумф был неполным, так как Бесс в Бактрии намеревался захватить венец Ахеменидов под именем Артаксеркса. Бегство Дария закончилось, но Александру, его преемнику, пришлось преследовать нового соперника, хозяина сатрапий внутренних земель²⁰⁹!

ГЛАВА 8.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЛЕМ И СЕРЕБРЯНЫЕ ВАЗЫ

О ВЕЛИКОМ ЦАРЕ, ЕГО ПОЖИТКАХ И НАЛОЖНИЦАХ

Наши авторы ищут причину поражения Дария не только в личных качествах Великого царя. Проявленные Дарием реакции и принятые им решения связаны также с причинами, которые мы квалифицировали бы как организационные. Принимая во внимание тот факт, что у древних авторов нет никаких причин заниматься глубинным анализом, слабости персидского лагеря демонстрируются на основании симптомов, которые, с их точки зрения, ярко показывают то, что историография в течение долгого времени оценивала как проявления «ахеменидского упадка». Эти симптомы ярко выражены при помощи анекдотов и ехемтра, которые неумоимо переписывались начиная с Античности, или в описаниях, которые интерпретировались в неизменном ключе.

Давайте посмотрим «Древнюю историю» Шарля Роллена, опубликованную в первой трети XVIII века. Автор трижды возвращается к тому, что ему кажется очевидно достоверным фактом, а именно — к ускоренному упадку империи. Начиная с первых итогов, подведенных в конце царствования Кира, исследование четко определило бесспорного виновника всех проблем — любовь к роскоши: «Самые умные историки, самые глубокие философы, считают бесспорной и несомненной истиной то, что роскошь обязательно приводит к гибели даже са-

мые цветущие государства». С точки зрения Роллена, самым очевидным признаком этой приверженности являются привычки персидских царей, их стремление сохранять условия своей жизни неизменными при любых обстоятельствах, в том числе во время их перемещений и военных кампаний:

«Этот блеск и эта роскошь были действительно чрезмерны, становясь настоящим сумасшествием. Царевич вел за собой своих жен, и можно понять, какой объем снаряжения тащился за подобным войском. Военачальники и офицеры делали то же самое, но в соответствующей пропорции. Повод для подобных действий состоял в том, что им хотелось хорошо сражаться на виду у тех, кто им был дороже всего; но настоящая причина состояла в любви к удовольствиям... Второе безумие состояло в том, чтобы тащить в армию роскошь в виде палаток, колесниц, столов и хорошей еды, превосходящую то, что окружало их в городах» (I, стр. 568).

И уже Боссюэ, которого по этому вопросу Роллен прочитал очень тщательно, настаивал на том, что это является ярким симптомом персидского упадка:

«...царь и его вельможи тащили за собой бесконечное множество всяких предметов, необходимых только для удовольствия. Так как их изнеженность была просто чрезвычайной, то они хотели найти в походе те же наслаждения, как и в тех местах, где двор находился постоянно; поэтому цари шли в сопровождении их жен, их наложниц, их евнухов, и всего того, что использовалось для их удовольствий» (Discours, стр. 550).

Роллен неоднократно возвращается к первоначальному диагнозу, как при суммировании рассуждений относительно царствования Артаксеркса II, так и к моменту, предшествующему приходу Александра.

Он часто ссылается на Квинта Курция, в особенности на длинный пассаж, который традиционно использовался для того, чтобы доказать, что армия Дария страдала от фатального отсутствия подвижности. Описание исходит из повествования, посвященного военным приготовлениям Великого царя. Квинт Курций детально описывает приказы по армии, находящейся на марше (agmen) при выходе из Вавилона¹. Описав колесницы богов, место царя и одежду, которую он надел на себя в этом случае, так же как различные категории придворных и сопровождающие его группы войск, Квинт Курций таким образом описывает колесницы в конце кортежа и лиц, которые их занимают и их окружают:

«С интервалом приблизительно в стадию колесница везла мать Дария, Сисгамбис; его жена находилась на другой колеснице. Толпа женщин, сопровождавших цариц, ехала верхом. Затем шло пятнадцать повозок, называемых *harmataxes*². Там находились дети царя и те, кто их воспитывал, а также толпа евнухов, которые совсем не презираемы в этих странах. Далее следовал кортеж из трехсот шестидесяти пяти царских наложниц, разодетых и украшенных не хуже царевен. После них шли шестьсот мулов и триста верблюдов, транспортировавших царские сокровища, охраняемые отрядом

лучников. Женщины приближенных и друзей (*propinqui et amici*) шли сразу за этим кортежем, а затем полчища маркитантов и слуг. Чтобы завершить выход, в конце шли отряды легковооруженных войск, каждый со своим начальником» (III.3.22—25).

Роллен делает для своих читателей логичный, по его мнению, вывод:

«Не кажется ли, что это описание турнира, а не выхода армии? Можно ли подумать, чтобы разумные принцы были способны на такое сумасшествие, чтобы тащить вместе со своими войсками столь неудобное снаряжение, жен, принцесс, наложниц, евнухов, слуг и служанок? Этого требовал обычай страны, и этого достаточно. Дарий во главе шестисот тысяч человек и посреди этого великолепия, собранного для него одного, ощущал себя великим, и все это раздувало на пустом месте его самомнение. Но, когда его оценили по заслугам, каким же ничтожным он оказался! И он не единственный, кто думал о себе подобным образом и кого оценили затем по его личным заслугам» (IV, стр. 46).

После описания захвата сокровищ Дария в Дамаске и их перечисления Роллен делает безжалостный и безапелляционный вывод относительно причин поражения Великого царя: «кортеж, достойный царя, стремящегося навстречу своей гибели!» Этот образ был затем использован для описания любой армии, неспособной к быстрым маневрам ввиду объема взятого багажа и числа повозок³.

Морализаторские суждения и замечания относительно организации тыла и снабжения заимствованы у Ксенофонта и в еще большей степени у Квинта Курция. Этот последний украсил собственные описания комментариями, предназначенными для того, чтобы особенно ярко проиллюстрировать одну из своих излюбленных тем, а именно — тлетворные последствия богатства, и несоответствие (с его точки зрения, неизбежное) между внешним видом армии и ее боевыми качествами. В особенности ему нравится противопоставлять роскошь одежды или украшений подобных войск и их непригодность к войне: причина, по которой роскошь в одежде также часто расценивается как «фемининность». Сообщая очень интересную информацию о кортеже, Квинт Курций не упустил возможности отметить некоторую нерешительность и неуверенность в этом движении толп евнухов и царских наложниц. Он сам вывел мораль из этой истории, демонстрируя явное противопоставление войскам Александра.

«Напротив, тот, кто смотрел на македонские армии, видел совсем другое; как лошади, так и люди не сверкали ни золотом, ни разноцветными тканями, но были одеты в железо и бронзу. Армия была готова как остановиться, так и двигаться вперед, нисколько не отягченная ни толпой ненужных в походе людей, ни багажом, внимательная к любому сигналу, даже едва заметному; для лагеря им подходило практически любое место, они могли питаться практически любой пищей. Кроме того, в сражении Александр мог всегда положиться на своих солдат. Дарий, царь огромной толпы, с трудом

мог разворачиваться на узком месте, где эффективно мог сражаться его враг, чью посредственность он так презирал» (III.3.26—28).

Далее, упоминая разграбление персидского лагеря после сражения, тот же автор подчеркивает его «неслыханное богатство» и комментирует это следующим образом: «Это огромные массы золота и серебра, которые использовали для удовольствий, а не для войны»⁴. Квинт Курций использует почти те же термины, описывая блеск ярких вавилонских всадников, которые принимают Александра при его входе в город в ноябре 331 года: «Они и их лошади имели украшения, которые более свидетельствовали о роскоши, о величии»⁵. Здесь обнаруживается риторическое противопоставление золото / железо, которое так любил Квинт Курций и многие другие авторы римской эпохи. Еще до сражения дав (фиктивно) слово Харидемосу, афинскому советнику Дария, Квинт Курций позволил себе предвидеть исход боя: он противопоставляет «золото и пурпур, сияющее оружие и пышность» персидской армии «суровым и угрюмым» рядам македонской фаланги, укрытой «щитами и копьями». Он предупреждает царя:

«Не надейся, что над ними возобладает страсть к золоту и серебру: такая дисциплина прививается только в суровой школе бедности, которую они прошли. Когда они устают, им достаточно земли в качестве постели; пищи, которую они готовят себе в походе, им тоже вполне достаточно; они даже спят не полную ночь» (III.2.12—15).

Легко можно понять, что столь отчетливая оппозиция полностью соответствует всему нравоучительному течению, осуждающему армии, нагруженные золотом. Такой была армия Антиоха, описанная Валерием Максимом:

«В его армии, копирующей безумную и слепую роскошь (*luxuria*), носили обувь, подбитую золотыми гвоздями⁶. В качестве кухонной утвари использовались серебряные вазы, палатки там изготавливались из вышитых тканей. Это скорее трофей для жадного врага, чем препятствие для победы смелого противника» (IX.1, ext.47).

Квинт Курций также придерживается тезиса о разлагающей сущности роскоши и богатства, о их тлетворном влиянии на власть и людей. Он прибегает к своему излюбленному приему: заставить говорить Великого царя и его устами подтвердить свои собственные выводы. Таким образом, Дарий сам «признает», что подобные обычаи создали серьезные трудности для его армии. Вот причина, по которой в ходе «третьего посольства», якобы посланного к Александру незадолго до битвы при Гавгамелах, он снова предлагает своему противнику отослать ему персидских женщин, захваченных при Иссе (за исключением его жены, скончавшейся к тому времени):

«Он активно советовал обменять на тысячу золотых талантов старую женщину и двух девушек, которые были бы стеснением для перемещений армии на марше» (IV.11.12).

Чуть позже тот же Квинт Курций вводит (фиктивно) своего читателя на военный совет, созванный в Арбелах после поражения при Гавгамелах. Великий царь пытается убедить своих советников, что наилучшая тактика состоит в том, чтобы оставить перед Александром дорогу к Вавилону открытой. Вот царское торжественное выступление, переданное косвенной речью:

«Александр и его солдаты целились в богатый и недоступный трофей [Вавилон]. Такое положение было для него, Дария, спасением, поскольку с легкими отрядами он обрел бы быстроту перемещения. Крайние области его царства не будут затронуты, и он без труда соберет там новые ресурсы для войны» (V.1.4—5).

Дарий хочет использовать в своих интересах все преимущества, снабженческие и тактические, приписываемые его македонскому сопернику. Вот как он объясняет своим друзьям причины прошлых поражений:

«Эта нация, столь жадная [македонцы], захватила его сокровища, и после длинного воздержания насытилась золотом: он вскоре победит ее; опыт показал ему, что ценное имущество, наложницы и полчища евнухов были только тяжестью и помехой: забрав их и таща их за собой, Александр создал себе отягощающий фактор, такой же, какой позволил ему прежде добиваться побед... Война делается железом, а не золотом, мужественными людьми, а не сидя дома; все достается тому, кто вооружен. Именно так предки, несмотря на первоначальные провалы, быстро возвращали себе упущенные богатства» (V.1.6).

В этой декламации присутствуют все культурные стереотипы о разлагающем воздействии роскоши и распущенности — они подтверждаются настойчивыми упоминаниями о евнухах и наложницах и повторяющимися ссылками на превосходство железа перед золотом. И когда Дарий (*сиречь* Квинт Курций) настойчиво объясняет, что «война делается мужчинами, а не домашними сидельцами», становится ясно, что Квинт Курций (*сиречь* Дарий) хорошо читал классиков, особенно Платона с его «идеальным городом», который осуждает стремление греческих полисов при защите полагаться больше на стены, чем на мужество и на разумные жертвы людей, которые там живут!⁸ Отсюда же — предпочтение римским моралистам, таким, как Валерий Максим; идеализация Спарты с ее чистыми и суровыми законами, в которой презирали фортификацию⁹.

Что касается фразы Роллена «все это служило лишь для роскоши и для создания великолепия двора», то это лишь простой повтор пассажа Арриана. Этот последний объясняет, что в лагере Дария, захваченном после сражения при Иссе, македонцы нашли царских женщин, но в то же время были крайне разочарованы малым количеством найденного там серебра — «не больше трех тысяч талантов». Он объясняет, что перед сражением «другие персы отправили в Дамаск своих жен и свое имущество. Дарий также послал в Дамаск большую часть своих богатств и все то, без чего Великий царь не мог обходиться, дабы удовлет-

ворить свою привычку к роскоши, даже во время похода¹⁰. Описание дамасского трофея выходит из-под пера Квинта Курция поистине «голлибудское»:

«Богатства царя устилали всю землю: деньги, отложенные для огромных выплат войскам, украшения огромного количества благородных мужей, множества украшений женщин из благородных семей¹¹, золотая посуда, золотые уздечки, палатки, украшенные с царским великолепием, множество повозок, оставленных и переполненных неслыханной роскошью: картина, жалостная даже для грабителей, поскольку ничто не могло сдержать их жадность! Действительно, все то, что собрали в течение стольких лет, невероятное богатство, превосходящее воображение, было захвачено и иногда запутывалось в корнях [деревьев], иногда бывало втоптанно в грязь: у грабителей не хватало рук, чтобы грабить... Там была сумма денег в две тысячи шестьсот талантов; кроме того, взяли тридцать тысяч человек, а также семь тысяч вьючных животных с грузом на спинах» (111.13.10—11,16).

Парменион отвечал за то, чтобы составлять тщательный список всего взятого в качестве трофея. К счастью, мы располагаем двумя фрагментами этого списка, составленного для того, чтобы переслать его Александру. Пассажи взяты из знаменитого труда Атенея Навкратиса, «*Deipnosophistes*» — неисчерпаемого источника всяческих ссылок, особо изобилующего примерами роскоши (*truphè*) царей, персидских и эллинских. Ссылки только частичные; автор, согласно логике своей речи, дает только список кубков, из которых было принято пить, и список персонала, связанного с обслуживанием кухонь и пиров Великого царя:

«В своем кратком перечислении трофеев, взятых у персов, приведенном в письмах к Александру, Парменион пишет: “Золотые кубки общим весом в семьдесят три вавилонских таланта и пятьдесят две мины; кубки, украшенные драгоценными камнями, весом в пятьдесят шесть вавилонских талантов и тридцать четыре мины”»¹².

Сами цари проявили большой интерес к музыкантам (*mousorgoi*), как ясно из письма, посланного Парменионом Александру после захвата Дамаска, когда он завладел пожитками (*aproskeuè*) Дария. Приказав приступить к инвентаризации военных трофеев, он пишет также, что последовало за этим: «Я обнаружил, числом 329, царских наложниц, которые играли на различных музыкальных инструментах (*pallakidai mousorgoi*)¹³; плетельщиков венцов, числом 46; поваров, числом 277; поварят, числом 29; поваров, специализировавшихся на приготовлении молочных продуктов, числом 13; приготовителей напитков, числом 17; виночерпиев числом 70; производителей духов, числом 14» (XIII.607f—608a).

Даже на основании этих обрывочных сведений из утерянных архивов можно понять удивление древних авторов, а также легкость, с которой они могли использовать эти перечисления в нравоучительных и полемических целях, — об этом упоминал уже Арриан: «Великий царь никогда не отдалялся от всего того, что необходимо было для поддержания его роскошного образа жизни, даже в походе». Присутствие женщин из царского дома в лагере при Иссе и присут-

ствие всех женщин, которые сопровождали армию и были оставлены в Дамаске, давало пищу для однозначных комментариев древних авторов. Ксенофонт делает на это совершенно ясный намек в «Киропедии». В результате победы у врага были захвачены огромные трофеи. Было захвачено большое количество «крытых колесниц, заполненных женщинами высочайшего ранга, супругами или наложницами, которых враги возили везде с собой за их красоту». По своей привычке Ксенофонт сравнивает это с тем, что было принято в его время, и предлагает следующий комментарий:

«Действительно, даже сегодня все азиаты берут в поход свои наиболее ценные вещи; они говорят, что будут сражаться лучше, если рядом с ними находится то, что им более всего дороже, так как им придется защищать это изо всех сил. Возможно, это и так; возможно также, что они делают это, чтобы удовлетворять свою чувственность» (IV.3.1—2).

Представленная под видом альтернативного предположения, вторая интерпретация более соответствует доминирующей идее, которую Ксенофонт сам долго развивает в последней главе «Киропедии», посвященной систематическому перечислению пороков и недостатков персов «его времени», и которую мы можем обнаружить у множества других древних авторов. Одним из доказательств благополучия, которое знал персидский царь, один из пирующих Атеней считает его склонность к большой сексуальной активности¹⁴. Что касается Элиана, то он подчеркивал «чувственность, с которой мидийские и персидские варвары предаются любовным утехам»¹⁵. Осуждая практику многоженства, принятую у персов/парфян, Лукиан утверждает: «Можем ли мы не заметить, как эти варвары занимаются любовью, как они слепо насыщаются ею, с инстинктивностью диких зверей?.. Целая ночь, проведенная в объятиях всех этих женщин, не позволяет мужчине остаться в одиночестве»¹⁶. Что касается Аммиана Марцеллина, то он также пишет о варварах: «Они более распущены и более разнузданы в любовных утехах, чем большинство других народов, и они с огромным трудом удовлетворяются целой толпой наложниц»¹⁷.

Вместо того чтобы увидеть в обычае обладания Великим царем тремястами шестьюдесятью пятью наложницами знак и эмблему царского великолепия, греческие авторы постоянно дают понять, что это и является доказательством прежде всего невероятной чувственности и безудержного сексуального аппетита персидского царя, который каждый вечер «сам выбирает сам ту, которая должна будет соединиться с ним». Отсюда осуждение Александра, который, «как и Дарий, повсюду возил с собой своих наложниц»¹⁸. Таким образом, не может не удивить вывод, которых сделал философ Дисеарх (ученик Аристотеля) в своей «Греческой истории». Он противопоставил поведение Филиппа Македонского и поведение Дария, «того, который был побежден Александром». Первый «наверняка не возил женщин с собой во время своих походов... Дарий же [напротив], хотя и участвовал в войне, от которой зависела судьба всего его государства, взял с собой триста шестьдесят наложниц»¹⁹.

Такой образ не мог не превратиться в стереотип. У римских авторов одно присутствие наложниц в армии достаточно для того, чтобы ее дискредитировать, а

уж особенно если они сопровождалась евнухами²⁰! С единственной целью довести до совершенства свое дело по обесцениванию побед Александра, Тит Ливий не упускает возможности украсить свою речь изображением Дария, отягощенного роскошью своего имущества, при помощи терминов, особенно близких к терминологии Квинта Курция (который, скорее всего, ее у него и позаимствовал):

«Когда царь тащит в своей свите армию женщин и евнухов, облаченный в пурпур и золото, нагруженный предметами, подчеркивающими его величие, он больше выглядит как добыча, как противник, и Александр победил его без сопротивления; единственная его заслуга состояла в том, что он не бежал от этого пугала»²¹.

Эта идея присутствует открыто или завуалированно в большинстве эпизодов войны между Александром и Дарием, либо под видом рассказов, либо — чаще всего, — под видом *exempla*. Высказанное или предполагаемое заключение всегда одно и то же: Великий царь считается побежденным вследствие того, что он был просто неспособен, даже при самых серьезных обстоятельствах, обходиться без роскошеств стола (глава VIII) и без постельных удовольствий (глава IX). Напротив, он намеревался пользоваться всем этим во время войны, в своей палатке, так же, как в мирное время, в тиши своих дворцов.

КУХНИ И ЗАВИСИМОСТИ

Роллен также пишет: «Необходимо было, чтобы у принца были самые замечательные блюда, самая лучшая дичь, самые редкие птицы, в какой точке света он бы ни раскинул свой лагерь». В подтверждение своей обвинительной речи он не преминул цитировать и пересказывать пассаж из «De Ira», где Сенека рассуждает о бессмысленной роскоши Великих царей. В ходе довольно длинного повествования, где для контраста использовано ужасное изображение некоторых персидских царей, Сенека хочет показать, что «гнев опустошил целые нации, он поразил города, реки и предметы».

В качестве *exemplum* Сенека ссылается на знаменитую кампанию Камбиза против эфиопов, о которых много говорил Геродот²². Как и тот, кого он избрал в качестве модели, он сообщал о несчастьях персидской армии, лишенной снабжения ввиду непредусмотрительности царя, движимого только иррациональным гневом. Воины едва выживали, вынужденные сначала есть «хрупкую листву и почки», а затем им пришлось пить «отвар из кож, размягченных на огне, и всего того, что необходимость сделала едой». В конце концов они дошли до отчаяния, «когда в песках у них не было ни корней, ни трав, в пустыне не было достаточно животных. Они взяли по жребию каждого десятого из них, и произошло худшее, чем голод». Затем наступает разрешение истории, в виде громкого разоблачения гнусного поведения царя, нечувствительного к страданиям, переносимых войском:

«Гнев еще руководил царем, хотя он частично проиграл войну и частично съел свою армию, до того момента, когда он начал бояться сам быть вытя-

нутым по жребию; только тогда он дал сигнал к отступлению. И в это время ему подавали нежных птиц, тащили посуду на верблюдах, хотя одновременно его солдаты вытягивали жребий, чтобы знать, кто погибнет страшной смертью, а кто выживет для еще более страшной жизни» (De Ira, III.20).

Ссылка на «нежных птиц и посуду, возимую на верблюдах» показывает довольно ясно, что вдохновитель Сенеки знал правила и практику персидского царского стола²³. Но, по правде говоря, как любой автор сборников ехемпра, или/и копируя, возможно, в этом своего предшественника, Сенека в то же время продемонстрировал по отношению к Геродоту некоторые вольности. Если Геродот говорит подробно, что Камбиз «не отдал никаких приказов относительно приготовлений по обеспечению продовольствия» и что его солдаты, доведенные до последней крайности, прибегли к людоедству, он тем не менее нигде не упоминает великолепие его стола в самом сердце западной пустыни. Но было так соблазнительно использовать ткань геродотовского повествования как сюжет для столь часто встречаемых в сборниках рассказов (хвалебных или осуждающих) о поведении монархов.

Точно так же в «Жизни Александра» тот же Плутарх хочет показать, что поведение македонского царя кардинально отличается от поведения Дария. Вернувшись после безрезультатного преследования Великого царя, Александр был принят следующим образом:

«Для него подготовили палатку Дария, полную роскошной прислуги, мебели и драгоценных предметов. Тотчас же он снял свои доспехи и пошел купаться, сказав: “Смоем пот битвы в ванне Дария”. “Нет, во имя Зевса! — воскликнул один из его компаньонов (гетайров)²⁴, — в ванне Александра, поскольку все, что взято с бою у побежденного, должно принадлежать победителю и называться его именем”. Когда он увидел бассейны, вазы, ванны и флаконы духов, все из золота, чудесно выполненное, вошел в зал, напоенный божественными ароматами, а оттуда перешел в палатку, удивительных величины и высоты, с роскошной постелью, столом и блюдами, стоявшими на нем, он повернулся к своим спутникам и сказал им: “Вот это и значит быть царем (to basileuein)!”» (Алекс. 20.11—13)

Согласно Плутарху, ответ царя означает, что он не намерен идентифицироваться с побежденным царем: напротив, он явно хочет отметить границу между прошлой варварской царской властью Дария и той, которую он будет демонстрировать впредь. Читатели, разумеется, не сомневались в содержании урока, который им следовало извлечь; доказательством у того же Плутарха являются также рассуждения солдат Цезаря, захвативших лагерь Помпея после сражения у Фарсал:

«Солдаты Цезаря могли констатировать безумное легкомыслие врагов: все палатки были украшены миртом и тканями с изображениями цветов; столы ломились от кубков, кратеры были заполнены вином. Это были скорее приготовления к пожертвованию или к блестящему празднику, чем подготовка к

битве. Воины Помпея были настолько опьянены своими надеждами и уверены в своих силах, что шли в бой с безумным самомнением» (Помпей, 7.5—6).

Плутарх уточняет, что «пол в палатках был выстелен кусками прохладной дернины». Цезарь считает для себя возможным удивиться, что «именно эти люди упрекали армию Цезаря, столь бедную и столь выносливую, в вялости и изнеженности, и это при том, что ей все время не хватало самого необходимого!»²⁵

Это восхваление также заставляет вспомнить о пассаже Геродота. Перенесемся в 479 год, в Грецию. В предыдущем году, после поражения при Саламине, Ксеркс оставил Аттику и ушел в Малую Азию. Уходя, он оставил Мардонию элитную армию с частью своей царской экипировки и, в частности, свою палатку. После победы при Платеях, где Мардоний нашел свою смерть, спартанский военачальник Павсаний входит в огромную царскую палатку:

«Когда Павсаний увидел это имущество Мардония, предметы из золота и серебра, ткани, в которых вмешивались нити разных цветов, он приказал булочникам и поварам приготовить пищу так же, как они готовили ее каждый день для Мардония; они сделали то, что он просил. Павсаний, при виде позолоченных и посеребренных покрывал и подушек для постелей, столов, украшенных золотом и серебром, роскошных украшений для стола, был изумлен роскошью, которая открылась его глазам; чтобы посмеяться самому и насмешить других, он приказал своим собственным слугам приготовить пищу по лакедемонянской моде. Когда это было сделано, разница оказалась огромной. Хохоचा, он послал разыскать греческих военачальников; и, когда они собрались, сказал им, показывая на вид пищи: мужи Греции, вот почему я вас созвал; я хотел показать вам сумасшествие командующего мидийцев, который, имея возможность жить так, как вы видите, пришел на нас войной, чтобы захватить нас — нас, живущих столь бедно!» (IX.82).

Плутарх также отмечает контраст между Александром и его солдатами: он приветствует приверженность первого к простой и скудной жизни на фоне ненасытности вторых к богатствам Востока, которыми они пресытились после захвата казны Дамаска:

«Остальная армия была также пресыщена трофеями. После этого македонцы, которые только недавно попробовали в первый раз золото, деньги, женщин и варварский образ жизни, кинулись, как собаки по следу, и принялись разыскивать и захватывать персидские богатства»²⁶.

Александр, напротив, продолжает Плутарх²⁷, «не позволял никогда, чтобы [ему] говорили о красоте жены Дария», и хотя он имел у себя на службе «лучших поваров... его стол был крайне скуден: перед обедом он вставал и делал дневной переход, а его ужин был похож на легкий обед... Он также был удивительно равнодушен к вину».

Подобную же контрастную схему обнаруживаем в Персеполе, где, согласно Полиену, Александр мог видеть бронзовую колонну, на которой был приведен

список продуктов, которые необходимо было использовать для приготовления обеда и ужина Великого царя: текст фиктивно приписывался Киру, наравне с текстами других правил (πομοί), которые там были записаны. Эта ссылка представляет собой очень информативный документ о придворных персидских правилах времен Дария III, но морализаторский комментарий, в оправе которого он находится, интересует нас сейчас более всего, поскольку он устанавливает прямую связь между привычками персидских царей и поражениями, которым Дарий и его приближенные подверглись целых три раза:

«Когда другие македонцы увидели список подготовительных действий для ужина, они восхитились, поскольку они свидетельствовали об изобилии. Александр же между тем насмеялся над этим, видя в них знак несчастья и источник больших затруднений, и поэтому он отдал приказ уничтожить колонну, на которой все эти сведения были собраны, сказав своим друзьям: «Цари, которых приучили обедать столь дорогостоящим образом, не извлекли из этого никакой пользы, так как чрезмерная расточительность и огромная роскошь (truphè) неотвратимо ведет к страшной трусости²⁸: вы можете сами увидеть, что те, кто поглощают столь обильные ужины, быстро становятся побежденными в сражениях» (IV.3.32).

Какая разница с образом жизни Александра, столь восхваляемым Плутархом! «Речь не могла идти о том, чтобы ему несли золото на тысячах верблюдов, о том, чтобы соединить всю роскошь, стол и мидийских женщин, вина Халибона и рыбы Гиркании!»²⁹ Даже если имя прямо не называлось, читатели Плутарха отлично понимали, что он целится в Великого царя, про которого говорили, что он «употребляет в пищу только зерно из Эолиды, вино из Сирии и воду из Евлея (Хоаспа)»³⁰.

В глазах моралиста римской эпохи ничто не определяет лучше азиатскую роскошь, чем это безудержное желание привозить издалека для собственного удовольствия наиболее утонченные блюда, — вот почему Гарпал, казначей Александра, и Эзоп, трагический актер, осуждены в *exemplum* за то, что они за большие деньги приказывали привозить им рыбу с берегов Персидского залива или океанских побережий³¹. Когда же ему доставлялись изысканные блюда, в том числе редкие рыбы, Александр предпочитал распределять их между всеми своими друзьями по очереди³², как это делал Кир Младший, восхваленный по тем же причинам и теми же словами Ксенофонтом³³: Александр и Кир одинаково нетребовательны и щедры; при этом они равно могучи и полны энергии.

АЛЕКСАНДР И ЕГО ИМУЩЕСТВО: СТРОГОСТЬ И СУРОВОСТЬ

Александр вскоре снова доказывает свою решительность в отказе от привычек Дария и его предшественников. Некоторые авторы в практически идентичных терминах рассказывают об истории, которая, по их мнению, произошла либо сразу после смерти Дария (Квинт Курций), либо незадолго до индийского похода (Плутарх), либо в ходе индийской кампании (Полиен). Вот рассказ Плутарха:

«Во время индийского похода Александр увидел, что его армия отягчена массой трофеев и становится трудной на подъем и неповоротливой; на рассвете, когда нагрузили телеги, он приказал вначале сжечь свои повозки, а затем повозки близких друзей, после чего приказал поджечь повозки других македонцев. Оказалось, что выполнение этого намерения было менее трудно и менее тягостно, чем принятие решения. Некоторые огорчились, но большая часть приняла приказ с криками радости и энтузиазма: поделившись необходимым с теми, у кого его не было, они сожгли и разрушили сами излишнее имущество, что наполнило душу Александра радостью и пылом» (Алекс. 57.1—2).

Известно, что, более чем другие древние армии, ввиду длительности похода, армия Александра была отягчена не только личным имуществом солдат, которое регулярно увеличивалось вследствие неорганизованных грабежей и перераспределения трофеев; ее сопровождало большое число людей, не бывших воинами — продавцов, женщин, слуг, маркитантов, мелких ремесленников, всех тех, кого древние тексты объединяют под общим названием «те, кто в обозе». Нет никаких сомнений в том, что облегчение обоза было заботой любого военачальника, чему свидетель Филипп, отец Александра, который, согласно Фронтину, «запретил всем употребление телег и оставил единственного слугу каждому всаднику и каждой группе из десяти пехотинцев»³⁴.

Но в данном случае совершенно неважно знать, зачем Александр решил предпринять в этот момент подобные меры, если не принимать во внимание преувеличения и даже риторической напыщенности упомянутых текстов. Все указывает скорее на то, что во время похода царская палатка Александра отличалась богатством, не уступала палатке Великого царя³⁵. Плутарх, например, сообщает о количестве предпринимаемых предосторожностей «начальником отряда по охране обстановки» при выборе места для установки палатки царя³⁶. Даже при переходе через пустыню Гедросии, во время которого животные и рядовые воины гибли как мухи, Александр пользовался палаткой, наполненной особыми запасами³⁷. Возможно также, что в более поздние времена была организована ссылка на долгосрочные цели, относящиеся к организации тыла и снабжения, на стратегические задачи и на мотивы большого нравственного благородства, чтобы создать монархическую басню из того, что было небольшим пожаром, организованным царем по бесконечно менее благородным причинам. Стоит вспомнить об анекдоте, сообщенном Плутархом: тогда, в Индии, Александр отдал приказ своим рабам сжечь палатку Эвмения, его секретаря, чтобы доказать, что у того есть сокрытые крупные суммы; но «палатка сгорела слишком быстро, и Александр раскаялся в этом из-за гибели архивов, которые у того находились»³⁸.

Как бы там ни было, относя этот эпизод к различным датам и помещая его в различные контексты, древние авторы сами придают ему статус дидактического *exemplum*, далекий от того, что, порой не без некоторой наивности, нынешние историки любят называть историческим фактом. И снова повествование подчинено контекстуальной логике монархической литературы, призванной восхвалять заслуги «хорошего царя». Согласно Полиену³⁹, цель

Александра состоит в том, чтобы внушить своим людям желание продолжать кампанию в Индии: освободившись от трофеев, захваченных у персов в течение последних лет, «они испытывали потребность снова приобретать товары и проявили больше энтузиазма к ведению войны». Практически те же причины приводит и Квинт Курций: посвящая свое повествование «ориентализации» Александра, он довольно недвусмысленно утверждает, что царь намерен показать своим людям, что он не превратился в Дария. С этой целью он яростно реагирует на превращение своей собственной армии в армию без желания и должной мотивации, каковой была армия Дария III: действительно, «отягченная трофеями и пышными предметами роскоши, необходимыми для удовольствий, армия не желала двигаться с места»⁴⁰. Именно на основании этих допущений Плутарх снова цитирует этот анекдот, чтобы противопоставить Александру македонского царя Персея: он осуждает его за то, что тот хотел любой ценой сохранить свои сокровища при себе, даже ценой поражения, вместо того, чтобы избавиться от него⁴¹.

Читатель, таким образом, не имеет никаких сомнений в истолковании этой истории. Приказ сжечь палатки и телеги, даже собственноручное принесение огня представляет собой акт символической силы, подобной разрушению (выдуманному) бронзовой колонны (несуществующей) в Персеполе. Любители *exempla* могли показать таким образом, что Александр всегда отвергал привычку к роскоши (*truphè*) и великолепию (*polyteleia*), которые считались типичными для персов и совершенно несовместимыми с бесперебойным маршем армий, достойных этого названия. Отсюда же проистекает упор на то, что первой была уничтожена палатка царя и главных его военачальников. Квинт Курций добавляет даже сильный образ, предназначенный для того, чтобы поражать воображение: «Все ожидали, что Александр прикажет далее. Он приказал отогнать лошадей и затем поднес огонь к своему личному имуществу, а потом приказал сжечь все остальное... Никто не осмеливался сожалеть о цене пролитой за него крови, так как тот же огонь губил богатства царя»⁴². Энтузиазм солдат, которые оставляют свое имущество, чтобы следовать за своим военачальником, составляет также одно из обязательных элементов *exemplum*.

Приписываемая различным историческим персонажам, эта басня бесконечное число раз повторяется в сборниках *exempla*. Ее пересказывает Фронтин в главе IV.1 своих «Военных хитростей» (в которой он также упоминал меры, принятые Филиппом). Эта глава озаглавлена «De disciplina». Эта тема поднята также у Валера Максима в главе с тем же названием. Назначенный командующим римской армией под стенами Нумансии, Публий Корнелий Сципион принимает собственные меры для усиления своей армии, и как следствие, для того чтобы заставить осажденных уступить:

«В тот самый момент, когда он вошел в лагерь, он постановил, чтобы все то, что было там собрано для удовлетворения стремления к удовольствию (*voluptas*), было бы взято и унесено. И тогда оттуда ушла огромная толпа торговцев вразнос и маркитантов, в сопровождении двух тысяч проституток. Враз освободившись от всех этих негодяев, унижавших и позоривших нашу армию, воины, которых незадолго до этого страх смерти заставил испач-

каться позором мирного договора, возобновили боевые действия, вернули себе мужество (*virtus*) и раздавили огромные силы Нумансии» (II.7.1).

Точно такой же урок извлекает Квинт Курций из победы при Гавгамелах. Достоверно известно, что огромные трофеи, захваченные после Исса, отяготили армию Александра. В ходе сражения одна из персидских контратак чуть было не унесла все имущество македонцев, в том числе членов семьи Дария, которые находились в обозе⁴³. Александр должен был самолично вернуться назад, чтобы снова броситься в общую схватку. Анализируя успех македонцев, Квинт Курций снова безостановочно подчеркивает моральные достоинства македонского царя: «Он очень благоразумно презрел потерю добычи и имущества, понимая, что в действительности все решается в бою»⁴⁴. Конечно, несколько выше автор отметил, что Александр «не опасался беспричинно, что желание вернуть свои пожитки отвлечет его солдат от сражения»⁴⁵. Честь и слава здесь приписаны одному Александру. Но противопоставление между обозом (арьергард) и битвой (авангард) снова создает сравнение, неявное, но вполне понятное, и совсем не в пользу Дария.

У ЦАРЯ ЖАЖДА, А ЦАРЬ НЕ ПЬЕТ!

Неоднократно использовались многочисленные монархические апологии, основанные на контексте голода, поражающего армию на марше. Их сценарий столь же популярен, сколь и однообразен: солдаты умирают от голода; как реагирует царь, который их ведет (особенно если этот царь приучен не испытывать нехватку ни в чем)? Это наверняка была одна из основных глав в любом сборнике *exempla*. Фронтин, например, посвятил целую главу военачальникам, которые умеют довольствоваться расходом рядового воина, пьющим посредственное матросское вино (Катон) или едящим сухой хлеб пехотинца (Сципион, Александр)⁴⁶. Согласно незыблемому правилу, апология осуждает царя, который не умеет обойтись без своего обычного образа жизни (Камбиз или Дарий III), и восхваляет правителя или военачальника, который, вместе со своей армией, умеет довольствоваться немногим — таким выведен Артаксеркс у Плутарха⁴⁷ или Александр, который во время смотра войск в разгар зимы собирает простых солдат у своего костра, — это противопоставлено персидской практике запрета доступа к Великому царю⁴⁸.

Марш в жаркой и безводной области предоставляет автору особенно благоприятный повествовательный контекст, так как позволяет ему представить героя в обстоятельствах крайне драматичных и трогательных. Давайте возьмем для примера рассказанную Лукианом историю изнурительного похода армии Красса через ливийскую пустыню. Красс представлен там как восхитительный военачальник, отказывающийся воспользоваться каким-либо преимуществом, которого были лишены его солдаты:

«Он не приказывает все время нести себя на плечах или везти на колеснице; он спит меньше других, последним утоляет свою жажду; когда наконец находят источник, где люди, измученные жарой и жаждой, желая охладиться,

толкают друг друга, изнывая от желания, он остается там, позволяя напиться последнему слуге».

И когда войско добирается до древнего обильного источника, но солдаты опасаются, что его вода отравлена из-за присутствия едущих там змей, «он черпает этой, возможно отравленной, воды. Это был единственный источник во всех ливийских песках, где он выпил воды первым»⁴⁹.

Древние рассказы о походах Александра не избежали этого сюжета, очевидно из-за того, что он явно считался особенно блестящим монархическим мотивом, одной из наиболее эффективных драматических пружин. В некоторых обстоятельствах солдаты умирают от голода и жажды, и им приходится убивать и есть лошадей и других вьючных животных, как, например, при переходе через пустыню Гедросии, на обратном пути из Индии. Арриан посвящает этому длинный пассаж, в котором описываются неслыханные страдания, перенесенные солдатами: «Одних оставляли по дороге, больных, другие были измучены усталостью, жарой и жаждой»⁵⁰. Именно после этого текста автор решает прервать само повествование, чтобы показать то, что он называет «подвигом Александра»:

«Царь также был терзаем жаждой, но, хоть и ценой великих усилий и трудов, он шел пешком и вел за собой армию, чтобы быть наравне со своими солдатами, как это принято в подобных случаях, чтобы поддержать их в страданиях за счет равенства в испытании. Однажды легковооруженные пехотинцы, которые оставили основную колонну, чтобы отправиться на поиск источника, нашли воду, собиравшуюся в неглубокой впадине. Этой воды было мало и она была отвратительна на вкус; они не без труда собрали ее и быстро вернулись к Александру и отдали ее, как если бы принесли ему ценный товар; как только они приблизились, они вылили воду в шлем и предложили ее царю; Александр взял ее и очень поблагодарил тех, кто ее принес; затем на глазах у всех он вылил ее на землю; этот жест вернул мужество армии до такой степени, что казалось, что любой из солдат выпил воду, разлитую Александром; лично я нахожу, что Александр заслуживает похвал за это действие больше, чем за все другое, как за устойчивость в страданиях, так и в искусстве управлять людьми» (VI.26.1—3).

Как обычно, Арриан не оставляет ничего недосказанным, ясно формулирует урок, который любой читатель может извлечь самостоятельно: он предлагает ему одновременно правила поведения. Анекдот призван проиллюстрировать одно из первых качеств хорошего военачальника, о которых уже много говорилось в предыдущей главе: царь должен быть вожакom для своих людей и в этом качестве давать пример при любых обстоятельствах.

В начале своего рассказа Арриан упоминает различные версии, расходящиеся в основном не по содержанию истории, а по дате и месту. Согласно другим авторам, говорит он, этот эпизод произошел ранее — в Северной Индии. Квинт Курций относит этот эпизод к периоду перехода через пустыню в Бактрии, во время похода против Оха⁵¹. Плутарх же относит его к немного более раннему

периоду, и располагает его в Парфии, во время преследования Дария, которому изменили его приближенные⁵²; Фронтин же считает, что все происходило еще раньше, в Африке, то есть в Египте⁵³: контекст этот отлично согласуется, так как при походе к оазису Аммона солдаты Александра отчаянно страдали от жажды; они были спасены при помощи божественного вмешательства⁵⁴. И наконец, Полиен не дает никаких географических указаний⁵⁵. Авторы привыкли относить анекдот к тому времени и месту, когда он будет лучше всего соответствовать рассказу. У Плутарха он приводится в рамках длинного повествования, целью которого является демонстрация того, что, несмотря на успехи, Александр остался настоящим военачальником, вопреки мнению некоторых из его компаньонов, которые, «как он видел, предавались безудержной роскоши и вели наглый и очень дорогостоящий образ жизни... Он сам подвергался опасности одновременно из-за того, что подвергал опасности себя и призывал других к

Рис. 45. Александр отказывается выпить предложенную солдатами воду (Ж. Гамелен)

добродетели»⁵⁶. У всех древних авторов мы находим *topos*, например, у Квинта Курция, объясняющий, до какой степени царское стремление разделить образ жизни и испытания солдат способствовало возникновению их привязанности к нему, практически обожания⁵⁷. Легко понять, что подобная сцена может вдохновить художников и граверов (рис. 45).

Очевидно, что жанр *exemplum* не исключает возможности создания вариаций, наблюдающихся у различных авторов. У Плутарха Александр общается со своими всадниками⁵⁸, в то время как у Арриана он слез с лошади, чтобы разделить страдания своих пеших воинов. Тот или иной автор может добавить от себя украшение в тексте, например акцент на семью у Квинта Курция и Плутарха, которые таким образом обостряют эмоциональный груз повествования и придают Александру образ кормильца: солдаты, которые нашли воду, «приносят ее своим сыновьям, которые находились в той же колонне, что и царь, и очень страдали от жажды»; Александр отклоняет воду, говоря им: «Идите, бегите! Отдайте вашим детям то, что вы принесли специально для них»⁵⁹. Но, помимо этих авторских вариаций, сценарий, актеры, сцена (жаркая безводная пустыня) и объекты (вода и шлем) идентичны, и монархическая мораль все та же.

СЕРЕБРЯНЫЕ ВАЗЫ И ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ

Сейчас современный читатель вправе задать вопрос: зачем возвращаться к этому монархическому сюжету, уже подробно рассмотренному во всех подробностях, хотя, в противовес другим уже представленным историям, анекдоты о царском шлеме и воде не включают явно указаний или намеков ни на Дария, ни на какого-либо другого Великого царя? Ответ прост: дело в том, что в этом случае умолчание о персидских привычках звучит наиболее оглушительно. Этим я хочу сказать, что в действительности вчерашние греческие или римские читатели, скорее всего (а нынешние читатели, внимательно ознакомившиеся с античными текстами — безусловно), автоматически создавали очевидные сравнения между поведением, приписанным Александру, и хорошо известной практикой ахеменидского двора.

Описывая поход Кира Великого против Вавилона, Геродот приводит пассаж относительно традиций ахеменидского двора, связанный с перемещением царя в ходе военных кампаний:

«Когда Великий царь участвует в военном походе, он забирает из своего Дома (*ex oikou*) множество продовольствия и скота; в частности, он берет с собой воду из реки Хоасп, которая течет около Суз, и не пьет никакой другой. Эта вода из Хоаспа кипятится, переливается в серебряные сосуды, погруженные на множество четырехколесных колесниц, запряженных мулами, которые следуют за царем при любом его перемещении» (1.188).

Вслед за Геродотом это правило было упомянуто многочисленными античными авторами, настолько оно поразило их своим своеобразием и показательным характером. Атений цитирует Геродота и добавляет, что, согласно Ктесию, «эту царскую воду кипятят и, когда ее переливают в эти сосуды, она перевозится к царю,

который считает, что она наиболее чистая и самая вкусная»⁶⁰. Великолепные качества воды из Хоаспа были на самом деле хорошо известны: «все знали, что Хоасп несет замечательную воду», — пишет Квинт Курций⁶¹. Что касается Страбона, он утверждает, что эта вода намного чище, чем все известные воды⁶².

Эти технические реквизиты вставлены в многократные обсуждения лекарственных и лечебных достоинств воды, известные с Античности.

Исключительный коллекционер ехемпра и научных ссылок, Атений, связал этот персидский обычай с решением Птолемея II Филадельфа: «Отдавая свою дочь Беренику в жены царю Сирии Антиоху, он позаботился о том, чтобы послать ему воду из Нила — единственной реки, из которой должна была, согласно его желанию, пить его дочь»⁶³. Действительно, вода из Нила «была очень оплодотворяющей и весьма вкусной»⁶⁴. Также в длинном повествовании, посвященном сравнению качества различных вод, Плиний использует пример Хоаспа, показывающий, что ахеменидский обычай передался парфянским царям: «Парфянские цари пьют только воду Хоаспа (Евля), и именно ее они берут с собой повсюду, куда бы они ни направлялись. Но они не считают ее водой из обычной реки, так как они не пьют ни воду из Тигра или Евфрата, ни из множества других рек»⁶⁵.

Вопреки тому, что очень долго утверждалось, эти регламентации не имеют ничего общего с каким-либо пищевым табу, ни с требованиями, налагаемыми религиозной ролью Великого царя. Тексты, которые мы только что процитировали, показывают, что основной заботой приближенных было обеспечить царю постоянный доступ к воде, естественные качества которой были признаваемы всеми. В конечном счете, Геродот и Ктесий отмечали, что эта вода предварительно кипятилась. Эта подготовка придавала воде еще большую вкусовую ценность, так как «вода, умеренно нагретая или охлажденная, очень хороша, а налитая в бронзовые или серебряные сосуды, она не становится ядовитой»⁶⁶. С другой стороны, считалось, что нагревание воды позволяет сохранить ее свежей:

«Это изобретение императора Нерона — кипятить воду; ее помещали в стеклянные сосуды и охлаждали на снегу. У нас таким образом получалось удовольствие от ощущения свежести без неудобств, создаваемых снегом. В любом случае надо согласиться, что кипяток лучше, а кроме того — очень тонкое изобретение, — нагретая вода больше охлаждается. Можно исправить нездоровую воду, прокипятив ее и выпарив при этом до половины»⁶⁷.

Таким образом, становится более понятно, что персы уже кипятили воду, предназначенную для потребления царя, и что они перевозили ее в серебряных сосудах. Они хотели предложить царю воду, которая бы была одновременно чистой, прозрачной, свежей и великолепной с точки зрения пищевых качеств.

Такие условия защищали не только здоровье, но также и жизнь царя: сохраненная и транспортируемая отдельно, царская вода была защищена от попыток отравления. То же самое касалось и царского вина. Согласно Ксенофону, царские виночерпии должны были выпить несколько капель вина, которые они собирались налить в царский кубок, «чтобы, если они налили яд, они не смогли извлечь из этого никакой выгоды»⁶⁸. Согласно Диодору, Дарий III сумел ускользнуть от попытки отравления кубка с вином, который ему был поднесен⁶⁹. Суще-

ствовало, впрочем, наказание, специально предназначенное для отравителей и отравительниц: «Брали большой плоский камень, на который клали их голову, а затем ударяли по ней камнем и разбивали ее другим камнем до тех пор, пока лицо и голова не были мелко раздроблены»⁷⁰. Существовали ли также царские «дегустаторы воды»? Неизвестно!

Можно сомневаться в точности цифр, упомянутых древними авторами в их расчетах соответствующего веса вод из различных источников и рек. Но при этом не стоит удивляться интересу, проявленному к специфическим достоинствам воды, значимости придворных служб, значению качества воды, которую должен будет пить царь. В своем «Путешествии по Востоку» Жерар де Нерваль, будучи в Константинополе, сообщал, что ему приносили воду и что существовала «странная индустрия продавцов воды по весу и в стекло»⁷¹. Воды, как сорта вина, сравнивались между собой:

«В этих магазинчиках продавалась вода различных стран и различных лет. Вода Нила наиболее ценилась, ввиду того, что она была единственной, которую пил султан; она была частью подати, которую ему привозили из Александрии. Она считалась благоприятной для плодovitости. Вода Евфрата, немного зеленоватая, немного терпкая на вкус, рекомендовалась натурам болезненным и ослабленным. Вода Дуная, несколько солоноватая, нравится людям с энергичным темпераментом. Имеется вода за многие годы. Более всего ценится вода Нила 1833 года, разлитая по бутылкам, которые стоят очень дорого».

Сопоставление с древними текстами удивительно, в особенности относительно воды из Нила, которая, как и во времена Теофраста (IV в. до Р.Х.), признана благоприятной для плодovitости. Нерваль сообщает также, что она посылается султану в качестве дани. Сразу вспоминается информация, собранная Диномом и переданная Плутархом в следующих терминах: «Динон сообщает, что персидские цари привозили воду из Нила и Истра [Дуная], которую они отдавали на хранение в своих сокровищницах вместе со всеми своими богатствами, как будто для того, чтобы подтвердить величие своей империи и единственность и повсеместность своей власти»⁷². Конечно, в данном случае вода не употреблялась для питья — она представляла территориальные владения Великих царей, символизируемые реками, входящими в границы их империи⁷³; но не так ли поступали и султаны, упомянутые Нервалем? Мы также видим, что власти, как в одном случае, так и в другом, определяют некоторую воду как воду царя (или султана).

Не стоит удивляться, что службы, отвечающие за стол царя, отвечали и за то, чтобы хранить эту воду охлажденной и по первому требованию подавать ее царю, куда бы он ни перемещался и где бы ни жил в течение всего года, в мирное время и во время войны. Лайяр упоминал, что, когда Мухаммед Али участвовал в военном походе в Аравии, он приказал регулярно посылать себе воду из Нила. Четырьмя тысячелетиями раньше цари Мари приказывали собирать снег и иней, делать запасы в ледниках, и могли таким образом охлаждать и разбавлять свои любимые напитки (вино, например), во время своих перемещений по стране, или приказывали перевозить лед в свой дворец.

Таким образом видно, — и Геродот это подтверждает, — что в царском караване вода была элементом, среди прочих, «снабжения продовольствием и скотом». В своем описании армии Ксеркса Геродот не упустил возможности описать Бессмертных, «пищу для которых везли отдельно на верблюдах».⁷⁴ Это было, разумеется, продовольствие, предназначенное для самого Великого царя: именно так Геродота поняли Элиан и Сенека⁷⁵, и в анекдоте, сообщенном Плутархом и Страбоном, Дария Великого спас верблюд, который нес продовольствие, предназначенное для царя⁷⁶.

В целом античные авторы сильно настаивают на богатстве службы кухонь, которая следует за царем при любом его перемещении, как видно из описания богатств, оставленных Дарием III в Дамаске в 333 году. Это богатство стола царя стало общим местом: в греческих и римских писаниях оно одновременно ощущалось и использовалось как яркий признак власти царя над землями и тем, что эти земли производят, а также как знак фатальной расслабленности. Вновь появляется двойное значение термина *truphè* — показная роскошь, которая позволяет царям продемонстрировать свое превосходство⁷⁷, и изнеженная расслабленность, осуждаемая греками как типичное свойство раба и противопоставляемая ими усилиям, свойственным царям⁷⁸. Именно в этом принижающем значении Страбон, среди множества других, вводит этот термин в ходе своего экскурса в нравы и обычаи персов, где он не забывает включить знаменитый обычай заготовки воды для царя:

«Большая часть их обычаев носит безусловно умеренный характер. Но, если посмотреть на них с точки зрения их богатства, то цари погрязли в неумеренной роскоши (*truphè*), поскольку они привозят свою пшеницу из Асса в Эолиде, халибонское вино из Сирии и воду из Евлея, которая является самой прозрачной из всех» (XV.3.22).

Этот обычай также осужден Плутархом⁷⁹. Для большего морализаторского эффекта Элиан утверждает, что запасы, которые следуют за царем, и особенно вода из Хоаспа, «практически не использовалась, чтобы продемонстрировать его величие и роскошь»⁸⁰. Но, подчеркивая показной характер царского каравана, автор указывает на одну из целей этого обычая: производить впечатление на народ. Пусть нынешний читатель попытается представить себе это множество четырехколесных колесниц, на которых были установлены серебряные сосуды, содержавшие воду для царя; колесниц, возможно, украшенных звенящими колокольчиками — так же были разукрашены катафалк Александра и шестьдесят четыре мула, которые его влекли⁸¹. Как это далеко от грубого македонского шлема, в котором рядовые солдаты принесли немного воды Александру, измученному жаждой в пустыне!

ЦАРЬ ХОЧЕТ ПИТЬ, ЦАРЬ ПЬЕТ!

Однако не было ли это сделано ради авторов сборников *exempla*? Некоторые анекдоты помещают Великих царей в бедственное положение, и там мы обнаруживаем самое прямое сопоставление с историей Александра, которую

мы только что рассматривали. Вопрос по-прежнему тот же самый, но он ставится в рамках, специально предназначенных для Великих царей: как царь, привычный к такому изобилию и к такой роскоши, будет действовать, если, по какой-то причине, он не сможет иметь к ним доступ? Мы уже видели, как Сенека осудил Камбиза, который, когда его солдаты находились в ужасных условиях голода и жажды, сам продолжал спокойно пользоваться изысканными блюдами и великолепием своей драгоценной посуды⁸². В другой монархической басне выведен Артаксеркс II:

«Артаксеркс выступил собственной персоной против кадусиев с тремя сотнями тысяч пехотинцев и десятью тысячами всадников: захватив эту суровую страну, покрытую туманами и непригодную к посевам, которая питала своих воинственных и храбрых жителей только грушами, яблоками и другими необработанными плодами, он попал, вследствие своей неосторожности, в серьезные затруднения и опасности. Его армия не могла найти еды и не могла ничего подвезти извне: у них не было достаточно вьючных животных, которых расчленили так, что голову осла можно было купить только за шестьдесят драхм; “ужин царя” не был готов, и оставались всего несколько лошадей: всех прочих съели» (Плутарх, Арт. 24.2—3).

Фраза, использованная Плутархом, — «ужин царя не был готов», — предполагает, что повсюду должны были готовить еду для царя согласно принятым регламентациям. Но, в отличие от Камбиза, Артаксеркс не живет в роскоши рядом с солдатами, оставленными в нищете: напротив, он восхваляется за качества вожака, которые он проявил в течение похода:

«Царь показал в этих обстоятельствах, что трусость и вялость не всегда порождаются, как мы считаем обычно, наслаждениями и роскошью, а связаны с испорченной и низкой натурой, которая позволяет извратить свой дух. Действительно, ни золото, ни царское платье, ни украшения, которыми царь был всегда покрыт и которые стоили двенадцать тысяч талантов, не мешали ему страдать и переносить страдания, как любому из его солдат: колчан на спине, щит в руках, он сам шел во главе войск крутыми горными тропами, не пользуясь лошадью, так что вид его живости и силы придавал легкости его войскам, поэтому он покрывал каждый день расстояние более двух стадий» (29.9—10).

Достоинства персидского военачальника воспеты теми же словами, что и в многочисленных анекдотах, восхваляющих Александра: как Александр в Гедросии, так и Артаксеркс оставил коня, чтобы идти пешком, во главе войска, наравне с простыми солдатами⁸³. Результат идентичен: царь передает войскам свою энергию и свой энтузиазм. В данном случае Артаксеркс представлен как анти-модель традиционного изображения персидского царя, погубленного роскошью его стола и постели, неспособного вести солдат в бой.

Именно напоминанием о все том же Артаксерксе Плутарх открывает обращение к Траяну, которое он поместил в заголовке своих «Aporhthegmes»:

«Артаксеркс, царь персов, о великий император Цезарь Траян, считал, что будет весьма царственным и щедрым получать, с милостью и добротой, маленькие подарки, а самому делать большие. В то время когда он ехал верхом, простой человек из народа, обычный житель, который не мог предложить ему ничего другого, предложил ему воду, которую он набрал в реке в горсть; Артаксеркс принял этот дар с удовольствием и улыбкой, соизмеряя ценность этого жеста с усердием дарителя, а не с полезностью дара» (Arophtegmes, 172^B).

Существовал, очевидно, сборник монархических басен, построенных вокруг образа Артаксеркса II⁸⁴. Этот анекдот рассказан со значительно большим числом подробностей Элианом, который располагает его в контексте обычаев персидских монархов:

«Жители мест, где царь проезжает во время своих поездок, предлагают ему подарки, каждый согласно его возможностям. Земледельцы, то есть все те, кто обрабатывают землю, мелкие ремесленники, не дарят ему ничего великолепного, ничего ценного: эти люди подносят ему говядину, овец, другие — вино. Когда царь проходит, каждый выставляет на дороге то, что он подготовил для подарка царю. Все это называется подарками и получается царем под этим названием. Самые бедные дарят молоко, сыр, финики, плоды по сезону и предметы своего ремесла» (Hist. Var.1.31).

Затем Элиан иллюстрирует этот обычай историей бедного перса Синетеса, который был «расстроен при виде царя и вследствие уважения к нему, и к обычаю, который он не был в состоянии удовлетворить»:

«Не имея под рукой ничего, что он мог бы подарить правителю, Синетес со страданием смотрел на преимущество, которое имели перед ним другие персы, и не мог выдержать стыда, что он был единственным, кто совсем не сделал никакого подарка царю. Затем он принял решение и изо всех сил бежал к реке Кир, которая бежала неподалеку, наклонился к воде и зачерпнул воду руками» (1.32).

Разумеется, царь принимает подарок с огромной благосклонностью и зовет Синетеса к ближайшему месту своего отдыха на дороге. Чтобы особенно почтить бедного человека, царь даже приказывает евнухам «подобрать подарок для Синетеса. Они прибегают и вливают в золотой фиал воду, которую он принес в руках». Затем царь дарит Синетесу исключительные подарки — «персидское платье, золотой фиал и тысячу дариков», — сопровождая их следующим замечанием: «Царь желает, чтобы это золото доставило тебе такое же удовольствие, какое ему принесло твое желание не оставить его без твоего подарка — такого, по крайней мере, какой позволяли тебе твои обстоятельства. Он хочет, чтобы ты выпил воду Кира, набранную этим сосудом».

Другие истории о воде показывают Великого царя в критических обстоятельствах, порожденных потерей обоза или удалением от него во время похода

или военного марша. В одной из подобных историй описывается тот же Артаксеркс после сражения при Кунаксе, в результате которого он положил конец узурпации его младшего брата Кира Младшего:

«Царь между тем умирал от жажды, и евнух Сатибарзан рыскал повсюду в поисках какого-нибудь питья: местность была безводная, а лагерь остался далеко. В конце концов ему встретился один из тех же жалких кавнийцев, который в худом бурдюке нес около восьми котил грязной и гнилой воды. Эту воду Сатибарзан забрал и подал царю, а когда тот осушил мех до последней капли, спросил, не слишком ли противно было ему пить. В ответ Артаксеркс поклялся богами, что никогда в жизни не пивал он с таким удовольствием ни вина, ни самой легкой, самой чистой воды. «И если, — прибавил он, — я не смогу разыскать и вознаградить человека, который дал тебе эту воду, пусть сами боги даруют ему и счастье, и богатство» (Плутарх, Арт.12.4—6).

Действительно, после сражения кавниец был найден и стал одним из получателей царских подарков: «Неизвестного и бедного, которым он был, царь сделал его могучим и богатым».

В другом анекдоте, у Элиана, в подобном же положении выведен Ксеркс. Рассказ начинается уже приводившимся осуждением чрезмерной роскоши и показного характера запасов Великого царя. Дальнейшая история призвана проиллюстрировать сюжет:

«Когда Ксеркс оказывается днем, мучимый жаждой, в пустынном месте, где интендантские службы не могли ничего ему предложить, глашатаи в лагере объявили, что, если у кого-то была вода из Хоаспа⁸⁶, он должен принести ее, чтобы дать попить царю. Оказался человек, у которого было немного такой воды; кроме того, она была испорчена. Ксеркс выпил ее и назвал благодетелем того, кто ее ему дал, потому что без этой воды он умер бы от жажды» (XII.40).

Во всех этих анекдотах обнаруживается общая схема: царь страдает от жажды, и обычный человек (солдат, крестьянин) предлагает ему несколько глотков воды, обычно немного мутной и плохой. Тем не менее, если сравнивать с историей Александра, мучимого жаждой, или с историей о жажде Артаксеркса, не имеющего возможности в ходе своей кадусийской кампании получить обычный «царский ужин», тон «персидских» анекдотов абсолютно личный, и их общественное и идеологическое значение является таким же.

Сначала, даже тогда, когда автор (Элиан) утверждает, что царь оказывается в месте, названном «пустыней» (Ксеркс), он не хочет сказать, что царь затерян с несколькими компаньонами посреди песков, иссушаемый солнцем, в нескольких днях пути от ближайшего пункта снабжения; в использованном контексте термин *êrêmos* (переведенный словом «пустыня»), не должен вводить в заблуждение — он означает просто, что в непосредственной близости нет ни источника, ни шахты, ни проточной воды. Царь никоим образом не оказывается в суровой ситуации, которая могла бы подвергнуть опасности его жизнь. Причина жажды

намного более приземленная и связанная с временными обстоятельствами: царь оказывается временно удаленным от серебряного сосуда, который следует за ним повсюду — либо потому, что его войско продвинулось вперед (Ксеркс), либо хозяйственные службы не могут послать телеги на поле битвы (Артаксеркс в Кунаксе), либо он спокойно едет верхом по дороге между двумя «царскими этапами», где хозяйственные службы тщательно подготовили царский стол (Артаксеркс II в Персии). Столь содержательная в истории Александра и его солдат, в этих персидских историях личная побудительная причина полностью отсутствует.

ДАР И ОБЯЗАННОСТЬ

Лишенные драматического напряжения, наши истории ощущают полное отсутствие эмоциональной нагрузки, которая имеется в истории Александра, умирающего от жажды, но отказывающегося выпить предложенную воду: здесь же контекст, в котором рассказывается о поступке солдат, настолько сценичен, что он ярко показывает подлинность глубины привязанности солдат к своему царю, и если, по версии Квинта Курция и Плутарха, отцы готовы пожертвовать жизнью своих сыновей ради царя, то, по всей видимости, отношения, которые связывают их с Александром, основаны не только на подчинении, но и цементируются также эмоциональными связями. Невозможно усмотреть никакого расчета — ни со стороны солдат, ни со стороны Александра, даже при том, что, будучи внимательным наблюдателем элементов военной жизни, Арриан не упускает возможности отметить, что этот эпизод свидетельствует также об исключительных способностях македонского царя в управлении людьми.

Напротив, в персидских историях не присутствует никаких следов истинных чувств. Солдатами и крестьянами, приходящими предложить воду царю, не выражается никакой спонтанности, никакого великодушия, никакого выражения человеческих отношений. «Дарители» скорее реагируют на просьбу, приказ или действуют согласно установленному правилу. В Кунаксе не сами солдаты направляются к Артаксерксу. Взаимоотношения устанавливаются при помощи евнуха Сатибарзана, приближенного царя, который взял на себя инициативу попросить солдат, и именно он приносит царю флягу, которую он «позаимствовал» у бедного солдата⁸⁷; при этом возникают сомнения в том, что у того был выбор, и совершенно ясно, что ему не предложили самому подойти к царю! Если взять рассказ о Ксерксе, ситуация столь же ясна: глашатаи оповестили всех в лагере, что те, у кого еще осталась вода, приглашаются (или должны?) отдать ее царю, которого мучает жажда⁸⁸.

Еще более явно это показано в истории с крестьянином Синетесом, который предложил Артаксерксу несколько капель воды, зачерпнув ее руками в ближайшей реке. Элиан делает из этого образцовую иллюстрацию «персидского закона» (*nomos persikos*), о содержании которого он только что сообщил: этот персидский обычай фактически является царским законом, согласно которому любое лицо, встретившееся на пути царя, обязано принести и оставить подношение на краю его дороги⁸⁹. Терминология Элиана (каждый делает подношение согласно своим возможностям) очень часто используется в контексте налогов. Здесь речь идет не о налогах в точном значении этого слова. Речь идет о

подарках, но очень интересное объяснение, данное автором, уничтожает любую идею о спонтанности: «Все это называется термином “подарок” и получается царем под этим названием».

Невозможно было бы сказать лучше — в бухгалтерских регистрах империи подарки описываются наравне с налогами и пошлинами. Их предоставление принимает абсолютно обязательный характер — это доказывается паникой бедного крестьянина. Этот рассказ не только свидетельствует о соперничестве, возникающем между соседями за право стать тем, чей «подарок больше понравился царю», — он в большей степени иллюстрирует панический страх Синетеса не суметь соответствовать *potos*. Есть чисто теоретическая разница, состоящая в том, что налог зафиксирован администрацией, в то время как каждый может сам оценить стоимость «дара», но можно сомневаться в том, что во втором случае наблюдалась большая свобода. В конечном счете простые персидских крестьяне не единственные, кто обязан выплачивать оброк во время прохождения царя: то же самое обязаны делать населенные пункты, и также «соответственно их возможностям», для того, чтобы снабжать стол царя и стол сатрапов⁹⁰.

Конечно, дарители вознаграждаются царем и в целом даже возводятся в ранг «благодетелей». Но, с одной стороны, каким бы престижным ни было это звание, оно имело реальную ценность только в том случае, если заинтересованный был включен в придворную иерархию, чего не было, разумеется, ни в случае бедного персидского крестьянина, ни рядового персидского солдата. Когда Плутарх пишет, что кавниец стал «могучим и богатым», это выражение не означает, что он был допущен в достаточно высокий разряд императорской иерархии. Его «могущество» и его «богатство» имело значение только для его старых товарищей по несчастью: это совсем не означает, что он стал чем-то отличаться от других рядовых солдат. Кроме того, не стоит забывать, что любой царский подарок, в том числе предоставление пышного звания, страдал неустойчивостью: его сохранение предполагало полную и бесконечную верность царю. Таким образом, обмен был весьма неравным: он еще сильнее увеличивал зависимость дарителя, который на некоторый момент был превращен в одаряемого просто вследствие того факта, что царь решил его вознаградить. Таковой же является история Синетеса: вода, которая ему дается в качестве ответного дара, не является, собственно говоря, его собственностью. По приказу царя «евнухи налили в золотой фиал воду, которую он принес в руках». Затем царь сообщает ему свое настоятельное желание: «Царь хочет, чтобы ты выпил воду Кира, зачерпнутую этим сосудом», — как будто вода не могла сохраниться, если ее не налить в сосуд, сделанный из драгоценного металла, что делает ее «царской водой». Можно представить себе трогательные результаты, которые поклонник Александра мог бы извлечь из такой ситуации: если бы он решил ее выпить, царь наверняка сам собрал бы воду своими руками и незамедлительно поднес бы ее к его рту!

О ДЕСПОТИЗМЕ ЦАРЯ

Эти *exempla* подпитывают хорошо известный сорт монархических басен, так как, по крайней мере в некоторых аспектах, они схожи с хорошо известной серией рассказов о встречах в деревне между царями и простыми смертными. Из-

вестно, какой успех в монархической литературе имеют нравоучительные басни о царях, пришедших инкогнито в лачугу крестьянина и разделивших с ними их простую трапезу. Давайте вспомним апофтегму Плутарха: во время охоты Антиох «удалился от своих друзей и слуг» и незнанным разделил «в сарае трапезу с бедными людьми», которые свободно разговаривали с ним. Разговаривая на следующий день со своими приближенными, он поздравляет себя с тем, что «впервые слышит слова правды о себе»⁹¹. Здесь мы находим все ту же тему хороших советников и льстецов, столь часто упоминавшуюся в сюжетах, связанных с царскими советами⁹². Данный анекдот показался Гильому Бюде настолько важным и наглядным, что он включил его в свою книгу «Наставления принцам» (58v-60r), вставив его между ехетрла, призванных проиллюстрировать пути и способы правильного правления. Он был также упомянут в конце XVI века, в труде Камерариуса, который объединил множество различных ехетрла о замечательных принцах: «Их приключения начинались каждый раз с долгой охоты, в ходе которой принц, отделившись от своих спутников, терялся в лесу и ночью обретал убежище в крестьянском сарае, где его не признавали. Воспользовавшись такими обстоятельствами, незнанный принц расспрашивал своих хозяев о том, что происходит на самом деле»⁹³.

Это повествовательное клише также было талантливо использовано Низами в «Книге о павильоне семи царевен». Недовольный методами правления своего визиря, царь Барам Гур находит отвлечение от забот в охоте. Он выехал один и без запасов еды, и вскоре начал мучиться жаждой: «Он ехал рысью, и жажда все сильнее мучила его, и он рыскал в поисках источника, чтобы пополнить запасы пресной воды: и чем больше он искал ее, тем быстрее таяла его надежда найти воду». Так он добрался до хижины старого пастуха, который предложил ему «войти и напиться», извиняясь за бедность. Пастух рассказывает всаднику историю своего пса, который, поддавшись любовному желанию к волчице, изменил своему хозяину, изменил долгу и позволил волчице пожирать овец. Царь тотчас же увидел в этом изображение своего визиря (собака) и его народа (овцы), и вернулся во дворец, съев немного хлеба и выпив воды. Он высказывает свою радость в следующих терминах: «Этот старый пастух научил меня править царством»⁹⁴.

Оставаясь в рамках иранской литературы, отметим, что некоторые апофтегмы и нравоучительные истории Саади также можно бесспорно отнести к данному типу литературных произведений, особенно первую главу «Бустан», посвященную теме «долга царей». Апологии, одна из которых описывает некоего Дара, «знаменитого царя», традиционно начинаются с формулировки: «Рассказывают, что царь, будучи на охоте, оторвался от своего эскорта», что позволяет ему не быть более изолированным в замкнутом кругу его министров и придворных, и, таким образом, вступить в контакт с простыми людьми. Царь с благодарностью принимает урок «правильной царской власти», который дают ему простые скромные люди. Действительно, советам льстеца или урокам философов царь должен предпочесть мнение, которое высказывает «простой человек, который искренне высказывается относительно его недостатков... Стоит опасаться за безопасность государства, властелин которого имеет меньше проницательности, чем последний из его подданных»⁹⁵.

Как подчеркивал Ж. Дахлия, фаблю очень часто встречается в монархической литературе исламских государств: «Всегда именно во время встречи вне стен дворца несправедливый, забывший о своем долге государь беседует с одним из своих подданных, понимает свои ошибки и встает на путь мудрости либо вследствие “случайной встречи”, либо вследствие “инициативы султана”». Очень часто встречается анекдот, героем которого является либо Антиох, взятый из Плутарха, или Барам Гур у Низами: «Султан случайно отрывается от своего эскорта, например во время охоты, и оказывается, слабым, голодным, без крыши над головой, потерявший все то, что является внешним признаком царской власти: таким образом, он находится в состоянии полного инкогнито. Один из его подданных оказывает ему гостеприимство, не зная о том, кого он принимает в своем доме, и герой слышит из его уст выражение верности и даже любви, которые правитель, после разоблачения своей анонимности, вознаграждает. Похвала справедливости правителя завершает сцену невольной искренности»⁹⁶.

Одной из определяющих черт этой истории является открытие для себя голодным и жаждущим царем простых блюд. Цари восхищаются возможностью попробовать и оценить продукт или блюдо, которые не входят в их обычное питание. Отсюда регулярно встречающиеся сюжеты: «Царь Артаксеркс взял богов в свидетели, что он никогда не пил ни вина, ни воды, столь прозрачной и чистой, как эта»⁹⁷. Того же самого Артаксеркса, вынужденного довольствоваться «сухими фигами и ячменным хлебом» на обратном пути из своего кадусийского похода, — «беспорядочного бегства, во время которого его обоз был ограблен», — Плутарх заставляет произнести следующее замечание (явно радостным тоном): «Какого удивительного удовольствия, — говорит он, — я был лишен!»⁹⁸ Аналогичную реплику при достаточно близких обстоятельствах Цицерон приписывает Птолемею: «В ходе поездки в Египет он оторвался от своего эскорта и ему дали в сарае грубого хлеба: этот хлеб показался ему настоящим лакомством».

В эти монархические басни вложено несколько смыслов. В них показывается хороший царь, охотно принимающий урок, преподанный ему простым крестьянином, наделенным здравым смыслом, но в то же время они делают простых подданных восхищенными соучастниками царского деспотизма. Невозможно лучше показать непреодолимую границу, которая отличает царя от простого подданного: встреча между одним и другим только сильнее подчеркивает ее незыблемость. Цари, одновременно несговорчивые деспоты и баловни, развлекаются положением, которое они полностью контролируют и которое не может никогда более повториться, иначе как по их собственному желанию или под влиянием внезапного каприза.

Что касается случая с персидскими царями, которым приносят немного воды рядовые солдаты, то он имеет совершенно иные свойства. Никто из участвующих в подобных историях царей не присутствует инкогнито, как это принято в других историях. С другой стороны, они никогда не отказываются пить по той причине, что другие люди из их свиты хотят пить еще больше, чем они: так, на поле битвы Артаксеркс выпивает всю воду, которую ему принесли, не задавая никаких вопросов. То есть они удовлетворяют вначале свою жажду, свое желание и свое удовольствие. Единственный из них (Артаксеркс) возвращает воду дарителю (Синетес), но оказывается, что эта вода, принесенная в подарок, в

этом случае не призвана утолить царскую жажду. Очевидная простота поведения царя проявляется только на словах. В противовес Александру, которого восхваляют за то, что он решил «переносить трудности наравне со своими людьми»¹⁰⁰, или Артаксерксу, который в ходе кадусийской кампании «страдал и выносил трудности как любой другой»¹⁰¹, это разделение пищи или воды с обыкновенным подданным не устанавливает, даже кратковременно, никакого ощущения равенства между людьми, которые оказались в одинаковых условиях человеческого существования. Продемонстрированные в подобных условиях отношения между царем и простыми людьми (рядовыми солдатами, бедными крестьянами) вписываются скорее в контекст власть/подчинение.

ЦАРЬ И ФИЛОСОФ

Анекдоты и апофтегмы подпитывали также философские диалоги по вопросу власти и в то же время черпали оттуда вдохновение. Один из вопросов, обсуждавшихся во время подобных дебатов, состоял в том, чтобы понять, можно ли считать роскошную жизнь Великого царя завидной или нет. Полиакр, цитированный Арисоксеном в «Жизни Архита», считал прекрасным доказательством тот факт, что Великие цари могли приказать в любой момент приготовить для себя множество самых изысканных блюд, и пробовать их поочередно, одно за другим¹⁰². Мнение Диогена Киника, представленное Дионом Хризостомом в его «Речах» VI, было совсем другим. Он высмеивал практику бессмысленной роскоши персидских царей и не без иронии утверждал, что по примеру Великого царя, который переходил из столицы в столицу в зависимости от времени года, он сам имеет привычку делить свое время между Коринфом и Афинами! Он считал, что философ получает несравненно большее удовлетворение, так как Великий царь должен был проделывать огромный путь и таким образом проводить существенную часть зимы и лета в дорогах: «Говоря это, Диоген хотел привлечь внимание тех, кто восхищался богатством персидского царя и его всем известным счастьем, хотя в действительности в его повседневной жизни не было ничего из того, что они себе навоображали, так как многие возможности не были полезными, а другие были вполне доступны даже беднейшим» (§ 1—7).

Противопоставление царя и философа напоминает противопоставление обычая и природы. Свободный человек должен следить за ритмом времен года, а не перемещаться в течение всего года, чтобы убежать от тепла и холода, как это навязывает царский персидский обычай. Те у кого есть лишние богатства, не могут ими по-настоящему воспользоваться: они не находят даже никакого удовольствия в занятии любовью, так как они не ощущают в нем естественную страсть. Свободному человеку не нужно ни чересчур много есть, ни чересчур много пить; более того, он должен есть и пить только тогда, когда он ощущает голод и жажду. Таким образом, философ противопоставляет свой образ жизни правилам жизни Великого царя, который «потерял опыт естественной жажды (kataphysin)», тогда как, говорил он далее, «голод и жажда — наиболее эффективные и наиболее острые из всех приправ.... Он также утверждал, что испытывает большее удовольствие, утоляя жажду водой из проточного ручья, чем другие, пьющие вино» (§ 11—12).

В этом «киническом» ключе строится и критический комментарий Цицерона, который неоднократно упоминает Диогена в своих «*Tusculanes*». Он вводит туда образ Птолемея, «который никогда не ждал появления чувства голода, чтобы начать есть», а также Дария, «который, очевидно, никогда не ждал появления жажды, чтобы начать пить»¹⁰³. Царские апофтегмы, о которых он сообщает, имеют своей целью проиллюстрировать рассуждение, похожее на то, что Дион вкладывает в уста Диогена: «Разве не ясно, что именно аппетит придает вкус всем продуктам?» Впрочем, совсем как Дион Хризостом, он использовал сравнение, которое философ любил сооружать между своим образом жизни и образом жизни персидского царя: «Он делал так, чтобы не испытывать недостатку ни в чем, в то время как его соперник не мог никогда иметь достаточно; удовольствия, которыми не удавалось насытиться его сопернику, ему самому не были нужны»¹⁰⁴. В своей бочке Диоген потребовал у Александра не отнимать у него того, что природа дала всем: свет и тепло солнца¹⁰⁵.

Очень любопытно, что Дион не упоминает серебряных сосудов Великого царя, хотя они замечательно вписались бы в контекст. Причина, вероятно, в том, что он почти дословно привел речь, которую Ксенофонт использовал в «Агесилае»¹⁰⁶, где образ жизни царя Спарты противопоставлен образу жизни Великого царя, в том числе в том, как он справлялся с голодом и жаждой. Ксенофонт также не делает ни малейшего намека на серебряные сосуды Великого царя. Критический тон сюжета у него достаточно резок: «Что касается Персии, то люди носятся по всей земле в поисках того, что он мог бы выпить с удовольствием, тысячи других занимаются тем, что ищут, чем бы возбудить его аппетит». Этот образ был использован очень многими античными авторами и философами: помимо Ксенофонта, Атений цитирует Теофраста, Теопомпа и Клеарха из Сол¹⁰⁷.

Согласно риторической логике, которой, начиная с самых древних времен, была приправлена историография восточных империй, цари заслуживают свой жребий, проводя все свое время в бесконечных пирах и попойках. Об этом свидетельствует, помимо других примеров, противопоставление, проведенное Юстинианом между Филиппом, который «любил умеренность и заложил основы всемирной империи», и Александром, который был виновен в несдержанности и «растратил всю славу этого великого труда»¹⁰⁸.

Таким образом, легко понять, что в целом в античной философии падение персидской монархии приписывалось роскоши Великих царей, что и проиллюстрировано примером последнего из них. Страбон осуждал пучину наглой роскоши, в которую впали Великие цари, желавшие употреблять в пищу только зерно из Асса в Эолии, вина из Сирии и воду, черпаемую из сузской реки Евлей¹⁰⁹, в то время как считалось общеизвестным, что Александр не стремился «собрать у себя всю роскошь мира, хороший стол и мидийских женщин, вина Халибона и рыбы Гиркании»¹¹⁰. Философ Клеарх из Сол в своем труде «*Pegí bion*» («Жизни»), писал об излишествах царского стола. Он описывал «Дария, того, кто был побежден Александром... Персидский царь щедро платил тем, кто предоставлял ему различные удовольствия, но он привел персидское царство к гибели, не понимая, что он погубил себя сам, еще до того момента, когда другие захватили его скипетр и были провозглашены царями»¹¹¹. Справедливый приговор роскоши и излишеств, оскорблявших саму природу!

ШЛЕМ ПОЛИСТРАТА

В извлечении, предоставленном нам Атением, Клеарх не упоминает о реальном завершении жизни Дария, которое, что довольно любопытно, действительно связано с некоторыми историями о жажде и воде, в форме объединения басни и эпилога. В уже упомянутом пассаже в «*Tusculanes*», где он рассуждает о понятии реальности желания у эпикурейцев, Цицерон вводит некоторые исторические персонажи, которые остро нуждались в пище и воде. Мы уже упоминали о Птолемею, который, оторвавшийся от своих интендантских служб, получил удовольствие, «попробовав грубый хлеб в простой хижине». Затем появляется другой царь, о котором Цицерон рассказывает следующую басню:

«Дарий во время бегства выпил грязную (*aqua turbida*) воду, которую гниющие трупы сделали вонючей: он заявил, что никогда не пил ничего приятнее. Очевидно, он никогда не испытывал ранее жажды».

Эта ситуация настолько похожа на ту, которую описал Плутарх, говоря об Артаксерксе II, утоляющем жажду на поле битвы при Кунаксе¹¹³, что можно спросить, не спутал ли просто-напросто Цицерон двух царей. Это вполне возможно, поскольку пользователи сборников *exempla* (каким является и Цицерон) прежде всего были озабочены тем, чтобы проиллюстрировать некое моральное понятие или позицию: они совсем не затрудняют себя научными проверками, которые в любом случае не смогут поколебать их уверенность в своей правоте. Также вполне возможно, что автор сборника просто приписал Дарию ситуацию, ранее связывавшуюся другими авторами с именем Артаксеркса, так как бегство армии с поля битвы при Гавгамелах происходило в крайне сложных условиях, которые Квинт Курций описывает в весьма драматичной сцене:

«Повсюду жажда мучила усталых и израненных солдат; тут и там, во всех ручьях, лежали на земле люди; они открывали рот, чтобы поток воды попал в измученное горло; по мере того как они пили эту тинистую воду (*aqua turbida*), их утроба постепенно растягивалась под давлением ила... И не было никакой ямы, которую бы они не исследовали в попытках избавиться от мучительной жажды» (IV.16.12—13).

Для автора римской эпохи выражение «в бегстве» могло означать только Дария III. Сравнение текстов и выражений свидетельствует о том, что описание ситуации, в которую попал Дарий и описал Цицерон, относится к периоду бегства с поля битвы при Гавгамелах, то есть ко времени, когда Дарий не достиг дна пропасти отчаяния, по-прежнему оставаясь «все еще царем»¹¹⁴.

Несколько месяцев спустя последние моменты жизни Великого царя описываются в другой истории с жаждой и водой, на сей раз бесконечно более трагической. В нескольких словах опишем сцену. Оставив Экбатаны незадолго до прибытия Александра, Дарий направился по восточной дороге, через Рей и Каспийские Ворота, и стал продвигаться, пересекая парфянские земли, по направлению к будущему Гекатомпилосу (Шар-и-Кумыш). Преданный своими

приближенными, он вскоре был пронзен ударами заговорщиков, которые бросили его, истекающего кровью; кроме того, они поранили его упряжку, чтобы он не смог продолжить свой путь, так что животные, предоставленные самим себе, «ушли с военной дороги»¹¹⁵.

И вот мы находимся в парфянских землях, регионе весьма суровом, особенно в разгар лета (июль), как об этом свидетельствует марш Александра в погоне за Великим царем: «По пути, когда он двигался со всей возможной скоростью, многие солдаты были оставлены позади, и много лошадей пало». Затем, когда он узнал, что лагерь Дария находится совсем близко, за Каспийскими Воротами, он еще больше ускорил темп движения, находясь во главе маленького элитного отряда, «имея только оружие и пищу на два дня». Затем темп движения оказывается почти невыносимым: «Александр идет коротким путем, который пересекает местность, совершенно лишенную воды»¹¹⁶. Трудность этой дороги также отмечена Полибием, рассказывавшем о походе, который вел тем же путем селевкидский царь Антиох III против царя Парфии Аршака:

«Аршак готовился к тому, что Антиох подойдет к этой местности, но он никак не ожидал, что тот осмелится пересечь со столь большой армией близлежащую пустыню, главным образом из-за отсутствия воды. В этом регионе вода нигде не выходит на поверхность почвы, но имеются многочисленные подземные трубы, которые связаны с шахтами, о которых не знают те, кто недостаточно хорошо знаком с этой страной» (X.28.1—2).

Полибий ссылается на то, что мы сегодня называем *qanats*, подземными каналами, собирающими воду из водоносных слоев, которые они пересекают, и которые отводят ее довольно далеко, туда, где расположена деревня¹¹⁷. Иными словами, оставляя «военную дорогу», последний царский конвой отрезал себе легкодоступные водные ресурсы.

Давайте снова вернемся к рассказу Квинта Курция:

«Лишенные водительства, животные, которые везли Дария, оставили военную дорогу и, отойдя приблизительно на четыре стадии, остановились в долине, измученные жаждой и ранами. Неподалеку имелся фонтан; люди, которые знали страну, указали на него македонцу Полистрату, который направился туда, измученный жаждой; напившись воды, зачерпнутой своим шлемом, он заметил глубокие следы в телах умирающих животных. Он удивился, что их истребили, а не забрали с собой; наполовину мертвый...» (V.13.23—25).

К несчастью, пробел в рукописи не дает нам возможности узнать продолжение. Необходимо обратиться к другим авторам, которые знали одну или несколько версий смерти Дария. Арриан ничего не говорит по этому поводу¹¹⁸, но другие авторы Вульгаты не упустили возможности предложить своим читателям крайне трогательный рассказ о смерти последнего Великого царя.

В тексте постоянно присутствует жаждущий солдат — он будет играть роль посредника между Дарием и Александром (рис. 46). Юстиниан не называет его

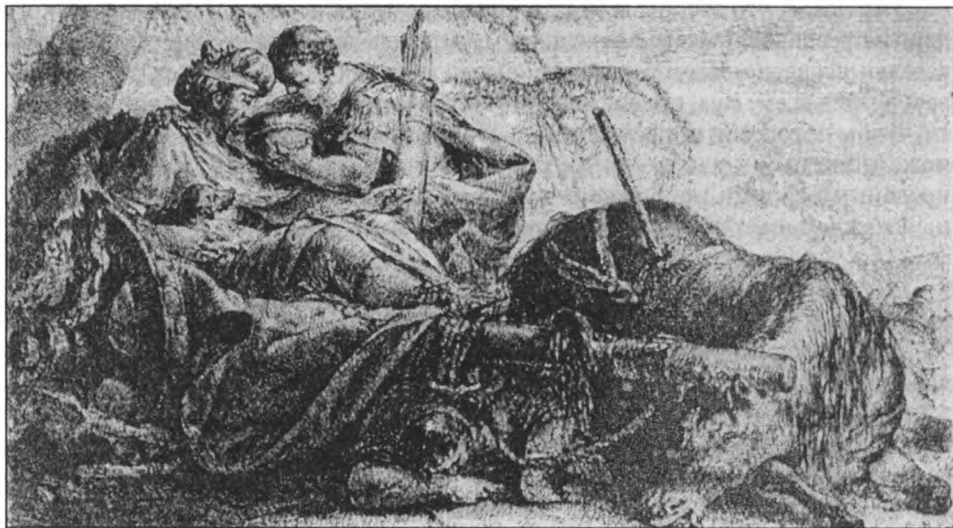

Рис. 46. Дарий, погибающий от жажды и спасенный простым солдатом (офорт Бернхардта Роде, 1774, © National Gallery of Art, Вашингтон, 2001.51.1)

имени: «Солдат, отправившийся к соседнему источнику, нашел Дария в его колеснице, пронзенного ударами, но еще дышавшего»¹¹⁹. У Плутарха мы обнаруживаем Полистрата — это один из солдат армии Александра, который нашел повозку Дария:

«Они с трудом его обнаружили, изрешеченного ударами копий, расптертого на повозке и брошенного умирать. Между тем он попросил пить, и, когда он выпил свежую воду, он сказал Полистрату, который дал ему воды: “Друг мой, для меня верх несчастья принять службу, не имея возможности отплатить за нее; но ты за это будешь вознагражден Александром, а Александр будет отблагодарен богами за его великодушие по отношению к моей матери, жене и моим детям”» (Alex. 42.3—4).

Разумеется, читая параллельно рассказ Квинта Курция, мы не можем не заметить, что солдат протягивает Дарию свой шлем, наполненный водой из фонтана, по примеру солдат Александра в пустыне. В конце концов, именно Плутарх в целях усиления драматичности рассказа подсказывает нам эту параллель. Действительно, он вставляет историю Александра, спасенного его солдатами, в описание преследования Дария:

«Преследование было тягостным и долгим (за одиннадцать дней он проскакал верхом три тысячи триста стадий), и большая часть его солдат пала духом, главным образом из-за отсутствия воды. Именно в это время он повстречал македонцев, которые перевозили на спинах мулов воду, которую они набрали в реке. Эти люди, видя Александра, измученного полуденной жарой, быстро наполнили его шлем и протянули его ему и т.д.» (42.6—10).

Учитывая, что авторы Вульгаты параллельно описывают агонию Великого царя и преследование его Александром, читатель не может не увидеть повествовательной связи между обеими сценами: в то время как Александр, во всей славе и владея всем, сам, преднамеренно, выбирает дорогу по безводной местности, чтобы поторопить преследование, и в то время, как он отклоняет воду, предложенную ему в каске его же солдатами, Великий царь, побежденный, преданный своими приближенными, пронзенный ударами копий и измученный жаждой, пьет воду, которую предложил ему солдат Александра.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ И УРОК ФИЛОСОФИИ

Такова последняя история о воде для Великого царя. В отличие от Александра, ни про одного из Великих царей не сказано, что он отклонил воду, предложенную солдатом или простым подданным. Но сколь велика разница между последним Дарием и его знаменитыми предшественниками! В то время как его армия погибала от жажды во время кампании в Центральной Азии, великий Дарий не пытался, как Камбиз¹²⁰, защищать только свое личное благополучие, черпая из запасов, которые хранились для него¹²¹. Он выполняет свой долг царя и просит богов о спасении всей своей армии:

«В восходе солнца, он поднялся на очень высокую гору, и повесил свое царское платье и тиару на скипетре, воткнутом им в землю. Он попросил бога Аполлона — если судьба персов состояла в том, чтобы быть спасенными, — послать им дождь. Бог его услышал, и на землю пал грозовой ливень»¹²².

Какое отличие от басен, в которых появляются Ксеркс и Артаксеркс, но также и от рассказа Цицерона о том, как Дарий, преследуемый Александром после поражения при Гавгамелах, выпивает немного воды, чтобы утолить жажду, и говорит о приятном вкусе воды, набранной в ручье, полном трупов¹²³! На пороге смерти ему уже не представляется возможным говорить хорошие слова о воде, которую ему принес Полистрат, поскольку он изнурен мучительной жаждой, вызванной жарой и смертельными ранами.

Даже при том что изображения царей, разделенные несколькими столетиями, весьма отличаются одно от другого, тем не менее описание конца жизни Нерона, вынужденного бродить по дикой местности, «через лесные заросли и кусты, по тропинке, заросшей камышами, и самому черпать воду из лужи», весьма похоже. Он выпил эту воду, сказав: «Вот таковы теперь прохладительные напитки Нерона»¹²⁴. В этом нет никакого злословия, ощущается лишь явное отчаяние. Про Нерона говорили, что это он ввел в Риме технику охлаждения кипяченой воды путем погружения сосудов в снег¹²⁵. В этой сцене Нерон ясно показывает, что времени его власти и великолепия окончательно пришел конец: он не располагает хотя бы сосудом — пусть даже из глины, — чтобы набрать воды в реке! В свою очередь, бедственное положение Нерона напоминает положение Помпея при бегстве с поля битвы при Фарсалах, рядом с которым ему пришлось оставить свой лагерь со всеми удобствами — с уборными и роскошным столом: «Желая пить, он бросился ниц на землю, чтобы выпить воду из ручья»¹²⁶.

Образ побежденного и бегущего царя или военачальника, лишенного даже сосуда, из которого он мог бы пить, и вынужденного пить прямо из лужи или реки, чтобы утолить мучительную жажду, и при этом черпать воду руками, несомненно, является ярким изображением резкой перемены в судьбе, демонстрирующий внезапное исчезновение блестящего, но такого временного царского великолепия. В отношении царя, «который никогда не дожидался жажды, чтобы напиться», и при дворе которого немилость обозначалась приказом придворному использовать для питья кубок из глины¹²⁷, этот образ означает духовную победу философа, который по своей воле, а не по принуждению, предпочитает утолять жажду водой из простого ручья, а не наилучшим из вин.

Последняя жажда и последний глоток воды Дария символически означают намного больше, чем то, чем они являются. Даже в мирном изображении, навязанном впоследствии, картины мирного перехода власти от побежденного к победителю, речь все равно идет о сцене, представляющей конец империи. Элиан сделал трогательной сцену, в которой рядом с умирающим Великим царем оставался только его пес¹²⁸. При этом за счет изображения нищеты деспота, прежде имевшего не только все необходимое, но и даже много лишнего, сцена становится просто драматической.

«Азиатская роскошь» находится очень далеко, в особенности серебряный сосуд, заполненный водой из Хоаспа, который в глазах греческих авторов был наиболее ярким символом излишества. Прочесывающие весь персидский лагерь в поисках Великого царя солдаты Александра «повсюду проходили мимо брошенных куч серебра и золота и шли вдоль массы телег, на которых возили женщин и детей, и брошенных теперь своими возницами»¹²⁹. Обоз «со всем тем, от чего Великий царь никогда не удалялся даже в походе» становится просто брошенными обломками, а серебряный сосуд заменил железный шлем!

ГЛАВА 9. ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

ПЕРСИДСКИЕ ЦАРЕВНЫ В РУКАХ АЛЕКСАНДРА

Известно, что сохранение практики роскошных пиршеств во время военных кампаний, на которое показывают пальцами приверженцы нравоучительных историй, не является единственным признаком неспособности Великого царя продемонстрировать мужество перед лицом такого противника, как Александр. Обычай таскать вслед за войсками женщин и евнухов, в том числе царских жен и дочерей, также считается неприемлемым для ведения маневренной войны, свободной от любых помех. Начиная с Исса до Гавгамел эти женщины

занимают особое место в рассказах, настолько яркое, что их образы будут способствовать созданию образа Великого царя, одновременно отсутствующего и присутствующего, человека, готового к любым потерям.

Интрига и драма завязывается в вечер сражения. Давайте в нескольких словах напомним декорации, актеров и реплики. Известно, что, идя в сторону Киликии, Дарий отослал в Дамаск свою казну и обоз, в том числе многочисленных женщин благородного происхождения из богатых персидских семей. До конца его сопровождали только наиболее близкие члены его семьи: его мать — Сисигамбис; его жена — Статира; две дочери, достигшие брачного возраста, Статира и Дрипетис, и его совсем маленький сын — Ох.

С этого момента древние авторы фокусируют свое внимание на этих нескольких женщинах и подростке. Эта группа представлена Квинтом Курцием в стиле, который более похож на описание скульптурной группы, высеченной резцом ваятеля, или групповой портрет на полотне художника (рис. 47):

«Но две пленницы, мать и жена Дария, уже привлекли к себе все мысли и взгляды: первая внушала уважение своим величием, а кроме того, своим возрастом; другая была столь прекрасна, что ее красота даже в таком положении осталась нетронутой; она защищала у своей груди сына, которому не было еще шести лет и который по рождению мог рассчитывать на высокое положение, которое его отец только что потерял. Рядом с бабушкой стояли две девушки, которые были подавлены страданиями близких и своими собственными. Рядом стояла огромная толпа благородных женщин, которые рвали на себе волосы, одежду, забывшие о своем прошлом великолепии. Они зывали к своим царицам, своим хозяйкам, к тем, кто ранее носил этот титул, но ныне был его лишен» (III.11.24—25).

После поражения персов македонские войска подвергают персидский лагерь разграблению: все унесено, растащены золотые и серебряные предметы, роскошная одежда, в том числе хозяйственные предметы, которое повсюду сопровождали женщин из царского дома. Их палатки разорены, их одежды сорваны: «Насилие и вожделение не обошли их... Жестокость и распутство победителей настигали всех, вне зависимости от положения или возраста»².

Квинт Курций особенно любит описания «захваченных благородных людей». Он возвращается к этому сюжету несколько позже, когда переносит своих читателей в Дамаск, туда, куда Дарий приказал отправить свой обоз перед сражением:

«Богатства царя устилали землю... У грабителей не хватало рук для грабежа. Вскоре очередь дошла до тех, кто сумел вначале убежать. Это был женский обоз, у большинства женщин были маленькие дети: среди них были три дочери Оха, царя, который царствовал до Дария³; политические потрясения вынудили их опуститься с высоты отцовского величия, но судьба сделала их участь еще более жестокой. В том же обозе находилась жена этого Оха и дочь брата Дария, Оксатрес, с женой первого из высокопоставленных лиц, Артабаза, и его сыном, который звался Илионей. Захватили также жену и сына

*Рис. 47. Персидские царевны у ног Александра. По тексту Шарля Ле Брюна.
Анонимный художник*

Фарнабаз, который был назначен царем главнокомандующим на побережье, трех дочерей Ментора, супругу и сына знаменитого военачальника Мемнона; не было, вероятно, ни одной знатной семьи, которой миновало бы несчастье» (III.13.10–14).

В ходе грабежа в лагере Дария печальной участи избежала только роскошная царская палатка, так как «обычай требовал, чтобы в палатке побежденного царя разместился победитель»⁴. Именно туда привели македонского царя после возвращения из его бесплодной погони: он помылся в великолепной ванной, предназначенной для Великого царя, затем прошел в столовую, где его ожидал

царский ужин⁵. Во время ужина был слышен женский плач и стоны: «Из ближайшей палатки доносился зловещий шум, смешанный с криками и варварскими жалобами, который привел в ужас сотрапезников»⁶. В данном случае прилагательное «варварский» почти техническое: им обозначается особенный голосовой способ, которым выказывалось страдание персидских женщин, убежденных в смерти Дария. Проинформированный об этом, Александр приказал Леонатосу передать сообщение царевнам, чтобы они успокоились и перестали рыдать о судьбе Дария. Он обещал им посетить их на следующее утро. Так он и сделал. Именно в этих декорациях разворачивается всем известная сцена, во время которой мать Дария пала к ногам Гепестиона, принимая его за царя ввиду его физической представительности. Она быстро была выведена из заблуждения. Тогда она простерлась ниц перед Александром, который тотчас выказал ей самое глубокое уважение:

«Он окружил ее царской пышностью и восстановил ее авторитет, которым она пользовалась ранее, приказав оказывать ей все почести, на которые она имел право. Он вернул в ее распоряжение всю прислугу, которую обеспечивал ей Дарий, снабдил ее лично дополнительной прислугой, которой у нее не было ранее. Он обещал ей также обеспечить девушек лучше, чем сам Дарий, а также воспитать мальчика как своего сына и обеспечить ему царские почести» (Диодор, XVII.38.1).

Сыновние отношения между Александром и Сисигамбис будут всплывать в рассказах до самого момента смерти царя:

«Говорили, что она только что потеряла Дария, и что у несчастной было два сына, которых она также отдала могиле... Она отказалась от пищи и света. Через пять дней, приняв решение умереть, она угасла» (Квинт Курций X.5.21).

Тяжелым, витиеватым стилем, который для него характерен, Квинт Курций не упускает возможности дополнить панегирик Александру, устанавливая недвусмысленную связь с мерами, которые царь предпринял на следующий день после Исса:

«Наверняка он счел сильным доказательством благожелательства Александра и его справедливости по отношению к пленникам тот факт, что женщина, пережившая смерть Дария, краснеет оттого, что переживет Александра» (X.5.25).

Хотя он и уточняет, что не черпал сведения у своих главных информаторов, Птолемея и Аристулу, Арриан не отрицает визита Александра и Гепестиона к могиле персидских царевен и объясняет это следующим образом.

«Лично я привел эти факты, не считая их ни подлинными, ни полностью вымышленными. Что бы там ни было, если все было именно так, я восхва-

ляю Александра за его сострадание по отношению к этим женщинам, и в то же время хвалю его друга Гефестиона за проявленное доверие и привязанность; если покажется вероятным, что авторы, говорившие подобное, ошибались, я все равно приветствую его за это» (II.12.8).

Арриан возвращается к этому позднее, для создания параллельной истории со встречей между Александром и Роксаной — еще одна «красивая история». Эта красивая молодая женщина из знатной согдийской семьи Оксиарта произвела столь глубокое впечатление на македонского царя, что он решил жениться на ней⁷. Причины сближения, указанные здесь Аррианом, легко понять: как и персидские царевны, жена и дочери Оксиарта — одна из которых вошла в брачный возраст (Роксана), — находились в плену во время падения крепости их мужа и отца. Арриан извлекает мораль из истории: «Александр доказал свое большое мастерство, ее же несчастья несколько не затронули».

Этот искусно составленный эпизод послужил для иллюстрации избитой темы продолжительного сексуального воздержания Александра, многочисленные примеры которого Плутарх приводит впоследствии, и к которым Арриан не упускает возможности вернуться в своем надгробном слове: «Он полностью владел своими плотскими желаниями и проявлял себя ненасытным только в удовольствиях разума, ради славы»⁸. Плутарх любит противопоставлять мужество царя недостаткам его приближенных и преемников, «которые посвящали свой день разгулу среди толп женщин, этакие жеребцы, выпущенные в стадо кобыл!»⁹ Враг роскоши в любой форме, сторонник физических усилий и умеренности, Александр благородно отталкивает нечестивые предложения своих придворных и приказывает «казнить как хищников, рожденных ради разрушения человеческого рода... двух македонцев, которые купили двух продажных женщин»¹⁰. Диодор отмечает его сострадание, его человечность, его бесконечную доброту и мудрость. Он считает, что из «всех подвигов (kala erga) совершенных Александром, не было ничего более достойного быть отмеченным в историческом труде и остаться в памяти потомков»¹¹. Плутарх говорит о «мягкости» и «честности». Он восхваляет стремление царя «победить себя самого»: желанию, порожденному общеизвестной красотой пленниц, «он противопоставил красоту собственного мужества и воздержания, и вел себя с ними, как с безжизненными статуями»¹². То же было и по отношению к Статире: «Он уважал и щадил эту женщину, что доказывало его собственное величие»¹³.

Это заключение многократно повторялось всеми античными авторами, чтобы снять с Александра груз ошибок и недостатков, в которых он часто обвинялся в античные времена, — именно об этом говорит Квинт Курций, описывая тлетворное воздействие победы и сожалея, что Александр не смог сохранить до конца «это самообладание... умеренность, мудрость, стойкость и приличное поведение»¹⁴. Даже в этих обстоятельствах Квинт Курций все еще подчеркивает доброту Александра по отношению к высокородным женщинам, которые следовали за Дарием до конца и которые уступили ему только после смерти Великого царя. Действительно, отмечает латинский автор, «в сердце царя еще существовали некоторые следы его бывшего характера». Во время пира, где пленницы

должны были петь, чтобы развлекать гостей, Александр выделяет молодую женщину, чьи движения доказывали ее благородное происхождение:

«Он спросил ее, кто она. Она ответила, что является внучкой Оха, древнего царя Персии [Артахсеркс III]. Она происходит от его сына, и ее мужем был Гистасп. Этот последний был тесно связан с Дарием и стоял во главе большой армии... Из уважения к судьбе бывших царей и столь известному имени Оха он не ограничился тем, что освободил пленницу, но и приказал вернуть ей ее личное состояние; он приказал разыскать также ее мужа, чтобы отдать ему его найденную супругу». (VI.2.6—9).

В данном случае его поведение очень похоже на то, что он выказал по отношению к захваченным женщинам царя после сражения при Иссе.

ОТ ОДНОЙ СТАТИРЫ К ДРУГОЙ

Не отрицая, разумеется, исторического факта о взятии лагеря Дария и захвата царевен и юного царевича, стоит одновременно подчеркнуть, насколько тон повествования и характеристики, отношения и рассуждения, приписываемые главным действующим лицам, зависят от рода и стиля повествования, располагающегося на зыбкой грани между правдой и вымыслом. Способ литературного изложения не требует подробного и реалистичного описания царевен. Оставив в стороне их имена и уточнение, данное мимоходом, относительно братско-сестринского родства между Статирой и Дарием¹⁵, скажем, что молодые женщины являются прежде всего символическими персонажами стереотипного рассказа. Это просто вставленный в романтическую рамку *exemplum*, где мораль является стержнем историзированного повествования.

Давайте повернемся вначале к «Киропедии» Ксенофонта, в которой рассказывалось о юности Кира Великого и его завоеваниях, до самой смерти. Взятие вражеского лагеря — лакомый кусочек, поскольку эта тема напрямую связана с рассуждениями автора о правилах дележа трофея и о долях, специально предназначенных для царя и для богов. Описание лагеря «азиатского» царя достаточно каноническое: «Большая часть азиатов во время войны возит с собой тех, кто живет с ним под одной крышей»¹⁶. Там находится очень много женщин, которые особенно уязвимы в случае поражения: победители захватывают «крытые повозки, заполненные самыми высокородными женщинами, женами и наложницами»¹⁷. Именно поэтому после взятия ассирийского лагеря армией Кира «женщины ассирийцев и их союзников, увидев армию, бегущую внутри их лагеря, принялись испускать крики и бежать в ужасе; одни несли своих детей, другие, более молодые, разрывали свои одежды и расцарапывали лица, умоляя тех, кого они встречали, не убегать, оставляя их, а защищать своих детей, жен и их самих»¹⁸.

Это изображение паники высокородных женщин, в разорванных одеждах, выкрикивающих мольбы и защищающих своих малолетних детей, удивительно похоже на то, что мы находим у Квинта Курция, так же как и рассказ о трофеях, доставшихся царю-победителю. Совсем как для Александра после Иссы, для Кира

была выделена «самая красивая палатка» — согласно тому, что Квинт Курций описывает как «обычай»¹⁹. К тому же, как в «Илиаде» самые красивые пленницы составляют долю добычи военачальника, Кир у Ксенофонта получил таким образом «женщину из Суз, которая, как говорят, была самой красивой женщиной Азии (kallistè), а также двух лучших музыкантш (mousourgoi)»²⁰. Речь идет о Пантее, жене Абрадата из Суз, которая, окруженная внухами и служанками, обладала красотой, еще более возвышаемой многими достоинствами: «Никогда смертная подобной красоты не рождалась и не жила в Азии». Кир отказывается ее видеть, так как опасается быть покоренным ею. Он оставляет ее под охраной своего друга детства Араспа. Когда она узнает, что она была предназначена для Кира, который является «человеком, достойным восхищения», она огорчается, так как намерена остаться верной своему мужу Абрадату.

Вскоре этот последний, по его настоятельным просьбам, присоединяется к лагерю Кира. Это присоединение происходит тем легче, поскольку его жена поет дифирамбы персу: «Пантея говорит о почтительном мужестве, воздержании и сострадании Кира к ней»²¹. Затем происходит смерть Абрадата. Не желая пережить мужа, Пантея кончает с собой на роскошной гробнице, которую она приказала построить в его честь и его память. Акт верности этой женщины своему супругу повторяют ее внухи — жезлоносцы (skeptoukhoi), которые также предпочитают покончить с собой²², по примеру Артапата, «самого верного из жезлоносцев Кира Младшего», который после смерти своего хозяина «извлек свой меч и закололся»²³. Этот постоянно встречающийся эпизод показался Жаку де ла Тай столь значительным, что в своей трагедии «Александр» (1561) он изобразил, как отчаявшаяся и решившая умереть Сигамбр, мать Дария (Сисигамбис), «пала на тело Александра» (т. 1251). Десятью годами позже (1571) Пантея сама стала главной героиней трагедии, написанной Кеем Жюлем де Герсеном: в акте IV по очереди предоставляется слово Пантее и трем ее внухам, названным автором Демартесом, Аратисом и Озонорисом, готовым пожертвовать собой на гробнице.

В изображении Пантеи и Ксенофонта нет ничего оригинального. Напротив, трогательная и исключительная красота пленниц выражена стереотипным выражением — «самая красивая женщина Азии», — появляющимся практически постоянно из-под пера греческих авторов, говорящих о женщинах двора Великого царя. Таким образом, Амитис, дочь Ксеркса и жена Мегабиза, была «самой красивой женщиной Азии»; то же самое говорилось о Тимозе, придворной даме жены Артаксеркса II²⁴. Подруга-наложница Кира Младшего, Аспазия, «была самой красивой из девушек своего возраста, и в ее веке не было другой такой прекрасной женщины, с которой ее можно было бы сравнить; ее наградили все без исключения Грации»²⁵. Что касается пресловутых трехсот шестидесяти пяти царских наложниц, то «они все были значительной красоты, так как их выбирали из всех женщин Азии... Они были знамениты своей красотой»²⁶. То же говорится об Одатис, героине знаменитого иранского романа времен Античности, пересказанного Харесом в «Историях Александра»: «Одатис была самой красивой из всех женщин, живущих в Азии», а ее возлюбленный, Зариандр, сам тоже был очень красивым мужчиной²⁷. Женщины и наложницы «азиатов» всегда были «очень красивы»²⁸. Таким образом, жена Дария обладала

«красотой, которая даже в таком положении оставалась безупречной²⁹... Она была красивее, чем все другие женщины ее времени, и царские дочери обладали невероятной красотой³⁰... Она была, как говорят, самой замечательной из всех цариц, и превосходила других настолько же, насколько сам Дарий превосходил всех мужчин по красоте и величественности, а их дочери были на них очень похожи». ³¹ Красота их была более заметной, чем у «других пленниц, замечательной красоты и величественности», и, согласно мнению Александра, «процитированному» Плутархом, «видеть персидских женщин было истинной мукой для глаз!»³² И вновь несколькими веками позже, у Амиана Марцеллина, мы находим восхищенное наблюдение: «Персия славится красотой своих женщин»³³. С этой точки зрения сравниться со Статирой могла только Роксана: «Те, кто шли в походе рядом с Александром, говорили, что это была самая красивая женщина Азии, которую они видели, после супруги Дария»³⁴.

Именно на этой устоявшейся репутации Харитон, автор эллинистического романа «Херей и Каллироя», основывает ту часть своего рассказа, которая относится к событиям в Персии. Он был сильно вдохновлен «ориенталистическим» видением событий, внушенным Ктесием и его «Персикой»: в описанной им придворной жизни полно прекрасных царевен и влиятельных евнухов. Когда после многочисленных перипетий греческая героиня Каллироя появляется при дворе Великого царя Артаксеркса, она вызывает зависть персидских женщин из-за своей красоты, достойной богини. Она получает имя Статира (что является обозначением «персидской царицы»). Жена Великого царя пытается успокоить других женщин следующими словами: «Пусть одна из нас, когда та войдет в город, встанет рядом с нею, чтобы заслонить эту нищую, эту рабыню!» Они выбрали меж собой самую красивую, «Родогунну, дочь Зофира, жену Мегабиза». Этот персонаж, очевидно, был списан с Амитис Ктесия: «любительница наслаждений, роскошная, наглая и вызывающая» (V.3). Легко угадать, что было дальше: «Увидели лицо Каллирои, сверкающее, прекрасное, и его великолепная красота ослепила всех, как если бы во мраке ночи вдруг вспыхнул яркий свет». Она была столь прекрасна, что ее красота поразила царя в самое сердце, но вместе с тем столь добродетельна и столь верна мужу, что осмелилась отклонять царские посулы. Царь попытался бороться со своим желанием и сохранить самообладание, и для этого расходовал свою энергию на охоте: безуспешно. (VI.3—4).

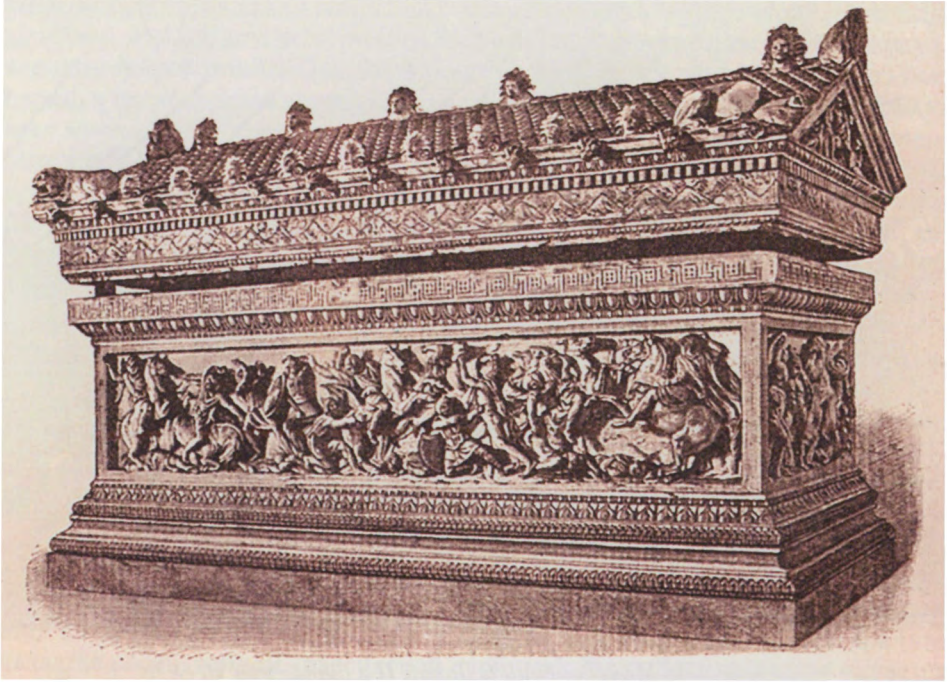
Мятеж в Египте спас героиню от предназначенной для нее судьбы. С царицей и придворными дамами она сопровождала царя в походе, так как «обычай требует, чтобы царь и дворяне, уезжая на войну, везли с собой жен, детей, золото, серебро, одежду, евнухов, наложниц, собак, роскошный стол, все виды предметов роскоши». Харитон внимательно прочел «Киропедию»; он также хорошо знал все рассказы, описывающие искушую кампанию! По примеру Дария, отсылающего свой обоз в Дамаск, Артаксеркс, озабоченный тем, чтобы облегчить свою армию, решил оставить женщин и сокровища на острове Арадос (в том числе царицу, вопреки тому, что сделал Дарий). Этот остров вскоре был захвачен Хереем, и женщины стали пленницами. Статира впала в отчаяние, и была застигнута «головой на коленях Каллирои». Эта последняя отказывается отдаться победителю... являющимся не кем иным, как Хереем, ее обожаемым мужем, с

*Александр Македонский и Дарий II в битве при Иссе.
Мозаика из Помпей*

Александр Македонский и Дарий II в битве при Иссе. Детали мозаики

Сидонский саркофаг. Гравюра XIX в.

Александр Македонский в битве при Иссе. Деталь Сидонского саркофага

*Въезд Александра Македонского в Вавилон.
Художник Ш. Лебрэн. 1664 г.*

*Битва при Арбеллах. Подготовительный рисунок.
Художник Ш. Лебрэн. XVII в.*

Битва при Арбеллах. Художник Ш. Лебрен. XVII в.

Бегство Дария в битве при Гавгамелах (Арбеллах). Гравюра XVII в.

Клинописная табличка с описанием битвы при Гавгамелах. 331 г.

Александр перед телом убитого Дария. Художник Дж. Пьяцетта. XVIII в.

*Семья Дария перед Александром Македонским. Художник Ш. Лебрэн.
Около 1660 г.*

Искандер. Миниатюра к «Шахнаме». XV в.

Искандер и Аристотель.
Арабская миниатюра XIII в.

Искандер оплакивает
умирающего Дару.
Иранская миниатюра конца XVI в.

Смерть Сухраба на руках Рустама. Роспись иранского кафе

Смерть Сухраба на руках Рустама. Картина иранского художника

которым она была разделена изначально! Благородным жестом, поддавшись на просьбы Каллирои, Херей отсылает царицу Статиру Великому царю и успокаивает опасения Артаксеркса, уверяя его, что он лишь оказывал царице уважение. Можно поверить, что он читал античные тексты, трактующие тему плена «настоящей» Статире и отчаяния Дария, равно как воздержания и великодушия Александра!

У авторов, описывавших жизнь Александра, женщины из окружения Дария являются «красивыми и мудрыми» — тем, что мы назовем здесь типом II «персидской царевны», который сильно отличается от традиционного образа, описываемого, в частности, Ктесием (тип I). Амитис не только «самая красивая среди женщин Азии, она также самая беспутная»³⁵. Она ведет беспутную жизнь: еще при жизни мужа, Мегабиза, ее обвинили в супружеской измене, и, став вдовой, «она принимается искать общества мужчин», и затем берет в любовники своего врача Аполлонидеса³⁶. Но самая мрачная фигура, разумеется, Парисатида, мать Артаксеркса II, «мстительная и варварская в своем гневе и злопамятности»³⁷, распространяющая вокруг себя ужас, губящая своих врагов самыми ужасными казнями, в том числе невестку Статиру, жену царя Артаксеркса II (§55—56, 61). Не ее ли обвиняли в том, что она поддерживает интимные отношения со своим юным сыном Киrom? С этим образом перекликается образ Роксаны, согдийской жены Александра. Арриан говорит о ней как о «самой прекрасной женщине Азии»³⁸. После его смерти она решила убить обеих дочерей Дария, одну (Статиру) — вдову Александра, другую (Дрипетис) — вдову Гефестиона. Вот как Плутарх описывает эти события, говоря о жестокости, но при этом не называя имен восточных царевен: «Ревнуя к Статире, Роксана при помощи лицемерного и клеветнического письма попросила ее прийти к ней, а затем, когда та пришла к ней со своей сестрой, приказала их убить и бросить их тела в яму, которую затем засыпали»³⁹.

Жестокая, властная и непристойная, «персидская царевна» типа I купается в наглой роскоши, достойной азиатских деспотов. Об этом свидетельствует анекдот, в котором описываются женщины из персидского высшего света, которые находились в Дамаске в 333 году, а именно — жены Артабаза и Ментора⁴⁰. Они описаны в нравоучительном повествовании, направленном против льстецов. Плутарх просто упоминает «этих лстивых женщин с Кипра, которых, когда их привезли в Сирию, называли “скамейка”, потому что они распластывались перед супругами царей, чтобы те могли взойти на колесницу»⁴¹. В своих «*Deirposophistes*» Атеней приводит более развернутую версию, где он описывает женщин, названных «Лстивыми» (*Kôlakides*), «служанок жен деспотов»⁴². Прибывшие с островов (Кипр), некоторые из них были привезены на континент женами Артабаза и Ментора. Их стали называть «скамейками» ввиду следующей практики:

«В своем желании понравиться женщинам, которые приблизили их к себе, они составляли лестницу из своих тел, чтобы эти женщины могли по их спинам подняться на колесницу и выйти из нее. В какую пучину роскоши (*truphè*), чтобы не сказать несчастья, эти глупые женщины не согласятся пасть!»

И Атеней огорчался, что, увезенные в Македонию по воле изменчивой судьбы⁴³, эти персидские женщины оказали катастрофическое влияние на цариц и благородных женщин Македонии! Валерий Максим не упустил возможности вставить *exemplum* в главу, озаглавленную «О роскоши и разврате»⁴⁴, как отклик на поражение Филиппа V⁴⁵, и подпереть им *topos* о феминизировании населения при таких царицах: «Если бы они были мужчинами, люди Кипра предпочли бы расстаться с жизнью, чем повиноваться столь женоподобной власти!»

Конечно, царевны из свиты Дария (тип II) богаты и увешаны драгоценностями, они путешествуют «в роскошных колесницах», сопровождаемые множеством придворных дам и слуг, но, согласно описаниям древних авторов, они сохраняют сдержанность, лишь слегка поколебленную поражением или несчастьем. Вместо того чтобы быть осужденными за свой образ жизни, они вызывают жалость у своих победителей. В противоположность Амитис, Парисатиде или Роксане, они не просто красивы: они также «благородны и полны достоинств»⁴⁶. Что касается Аспазии, героини красивого романа о любви при персидском дворе, она не просто известна своей «физической красотой», но еще больше «благородством души»⁴⁷. Вместо того чтобы купаться в роскоши, эти царевны путешествуют так, что «никто не может увидеть какую-либо часть их тела». И когда они, в одеждах, разорванных во время сцены грабежа, припадают к ногам своих победителей, осуждаются скорее именно солдаты Александра — подлые солдафоны, не соблюдавшие стыдливость этих женщин, которые к ним взывают⁴⁸. Впрочем, как утверждает Плутарх, «варвары ужасно чувствительны к вольности нравов, до такой степени, что их наказывают смертью не только если они приблизятся к одной из наложниц царя и коснутся ее, но даже если при езде они обгонят и заденут повозку, в которой они едут»⁴⁹.

Давайте рассмотрим пример дочери Оха, ставшей пленницей после смерти Дария. Эту историю описывает Квинт Курций — на пиру пленницы вынуждены танцевать и петь:

«Александр выделил одну из пленниц, более печальную, чем другие, которая целомудренно сопротивлялась всем домогательствам. Ее красота была совершенна (*excellens erat forma*), и этой красоте стыдливость придавала благородство. Ее взгляд был направлен в пол; ее заставили показать царю лицо, которое она прятала как могла, потому что она происходила из слишком хорошей семьи, чтобы заставлять ее быть одним из развлечений на пиру» (VI.2.6).

Сцена вполне классическая, и описание постоянно повторяется: читатель снова переносится в мир романа. Чтобы в этом убедиться, достаточно упомянуть пир, устроенный Киром Младшим, на котором мы обнаруживаем Аспазию. В противоположность трем своим подругам, которые легко играют в игру обольщения и отказа, Аспазия отклоняет ее, и, совсем как внучка Оха, «стоит с глазами, опущенными в землю, едва сдерживая слезы, так что Кир «восхитился мужеством, о котором персы не имели понятия»⁵⁰. Комментарий призван напомнить, что, совсем как Аспазия, рассказчик также грек и поэтому по-своему

рассказывает историю, происходившую в присутствии Великого царя. В действительности же Аспазия — героиня романа, жанра, который по определению выходит за пределы рационального познания культуры и представляет вечные типы — в данном случае красивой, умной и честной девушки, которая, даже брошенная в тлетворный мир мужского пира, умеет остаться самой собой и даже произвести впечатление на победителя.

Достаточно трудно охарактеризовать физически или психологически эту «персидскую царевну» типа II и выделить описательные элементы, которые могли бы принадлежать конкретной исторической личности. Читая Квинта Курция или Диодора, видно, что ни Статира, ни дочери Дария, похоже, не имеют никаких реальных черт; мы ничего не знаем о них, за исключением их «красоты». Для современного историка они действительно таковы — «безжизненные статуи»⁵¹. Любопытно, что в этом высокородные персидские женщины очень близки героиням греческого романа, красота которых постоянно превозносится превосходными формами речи, и чаще всего упоминается их благородное происхождение, но при этом не приводится ничего, что могло бы сойти за их реальное описание и портрет. Термин «статуи» (*agalma*), использованный Плутархом, взят им не случайно — именно его мы находим у Харитона, представляющего таким образом Каллирою в начале романа: «Она была украшением Киликии». «Это сравнение со статуей, классическая метафора красоты» очень важно: «Термин *agalma* особенно интересен: настоящее пиршество для глаз сиракузца, Каллироя также является предметом почитания, другого повторяющегося мотива греческого романа, так как термин обозначает, в принципе, статую богини»⁵². Слова напоминают гомеровскую модель «прекрасной пленницы Брисеиды», «с красивыми щеками, и с прекрасными волосами», достойную сравнения с Афродитой⁵³. Но стоит снова вспомнить об Аспазии, красотой подобной «самой красивой из богинь», Афродите, которая явилась ей в образе голубя и вылечила некрасивый нарост, который был у нее на подбородке с раннего детства! Там также чувствуется ассоциация с Гомером: «Ее ноги заслуживали того, чтобы Гомер упомянул ее в числе красивых женщин, которых он характеризует эпитетом *kallisphyges* (красивые ноги)»⁵⁴.

Таким образом, легко понять, что тип «плененной персидской царевны» мог быть перемещен в роман, такой, например, как «Херей и Каллироя», большая часть которого происходит при дворе Великого царя, во время войны, ведомой Артаксерксом: Статирой звали жену Дария, и Статирой же звали жену Артаксеркса — дистанция между ними не слишком велика, поскольку обе они похожи на Пантею в «Киропедии». Было ли причиной этого описание, данное Квинтом Курцием или его предшественником, или источник создал для себя этих двух женщин, как и контекст, в котором они развиваются? Сравнивая Квинта Курция и Харитона, нет необходимости полагать, что между представляемыми ими родами литературы будет достаточно резкая разница: история и фантазия переплетаются, и авторы, по крайней мере в этих эпизодах, умудряются под видом «истории» представить нам персонажей и сцены восточного романа. Читатель без серьезных трудностей переключается с Дария Квинта Курция на Артаксеркса Харитона.

ПРЯХА И ЦАРЕВНА

Настроение романтического *exemplum* чувствуется не только в стереотипном описании царевен — оно ощущается также в некоторых отношениях или репликах, которые им вложены, при помощи анекдотов, смысл которых вполне вписывается в общее направление изложения. Когда античный автор хочет проиллюстрировать то, что он предполагает или показывает как их специфический образ жизни, сюжет по-прежнему черпается из литературы *exempla*. Тому свидетельством является анекдот, переданный одним лишь Квинтом Курцием:

«Именно в Сузах он оставил мать и детей Дария. Он только что получил македонские ткани и множество пурпурных тканей — подарок, который ему прислали из Македонии; он приказал переслать их Сисигамбис, вместе с женщинами, которые их изготовили; так как он выказывал по отношению к ней всяческую услужливость, и даже сыновнее почитание, он передал ей совет: если эти одежды ей понравятся, он научит внучек изготавливать их: он дал ей работниц, чтобы обучить их. При этих словах слезы выступили на глазах у Сисигамбис, доказывая неприязнь к этому виду работы, так как персидские женщины считают для себя наихудшим оскорблением прясть шерсть своими руками».

Александр пришел принести свои извинения в следующих терминах:

«Мать, ты видишь одежду, которую я ношу; это не просто подарок от моих сестер, это их труд: моя ошибка связана с нашими обычаями (*nostrī mores*). Пожалуйста, не сочти за оскорбление мое незнание. Обычаи твоей нации (*tui mores*) я буду внимательно соблюдать, когда узнаю их. Я знаю, что у вас запрещено сыну сидеть в присутствии матери, за исключением случая, когда она разрешит ему: каждый раз, когда я приходил, чтобы увидеть тебя, я оставался стоять до тех пор, пока ты мне не делала знак. Ты нередко пыталась пасть передо мной, распростершись по земле — я останавливал тебя. Я называю тебя так, как называл только Олимпиаду — самой прекрасной из матерей» (V.2.17—22).

Представленная здесь история встраивается в серию эпизодов и анекдотов, которые из всех персидских царевен отдают первую роль Сисигамбис, матери Дария. После взятия столиц Вавилонии и Элама царь решил оставить членов царской семьи в Сузах и даже, согласно Диодору, «назначить к ним людей, ответственных за то, чтобы преподавать им греческий язык»⁵⁵. Некоторое время спустя ее родственник Мадат, командующий крепости, осажденной Александром, попросил Сисигамбис вступить за них перед царем, чтобы защитников крепости не тронули, если они уступят македонцам⁵⁶. И, наконец, именно Сисигамбис, согласно одной из известных версий, царь послал позднее прах Дария⁵⁷. Эта история подпитывает мотив передачи царской ахеменидской власти Александру: Сисигамбис становится его «матерью», дочери — «сестрами», а юный Ох — «сыном». Именно в таком контексте Александр обращается к царевнам, а Сисигамбис отвечает ему.

Множество историй, описывающих прядильщиц и ткачих, раскидано по античным сборникам. Они призваны показать разницу между женскими работами и мужским предназначением. В некоторых римских анекдотах работа с шерстью и по дому является привилегией честной женщины, такой как, например, Лукреции, «занятой в глубине дворца прядением шерсти»⁵⁸ или «дочерей и внучек Августа, воспитанных в простоте и приученных прясть шерсть»⁵⁹. Корзина с шерстью (*talagos*) регулярно изображается как атрибут замужних женщин в греческих эпитафиях. Она расценивается как «признак достоинства» молодой сардской женщины⁶⁰. Атрибутами энергичной и воинственной женщины, напротив, является оружие, как у Артемизии, которая за свое мужественное поведение в ходе сражения при Саламине получила от Ксеркса «оружие как награду за мужество», в то время как царский адмирал получил «веретено и прялку», поскольку Ксеркс увидел, как мужчины сражаются как женщины, а женщины — как мужчины⁶¹!

Образ прядильщицы выделяется еще и тем, что в месопотамских текстах женоподобным, измененным индивидуумам обычно давали «веретено, чтобы прясть». Вполне понятен намек на гомосексуализм Сарданапала: согласно одной из многих циркулировавших версий, царь имел обыкновение жить в глубине гинекея, одетый, украшенный и разрисованный как женщина, прядя пурпур в обществе своих наложниц⁶². Сарданапал является одной из тех эмблематических фигур слабой и лишенной мужественности Азии, которая с большой радостью долгое время использовалась историками, рассуждающими о причинах падения империй⁶³. Пикантный момент: в неистовой, враждебной речи относительно Дария III Плутарх приводит образ «Сарданапала, прявшего пурпур»⁶⁴!

Повторяющаяся история, построенная на повторяющихся мотивах. Эту же версию мы обнаруживаем у Геродота. Героиня, Феретима из Кирены, укрывшись в кипрском Саламине, отвергает все подарки, которые ей делает царь Эвелфон, так как она стремилась добиться права командовать армией: «В конечном счете Эвелфон послал ей в подарок золотое веретено и кудель, на котором даже была намотана шерсть. Феретима ответила ему теми же словами, что и ранее. Эвелфон же заявил, что именно такие предметы дарят женщинам, а не воинам»⁶⁵. Известна также знаменитая сказка, переданная Геродотом, относительно любви, зародившейся вначале между Ксерксом и женой его брата Масиста, а затем между Ксерксом и его будущей невесткой, Артаинтой. При этом Геродот изображает «Аместрис, жену Ксеркса, соткавшую большой разноцветный покров, очень красивый на вид, который она передала царю». Затем этот последний отказывается подарить этот красивый покров Артаинте, которая его у него попросила, и предлагает ей армию, «которой никто другой не командовал (дарение армии — подарок явно персидский)»⁶⁶. Когда царь в конечном счете уступил просьбе любимой, история закончилась плохо, так как один из персонажей относился к типу персидской царевны, движимой бессмысленной жестокостью — это Аместрис, собственная жена царя Ксеркса⁶⁷.

Должны ли мы из этого заключить, что персидские царевны соглашались ткать (такие, как Аместрис или Пенелопа), но не бежать (отсюда страдания Сисигамбис)? Нет, конечно! Такие истории и не призваны выискивать и передавать только проверенную информацию: они не являются свидетельством по-

вседневной жизни придворных дам. Можно отметить, что в персидском и иранском контексте существует большое количество историй, которые описывают бесцеремонных и воинственных женщин, и таких историй больше, чем описаний царевен-ткачих или прядильщиц. Но не более разумно и противопоставлять эту легенду сказке, переданной Квинтом Курцием. Разумно предположить, что Квинт Курций и сам не имел ни малейшего понятия о существовании такого персидского обычая; впрочем, вряд ли он достаточно хорошо разобрался и в македонских обычаях и мог их сравнить. Он не озабочивался тем, чтобы в деталях разбираться в обычаях и традициях персов.

История проста и просто рассказана. Александр захвачен врасплох. В противовес знакам уважения и почтения, которые он все время выказывает по отношению к царевнам, он не признал престижного статуса матери Дария, ни статуса его внучек. Но он быстро извинился, так как, если верить Квинту Курцию, он не совершил моральной ошибки — это была просто когнитивная ошибка, основанная на разнице культур. Раскаиваемый царя Квинт Курций хочет доказать, что Александр чувствителен к культурной специфичности персов и не желает ранить ее: таким образом, он не намерен навязывать дочерям Дария иной образ жизни, более привычный для их завоевателей.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ПРЕКРАСНАЯ ПЛЕННИЦА

По примеру Кира в «Киропедии», Александр восхваляется за его «воздержанность». Согласно версии Птолемея и Аристобула⁶⁸, Александр отказывается смотреть на жену Дария, совсем как Кир решил не смотреть на жену Абрадата: «Александр не хотел никогда слышать ни одного слова похвал ее прелестям»⁶⁹. В этом мы видим прямое эхо древних дискуссий о зарождении любви, описанной в романтической литературе, — любви с первого взгляда двух молодых и красивых людей. Отсюда также уважение к молодой персидской пленнице, которая направляет «свой взгляд долу», чтобы избежать любых контактов с Александром⁷⁰, и, наоборот, отчаянное желание царя Артаксеркса продолжить «наслаждаться восхитительным обликом Каллирои» (VI.1). Даже в версии, где показан царь, наносящий ответный визит персидским женщинам в их палатке, подчеркивается уважительность Александра. Плутарх вкладывает в его уста следующую речь: «Никто не сможет сказать про меня, что я видел или желал увидеть красоту жены Дария, но я даже не позволял себе никогда рассказывать о ее красоте»⁷¹. То же по отношению к Роксане: «Хотя Александр и был влюблен в нее, он не хотел взять ее в качестве военной пленницы, но полагал, что жениться на ней — не значит унижить»⁷².

Встреча завоевателя и красивой пленницы — постоянно повторяющаяся тема древней монархической литературы. После взятия Майозамальхи в 363 году нашей эры Юлиан ставится Аммианом Марцеллином в идентичное положение:

«Что касается молодых пленниц, невероятно прекрасных, как это принято у персов, где красота женщин исключительна, он не хотел ни приблизиться к ним, ни даже увидеть ни одной из них, подражая Александру и Сципиону

Африкану, которые отказывались от этого, чтобы никто не увидел, как желание победило тех, кто был непобедим на поле брани» (XXIV.4.27).

Сравнение Александра со Сципионом Африканским явно напоминало читателям один из приписываемых этому римлянину значительных подвигов во время взятия Карфагена. Эта история пересказывалась множеством авторов, которые активно использовали общую ткань повествования, построенного по принципу *exemplum*. Оно встречается в довольно подробном виде у Тита Ливия и у Полибия, где оно состоит из двух эпизодов. В первом эпизоде⁷³ главный персонаж среди пленниц удивительно похож на того, роль которого обычно отводилась в древних текстах Сисигамбис после Исса. В Карфагене у нее нет имени, она обозначена в тексте как «жена Мандония, брата Андобала⁷⁴, царя илергетов⁷⁵, который выказал достоинство, отражавшее его величие»; она достаточно стара. В то время как Сципион решает судьбу заложников, она припадает в слезах к его ногам и умоляет его соблюсти достоинство девушек, за которое она в ответе. Это ее племянницы, «дочери Андобала», находящиеся в расцвете возраста и красоты, а также некоторые другие, такого же положения, которые ее почитают как мать:

«Взяв ее за правую руку, он попросил ее сохранять мужество, ее и всех других, которых он почитает как собственных сестер и дочерей, и он обещал оставить рядом с ними достойных доверия людей, чтобы те заботились о них, в соответствии с тем, что было сказано раньше» (Полибий X.18.1—15).

Давайте сравним со сценой, происходящей, согласно Диодору, в палатке персидских царевен после Исса:

«Он четко подтвердил, что Сисигамбис была как бы его второй матерью и на практике подтвердил свое обещание, которое недавно высказал на словах... Он произнес множество других слов, полных сострадания и человечности... Он протянул им свою правую руку, чтобы подтвердить свои заявления, и был восхваляем теми, кто незадолго до этого был объектом его благодеяний» (XVII.37.6; 38.3).

Эта история необыкновенно похожа на историю Пантеи. Так же как Сципион поручает юных девушек людям, чья мораль выше любых подозрений, так и Кир просит своего лучшего друга Араспа блюсти достоинство Пантеи.

Второй эпизод рассказывают только Фронтин и Валерий Максим. В нем иллюстрируется воздержание Сципиона, и он удивительным образом похож на анекдоты о персидских царевнах, попавших в руки Александра. Во втором эпизоде описывается «царевна красоты столь совершенной, что везде, где бы она ни проходила, она притягивала к себе все взгляды»⁷⁶. Полибий говорит о ней как о «девушке в расцвете лет, красотой превосходящей всех других женщин... Сципион был сражен восхищением ее красотой». Он противится своему желанию и возвращает ее отцу. Повествование Тита Ливия еще подробнее и хвалебнее. Сципион приводит жениха красавицы к ее родителям и уверяет их, что он

«сохранил ее в неприкосновенности» по примеру юных персидских царевен, которые, будучи в лагере Александра, «сохранялись в неприкосновенности в священном убежище, предназначенном для девушек, ведя уединенное существование, скрытые от нескромных взглядов»⁷⁷. Точно так же Плутарх⁷⁸ хвалит Александра за то, что тот смог отринуть безнравственные предложения, которые делали ему его близкие товарищи. Точно также античные авторы рассказывают о том, как «римские солдаты нашли совсем юную девушку, красотой превосходящую всех других женщин, и, зная, что Сципион был любителем женщин, привели ее к нему, заявляя, что они сделали ему подарок в виде юной девушки»⁷⁹.

Сципион и Александр не довольствуются тем, что просто уважают своих пленниц — они заботятся об их будущем. Александр отделяет царевнам долю трофея, чтобы они смогли похоронить своих близких родственников, и «вместо того чтобы забрать у них прислугу и почести, которые их прежде окружали, он даже увеличил сумму их содержания»⁸⁰. Кроме того, он обещает «снабдить юных дев»⁸¹ и приготовить для них «брак, который был бы достоин положения их отца»⁸². Со своей стороны, Сципион отклоняет плату за освобождение юной иберийки и возвращает ее жениху и ее родителям: «Золото, которое принесли для выкупа девушки, он приказал вложить в сумму ее приданого»⁸³. Вспомним также о милостях Александра по отношению к внучке Оха, захваченной после смерти Дария: «Он не ограничился тем, что освободил пленницу, но приказал вернуть ей ее личное состояние; он также приказал разыскать ее мужа, чтобы соединить их»⁸⁴. Что касается Кира, он принимает Абрадата у себя. Иными словами, справедливый завоеватель не разбивает брачных уз; напротив, он соединяет разделенных войной супругов, или по меньшей мере не посягает на прочность брачных уз.

Все это является типичным примером *exempla* монархической литературы. Именно в таком качестве история Сципиона и юной иберийки фигурирует в сборнике Фронтинана⁸⁵, в главе, посвященной «удержанию в рамках долга тех, кто в этом колеблется». Она также присутствует в «Памятных фактах и деяниях» Валерия Максима, в главе, посвященной «воздержанию постоянству»⁸⁶.

Над подобными наставительными историями время от времени посмеивались, — как, например, Авл Геллий, который предлагал читателям иронические замечания относительно бесконечного повторения такого рода историй в устах тренированных риторов:

«Таким образом можно составить красивую речь: если необходимо кого-то описать как самого добродетельного, то говорят о Публии, первом Африкане, который... отдал нетронутой ее отцу девушку, в самом возрасте любви, удивительной красоты, дочь испанского дворянина... или о царе Александре, который отказался посмотреть на жену царя Дария, которая была также его сестрой, взятой в великом сражении. Ему говорили о ее необычайной красоте, но он запретил приводить ее к нему... Но эта замечательная речь об Александре и Сципионе позволяет развивать дискуссию, поэтому ее используют те, кто в избытке имеет хорошо подвешенный язык и массу свободного времени; нам же будет достаточно сказать только то, что относится к исторической правде (*quod historia est*)» (VII.8.1—6).

В противоположность этим басням, Авл Геллий цитирует стихи, написанные против Сципиона поэтом Невием:

«Даже тот, кто нередко своею рукой совершает славные поступки, чьи деяния живы и поныне, кто один уважаем многими народами, был возвращен его отцом от его подруги с единственной накидкой!»

И затем он заключает:

«Я полагаю, что именно эти стихи заставили Валериуса Антия иметь о поведении Сципиона совсем другое мнение, чем все другие авторы, и написать, что юная пленница не была отдана ее отцу, вопреки тому, что мы говорили выше, но была задержана Сципионом и использована им для любовных утех».

Он замечает, что поучительные истории об отношениях Александра и жены Дария породили немало сомнений. Отметим, например, что в «Романе об Александре» (II. 17.5), жена Дария остается живой, и, когда посольство Великого царя приходит, чтобы предложить обмен, Парменион настаивает, чтобы Александр принял предложение, выступая с речью, полной цинизма: «Что касается меня, Александр, я взял бы богатства и землю, которые тебе предлагают, и отдал бы Дарию его мать, детей и жену, переспав с нею!» С другой стороны, если, согласно легенде, Статира умерла в родах незадолго до сражения при Гавгамелах⁸⁷, стоит предположить, что отцом ребенка мог быть только Александр. Что бы там ни было, трусость Дария-беглеца яростно осуждается при помощи речей и отношения царевен⁸⁸, а легенда, порожденная действиями Александра, приписывает Великому царю роль того, кто будет удостоверять подлинность бесподобного мужества его врага.

Эта сцена происходит после объявления о смерти Статире, которая, согласно другой, более политически корректной версии, «была изнурена усталостью нескончаемого похода и моральными страданиями»⁸⁹... Александр похоронил ее с царскими почестями и оплакивал ее со столь искренней болью, что его человечность заставила сомневаться в его воздержанности, а его скорбь позволила сомневаться в его целомудрии»⁹⁰. Таким образом, чтобы снять с Александра все подозрения, древние авторы повторно вводят Дария в список актеров. Они намереваются воспользоваться давно известной литературной уловкой, благодаря которой действие переносится в персидский лагерь. Недоверчивый читатель будет, возможно, удивлен, но при этом очарован таким поворотом событий. Он вдруг узнает, что один из евнухов из свиты царицы, по имени Тириот, «воспользовался паникой и стенаниями, чтобы прокрасться через наименее охраняемую дверь, которая располагалась со стороны, расположенной дальше всего от лагеря врагов. Он дошел до лагеря Дария и упал, увидев часовых, которые отвели его, стонущего и в разорванных одеждах, в палатку царя. Едва увидев его, Дарий почувствовал тысячи мрачных предчувствий»⁹¹. Проинформированный о печали, проявленной Александром, и завидуя молодости своего противника, царь утверждает, что подобные страдания, по его мнению, свидетельствуют

о позорной связи между Статирой и ее победителем. Он допросил евнуха. Царю пришлось принять неизбежное, результатом которого была его мольба: «Боги моей родины, укрепите вначале мой трон; а затем, если моя судьба бесповоротно решена, сделайте так — я умоляю вас об этом — чтобы царская власть над Азией перешла к столь справедливому врагу, к победителю, к врагу столь со-страдательному!»⁹²

Не только Дарий признает неслыханное мужество своего противника, но, в то время когда его армия готова сражаться, он сам заранее допускает законность победы Александра. Кроме того, согласно Юстиниану и Квинту Курцию, именно вследствие восхищения македонским царем он решает послать третье посольство: он не только готов оставить все территории к западу от Евфрата, чтобы забрать своих мать и дочерей, но и предлагает Александру «сохранить в качестве заложника, как гаранта мира и законности, своего сына Оха»⁹³. Если воздержанность Александра и достоинство Статиры подтверждается главным заинтересованным лицом, противником первого и мужем второй, то можно ли сомневаться в подлинности сказанного?!

Таким же образом, как красивая сказка о Сисигамбис и ее внучках не несет заслуживающей доверие информации о подлинных традициях женской жизни в персидских дворцах, так и история евнуха Тириота переносит читателя в такие места, которые никогда нигде не описывались — например, в царскую палатку, о которой мы ничего не знаем, и показывает Великого царя, который, похоже, лишен каких-либо конкретных человеческих черт. Все сказанное служит одной совершенно ясной политической цели: показать, что Александр хороший царь, умелый завоеватель и хороший сын!

СТАТИРА МЕЖДУ ДАРИЕМ И АЛЕКСАНДРОМ

Давайте вернемся к Дарию и Статире, столь часто упоминаемой, но никогда по-настоящему не описанной, за исключением формулировки Плутарха: «Статира была, как говорят, самой замечательной из всех цариц, так же как Дарий превосходил всех мужчин по красоте и представительности. Их дочери были на них похожи». Согласно словарю, используемому для хвалебных песен, термины, которыми «описывается» Дарий («красивый и огромный») столь же стереотипны, как и те, которые описывают Статиру⁹⁴. Если к этому добавить мужество, замеченное самим Александром на совсем юном лице Оха⁹⁵, современный читатель легко представит себе фотографию образцовой буржуазной семьи, сделанной по случаю годовщины свадьбы родителей! Красивые, любящие и единые, Дарий и Статира представляют собой прекрасное лицо царской ахеменидской пары.

Такой могла быть и другая пара, состоящая из Артаксеркса II и другой Статиры, если верить описанию Плутарха в его «Жизнеописаниях», посвященному этому царю. Это была пара совсем иного типа, чем Парисатида и Дарий II, составляющие царскую пару жестокого и кровожадного типа. Артаксеркс II был известен «мягкостью и величием души»⁹⁶. Его жена Статира была практически единственной, кто выжил из огромной семьи, которую Дарий и Парисатида систематически истребляли. Почитавшаяся «красивой и доброй», она принад-

лежит ко второму типу персидской царевны, «красивой и честной». Кроме того, Статира «была любима народом», и во время переезда двора «Великому царю доставляло больше всего удовольствия видеть, как его жену везут в открытой повозке, без штор, позволяя женщинам из народа приветствовать ее и приблизиться к ней» (§ 5.6).

Сопоставим ее с типом I, представителем которого является Парисатида. Женившись по воле родителей, Артаксеркс «охранял свою жену против их воли», так как Дарий «подумывал также о том, чтобы приказать убить ее... Он умолял свою мать, истекая слезами, и, в конечном счете получил согласие, чтобы ее не убили, и не забрали бы у него» (§ 2.2). Ненависть Парисатиды не слабеет. Она вскоре была «измучена упреками своей невестки». Последняя обвиняла ее в том, что она вызвала войну, безоговорочно поддерживая мятеж Кира Младшего: «Эти жалобы сделали Статиру столь ненавистной Парисатиде, от природы мстительной и варварской в гневе и злопамятности, что та решила убить ее» (§6.8). Это и было сделано после смерти Кира, во время еды, когда свекровь отравила невестку.

Неприязнь между женщинами была не столько политической, сколько личной; это было соперничество за привязанность Артаксеркса: «Парисатида, у которой ненависть зрела уже давно, видела, что ее влияние основывается только на уважении царя и из приязни к нему, в то время как влияние Статире было основано на любви и доверии... Это было в ее глазах наиважнейшим поводом для ненависти» (§19.1). Можно найти и персонаж, и повод в романе об Аспазии. Соединенная с Киrom Младшим глубокой любовью, она также умеет обращаться с Парисатидой и не обостряет отношений сына и его матери: «Парисатида с глубоким удовлетворением видела, что Аспазия использовала влияние на Кира, которое у нее было, только для того, чтобы занять второе место в его сердце, а первое оставляла для матери царевича»⁹⁷.

Жестокая и полная неожиданных поворотов, история Статире, Артаксеркса и его матери рассказывается не только для удовольствия читателя или слушателя. Плотная вписанная в речь о правильной царской власти, она содержит также политический смысл. «Мягкость», которую, не без некоторого восхищения, Плутарх и его источники приписывают Артаксерксу, является на самом деле негативным признаком. Даже при решении повседневных царских задач, по мнению Плутарха, эта «мягкость» чрезмерна, и «одним из качеств царя была медлительность, которая слыла в глазах многих за умеренность» (§4.4). Артаксерксу недостает энергии и силы, он предоставляет слишком много свободы своим близким родственникам и приближенным, в том числе Статире: он не применяет с достаточной строгостью придворный протокол, который выстроил непреодолимую преграду между царем, его женой и его слугами. В тяжелых условиях, перед лицом жестокого и решительного противника, эта «мягкость» еще меньше подходит задачам, которые должен решать Великий царь (§4.4), тем более что «те, кому нравилось изменение и волнение, считали, что создавшаяся ситуация требовала человека, такого, как Кир — ярких дарований, в высшей степени подготовленного для войны и преданного своим друзьям, и что величие империи требовало гордого и честолюбивого царя» (§6.1). Иначе говоря, «мягкость» есть великолепное внутренне качество, но не в области политической деятельности. То же самое касается и «мягкости», которую Квинт Кур-

ций приписывает Дарию III, соединяя ее с двумя особенно катастрофическими дефектами для руководителя — податливость ума и простодушие⁹⁸.

Все то же самое в отношении любви и привязанности между супругами! Ввиду того что супруг является царем, любовь для него — цель и принуждение, которое может помешать ему действовать наилучшим образом в интересах царства. Именно в этом смысл романа о Дарии и Статире, именно об этом говорят эллинистические и римские авторы. Конечно, в человеческом и чувственном плане любовь, которую человек Дарий испытывает по отношению к его жене, трогательна, но она привела к тому, что царь Дарий потерял всякий контроль над политическим положением, так как он объявляет о своей готовности отдать половину своего царства за свою жену и остальную свою семью. Его третье (вымышленное) посольство к Александру вводит даже еще большую нестыковку между семейной привязанностью и долгом царя, так как, чтобы забрать мать и дочерей, Дарий предлагает Александру оставить ему в качестве заложника молодого сына Оха — то есть того, кто определенно является наследником империи. Иначе говоря, Ох был лишен наследства в пользу Александра: с этого момента Великий царь уже допустил очевидность того, что в случае если бы он был побежден, власть должна была перейти к Александру — ввиду великодушия, с которым македонский царь вел себя по отношению к его семье, и в особенности при смерти Статиры.

Дарий потерпел поражение и как царь, и как военачальник. Действительно, «воздержание», проявленное великими завоевателями, является не только выражением духовного мужества; оно прежде всего является условием их свободы решений. Даже Артаксеркс у Харитона терзается вопросом совести, решая, сможет ли он спокойно рассудить, какому законному мужу можно присудить Каллирою; в то время как сам он пал жертвой влюбленности в «красивую девушку», причем решение безраздельно принадлежит ему? Разговаривая со своим любимым советником, он подтверждает, что не хочет нарушать законы, которые он сам предписал: «Не обвиняй меня в самообладании»⁹⁹. Как и сон, любовь есть слабость, с которой надо безостановочно бороться, — провозглашает Александр, говоря обо всех желаниях, которые его атакуют после победы над Дарием¹⁰⁰. Со своей стороны, Кир объясняет, что он не хочет тратить свое «общественное» время, чтобы удовлетворить «личное» желание. Речь не идет о том, чтобы пойти к столь красивой женщине, которой считается Пантея: «Если... я позволю убедить себя пойти и посмотреть на нее, не имея достаточно личного времени, я опасаясь, что она, в свою очередь, еще быстрее убедит меня вернуться к ней, с риском после этого пренебречь делами, о которых я должен заботиться, и остаться с ней, созерцая ее»¹⁰¹. По той же причине Сципион отказывается передохнуть и развлечься с молодой иберийской пленницей, которую ему только что привели: «В моменты деятельности такие развлечения становятся очень затруднительными, мешая одновременно физически и морально, тем, кто этому предается»; он мог бы, по его словам, принять подарок, если бы был рядовым солдатом (*idiotès*), но его положение военачальника (*stratègos*) совершенно запрещает ему это¹⁰². У царя или у военачальника есть обязанности и ограничения, которых избежал рядовой солдат или обычный человек.

Давайте вернемся к Артаксерксу II и попробуем рассмотреть историю другой красивой пленницы, о которой уже говорилось, Аспазии, которая после пораже-

ния и смерти Кира Младшего стала частью добычи, взятой во время грабежа лагеря побежденного. Она была уже достаточно известна, и ее захватил сам Артаксеркс: «Возмущенный, что ее привели к нему связанную, он приказал заковать всех тех, кто вел себя с ней столь варварски, и сам принес пленнице самую великолепную одежду... Царь пал жертвой влюбленности в нее»¹⁰⁵. Известно, что Аспазия была гречанкой, а не персидской царевной, и ведя эту любовную интригу — к которой мы вскоре вернемся, — Великий царь не подвергает опасности империю, которую он только что укрепил победой над своим братом.

Тем не менее, согласно истории, рассказываемой всеми древними авторами, именно по поводу обладания Аспазией вскоре произошло серьезное столкновение между царем и его сыном Дарием, что впоследствии привело к мятежу и казни наследного принца. Согласно обычаю, царь был обязан уступить Аспазию своему сыну, но был очень разгневан одновременно и требованием сына, и выбором Аспазии, которая предпочла этого последнего. Он осудил ее на целомудрие, посвятив ее, как некую персидскую весталку, культу богини Анахиты. Конечно, здесь снова перемешиваются история, сказка и фантазия, но урок от этого не становится менее понятным. Анекдот снова иллюстрирует повторяющееся греческое представление персидского двора, где дела, совершаемые царями, в том числе их любовные интриги, напрямую влияют на политические решения самой высокой значимости: в данном случае речь шла ни больше ни меньше как о важнейшей проблеме на протяжении ахеменидской истории, то есть об обеспечении гармоничного династического перехода. В конечном счете, согласно точке зрения Плутарха, продолжение истории свидетельствует о катастрофических последствиях такой практики: конец царствования Артаксеркса явился последовательностью заговоров и убийств, затеянных другой адской парой, составленной из двух детей Артаксеркса — «жестоким Охом» и «развратной Атоссой», у которой, несмотря на брак с ее отцом (с согласия Парисатиды, бабушки), были также любовные отношения со своим братом¹⁰⁶!

В противовес таким «варварским заблуждениям», Александр умеет отделить в себе частного человека и государственного деятеля.

Оценивая «красивых пленниц», взятых в Иссе и Дамаске, первая супруга Барсинэ, «столь же благородная, как и прекрасная... стала вдовой после смерти Мемнона... Ее отцом был Артабаз, происходящий от дочери Великого царя»¹⁰⁷. Будучи вдовой, она была свободна от родственных связей и, соответственно, не могла быть никем выкуплена; таким образом, можно было без всяких препятствий «взять пленницу столь удивительной красоты»¹⁰⁸. Совершенно ясно, что персидские царевны были прежде всего серьезным оружием в руках государственных деятелей. Именно в этом, согласно Плутарху, состоит одна из причин досады, проявленной после смерти жены Дария¹⁰⁹. Тот же Плутарх отлично объяснил смысл персидско-иранских браков Александра:

«Александр сочетался браком по причине личной любви только с одной женщиной, с Роксаной, единственной, в которую он влюбился, и, если он сочетался браком впоследствии со Статирой, дочерью Дария, то это было сделано в интересах его царства, это было политикой, слиянием двух династий, дававшим огромные преимущества» (De Fortuna Alexandri II. 6 = 338^D).

Даже если Плутарх и проводит различие между браком по любви (*erasteis*) и браком из государственных интересов (*pragmata*), он также выражает идею, что Александр никогда не жертвовал своими политическими целями ни в пользу своего сексуального желания, ни в пользу личных эмоциональных приверженностей: хотя он и влюбился в Роксану, он умел обуздывать свои жестокие импульсы воина-победителя, чтобы извлечь все побочные политические выгоды, на которые он мог рассчитывать, сочетаясь браком с прекрасной иранкой¹¹⁰.

Суммарный итог всех этих историй о «прекрасных пленницах» следующий: любовь и желание не должны быть препятствиями на пути государственных деятелей, главным образом тех, кто намерен выстроить или сохранить империю. Напротив, *eros* должен быть использован ими в рамках политической деятельности, он должен занимать вторичное, подчиненное положение. Считается, что Дарий совершенно не был способен занимать такую позицию и терпеть поражения во время всего военного похода прежде всего в результате желания, чтобы его сопровождала жена, семья, наложницы и все благородные женщины, а также его богатства и роскошные привычки. Он представлен как человек, потерявший голову от желания снова увидеть мать, жену и детей, которые вследствие его бегства остались в руках его врага. Баланс снова в пользу Александра, свободного от любовных переживаний или эмоциональной привязанности, хозяина своих чувств и своих импульсов, и при том презирающего «азиатскую роскошь». Александр и Дарий являются зеркальным отражением друг друга, живым примером и контрпримером политической морали, носящей у Валерия Максима название «*De abstinentia et continentia*»: «Семьи, государство, царство легко сохраняют постоянное равновесие только тогда, когда они сводят к минимуму власть любовной страсти и желание денег».

БАГОАС МЕЖДУ ДАРИЕМ И АЛЕКСАНДРОМ

Как только Великий царь погиб, всплывает новый элемент, тем более интересный для нас, поскольку он не пачкает напрямую память умершего царя, но скорее приковывает к позорному столбу те «бесчестные обычаи», которые впоследствии позаимствовал Александр. Вот история, в том виде, в котором она описана лишь у Квинта Курция.

Вскоре после смерти Великого царя Александр решает продолжить свой поход и ведет свою армию на север, в Гирканию. Одним из высших военачальников Дария был хилиарх Набарзан, который принимал участие в заговоре против Великого царя. Александр получил от него письмо, в котором хилиарх клянется, что он сам не поднимал руки на своего правителя, и утверждает, что готов сдаться. «Не колеблясь, Александр принял предложение, и сообщил ему, согласно форме, принятой у персов, что тому нечего опасаться, если он придет»¹¹². За ним начали сдаваться и другие, например, Фратаферн, сатрап Парфии и Гиркании, который, «сдаваясь, оказался с теми, кто бежал после смерти Дария; Александр любезно его принял»¹¹³. Он прибыл вскоре после старого Артабаза, который «представил, вместе с приближенными Дария, своих детей царю и множеству греческих солдат. Когда тот пришел, царь любезно протянул ему руку».

Затем Артабаз «приказал своим сыновьям приблизиться и встать справа от Александра»¹¹⁴. Написав, что царь выказал свое доверие (*fides*) Набарзану согласно персидским правилам, Квинт Курций имеет в виду, что царь протянул ему свою правую руку.

Но только после победоносной кампании против мардов, — по-прежнему, согласно Квинту Курцию¹¹⁵, — Набарзан пришел собственной персоной сдать царю, и именно в это время в первый раз автор вводит образ евнуха Багоаса:

«Прибыли они в один из городов Гиркании, где у Дария был дворец; там Набарзан, получив предварительные гарантии, представился царю, принеся значительные дары. В числе их был Багоас, евнух несравненной красоты и подобный только что распустившемуся цветку: он был близок Дарию (*cui et Dareus adsuetus fuerat*), а затем стал близок Александру (*et mox Alexandres aduerit*). Его мольбы, более чем что-либо другое, побудили Александра простить Набарзана».

После констатации этого факта Квинт Курций больше не развивает эту тему. Вероятно, он торопится увести своего читателя к амазонкам и рассказать ему о тринадцати ночах любви, проведенных Александром с их царицей, а затем взяться за длинную нравоучительную речь об упадке нравов Александра и забвении им своих обычаев.

Багоас исчезает из рассказа Квинта Курция столь же неожиданно, как и появляется. Столь же внезапно он появляется снова, когда царь и его армия возвращаются из Индии и, проходя по Кармании, достигают границы Персии. Сатрап, назначенный Александром, тем временем умер, и его обязанности выполняет перс Орксин. Квинт Курций, который уже кратко говорил о нем в ходе рассказа о битве при Гавгамелах, сообщает, что этот перс был очень высокого происхождения:

«Он вел свой род от Семи Персов, он претендовал даже на родство с самим великим царем Киrom¹¹⁷... Его благородство и его родство ставили его выше всех прочих варваров. Он происходил от древнего царя персов Кира; он не только сохранил наследство своих предков, но и увеличил его в течение долгого властвования» (X.1.22—23).

Согласно обычной практике, он пришел приветствовать Александра и его людей и принес ценные подарки:

«Он поклонился царю и преподнес ему множество даров, предназначенных не только для самого царя, но и для его друзей. Он привел с собой табуны выезженных коней, колесницы, украшенные золотом и серебром, дорогие предметы и драгоценные камни, тяжелые вазы из литого серебра, а также пурпурные ткани и три тысячи золотых талантов денег».

В этих обстоятельствах произошла резкая ссора с Александром, не по поводу самих даров, но ввиду отбора Орксином возможных одаряемых:

«Но он не оказал никакого почтения евнуху (*spado*) Багоасу, к которому Александр питал особую физическую приязнь (*qui Alexandrum obsequio corpore deuinxerat sibi*). Кое-кто предупреждал его, что Багоас невероятно дорог Александру; Орксин ответил, что он оказывает уважение друзьям царя, но не его девкам, и что в Персии не принято считать мужчинами тех, кого их гнусность превратила в женщин (*qui stupro effeminentur*). Этот последний услышал это, и в результате погиб представитель знатной и богатой семьи, и, между прочим, совершенно невиновный. Таким образом, его власть была приобретена путем подлости и позора» (X.1.25—27).

Багоас распространяет злобные высказывания относительно Орксина, сделав его подозреваемым в надругательстве над гробницей Кира. Чтобы обосновать свои высказывания, евнух без колебаний обращается к свидетельству пропавшего Дария: мол, это Дарий сообщил ему, что сокровища были зарыты в гробнице Кира. Он сумел посеять сомнения в душе Александра: «Орксин был помещен в тюрьму. Не удволенный казнью невиновного, евнух сам нанес последний удар умирающему»¹¹⁸. Сообщая о его страшном конце, латинский автор старается подчеркнуть духовное достоинство, выдаваемое Орксином:

«Орксин посмотрел на Багоаса: “Мне говорили, — сказал он, — что прежде женщины владовали в Азии; но здесь нечто новое — царствование кастрата (*regnare castratum*)!” Таким был конец самого благородного перса, который был не только невиновен, но также выказывал редкую щедрость по отношению к царю»:

Эти отношения между Александром и Багоасом, разумеется, широко комментировались в эпоху Античности. Столь же негативно Плутарх упоминает о Багоасе в труде, посвященном опасности наличия льстецов при царях, и о различии между льстецом и другом. Это льстецы, комментирует автор, принесли ненависть и разлад в окружение Александра, который под их влиянием убивал талантливых людей — таких, как Каллисфен, Парменион и Филот. Плутарх осуждал «Ханона, Багоаса, Агесия, Деметриса», обвиняя их «в том, что они ползали перед Александром на коленях, в том, что они превратили его в подобие варварского идола»¹¹⁹. Подбор терминов очень четко соотносит труд Плутарха с контекстом у Квинта Курция, а именно, с тем эпизодом, где описывается, как Александр перенял придворные ахеменидские обычаи. Подчеркиваемое Плутархом противопоставление между другом и льстецом повторяет частично, но довольно ясно, различие, подчеркнутое Орксином (выразителем мнения Квинта Курция) между друзьями царя и теми, которых он именуется проститутами и девками.

Тот же Плутарх, упоминая большие праздники, устраивавшиеся в Гедросии на обратном пути из Индии, представляет Александра несколько более своеобразно:

«Прибыв в царский дворец в Гедросии, Александр решил несколько подбодрить свою армию, устроив новые праздники. Говорят, что он присутствовал там, будучи пьяным, на состязаниях по танцам, и что его любовник (*erōtēnos*), Багоас, принимавший участие в хоре, взяв назначенный приз,

пересек театр в сценическом костюме и сел около царя. Видя это, македонцы аплодировали и кричали царю, чтобы тот обнял Багоаса (*philésas*). Они кричали до тех пор, пока Александр не обнял его и не поцеловал (*katephilésen*)» (Алекс. 67.7—8).

Подобная история есть и в «Ужине софистов» Атеней, в книге XIII, которую он посвящает историям о женщинах и любви, заимствованным, как обычно, у очень большого числа авторов. Естественно, там довольно много раз упоминается любовь к мальчикам, и предпочтение таких отношений у некоторых людей. Анекдот об Александре и Багоасе в театре упомянут там со ссылкой на Диссарха, ученика Аристотеля:

«Александр также страстно любил мальчиков (*philopais*). В любом случае, в своей книге “О жертве, принесенной в Илионе” Диссарх говорит, что он был настолько полон любовью к внуху Багоасу, что на глазах у публики, собравшейся в театре, он наклонился вперед и нежно поцеловал Багоаса, и в то время, пока толпа аплодировала и кричала, он снова опустился и обнял его как ни в чем не бывало» (XIII.603b).

Задавалось множество вопросов относительно влияния, которое эта история могла оказать на репутацию Александра. Страстный защитник духовного и политического величия македонского завоевателя, В.В. Тарн, боялся, что Александра могут обвинить в сексуальном извращении, поэтому в своем замечательном труде он посвятил этому деликатному вопросу специальную главу, извиняясь перед своими читателями за подобные рассуждения, как это делал при других обстоятельствах Квинт Курций, не менее озабоченный общественной и личной моралью¹²⁰. Тарн хотел показать, что гомосексуализм Александра был только измышлением гнусных клеветников, которые полностью изобрели эту историю, чтобы навредить памяти о царе, которого они ненавидели: атаки исходили от последователей школы Аристотеля, возмущенных тем, что Александр убил Каллисфена, племянника великого философа. В своей замечательной статье (1958) Э. Бадьян, напротив, придерживался того мнения, что интерпретация Тарна явилась следствием типичных духовных постулатов викторианской эпохи, и что в действительности, в общем контексте греческих и македонских обычаев и истории завоевания, эта история была вполне внушающей доверие.

В историческом плане данные дебаты небезынтересны — вследствие того, что они иллюстрируют отношения между историком и имеющимися у него документами¹²¹. Но, на мой взгляд, следует отметить некоторое ученое простодушие. Легко можно найти тексты, авторы которых пытаются доказать, что Александр испытывал отвращение к любви с мальчиками, но столь же легко можно найти и такие тексты, которые доказывают, что педерастия была вполне привычной практикой. Для того чтобы сделать из Александра икону сексуальной морали, недостаточно ни укрыться за апологетическими текстами, ни рассказать историю, которая внушала бы достаточное доверие.

Для тех кому особо интересен Дарий и память о нем, вопрос историчности повествования Квинта Курция о Багоасе не является ни первостепенным, ни

решающим. Более того, даже вопрос о том, был ли Багоас исторической личностью или вовсе не существовал, не является проблемой, которая должна занимать наше внимание. Выдуманный или нет, но этот эпизод добавляет некий элемент к реконструкции образа последнего Великого царя, и лишь в таком качестве он нам полезен, поскольку во всей красе демонстрирует генезис и повествовательную структуру текстов. Нас интересует тот аспект повествования, который никогда не привлекал особого внимания, а именно противопоставление между «изнеженной» персидской монархией и «мужественной» македонской монархией. Этот вопрос высвечивает интерпретативные проблемы только при помощи обвинений, выдвинутых против Александра.

Каким бы ни был источник, использованный Квинтом Курцием, ясно, что этот эпизод следует прочитывать прежде всего как *exemplum*, использованный для поддержки тезиса о плохой и хорошей царской власти. В рамках собранных документов, о примерах которых мы только что говорили, пассажи Квинта Курция представляют собой прекрасно вписывающийся в общий контекст элемент. Они очень ясно выражают, что сам Багоас и отношения, которые он установил с Александром, есть всего лишь точное подобие практики, уже известной при дворе Дария: молодой евнух одновременно и эмблема, и носитель «ориентализации» Александра. В глазах Квинта Курция само существование Багоаса крайне типично для испорченной «азиатской» монархии, все символические атрибуты которой Александр намеревался воспринять.

Багоас появляется в тот момент, когда, по выражению Квинта Курция, Александр превращается в «сатрапа Дария», беря на вооружение его привычки, «роскошные и достойные осуждения»: «Он принялся страстно искать персидской роскоши и великолепия азиатских царей... Он, которого оружие персов не смогло победить, был побежден их пороками»¹²².

ПОРОЧНАЯ ФИГУРА МОЛОДОГО И КРАСИВОГО ЕВНУХА

Багоас упоминается как евнух и кастрат. Он принадлежит к той части персидского двора, которая часто упоминается греко-римскими авторами и нередко осуждается за их пороки и участие в заговорах, наравне с другим столь же опасным типом — жестокой и извращенной царевной. В действительности же все те, кто носят у этих авторов определение евнуха, не являются на самом деле кастратами. Можно даже задаться вопросом, не является ли этот термин обозначением придворной должности. Среди евнухов имеются очевидные иерархические градации. Например, хилиарх Багоас (Багой), «царский интриган» во времена Артаксерксов III и IV, а затем и в начале царствования Дария III, является одним из высших должностных придворных лиц, которое не имеет ничего общего с таким евнухом, который при дворе Дария следит за порядком при царевне или царице¹²³, и еще меньше — с анонимными евнухами, которые, кастрированные или нет, должны были выполнять скромные обязанности слуг.

Вначале Багоас изображался намного более симпатичным. Этому особенно способствует физическое описание подростка — при помощи слов, которые почти ничего не выражают вследствие своего стереотипного характера, и не отличаются от тех, которые те же авторы используют для того, чтобы описать кра-

соту молодой пленницы: «Он был несравненной красоты и был похож на только что распустившийся цветок»¹²⁴. Эти слова, разумеется, значили достаточно много для римских читателей, лакомых до красоты и волнующей сексуальности (*puer delicatus*). В конечном счете, в римскую эпоху имя «Багоас» давалось особо любимым внухам¹²⁵. Продолжение анекдотов не оставляет никаких сомнений в наличии гомосексуальных отношений, незамедлительно возникших между Багоасом (*égomène*) и Александром (*égraste*), и целые горы документов не менее ясно внушают нам, что подобные же отношения были между этим молодым человеком и Дарием.

Среди всех текстов, выражающих греческую точку зрения относительно жизни двора при Великих царях, только в любовной истории проскальзывает мотив интимной связи между Дарием и Багоасом. Сама эта история вкраплена в большой любовный роман, главным действующим лицом которого является Аспазия, которую мы уже несколько раз встречали¹²⁶. Будучи бывшей подругой Кира Младшего, захваченной Артаксерксом II после победы при Кунаксе, она считает себя обязанной надеть великолепное платье, которое царь передал ей: «В этой новой одежде она казалась самой красивой из всех женщин. После этого Артаксеркс пал жертвой любви к ней». И именно с истории с одеждой началась любовь Кира: перед тем как войти на пир персидских высших сановников, она отклонила предложение «надеть дорогостоящий хитон; она считала, что не стоило труда надевать вышитые одежды и мыться... Ее ударили, и она была вынуждена подчиниться приказу». Очевидно, что существовали одежды, предназначенные специально для певиц-куртизанок, участвующих в веселых пирушках, точно так же, как прислужники за столом царя должны были вначале принять ванну, а затем надеть белые одежды¹²⁷. Таким образом, Аспазия не ошибается, считая, что одежда, которую ей приказали надеть, обозначает ее новый статус.

Аспазия продолжала проявлять свою недоступность по отношению к Артаксерксу, так как оставалась верной памяти Кира, с которым ее связывали глубокие чувства, испытываемые ими друг к другу. Эта история о несчастной любви соединяется с другой печальной любовной историей о молодом евнухе, описанной Элианом:

«Некоторое время спустя евнух Тиридат умер. Он был самым красивым и самым приветливым во всей Азии. Он окончил свою жизнь в момент, когда только-только вышел из детского возраста, и говорили, что царь любил его страстно».

Здесь мы обнаруживаем слова, в основном применяющиеся для описания неземной красоты персидских царевен. Похожими словами описывается и нежная красота юного Багоаса, почти ребенком попавшего в руки Александра. Далее следует описание страданий безутешного царя:

«Царь был очень огорчен этой потерей и страдал. По всей Азии был траур, так как все пытались таким образом понравиться царю. Никто не рисковал приблизиться к нему и попытаться утешить его. Все считали его готовым на любой безрассудный поступок вследствие постигшего его несчастья».

Далее следует продолжение истории, отмеченное скромно выраженным, но явно заметным эротизмом. В нем, с одной стороны, повторно появляется Аспазия, а с другой, в третий раз вводится мотив переодевания путем упоминания особой одежды:

«Спустя три дня Аспазия надела траурные одежды, и, когда царь был готов отправиться принимать ванны, она остановилась перед ним, плача и опустив глаза. Он был удивлен, увидев ее, и спросил о причине ее приезда. Она сказала ему: “Я пришла, чтобы утешить тебя, царь, так как ты страдаешь и не можешь успокоиться. Но все же, если это тебя сердит, то я уйду”. Перс был очень счастлив такому вниманию и приказал ей пойти и подождать его в его комнате. Она сделала это. Когда он возвратился, он надел на Аспазию одежду своего евнуха поверх ее черных одежд. Переодевание в мальчика ей в какой-то мере подходило, и ее красота еще больше возросла в его глазах. Видя ее в таком наряде, царь был покорен ею и попросил ее продолжать приходить к нему одетой таким образом до тех пор, пока не пройдет его боль. Говорят, что она была единственной из женщин Азии, и даже из близких родственников царя, в том числе сыновей и приближенных, кто мог успокоить Артаксеркса. Он излечился от своей печали, позволяя себя убедить этой женщине, с ее вниманием и заботливостью».

Чудесная история, где перенос влюбленности происходит вместе с одеждой возлюбленного, которая позволяет молодой женщине внушить царю сексуальное желание, разжигавшееся в прежнее время умершим молодым любовником!

От Тиридата до Багоаса, — повествовательные параллели совершенно очевидны, в том числе в иранской ономастике. И совершенно неважно, существовали ли они в действительности, или нет. То, что интересует древних авторов, так это история любви (выраженная или упомянутая при помощи речевых формул), слов и образов, которые были, разумеется, привычны для читателей римской эпохи. Они отлично ориентировались в восточных романах с описанием царского двора и гарема.

При отсутствии каких-либо биографических указателей можно свободно представить себе при помощи воображения жизнь Багоаса, как это сделала Мари Рено в своем романе «Персидское дитя», пользуясь образами, общепринятыми в наши дни. Наш молодой Багоас представлен там сыном персидского дворянина, Артембара, «из старого царского племени Кира, Пасаргад». Семья жила в замке недалеко от Суз. Артембар был сторонником Арсеса и противник опасного хилярха Багоаса, который приказал своим агентам убить его. Выжил только один подросток, — разумеется, ввиду своей красоты. О нем говорили: «В нем чувствовалась порода, истинные, древние персидские корни и резвость козленка!» Вскоре он был продан торговцу рабами, а затем кастрирован — это действие описано писательницей с большим реализмом. Он становится сексуальным партнером Дария, который, в отсутствие его супруги, захваченной Александром, делит свои ночи между подростком и молодыми женщинами царского гарема. Юноша оказывается свидетелем всех событий при дворе и их последствий, с момента прихода Дария до момента, когда Набарзан отдает его Александру.

И в сцене конфронтации с Орксином на пороге гробницы Кира, позаимствованной у Квинта Курция, Багоас обнаруживает, что Орксин — не кто иной, как тот, кто убил его отца десятью годами ранее! Затем следует сцена благодарности и прощания, что позволяет романистке освободить Багоаса, и вместе с ним Александра, от груза обвинений в «проституции», который навешивает на него Квинт Курций.

МОЛОДОЙ ЕВНУХ, ЦАРЬ И ПЕРСИДСКИЙ ДВОРЯНИН

То, как описывается конец Орксина, типично для искусства риторики. Оба персидских главных действующих лица противоположны во всем, и автор твердо выступает в защиту Орксина, «человека из великой семьи... ведущего свой род от древнего персидского царя, Кира». Таким образом, описывая его несправедливую и жестокую смерть, он говорит следующее: «Таким был конец самого благородного из персов, который не только не был виновен, но и выказал редкое великодушие по отношению к царю»¹²⁹.

На его фоне Багоас потерял юношескую ауру, которая была ему присуща в тот момент, когда он попал в руки Александра. В «Истории» Квинта Курция евнухи занимают важное место при создании негативного впечатления о дворе Дария III. Уже при описании царского кортежа, выходящего из Вавилона, он отмечал, что в нем присутствовали «толпы евнухов», идущие в кортеже рядом с женщинами и детьми, впереди «трехсот шестидесяти царских наложниц». С явно выраженным удивлением и осуждением он добавлял, что «в этой стране к ним совсем нет презрения»¹³⁰. Ясно, что, совсем как Тацит, Квинт Курций считает, что присутствие в составе армии «многочисленного и изнеженного кортежа наложниц и евнухов» или «стад комедиантов и евнухов» является явным признаком ослабления мужских и военных способностей¹³¹. И когда он напоминает, что после гибели Дария Александр также взял на вооружение обычай владеть «тремястами шестьюдесятью пятью наложницами», он снова уточняет, что с ними «в качестве эскорта шла толпа евнухов»¹³² и добавляет вставку, которая прямо отсылает нас к женской природе этих индивидуумов: «Они были приучены прислуживать, как женщины»¹³³.

Нет никакого сомнения, что, прибегая к такому выражению, Квинт Курций не имеет в виду просто физический вид евнухов или женский характер их ежедневных забот в глубине дворцов. Он скорее указывает, — осуждая это, — на сексуальную практику, которая отводит евнухам пассивную роль. Показанные в эпизоде в Пасаргадах отношения Багоаса с царем не являются отношениями молодого возлюбленного со старшим и опытным мужчиной, как принято в наиболее чистом стиле греческого гомосексуализма — они то, чем являются в анекдоте о поцелуе, рассказанном Дисеархом, а затем Плутархом¹³⁴. Багоас не является просто интимным другом (*adsuetus*) Александра, как прежде был у Дария. Он один из «этих самцов, которых их мерзость превратила в женщин»¹³⁵. Их отношения относятся отныне к сфере продажной сексуальности и извращенного соучастия в безудержном злоупотреблении властью: «Самый презренный из проститутов, постоянный изменник, неизменный лишь в своих мерзостях и позорной любезности, он использовал горячую любовь царя»¹³⁶. Подтвер-

ждение глубокого отторжения, которое испытывает Квинт Курций по отношению к этому индивидууму, мы находим в описании, которое он дает интимным отношениям между двумя молодыми македонцами, Димнусом и Никомахом: первого «сжигала любовь ко второму, и он был связан благосклонностью любовника, который принадлежит только ему одному»¹³⁷. Затем молодой Никомах отказывается присоединиться к заговору против царя и лишь с трудом соглашается хранить молчание. Чтобы заставить его уступить, Димнос изматывает его унижительными оскорблениями, основанными на очень «мужском» видении отношений мужчины и женщины: «Он обращается с ним как с изнеженным, поженски трусливым и подлым, как с предателем их любви»¹³⁸. Перед лицом его столь яростного сопротивления Димнос доходит до того, что начинает угрожать ему физически. Квинт Курций комментирует это таким образом: «Молодой человек, чья стойкость была неизменной, заслужил того, чтобы считаться невинным»¹³⁹, — указывая тем самым, что верность, которую молодой человек проявляет по отношению к своему царю, столь же восхитительна, как и «нормальная сексуальность».

Выбор некоторых современных переводчиков, которые используют при характеристике Багоаса термин «любимчик», есть анахронизм, но анахронизм, который вполне точно отражал, как мне кажется, способ, каким Квинт Курций представлял себе трехсторонние отношения, установившиеся между Александром, персидским дворянином и развращенным евнухом.

В предыдущем, столь же вымышленном, эпизоде Сисигамбис учит Александра тому, что составляет персидские обычаи, управляющие жизнью и определяющие статус царевен¹⁴⁰. И даже Орксин, обращаясь к Багоасу, утверждает, что в Персии «обычай требует не считать мужчинами тех, кого их мерзость превратила в женщин»¹⁴¹. Сам ли Квинт Курций изобрел эту историю целиком и полностью, или/и имел ли он в виду дебаты, которые начиная с Геродота яростно бушевали относительно вопроса, существовал или отсутствовал гомосексуализм у персов? В конечном счете это неважно. Давайте просто подчеркнем, что использованные слова и понятия — типично римские, так же как уничижительное выражение «стада евнухов»¹⁴², которые сопровождают и организуют оргии. Квинт Курций открыто принимает сторону персидского дворянства, которое, по примеру Орксина, всегда защищало традиционные достоинства: это дворянство враждебно относилось к деспотичной царской власти, которая передает бразды правления людям без веры и морали. Делая перса своим глашатаям, Курций хочет придать своему повествованию большую достоверность. Но его хитрость выглядит совершенно прозрачно: защитник морали своей среды и своего времени, он превращает персидского евнуха в элемент римского *exemplum*. Посредством Александра мораль этой истории касается прежде всего современников Квинта Курция.

Политический смысл истории очень ясен и близок по сути историям о «прекрасных пленницах». В данном случае царь не смог овладеть своими сексуальными влечениями, и таким образом передал огромную, даже чрезмерную, власть своему новому любовнику: именно вмешательству Багоаса Нарбазан обязан своим прощением¹⁴³, и это его ловкие и позорные интриги привели к несправедливому осуждению Орксина. С точки зрения Квинта Курция, это признак

глубокого изменения Александра, испорченного обычаями, унаследованными от Дария: «Но в конце он настолько деградировал, что, будучи в прежние времена полновластным хозяином своих страстей, он распределял царства или отнимал жизнь согласно причудам одного из своих любовников»¹⁴⁴. Он, который совсем недавно с отвращением и ужасом отвергал предложения компаньонов и льстецов купить для своего удовольствия «подростков [греков] невероятной красоты»¹⁴⁵, отдается развращенному и продажному азиатскому евнуху и полностью разрушает социальный строй, унаследованный от предков (неважно, были ли они персами или римлянами).

Затем следует смерть Орксина, описанная Квинтом Курцием согласно правилам жанра. Считалось необходимым, чтобы главное действующее лицо произносило особо прочувствованные последние слова¹⁴⁶. Хорошо информированный (Квинтом Курцием!)¹⁴⁷ об историях, описывающих мифические завоевания царицы Семирамиды, ставшие достойным прецедентом подвига Александра, Орксин в момент смерти выкрикивает последнее оскорбление своему истязателю: «Мне говорили, что прежде женщины царили в Азии; но сейчас новое время — наступило царствование кастрата!»¹⁴⁸ Низведенный до статуса более низкого, чем статус женщины, Багоас превращен, таким образом, во вредное создание, близкое к одноименному «Багоасу Древнему»¹⁴⁹, «евнуху со злым характером и агрессивным темпераментом»¹⁵⁰, который манипулировал царями, от Артаксеркса III до Дария III, низведенными до состояния марионеток. Известный тем, что он устранил первого Багоаса (Багоя), которому «он был обязан трон» — согласно одному из постоянно повторяющихся сюжетов македонской пропаганды¹⁵¹, — Дарий оказался в извращенной и неограниченной власти столь же презренного и предприимчивого, но более молодого евнуха с тем же именем, который заразил азиатскими пороками всю душу победителя.

ДАРИЙ И ДАРА

ГЛАВА 10. ДАРА И ИСКАНДЕР

МЕЖДУ ЗАБВЕНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКИМ МИФОМ

Как я уже подчеркивал ранее, начиная с самого введения, если бы пришлось изучать образ Дария на основании одних только греко-римских источников, и таким образом свести все лишь к одному лишь западному видению проблемы, возникло бы чувство неудовлетворенности. Необходимо дополнить его анализом путей и источников, через которые иранская литература приобрела историю Дария (Дара) и Александра (Искандер). Каким видит она образ того, кто был последним царем мощной династии и кто вызвал великое потрясение в иранской истории¹?

В связи с этим необходимо сказать, во-первых, что несмотря на уже давно доказанные повествовательные ссылки между «Романом об Александре» на греческом языке и иранскими литературными произведениями о приключениях Искандера, превращение Дария в Дара и развитие его образа от греко-римской литературы к литературе сасанидской, а затем исламской эпохи, ставит специфические задачи и требует специфического подхода. Ввиду включения царствования Дара и победы Искандера в огромный континуум иранской истории ключевым вопросом является вопрос о взаимоотношениях, которые иранцы установили и поддерживают со своим прошлым. Необходимо понять их историческую и временную концепцию, внутри которой они рассказывали о своей истории и передали личное представление о том периоде, когда Искандер победил Дара и сменил его на троне Ахеменидов.

Чтобы поставить задачу конкретно и во всем ее размахе, давайте оттолкнемся от надписей, которые иранские владыки приказывали вырезать на персидском и

арабском языках на стенах Персеполя в период между Античностью и современной эпохой, и от представлений далекого прошлого, которые они хотели ими выразить. В посвященном им увлекательном исследовании А.С. Меликян-Ширвани подчеркивает, что, «вопреки образу, широко распространенному на Западе, место Персеполя, помимо всего прочего, никогда не тонуло в глубоком забвении, из которого оно вышло благодаря европейской науке. На самом деле не было ни одного века, начиная с эпохи Буидов (935—1055 гг.), когда царские путешественники не оставили бы здесь своих отметок. Их записи, написанные порой от имени великих владык, делают Персеполь настоящим исламским мемориалом, благодаря которому мы получили ряд свидетельств исключительной ценности о мыслях, внушенных иранцам-мусульманам при виде скульптурных барельефов»².

Понятно, что некоторые записи свидетельствуют о том, что задолго до европейских путешественников иранские принцы приходили в Персеполь, останавливались там и оставляли свои воспоминания, вырезанные в камне, на персидском и/или арабском языках. Тем не менее, если эти «размышления на развалинах» и свидетельствуют о желании принцев занять место в длинной цепи знаменитого прошлого Ирана, они в то же самое время свидетельствуют о почти всеобщем забвении древней истории. Высказанные размышления чаще всего касаются бренности бытия и тщетности человеческих деяний. Так, в 1335 году шейх Абу Исхак размышляет о хрупкости жизни:

«Кому принадлежит сегодня царство? Богу Единственному, Покорителю. Где Хосровы, тираны древних времен? Они зарыли сокровища. Не осталось ни тех ни других!»

Другие надписи были вырезаны в 1423 году султаном Ибрагимом, сыном Шах-руха. Одна, на персидском языке, упоминает о «победоносных знаменах слуг его императорского величества... поднятые на этом высоком и укрепленном месте: оно стало палаточным лагерем императора». Будучи потомком Тамерлана и правителем Фарса, принц не упускает возможности поразмышлять над собственной судьбой в литературной форме, которую мы могли бы считать «надгробной»:

«Наше намерение, вырезая эти буквы, состояло в том, что они существовали и после нас; поскольку — увы! — я вижу, что наше существование недолговечно. Возможно, однажды какая-то набожная душа, тронутая чувством сострадания, направит из милосердия молитвы Всемогущему!»

Вот еще одна запись на арабском языке:

«Где эти цари, которые пользовались суверенной властью до того момента, когда виночерпий смерти велел им проглотить губительный кубок? Сколько городов было построено на поверхности земли, которые впоследствии были разрушены, и чьи жители находятся на равнинах смерти?»

Эти размышления, которые можно и сейчас увидеть на развалинах, не предполагают никакого специфического знания о прошлом. В 955 году принц

Адуд аль-Даула сообщал в надписи на камне, что знатоки по его приказу расшифровали древние письмена. Заявление выражает наивное мелкое тщеславие, но тем не менее оно показывает главным образом желание принца ориентироваться в столь впечатляющем наборе надписей, что ему было невозможно определить точно его границы.

Давайте вернемся к еще более раннему времени, в доисламскую эпоху. В год 311 н.э., то есть восемь веков спустя после основания города Дарием I, сасанидский царь Шапур II (310—379), сын Ормузда II, и некоторые из его высокопоставленных лиц оставили записи на пехлеви (среднеперсидский язык) на северной стене южного портала дворца Дария I. Одна из них гласит:

«В месяц Спандармах, во второй год Его зороастрийского величества Шапура, царя царей Эрана и Анерана, происходящего от богов. В тот момент, когда Шапур, царь саков, царь Индостана, Сакистана и Турана и всех земель до берегов моря... путешествовал по этой дороге, дороге от Истакра в Сакистан, и любезно пришел сюда, в Стоколонный зал (Sād-stūn), он откушал в этом здании... И он устроил большой праздник, выполнил различные молитвенные ритуалы и молился за своего отца и своих предков, и молился за Шапура, царя царей, и молился за свою душу, и молился также за того, кто приказал построить это здание».

Одиннадцатью годами позже он посылает одного из своих подчиненных по имени Селевк осмотреть надпись, которую приказал вырезать. Таким образом он также доказал, что он сам намеревается войти в бесконечный исторический ряд. Но одно ясно без сомнения — когда сасанидский царь восторгается таким образом произведением строителей, он ничего не знает, и даже не догадывается ни о их личности, ни об эпохе, в которую они жили и работали. Он даже их никак не называет. Более того, повторное использование обрыва Накш и-Рустам для того, чтобы вырезать там монументальные рельефы, совсем не доказывает того, что сасанидские цари были информированы об именах древних царей, которые приказывали вырубать там свои гробницы.

Наименование, использованное, чтобы обозначить террасу и дворцы, достойна того, чтобы ее отметили отдельно: Sād-stūn, то есть «сто колонн». И хотя приблизительно в то же время Аммиан Марцеллин, который знал классику, упоминает Персеполь среди прекраснейших городов Персии (XXIII.6.42), далекие потомки Дария и Ксеркса, кажется, забыли, что это место называлось на староперсидском Pārsa. Несколькими веками позже, когда первые европейские путешественники посетили это место, оно уже называлось Чехел-Менар (Chehel-menār, «сорок башен») — так называли его сами жители. От Sād-stūn до Chehel-menār ведет та же топонимическая логика: в обоих случаях персы прибегли к описательной метонимической формулировке, чтобы обозначить место, из которого абсолютно ушла их история. Другие использовали наименование Тахт-э-Солеман, «трон (или дом) Соломона», что напоминает о названии «гробница матери Соломона», постоянно присваиваемое в то время гробнице Кира в Пасаргадах, и являющееся частью целой серии «библейских» топонимов, очень распространенных в стране. Также было известно название Тахт-э-Джамшид, «трон Джамшид»

да», который и сегодня предпочитают использовать в современном Иране. Наконец, Шарден и другие упоминают, что гиды ссылались также на «дом Дария» (Тахт-э-Дара): все это позволяет думать, что под этим царским именем они понимали одного из двух Дариев, известных в иранской династической легенде — или противника Александра, или Дария I. Достаточно прочитать те страницы, написанные Шарденом, которые упоминают о датировке строений, легендах и истории, о которых он слышал во время своих поездок (XVII, стр. 21—41), чтобы убедиться, что в представлении, которое составили персы в то время о своем прошлом, сам город, его создатели и правившие там цари были полусказочными существами из легенд и эпоса.

В 1423 году, одиннадцать веков после Шапура II и около двадцати веков после Дария I, Ибрагим Султан также приказывает вырезать надписи:

«Итак, кого ты знаешь из иранских владык,
 Времен Ферудина, Заххака или Джамы,
 Чья власть и царство не пришли бы в упадок,
 И кто не подвергся бы унижению от рук судьбы?
 Не плывет ли целый день на крыльях ветра трон Соломона
 Да будет ли он благословен?»

Интересно подчеркнуть, что, приветствуя древних царей, Ибрагим Султан не упоминает ни ахеменидских, ни аршакидских или сасанидских царей. Он, что совершенно естественно, выбрал хорошо известные имена мифических царей. Отшлифованная в течение веков, иранская эпопея о царях была отредактирована около 1000 года Фирдоуси в его «Книге царей» («Шах-наме») и приняла свой канонический вид. Именно мифическом делении иранской истории на четыре династии (и на четыре трехтысячелетия) труды персидских и арабо-персидских летописцев и поэтов базируют свое повествование. Предполагалось, что первая династия, Пишдадиды, правила 2441 год. Она была основана Гайомаром, «первым человеком», которому пришлось сражаться с демоном зла, Ахриманом. Вторая династия, Кейаниды, властвовала предположительно 732 года. Эти две династии постоянно смешиваются с мифическими временами, даже при том, что последние два царя Кейанидской династии, Дара и Искандер, представляют собой исторических персонажей, которые столкнулись между собой между 334 и 330 годами до н.э., и чьи парные портреты мы здесь и изучаем.

Последние две династии, Аршакидская (Аршакиды) и Сасанидская (Сасаниды), более четко ориентированы в определенной исторической эпохе, даже при том, что тон рассказа остается эпическим, часто очень непохожим на историческое повествование. Именно четвертую династию упоминает Шейх-абу-Исхак в 1335 году, говоря о Хосрове. Без сомнения, речь идет о знаменитом Хосрове I Ануширване («с бессмертной душой»), который правил Ираном в 531—579 годах и вошел в легенду в образе великодушного и простого царя, достоинства которого представлены во множестве *adab* (нечто вроде эквивалента *exemplar* в которых преподносились примеры правильного образа жизни и поведения). Это, без сомнения, объясняет, почему упомянутый принцем XIV века сасанид-

ский царь включен в очень туманное прошлое — ведь он приближен к анонимной и неопределенной категории «тиранов древних времен».

Цари, упомянутые Ибрагимом Султаном, принадлежат к первой династии. Джам (Джамшид), четвертый царь династии, запомнился тем, что он принес людям мир и благополучие, и тем, что он разделил общество на четыре класса (жрецы, воины, крестьяне и ремесленники). Но, ослепленный гордостью, он был в результате «семисотлетнего царствования» свергнут с престола Заххаком, чудовищным и вредным царем, который «царил тысячу лет»: змеи, выходящие из его плеч, поедали мозг молодых людей. В свою очередь, он был побежден Ферудином, наследником славы Джамшида, который связал Заххака на горе Альборц (Демавенд), и затем сменил его.

Достаточно пробежаться по «Книге царей» Фирдоуси, чтобы понять, что наибольшее число ссылок делается на царей из первых династий. Именно они обращаются к царям сасанидской эпохи, с формулами, очевидно, заимствованными также принцами, оставившими свидетельства в Персеполе: «Где хозяин трона Ферудина, который был опорой своего времени? Где эти мощные отпрыски царского рода, Кей Хосров, хозяин мира, и Кей Кобад?» — восклицает, например, Барам Гур, один из самых знаменитых сасанидских царей (глава 34, стихи 378—380). Более того, именно цари из эпопеи, огорченные двумя последовательными поражениями, которые претерпел Дара от Искандера, взывают к своим храбрецам: «Руми [Искандер] стал Заххаком, а мы — есть Джамшид» (19, в. 212—213). Но, разумеется, именно сам рассказчик, то есть Фирдоуси, напрямую вдохновил авторов надписей на Персеполе. В течение меланхолического и обеспокоенного размышления о наследовании царской власти он восклицает: «Где Ферудин, Заххак и Джамшид, принцы арабов и цари персов; где мощные Сасаниды, чьими потомками являются Бахрам и даже Саманиды?» (21, стихи 29—30). Мы обнаруживаем здесь тех же самых трех легендарных царей, упомянутых Ибрагимом Султаном в 1423 году! И снова именно Джамшид и Ферудин упомянуты у Низами, как элемент царского притязания Барам Гура; считая себя потомком Джамшида, он утверждает также: «Ни трон Джамшида, ни венец Ферудина не сохранились до этих времен»³.

Бируни, современник Фирдоуси и замечательный знаток истории, хронологии и множества других областей знания⁴, пересказывает список из десяти «персидских царей, царивших после падения Мидийского царства» и упоминает соответствующий срок каждого правления. Там мы можем обнаружить хорошо известные имена и династии, от Кира до Арсеса и Дария III. Между тем автор в данном случае следует не иранской традиции, а греко-вавилонской, доступ к документам которой у него был через сирийских авторов⁵. Это снова является важным примером, демонстрирующим значимость греко-римских и вавилонских источников в восстановлении династической ахеменидской истории. Со стороны Ирана доминирует и определяет представление о прошлом скорее именно эпическо-мифическая традиция.

Внутри этой просторной фрески исторического мифа, которую составляют главным образом рассказы, касающиеся первых двух династий (вторая династия, кейанидская, часто «сливалась» с ахеменидской династией). Таким было, разумеется, представление, которое средневековые иранцы могли составить себе о прошлом, столь отдаленном, что оно казалось почти нереальным. Доказатель-

ством может послужить то, как Низами упоминает одну из царевен, пришедших развлечь царя: «Первая царевна была высокого кейанидского рода, это персидский и ахеменидский род»⁶. Без сомнения, по этой причине уже давно пытались (начиная с самого Бируни) идентифицировать ахеменидских царей, известных в виде списка из десяти царских кейанидских фигур, начиная с основателя Кей Кобада и до Дара и Искандера. Предприятие бесполезное и безнадежное! Конечно, имена царей могут использоваться в той или иной традиции, так как они никогда не терялись: маленькие принцы Фарса селевкидской и парфянской эпохи также носили имена ахеменидских царей, например Артаксеркс (Ардашир) и Дарий (Дарев). Но, поскольку попытка реконструкции исходила не от историков, противоречия и фантазии слишком многочисленны, а рассказы слишком изукрашены для того, чтобы можно было всерьез думать о том, чтобы восстановить историчность легенд о происхождении нашего Дария-Дара, который предположительно был сыном другого Дара (Дараба), или еще одного Дара (Дараба), и, возможно, сменил на троне свою мать Омаи или Искандера, о котором говорилось, что он является сыном Дара (Дараба). Кроме того, кейанидский царь Виш-тасп не является образом (даже деформированным) отца Дария I (Гистаспа/Виш-таспа), Ардашир, сын Бахмана, не является Артаксерксом II, а Дара (Дараб) не имеет ничего общего ни с Дарием I, ни с Дарием II.

Все свидетельствует о том, что история ахеменидской династии была очень быстро забыта в Персии после македонского завоевания, или, точнее, что она передавалась изустно из поколения в поколение под видом мифических образов. Это было одной из функций магов ахеменидской эпохи, ответственных за воспитание молодых людей из персидской аристократии. Как мы видим у Ксенофонта, Динона или Страбона, эти «мудрые люди» отвечали за то, чтобы запоминать царские легенды и обучать им молодых людей⁷. Именно эти основополагающие мифы в определенный момент были систематизированы под видом «Книг царей». Главным образом в устной форме эти рассказы передавались «менестрелями» (*gōsān*) не только в сасанидскую эпоху, но и позже, во времена Средневековья и в наше время, при помощи странствующих рассказчиков (*naqqāl*), некоторые из которых («рассказчики книги царей»), начиная с царствования Махмуда (господина Фирдоуси), специализировались в чтении наизусть «Шах-наме». Переданные в письменной и устной форме, а также красочными картинками, различные книги царей и популярные романы пропитали мышление и определили концепцию, которую иранцы долгое время отождествляли со своим прошлым. Любое исследование отдельного сегмента этой эпопеи нельзя, таким образом, осуществлять, не принимая постоянно в расчет эти коллективные представления. История Дара и Искандера, очевидно, не будет исключением из правила.

ОТ ДАРА ДО АРДАШИРА В САСАНИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Если иранцы разделяли в целом общее видение своего прошлого, необходимо также подчеркнуть, что в результате арабского завоевания исламизация не затронула в равной степени все население страны. В Фарсе, а также в некоторых других регионах, остались группы приверженцев древней зороастрийской религии: именно их европейские путешественники называли гебрами⁸. Шар-

ден нередко общался с ними и предложил своим читателям длинные описания их необычных нравов. Он полностью соглашался с их интерпретацией их далекого прошлого, которую делали его собеседники, в том числе горькие воспоминания о вторжении Александра⁹:

«Я нашел, что зло, которое они говорят об Александре, звучит вполне разумно. Вместо того чтобы восхищаться им и восславлять его имя, как постоянно делают другие народы, они его презирают, ненавидят и проклинают, считают расчетливым пиратом, разбойником, человеком без справедливости и без мозгов, рожденного для того, чтобы нарушить миропорядок и погубить часть человеческого рода. То же самое они потихоньку говорят о Мухаммеде, и помещают обоих во главе злых владык. Один стал инструментом таких несчастий, как пожар, убийство, изнасилование и кощунство, а другой был причиной этого. Они отлично знают, что их потери произошли по вине этих двух узурпаторов, Александра и Мухаммеда, и в этом они не ошибаются» (XVII, стр. 8).

Еще до Шардена отец Габриэль де Шинон (около 1650 г.) собрал подобные легенды об Александре, разрушителе религии и священного писания:

«После его смерти, которая стала справедливым наказанием за его безрассудство и хитрость, их ученые, которые спаслись от резни и убежали в горы, чтобы сохранить свою жизнь и религию, объединились и, видя, что у них не осталось больше книг, написали одну на основании того, что осталось у них в памяти о том, что они столько раз читали»¹⁰.

Это изображение Александра восходит к глубокой древности. Хотя долгое время думали, что подобное мнение зародилось в персидской среде после разрушения Персеполя, доступная документация говорит, что это начало происходить скорее в сасанидский период. Когда на Западе распространялся «Роман об Александре», и когда анонимный автор «*Itinerarium Alexandri*» напоминал о подвигах македонца императору Константину, описывая момент выхода в поход против персов (около 338 г.), в Иране распространяется совсем другое изображение Александра: резко негативное, оно будет усиливаться на протяжении периода, который закончится поражением последнего сасанидского царя, Яздгерда III, от войск халифа Омара. Просвещенные и религиозные сасанидские круги выносят два пункта обвинения против Искандера: он уничтожил «истинную религию» (Dēn) и разрушил политическое единство Ирана.

В большей части литературы, оригиналы которой восходят к этому периоду, главным героем является Ардашир I, победитель парфян и основатель сасанидской династии (224—239/240). Он является героем книги с названием «Книга подвигов Ардашира, сына Папака» («*Kārnamē ī Artakšīr ī Pāpakān*»). Являясь в основе сборником легенд и рассказов о приключениях, которые во многом напоминают те, что приписываются Александру в «Романе» и в иранской литературе, эта книга восхваляет труд по восстановлению иранского величия под руководством Ардашира, который явился, чтобы возместить разрушения, произ-

веденные Искандером. Считалось, что он вел свой род от Дара, побежденного Александром, и его признавали достойным славы кейанидов.

Необходимо уделить особое внимание другому тексту, известному под названием «Письмо Тансара». Он приписывается Бахраму, сыну Ксората, и «мудрецам Фарса». В VIII веке оригинал на пехлеви был переведен на арабский язык, а затем переведен с арабского на персидский Ибн Исфандияром в 1216 году. Первая часть содержит само «Письмо», то есть текст, озаглавленный «Переписка между Александром и Аристотелем». Персонаж, приведенный в названии, известен по другим текстам, в особенности по тексту Денкарда, где он считается «человеком древнего учения». В эпоху Ардашира Тансар был верховным жрецом, в задачу которого входило восстановить «истинную религию», а также восстановить и собрать воедино все тексты Авесты, потерянные или уничтоженные. В своем замечательном труде «Золотые лужайки» Масуди, арабский автор конца X века, вводит его в качестве царя или управляющего персидской провинцией, и члена секты платонианцев, «то есть школы Сократа и Платона».

Собеседником Тансара был Гуснап, «царь Паришвара и Табаристана». Когда, выступив против последнего аршакидского царя, Ардашир создает новое великое иранское царство, Гуснап колеблется, не решаясь присоединиться к нему; по этой причине он просит совета у Тансара. Тансар намерен убедить его признать суверенитет сасанидского царя, пользуясь доводами, где тесно перемешиваются политика и религия. Речь идет о сочинении «Peri basileias» («О царской власти»), предназначенном для того, чтобы отвечать на вопросы, которые традиционно волновали мыслителей, близких к власти: как правильно отправлять царскую власть? Какие акты узаконивают царскую власть? Тансаром представлены четыре аргумента: Ардашир сумел за четырнадцать лет восстановить страну из развалин, которыми она была покрыта в течение уже четырех веков, то есть со времени вторжения Александра; затем Тансар затрагивает вопрос разделения общества на четыре класса (жрецы, воины, писцы, производители); наконец, он затрагивает вопрос о наказании; и напоследок он подробно рассматривает серьезную проблему наследования трона. Вторжение Александра и его пагубные последствия подробно рассматриваются в первой части произведения в виде *ретроспекции*; персонаж и царствование Дара вписываются в рассуждения о династическом наследовании.

Другой документ сасанидского происхождения тесно связан с «Письмом»: это «Завещание Ардашира», известное по его арабскому переводу. Это завещание адресовано царем сыну, который должен был его сменить, Шапуру. Там описываются достоинства правителя, так же, как связь между властью и религией:

«Знайте, что царская власть и религия суть близнецы, из которых один не может существовать без другого. Религия есть основа царской власти, а царская власть — есть охрана религии... Знайте, что упадок государств начинается тогда, когда мы позволяем людям заниматься иными вещами, чем их традиционная деятельность и их известная деятельность».

В «Завещании» можно обнаружить важные моменты из «Письма», в особенности указания на необходимость для каждого человека оставаться в рамках своего класса, и жгучую необходимость не разглашать имени наследного принца.

Давайте также упомянем две энциклопедии на пехлеви, «Денкард» и «Большой Бундахишн», обе из которых, без сомнения, восходят к концу сасанидской и к началу исламской эпохи. Датированная X веком, «Денкард» является энциклопедическим резюме маздаистской религии; ее IV книга повествует об истории восстановления Авесты и Занда (толкование на пехлеви) от Дара до эпохи Аршакидов, не минуя их уничтожения, приписанного Искандеру:

«И пришел его величество Ардашир и Папакан, царь царей, чтобы восстановить иранское царство, который приказал собрать воедино и принести эти записи в одно место. Появился Тосар (Тансар), Древний Мудрец, Справедливый; он объединил их с этой информацией, происходящей из Авесты, и, по приказу, дополнил согласно этой информации» (III, стр. 430).

Другие намеки на македонца есть в книге III, а также в книге IV, причем формулировки этих упоминаний практически везде одинаковы. Датированная, без сомнения, концом сасанидской эпохи, «Бундахишн» — это компиляция (на пехлеви) маздаистской космологии и космографии. Книга представляет собой рассказ о мифических, исторических и эсхатологических временах иранского государства, от первого человека до конца мира, то есть о 12 000 лет, распределенных на четыре трехтысячелетия. Четвертое трехтысячелетие открывается появлением Заратустры. Исторические времена отмечены борьбой между земледельческими народами и бродячими племенами, между Ираном и Тураном (Центральной Азией), между Ираном и Искандером, между Ираном и турками.

Один из наиболее интересных трудов — «Книга об Арда Виразе» («*Ardā Vīraz Nāmag*»), известную редакцию которой можно предположительно датировать IX веком. Но, как и другие книги на пехлеви, письменному произведению предшествовала длинная цепочка изустной передачи. Речь идет о тексте, очень важном для изучения иранской эсхатологии. Он представляет собой рассказ некоего посвященного, призванного посетить рай и ад, приняв наркотик. Вираз был выбран при помощи ордалии, в числе «семи мужчин, которые были наиболее крепки в вере, чтобы исполнить путешествие в загробную жизнь, чтобы посоветоваться с Меногами, то есть “богами и праведными душами”». Он должен определить, исходит ли выбранный культ от богов или от демонов (1.15). В результате своего путешествия он возвращается в мир «материальных существ», получив проповедь Ормузда: «Скажи, праведный Вираз, маздаистам, что существует лишь один путь справедливости, путь учения древних, и все другие пути — не истинные пути. Встаньте на этот единственный путь и не отклоняйтесь от него, ни в благополучии, ни во дни бедствий» (101.7—8).

«ПРОКЛЯТЫЙ АЛИКСАНДАР»

При всем разнообразии рукописей вся эта литература передает одну общую мысль: превосходство истинной религии и связь, которая существует между государственным устройством и уважением к истинной религии и законности царской власти (царь должен быть защитником и поддержкой религии), и, наконец, между истинной религией, надежной царской властью и могуществом

иранцев: политическое поражение и разрушение религии идут рука об руку. Таким образом, политический смысл этой литературы очевиден: в ней обнаруживается желание Сасанидов узаконить свою власть. Ключевое слово — реставрация, восстановление порядка, существовавшего до Искандера. Главная политическая тема — это пассаж относительно единства Ирана (при Дара) и его разделение (начиная с времени Искандера), а затем противоположное движение, от раздробленности к единству, благодаря труду Ардашира, истинного преемника Дара. При такой логической последовательности деятельность и труды Александра могут рассматриваться только отрицательным образом: он — разрушитель единства и славы Ирана, а также разрушитель религии.

В «Письме Тансара» восстановительные труды Ардашира направлены против разрушений Александра, который вызвал политический разлад и исчезновение религиозных традиций. Затем мы увидим, что Дара не освобожден от ответственности за катастрофу. По совету Аристотеля Александр не убивает персидских дворян, так как иначе он оставил бы власть в руках «подлых». Несколько позже Аристотель дает следующий совет:

«Поручи власть над Персией ее царям... но не давая никому из них старшинства или власти над другими, так, чтобы каждый царил независимо... Таким образом, между этими царьками возникнет столько раздоров, разногласий, состязаний и борьбы по поводу власти, столько соперничества за богатство, столько ссор за степень уважения и пышность их выезда, так что они будут в основном заняты мстостью за свой ущерб и, поглощенные своими междоусобными делами, не вспомнят больше о прошлом... Александр разделил Иран между принцами, которых он назвал *Mulûk uattvâif*, “цари провинций”» (§ 3).

Среди этих «царей провинций» встречается Гуснап, но у него особенный статус, так как он при помощи оружия снова отвоевал территорию у преемников Александра и примкнул к «вере и партии царей Фарса»: именно поэтому Тансар послал ему письмо, торопя его присоединиться к Ардаширу. К тому же вторжение привело к разрушению религии:

«Ты знаешь, что Александр сжег в Истахре наши священные книги, написанные на двенадцати тысячах телячьих кож. Приблизительно треть была выучена наизусть и таким образом сохранилась, но это были только легенды и предания, поэтому люди не имели ни законов, ни постановлений. Кроме того, ввиду коррумпированности народа того времени и упадка царской власти, ввиду болезненной потребности во всем новом и недостоверном, а также вследствие желанья пустой славы, даже эти легенды и предания исчезли из народной памяти до такой степени, что не осталось ни одной истинной буквы от этих книг. В этих условиях веру может восстановить лишь человек прямой и справедливый» (§ 11).

В «Завещании Ардашира» образ Александра фундаментально не отличается, что логично, так как оба текста вдохновлены одним и тем же источником.

Рассуждая о проблемах наследования царской власти, Ардашир вспоминает царей, которые ему предшествовали. Он отличает их одного от другого, но в то же самое время он объединяет их при помощи следующей формулировки:

«И эти цари следовали друг за другом так, как если бы они были одним царем. Их души были как одна душа, предшественник укреплял [царство] для своего преемника, а преемник оставался верным своему предшественнику, так что рассказы о их предках, труды их мыслей и разума соединялись после их смерти потомками в единое целое. Это было так, как если бы предки встречались со своими потомками, чтобы обучать их и советовать им» (стр. 71).

Эта восхитительная последовательность династического древа и этики была уничтожена Александром:

«[И все это длилось] до тех пор, пока не случилась беда с Дара, сыном Дара, и не пришел Александр, который отобрал у него наше царство. Александр считал более важным разрушить наше могущество, разделить наш народ и уничтожить благополучие нашей страны, чем проливать нашу кровь» (стр. 71).

Затем пришло восстановление древнего порядка под руководством самого Ардашира. Многие тексты повествуют о том, что для этого ему пришлось разбить и объединить под своей властью 240 «царей племен», между которыми, по совету Аристотеля, Александр разделил древнее царство Дара, вместо того, чтобы уничтожить дворян, окружавших побежденного царя:

«Когда бог позволил воссоединение нашей страны, государства и дворян, у нас случилось то, что случилось, по милости бога. Внимательно взвесив все это, сохраним память о совершенных оплошностях, и те, кто будет следовать за нами, будут более богаты опытом, чем мы, когда извлекут урок из чрезвычайных предзнаменований, которые мы узнали» (стр. 71).

Иными словами, Ардашир восстановил непрерывность правильной царской власти и правильной религии, он вновь закрыл отвратительную скобку, открытую Александром.

В «Книге Арда Вираз» можно обнаружить образы и представления, достаточно близкие, если не сказать аналогичные:

«Говорят, что однажды, когда святой Зороастр принес в мир религию, которую он создал за триста лет, религия была чистой, а люди — убежденными. Но затем проклятый Злой дух исказил ее, чтобы заставить людей усомниться в этой религии. Проклятый Аликсандар, грек, живущий в Египте, который пришел в страну ариев со страшной тиранией, войной и мором, ввел всех в заблуждение. И он убил правителя (dahibed) ариев, разрушил и двор, и царскую власть. И основы религии, а именно Авеста и Занд, написанные золотыми чернилами на специально приготовленных кожах, были помеще-

ны в Стахр-Папаган, в “Крепости записей”. И этот зловредный враг, неверящий и злой, вредный Аликсандр, грек, живущий в Египте, унес их и сжег. И он убил многих священников, судей, учителей, приверженцев, знатоков, мудрецов страны Эран. И после этого люди, населяющие страну Эран, восстали в мятеже и пошли сражаться друг с другом, и, поскольку у них не было ни владыки (xvadvu), ни правителя (dahibed), ни жреца, знающего каноны религии и знакомого с божественным, они жили в сомнении, исповедовали смесь многочисленных учений и вер, и ереси, сомнения и разногласия возникли среди людей» (1.1—9).

Сюжеты в пехлевийских книгах очень гармонично переплетаются. Автор «Подвигов Ардашира» пишет, например: «После смерти Александра, жителя Румии, на территории Ирана имелось не менее 240 принцев» (§ 1). В «Денкарде» (стих 3.3) Александр ставится среди тех зловредных людей, которые начали период разрушения, начавшийся после Арджаспа (врага царя Вистаспа) и перед «демоном с распущенными волосами... Второй и был Александром Римлянином, человеком с дурной славой, несущим смерть, и такими же были те, кто был вместе с ним». Александр-разрушитель — «несчастный» (dušxvuarrah: VII.7). В одном из пассажей, в котором страстно осуждается захватчик, редактор рассказывает, что запись Книги маздаистской веры была сделана известным кейанидским правителем Кей Вистаспом:

«Он отдал все свои сбережения в царскую казну (ganz i shaspikân) и приказал распространить повсюду приемлемые копии. Затем он послал копию в “Крепость записей” (diz i pipišt), и именно благодаря этому сведения сохранились. Во время потрясений, которые пошатнули Дён и царскую власть Ирана вследствие деяний проклятого Александра, копия, которая оказалась в “Крепости записей”, была потеряна в пожаре, а та, которая осталась в царской казне, попала в руки римлян, была переведена на греческий язык и присоединена к сказаниям древних» (III, стр. 420).

В книге IV упоминается история священной книги в период между Дара и Хосровом I. Именно Дара, и он один, восхваляется здесь как первый царь, который «приказал, чтобы были сделаны две копии со всей Авесты и Занда в том самом виде, в котором Зороастр получил их от Ормузда, и чтобы эти копии были сохранены, одна — в царской казне, а другая — в архиве страны». После разрушений, возникших в результате нашествия Александра, эта копия попала сначала в Парфию, а затем к сасаниду Ардаширу, которому Тансар помог вести работу по восстановлению текста¹¹.

«Большой Бундахишн» также характеризует роль Александра как зловредную:

«В то время как царь Дара, сын Дара, царствовал, Александр, Римский цезарь, захватил царство иранцев, убил царя Дара, истребил все семьи правителей, магов, дворян иранского царства, погасил множество огней, захватил маздаистские религиозные книги Занд (Dēn), и отослал их в Рим. Он сжег Авесту и разделил царство иранцев между девяноста главами семьи

(мелкими князьками). В том же тысячелетии появился Ардашир, сын Папака, который истребил эти династии, восстановил власть (царскую), и вернул маздаистскую религию».

Если не учитывать мелкие расхождения в деталях (например, количество мелких князьков, которые сменяют царскую власть Дара), можно констатировать контекстуальную гармонию. Эта литература передает эсхатологическое видение религии и царской власти в Иране в форме истории, в значительной части восстановленной при помощи весьма неясных воспоминаний, которые создавались в неизменных рамках установленных в древние времена представлений о мире. Фактически мы не знаем того, что произошло во времена нашего Александра: было несколько удивительно читать, что он уничтожил религию и священные книги¹². Скорее кажется, что зороастрийцам позднейших эпох необходимо было объяснить, почему и как «хорошая религия» вдруг исчезла; надо было назначить ответственных за это. И даже неизвестно, существовало ли в тот момент полностью составленное священное писание? Вопрос весьма спорный, так как на протяжении всей ахеменидской эпохи передача знаний могла производиться только устно: о значимости передачи знаний мудрецами и учеными ясно свидетельствуют пассажи «Письма Тансара» (§ 11) и другие рукописи на пехлеви¹³.

Что бы там ни было, у зороастрийцев сасанидской эпохи Александр упоминался как тот, кто разрушил основы общества, царской власти, и правильной религии (*dēn*). Посредством мрачных легенд об Аликсандаре/Александрe высказывается стремление к восстановлению порядка вещей, сохранявшегося тысячелетиями, нерушимого миропорядка, установленного и защищаемого богами и сохраненного на земле их ставленником, то есть «хорошим царем». Речь идет одновременно и о концепции, и о вере, которая в ахеменидских царских надписях называлась *арта* (правда, лояльность, порядок), блюстителем которых — можно сказать, восстановителем, — провозглашал себя каждый Великий царь, противником приверженцев *драуга* (ложь, мятеж, беспорядок). «Аликсандар» решительно располагается со стороны беспорядка и зла; Ардашир, напротив, приходит вернуть правильный миропорядок во всей его божественной полноте.

ПЛОХОЙ ЦАРЬ ДАРА

Дара, напротив, появляется чаще всего пассивно, не ведя никаких действий: он просто присутствует, потому что его царствование отмечает конец цикла иранской истории; именно в это время имело место вторжение Александра, о котором и рассказывается в различных текстах. Имя последнего из кейанидских царей даже не упомянуто напрямую в «Книге Арда Вираз»: он просто упоминается под анонимным описательным названием «владыки страны ариев [иранцев]» (1.4).

Когда его упоминают прямо, что случается достаточно редко, роль Дара в катастрофе, которая произошла со страной, не есть роль героя Ирана. Это абсолютно ясно просматривается в ответе Тансара и вызвано двумя причинами. Во-первых, Дара был сначала побежден, а затем предан своими приближен-

ными. Даже если позор падает на предателей и цареубийц, все равно царь, которому изменили приближенные во время сражения, а затем убили, не может стать прообразом героя, точно так же, как поведение предателей, даже политически оправданное, не может иметь морального оправдания. Чтобы понять причину возникновения ярлыка «плохого царя», который автор навешивает на Дара, надо обратиться к логике его речи о законности царской власти. Тансар собирается ответить на одно из возражений Гуснапа по поводу своего возможного присоединения к Ардаширу. «Царь Паришвара и Табаристана» удивляется тому, что Ардашир решил не назначать наследника. Тансар отвечает, что, по его мнению, это является доказательством мудрости царя, так как его решение позволило и позволит жить в мире и в покое: «Поскольку назначение преемника есть плохой гарант интересов и царя, и подданных, лучше будет, если не будет известно, кто это». (10а). То же поучение можно обнаружить в «Завещании Ардашира»:

«Назначение наследника — одна из тех вещей, которые вызывают развращение подданных. Возникает следующая испорченность: порождается жгучая неприязнь, противопоставляющая царя наследному принцу. Два человека сталкиваются всего сильнее в том случае, когда один стоит на пути желания другого. Именно это и возникает между царем и наследником трона... И так как, из-за подозрительности, они отдаляются друг от друга, каждый выбирает себе друзей, “приверженцев” и собственное окружение» (стр. 76).

Тансар берет в качестве примера историю Дара, сына Шехеразада, и отца нашего Дара (§ 28—39). Он носил прозвище *Toγulšāh* (значение слова неявлено). Дара-отец был красив, уважаем всеми «от Китая до греческой империи». Однако «Дара, его сын, и их народ до настоящего времени поражали неудачи и бедствия». Поражение персов от «проклятого Александра» приписывается условиям наследования между Дара-отцом и Дара-сыном, а точнее, уверенности второго с самого момента рождения в том, что именно он будет впоследствии сменять своего отца:

«С колыбели и пеленок перед Дара открылись все двери милости, все сокровища отцовской привязанности; слугам была поручена забота о его воспитании, ему дали помощников, так, чтобы едва открыв глаза, он видел себя носителем короны и владыкой. Он думал, что царская власть исходит не из рук Бога, но единственно от личности царя. Он не принял в расчет свои новые задачи и сказал себе: “Царская власть перешла ко мне, как от отца к сыну: солнце и колосья, птица и рыба, все принадлежит мне”».

В этой специфической форме мы видим здесь довод, который не свойствен политическому мышлению Ирана. Напротив, он больше похож на греческое и эллинистическое суждение о соответствующих качествах «царя, сына царя» и «царя, рожденного от простого частного лица», которое излагал еще Платон при обзоре династической персидской истории, где он осуждал Камбиза и Ксеркса, «царей, сыновей царей», выращенных в роскоши, в окружении женщин и двор-

цовых евнухов¹⁴. Также выращенный в пурпуре, почестях и лести, Дара был изначально испорчен целой серией пороков, которые фатально скажутся на его судьбе и судьбе его народа.

Чтобы проиллюстрировать свою речь, автор выводит на сцену двух советников, которые спорят между собой (стр. 36—38). Один, по имени Бири, молодой паж Дара-сына, который, лишенный ясности ума, доверяется своему советнику, чье имя у иранцев стало с тех пор синонимом дурной судьбы. Другой, Растин, секретарь-советник Дара, «поседел в седле, разумен, красноречив, надежен, набожен, хорошо воспитан, справедлив, хороших обычаев, благороден характером и счастлив своей судьбой». Перед лицом множества нападок и прилюдной клеветы со стороны Бири Растин попросил о тайном приеме у Дара-отца: «В эту эпоху не осмеливались говорить царям чистую и простую правду, и высказывали свою мысль путем апологии и различных историй». Растин так и сделал, рассказывая об истории царя обезьян, который, не видя возможности убедить приближенных в угрожающей опасности, предпочел самому оставить царство. Разумеется, опасность, о которой говорил царь обезьян, превратилась в катастрофу для жителей, из чего автор извлекает следующее поучение: «Тот, кто в трудные времена не слушает преданного советника, искусного и опытного, готовит себе конец, полный страданий и сожалений». Обезьяны сожалеют, таким образом — но слишком поздно, — о том, что не последовали советам и уведомлениям «царя, столь умного, пронизательного, умудренного опытом и знаниями, обученного тайнам мира и чудесам неба, наделенного надежным разумом и даром предвидения». Затем Растин разъяснил Дара-отцу смысл этой притчи. Некоторое время спустя Бири умер, «и говорят, что это *Toylsāh* приказал отравить его в доме военачальника».

Затем следует смерть Дара-отца:

«Дара (сын) воссел на отцовский трон, и жители этого мира готовились поздравлять его. Из Индии, Китая, Румии и Палестины, все народы собрались во дворце с подарками, красивыми женщинами и памятными знаками» (§ 37).

Но, увы, «Дара ничего не понимал в политике»:

«Его первой заботой было дать брату Бири должность секретаря. Став всемогущим в правительстве Дара, он, чтобы отомстить за своего брата, доставил царю клеветнические доклады против многих знатных, правителей и владык, которые были товарищами или друзьями Растина. Так как царь был молодым и высокомерным и ничего не понимал в делах, он проявлял себя беспощадным в отношении ошибок, так что его жестокость исказила справедливость повода для разбора и породила ненависть в умах. Исчезло доверие к его словам и делам. Он забросил законы предков и поддерживал нововведения своего отчаянного секретаря» (§ 37).

Таким образом, читатель легко понимает, что происходило в стране перед прибытием Александра:

«Когда стало известно, что на западных границах империи появился Александр, царь впал в необдуманность, самодовольство и не видел очевидного. Когда две армии встретились, часть приближенных перешла к неприятелю, а другая часть договорилась с врагом и убила его. Впоследствии они в этом раскаялись, но сожаления не могли уже возместить совершенное зло» (§ 38).

Зная об этом примере, царь царей (Ардашир) «устанавливает этот закон, согласно которому наследник заранее не назначался».

Таким образом, видно, что наш Дара является прежде всего образом «плохого царя», выросшего на гордыне — неразумный молодой человек, презирающий заветы древних. Когда Ардашир намеревается восстановить иранское могущество, он вспоминает царствование Дара, но не Дара-младшего. Все это сообщение является полностью придуманным; воспоминание как об одном, так и о другом является всего лишь видом *exemplum*, выполненным в форме элогии Ардаширу, который и является настоящим героем истории.

ОТ АЛИКСАНДАРА ДО ИСКАНДЕРА

Построенные на эпическом отображении различных иранских династий с основания мира, средневековые рассказы, летописи и поэмы регулярно вставляют одну или несколько глав о завоевании Ирана Искандером и о дальнейших приключениях. Фигура завоевателя, пришедшего из Македонии (Румия) был подробно изучена, но она продолжает вызывать огромный исследовательский интерес. Было бы абсурдом изучать фигуру Дара, не выделяя параллельно характерных черт, приписанных Искандеру, что я и предлагаю вам на дальнейших страницах. Но мое предложение не состоит в том, чтобы синтезировать информацию по этой — теперь хорошо известной — теме. Скорее я собираюсь начать обсуждение некоторого частного аспекта — фигуры и роли Дара в книгах, опубликованных в Иране приблизительно между IX и XII веками (что не мешает мне обращаться к трудам более позднего времени).

Среди тех, кого можно назвать сказителями о делах давно минувших дней, первым следует упомянуть Динавари, который был персом по происхождению и жил между 894 и 903 годами. Среди приблизительно пятнадцати трудов, которые ему приписываются, один сохранился почти полностью: письменная история ислама, написанная с персидской точки зрения. Среди летописцев следует прежде всего сказать о Табари (839—923) и Таалиби (961—1038).

Табари, «универсальный историк», согласно определению К.Б. Босуорта, написал «Историю пророков и царей», в которой он использовал множество старинных рукописей. Он вел повествование от сотворения мира и пророков, а затем, под видом летописей — до 915 года. Некоторые главы посвящены древним персидским царям, в том числе истории Бахмана и его детей (глава 109), царствованию Дара, сына Бахмана (глава 111), и столкновению между Дара, сыном Дара, и Искандером (глава 113).

Таалиби был автором «Всеобщей истории», опубликованной в 1021 году. Первая часть посвящена персидским царям и составлена в манере, признанной более точной, чем у Табари. Он начинает эту «персидскую историю» с первого

человека, Гайомара, и продолжает до последнего сасанидского царя, Яздгерда. В ней имеется множество легенд об этих царях, а также ссылки на множество апофтегм и афоризмов, извлеченных из сборников ехемтра. Там же обнаруживается извлечение о персидских династиях из «Золотых лужаек» Масуди, основанное на «приверженности персов их традициям, которые они передают из поколения в поколение, от отца к сыну» и начинающееся с Гайомара, первого человека, и заканчивающееся «Дара, сыном Дара, сыном Бахмана, который на древнем персидском языке назывался Дарияуш и был убит после тридцатилетнего царствования, Искандером, сыном Филибуса, македонцем» (XXI). Позднее (около 1110 г.) Ибн Балхи составил обширный труд «Фарс-наме», две трети которого посвящены доисламскому периоду; там достаточно подробно описан сасанидский период, но автор также рассказывает о первых, мифических династиях Ирана, приписывая, например, строительство города Истахра первому царю, Гайомару.

Таалиби пишет свой труд приблизительно в тот же момент, когда Фирдоуси готовит свой монументальный труд — «Книгу царей», которая является одновременно чем-то вроде консервации памяти иранской истории и сборником прототипов идеального монарха. Рожденный в Тусе (на территории древней Парфии) в 939/940 году, Фирдоуси написал свой знаменитый труд «Шах-наме» для султана Махмуда. Он ведет свой эпический рассказ от первого человека до смерти последнего сасанидского царя, Яздгерда III, побежденного армиями халифа Омара. И, естественно, мы вновь находим там уже несколько известных нам персонажей: Бахмана (XVI), которого сменяет дочь-супруга Омаи (XVII), Дара Древнего (также называемого Дараб), историю его сражения с Фейлакусом, с чьей дочерью Нахид он позднее сочетается браком, а затем отвергает ее; рождение Искандера и рождение Дара, сына Дара (XVIII), который вскоре сменяет на троне своего отца и сражается с Искандером (XIX). Затем следует очень длинная глава (XX), посвященная легендарным и волшебным приключениям Искандера, и, наконец, его смерть в Вавилоне.

Среди величайших персидских поэтов надо упомянуть также Низами, рожденного в 1141 и умершего в 1217 году. Он написал пять больших эпических поэм, объединенных в «Пятерицу». Его рассказ о приключениях Искандера («Искандер-наме») явно навеян чтением Фирдоуси, но трактуется достаточно специфически. Он разделен на две части: «Шараф-наме» («Книга чести»), и «Икбал-наме» («Книга мудрости»). Первая часть посвящена рассказу о завоевании, в то время как во второй повествуется об Искандере как о мудреце и пророке, настоящем прототипе идеального правителя и вдохновленного пророка. Таким образом, чтобы правильно оценивать эту литературу, необходимо с самого начала отметить, что борьба между Искандером и Дара занимает там всего несколько разделов или несколько глав. Как и в «Романе об Александре», существенная часть рассказов описывает приключения, которые после смерти Дара приводят Искандера к открытию мира и его чудес, и еще более к познанию себя самого. В дальнейшем эта тенденция будет только усиливаться. Направленная на восхваление мудрости и веры, исламская литература все более и более сворачивает к философскому размышлению и делает из Искандера и из некоторых эпизодов его жизни основу для сборников ехемтра. Таким

образом, в «Книге мудрости Александра» Джамии (закончена в 1484 г.) читатель может ознакомиться с двадцатью семью разделами, каждый из которых содержит небольшой рассказ, сопровождающийся затем длинным философским рассуждением, анекдотом и последним комментарием. Как очень точно заметил Ш.-Н. Фушекур, «Джами сократил историю Александра, чтобы ввести ее в книгу мудрости для принца и его двора»¹⁵. Теперь уже нет связного повествования. Вкус изменился: «Мы не читали истории Искандера и Дара», — сказал поэт Хафиз. Конечно, Джамии является этапным автором в литературной и интеллектуальной эволюции, но ведь представляющие собой связное повествование произведения его великих предшественников, Фирдоуси, и еще в большей степени Низами, также были книгами, полными великой мудрости и советов, предназначенными для того, чтобы определить, что есть хорошая царская власть. История Искандера и Дара всегда являлась источником нравоучительных примеров, так как, воспользовавшись словами Масуди (XXI, стр. 102), «общество может жить только под эгидой царя, который руководит им и навязывает ему соблюдение справедливости и повиновения законам, продиктованным разумом».

БРАТ, ВРАГ, ГЕРОЙ

От сасанидской эпохи до исламского периода образ Дара рассматривается в противопоставлении фигуре Александра, но, трансформируясь от Аликсандара в Искандера, образ Александра в персидской и арабо-персидской литературе кардинально изменяется. В частности, уже давно подчеркивалось, что, в противоположность тому, чем он является в пехлевийской традиции, образ Искандера является в целом положительным, так как он превращается в героя Ирана. Вот, например, как Низами, мусульманин и поэт, представляет этот персонаж:

«Когда я бродил по лабиринту истории, чтобы найти героя для моей книги, внезапно передо мной появился образ Искандера, который не позволил отодвинуть себя в сторону. Это был правитель, который с одинаковой доблестью мог носить как меч, так и корону: некоторые называют его владыкой трона, победителем империй, другие хвалят его мудрость и справедливое царствование, третьи считают его пророком из-за его чистоты и его набожности. Этим мудрецом были посажены три ростка, и я хотел бы вырастить дерево. Вначале я буду говорить о царской власти и о завоеваниях, затем я украшу свои слова мудростью, описывая его древние битвы, и в конце я ударю в двери пророчества, так как сам Бог называет его одним из пророков»¹⁶ (Шараф-наме).

Но помимо того что произведение Низами является, бесспорно, необычным для персидских культурных и литературных традиций, реальное противопоставление между пехлевийскими и персидскими и арабо-персидскими легендами не заходит слишком далеко. Имеется также и взаимное дополнение легенд. Можно предположить, что «Роман об Александре» был переведен и адаптирован еще в сасанидскую эпоху, и тогда же включен в первую «Книгу

царей» — «Квадай-наме», которая считается прототипом «Шах-наме» исламской эпохи. Возможно, что именно на эту письменную традицию ссылается сам Фирдоуси в предисловии:

«Есть древняя книга, в которой было написано много историй. Все мобеда имели какую-то ее часть, каждый умный человек носил с собой ее фрагмент. Был дворянин (пехлеван¹⁷), из семьи декхан¹⁸, храбрый и могучий, очень умный и весьма известный; он любил разыскивать факты о жизни древних царей и собирать рассказы прошлого. Он приказал привести из-каждой провинции старого мобеда, и собрал воедино все части этой книги; так стало известно о происхождении царей и известных воинов, и то, как они организовали мир и народ в самом начале».

Затем молодой человек, Дакики, наделенный особыми дарованиями, начал объединять легенды в книге, но он был убит «и его поэма не была закончена». Однажды друг Фирдоуси сказал ему: «Я принесу тебе книгу на пехлеви. Не зевай! У тебя есть дар слова, ты молод, ты умеешь создать героический рассказ. Расскажи снова эту книгу царей и обрети благодаря ей славу у великих. Затем он принес и положил передо мной эту книгу». Фирдоуси любит цитировать «книгу декхан». Но была ли у автора на самом деле книга на пехлеви, или это была хитрая литературная уловка, встречавшаяся уже множество раз, позволяющая придать дух подлинности своим рассказам? Об этом мы еще много раз будем говорить, поскольку в труде постоянно видны следы изустной передачи. Что бы там ни было, «Книга царей» Фирдоуси не является, разумеется, первой книгой такого рода, даже если она и стала наиболее впечатляющей и наиболее законченной.

Нет никакого сомнения в том, что версии, переданные пехлевиийскими источниками, не были утеряны. В главе «Фарс-наме», которую Ибн Балхи посвятил «Дара Великому, сыну Бахмана», узнаем, что «у Дара был визирь по имени Рештан, разумный, осторожный и сведущий». Речь идет, по всей видимости, о том же персонаже, который представлен в «Письме Тансара» под именем Растин. Со своей стороны, Масуди знал о существовании «Кар-наме» Ардашира, «в которой царь сам рассказывал о своих войнах, своих походах и обо всем том, что касается его царствования». Он ссылается также на «Завещание Ардашира» (XXIV, стр. 162). В средневековой литературе дворец Дара расположен в Истахре, который был выстроен рядом с Персеполем и стал столицей сасанидских царей. Эту столицу Фирдоуси считает «славой страны персов» и «диадемой царей и славой Фарса» (19, 195; 250). Именно там Дара встает во главе своих армий, и туда он приходит укрыться после своих поражений. Именно туда приходит Искандер праздновать свой триумф и, торжествуя, «возлагает на свою голову знаменитый венец кейанидов» (19, 456—457). Таким образом, Дара отнесен к наиболее известному и наиболее близкому к автору сасанидскому периоду.

Некоторые черты сасанидского Аликсандара встречаются в персидском и арабо-персидском Искандере¹⁹. В книге Фирдоуси Искандер также появляется как разрушитель иранских традиций, сближаясь с двумя другими зловредными

царями иранской истории, Заххаком и Афросиабом (глава 43, стих 873—874). В письме римскому императору, приписываемом поэтом сасанидскому царю Хосрову Парвизу, он также осуждается «как старый волк, жадный до мести» (глава 21, стих 646—651). Еще более значимыми являются слова, приписанные Дара после поражения: «Руми [Искандер] стал Заххаком, а мы — Джамшидом» (19, стих 212—213). Дара идентифицировался таким образом с Джамшидом, который, хотя и был впоследствии испорчен гордыней, все же был великим царем-героем: он принес своему народу мир, и он был свергнут с престола чудовищным узурпатором Заххаком, в царствование которого «обычай порядочных людей исчезли и исполнились желания злых» (5, стих 1—2). Невозможно представить себе более резкое осуждение захватчика, пришедшего разрушить иранские основы царской власти и общества.

У Табари «Искандер приказал собрать всех персидских мудрецов, заставил их объединить все их мудрые книги и приказал скопировать их и перевести на греческий язык; затем, он отослал их в Грецию Аристотелю, самому великому из разумных греков» (стр. 516). У Талиби Александр, совсем напротив, совершает отвратительные деяния, о которых много говорилось в пехлевийской литературе. Вопреки последним желаниям, выраженным Дара, Искандер «отдал приказ погубить храмы огнем; он убил магов, которые служили в этих храмах, и сжег книги Зардушт, которые были написаны золотыми чернилами. Он не оставил стоять в Ираке, в Фарсе и в других провинциях Эрансара ни одного красивого памятника, ни одной прочной крепости, ни одного высокого замка» (стр. 414). Об этих разрушениях также свидетельствует Табари, который добавляет, что Искандер «приказал уничтожить сборники административных актов Дара» (стр. 517). Согласно Низами, именно в момент, когда Искандер отказывается платить дань Дара, он клянется в том, что погубит храмы огнем, как если бы с этой минуты он стал верным слугой единого Бога. Естественно, подобные решения Низами относит в плюс Искандеру: недовольный разрушением мест древних суеверий, Искандер уничтожает праздник Нового года (Навруз), он оказывается новообращенным истинной веры и побуждает народ жить на путях к Богу, постановляя также, что все женщины должны отныне закрывать вуалью свое лицо.

У этих авторов мы также обнаруживаем изображение завоевателя, принимающего все меры для того, чтобы помешать любому возвращению единой иранской монархии. Давайте вначале процитируем Табари:

«В каждом городе был поставлен глава города в качестве управляющего и царя, так, чтобы они были совершенно независимы и чтобы не было единого высшего царя, который мог бы выступить против врага, и чтобы эти царства гибли быстрее, разрушаясь одно за другим... Эти “цари провинций” существовали в течение четырехсот лет» (стр. 517).

Таалиби использует почти идентичные выражения, а Низами уточняет, что именно вследствие совета Аристотеля (Аристалис) Искандер разделил власть между множеством мелких царьков. У Фирдоуси Искандер следует советам Аристотеля, уже будучи при смерти. Вместо того чтобы казнить последних предста-

вителей кейанидов, как планировал Искандер вначале, Аристотель советует сохранить им жизнь и распределить между ними власть и территории:

«Каждому назначили место согласно его рангу, и он составил акт, которым каждый обязывался не увеличить, даже ненамного, то, что ему оставили. Каждому из этих дворян дали то, что он так желал — наименование царей племен... Таким образом, прошли двести лет, во время которых, можно сказать, на этой земле не было царя. Цари племен не обращали друг на друга никакого внимания, и земля воспользовалась долгим отдыхом. И это произошло согласно плану, который составил Искандер, чтобы благополучие Румии не подвергалось опасности» (21, стих 45—52).

Основываясь на словах «некоторых историков, которые изучали некоторые вопросы Античности», Масуди объясняет таким образом происхождение тех, кого он называет «главами сатрапий»:

«Каждый управляющий захватил провинцию, которая ему была поручена. Александр начал переписку с этими управляющими, среди которых одни были персами, а другие — набатейцами или арабами. Его политика имела целью разъединить их и изолировать, поощряя местную узурпацию, чтобы империя оставалась во власти анархии и не могла консолидироваться, в результате чего он пользовался бы властью единственного и абсолютного царя» (XXII, стр. 133).

Настойчивость, с которой эту эволюцию страны приписывают Искандеру (по совету Аристотеля), происходит оттого, что, как и сасанидские источники, эта литература придает огромное значение произведению Ардашира. Именно ему приписано восстановление страны: победа над Ардаваном и «подчинение сатрапов обеспечило единство и стабильность власти» (Масуди XXII, стр. 135). Это Ардашир «отобрал персидскую империю у местных царьков» [Табари, стр. 517]. Они царили до тех пор, пока Ардашир, сын Папака, не стал царем вселенной» (Таалиби, стр. 416). Глава 21, которую Фирдоуси посвятил аршакидской династии, по большей части повествует о происхождении Ардашира, его семейным связям с Дара — через Сасана, сына последнего кейанидского царя, — его чудесных приключениях и победе над Ардаваном. Следующая глава полностью посвящена его царствованию, история которого подчинена ритму апофтегмы и ехетрпа, и отмечена рождением и воспитанием сменившего его сына Шапура (глава 22). Главы 23—50 ведут читателя к последнему представителю рода Ардашира, Яздгерду III.

В то же время между различными легендами имеются и существенные различия. Давайте снова обратимся к Динавари. Автор вспоминает отдельные эпизоды царствования Дара, сына Бахмана. Отец нашего Дара вел войну против Филиппа из Румии (Македония), одержал победу и навязал свое подчинение Македонии: «Филипп должен быть платить каждый год дань в сто тысяч золотых яиц (каждое весом в одну сотню мискалей [500 грамм])». Даже если «Роман об Александре» ничего не рассказывает об успешном походе персидского

царя против Македонии, о обязательной дани нам уже известно. Посольство находит Филиппа, чтобы потребовать у него выплаты дани «в виде ста золотых самородков весом в двадцать ливров»; именно в этом случае в первый раз Александр напрямую вмешивается и отправляет послов к их хозяину Дарию, отказываясь выплатить вышеупомянутую дань (1.23.2—5).

Напротив, у продолжения рассказа Динавари нет никакой параллели с греческой легендой об Александре: «Кроме того, Дара [отец] взял в жены дочь царя Румии и вернулся оттуда в Иран». Затем автор рассказывает историю этого ирано-македонского брака: недовольный дурным запахом изо рта жены, Дара отправляет ее к отцу. Она была беременной и вскоре родила того, кто будет известен под именем Искандер. Затем у Дара был сын от иранской царевны; это был наш Дара, сын Дара. Эту историю можно обнаружить практически у всех авторов. В главе 18, которую Фирдоуси посвящает Дара (Дарабу), этот последний требует от Фейлакуса отдать за него свою дочь, которая, что интересно, носит красивое иранское имя Нахид. Утром, которое следует за их первой ночью любви, Дара (Дараб) отвращен зловонным запахом, которым ему приходится дышать, когда он хочет обнять жену:

«Он отослал ее к ее отцу; она была беременной от него, но она никому ничего об этом не сказала... Затем она родила сына, подобного блестящей луне; мать назвала его Искандер... Цезарь сказал всем великим, что родился Цезарь его расы, и никто не произнес имени Дара; Искандер слыл сыном и Цезарем ее отца, так как Фейлакус стыдился признаться в том, что Дара отверг его дочь... Дара сочетался браком с другой женщиной, когда Нахид вернулась к своему отцу; у него родился другой сын, полный сил и величия, но моложе первого на один год. Ему дали, в день его рождения, имя Дара» (глава 18, стих 90—128).

Очень широко распространенная в исламском Иране идея о частично местном происхождении Александра отсутствует в пехлевийских легендах, и, кроме того, в «Романе об Александре» и в арабо-персидских легендах она представлена совершенно иначе. В «Романе» Александр является плодом тайного союза между македонской царицей Олимпией, женой Филиппа, и египетского фараона Нектанеба. В арабо-персидской традиции Искандер — плод династического брака между Дара, сыном Бахмана, и дочерью Филиппа Македонского; в романизированной версии «Дараб-наме» Абу Тахера Тарсуси (XII в.) у Искандера даже двойное иранское происхождение, так как Филипп, его дедушка, считается потомком мифического царя Ферудуна! Иранское происхождение Искандера придает особенный тон его столкновению с Дара, а затем сцене братского признания умирающего Дара, и придает Искандеру совершенно необычное место в иранской истории: «Став царем, Искандер счел своей высшей целью завоевание страны своего отца Дара, сына Бахмана, и поэтому пошел на страну своего брата и, чтобы забрать себе власть, он сражался со своим братом» (Динавари). Смысл этого изобретения вполне ясен: «Иран может скорее гордиться тем, что породил завоевателя мира, чем огорчаться тому, что подчинился ему»²⁰.

Однако давайте подчеркнем, что эта история не была всеми принята с одинаковой благосклонностью. Тот же Динавари уточняет, что «ученые Румии не принимали такого толкования и думали, что Искандер был на самом деле сыном Филиппа». Масуди считает, что Искандер действительно «сын Филиппа», и констатирует наличие некоторых гипотез, которые заставляют возвести род Александра либо к Ною, либо к Аврааму (XXII, стр. 133; XXV, стр. 248). Со своей стороны, Таалиби (стр. 399) и Динавари (стр. 31) настаивают на разногласиях между историками по поводу личности Искандера и, упомянув о его корнях, выступают с идентичным заявлением: «Персы утверждают, что Искандер был сыном Дара Древнего». Что касается Низами, то он приводит три версии. Одна состоит в том, что Искандер является персидским царем через дочь Филиппа. Другая вписывается в хорошо известную схему — схему найденыша: во время охоты Филипп обнаружил младенца, сосущего большой палец около тела недавно скончавшейся женщины; он приказал взять его ко двору, а затем признал его и сделал его своим наследником²¹. Но сам Низами принимает третью версию: он считает, что в действительности Александр был сыном Филиппа и придворной дамы. У Низами, вопреки мнению Фирдоуси, если Александр и представлен как герой, то не в качестве героя Ирана, а как герой ислама. Для этого Низами не нужно было обосновывать его биологическую связь с Ираном: напротив, иностранное происхождение героя с особой силой демонстрировало универсальность религии Пророка.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Кем бы ни казался Дара перед лицом «демонизированного» Аликсандара или «героизированного» Искандера, память о нем все равно страдает от груза ответственности за приписываемое ему поражение Ирана.

Вопреки греко-римским текстам, персидские и арабо-персидские тексты почти совершенно не интересуются военным аспектом, за исключением нескольких литературных, крайне малоинформативных эпизодов. Авторам нравится настаивать на неслыханном числе солдат и того и другого царя. Речь может идти о зашифрованных уточнениях, столь же экстравагантных, как и те, которые мы находим у греко-римских авторов²², или поэтических и метафорических выражениях: «Искандер привел из Румии в Миср [Египет] такую армию, что муравьи и мухи не могли пересечь ее ряды» (Фирдоуси, 19, стих 55—56). Что касается Дара, узнающего о приближении его противника, «он вывел из Истахра армию, такую, что копья мешали полету ветра... Это были две бесчисленные армии» (стих 67, 154). У армии, которую вел Искандер на третью битву, «не было ни середины ни конца»; навстречу ему «Дара ведет армию, такую, что земля с трудом несет ее, и солнце задерживало свой бег» (стих 221—224). Отправив Искандеру кунжутный шарик, Дара внушал ему таким образом, что «он повел в поход столь многочисленное войско, как множество мелких зерен кунжута» (Таалиби, стр. 403).

Стратегия каждой из сторон нигде не упоминается достаточно точно, количество и локализация сражений очень неопределенны и неустойчивы. Динавари сообщает о том, что происходило множество боев, но он не дает никаких

описаний сражений. Табари (стр. 514) и Таалиби (стр. 408) констатируют единственное сражение, которое произошло около Мосула — «между Ираком и Сирией», после того, как две армии противостояли лицом к лицу в течение месяца (Табари), или «на берегах Евфрата... Оно длилось целую неделю» (Таалиби). Низами просто упоминает два сражения, длившиеся подряд два дня, констатируя отвагу царей.

И здесь и там ощущается эхо греко-римских традиций. Динавари так описывает путь царской армии: «Когда новость достигла ушей Дара, сына Дара, он поместил жен, детей и сокровища в крепости Хамадан, которую он сам заложил» — выражение, которое можно считать отдаленным и деформированным эхом оставления казны Дария в Дамаске. В то время как две армии сражаются на берегах Евфрата, Александр получает совет «застать врага врасплох ночной атакой». Он ответил: «Ночная атака есть разбой, а разбой не к лицу царям»; выражение, использованное здесь Талиби (стр. 408) довольно точно напоминают реплику Александра по отношению к совету Пармениона накануне сражения при Гавгамелах²³. Более близкий к тексту «Романа», Фирдоуси описывает первое сражение, происходившее на правом берегу Евфрата: «В течение семи дней герои, полные ярости, сражались лицом к лицу», а затем «Дара, владыка мира, обратил спину» и пересек Евфрат, оставляя множество своих солдат на истребление врагу (стих 150—174). Второе сражение происходило в том же месте, и после трех дней напряженных боев «Дара, который гордился владением миром, оставил поле битвы, полный боли». Затем он возвращается в Истахр, «который был славой страны персов», где пытается повторно собрать армию. Это третье поражение персов и бегство Дария в Кирман. Обращаясь к своему царю, вельможи описывают размах катастрофы в следующих терминах:

«Все женщины, прятавшие лицо в твоём дворце, которые волновались за твою жизнь, все сокровища твоих могучих предков, которые находились в твоём беспорочном владении, все дочери вельмож, все богатства кейанидов — все теперь в руках румийца» (стих 254—255).

Затем происходит отправка письма, в котором Дара предлагает обменять «семью, женщин, лицо которых спрятано, и детей» на сокровища, которые достались ему от кейанидских предков Гистаспа и Исфандиара. Ответ Искандера благоприятен, при условии что Дара придет к нему собственной персоной и по своей воле в Истахр, «диадему царей и славу Фарса», который румиец захватил (стих 265—290). Огорченный Дара просит помощи у Фура (Пор). Узнав об этом, Искандер снова переходит в наступление во главе армии, «такой, что солнце заблудилось на небе». Это катастрофа:

«Дара привел свою армию, армию без желания бороться, с разбитым сердцем и утомленную войной; состояние иранцев ухудшалось. Они атаковали румийца, но в этот день яростные львы вели себя как лисы. Вельможи просили пощады и почетного плена. Они пали. Дара, видя это, повернулся и побегал, исторгая жалобы; его сопровождали триста всадников, войско, составленное из наилучших воинов Ирана» (стих 305—315).

ДАРА И ПРИБЛИЖЕННЫЕ: ТЕМА ИЗМЕНЫ

В продолжении Фирдоуси рассказывает об измене двух министров, приближенных к Дара, которое приведет к убийству царя. Эти два предателя²⁴, Махияр и Джанусипар, были один советником, а другой — казначеем, и стояли один по правую сторону, а другой — по левую сторону от царя. Понимая, что положение отчаянное, они решились убить царя и поторговаться о цене своего деяния с Искандером. И вот что они сделали: «Стемнело... Джанусипар схватил кинжал и ударил в грудь своего господина: голова великого царя упала, и весь эс-корт покинул его» (стих 323—325). Затем оба убийцы идут искать Искандера и приводят его к Дара, который еще не умер от ран...

Отложив географическую локализацию (Мидия в «Романе», Персия — у арабо-персидских авторов), сцена, рассказанная Фирдоуси, ясно навеяна соответствующим пассажем из «Романа об Александре». Узнав от «человека Дария, который был рядом с ним», что Великий царь послал письмо Пору, «царю индийцев», Александр, находившийся в Персии после своей победы над Дарием, снова переходит в наступление в Мидии: «Он узнал, что Дарий находится в Батане, около Каспийских Ворот, и принялся преследовать его яростно и более решительно». Вскоре Великому царю изменили «двое его сатрапов, Бесс и Ариобазан», в которых мы легко узнаем двух руководителей заговора, о которых рассказывают греко-римские историки: Бесс, сатрап Бактрианы, и Набарзан, хилиарх. «Два предателя сказали друг другу: “Если мы устраним Дария, то мы получим от Александра, за то что мы устранили его врага, многие богатства”. Тогда, приняв это злое решение, они бросились, с оружием в руках, против Дария... Они нанесли ему смертельные удары... Узнав о прибытии Александра, они бежали, оставив Дария в агонии» (II.20).

Эта версия скорее доброжелательна к памяти Великого царя. С другой стороны, «Роман» подчеркивает физическое мужество Дария, который яростно защищается против атаки двух предателей-сатрапов:

«Защищаясь обеими руками, Дарий сдерживал с левой стороны Бесса, даже после того, как тот нанес ему удар в колени и в низ живота, и сдерживал справа Ариобазана, не давая ему нанести удар мечом. Их удары все же достигали его с обеих сторон. Преступники, не сумев его убить, теперь сражались с ним, потому что Дарий был очень сильным» (II.20.3).

К тому же у автора «Шах-наме» измена была единичной. Конечно, Фирдоуси не упустил возможности подчеркнуть, что во время последнего сражения солдаты Дара потеряли веру в будущее и что «вельможи не сражались, а только просили пощады». Эта пощада могла исходить только от Искандера, про которого, без сомнения, знали, что в результате своей второй победы он обещал жизнь и безопасность тем, кто сдавался по доброй воле: «Жители Ирака успокоились и все перешли к румийцу» (стих 185—190). Но в целом персидские дворяне сохраняли до этого момента свою верность царю, даже при столь печальных обстоятельствах. Оба предателя, похоже, не смогли найти и завербовать других заговорщиков.

Иранская традиция упорно развивает тему о прекращении законности царской власти Дара: царю изменили и он был побежден потому, что он не придерживался образа действий хорошего царя. Измена в меньшей степени вызвана личными пороками подчиненных Дара, а в большей — невниманием царя по отношению к своим приближенным. Так сказать, неправильное отправление царской власти несколько уравнивает тяжесть греха измены. Те, кто оставил Дара, признают также мужество царя Искандера.

Даже у Фирдоуси осуждение Дара начинается с момента его воцарения. Фирдоуси осуждает его высокомерие и авторитарность: «Это был молодой, суровый и гневливый человек; его язык был острее его меча». Первое письмо, которое он посылает подвластным ему людям, также звучит очень жестко: «Если кто-то пойдет против моего желания и выйдет из-под моей власти, он увидит, как я снимаю головы. Повинуйтесь же моим приказам, как отнимая жизнь у других, так и сохраняя свою собственную» (глава 19, стих 1—15). То же у Динавари: «Когда бразды правления страной попали в руки Дара, сына Дара, он пошел по пути угнетения, гордыни и излишества, и писал управляющим своей страны: “От имени Дара, сына Дара, который, как солнце, сияет над жителями своей страны”».

С этой точки зрения заметен огромный контраст с его отцом Дарабом. Известная Фирдоуси и множеству других авторов легенда о царе Дарабе похожа на одну из легенд о Кире Великом. Его матерью была Омаи, вдова Бахмана Ардашира. Она стремилась, прежде всего, добиться для себя царской власти. Она оставила ребенка сразу после рождения и поручила его «кормилице, свободной по происхождению, набожной, скромной и красивой женщине». Когда ее спрашивали, она отвечала, что «ее сын умер». Затем она приказала плотнику построить деревянную коробку, которая была пущена по водам Евфрата: ребенку надели на палец драгоценный камень, и вместе с ним в короб было положено письмо. Вскоре его подобрала пара прачек (или мельников), которая недавно потеряла ребенка, и они стали его приемными родителями, в результате чего «он стал благородным и сильным молодым человеком». Затем, после описания множества приключений, следует сцена признания матерью своего сына. Хомаи усадила Дараба на золотом троне «и возложила царский венец на голову своего сына». Завоеватель Румии, которую он заставляет платить подать, и отец (тайный) Искандера, он единогласно признан царем. Он одновременно считается справедливым, гуманным и могучим царем, и именно такой его образ дошел до потомства. Известен единственный труд под названием «Дараб-наме», приписываемый Абу Тахеру Таруси, где этот Дарий носит прозвище Дараб Древний: треть романа посвящена ему, а в остальной части рассказывается о приключениях Искандера, а также о событиях жизни Буран-Дохт, дочери Дара Младшего: этот персонаж, напротив, очень неприметный. И когда Саади выводит на своих станицах монархического ехемплум «Бустан» (стр. 35—46) персонажа по имени «Дара, знаменитый царь», похоже, что это скорее изображение отца, чем образ противника Искандера.

Единственная слабость Дара Древнего — без сомнения, неумеренная, и потому малоразумная, — любовь к своему сыну. По этой же причине он дал отпрыску свое имя (Таалиби, стр. 399; Табари, стр. 511). Все указывает на то, что у

молодого царя нет качеств отца. Именно этому, согласно сасанидским рукописям²⁵, Ибн Балхи и приписывает фатальные изменения в отправлении царской власти. Ибн Балхи повторяет историю царских советников, Растина и Бири, такой, какой она была изображена в «Письме Тансара». В этом тексте измена, решившая исход событий, произошла во время сражения между двумя царями, но о ней говорится с самых первых строк: «Группа дворян из окружения царя воспользовалась хитростью и плутовством, чтобы отрезать ему голову и поднести ее Аликсандару... Некоторые [приближенные Дара] оставили его, другие пытались заключить соглашение с врагом, третьи, наконец, поспешили пойти против своего царя и убили его» (§1, 38). Вот как описывает события Ибн Балхи:

«Когда Дара Великий выехал оттуда, он поручил царство своему сыну; и этот Дара, сын Дара, почувствовал злобу по отношению к визирю своего отца, Рештану, по следующей причине: имелся мальчик по имени Бири, того же возраста, что и Дара, которого последний очень любил; и этот Бири был в плохих отношениях с визирем отца Дара, который замыслил убить его. И вот визирь дал яд Бири и убил его. Дара, сын Дара, узнал об этом, и мысль о мести угнездилась в его сердце; и визирь его отца начал ненавидеть Дара. Страшась в глубине души, визирь объединился с Искандером-Румийцем и восстановил того против Дара, сына Дара. Причина неэффективности действий Дара лежит в беспорядке [вызванном действиями] этого визиря. Дара, сын Дара передал визирство брату Бири, который был человеком глупым и несправедливым. Дара, сын Дара, выказал себя плохим царем, а визирь доказал свою недоброжелательность по отношению к армии и к подданным, до такой степени, что приказал убить некоторое количество известных людей в собственной армии и навязал конфискации благородным людям. Все в государстве стали недовольны его правлением, и, когда в страну прибыл Александр-румиец, большая часть этих людей попросила его о милости и перешла на его сторону».

Отношения, которые Дара поддерживает со своими советниками, являются также основой повествования Низами, в котором Искандер противопоставляется своему противнику²⁶. Автор также уточняет вначале, что ввиду жестокости Дара ненавидели все его подданные, которые только и мечтали о том, чтобы увидеть, как он оставляет трон. Он объясняет причины такой конфликтной ситуации. Как в «Романе об Александре», Дара упрекает Александра за его молодость, обращаясь с ним, как с «малым ребенком с еще незрелым разумом», в то время как они одного возраста. Противопоставление, выписанное Низами, показывает поведение одного и другого царя на фоне древних. Дара не слушает Фарibuза, «старого мудрого человека», который советовал ему не вступать в бой и избежать катастрофической войны: лучше было немедленно заключить перемирие, чтобы получить передышку. Царь пренебрегает советом и относится к советнику как к «слабоумному старику». Напротив, после своей победы Искандер окружает Фарibuза знаками уважения. Прежде чем получать объяснения, он лишь упрекает Фарibuза за то, что тот не дал хороших советов Дара, доказывая тем самым свои способности стать хорошим царем Ирана, лучшим, чем был Дара.

Таалиби говорил все то же самое в еще более жестком тоне:

«Когда он сменил своего отца, он был в той поре молодости, когда не слушают советов и совершают множество ошибок... Он стал надменным, спесивым и самоуверенным, он пролил много крови и всячески терроризировал невиновных; он оскорблял своих военачальников и своих подданных и не сделал ничего достойного царя. Поэтому подданные, хоть и посылали ему подати, относились к нему крайне враждебно» (стр. 402—403).

Что касается Табари, он еще строже оценивает царя, так как недовольства, вызванные поведением царя, побуждают Искандера перейти в наступление:

«Этот Дара был плохим царем по отношению как к своим подданным, так и по отношению к армии; он отдал множество своих солдат в рабство и приказывал убивать их. Огромное число своих подданных относилось к нему весьма враждебно и пыталось освободиться от него... Когда Александр узнал, что подданные Дара к нему были враждебны и пытались освободиться от него, и что если бы чужестранный царь атаковал бы это царство, жители охотно приняли бы это, и что у Дара не осталось сил, он решился атаковать царство Дара. Прежде всего он перестал выплачивать дань Дара» (стр. 513).

Рассказы, неблагоприятно описывающие Дария/ Дара, также не создают и положительного образа Искандера. Вопреки сцене, много раз проиллюстрированной в «Романе», Искандер не отталкивает систематических предложений персов о сотрудничестве. Это хорошо видно у Таалиби:

«Потери Дара были вызваны неприязнью, которую испытывали к нему его офицеры, которые изменили ему, прекратив серьезно сражаться. Двое из его камергеров, люди Хамадана, доставили Искандеру послание и обязались убить Дара на поле битвы. Александр обещал щедро наградить их вещами и прочими богатствами, если бы они выполнили то, что предлагали. В то время как обе армии возобновили бой и битва была в самом разгаре, и Дара, стоявший в центре, все свое внимание обращал на врага, а не на собственных людей. Смерть застигла его с той стороны, где он был уверен в своей безопасности; внезапно двое камергеров Хамадана ударили копьями ничего не подозревавшего Дара и поразили его двумя ударами копья; смертельно раненный, он упал с коня. В самом сердце армии разнеслись крики. Среди союзников также была полная неясность: одни бежали, другие сдавались, прося пощады. Александр, проинформированный о том, что случилось с Дара, побежал с несколькими людьми из своей свиты к тому месту, куда он упал» (стр. 408—409).

То же самое описано и в «Дараб-наме» Абу Тахера Тарсуси. После первого сражения некий человек прибывает в лагерь Искандера и сообщает ему, что два эмира Дара, по имени Махияр и Джанусипар (как у Фирдоуси), «решили отойти от Дара и задумали убить его». Посланец пришел предложить Искандеру убить

Дара во время сражения. Восхищенный предложением, Искандер подарил посланнику драгоценный камень. На следующий день, во время сражения, двое эмира пронзили Дара.

Получается, что Искандер сам порождает измену. Чаще всего говорится, что причиной этого является трудность одержания победы на поле битвы. У Табари именно Искандер спрашивает у дезертиров, пришедших в лагерь ввиду «дурного обращения и насильственных действий Дара»:

«Искандер спросил у дезертиров, кто в армии Дара находится всего ближе к нему? Они ответили: “У Дара два камергера, которые находятся рядом с ним. Они оба настроены против него из-за множества его жестоких поступков”. Искандер тайно послал кого-то к ним и посулил им большие богатства, если они убьют Дара. Оба камергера согласились на это предложение и согласились убить его в день боя, когда он будет сидеть верхом на коне. Затем Искандер назначил день сражения» (стр. 514—515).

Продолжение рассказа не слишком похвально для Искандера. Атакованный во время боя «воином персидский армии», царь «выглядел очень испуганным». Кроме того, видя, что оба камергера не выполнили своего обещания, Искандер, согласно Табари, был готов отказаться от завоевания: «Он подумал, что они раскаялись: решили примириться со своим царем и вернуться к нему... Дара, со своей стороны, опасаясь армии Александра, также имел намерение заключить мир». Но, подталкиваемый своими камергерами, персидский царь снова идет в бой, что удивляет и пугает Искандера до паники. Искандер видит внезапно армию Дара, которая атакует его... Он испугался и хотел убежать. И в это время двое камергеров ударили Дара сзади: «Они направились в лагерь Александра и сообщили ему, что они вывели Дара из строя и что армия бежит» (стр. 514—515).

Ибн Балхи также подчеркивает неспособность Искандера одержать верх и решающую роль предателей:

«Тем не менее война между ними длилась целый год, и Дара мешал Искандеру продвигаться до тех пор, пока двое людей Хамадана не всадили свои мечи в тело Дара прямо во время сражения и не перебежали в армию Искандера».

Связь причины со следствием еще яснее обозначена у Динавари:

«Дара и Александр вели многочисленные бои, но ни в одном из них Александр не одержал убедительной победы. Вследствие этого Александр тайно подбил двух людей из Хамадана, которые были доверенными лицами во дворе и личными охранниками Дара, убить его. Эти двое людей совершили измену и убили Дара на поле битвы — они внезапно атаковали Дара сзади и ударили его насмерть. Это событие вызвало рассеивание армии Дара».

Не отрицая сделки между Искандером и министрами Дара, Низами, напротив, намерен оправдать Искандера. Согласно его мнению, после первого сражения, особо кровавого и не приведшего ни к чьему перевесу, на следующую

ночь двое высших должностных лиц Дара пришли секретно побеседовать с Искандером, предлагая ему убить своего царя. Их предложение оскорбило Искандера, который не понимал, как можно использовать такие методы. Тем не менее он поразмыслил и в конце концов дал на это свое согласие. Зачем? Он решил прекратить войну, в ходе которой было пролито столько крови²⁷. В ходе сражения на следующий день эти двое министров убили Дара. И лишь тогда Искандер пожалел о своем решении и решил наказать убийц²⁸.

Большая часть других авторов подтверждает, вслед за Низами, что Искандер тотчас же раскаялся, и, чтобы поддержать связанность повествования, они позволяют ему выступить с речью о честности и прямоте возле умирающего Дара²⁹. Но при этом они решили не преувеличивать чрезмерно военные успехи Искандера и даже обесценивали ее, так как, согласно этим авторам, он никогда не победил бы Дара без соглашения с предателями; дважды подчеркивая, что Искандер испуган боем и что он подумывает о том, чтобы бежать, Табари создает уничижительный образ победителя, подобный тому, который греко-римские источники создали из Дария. Эта двойственность демонстрирует трудность, в полный рост вставшую перед персидскими и арабо-персидскими авторами, которым необходимо совместить несовместимое: объяснить поражение, не ударяя по иранской гордости и не включая Александра в историю Ирана, держа его на должной дистанции. Низами разрешил это противоречие, сделав из Искандера героя ислама, озабоченного тем, чтобы не проливать кровь, и сожалеющего, хоть и задним числом, о том, что ему пришлось воспользоваться предательством.

Видны разночтения в «Романе» с персидской и арабо-персидской традицией. Конечно, уже в «Романе» осуждалось высокомерие Дария, не только по отношению к Александру, которого персидский царь презирает за его молодость, а также — и главным образом, — по отношению к персидским высокопоставленным лицам. С самого начала там введена тема измены. Первые же послы Дария, которые прибыли, чтобы принести письмо царя с требованием уплаты дани, делают предложение Александру: «Они решили рассказать Александру, как хитростью захватить Дария, объявив ему войну». Александр ответил им отказом (I.37.7—8). Позже, после второго поражения, сатрап Дария пришел к Александру и предложил ему захватить Дария. Предложение снова было отклонено македонским царем, который утверждает, что он нисколько не доверяет человеку, готовому изменять своим (II.10.1—2).

В той же мере эпизод измены двух министров был заимствован в «Романе» (II.9.6—9), но он преобразован так, что рассматривался в ущерб Искандеру. В «Романе» именно Дарий осуждался за то, что он предложил убить Александра человеку, «которому обещал одну из областей своего царства и свою дочь в жены»; и, в завершение, Александр, собрав перед собой своих солдат, сообщает им извлеченный из данного эпизода урок: «Македонские воины, вот насколько смелыми должны быть солдаты перед битвой!» К тому же, если Бесс и Ариобазан надеются на вознаграждение от Александра, то нет никакого упоминания о проводившейся сделке с македонским лагерем (II.20.1). После смерти Дария Александр утверждает, что ничего не знает об убийцах, и, если он и приказал провозгласить о том, что наградит их, то это было лишь хитростью,

чтобы они пришли к нему и он бы мог убить их; что, очевидно, и было сделано (II.21.7—11). И снова автор вкладывает в уста Александру реплику, которая может быть использована против обвинений, которые, вполне вероятно, высказывались против него. Царь утверждает, что с самого начала предполагал их сурово наказать, так как «пощадили ли бы меня убийцы своего собственного хозяина?» — говорит он Бессу и Ариобазану, возмущенным такой нечестностью (11.21.10).

ПОВТОРЕНИЕ СХЕМЫ

Несмотря на колебания поэтов и хроникеров и противоречия между их трактовками, противопоставление двух царей оставляет мало места для сомнений. Так как измена единогласно объясняется жестокостью Дара, именно он, даже с точки зрения самих персов, является ответственным за свершившуюся катастрофу. Ввиду несправедливого поведения своего царя, персы отшатнулись от него и перешли к Искандеру: таким образом, Дара сам предоставил своему врагу преимущества, которые позволили тому одержать победу, причем в меньшей степени силой оружия на поле битвы, а в большей — благодаря измене в лагере противника. В этом мы видим удивительное единство в отношении и описаниях, как среди сасанидских рукописей, так и в персидской и арабо-персидской литературе исламской эпохи. Постоянно перекликающееся с описаниями примерами царствования его отца, царствование Дара является в этих творениях яркой иллюстрацией образа «плохого царя»: хороший царь не мог бы быть побежден Искандером, просто потому, что все его приближенные, дворяне и народ были бы ему верны без каких-либо ограничений и исключений.

Самое значительное историографическое несчастье Дара заключается именно в том, что это негативное представление в течение длительного времени передавалось в Иране из уст в уста. Хорошим тому примером является труд, написанный историком иранской культуры, родом из Центральной Азии, Мирхвандом (1433/4—1498). Он посвятил свою жизнь написанию «Всеобщей истории» на персидском языке, «которая имела исключительный успех во всех тюрко-иранских регионах и была неоднократно использована в значительных более поздних исторических компиляциях и многократно переводилась на турецкий язык»³⁰. Книга I ведет читателя «от Сотворения мира до Яздгерда III», то есть до последнего сасанидского царя, побежденного султаном Омаром. Среди прочих мы обнаруживаем в ней хорошо известных нам персонажей, а именно — кейанидских царей, среди которых Дара (Дараб) и его сын, также Дара. Отзывы о первом весьма хвалебные — он описывается как «владелец великих сокровищ и завоеватель огромной империи». Автор упоминает его яркую победу над Филикусом из Румии, получение дани, брак с дочерью Филикуса (вскоре отвергнутой) и тайное рождение Искандера. Затем ему наследует его сын, которого «он любил чрезмерно, и даже дал ему свое собственное имя» — Дара. Начинается царствование Дара-младшего, омраченное катастрофическими ошибками, жестокими и несправедливыми деяниями — такими, что «большая часть принцев и дворян Ирана послали письма Искандеру, обещая тому единогласную поддержку, и побудив его таким образом потребовать царство... Дара бежит с поля

битвы... Двое людей из Хамадана, в чине камергеров, известные своими частыми контактами с царем и многими почестями, полученными от него, пронзили его своими кинжалами и бежали в лагерь Искандера»³¹.

Мирхванд был известен далеко за пределами иранских и тюркоязычных стран; начиная с XVII века его труды очень широко распространились в Европе — настолько, что они оставались там основным источником по истории средневекового Ирана до конца XIX века. Например, его цитирует Гобино в «Персидской истории» (1869, I, 268; II, 361). Гобино, который утверждал, что «история, к которой [он] стремится, есть в наименьшей степени исторические факты... а в большей — влияние, оказанное этими фактами на людей, среди которых они произошли» (I, стр. 265—266), долго объясняет, почему, по его мнению, не стоит пренебрегать иранскими рукописями авторов «наме» и других летописцев, «которые преуспели в сборе, объединении, координировании и выстраивании в порядке, определенном историческими традициями, огромной массы фактов, восходящих к очень отдаленным эпохам» (I, стр. 263). Именно по этой причине он, говоря о Дара и Искандере (II, стр. 361 sq.) использует не только «Книгу царей» Фирдоуси, но также «Дара-наме» Абу Тахера Тарсуси³². В Дарии Гобино легко узнать сасанидского и арабо-персидского Дара:

«Он начал преследовать знатные семьи... [так что] когда Александр появился на границе, многие его вассалы перешли на его сторону. Именно этим, согласно летописцу [Абу Тахеру Тарсуси], объясняется исключительная легкость, с которой Александр завоевал огромную иранскую империю, где он не нашел в лице владельцев этой земли никакого серьезного сопротивления и где, напротив, его приглашали... Эти знатные люди империи, которых столь долго третировали, привычные ко всем интригам, постоянно готовые к мятежу, не желали больше верить в правосудие своего господина, видевшие, что их господин также не верит в их верность, замыслили заговор, целью которого было заменить царствующую семью на героя с Запада, молодого, блестящего, сильного, уже опирающегося на весьма значительную власть... Призванный знатью и народом, Александр был вначале скорее главой заговора против Ахеменидов, чем завоевателем в настоящем смысле этого слова» (II, стр. 369—370, 463).

Описание одного из последних злоключений персонажа можно найти в небольшом по объему арабском труде, «Летописи Омана», написанном в 1728 году³³. В первой главе рассказывается, как, ведомые Маликом, члены рода эль-Азд хотели устроиться в Омани. Под предводительством Оната, сына Малика, авангард из двух тысяч элитных всадников столкнулся с персидскими силами, которые занимали регион «от имени Дара, сына Дара, сына Бахмана». Генезис не оставляет никакого сомнения в определении личности нашего Дара. В этом месте у него был военачальник по имени Марзбан, который также следил за жизнью персидских колонистов в этом регионе. Хорошо известный в Сасанидской империи термин «марзпан» (*marzpan* — страж границ) позволяет с большой степенью точности предположить, что элементы изузунной традиции восходят именно к этой эпохе.

Персидские руководители отклонили просьбу Малика и его людей о получении земли и пастбищ. Из-за этого началась война. Согласно повествовательной модели, многократно встречавшейся в «Книге царей», сражение шло непрерывно три дня. Оно закончилось поражением персов; «военачальник персов был убит Маликом в личной поединке».

Персы обратились с письмом к Дара бин-Дара, прося у него разрешения вернуться к себе. Получив его, Дара был вне себя от гнева и желания взять реванш, поэтому он послал одного из наиболее известных среди своих марзпанов, дав ему три тысячи своих самых лучших воинов. Получив письмо от Малика, персы, уверенные в превосходстве своих воинов по отношению к маленькой арабской армии, отнеслись к нему с высокомерием и послали ему наглый и высокомерный ответ. Естественно, Малик выиграл сражение. Двое его сыновей сумели даже убить гигантского слона: «Остаток персидской армии погрузился на суда и отправился в Персию, пересекая море. Таким образом, Малик завоевал всю страну Оман и захватил все владения персов». Позже он согласился отослать домой персидских пленников.

Автор утверждает, что он подвел итог всему тому, что он назвал «многочисленными поэмами и легендами, в которых прославлялся поход Малика и его сыновей, а также их сражение против персов». Тем не менее трудно сказать точно, к какой дате привязана эта эпопея, о каких точно событиях идет речь в этих достаточно общих, часто повторяющихся в литературе эпизодах (мощный персидский царь и маленькая вражеская армия; бой военачальников, который прекращает сражение; погрузка побежденной персидской армии на корабли и ее отплытие в Персию, и т.д.). Заметим просто, что фигура Дара — это снова фигура надменного царя, неспособного сберечь императорское наследство своих предков.

ГЛАВА 11. СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

РАЗЛИЧНЫЕ ВЕРСИИ СМЕРТИ ДАРИЯ

Мы оставили Дария, смертельно раненого и умирающего от жажды. Ему помогает некий Полистрат, принесший ему в шлеме немного воды, набрав ее в источнике неподалеку. Незадолго до этого Великий царь был смещен вследствие подстрекательства двух своих высших офицеров — Бесса, сатрапа Бактрии, и Нарбазана, хилиарха (Бесс и Арибарзан в «Романе»). В то время как Александр форсированным маршем движется вслед за ним из Экбатан через страну парфян, Великий царь смертельно ранен двумя заговорщиками, во мнении о личности которых наши источники расходятся даже в том случае, когда они соглашаются относительно политической ответственности Бесса. Рассказ об этом можно прочитать у Арриана, у Плутарха и у авторов Вульгаты. Явившись в Бактрию, Бесс провозгласил себя великим царем и взял имя Артаксеркс. Всего несколькими месяцами позже он был захвачен Александром,

а затем казнен — обстоятельства казни описываются у различных авторов по-разному.

Очевидно, что этот эпизод многократно комментировался в Античности и породил многочисленные противоречивые версии. О существовании заговора двух высших офицеров было известно всем персидским и арабо-персидским авторам: и у Фирдоуси, и в «Дараб-наме» Абу Тахера Тарсуси они носят имена Джанусипар и Махияр. В иранских легендах имеется важная особенность: с одной стороны, убийство царя происходит не в Парфии, а в Персии, и не во время отдыха, но в самый разгар решающего сражения; к тому же наказание цареубийц, выполненное по приказанию Искандера, осуществлялось также в самой Персии и является следствием предыдущего повествования (это описывается так же, как в «Романе»).

Согласно другой версии, совершенно ясно, что Дарий был убит Александром². В первый раз эта версия была высказана Манетоном³ и была позднее повторена некоторыми авторами в период Поздней Античности, а затем на Западе в период Средневековья. В «Chronicon Paschale» даже упоминается крепость в Месопотамии, называемая Дорас, за которую спорят византийцы и персы. Название этой крепости возникло из-за того, что именно на этом месте Александр поразил насмерть Дария своим копьем (на греческом языке «копье» — *doru*)!⁴ Возможно, что эта история базируется на легенде о поединке между Дарием и Александром. Возможно также, что, чтобы лучше выразить египетскую точку зрения, «сыну Нектанеба» решили приписать подвиг — личное устранение последнего представителя иноземной династии, властвовавшей в Египте. Хотя подобное упоминание также можно найти и у арабских авторов Масуди и Ибн Халдуна⁵, эта версия конца жизни Дария остается нетипичной.

Внутри греко-римской традиции существуют также и другие разночтения. Эпиграфический греческий текст 264—263 годов говорит о «захвате Дария Александром»⁶, но непонятно, что при этом имелось в виду: предполагается ли, что Дарий был захвачен живым, когда Александр дошел до него? У Малалы, автора византийской эпохи, можно обнаружить универсальную версию этой истории⁷. Но доминирует версия о том, что Дарий уже умер, когда Александр добрался до него: «Вскоре Дарий умер от ран, прежде чем Александр смог увидеть его»⁸. Настойчивость заявления Арриана, похоже, скрытно направлена против иной версии, известной со времен Диодора и выраженной в следующих терминах:

«Дарий умер незадолго перед тем, как появился преследовавший его Александр, который упорно нагонял его. Александр обнаружил тело и устроил ему царские похороны. Но некоторые писали, что он нашел Дария еще дышащим и посочувствовал его несчастьям; что великий царь попросил его отомстить за свою смерть, и Александр, обещав это сделать, бросился в погоню за Бессом. Но так как Бесс оторвался от него на значительное расстояние и убежал по направлению к Бактрии, Александр отказался от преследования врага и вернулся назад» (XVII.73.3).

Диодор был единственным, кто упомянул историю, согласно которой Александр был свидетелем последнего дыхания и исполнителем последней воли Да-

рия. Эта версия нашла отражение в «Романе» и во всей персидской и арабо-персидской литературной и иконографической традиции.

ПОЛИСТРАТ МЕЖДУ ДАРИЕМ И АЛЕКСАНДРОМ

Сюжет, принятый у греко-римских авторов, приводит к некоторому разочарованию у читателя. Известно, что Александр был озабочен и очень торопился обнаружить бежавшего Дария, что он не оставлял надежды сразиться с ним один на один, и что он преследовал Дария с самого начала персидского похода⁹. Нетерпение Дария было не меньшим. «Подчиненный своей судьбе... оставленный в палатке в полном одиночестве»¹⁰, лишенный всех привилегий царской власти и пленник своих же приближенных, Великий царь теперь был готов принять того, кого он признал своим победителем, скрывшись от его преследования на годы. Когда было сообщено о неминуемой угрозе со стороны подступающего македонца, Дарий отказался уступить давлению Бесса и прочих заговорщиков, которые хотели убедить его продолжить поход на восток: «Он утверждает, что карающие боги на его стороне, и, обратившись к помощи Александра, отказывается двигаться вместе с этими предателями»¹¹. Именно в это время он был пронзен предателями и брошен истекающим кровью... Столь ожидаемая встреча между Александром и Дарием должна была изображать символический конец маневренной войны между царями нижних и верхних земель, а также повествовательный и эмоциональный исход событий. Но ничего не происходит: смерть Дария делает невозможными любые переговоры и любую дискуссию между царями.

Однако древние авторы были озабочены обоснованием добровольной передачи власти от Дария Александру. Они прибегли к литературному приему, который позволил им установить почти прямое общение между царями до смерти Дария. Необходимо было передать сообщение от имени царя, отстраненного от власти, лишённого всего и находящегося при смерти. Необходимо было вывести персонаж, который должен был бы передать послание от Дария македонскому царю, который прибыл уже к изголовью уже умершего, и потому безгласного, царя. Таким образом, древние авторы смогли согласовать два рассказа: Дарий умер до прибытия Александра, к которому он уже не мог обратиться напрямую, но все же Дарий передал сообщение Александру. Для этой цели было использовано простое и эффективное средство: посредник забирает царское послание и передает его Александру.

Роль посредника была отдана македонскому солдату из авангарда: у Юстиниана он остался безымянным, а у Квинта Курция и у Плутарха носит имя Полистрата. В древних текстах ясно говорится о поисках Великого царя, которые вели передовые отряды армии Александра. Вначале поиск был безрезультатным до того момента, когда Полистрат обнаружил царя в нищей телеге. Он дал Дарию, мучимому жаждой, немного воды и поговорил тет-а-тет с Великим царем. Общение облегчалось тем, что, по словам некоторых авторов, царь умел говорить на языке простых солдат¹². Вот как передаются последние слова Дария в легенде, упомянутой Плутархом и Юстинианом. Великий царь благодарит Полистрата за его поступок и дает ему послание для Александра:

«[Перед смертью] Дарий попросил пить, и, когда он выпил свежей воды, он сказал Полистрату, который принес ему воду: «Мой друг, для меня верх несчастья — принять службу и не суметь за нее вознаградить; но ты за это будешь вознагражден Александром, а Александр будет вознагражден богами за свое великодушие по отношению к моей матери, жене и детям. С твоей помощью я протягиваю ему правую руку». Сказав эти слова, он взял Полистрата за руку, а затем испустил последний вздох» (Плутарх, 43.3—4).

Юстиниан, очевидно, следовал общему с Плутархом источнику, но ввел новые мотивы:

«Солдат, отправлявшийся к соседнему источнику, нашел Дария в своей повозке, пронзенного ударами, но еще дышащего. Пленник позвал его. Дарий, узнавший по языку одного из своих подданных, сказал, что в нынешнем состоянии у него есть по крайней мере это утешение — он может говорить с человеком, который способен его понять, и что его последние слова не будут потеряны. Он просит его сказать Александру, что, не оказав ему никакой услуги, он остался, умирая, самым большим из его должников, потому что он увидел по отношению к его матери и его детям проявление чувств царя, а не врага. Он сказал, что судьба ему более благоприятствовала, дав такого врага, чем дав родственников и приближенных; этот враг оставил жизнь его матери и его детям, а его собственная жизнь была вырвана у него его приближенными, которые были ему обязаны своей жизнью и властью; он сказал, что они получают за это должное вознаграждение от победителя. И единственное, что он бы мог, умирая, высказать Александру, состояло в том, чтобы попросить богов неба и преисподней, тех, которые заботятся о царях, даровать ему победу и власть над миром. Для себя же он попросил только законную и не слишком дорогостоящую милость — погребение. Что касается своих убийц, то дело уже даже и не в нем самом; из этого убийства необходимо создать пример для всех царей, которых надо защитить, и он не может пренебречь этой обязанностью без позора и без опасности; так как в данном случае это будет актом как справедливости, так и защитой интересов самого Александра. Как единственный залог своего царского слова (*unicum pignus fidei regiae*) он протягивает Александру правую руку. Затем он протянул ему руку и испустил последний вздох» (XI.15.5—13).

Декларация, вложенная в уста Дария, представляет собой длинную элгию в честь его противника, выстроенную вокруг темы признательности Великому царю Александру за великодушие, которое он проявил по отношению к членам семьи царя. Тема эта не нова; она впервые возникла еще до Гавгамел, когда евнух Тириот пришел к Дарию с сообщением о смерти его жены Статире, рассказав при этом, что Александр, уважавший ее, организовал торжественные похороны в ее честь. Таков смысл молитвы, которую, согласно Плутарху, Дарий вознес тогда своим богам и которую он цитирует, уточняя: «Вот что имело место и рассказывалось многими авторами» (§ 14):

«Боги моей семьи и моего царства, позвольте мне, прежде всего, восстановить Персидскую империю и привести ее к благополучию, в котором я получил ее, чтобы победа позволила мне отплатить Александру услуги по отношению к тем, кто мне дороже всего, которые его великодушие оказало мне после моего поражения! Но, если так случилось, что пришло предначертанное время выплатить наш долг Немезиде и переменчивой Фортуне, и мы увидим конец величия Персидской империи, то никто, кроме Александра, не достоин сесть на трон Кира» (30.12—13).

Красивое заявление, которое слово в слово повторяется у Арриана и у Квинта Курция и которое Плутарх повторяет в другом месте почти в той же самой формулировке: «Но если это все же случится с моей империей, о Зевс, отец персов, и вы, божества-хранители моей короны, то никто иной, как Александр, не должен воссесть на трон Кира»¹³. Эта, естественно, выдуманная сцена, с одной стороны, является базой для античных повествований о воздержании Александра¹⁴, а с другой стороны, входит в повествовательную схему гармоничной передачи прав наследования от Дария к Александру, добровольно принятую Дарием.

Великий царь провозглашает себя должником Александра. Подобная терминология хорошо известна; мы находим ее во множестве греческих текстов, упоминающих о системе даров и ответных подарков, принятую при персидском дворе, и об обязанности подданных оказывать услуги Великому царю, который взамен обязательно вознаграждает их. Сама логика обмена (неравного) заключается в том, что, в конце концов, царь никогда никому не должен быть обязанным: получатель услуг от своих подданных, он также и даритель, в основном даров, которые он делает или которые он обещает сделать им в будущем¹⁵. В данном случае, напротив, Дарий является одаряемым, и при этом двойным — со стороны Полистрата и со стороны Александра. В отличие от любых других *ехемpra*, в которых описывается получение воды Великим царем из рук рядового солдата или простого подданного¹⁶, Дарий занимает позицию должника, так как он лишен всего и близок к смерти, и поэтому не может сделать никакого встречного дара, который бы, в свою очередь, обязал бы Полистрата. Это и явилось причиной замечания, которое приписывает ему Плутарх: «Для меня верх несчастья принять службу и не иметь возможности сделать что-то в ответ». Взамен за услугу царь объявляет о своем долге по отношению к солдату и обещает ему встречный дар: «За это ты будешь вознагражден Александром (*apodōsei soi, tēn kharin*), и Александр будет вознагражден богами за его великодушие по отношению к моей матери, моей жене и моим детям». Иначе говоря, Александр выверяет счета, что означает назначение его преемником. Таков смысл анекдота, вставленного Плутархом в другое свое произведение: «Тогда он и признал Александра, призвав богов в свидетели»¹⁷.

Затем, перед тем, как испустить последний вздох, Дарий «протягивает свою правую руку» Полистрату, прося его передать это Александру. Данный обычай хорошо известен, и о нем часто свидетельствуют греческие авторы, в том числе в историях о дворе Дария III¹⁸, а затем при дворе Александра¹⁹. Диодор рассказывает, как около 350 года, при угрозе нападения Артаксеркса III, глава бунтовщиков Сидона, Теннес, послал Фетталиона, одного из своих приближенных, с

посольством к Великому царю, обещая тому передать ему город и даже помочь в ходе намеченного повторного завоевания Египта. Великий царь обрадовался этому и пообещал, что в награду он сделает крупные подарки (*megala dora*). Но Фетталиону было также поручено получить гарантии: Великий царь должен был «дать ему свою правую руку». Рассерженный тем, что ему не оказывают полного доверия, Артаксеркс решил уничтожить Фетталиона. Затем, после того как приговоренный убедил его в том, что он делает ошибку, он согласился с требованием и «дал Фетталиону свою правую руку, что у персов является наиболее надежной гарантией»²⁰. Известен также пример мятежника Митридата, который согласился изменить сатрапу Датамесу при условии, «что царь [Артаксеркс II] выкажет ему свое доверие согласно персидскому обычаю, правой рукой. Он получил эту гарантию от царя»²¹.

В каждом из трех случаев (можно упомянуть и многие другие), договаривающиеся стороны не встречаются напрямую, и гарантия (правая рука) передана через посредника, что может означать: либо посредник просто пожимает правую руку получателя клятвы, как Великий царь поднимал его руку; либо он передал предмет в виде руки²². Отметим выражение Юстиниана: «Дарий дает свою правую руку, чтобы передать ее Александру (*dextram, ferendam Alexandro dare*)», что напоминает выражение Непота по поводу Артаксеркса II: «Гарантия, посланная царем (*a rege missam*)»; использованные глаголы, похоже, напоминают скорее пересылку предмета, но другие формулы, использованные Плутархом и Юстинианом, вселяют сомнения: «Дарий получил согласие Полистрата... Он дает свою правую руку, которую надо передать Александру. Затем он протянул руку и вскоре умер». Но каким бы ни было конкретное выражение, обычай подтверждает подлинность устного сообщения царя на том же основании, что и царская печать подтверждает подлинность письма. Известен жест, при помощи которого у Низами подтверждается контракт: «И старик сильно сжал ему руку — своей рукой, чтобы запечатать этим клятву, соглашение и взаимные обязательства»²³.

Жест Дария создает, таким образом, двойную гарантию: в пользу Полистрата, который сможет воспользоваться этим, чтобы получить от Александра подарок, обещанный Дарием, а также в пользу Александра, который, хотя и не помогал в последние минуты собственной персоной Великому царю, отныне может стать законно назначенным преемником Дария, особенно в глазах персов, знакомых с обычаями. Кроме того, поручая Александру заботу наказать цареубийц, Дарий заранее оправдывал поход в погоню за ушедшими.

Все наши авторы упоминают, что Александр принял решение организовать своему врагу царские похороны; но само появление македонского царя около царских останков не описано достаточно подробно. Просто подчеркивается сострадание, которое ощутил Александр, как к личной судьбе побежденного, так и к превратности жизни и судьбы царей и людей вообще, — мысли, которые пришли ему в голову как победителю: «Александр был явно огорчен произошедшим... Он проливал слезы о столь недостойной смерти этого человека, столь высоко вознесенного фортуной»²⁴. Высказывая банальные размышления о превратности фортуны, Плутарх добавляет к изображению символическую, придуманную деталь, увеличивающую драматическое и эмоциональное напряжение сцены:

Рис. 48. Александр, подъезжающий к мертвому Дарию (Дж. Пьязетта)

«Увидев Дария, с зияющими ранами, он не принес жертву, он не приказал запеть военный марш, чтобы отметить конец долгой войны: он взял свою хламиду и набросил ее на тело, как будто для того, чтобы спрятать это ужасное зрелище превратности царской судьбы»²⁵.

О царском жесте рассказывается также в «Романе», но там он совершается еще до смерти Дария. В любом случае, легко понять популярность этого сюжета у художников, которые любят иллюстрировать печальную судьбу Дария, преданного и убитого своими приближенными, и, еще более — нравственное благородство и набожность македонского царя (рис. 48).

АЛЕКСАНДР У ИЗГОЛОВЬЯ ДАРИЯ

Если даже «Роман» выводит на первый план сострадание Александра, эта сцена тем не менее не принимает особенно частного характера, просто потому, что рассказ построен на сценарии, приведенном Диодором: «Александр находит Дария еще дышащим и сочувствует его несчастьям; Великий царь убеждает его отомстить за свою смерть. Тот обещает это сделать и бросается в погоню за Бессом».

После своего поражения персидский царь спешно пересек реку Странга (в тот момент замерзшую) и укрылся в своем дворце, где жалуется, что является причиной всех несчастий Персии, и громко размышляет над капризами фортуны. Затем, когда Александр собственной персоной появился в Персии, Дарий

направился в Мидию. Именно там, в одном из его дворцов, он был убит «его сатрапами, Бессом и Ариобазаном», и был оставлен ими в агонии. И тут появляется Александр:

«Вознеся к небесам скорбный надгробный плач, он принялся проливать над ним слезы и, сняв свою хламиду, покрыл ею тело Дария. Затем он взял его за руки, прижал к своей груди и произнес слова, полные жалости: “Поднимись, о Дарий, правь своей землей, снова стань хозяином своих людей, возьми назад свой венец, управляй многочисленными персами, сохрани величие своей власти. Я клянусь тебе от имени небесного Провидения, что я говорю тебе искренне и безо всякой лжи. Кто те, кто тебя поразили? Укажи мне на них, и я обещаю тебе отмщение”» (II. 20.5—6).

В этот момент «Дарий застонал, протянул руки, притянул к себе Александра и обнял его». Затем он держит речь, полную прочувствованных рассуждений о превратности фортуны. Он просит Александра также присматривать за его семьей и сочетаться браком со своей дочерью Роксаной. «Сказав эти слова и обхватив Александра за шею, он умер».

ДАРА, УМИРАЮЩИЙ НА РУКАХ У ИСКАНДЕРА

Персидская традиция позаимствовала свою сценографию в «Романе», но она также приспособила ее к своему собственному образному ряду и своим специфическим нуждам. Давайте возьмем Фирдоуси:

«Быстрый, как ветер, Искандер слез с лошади, и положил голову раненого себе на колени. Он посмотрел, может ли Дара еще говорить, отер ему руками лицо, снял с его головы царскую диадему, сорвал кирасу, которая покрывала его грудь, и пролил множество слез из-за того, что возле раненого нет врача» (Фирдоуси, 19, стих 553—556).

Каждый из царей много плачет — настолько много, что, согласно образному выражению Абу Тахера Тарсуси, «если бы можно было передать свое состояние, Искандер заставил бы оплакивать царя камень, птицу и рыбу!» Попеременно стеная, цари обмениваются речами, суть которых мы уже видели в «Романе»: Искандер обещает Дара «вернуть ему империю и трон», если он выздоровеет; со своей стороны, Дара держит нескончаемую речь о капризах фортуны: «Я — яркий пример того, о чем я говорю, и моя история — предупреждение для всех прочих». Затем он высказывает Искандеру свои последние желания: чтобы он позаботился о его семье и сочетался браком с его дочерью Рушенек. У Талиби Дара также рекомендует Искандеру «не позволять властвовать низшим над высшими, не губить храмов огня и отомстить за него убийцам» (стр. 411; см. также Табари, стр. 516).

Между «Романом» и персидскими легендами имеется существенная разница. Александр в «Романе» считается сыном Олимпиады и Нектанеба, у него нет никакой родственной связи с Дарием. В персидской легенде все совсем

иначе, ввиду общего происхождения Дара и Искандера от их отца Дара (Дараба), сына Бахмана. Именно поэтому Искандер произносит следующие слова: «Мы от одной ветви, от одного корня, из той же семьи; зачем нам разрушать наш народ нашим честолюбием?» (19, стих 343—344). «Мой брат», — отвечает ему Дара у Талиби, добавляя: — Выслушай последние желания твоего брата» (стр. 410).

Однако, чтобы сцена братского признания могла состояться, надо, чтобы Искандер был объявлен достойным своего иранского рода. А это не совсем получается, поскольку он принял активное участие в заговоре против Дара. Отсюда появляется речь, которую он держит у изголовья своего агонизирующего брата, — например, у Динавари. Рассказав об измене обоих министров, этот автор пишет:

«Это событие вызвало рассеяние армии Дара, и Искандер подошел к Дара, истекавшему кровью. Он сразу же соскочил с коня, сел в изголовье у Дара, который все еще дышал, и подложил ему под голову край одежды. Плача о нем, он сказал: “Брат, если ты ускользнешь от смерти, я отдам тебе твою страну, и я клянусь, что сдержу свое обещание. Сообщи мне свое последнее желание, скажи обо всем, что ты хочешь, чтобы я выполнил”».

Дара отвечает ему, громко рассуждая о превратностях судьбы царей, и дает Александру следующие рекомендации:

«Что касается меня, то я прошу тебя позаботиться о моих женах и детях, которые остаются без меня, и я попрошу тебя сочетаться браком с моей дочерью, так как она была светом моих глаз и плодом моего сердца”. Александр сказал: “Я сделаю все так, как ты сказал. Но сейчас скажи мне, кто предал тебя, чтобы я мог отомстить за тебя”. Дара не смог ответить Александру. Он уже ничего не смог сказать, ибо его язык был скован молчанием смерти».

Сцена предполагает прощение или забвение измены Искандера, который, согласно Динавари, а также Талиби, Табари, Низами, а также «Дараб-наме» Абу Тахера Тарсуси, принял предварительно предложения обоих предателей. Низами уверяет, что Искандер уже сожалел о своем отношении к этому, как только узнал об убийстве Дара. Прибыв к изголовью Дара, Искандер, не без очевидного лицемерия, уверяет, что он не при чем в недавних событиях:

«О, самый благородный и самый знаменитый из людей, о ты, кто есть царь над царями, я в отчаянии от того, что случилось с тобой! Но, слава богу, не я есть причина удара, который поразил тебя. Бог знает о добрых намерениях, которые у меня были по отношению к тебе: он знает, что я намеревался, если я одержу победу, поступить с тобой с добротой и соблюсти наше родство... [Талиби, стр. 409—410]. Я не хотел бы видеть тебя в таком состоянии; но это не моя вина, это твои подданные поступили с тобой таким образом» [Табари, стр. 515—516].

Согласно последней воле Дара, «двое предателей были повешены, и в них метали стрелы и камни, так, чтобы их тела и их кости распались на части. Александр сказал: “Вот наказание для тех, кто посягает на жизнь царей!”» (Талиби, стр. 411), — формулировка, которая напоминает слова, которые Дарий передал Александру через Полистрата: «Необходимо создать из этого пример и рассказ для царей о том, что надо защищаться!» У Динавари и Табари казни предшествует разговор между Искандером и обоими вероломными министрами. Царь держит перед ними придуманную авторами речь, предназначенную для того, чтобы отмыться от любого обвинения в измене по отношению к тому, кого он нашел на смертном одре. Не без некоторой риторической смелости он оправдывает одновременно прошлое соглашение с министрами Дара и нынешнюю их казнь:

«Он призвал их к себе и дал им все богатства, которые он им обещал; затем он сказал им: “Я взял на себя обязательство не убивать вас, но я не гарантировал вам жизни. В практике правосудия было бы несправедливо, чтобы я оставил вам жизнь, несмотря на совершенную вами измену по отношению к вашему царю, и чтобы кровь царя осталась неотмытой. Тот, кто убивает царя, должен быть убит на месте”. Затем он приказал распять их и приказал провозгласить следующее: “Все должны увидеть этих двоих, чтобы никто не смел изменять своему царю!”» (Табари, стр. 516).

У Динавари сцена и реплики почти идентичные. Оба убийцы, привязанные к столбу, удивляются, что с ними обошлись подобным образом, ведь Искандер обещал им возвышение в своей армии: «“Да — ответил царь — вот повышение, которое я вам даю”». Затем он приказал закидать их камнями».

Фирдоуси же не нуждается в оправданиях поведения Искандера. В его рассказе оба предателя надеялись, что Искандер вознаградит их, но они действовали сами по себе, не делая никакого предложения царю Румии, не получив никаких обязательств с его стороны. Сделав свое дело, они приходят к Искандеру. Этот последний тотчас же приказывает отвести себя к Дара, приказав поместить обоих убийц под хорошую охрану. После похорон персидского царя он распорядился приступить к наказанию:

«Искандер приказал возвести напротив [царской гробницы] высокие виселицы, на одной из которых было написано имя Джансусипара, а на другой — Махияра, и приказал привязать к ним живыми этих двух несчастных; он приказал повесить на них убийц царя головами вниз. Солдаты вышли из лагеря, каждый из них держал в руке по камню, и их забили камнями на виселицах, страшно и постыдно; будь проклят тот, кто убил царя! Когда иранцы увидели то, что Искандер сделал, чтобы отомстить за смерть царя свободного народа, все выказали ему свое почтение и провозгласили его царем земли» (19, стих 400—407).

Тем не менее в письме, которое он послал «каждому знаменитому человеку, каждому вельможе, в каждую провинцию, а также мобедам», Искандер считает

необходимым оправдаться, как если бы отсутствие его вины не было само собой разумеющимся:

«Я клянусь господином великого солнца, что я не желал подвергнуть опасности жизнь Дара. Враг этого царя вышел из его собственного дворца, это был один из его слуг, а не иностранец... Мое чистое сердце полно траура по Дара, и я сделаю все, чтобы выполнить его последние желания» (19, стих 449—450).

Искандер теперь считается достойным сменить Дара на троне и быть включенным в знаменитое потомство кейанидских царей — либо потому, что все признали отсутствие его ответственности за смерть Дара, либо потому, что он не применял никаких хитростей, чтобы одержать победу. По правде говоря, он уже привел доказательства своего кейанидского происхождения в течение предшествующего эпизода, вдохновленного «Романом». Чтобы понять, кто является его противником, Искандер переоделся, проник ко двору Дара и принял участие в большом вечернем пире. При этом все были поражены его исключительной харизмой:

«Все вельможи были восхищены им и тайно благословили его за его красоту, его величественность, его осторожность, его величину, [силу] его членов и его яркость... Дара видел мужество и мудрость, красноречие, достоинство и телосложение посланника; можно было подумать, что этот человек был самим Дара... Дара спросил его: “Как твое имя? На своем челе и теле ты явно несешь черты кейанидов; ты явно кто-то больший, чем простой подданный, и я полагаю, что ты Искандер. Очевидно, небо подготовило тебя для короны, придав тебе эту осанку, это телосложение, вложив тебе эти речи и эти черты”». (Фирдоуси, 19, стих 66, 68, 81—82, 94—98)²⁸.

В «Романе», напротив, «персы задерживали на Александре свои взгляды, удивляясь его небольшому росту и сложению» (II.15.1). Упоминаемый в некоторых греко-романских текстах²⁹, небольшой рост и некрупное сложение Александра также упоминается у Талиби, согласно которому, «историки сообщают, что Искандер был небольшого роста и некрупным» (стр. 443). Очевидно, не стоит беспокоиться об этих противоречиях. В упоминавшемся описании Фирдоуси нет ничего реалистичного: выражения, использованные самим Дара, являются всего лишь стандартным набором царских достоинств, связанных с потомством кейанидов, — «зеркало принца», которое Дара протягивает тому, про кого он еще не знает, что это его брат и преемник.

ТЕКСТЫ И ОБРАЗЫ

За рамками влияния «Романа» глубоко иранский характер сцены смерти Дара выражается также в графических и живописных образах, которые эта сцена породила. Мы находимся в мире, где рассказы, сказки и истории передаются не только в письменном виде, но и прочитываются, а также постоянно додумываются.

Рис. 49. Современный Иран. Сказитель «Шах-наме» повествует о смерти Дара на руках у Искандера

ваются аэдами и бродячими певцами. Помимо слов они охотно прибегают к картинам, которые оседлые рассказчики помещают в рамках в кафе, и бродячие певцы возят с собой везде в виде раскрашенных тканей, и на остановках развертывают перед своей аудиторией.

На них изображены наиболее значительные сцены, упомянутые в изустном повествовании, особенно сцены, взятые из «Шах-наме». Об этом свидетельствует фотография, сделанная несколько лет тому назад Майклом Вудом в иранской деревне: повествуя перед полукругом собравшихся сельских жителей, рассказчик иллюстрирует свой рассказ при помощи большой картины, перед которой на подставке положена книга; на картине изображена замечательная сцена смерти Дара на руках у Искандера; этот последний показан во всей своей славе, в «двурогом шлеме»; персидский царь, с удивительно «христообразным» лицом, с растянутой, удлинненной головой, лежащей на руках у Искандера, вкладывает свою правую руку в руку своего «брата»; в глубине видна одна из армий; на переднем плане изображена лошадь (рис. 49).

В целом картина представляет композицию, многократно отображавшуюся миниатюристами (рис. 50—54). Речь идет об одной из сцен, наиболее часто изображавшихся на иллюстрациях к трудам Фирдоуси и Низами³⁰. Чаще всего оба царя располагаются посередине миниатюры, Искандер стоит на коленях или сидит на земле, поддерживая Дара, который лежит на земле. Искандер наклонен к Дара. Справа и слева располагаются две армии, которые сражались до того момента, когда Дара нанесли удар; оба убийцы изображены на первом пла-

Рис. 50—53. Персидские миниатюры: Дара умирает на руках у Искандера.
(ВпF, восточные рукописи, персидское приложение 1617/89v)

Рис. 51. Персидское приложение 1307/77

Рис. 52. Персидское приложение 1111/234

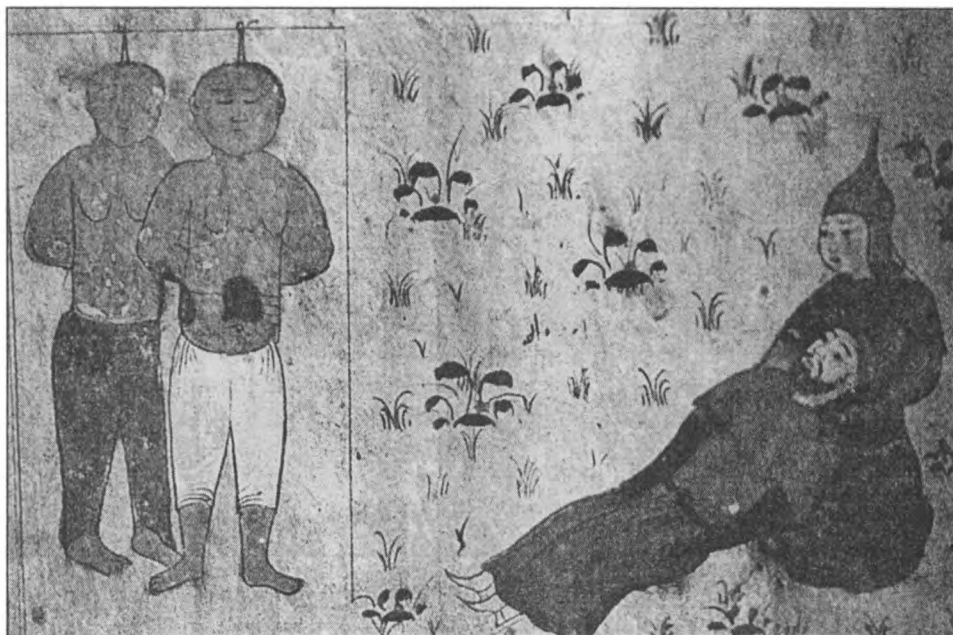

Рис. 53. Персидское приложение 332/132

не, иногда плененными, иногда уже повешенными на виселицах. Задний план представляет горный пейзаж, на вершине гор — всадники обеих армий. На переднем плане две лошади: конь Дара, убитый убийцами царя, и конь Искандера. Узнав об убийстве, Искандер примчался и соскочил с коня, чтобы утешить своего «брата».

Это изображение, иногда сопровождаемое легендой (рис. 53; Фр. Ришар, 1999), строится как можно ближе к тексту. Но эта картина не единственная. Точно такую же сценографию можно найти на различных картинах, например, среди картин в кафе, которые изображают эпизод, отличный от текста Книги царей. Речь идет о смерти Сохраба на руках у Рустама. Великого мифического героя Ирана, Рустама, можно узнать по его коню, Ракшу, незаурядной силы и ума. После охоты Рустам заснул, и «тюрки» воспользовались этим, чтобы захватить Ракша. В поисках коня Рустам направляется к городу Семенгану, царь которого предлагает ему свое гостеприимство. Ночью дочь царя, Темине, влюбленная в Рустама, приходит к нему, а затем царь соглашается на брак между молодыми людьми. Рустам находит Ракша и, прежде чем отправиться на новые приключения, дает своей жене оникс, который она должна надеть на руку ребенка после его рождения. Этого ребенка назвали Сохраб, и, как и его отец, он поддерживает очень тесные отношения со своим конем, которого он выбрал, — отношения, которые очень похожи на те, которые завязались у Александра с Буцефалом: «Верхом на этом коне он был подобен горе Бизотун!» (12, стих 197).

В результате множества приключений отец и сын, которые не знают друг друга, оказываются сражающимися в двух противоборствующих армиях. Исход

Рис. 54. Смерть Сохраба на руках у Рустама. Картина в иранском кафе

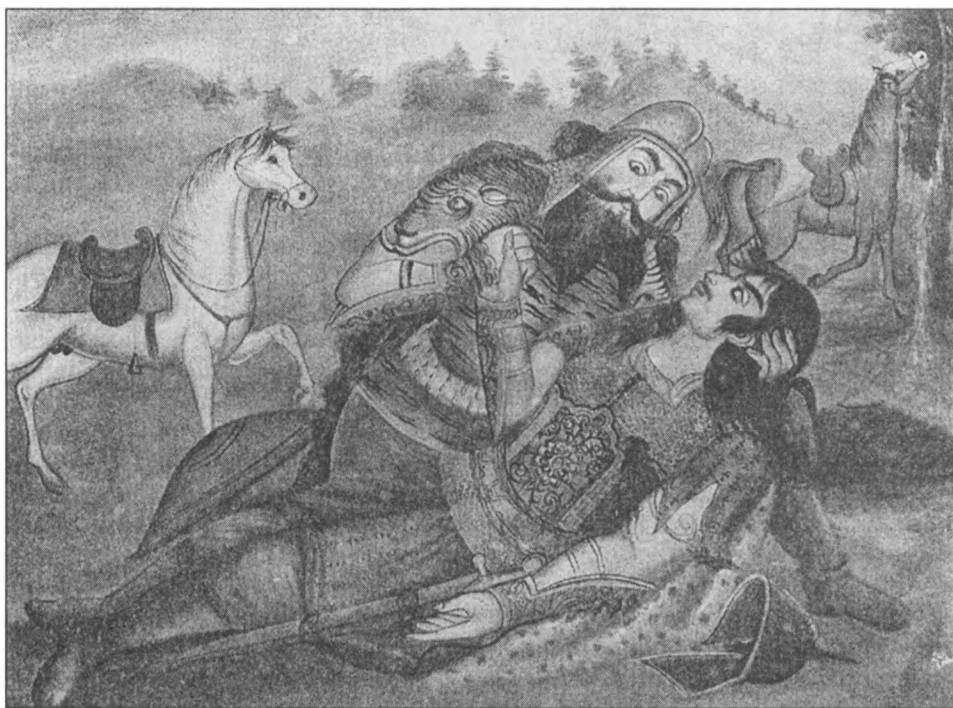

Рис. 55. Смерть Сохраба на руках у Рустама. Картина иранского художника

боев не дает никому явного преимущества. Судьбы войны должна решиться в личном поединке: разумеется, именно Рустам и Сохраб будут его вести. Во время поединка, стоя лицом к лицу, Рустам смертельно ранит Сохраба. И только в этот момент, благодаря ониксу, отец и сын узнают друг друга, но слишком поздно Сохраб умирает, и Рустам строит ему великолепную гробницу³¹.

На этих картинах (рис. 54), можно увидеть сцену такой, какой ее представляли себе художники — очевидно, согласно каноническому образу (рис. 55). Сходство со сценой смерти Дара просто поразительно: на заднем плане горы; Сохраб лежит на земле, истекая кровью, его тело — на руках у Рустама, стоящего на коленях перед ним; разорванная на сыне туника позволяет увидеть оникс. Там также видны обе лошади — Рахш и лошадь Сохраба. Даже если две картины и отличаются некоторыми специфическими повествовательными деталями (два предателя, например), сходство просто поразительно, как будто речь идет об одних и тех же действующих лицах (Рустам/Искандер; Сохраб/Дара). Одинаково расположение лошадей, а также соотношение между центральной сценой и задним планом. Модель позволила отлично вставить в иранскую память сцену, изобретенную еще александрийскими писателями, но добавив в нее специфический и отличительный элемент: так, в отличие от «Романа», в иранских легендах двое главных действующих лиц участвуют в сцене признания (отец/сын; брат/брат). Даже эта характеристика создает повествовательную связь между каждой из этих пар, и можно распределить участников также следующим образом: Рустам/Искандер и Сохраб/Дара. К ним можно также добавить и пару Рахш/Буцефал.

ПОСЛЕДНЯЯ «ТРОННАЯ РЕЧЬ»

Давайте вернемся к последним желаниям, высказанным Дара, умирающим на руках у Искандера. Эта сцена напоминает другие сцены, созданные греческими авторами классической эпохи. Наиболее знаменитая приведена Ксенофонтом в конце его «Киропедии» (VIII.7). Чувствуя, как из него вытекают последние силы, Кир «приказал привести его детей... но также его друзей и высокопоставленных лиц Персии; когда все собрались, он начал следующую речь». Двух сыновей, Камбиза и Таниоксарка, по поводу которых он опасается (и справедливо) что они могли бы оспаривать верховную власть, Кир просит остаться верными разделу власти, который он определил им: царскую власть он отдает первому, а великое правление — второму. Он объясняет также, как он хотел бы быть похороненным. Затем, простившись со всем миром, «он протянул руку и умер». Именно так же, на своем смертном одре, Дарий II устанавливает разделение власти между старшим сыном (будущим Артаксерксом II) и младшим сыном (Киром Младшим), и дает несколько моральных наставлений сыну, который должен был его сменить: «Я действовал по справедливости перед лицом людей и перед ликом богов»³².

Как совершенно верно подчеркнул А. Кристенсен³³, вероятно, в данном случае Ксенофонт и другие греческие авторы знали иранские рассказы и приспособили их сюжет к собственному повествованию. Часто встречаемые в сасанидской литературе, эти торжественные финальные речи относятся к особенному

литературному и духовному жанру, *andarz*, одновременно являющемуся предписанием и мудрым советом, часто выраженными в повествовательной форме (аналогично *exemplum*)³⁴. Одна из наиболее знаменитых рукописей, «Завещание Ардашира», известная по арабскому переводу, начинается следующими словами: «Ардашир, сын Папака, царь царей, приветствует тех персов, кто придет после него». Царь объясняет там, каковы должны быть «личные качества царя», и предлагает целую серию размышлений и советов по правильному управлению государством, в том числе речь относительно наследного принца. Он высказывается следующим образом: «Я оставил вам в наследство мою рассудительность, поскольку я не смогу оставить вам свое тело»³⁵. Видно, что церемония позволяет царю придать официальный характер передачи власти назначенному наследнику и передать правила и нравственные моменты.

Находясь под сильным влиянием сасанидской литературы, Фирдоуси разместил в «Шах-наме» множество подобных предписаний и речей, которые, собранные вместе, составляют нечто вроде «Зеркала принцев». В них мы находим повторяющийся мотив: чувствуя приближение смерти, царь призывает знатных вельмож и членов своей семьи к своему смертному одру и там передает им свои последние наставления. Давайте просто рассмотрим два примера — пример Дара (Дараба) и пример Ардашира:

«По прошествии двенадцати лет удача и сила Дара (Дараба) уменьшились; блестящий сын Омаи ослабел и почувствовал, что его призывают в иное жилище. Он собрал вельмож и мудрецов и долго говорил им о троне, добавляя: “Теперь именно Дара, сын Дара (Дараба), будет вашим благожелательным водителем. Вы все слушайте его приказы и повинуйтесь ему, поместите радость ваших сердец в выполнение его приказов. Трон царской власти не принадлежит никому подолгу; счастье приходит и быстро уходит. Постарайтесь быть добрыми и, справедливыми людьми, вспоминайте обо мне с радостью”. Он произнес эти слова, вздохнул, и этот лист гранатового дерева стал похож на цветок тригонеллы» (18, стих 130—137).

То же сказано и про Ардашира:

«Когда прошли семьдесят лет его жизни, хозяин мира, сохраняя бодрость рассудка, стал совсем больным; он почувствовал, что смерть приближается и что зеленый лист его жизни пожелтел. Он приказал привести к нему Шапура и дал ему бесчисленные советы» (22, стих 545—546).

Помимо повторяющихся размышлений о ненадежности жизни царя, Ардашир передает сыну свой опыт. Он рекомендует ему благоприятствовать религии, так как религия и царская власть тесно связаны, — тема, которая с особой настойчивостью разрабатывалась в «Завещании Ардашира» и в «Письме Тансара» — в трудах, которые наверняка оказали большое влияние на Фирдоуси. Ардашир предостерегает сына об опасностях, которые подстерегают у трона: несправедливость; милость, оказанная низким людям; стремление к накопительству — иными словами, отсутствие великодушия. Он рекомендует ему также как

следует выбирать своего советника и избегать любого человека, который будет «гневлив и высокомерен, который находит удовольствие в упреках и в ссорах». Действительно, Шапур «правил справедливо и мудро... Но когда прошли тридцать лет и два месяца, он призвал к себе Ормузда и сказал ему...» и т.д.

Таким образом, нет никаких сомнений, что рассказы о смерти Дара вписываются в этот — одновременно литературный, духовный и политический — контекст. Речи, с которыми он обращается к Искандеру — это на самом деле речи кейанидского царя, который перед смертью беседует со своим преемником и передает ему свое послание. Несмотря на очевидную банальность слов, сцена напрямую вдохновляется моделью совета (*andarz*), которым выражается сасанидское представление о царской власти, об обществе и религии. Вскоре именно Искандер, представляясь как «новый Дара», распространил царские кейанидские наставления в письмах, посланных всем важным людям в каждую провинцию: «Ищите справедливость и будьте послушны... Любой, кто придет к моему двору, получит золото, рабов, венцы и троны... Пошлите в мою сокровищницу то, что должно... Вы сохраните дворцы ваших царей-предшественников согласно древнему обычаю; вы не оставите без охраны свои рынки, свои границы» (стих 432—440).

ПОХОРОНЫ ДАРИЯ/ДАРА

Согласно Юстиниану, среди последних желаний, переданных Дарием Александру, было и это: «Для себя самого он просил только законное и не слишком дорогое погребение»; действительно, оплавав останки своего врага, «Александр отметил его похороны царскими почестями и приказал перенести его останки в гробницу его предков»³⁶. Плутарх уточняет, что Александр израсходовал на это значительные суммы³⁷. Факт похоронных церемоний подтвержден Диодором³⁸ и еще более подробно описан Аррианом: «Александр послал тело Дария в Персию, с приказом похоронить его в царских гробницах, как царей, которые царили до него»³⁹.

Я уже подчеркивал, что в отсутствие бесспорных археологических следов, и при отсутствии текстов, описывающих реальную церемонию, трудно решить, имели ли место такие похороны в действительности, или речь идет о простом заявлении о намерениях, за которым никто не проследил⁴⁰. Говорить о реалиях не имеет смысла, да это и не главное. Давайте просто подчеркнем: если церемония действительно имела место, она не проводилась лично Александром, который спешил продолжить свой поход на восток, где Бесс только что провозгласил себя царем Бактрии. В этом основная разница между версией «Романа» и персидскими легендами.

Описав смерть Дария на руках у Александра, «Роман» сообщает о принятом им решении «похоронить Дария согласно персидскому обычаю». Далее следует описание образованного при этом кортежа:

«Он предписал, чтобы кортеж возглавляли персы, а за ними уже следовали македонцы, все при оружии. Александр лично подставил плечо под похоронное ложе Дария, чтобы нести его вместе с остальными сатрапами. Все

вкруг плакали и стонали, не столько по Дарию, сколько по Александру, видя его несущим скорбное ложе. Таким образом, приступив к этим похоронам согласно персидским обрядам, он утихомирил толпу» (11.21.1—2).

Давайте отметим, что автор ничего не говорит относительно места захоронения. Последние моменты жизни Дария связаны, скорее всего, с Парфией («около Каспийских Ворот»). Однако, поскольку в продолжении рассказа предполагается, что Александр находится в Персии и принимает решения там (11.22), такая конструкция внушает читателю, что именно там прошли и похоронные церемонии. Для краткости проще было бы предположить, что Бесс и Ариобазан пришли к Александру именно туда, и он «приказал распнуть их на гробнице Дария», и что смерть Дария и наказание убийц означают фактически конец похода: начиная с этого момента, рассказ о завоевании закончен и начинается рассказ о невероятных приключениях Александра.

Участие Искандера в похоронах Дария — повторяющийся элемент персидских и арабо-персидских рассказов. В то время как Табари сообщает просто: «Дара умер, и затем Искандер его похоронил» (стр. 516), Талиби пишет, впрочем, без большего количества деталей: «Искандер приказал устроить его похороны и следовал за его телом со своими военачальниками до места погребения» (стр. 411). И тот и другой разместили сражение на берегах Евфрата. И лишь один автор «Дараб-наме» делает следующее уточнение: «Тело Дара завернули, положили в гроб мускус и камфару, вес которых был равен весу его тела, и все это послали в Иран». Согласно Фирдоуси, окончательное сражение происходило в Кармании, на границе Персии, и очевидно, что умершего царя похоронили перед тем, как войти в Истахр [Персеполь]. Вот описание гробницы и церемонии:

«Искандер построил гробницу на персидский манер, достойную положения Дара, и согласно правилам его культа. Окровавленное тело обмыли розовой водой, так как для него наступило время вечного сна; его одели в румийскую парчу, вышитую драгоценными камнями и чистым золотом; тело покрыли камфарой, и с этого момента никто не видел больше лица Дара. Искандер сделал в гробнице золотое возвышение и возложил на голову умершего царскую корону из мускуса; он уложил Дара в золотой гроб и пролил на него поток слез. Когда подняли гроб, все великие несли его по очереди; Искандер шел впереди, пешком, следуя за великими, чьи глаза налились кровью; таким образом он добрался до гробницы Дара; говорили, что его кожа трескалась от страданий. Он установил гроб царя на возвышение и строго следил за выполнением кейанидских обычаев» (стих 390—400).

Сходство с «Романом» очевидно, но и разногласия не менее заметны. В то время как в греческом тексте церемония проходит под знаком сотрудничества между македонцами и иранцами, у Фирдоуси речь идет о церемонии чисто персидской, возглавляемой тем, кто провозгласил себя «новым Дара». Что касается оборудования гробницы, то его описание соответствует канонам, о чем свидетельствует, помимо прочих примеров, гробница Хосрова Ануширвана, построенная и украшенная согласно распоряжениям самого царя: «Вы набальзамируете

тело камфарой, поместите на голову венец из мускуса, вы принесете из сокровищницы пять нетронутых платьев из золотой парчи, которые никогда не использовались, и вы оденете их на меня согласно кейанидскому обычаю и правилам сасанидских царей» (41, стих 4594—4595).

НАСЛЕДСТВО ДАРА

Среди последних желаний, которые высказал Дарий Александру, фигурирует пожелание, чтобы молодой победитель позаботился о семье побежденного и сочтлся браком с его дочерью. Вот слова Дария, «восстановленные» в «Романе»:

«Я поручаю тебе мою мать, как если бы она была твоей матерью, и мою жену; возьми их и относись к ним с жалостью, как если бы это была твоя кровь. Что касается моей дочери Роксаны, я отдаю ее тебе в жены, чтобы вы оставили в вечности память о себе в виде вашего потомства, которым вы бы гордились так же, как мы гордились своими детьми. Эти дети будут продолжением Роксаны и тебя, памятью о Дарии и Филиппе, и вы будете долго вместе стареть» (II.20.8—9).

Насколько известно из исторических источников, у Дария никогда не было дочери по имени Роксана. Отлично видно, как делается история: с одной стороны, это предложение, сделанное Дарием Александру — стать его зятем взамен на прекращение войны; с другой стороны, это брак между Александром и Роксаной, дочерью согдийского вельможи, известной своей красотой, подобной, согласно Арриану, красоте жены Дария⁴¹.

Унаследованная от «Романа», эта сцена также приводится всеми арабо-персидскими авторами. Вот рассказ Фирдоуси:

«Прими на себя заботу о моих детях, моих союзниках, моих женщинах с закрытыми лицами, полных целомудрия. Попроси у меня в жены мою дочь, чистую телом, и дай ей счастье на троне; мать назвала ее Рушенек, и сделала мир счастливым и довольным. Ты не сможешь сказать о моем ребенке ни одного плохого слова, и даже наши самые злостные враги не смогут клеветать на нее. Она дочь царя, и своим целомудрием, простотой и послушанием она станет примером для самых знаменитых женщин» (19, стих 370—375).

Помимо очевидного сходства сцена демонстрирует весьма различный характер легенд, сильное отличие одной от другой. Брак Александра с Роксаной не призван закрепить и расширить уже существующий союз — он предполагается с целью создать совершенно новую связь. Этот союз, благословленный Дарием, позволит соединить воедино потомство Филиппа и потомство самого Дария. Символическая нагрузка этого союза подобна общему участию македонцев и персов в похоронном кортеже, который доставил тело Дария к гробнице (II.21.1). Повествование тесно связано с политикой, хорошо известной греческим читателям Античности, а именно с ирано-македонскими браками, пышно отмечавшимися в Сузах в 325 году по инициативе Александра (который сам, в

свою очередь, сочетался браком с выжившей дочерью Дария, тогда как другая дочь умершего Великого царя была отдана в жены Гефестиону)⁴². Без сомнения, дети, рожденные от таких союзов, будут чувствовать себя осеченными происхождением своей матери; но тем не менее они прежде всего будут сыновьями македонских дворян.

В контексте истории, пересмотренной и исправленной иранской традицией, все было совсем иначе. Ввиду того что Искандер считался сводным братом Дара, предложенный брак не был по-настоящему смешанным браком, который мог бы создать семейные связи между иранцами и македонцами. Речь шла об эндогамном союзе (дядя/племянница), типичном для иранской традиции, и столь часто наблюдавшемся, например, в ахеменидский период: согласно греческим источникам, сам Дарий III был рожден в браке между братом и сестрой, и сам сочетался браком со своей сестрой Статирой. Однако брак Искандер/Рушенек имеет некоторый специфический характер, так как эндогамные союзы практически никогда не встречаются в иранских легендах, собранных в «Шахнаме» и основанных на экзогамии⁴³.

Что бы там ни было, предполагаемое будущее такого брака описано в рамках иранской истории. Именно так его понимает Дара у Фирдоуси, обращаясь к своему брату:

«Я надеюсь, что она родит тебе знаменитого сына, который возродит имя Исфандиара, заставит пылать огонь Зердушта, возьмет в свои руки Зендавесту, соблюдает приметы, праздник Седех и праздник Нового года, почитит храмы огня, Ормузда, луны, солнца и Михра, очистит душу и лицо водой мудрости, восстановит обычаи и культ кейанидов, которому следовал Гистасп, будет относиться к великим, как к великим, а к малым — как положено относиться к малым, заставит расцвести религию и будет удачлив» (19, стих 376—380).

Этот ожидаемый внук сможет считаться преемником великих имен кейанидской династии, к которой принадлежал и Дара; он будет хранителем добродетелей и законов, которые позволяют хорошему царю установить одновременно личные и почтительные отношения с богами; он будет в состоянии поддерживать истинную религию и приносить жертвы перед алтарями огня, при этом обеспечивая общественное и политическое единство страны, внутри которой каждый класс («великие» и «малые») должен оставаться каждый на своем месте, как это четко описывается в монархических рукописях сасанидской эпохи. Иными словами, будущее Ирана представляется великолепным; после смерти Дара знаменитый род кейанидов будет продолжен при помощи Искандера.

Однако дела обстоят сложнее, чем может показаться. Действительно, брак является только одним из решений, при помощи которых умирающий царь надеется сохранить единство своего царства:

«Я отдаю тебе в жены мою дочь Рушенек; относись к ней так, как она имеет право рассчитывать, с добротой, как к своей супруге, и дай ей достойное

содержание. Уважай знатных персов, не позволяй, чтобы низшие приказывали высшим, не губи храмов огня и отомсти тем, кто меня убил» (Талиби, стр. 410—411).

Широко использовавшаяся в арабо-персидской традиции сасанидская легенда сделала из Александра погубителя святых униц и священных огней. Ему приписывали также проект убийства иранской знати, и только вмешательство Аристалиса (Аристотель) вынудило его оставить подобную затею. Но и предложение Аристалиса не было особенно благородным, так как оно имело целью ослабить Иран, разделив его на десятки и десятки «царьков»⁴⁴.

С тех пор роли, которые играют Искандер и Дара, поддерживают внутренне противоречивые отношения между ними. Фактически Искандер является не кем иным, как переходным царем, функции которого, если можно так выразиться, сокращены до роли производителя «иранского кейанида». Но это еще не все. В действительности этот спланированный и реализованный брак был бесплодным. Фирдоуси рассказывает, как свадьба праздновалась с царской пышностью, и уточняет, что Искандер «оставался со своей женой в течение семи дней». Затем, очень скоро, он оставляет Иран и начинает свой полный приключений поход в Индию (20, стих 45—270).

Рушенек снова видит Искандера лишь после его возвращения в Вавилон для выражения своих последних желаний, которые он высказывает в следующей форме в письме своей матери:

«Если Рушенек родит сына, он увековечит славу своего отца, и лишь он один должен будет стать царем Румии, так как он заставит цвести эту страну; но если она родит дочь, выдай ее замуж за сына Фейлакуса, которому ты дашь титул моего сына, а не моего зятя, и которого ты будешь считать хранителем памяти обо мне в мире» (20, стих 1800—1804).

Иначе говоря, македонская/румийская сторона Искандера/Александра одержала верх. Он ничего не сделал для того, чтобы сохранить Иран как страну, и занимался только Румией. Залившись слезами и жалобами, Рушенек впоследствии исчезает из повествования. Согласно другим авторам, после брака Искандер даже отослал ее в страну Рум, чтобы она находилась там, и при помощи письма ознакомил ее со своими последними желаниями (Табари, стр. 517; Талиби, стр. 449). И когда, после его смерти, персы спросили, будет ли он похоронен в Персии, в «земле царей», глава Румии ответил: «Искандер должен возвратиться в землю, из которой он вышел». Вскоре персам самим пришлось убедиться в справедливости слов, которые сказал им один мудрый старик: «Земля Искандера — это Искандерие, который он основал при жизни» (20, стих 1851—1866). Согласно Талиби (стр. 449), он действительно был похоронен в Александрии; согласно Табари, тело «было перевезено в Грецию, и Лаг-Птолемей смешил его» (стр. 524).

Поразительно, что ни в одной легенде не говорится о «тайном царе», о сыне, который родился от брака между Искандером и Рушенек. Единственный сын, о котором стало известно — это сын, на которого намекает Табари, некий Алек-

сандр, который был воспитан Аристотелем в стране Рум и отказался сменить отца, предпочтя «уйти жить среди людей и предаться культу Бога» (стр. 524). Искандер не сыграл таким образом даже той роли, которую наказал выполнить умирающий Дара: дать ему преемника.

Одновременно историческая роль Дара особенно возрастает ввиду семейных отношений, которые, согласно иранской традиции, связывают его с Ардаширом, основателем сасанидской династии. Эта легенда была также известна Фирдоуси и сообщалась им (21, стих 62)⁴⁵ от лица самого Ардашира в следующих терминах:

«Среди 240 царьков, оставленных Александром, регион Фарса и близкие к нему регионы находились под властью Ардавана. Папак был хранителем границ (magzarān) Фарса, и одним из ответственных лиц, назначенных Ардаваном. У него была резиденция в Истахре, и не было сына, которому он мог бы передать свое имя. Сасан был пастухом, служившим Папаку, который всегда находился с лошадьми и скотом царя. Он происходил от потомства Дара, сына Дара. В течение проклятого царствования Александра потомки Дара стали жить в отдаленных регионах, кочуя вместе с курдскими пастухами. Но Папак не знал, что Сасан происходил от семьи Дара, сына Дара... [Затем тайна обнаружена]. Позже Папак отдал свою дочь в жены Сасану... Вскоре она забеременела и родила» (Высокие Факты, § 1—18).

Возвращая Ирану его единство, восстанавливая истинную религию (Dēn), повторно определяя каждой социальной группе то место, которое она должна занимать в общественной организации, Ардашир завершает период бедствий, начавшийся поражением Дара, за которого он мстит:

«Сегодня царь царей (Ардашир) распростер тень своего величия надо всеми, кто действует правильно... Затем он посвятил все свои мысли атаке на греков (Рум), и продолжил свое противостояние с этим народом. Он решил, что не будет знать отдыха, пока не отомстит за Дара преемникам Аликсандара, и он заполнил свои сундуки и свои сокровищницы, восстановил города в Иране, которые Аликсандар опустошил...» (Письмо Тансара, § 42).

Согласно все тому же источнику вдохновения, Фирдоуси предлагает своим читателям краткое содержание иранской истории после Дара и Искандера, и призывает к единству и величию времен Дара. Приписывая все «мудрости» Искандеру, он сообщает о мерах, принятых царем для того, «чтобы по крайней мере одна страна [Рум] оставалась ухоженной и процветающей», для чего предполагалось ослабить Иран и расчленить его:

«Таким образом прошло двести лет. За это время, можно было сказать, на земле не было царя. Люди не обращали внимания друг на друга, и земля получила долгий отдых. Это произошло согласно плану Искандера, составленного так, чтобы благополучие Румии не подвергалось опасности» (21, стих 49—52).

За этим следует легенда о Сасане, сыне Дара, и его потомстве, до рождения Ардашира, а затем о его восхождении на трон: «Он подвязал пояс и взял в руку царский жезл; он украсил свой дворец, и впредь его называли царем царей; никто не мог бы его отличить от Гистаспа» (22, стих 1—2).

Итог этой истории отлично показывает двойственную природу Искандера и двойную фигуру Дара. Искандер, конечно, включен в династическую историю, но при помощи генеалогической акробатики и после длительного процесса противоречивой ассимиляции. Вспомним, что Дара у Фирдоуси (19, стих 212—213) идентифицирует своего противника как Заххака (жестокого царя), в то время как себя он уподобляет Джамшиду (прототипу хорошего царя-благотворителя). В действительности же произведение Фирдоуси приводится для того, чтобы показать, что ввиду отдаленности воспоминаний иранцев об Искандере он по-прежнему и Заххак, и Джамшид. Что касается Дара, то хотя его и осуждают как «плохого царя», не способного вызвать самоотверженность своих подданных и потому побежденного своим сводным братом Искандером, он сыграл свою роль передатчика «царской славы», свойственную любому из кейанидов: не благодаря дочери Рустенек, но благодаря брату и потомкам брата, которые, ценой страданий и жертв, сумели сохранить кровь кейанидов и донести ее до Ардашира.

ИСКАНДЕР И «ДРУГАЯ» ДОЧЬ ДАРА

Мы видели, что, отметив, и даже подчеркнув, участие Искандера в убийстве Дара, арабо-персидские авторы пытались — с большей или меньшей убежденностью, — отмыть Искандера от ответственности за убийство персидского царя: это было следствием придания убедительности братскому признанию, связанному с гармоничной передачей царской власти. Однако существует исключение, которое заслуживает того, чтобы о нем упомянули: рассказ Абу Тахера Тарсуси в «Дараб-наме», разновидности популярного романа, датированном XI—XII веками, где фигура Искандера бесконечно менее привлекательна, чем во множестве произведений того же периода⁴⁶.

О кейанидском происхождении Искандера здесь говорится больше, чем в любом другом труде. Он родился от Дараба, героического эпонима, жизни которого посвящена треть романа. Дараб, как известно, сочетался браком с Нахид и провел с ней короткую брачную ночь. Кроме того, считается, что Филипп, отец Нахид, также является потомком мифического царя Ирана. Оригинально, что конфликт между двумя сводными братьями происходит после обсуждения их иранских корней: Дара сообщает Искандеру, что он не признает его иранских корней; в ответ Искандер требует от него передать ему половину наследства Дараба. Разумеется, Дара отклоняет это требование. Вспыхивает война; она ведется около Евфрата, далее следует соглашение между Искандером и двумя эмирами, Джанусияром и Махияром, убийство Дара, сцена примирения, в течение которой Дара просит Искандера сочетаться браком с его дочерью, Рушенек.

Эта дочь «необычайно красива»: единственный ее дефект — если он был один! — присутствие пуха на губе. Она известна больше под своим другим именем, Буран-Дохт («девушка с розовой кожей»). Она не только привлекательна, но и «совершенна», ввиду воспитания, которое дал ей ее отец: «он научил ее всем искусствам, по-

лезным для принца», — верховой езде и искусному владению оружием. Как она многократно доказывает на протяжении романа, в том числе в эпизодах, связанных с Искандером, она была вполне способна сражаться и даже выиграть личный поединок, определяющий общую победу: «Она превосходила многих по храбрости». Таким образом, она относится к хорошо известному литературному и человеческому типу — типу воинственной женщины, который также хорошо известен греческим авторам⁴⁷: можно легко соотнести Рушенек/Буран-Докхт с другой Роксаной из знатной персидской семьи эпохи Дария II, описанной Ктесием: «Она была очень красива и весьма искусна в стрельбе из лука и метании копья»⁴⁸. Стоит также вспомнить о Родогун, описанную Полиеном, которая укротила мятеж⁴⁹.

Буран-Докхт очень быстро показала свою энергию и свою независимость по отношению к Искандеру; она даже продемонстрировала настоящий мятежный дух, сопротивляясь судьбе, которая была уготована Дара и Ирану:

«Когда новость о смерти Дара дошла до нее, свет померк в ее глазах. Она упала с трона на землю и потеряла сознание. Ей сбрызнули лицо розовой водой, и через некоторое время она пришла в себя... Испустив крик, она разорвала одежды, рвала на себе волосы, расцарапала свое прекрасное лицо, подобное луне, искусала предплечья, впиваясь зубами в собственную плоть. Так продолжалось до тех пор, пока ей не сообщили, что принесли тело ее отца... Увидев гроб, она бросилась на повозку и начала кататься в пыли и в крови... Она закричала, плача: “О мой отец, сила моей души, как мне теперь жить без тебя? Я клянусь твоей душой и своей собственной, душой моего предка Дараба, сына Ардашира, потребовать мести за тебя от Искандера, потомка Филиппа, так как я знаю, что именно он направил Джанусияра и Махияра, чтобы те расправились с тобой подобным образом”».

Мы не будем проследивать все приключения героини, которые, впрочем, сильно перемешаны с приключениями Искандера, доходя до Индии, Цейлона и далее. Она не только является противоположностью «настоящей» Рушенек (она следит за Искандером, попеременно то сражается с ним, то помогает ему), но и является единственной фигурой, находящейся в активной оппозиции к захвату власти Искандером. Ввиду тесной связи с отцом и с дедом Дарабом, она, возможно, в глубине души считала себя вполне достойной подняться на трон кейанидов, как смогла это сделать ее прабабка Хомаи. В то время как Искандер постоянно именуется царем Румии, но не выказывает особенного героизма, она сама постоянно упоминается как «царица Ирана», окутанная «царской славой». Только она имеет доступ к тайникам царя Джамшида, находящимся в туннелях города Истахр [Персеполи], в то время как Искандер оказывается неспособным туда войти, и т.д. Можно предположить, что противопоставление Буран-Докхт и Искандера носит не только личный характер. Конечно, будучи женщиной, она привязана к тому, кто является ее сводным братом и кто стал ее мужем: она его оплакивает, носит траур в течение сорока дней, и не переживает его более чем на год. Тем не менее в то же самое время можно задаться вопросом, не позволило ли введение этого персонажа выразить часть противоречивых чувств, которые иранцы испытывали как по отношению к завоевателю, так и по отношению к своему побежденному царю.

ИТОГ И НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

ГЛАВА 12. ДАРИЙ В БОЮ. ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ: «ИЗОБРАЖЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ»

ДАРИЙ, АЛЕКСАНДР И РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

В целом суждения относительно Дария III, сформированные греко-римскими авторами, практически не отличаются между собой. Последний Великий царь совершенно не воплощает первейшего качества вождя: быть лидером, то есть тем, кто умеет отрешиться от своих обычных удобств, чтобы жить как рядовой солдат умеет принять правильное тактическое и стратегическое решение, как только ситуация меняется кто в первых рядах ведет свою колесницу и поднимается в атаку. Напротив, именно он первый показал спину врагу, именно его позорное бегство привело к поражению всей его армии; он тот, кто воспользовался жертвой своих приближенных, чтобы ускользнуть от своей судьбы.

Такое представление становится еще более выпуклым вследствие систематического противопоставления с Александром, который является знаковой фигурой героя и с которым Дария постоянно сравнивают. Оно закрепляется также благодаря писательскому дару наших авторов, которые на протяжении своих рассуждений расставляют множество риторических ловушек для Дария. И наконец, дело еще и в том, что образ Дария находится в общем ряду изобра-

жений «Великих персидских царей», создававшихся на протяжении классической эпохи и возобновленных в эллинско-римскую эпоху, и повторно всплывших в наши дни, в период очередного увлечения Востоком. Особенно многочисленные в римскую эпоху, сборники *exempla*, разумеется, сыграли главную роль в распространении этого образа, так что даже относительно мало описанный в этих анекдотах и специфических фавлио Дарий III вполне соответствует негативному образу, созданному предшественниками. Именно устойчивостью восприятия этого образа объясняется тот факт, что суждение о Великом царе столь негативно даже у тех римских авторов, которые, напротив, стремятся к тому, чтобы показать серьезные пороки и недостатки Александра.

Со стороны персидских авторов отношение к фигуре царя ничем не лучше. В противоположность своему отцу, Дара (Дарабу) — хорошему царю, Дара не управляет согласно традиционным правилам, и потому всеми отвергаем. Такова главная причина поражения, так как она напрямую вытекает из присоединения к Искандеру множества приближенных Дара, утомленных и раздраженных поведением царя. Без сомнения, фатальная измена и его убийство двумя «министрами» осуждается, но в то же самое время это событие трактуется в более широком политическом смысле, что делает Дара настоящим виновником разлада, ослабившим свой собственный лагерь.

Столь явное негативное суждение тем более поразительно, что в персидской и арабо-персидской традиции Александр/Искандер не восхваляется безоговорочно. Не только в сасанидских текстах имеются следы жесткого осуждения Александра — ввиду разрушений и несчастий, которые он принес в Иран, — но и персидские, и арабо-персидские тексты также часто направлены против этого персонажа, по крайней мере на этапе его борьбы с Дара. В частности, знаменателен тот факт, что огромное количество авторов не делает из Искандера героя сражений, но, напротив, они приписывают его победы сознательному использованию измены в лагере Дара. И если, при помощи мнимого родства с последним Великим царем, которое оправдывает финальную сцену братского признания, Искандер, так сказать, включается в иранскую историю, тем не менее он является в ней «аутсайдером»: доказательством тому служит легенда об Ардашире, в которой распространяется выдумка о прямой родственной связи между Дара и первым Сасанидом, и которая, в силу этого, устраняет Искандера из царской династической цепочки, или по крайней мере упоминает его в скобках.

Все сюжетные параллели и подобию, которые мы можем отметить, не свободны от влияния «Романа об Александре» на персидскую литературу. Совпадения происходят, во-первых, вследствие самой природы рассказов, описывающих Александра и Дария, и философско-политических размышлений, которые связаны с этими рассказами. То, что мы читаем у Арриана, Квинта Курция и их коллег, не является результатом исторических исследований, проведенных на основании идентифицированных и засвидетельствованных документов, прочитанных на базе критического метода, правила и процедуры которого приняты теперь всеми. В той части их произведений, которая относится к войне и сражениям между Александром и Дарием, цель авторов римской эпохи состоит не в том, чтобы анализировать события, а в том, чтобы вынести нравственное

суждение (или нравоучительное) с точки зрения закодированного представления о хорошем царе и исключительном военачальнике. В данном случае мы в наименьшей степени имеем дело с историческими трудами; в основном речь идет об учебниках, иллюстрированных анекдотами, которые могли бы быть озаглавлены: «О царской власти Александра, изображенной его действиями».

Помимо внутренних противоречий, создаваемых этим жанром у того или другого автора, он предполагает и постоянное противопоставление между историческим героем, рыцарем без страха и без упрека, хорошим царем — и контр-героем: плохим царем, неспособным достойно нести звание монарха. И вместо того чтобы вставить образ Дария в непрерывный, исчерпывающий и точный рассказ, который придал бы персонажу смысл и личные черты, Дарий выведен в неполных, раздробленных повествованиях, подпитываемых главным образом ехетра и апофтегмами, в которых ему приписываются недостатки, причем они постоянно упоминаются в противопоставлении с бесподобными достоинствами «македонского героя».

Иранские легенды существенно не отличаются от сочинений греко-римских авторов. «Письмо Тансара» демонстрирует, что, начиная с сасанидской эпохи, «примерная» история Дара была встроена в рассуждение о правильной царской власти. Повторенная затем у Ибн Балхи в «Фарс-наме», монархическая басня сформирована вокруг отношений Дара-отца и Дара-сына с хорошим и плохим царским советником (Растин и Бири). Она была создана в Иране, ее никогда не было в истории Дария. Конечно, историческая судьба Дара сильно пострадала вследствие поражения от Александра, но редакторы осуждают царя главным образом с точки зрения незыблемости образа иранской царской власти, в который он не вписывается. Действия Дара измеряются не мерками личных способностей и военных неудач, но с точки зрения качеств, которые хороший царь должен уметь проявить по отношению к своим приближенным, к обществу в целом, и по отношению к богам. Подчеркивается его неспособность овладеть своими страстями и импульсами (в особенности гневом), прислушиваться к разумным советам, оставленным древними, и привлекать верность своих подданных. Дара в первую очередь осуждается за те долгие несчастья, в которые он вовлек Иран.

Чтобы успешно завершить эту обвинительную речь, редакторы нуждались в рабских заимствованиях в греко-римской литературе. Так что неудивительно, что у Арриана, в «Романе», так же как и в сасанидской и персидской литературе, мы обнаруживаем одинаковую характеристику хорошего и плохого царя: в контексте, в котором присутствуют Александр и Дарий, ключ успеха и провала находился, в частности, в умении или неумении царя объединять свою судьбу с судьбой своих приближенных и подданных. Плутарх выражает это следующим образом:

«Нет, это не Фортуна притягивает к хорошим царям его спутников, которые будут готовы подвергнуться ради них смерти и опасности, но любовь, которую внушает их мужество, подобная привлекательности, которая объединяет пчел вокруг их царицы и толкает их к тому, чтобы создать вокруг нее рой»¹.

Хороший царь — естественно, победитель; оставленный своими, побежденный — естественно, плохой царь: суть универсальна, монархическая мораль спасена!

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Начиная эту книгу, я интересовался, в какой степени древние источники, касающиеся темы Дария/Дара, могут использоваться современным историком. Итог получился двойственным. С одной стороны, проведенный здесь анализ истории образов и представлений оказался плодотворным, но с другой стороны, он не сулит больших надежд тем, кто хотел бы вернуться к «реальности». Даже учитывая предварительные наблюдения, а именно — что любая попытка восстановления биографии иллюзорна, нельзя не констатировать, что в результате проделанной работы мы все еще не знаем, каким был Дарий. Возросло сомнение и в определении того, каким был «истинный» Александр — настолько кажется щекотливым и сложным установить методологическую и когнитивную связь между образами и реальностью.

Таким образом, можно ли сказать, что мы осуждены на то, чтобы видеть вместо Дария лишь силуэт, обезличенный, созданный из удобных обрывков поклонниками и льстецами Александра, который и сам-то сократился до размеров иконы? В значительной степени — да, без сомнения, так как отсутствие документальной базы остается непреодолимым препятствием. Чтобы понять решения, приписанные Дарию в ходе генерального сражения, идеально было бы располагать источниками, четко описывающими поведение, которому Великий царь должен был следовать в любых обстоятельствах войн и сражений. Но таких записей нет, так как замечательная надпись Дария I в Накш и-Рустам (DNb), где описываются царские достоинства бойца и военачальника, не дает никакого ключа, который мог бы дать нам четкую и реалистичную информацию о том, где тот или иной Великий царь находился во время боев. От идеального Дария I из Накш и-Рустам до нереального Дария III греко-римских источников мы просто переходим от канонического изображения царя к его негативной копии.

Понимание литературных и идеологических аспектов старинных источников не оправдывает предложения создать контр-изображение, которое явилось бы абсурдным и неприемлемым результатом упрощенного механического перевертывания. Наконец, обнаружение противоречий между Аррианом и представителями Вульгаты не позволяет дать какие-либо четкие заключения относительно «настоящего» Дария. Естественно, можно подчеркнуть явно подозрительный характер образа, созданного греко-римскими источниками, но, строго говоря, невозможно определить, в какой степени изображение извращает правду об историческом персонаже, так как мы не располагаем никакой бесспорной информацией об уже упоминавшейся «ахеменидской реальности».

Тем не менее не стоит опускать руки. В качестве последнего размышления относительно методики я хотел бы показать, начиная с часто повторяющегося мотива — «бегства Дария», — что в связи с острой недостаточностью информации в древних легендах можно использовать путь рассуждений, компаративист-

скую историю, которая может привести к иной интерпретации событий, чем та, которая столь широко распространилась в виде письменных и художественных материалов вследствие гегемонии греко-римских источников и в некотором смысле «подтверждена» иранской точкой зрения.

Для этого давайте вернемся к проблеме примеров. Унаследованная от *mimèsis* Гомера — чаще всего при помощи Ксенофонта, — и ставшая основным принципом описания и объяснения не только деяний Александра и его приключений, но и объяснением «позорных» поражений Дария, героическая модель была еще в Античности поставлена под сомнение. Она используется в повествовательной практике, пусть даже в риторической форме, чтобы подчеркнуть — как отлично это делает Арриан в изобретенных им диалогах с Парменионом, — что Александр также может продемонстрировать способность к рассудительности, когда момент требует благоразумия и осмотрительности. Применение этой модели в отношении окружения Александра оспаривается в еще большей степени как официально, так и теоретически. Даже если бы было можно стать свидетелем дебатов, ведущихся в окружении Кира Младшего, эти рассуждения не касались бы напрямую ни практики, ни теории ахеменидской монархии. Тем не менее я убежден, что вполне возможно прояснить некоторые рассуждения о военной деятельности ахеменидского царя, тем более, что дебаты в византийских источниках практически слово в слово идентичны дебатам при сасанидском дворе.

Таким образом, я намереваюсь подвергнуть поборников и результаты обсуждения сомнениям, а затем сопоставить их с событиями такого же типа, происходившими в современной Франции, завершившимися воцарением Людовика XIV. В свою очередь — я очень на это надеюсь, — это погружение в компаративистскую историю позволит мне оправдать мою первоначальную гипотезу, то есть то, что существовал свод особых правил поведения Великого царя на войне, и что, таким образом, поведение Дария, в том числе его постоянные удаления с поля битвы, могут быть объяснены чисто персидской царской этикой.

ЖИЗНЬ ЦАРЯ И СОХРАНЕНИЕ НАРОДА

То, что я только что назвал первоначальной гипотезой, было уже упомянуто в книге об иранских религиях, опубликованной в 1965 году и переведенной на французский язык в 1968 году. Гео Виденгрэн рассмотрел в ней проблему в индо-иранском контексте и предложил следующее решение. Согласно его мнению, персидский царь лично никогда не принимал участие в боях. В качестве примера он ссылается на Ксеркса, который, «усевшись на высоком троне, следил за сражением при Саламине», а также на Дария III:

«Спокойно стоя на своей боевой колеснице, Дарий III следит за ходом боев при Иссе и Гавгамелах. Когда сражение было проиграно, он убежал, так как его долг состоял не в том, чтобы сражаться, а в том, чтобы просто выжить, и затем продолжать править. Мы совершаем огромную ошибку, обвиняя его в трусости. Он совсем не трус. В “Махабхарате” Юдхиштира, образец для пра-

вителей, не принимает участие в бою; он довольствуется тем, что контролирует его и руководит им» (1968, стр. 179).

Поскольку это исследование было написано в форме вводного элемента повествования, в тексте нет предварительного анализа положения Дария во время обоих сражений², но в целом гипотеза Виденгрена весьма соблазнительна, что подчеркнул и С. Ниландер (1993). Она действительно позволяет лучше понять некоторые сообщения, приведенные авторами Вульгаты: Дарий согласился оставить поле битвы при Гавгамелах только в результате настойчивости своих приближенных, озабоченных тем, чтобы сохранить жизнь царя.

Дело в том, что царь на самом деле является не просто верховной фигурой государства. Его значимость превышает его личную ценность ввиду его роли и его места в общем мироустройстве. Описывая порядок царского кортежа, выходящего из Вавилона, Квинт Курций дает точные указания относительно платья, которое надето на Дарии в этом случае:

«Одежда царя отличалась чрезвычайной пышностью: белая вышивка покрывала середину пурпурной туники; золотые ястребы на брошах, которые, казалось, нацелились на жертву своими клювами, удерживали прекрасную золотую мантию; на золотом поясе, завязанном по примеру женщин, была прикреплена кривая сабля, ножны которой были выложены драгоценными камнями. Диадема, знак царской власти, называлась по-персидски *kidaris*; это был заморский тюрбан белого цвета, охватывающий голову»³.

Жорж Дюмезиль так прокомментировал этот текст⁴. Автор исходит из постулата, согласно которому выбор цветов несет определенный смысл; при выборе одежд речь не идет о фантазиях последнего Дария. Три цвета соотносятся с тремя функциями индоевропейского (индоиранского) царя: жрец, воин и крестьянин. Чтобы обосновать свою интерпретацию, Дюмезиль отсылает нас к другому иранскому тексту, где Ормузд надевает белую одежду, которая является признаком духовенства; второй персонаж носит одежду из золота и серебра, покрытую драгоценными камнями: речь идет о военной униформе; затем упомянута темно-синяя одежда, форма сельскохозяйственного рабочего. Три функции выражают единство всего общества, которое царь совмещал в своей личности. Об этом же говорит и знаменитая надпись Дария I, где царь возносит «трехфункциональную» молитву к Ахура-Мазда, прося его отклонить от Персии «вражескую армию, плохой год [то есть плохой урожай] и ложь (*dgauga*) [то есть неверность и бунт]»⁵. Царь не просто воин. Воплощая на земле образ великого бога Ахура-Мазды, он является поддержателем *arta*, то есть великого миропорядка внизу, имеющего прямую связь с божественным миром. У царя есть космологическая функция. Можно сказать, что равновесие мира зависит от личности царя и от его личных связей с богами. Царь — посредник с верхним миром, в том числе и во время войны: именно об этом говорит греческий текст, в котором тот же Дарий I, чтобы спасти свою армию, измученную жаждой в безводной пустыне, возносит молитву иранскому богу бури, который затем приносит им благодатный дождь⁶.

ВОЕННЫЙ ПОХОД И СТРАНСТВУЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО

Как Кира у Ксенофонта и как Ксеркса у Геродота⁷, Дария III сопровождают изображения богов: «Над царской палаткой сверкало изображение Солнца в хрустальной оправе... Впереди, на серебряных алтарях, несли огонь, почитаемый персами священным и вечным. Маги, шедшие впереди него, пели традиционный гимн». Там же находилась колесница, посвященная Ахура-Мазды, и колесница, посвященная Солнцу⁸. Это были божества предков, к помощи которых Дарий обращался перед битвами⁹.

Присутствие богов, их алтарей и служителей культа в армиях Ксеркса в 480 году и Дария III в 333 году, а также присутствие царственных женщин Дария III в армии царя, равно как и в армии Хосрова I Ануширвана в походе против Армении в 576 году н.э.¹⁰, определяют особенное положение Великого царя на войне, которое полностью ускользнуло от внимания древних авторов, озабоченных прежде всего тем, чтобы осудить громоздкость царского поезда, ссылаясь одновременно на моральные причины и на основания, относящиеся к организации тыла и снабжения. Поход Ксеркса в Грецию и поход Дария к Средиземному морю не сводятся к военной кампании в узком смысле этого слова. В зависимости от концепции политического пространства, имеющегося во многих обществах, восточных и средневосточных, военный поход является для царя возможностью посетить народы своей империи и возобновить связи власти и подчинения, собрать дары и дани, пошлины и подати, которые им обязаны платить, и в то же время произвести показное перераспределение богатств.

Помимо множества документов о «царских поступлениях» в средневековой Франции, которое наводит на множество компаративистских размышлений, подобные принцип и практика известны и в сасанидскую эпоху, и они ясно описаны в тексте, приписываемом самому царю Хосрову Ануширвану (Хосрою):

«Я хотел, чтобы цари этих регионов [пересекаемых], которые получили от нас власть, знали бы, что мы были готовы безбоязненно встретиться с ними во время этой поездки; что мы имели средства это сделать, если бы только сочли это необходимым. [Я хотел] чтобы они были поражены зрелищем величия царей, огромного числа солдат, их подготовки и их вооружения, находящегося в отличном состоянии. Это зрелище побудило бы их сражаться с нашими врагами, и они соразмерили бы со своим могуществом того, кто назвал их правителями, и оценили бы его на случай, если бы им пришлось обратиться к нему за помощью. Мы желали воспользоваться этой поездкой для того, чтобы распределить собственноручно между ними подарки и ягнят; для того чтобы предложить им возможность приблизиться к трону, и хотели оказать им честь, обратившись к ним с речью, так чтобы все эти милости увеличили их привязанность к нам, их набожность и их желание сражаться с нашими врагами. Еще я желал осведомиться о состоянии их крепостей и проверить это во время нашей поездки [решить вопрос с налогами]».

Такая практика означает, что царский двор на несколько месяцев превращался в странствующее государство, чья власть вследствие этих периодических

путешествий вписывается в общий порядок и коллективное мышление страны. Когда Великий царь возглавляет свои армии, пышность его двора никак не отличается от этих ежегодных миграций, во время которых двор переезжает от одной резиденции в другую. Все службы (в том числе царская конюшня, кухни, повозки, везущие воду, хранящуюся в серебряных вазах, царские наложницы, писцы и секретари) принимают участие в переезде, таком же, как обычный переезд двора: каждый занимает определенное, кропотливо выверенное место в официальном кортеже, когда царский караван на восходе солнца оставляет город, который только что его пышно принимал¹². Это также объясняет тот факт, что Дария сопровождала вся его семья, и что существовали обычаи, фиксирующие место, которое должна была занимать царская палатка в центре лагеря, а также место женщин царской крови в лагере и на марше¹³; Квинт Курций утверждает, впрочем, что во время сражения при Иссе «супруга и мать Дария, а также группа других женщин, были помещены в центре армии», что надо понимать однозначно: в центре армии на марше и в лагере, а не в центре войск на поле битвы¹⁴. Такая характеристика предполагает, что, даже когда перемещение двора совмещается с военным походом, функция Великого царя не сокращается лишь до функции военачальника. Царская персона окружена тем же церемониалом и той же защитой, которой она пользуется, когда двор находится на своем постоянном месте в Персеполе, в Сузах, в Вавилоне или в Экбатанах.

КОБЫЛА ДАРИЯ

Гипотезу, сформулированную и первично развитую, необходимо протестировать, в том числе при помощи текстов, подозрительное идеологическое направление которых не обязательно означает, что они были лишены информативности. Давайте вернемся к некоторым пассажирам, которые мы уже приводили, и которые помимо нагрузки, отягощающей память о Дарии, несут конкретные сведения о принятом Великим царем решении оставить поле битвы.

Ариан утверждает, что при Иссе Дарий убежал на своей колеснице, после чего прыгнул на лошадь и продолжил свое бегство, сменяя коней¹⁵. Квинт Курций дает подобную справку, но придает этому сообщению важный оттенок: «Он опасается попасть живым во власть врагов, спрыгивает и садится на лошадь, которая следовала за ним на такой случай (*ad hoc*)». Со своей стороны, описывая сражение при Гавгамелах, Плутарх вносит уточнение пола животного: «Дарий оставил свою колесницу и свое оружие; он сел верхом на кобылу, которая, как говорят, только что ожеребилась, и убежал». Это уточнение было повторено Элианом, автором римской эпохи, в нравоучительном анекдоте, включенном в труд, где были собраны анекдоты о животных; в нем автор намеревался приллюстрировать привязанность между кобылой и ее жеребенком: «Когда сражение при Иссе обернулось бедой для персов и когда Дарий был побежден, он вскочил на кобылу, опечаленный тем, что ему пришлось как можно быстрее бежать и спасать свою жизнь. Вспоминая о своем жеребенке, которого она оставила позади, кобыла понеслась во весь опор, со всей возможной скоростью и заботливостью, и спасла своего хозяина в минуту опасности»¹⁶.

Разумеется, *exemplum* использовался как в Античности, так и в современной историографии, для того, чтобы еще строже осудить трусость Великого царя. Но если — в качестве гипотезы — отбросить интерпретацию, навязанную греко-римскими авторами, документы могут дать повод для другого прочтения этих же событий. Можно также допустить, что персидские монархические традиции предполагали, что в случае крайней опасности царь обязан оставить поле битвы, чтобы ускользнуть от смерти и от плена. В этом смысле исход царя с поля битвы был тщательно подготовлен: это не было личным решением царя, объятого паникой, просто оно соответствовало установленным обычаям — отсюда и присутствие лошади, предусмотренное «для этой цели» (выражение Квинта Курция). В этом, несмотря на смешной вид (но у историка нет возможности выбора документов), анекдот Элиана — или скорее первоисточник, на основании которого он строил свой анекдот, — подтверждает информацию, сообщаемую Квинтом Курцием и Плутархом и частично использованную Аррианом и Диодором.

ОТ ДАРИЯ ДО ХОСРОВА

Порожденная интуицией, отталкивающейся от индо-иранской компаративистики, гипотеза Виденгрена, похоже, позволяет примирить противоречивые сообщения о поведении Дария III и проанализировать это поведение с точки зрения иранских религиозных и политических концепций, или, если так покажется предпочтительнее, с точки зрения правил и обычаев «правильной царской власти». Если чисто ахеменидские документы не предлагают никакой возможности провести какую-то «опытную проверку», сама иранская история предоставляет очень интересную параллель, даже учитывая тот факт, что она также сохранилась при помощи греческих источников византийской эпохи.

В эту эпоху эллинофильские авторы также очень любили упоминать «персидские обычаи», о чем свидетельствуют Агафий или Прокопий Кесарийский, посвятившие некоторые свои книги войнам, ведомым византийцами и персами того времени: число ссылок на обычаи и законы персов там очень высоко¹⁷. Приведем очень характерный пример (находящийся вне хронологических рамок «Войн» Прокопия). В 576 году царь Хосров I Ануширван (Хосрой) вел войну в Армении. Вскоре он встретил сильное сопротивление, и даже потерял все обозы, включая царственных женщин, и даже алтарь огня, который следовал за ним повсюду, — таким образом, он оказался в положении, очень похожем на положение Дария III после его поражений. Он был вынужден отступить и пересечь Евфрат. Согласно трем авторам, Хосрой принял тогда решение, благодаря которому он надеялся передать опыт своим преемникам. Согласно Эвагру, «он воздвиг монумент в память о своем бегстве. На нем был записан закон, который он предложил, согласно которому ни один персидский царь не должен более никогда вести походы против римлян». У Феофилакта мы обнаруживаем информацию о том, что царь «обнародовал под видом закона стыд, вызванный его провалом... В будущем у персидских царей не будет необходимости вставать на путь войны». Согласно Иоанну Эфесскому, решение в особенности предусматривало, что царь должен отправляться в военную кампанию только для того, чтобы сражаться с другим царем¹⁸.

В том виде, как его передают византийские авторы (при помощи не вполне точных формулировок), обсуждаемый закон «может не внушать достаточного доверия», главным образом вследствие того, что он скорее является объяснением поражения от византийцев. Скажем лишь, что если упомянутые тексты и были реальными, то формулировки, использованные византийскими авторами, не позволяют точно восстановить ни первоначальный текст, ни условия составления и применения этого закона. Однако это наблюдение не означает, что информация должна быть отвергнута четко и бесповоротно. Напротив, мы можем извлечь из этих текстов очень простую интерпретацию: при сасанидском дворе ставился вопрос об участии царя в военных операциях; по причинам, которые могут прекрасно вписываться в гипотезу Виденгрена, было решено, что царь не должен подвергать свою персону опасности (возможно, что при дворе снова приняли царский обычай, давно известный, но вышедший из употребления).

СПОРЫ В ОКРУЖЕНИИ АЛЕКСАНДРА И КИРА МЛАДШЕГО: ДВЕ МОДЕЛИ «ЦАРЯ–ВОИНА»

Давайте оставим теперь земли Ирана и попытаемся распространить компаративный метод на македонский лагерь. В длинном пассаже, посвященном героическому поведению Александра во время осады индийского укрепленного города, Арриан сообщает, что серьезные раны, которые царь получил в ходе последнего приступа, встревожили его подданных, но каждую категорию его войска — по-своему. Вот, например, доводы высокопоставленных офицеров:

«Затем стоны прекратились, и они оставались подавленными и огорченными, так как совершенно не могли понять, кто мог бы взять на себя командование армией (имелись некоторые кандидаты, которые были практически равны и пользовались одинаковым уважением, как у Александра, так и у македонцев); они спрашивали себя также, как им суметь вернуться целыми и невредимыми к своим очагам, раз они окружены таким множеством воинственных народов... Им казалось в тот момент, что они стоят в этот момент посреди непреодолимых рек, и, так как с ними больше не было Александра, они везде видели непреодолимые препятствия» (VI.12.1—2).

Здесь мы видим мотивы, часто выдвигавшиеся древними авторами для того, чтобы объяснить страх греческих солдат перед углублением в центр территорий Великого царя, и неуправляемую панику по поводу того, что они не смогут сами обнаружить верный путь, ввиду множества естественных препятствий, а также враждебности — доказанной или предполагаемой — «многочисленных воинственных народов». Некоторое время спустя после бунта при Гифасе, где они уже высказывали свое желание вернуться в свою страну и снова увидеть жен и детей, они снова захотели вернуться в Македонию под водительством своего царя, которому они очень доверяют¹⁹. Александру пришлось организовать целую постановку, чтобы успокоить своих солдат и убедить их, *de visu*, что их царь жив и готов управлять ими. Он приказал перенести себя на борт корабля, спускающегося по реке Гидраот на виду у всех, после чего сошел на берег и сел на

коня: «Когда он явился всем взглядам, и снова верхом, армия начала громко приветствовать его»²⁰.

Причины, какими их описывает Арриан (основываясь на свидетельстве Непарха), приводимые друзьями царя, одновременно более специфические и более политические:

«Непарх говорит, что Александр плохо относился к неодобрению некоторых из своих друзей, которые упрекали его за то, что рискует, идя впереди армии (*pro tes strateias*); это не роль главнокомандующего (*strategos*), — говорили они, — это роль солдата (*stratiôtès*). И я полагаю, что эти речи сильно раздражали Александра, потому что он отдавал себе отчет, что упрек был заслуженным; однако, вследствие своего воинского азарта и своей любви к славе, как и те, кто побежден сладострастием, у него не было сил держаться подальше от опасностей»²¹.

Подобные дебаты были широко распространены в античный период. Политический, например, так иллюстрирует особый долг главнокомандующего (*strategos*) по сравнению с долгом простого солдата: в то время как второй не должен быть сдерживаем ничем и обязан идти и грабить вражеский лагерь, первый не должен позволить себе поддаваться своим порывам²². Подобное противопоставление мы обнаруживаем у Квинта Курция. Когда Александр хочет вступить в поединок против Дария, «он действовал скорее как солдат, чем как главнокомандующий», — пишет Квинт Курций²³, желая тем самым выразить мысль, что македонский царь стремился подвергнуться риску, который не пристал главе армии.

В одном из «Диалогов мертвых», где он ставит лицом к лицу Александра и его отца, Лукиан демонстрирует ту же самую идею о том, что военачальник должен предпочитать благоразумие опасности. Филипп не только принижает победы, одержанные Александром над Дарием и Персией, но и демонстрирует сдержанность в оценке личных подвигов, которыми хвастается его сын. Александр любит подчеркивать, что он «влюблен в опасность» и что он любит «встречать опасность во главе своей армии». Филипп допускает, что ранение может быть почетным для царя, но он считает также подвиг своего сына, в одиночку прыгающего внутрь крепости, не достойным восхваления²⁴. Подобные же мотивы мы находим между строк в панегирике, написанном Плутархом: он признает необходимым запретить Александру вести себя «столь легкомысленно и импульсивно»²⁵.

Упреки, которые высказываются царю его приближенными, напоминают смертельную ссору с Клейтосом, его молочным братом, которая произошла в Самарканде несколькими годами раньше. Во время пира Клейтос противился перенятием Александром церемониала ахеменидского двора. Он упрекал его за то, что тот отдаляется от македонских традиционных обычаев, и за то, что тот присваивает себе лично победы, одержанные всей армией. В особенности он напоминает ему о победе при Гранике и говорит, что если бы он, Клейтос, не был там, Александр был бы смертельно ранен персом, который успешно атаковал царя²⁶. Очевидно, таким образом Клейтос ставил под сомнение версию о «мономахии» которая уже навязывалась при помощи рукописей окружавших царя льстецов²⁷.

Но в Индии упреки в адрес Александра приобретают несколько иную тональность: македонцы не затрагивают реальность личного подвига царя, даже при том, — как подтверждают все древние авторы, — что впоследствии было множество различных рассказов о личности компаньонов, которые сыграли роль во всей этой истории, и даже при том, что некоторые моменты этих рассказов ставили под сомнение тот или иной эпизод официальной версии²⁸. Суть дебатов в том, что приближенные царя оспаривают законность личного подвига с точки зрения коллективного интереса: само понятие военачальника не является больше определением гомеровского героя, ведущего личный бой, чтобы памятуя о его подвигах воспевалась в грядущие времена. Он является залогом выживания армии и обязан подчиниться долгу по отношению к коллективу. Военачальник не должен показываться в первых рядах.

Предмет ожесточенных дебатов — сама функция царя с точки зрения македонцев. Вопреки тому факту, что древние источники первоначально превозносят его прежде всего в качестве стратега и элитного воина, и вопреки факту, что именно этот образ хотел навязать всем и сам Александр, македонский царь не является просто военачальником. Он выполняет фундаментальную религиозную роль, и в крайних случаях функция стратега может быть отъединена даже от функции царя.

В конечном счете, даже если кампания Александра отмечена существенной эволюцией теории и практики македонской монархии, Александр продолжает на протяжении всего похода исполнять свои ритуальные и религиозные функции: он каждый день приносит жертвы традиционным богам в рамках македонских обычаев, привлекая их таким образом на защиту своего войска. Этим частично объясняется тот факт, что после смерти Александра ему на смену выбрали его сводного брата Арриде, который, однако, был признан неспособным вести армию: дело, в том, что Арриде «был приближен к Александру для отправления культа и исполнения религиозных обычаев»²⁹. Руководство военными операциями перешло к близким компаньонам Александра. Таким образом, становится ясной паника македонских солдат после смерти Александра в Вавилоне: в отсутствие прямого и активного наследника у македонцев нет больше ни стратега, который может вести их в Македонию, ни первосвященника, который может вступить за них перед богами; они потеряли всякую защиту. И солдаты шумно напоминают Александру в Индии, что поход, который он ведет, не является его личным приключением: он находится во главе коллектива. Так же, как в обычное время македонский царь не имеет абсолютной власти, так царь не должен чувствовать себя свободным от привычных обязанностей в то время, когда царство превратилось фактически в разрезное государство.

Отметим, что Арриан не комментирует реакцию командиров Александра, хотя безоговорочно осуждает упреки Клейтоса: он считает, что Клейтос оскорбил своего царя. Указывает ли это молчание на то, что Арриан в глубине души допускал обоснованность упреков командиров Александра? Согласно традиционным римским понятиям, индивидуальный подвиг не отрицается; мы знаем там даже традицию поединка. Именно при помощи римского словаря («богатая добыча, трофеи») Квинт Курций намекает на поединок, который Александр, согласно его мнению, пытается навязать Дарию³⁰. Со своей стороны, Полибий

объясняет, что «многие римляне охотно вступили бы в личный поединок, чтобы провести решающий бой, и многие заранее согласились бы на смерть, если бы это спасло многие жизни на войне или, — в мирное время, — чтобы обеспечить защиту общих дел»³¹. Но в действительности, с одной стороны, обряд посвящения доспехов врага в храме Юпитера выполнялся только в крайне редких случаях и не уходил корнями в древнее прошлое Рима³². С другой стороны, используя слова Марру, «у подвига нет никогда [в Риме] характера единоличного деяния; он всегда тесно связан с общественным благом и общей славой... Римский герой своим мужеством или своей мудростью спасал родину от опасности... Выборы примеров, предложенных юному римлянину, заимствовались в национальной истории, а не в героической поэзии» (стр. 320).

Не в связи ли с этими римскими коллективными ценностями Арриан вполне понимает молчание старших офицеров Александра? Возможно, но это нельзя утверждать с уверенностью. Однако его сдержанность заметна. «Побежденный» собственным наслаждением и неспособностью «держаться подальше от опасностей», Александр отступает от перечня царских достоинств, которые Арриан и вся энкомиастическая традиция постоянно ему приписывают, а именно — от внутренней и гармоничной связи дерзости и рассудительности. То же самое, похоже, происходит и у Квинта Курция: «Александр осмелился на невероятное, неслышанное действие, которое было в большей степени чудом отваги, чем просто подвигом»³³. В этой фразе одновременно ощущается восхищение и сдержанность, как и в другом пассаже, где тот же автор выражает некоторую осторожность по отношению к безумной погоне, организованной Александром в ходе сражения при Гавгамелах. Царь «вел себя как победитель еще до того, как исход сражения стал бесспорным». Его горячность была столь сильна, что он вполне мог кинуться в погоню за беглецами «не столько с рассудительностью, сколько с нетерпением»³⁴. Использованное в весьма оборонительном дискурсивном контексте, несколько витиеватое выражение, похоже, откликается на критику македонцев, высказанную против своего военачальника, который в данном случае позволил себе увлечься погоней (неустрашимое желание найти Дария), вместо того чтобы продемонстрировать рассудительность (*gnome*).

В свою очередь, дискуссия очень напоминает то, что имело место перед сражением при Гранике. Парменион, как известно, советовал подождать следующего дня для того, чтобы попытаться перейти реку. Александр тогда ответил, что принять такую тактику «было бы недостойно славы македонцев и их привычки лететь навстречу опасности»³⁵. Передавая этот диалог, Плутарх следующим образом комментирует маневр Александра:

«Бросаясь навстречу стрелам в самое опасное место, посреди оружия и коней, в самую гущу, которая захватывала его и грозила поглотить его, он, казалось, руководил своей армией в совершенно безумной манере, и направлял армию, руководствуясь скорее безумной отвагой, чем рассудком»³⁶.

Ситуация и дебаты напоминают довольно точно переговоры, которые, согласно Плутарху, происходили между Киром Младшим и Клеархом перед сражением при Кунаксе. Второй настойчиво советует первому не подвергаться лич-

ной опасности в первых рядах войска; он должен был скорее «держаться позади линии бойцов». В ответ следует резкая реплика Кира, весьма похожая на ту, которую высказал Александр в ответ Пармениону: принять такую тактику было бы недостойно его царских амбиций. И, осуждая Клеарха «за то, что он не выстроил греков перед царем», и освобождая Кира от ответственности за поражение, Плутарх тем не менее признает, что принц «сделал большую ошибку, смело бросившись без какой-либо предосторожности в самую гущу битвы, полной опасностей и риска»³⁷. У Диодора упреки выражены еще яснее: «Воодушевленный успехом своих войск, Кир поспешил врезаться в гущу сражения и, злоупотребляя своей отвагой, собственноручно убил множество врагов. Он продолжал все яростнее сражаться, подвергая себя все большей опасности, пока не был сражен неизвестным персидским солдатом»³⁸.

Здесь мы видим образ идеального вождя, который должен быть одновременно полным мужеством и отвагой, и при этом высказывает значительный здравый смысл — образ, который тот же Арриан высказывает в качестве контрдоводов Пармениона: недостаточно быть готовым стремиться к опасности, необходимо также выказать рассудительность³⁹. В фразах Плутарха чувствуется также явный упрек Александру: «Он был вынужден сражаться в полной неразберихе, один на один, с врагами, которые его атаковали прежде, чем его переходящие реку войска смогли образовать какое-то подобие порядка»⁴⁰. Но Арриан защищает царя: когда речь заходит о Гранике или о Гавгамелах, он старается подчеркнуть, что Александр не является безумцем: он заботится о том, чтобы, «входя в реку Граник, его войска старались сохранить свои боевые порядки таким образом, чтобы их не разметало течение, и они в относительном боевом порядке могли бы выйти на противоположный берег»⁴¹; то же самое и при Иссе, но там «македонцы не могли удержать строй своих фаланг»⁴². Вот почему Полибий, оспаривающий версию Каллисфена о сражении при Иссе, старается защитить Александра при помощи следующих слов: «Невозможно признать подобную странность в поведении Александра, когда весь мир признает, что он с детства был выучен и опытен в военных науках и в искусстве войны. Это скорее следует приписать историкам»⁴³.

ОТ ПАРМЕНИОНА ДО КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ

Эти дебаты очень важны, и они велись не только в окружении Александра Великого и Кира Младшего, но и при сасанидском дворе. Необходимо также напомнить, что они велись, причем в почти идентичных, или, во всяком случае, подобных терминах, средневековыми и современными юристами и теоретиками.

Идея о царе, сражающемся за общее благо, была очень распространена в Средние века; она очень активно обсуждалась, даже оспаривалась. Об этом свидетельствует Пьер Дюбуа, который около 1300 года защищал радикально противоположный тезис, упомянутый историком-медиевистом Эрнстом Канторовичем в его замечательном эссе «Les deux corps du roi»:

«[Дюбуа] заявлял, что в случае войны персону царя не должна была подвергаться опасности и царь не должен даже присоединяться к армии. Царь, —

писал Дюбуа, — должен оставаться “в своей родной стране, и предаваться зачатию детей, заниматься их воспитанием и подготовкой, а также подготовкой армий, *ad honorem Dei*”. То есть в то время, как от простого подданного ожидали и даже требовали, чтобы он жертвовал состоянием и жизнью ради родины, то от главы государства не предполагалось ожидать подобных жертв, он должен был отдаваться иной патриотической деятельности, согласно модели, — добавлял Дюбуа, — некоторых римских императоров и варварских ханов, “которые спокойно отдыхали в глубине своих государств”, отправляя своих военачальников на войну» (стр. 835).

Канторович подчеркивает, что идея, выраженная Дюбуа, не нова: «Действительно, во второй половине Средневековья спорадически можно обнаружить новый идеал царской власти: принца, который не сражается сам, но остается в своем дворце, в то время как военачальники ведут за него войну». Канторович считал, что Дюбуа рассуждает по схеме Юстиниана. Можно также предположить, что темы, изложенные в философском романе «Сидрах», оставили глубокий след в душах читателей:

«Мудрый Сидрах, которого его собеседник, легендарный царь Леванта, спросил, должен ли царь принимать участие в сражении, заявил, что царь не должен сражаться, но должен оставаться позади своей армии; так как «если армия уничтожена и царь сумел бежать, то он соберет другую армию; но если царь погиб, то все погибло». Невозможно сказать, оказал ли Сидрах влияние на Пьера Дюбуа. Между тем идея о несражающемся царе получила некоторое распространение... В случае с Дюбуа, по всей видимости, именно непрерывность династического наследования, в интересах всего государства, казалась важнее, чем подвергание царя превратностям войны на глазах у войска» (стр. 836).

Но, добавляет Канторович, «возможно, что за новый взгляд на царскую власть несет частичную ответственность псевдо-аристотелевский труд «*De mundo*», дважды переведенный на латинский язык в течение XIII века. В нем можно обнаружить изображение всемогущего персидского царя в глубине его роскошных дворцов в Сузах и Экбатанах, «небесный Версаль», согласно выражению Канторовича, где подобный божеству Великий царь «невидим для всех, но способен «все видеть и все слышать» благодаря многочисленным посредникам и слугам⁴⁴. Именно этот образ использовал Плутарх в «Жизни Агесилая» (15.9), а затем на его основе был создан образ Дария III, пользующегося всей роскошью дворцов в Сузах и Экбатанах, отказывающегося сражаться на поле боя, решившего вести войну при помощи золота и военачальников. В любом случае, ссылка Дюбуа на римских императоров и ханов Тартарии, «которые спокойно отдыхали посреди своих царств», отправляя военачальников вести войну, странно напоминает повторявшиеся в Античности суждения обо всех Великих царях в целом, и о Дарии III в частности⁴⁵.

Нет ничего удивительно в том, что греческое представление о персидском царе повлияет, хотя бы частично, на рассуждения французского юриста в са-

мом начале XIV века. Читая труды этих теоретиков и размышления нынешних историков, становится очевидным, что описываемые ситуации, предложенные комментарии и придуманные апофтегмы чрезвычайно похожи на те, которые можно найти у греко-римских авторов. Речь не идет, разумеется, о простых совпадениях: вдохновленные чтением древних произведений, авторы сборников *exempla* и теоретики современной эпохи легко находили у своих античных коллег, чем проиллюстрировать мужество и подвиги своих монархов. Более того, рассуждая об отношениях, которые владыка должен выстраивать со своими приближенными, в том числе в рамках размышления о двух ипостасях царя, Бюде (53г-v-54г) и Жентилье (стр. 100—101) не упускают возможности сослаться на Александра и двух его друзей, Гефестиона и Кратера⁴⁶.

Как бы там ни было, толкование образа царя, сражающегося на поле боя, и любимца побед, даже с ранами, полученными на поле битвы, навсегда осталось весьма живучим⁴⁷. В противоположность испанскому «скрытому правителю», который никогда не появляется на поле битвы, короли Франции всегда изображались как правители-воины и короли-завоеватели. Именно такой образ хотят нам навязать королевские панегиристы. В 1560 году при осаде Жарнака будущий Генрих III сражается в первых рядах своего эскадрона: «Он избежал страшной, смертельной опасности, мог расстаться с жизнью... [Он был вынужден защищаться] против яростных врагов, которые с мужеством отчаяния сражались против него». В 1573 году, при осаде Ля-Рошели, «он не щадил ни расходов, ни трудов, не уходил от опасности, не остужал того жестокого жара, который вел его в бой». Согласно его биографу, Ардуэну де Перефиксу, Генрих III любил, чтобы его выделяли на поле битвы, и поддерживал образ гомеровского героя или подобия Александра, трактуемый согласно правилам гомерического *mimèsis*⁴⁸, для чего носил на шлеме букет белых перьев, «чтобы его всегда можно было заметить». Во время осады Парижа (1589) «его постоянно видели в наиболее опасных местах — он торопил работы, подбадривал солдат».

Напротив, король, который не соответствует этой модели, строго осуждается — например, Генрих III, который, согласно полемисту Пьеру де л'Эстуэлю, вместо того, чтобы броситься на врагов королевства, «проводил турниры, поединки и участвовал в балетах и маскарадах, где он оказывался обычно одетым в женское платье; он расстегивал свой камзол и демонстрировал горло, на которое было надето жемчужное ожерелье и три воротничка, два в виде брыжей, и один накладной, как тогда носили придворные дамы»; короче, король был очень похож на карикатуру на персидского царя: спрятавшийся в глубине своих дворцов, изнеженный, не желающий брать в руки оружие, позволяющий себе броситься в пучину застольных наслаждений и в удовольствия гарема⁴⁹!

Остановимся подробнее на яркой речи Франсуа ла Мота Ле Вайера (1588—1672) в пользу образа короля, идущего в атаку впереди своих войск. Философ-эрудит, Мот создал впечатляющее количество эссе и ученых трудов. Хотя его «Поучения господину дофину» (1640) привлекли внимание Ришелье (которому этот труд был посвящен), лишь позднее он был привлечен к воспитанию Людовика XIV, с которым он занимался до самого коронавания его венценосного ученика (1652—1654)⁵⁰. Известный эллинист, он был тонким знатоком древних

авторов, которых он представил в труде, озаглавленном «Суждение о древних и главных греческих и латинских историках» (1646): там мы находим, между прочими, весьма хвалебные записи об Арриане и о Квинте Курции. Его записки набиты ехетрпа, позаимствованными у древних авторов, согласно столь же известному правилу: «Провести несколько параллелей из древней истории к случаям нашего времени» (Oeuvres, II, стр. 69).

Как и множество его современников, он был большим поклонником того, кого он называет «шведским Геркулесом» — Густава-Адольфа II, который, являясь союзником Франции (1631), долгое время вел победоносную кампанию против австрийцев в пользу немецких протестантов и был убит в сражении при Лютцене 6 ноября 1632 года. Это событие вдохновило Мота Ле Вайера на написание «Речи о сражении при Лютцене» (II, стр. 65—81). Он вернулся к этому сюжету в виде отступления от темы, вставленного в главу своих «Поучений», посвященную долгу принца во время войны (I, стр. 111—135). Озабоченный тем, чтобы должным образом ответить противникам покойного короля Швеции, он формулирует проблему при помощи следующих терминов:

«Вот что важнее всего во время войны... важно понять, что [государь] не только должен сам участвовать в сражениях, подвергаясь всем опасностям битвы, заставляя фортуна стремиться сохранить жизнь, от которой зависят многие другие жизни, и с сохранением которой нередко связано судьба государства» (I, стр. 105).

Он отмечает свое несогласие с теми, кто, говоря о шведском короле, «называют его мужество чистым безрассудством» (I, стр. 110), и, напротив, считает, что то, что они называют «осторожностью, нередко является всего лишь обыкновенной трусостью» (II, стр. 77):

«Но я подтверждаю, что в конце концов, когда речь идет о спасении государства, об интересах короны, и, главным образом, о некоем славном и важном завоевании, любой монарх, что бы ни случилось, должен продемонстрировать, что в его жилах течет горячая кровь, и не посрамить свою честь, ни в коем случае не избегая того, что является его первейшим долгом» (I, стр. 113—114).

Он противопоставляет славу короля сражающегося и самоустранение «кабинетных королей», и для этого приводит свои доводы, прибегая к «примерам древних героев, наделенных героическими добродетелями», которым подражал шведский король (II, стр. 78—79):

«И если бы Александр не продемонстрировал македонцам почти столько же ран, сколько он взял городов и дал сражений, не выказал великое мужество и не делил с ними все трудности, он не смог бы привести их на берега Ганга (I, стр. 109)... Сколько раз Цезарь бросался на врага в первых рядах своих армий, и даже без защиты, так что ему пришлось даже брать щит у первого же из своих легионеров?» (II, стр. 77).

Автор использует в своих интересах различие между солдатом и военачальником, столь часто приводимое в древних текстах, и считает, что только герой, вдохновленный Гомером (II, стр. 74) в состоянии соединить в себе достоинства того и другого:

«[В ходе Фарсальского сражения] Цезаря можно было видеть практически повсюду, в самой гуще боя, и он вел себя там скорее как бравый солдат, чем как генерал, ведущий армию (I, стр. 117)... [Король Швеции] отлично знал, что, если бы Александр не сражался как простой солдат на берегах Граника, он не торжествовал бы никогда как монарх на равнине Арбелы» (II, стр. 80).

В качестве идеального контрпримера для модели, достоинства которой он воспевает, стоит упомянуть Ксеркса, который во время сражения при Саламине предпочел выбрать «удобное место... вместо того, чтобы рисковать вместе со своими солдатами судьбой такого множества провинций» (I, стр. 108). Но примеры Цезаря и Александра также использованы, ввиду их не слишком героической смерти:

«Цезарь был поражен кинжалом в римском Сенате; Александр погибает от излишка еды или от яда в Вавилоне (1,122)... Принцу почетнее умереть в сражении и сделать свою гробницу памятником своей победы, чем быть убитым кинжалом в римском Сенате или погибнуть то ли от яда, то ли от руки подлеца в Вавилоне» (II, стр. 81).

Подвиг шведского короля во время осады Франкфурта-на-Одере, где он сам взбирался на стену во время атаки, карабкаясь по перекладинам лестницы, которую сам же установил (I, стр. 79), не может не заставить вспомнить подвиг, приписываемый всеми древними авторами Александру, взбирающемуся в атаку на стены индийской крепости. Риск обоих практически одинаков, и последствия аналогичны: тело царя было покрыто шрамами. Согласно сообщению аптекаря, который бальзамировал тело Густава-Адольфа, на нем имелись не менее девяти открытых ран и тринадцать застарелых шрамов. Мот Ле Вайер не упускает возможности напомнить об этом (II, стр. 80), и очевидно, что он усматривает прямую связь с описанием Плутархом тела Александра⁵¹:

«[Плутарх] показывает, что у него не было ни одной части тела, от макушки до ног, на которой не было бы почетного шрама, оставшегося после бесчисленных предыдущих боев» (II, стр. 78).

Смерть в бою, таким образом, является вполне ожидаемым концом для короля, описанного Мотом. Впрочем, король сам возвещает это своим дворянам в момент, когда он занимает место во главе великого похода, который трагически завершился в Лютцене:

«Я, который подверг свою жизнь стольким опасностям и столько раз пролил свою кровь ради родины, но не был, хвала Господу, смертельно ранен, я

вынужден в конце концов принести в жертву самого себя; поэтому я с вами прощаюсь, надеясь увидеть вас вновь в лучшем из миров».

Речь, которую держит король Швеции, определяет понятие жертвенного владыки:

«Когда царь берет на себя все грехи и искупает страдание своего народа, он всего лишь доводит до предела изначальное предназначение персонализированной власти, состоящее в том, чтобы воплотить коллективную судьбу и, таким образом, взять ее на себя, отклоняя ее от падения на голову своей нации» (Ж.-М. Берсе, *Le roi cache*, стр. 226).

Ла Мот Ле Вайер был не единственным, кто защищал эту теорию. Когда в 1646 году его современник Никола Перро д'Абланкур перевел «Анабасис» Арриана (под названием «Войны Александра») и посвятил свою работу герцогу Энгиенскому, он восхваляет в ней мужество и воинственный героизм молодого македонского царя, «который завоевал страну в две тысячи лье по прямой линии; все государства царя персов, с частью страны Могор и великой страны Кам в Тартарии». Он также восхваляет этику дворянства того времени, особенно принца Конде. Человека, которому была посвящена книга, он называет «Новым Александром». Согласно незыблемым правилам лести, он даже почитает его более мужественным, чем книжный образец, который «победил изнеженные народы, смягченные долгим миром и азиатской роскошью». Интересно увидеть использование при этом формулировки, уже применявшейся Мот Ле Вайером против тех, кто оказался неспособен «понимать столь высокое достоинство, каким является отвага»⁵².

Ни Ла Мот, ни Абланкур не констатируют наличия споров, которые, согласно Арриану, велись по тому же поводу в окружении Александра. Из прочтения древних авторов они извлекли аргументы, которые могли теперь использовать в рамках защиты и иллюстрации своего тезиса; они не намерены предоставить оружие своим противникам!

В подобных вопросах до всеобщего согласия было далеко. Обсуждение продолжалось на самых верхах государства, между королем и главными советниками. В 1635 году имело место противостояние Людовика XIII и Ришелье. Этот последний хорошо осознавал риск с точки зрения того, что мы назвали бы сейчас государственной преемственностью. Полностью признавая — весьма дипломатично, — что мужество царя было вне всяких похвал, кардинал подчеркивал, что война могла вестись и его достойными генералами. Помимо риска увидеть гибель короля в сражении, он подчеркивал, что всегда может случиться так, что поражение нанесет урон престижу короля и королевской власти. Эта речь не принесла желаемого результата; Людовик XIII возглавил армию на лотарингском фронте. В этой дискуссии Жоель Корнетт увидел признак эволюции в концепции государства: с одной стороны, монархия была еще полностью пропитана феодальным духом, который навязывает королю обязанность быть первым из дворян, а дворянам предписывает совершать самые безумные подвиги на глазах у своего государя: у дворян и королев одинаковый идеал — «утопического

благородного братства королевской войны». С другой стороны, король выполняет ряд других функций, в частности функции военачальника, и он должен позаботиться об управлении государством, об отправлении правосудия.

Отсюда неизбежный выбор, который сделал Людовик XIV в 1693 году, изумивший и даже возмущивший многих: царь покинул кампанию во Фландрии и решил отныне руководить всем из Версаля. Однако он совершенно не потерял своего престижа: просто благодаря изображениям, картинам и праздникам, именно в изображении войны, а не в самой войне, выражались отныне его власть и харизма, в том числе при помощи сцен, извлеченных из истории Александра⁵³. Царь мог «вести войну», не присутствуя на фронте, ни рискуя своей жизнью, первым выступая против врага. И теперь царя изображают скорее не в гуще сражения или жестокой осаде города, но размышляющим над планами кампании: «Некоторые скажут, что это менее престижно. Но это не так. Эти действия царя являются частью его роли, как и другие его функции. И более того, они являются сутью роли царя. Это и есть акт управления. Именно он обуславливает успех войны»⁵⁴.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДАРИЮ III

Аргументы, приводимые компаньонами Александра во властных сасанидских кругах и среди советников Людовика XIII и Людовика XIV, должны напоминать, что, несмотря на неотвязное присутствие в древних рукописях (и в бесчисленных произведениях хроникеров-придворных во Франции нового времени), героическая модель не является универсальным истолковывающим ключом⁵⁵. Как показали более или менее недавние дебаты, сражения, описанные в «Илиаде», не стоит смешивать с рыцарскими турнирами, на которых рыцари сталкиваются в единоличных поединках: монархия там скорее литературная тема, чем предмет анализа⁵⁶. С точки зрения метода было бы по крайней мере парадоксально оценивать действия и решения Дария III с точки зрения царской и аристократической этики, которая воодушевляла греческого поэта за несколько веков до него, или с точки зрения требований *mimèsis*, систематически использованных поклонниками подвигов Александра.

Уже подчеркивался искаженный характер интерпретации, который дали по этому поводу древние авторы, не ставя под сомнение фактическую историчность царских советов, созданных Дарием III для обсуждения мер, которые надо предпринять по отношению к наступлению Александра, а затем и по отношению к его первым успехам в Малой Азии. Эта ситуация, когда внешний враг безостановочно двигается внутрь империи, не имеет прецедентов в ахеменидской истории, так что нет ничего чрезвычайного в том, что обсуждение коснется роли Великого царя в организации контратаки. Разумеется, стереотипное объяснение отсутствия способных военачальников не сможет нас удовлетворить⁵⁷. Кроме того, Диодор, который выдвигает эту интерпретацию⁵⁸, уточняет, что «среди друзей и родственников Дарий отобрал способных людей, передав некоторым из них командование — тем, кого считал годным для этого, а прочим приказал сражаться рядом с собой»⁵⁹. Справедливо, что у Диодора это выражение часто повторяется при упоминании военных приготовлений Великих

царей⁶⁰: оно связано с тем, что лишь царю принадлежит право назначать военачальников, и эти выборы зависят от личного доверия правителя и вне зависимости от иерархической системы. В любом случае последовательность событий ясно показывает, что Великий царь не испытывал нехватку в персидских дворянах, сведущих в военном искусстве и лично ему преданных. Таким образом, не исключено, что это решение означает также, что при нормальном течении событий царь не должен возглавлять армию.

Стоит вспомнить и другие важные указания. Переданная Квинтом Курцием, Юстинианом, а затем Орозием, легенда о битве при Гавгамелах заставляет задуматься. Квинт Курций ссылается на стыд Великого царя за необходимость бежать и его желание добровольно покончить с собой: «Но, стоя высоко на своей колеснице, он краснеет от того, что покидает своих приближенных»⁶¹.

Повторенный Орозием, Юстиниан добавляет уточнение, значение которого не ускользает ни от кого: «Но те, кто окружал Великого царя, вынудили его бежать»⁶². Озабоченные прежде всего тем, чтобы заботиться о жизни их царя, приближенные мешают ему покончить жизнь самоубийством, а затем заставляют его бежать.

При этом было бы вполне понятно, что советники будут упоминать перед сражением о серьезных опасностях, которым Великий царь подвергнется, показавшись собственной персоной перед войсками, и естественно, что они предприняли все необходимые меры для того, чтобы заставить его покинуть целым и невредимым поле битвы, так как положение персидской армии уже оценивалось как отчаянное: бой опасно приближался к тому месту, где находился царь. И тут мы обнаруживаем «кобылу, предназначенную для того, чтобы позволить Великому царю вернуться в базовый лагерь, находящийся позади, и, что самое важное, не попасть в руки противника, настроенного на безостановочную погоню...

Давайте добавим последнее «статистическое» наблюдение, которое только что проиллюстрировало — или усилило — образ царей, которые не сражаются в первых рядах войска. Только об одном Великом царе (Кир Великий) известно, что он погиб в ходе военного похода, но в действительности разнообразие традиций и легенд оставляет вопрос полностью открытым⁶³. Среди его преемников лишь один умер от раны (Камбиз), но эта рана была получена чисто случайно, не в бою; ни про кого не говорили, что он был ранен в течение войны, даже при том, что про большинство из них известно, что они руководили военными походами (Камбиз, Бардия/Смердис, Дарий I, Ксеркс I, Артаксеркс I, Дарий II, Артаксеркс II, Артаксеркс III, Дарий III); четверо умерли от старости или по болезни (Дарий I, Артаксеркс I, Дарий II, Артаксеркс II); семеро погибли вследствие заговоров (Бардия/Смердис, Ксеркс I, Ксеркс II, Артаксеркс III, Арсес, Дарий III). С этой точки зрения Дарий III также не составляет исключения: он четко вписывается в историческую последовательность ахеменидской династии.

Очевидно, что гипотеза Г. Виденгрена понемногу получает концептуальную обоснованность и документарную наполненность, которые дают поддержку гипотезе, предложенной автором. По мере обсуждения эта гипотеза подпитывается фактами компаративной истории и фрагментами греческих и римских текстов, которые, за неимением полноты и абсолютной бесспорности и одно-

значности, являются хотя бы связными и согласующимися. Первая порождает истолковывающую модель, тогда как вторые иллюстрируют надежность и вписываются в ахеменидскую историю, пусть даже только в виде вероятной гипотезы, которую можно сформулировать следующим образом: если Дарий дважды оставил поле битвы до конца боя, то это соответствует ахеменидской монархической теории и практике.

Был ли Великий царь «смелым» или «недостойным»? Чтобы закрыть вопрос, открытый еще в Античности, можно считать, что вопрос и ответ на него не имеют никакого точного соответствия с точки зрения решаемой проблемы. В конце концов, никто из современных историков не задавался вопросом, было ли решение Людовика XIV не сражаться во главе своих войск проявлением его «трусости»...

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ 1. МЕЖ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

1. Paris, Gallimard, 1996; цитаты, извлеченные из «Введения», стр. 13—27.
2. *Historie de l'empire perse* [НЕР], 1996, p. 835—891, 1068—1077; см. состояние вопроса в ВНАч II (2001).
3. *Alexandre le Grand*, 1974 (стр. 27; глава III); 5-е обновленное издание, 2002 (стр. 25—26).
4. Согласно Арриану (III.22.5), на момент своей смерти он достиг возраста приблизительно пятидесяти лет.
5. J.-Y. Tilliette. *L'Alexandreide de Gautier de Chatillon*, 1999, стр. 283.
6. Alain Corbin. *Le Monde retrouve de Louis-Francois Pinagot. Sur les traces d'un inconnu (1798—1876)*, Paris, Flammarion, 1998 (цитата, стр. 8).
7. Id., *Recherches pinagotiques (suite et fin)*, ARF 4, 1999 (<http://www.revues.org/ruralia/04—1999/09—04—1999.chromques-1.html>).
8. Биографические данные, установленные из классических источников, собраны в записке де Берва *Alexanderreich I*, № 244 (стр. 116—129); также см. записки № 290 (*Drypétis*), 711 (*Sisygambis*), 721 (*Stateira / Его жена*), 722 (*Stateira / его дочь*), 833 (*Ochos*).
9. J.-L. Mayaud, J. Rémy и Ко. Boujot «*Recherches pinagotiques. A propos Le Monde retrouve de Louis-Francois Pinagot*», ARF 3, 1998 (<http://www.revues.org/ruralia/03—1998/08—03—1998.chroniques-1.html>).
10. Арриан. Анабасис III.11.3.
11. См.: Ch. Grell-Ch. Michel. Школа принцев или обездоленный Александр, 1988, стр. 108—116 (Ле Брюн, Александр и Людовик XIV) и 220—223.
12. «Путешествие Кира с рассуждениями о мифологии», критическое издание G. Lamoine (*L'age des Lumieres*, 17), Paris, Champion, 2002, стр. 23 (я осовременил орфографию); о книге, авторе и его окружении см. также J. Tatum, *Imperial Fiction*, 1989, стр. 27—29.
13. О Фрере и его хронологических и исторических исследованиях, см.: Ch. Grell. *История между ученостью и философией*, 1993, стр. 84—93.
14. Недавняя статья С. Croisy-Naquet («Дарий, или Образ персидского владельца в романе Александра Парижского», 1999) является исключением.

ЧАСТЬ 2. НЕВЕРОЯТНАЯ БИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК ДЛЯ СВОИХ

1. О надписях, свидетельствующих о пребывании в Персеполе персидских принцев эпохи Сасанидов и исламской эпохи, см. на стр. 444—448

2. См. стр. 318—323.

3. Плутарх, Александр 69.2.

4. Квинт Курций III.3.13.

5. Диодор XVII.71.7.

6. Ктесий. Persika = FGtH F13 (19).

7. См. стр. 510—513.

8. В принципе, Дараб обозначает «отец», а Дара — «сын», но употребление этих форм остается достаточно гибким.

9. Арриан III.22.1; Диодор XVII.73.3; Юстиниан XI.15.5; Плутарх. De Alexandri Fortuna 11.12 (343^b). Разумеется, в рамках этого обсуждения было бы абсурдным «противопоставлять» греко-римские источники персидским и арабо-персидским источникам или поддерживать первые в ущерб вторым (которые описывают также похоронные церемонии): см. стр. 512—513.

10. Квинт Курций IV.10.23: patrio Persarum more; сравнить: Диодор XVII.54.7; Плутарх. Александр 30.1; De Fortuna Alexandri 11.6 (338).

11. Квинт Курций III. 12.13—14: patrio more.

12. Аппиан. Римская История. Mithridatica XVI.113; сравнить: Плутарх. Помпей 42.3—5.

13. Ксенофонт. Anabasis 1.6.11.

14. Александр 43.7.

15. Ктесий § 58; Плутарх. Артаксеркс 17.7, и критическое обсуждение в НЕР 1014—1015 относительно гипотезы «возможной» гробницы Кира Младшего в Fârs; об образе Сисигамбис и ее отношениях с Александром, см. далее стр. 410—413.

16. См., в частности, Арриан VI.29.4—11; 30.1—3.

17. См. стр. 71, рис 23.

18. Даже если допустить, что изображение персонажей и сцены сражения на мозаике в Неаполе предполагает наличие бесспорных черт реального наблюдения, тем не менее в основе лежит картина греческого художника; речь не идет об ахеменидском документе (см. далее стр. 226—247). Таким образом, невозможно доказать (несмотря на прямое утверждение Бадьяна) что портрет Великого царя создан по «очень подробному описанию Дария» или даже что «художник должен был сам видеть Дария». Разумеется, гипотеза не лишена некоторого смысла, но, в отсутствие подлинно «ахеменидского» портрета, надо оставаться крайне осторожными в оценке реализма приведенного портрета.

19. Все еще неизданные, эти документы будут опубликованы Саулом Шакедом и Иосифом Навехо (Иерусалим).

20. Юстиниан X. 1. 2—5: Codomannus quidam. О кадусийском подвиге см. стр. 199—212.

21. То есть Египет.

22. Геродот VII.1, 5—8 (НЕР 541, 985).
23. Диодор Сицилийский XVI.47; см. также: XV.42—43 или XVIII.33.2—6; 34.6—6, 36; XX.73—76 (см. объяснения и комментарии в НЕР 704—706).
24. Выше, стр. 58—61.
25. Арриан 1.20.3; ср. Вавилон II/2, 1910, столбец 65—68 (гипотеза, высказанная Ленорманом, RN1856, стр. 25); см. также: К. Конук. Ахеменидское влияние и его элементы..., 2000, стр. 179 (RN 1890, стр. 241—246).
26. Диодор XVII 48.5—6; Квинт Курций IV.1.34—35; 5.13.
27. Неарх, цитированный по Страбону XVI.3.7.
28. Сирия или Transeuphratène.
29. Арриан II.11.8; ср.: Диодор XVII.34.5 и Квинт Курций III.11.10 (с различными орфографиями).
30. Арриан III 1.2.
31. Плутарх. Александр 34.1: *basileus tes Asias*.
32. IV.1.17.
33. Об иконографической программе Торвальдсена см.: P. Calmeyer. *Die Orientalen*, 1990b.

ГЛАВА 2. ДАРИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

1. Согласно традиции, которой следовал и Бокаччо, Дарий напрямую наследовал престол после Артаксеркса III; его предшественник Арсес ими полностью игнорировался.
2. Орозий Истории III 7.5; 17.7 (*inani misericordia*); 18.10; 20.4.
3. Квинт Курций V.1. 1—16; V.8—13; см. стр. 191—199.
4. Диодор XVII.6.1—2 и Юстиниан X.3.3, анализируются ниже, стр. 199—212. Эпизод не был взят Орозием, поэтому его не упоминает и Боккаччо.
5. Лингвистический статус различных собеседников Дария поставил несколько задач перед древними авторами: см. стр. 193; о другой адаптации, введенной Жаком де Ла Таиль, см. стр. 393, № 123.
6. Традиционно термин «Вульгата» обозначает традицию, представленную Диодором, Квинтом Курцием и Юстинианом, в противоположность Арриану (см. ниже главы III—V).
7. См. главу IV, стр. 266—286: Какое суждение должно иметь об Александре.
8. Жак Гамелен 1738—1803. Коллекции Музея изобразительных искусств Каркассонна 2, Каркассонн, 1990, чертежи № 36, 40, 44—55, 58—61, 63.
9. Арриан, *Anabase* III.22.2—6; текст процитирован полностью ниже на стр. 161—162 и долго обсуждался.
10. Сын путешественника Карстена Нибур, который посетил и описал Персеполь (выше, стр. 45).
11. То же выражение у Гобино. *История персов*, II, 1869, стр. 357: «Александр закончил азиатизацию Греции».
12. См. также на стр. 484—485; о *Lettre de Tanzar* (цитированное Гобино II, стр. 368—369), см. стр. 452—453.
13. См. в особенности: Малькольм. *History of Persia*, I, 1829; см. стр. 55 sq. об Искандере и Дара; касаясь Александра и его наследников, автор тем не менее

отдает приоритет греко-римским источникам, которые квалифицируются как «наиболее подлинные» (стр. 64).

14. См.: F. Assimacouroulou. Гобино и Греция, 1999, стр. 145—146, и вся глава V, озаглавленная «История персов», стр. 123—154.

15. См. стр. 226—247.

16. См. стр. 420—440: If Ochus and Philipp had lived; стр. 441—486: If Alexander the Great had lived on.

17. Автор делает прозрачный намек на практику эндогамии.

18. Убеждение, очевидно, основано на немом ходатайстве, но прозрачно для весьма спорных интерпретаций, уже данных Страбоном XV.3.2; сравни НЕР 177—17:8.

19. Я уже обсуждал эти проблемы в «Imperialismes antiques et ideologie coloniale dans la France contemporaine», 1979; «Alexandre et les katarraktes du Tigre», 1986; «Katarraktai du Tigre et *muballitum* du Habur», 1999.

20. Признавая (Duguу 1862, стр. 302, № 1), что труд Дройзена «слишком блажелателен к Александру».

21. Н. Перро д'Абланкур. Письма и критические предисловия, стр. 137—139.

22. Н. Лоро. Фукидид — не наш коллега, 1980.

ЧАСТЬ 3. ПАРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ГЛАВА 3. «ПОСЛЕДНИЙ ДАРИЙ, ТОТ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОБЕЖДЕН АЛЕКСАНДРОМ»

1. Валерий Максим IX.3, ext.
2. Плутарх. Как слушать 18 = *Moralia* 48^A.
3. Плутарх. *Arphtegmes* = *Moralia* 172^{D-E}.
4. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I,9 (330^E).
5. Валерий Максим I.1, *Introd.*
6. Светоний. *Auguste* 89: *praeccepta et exempla publice vel privatim salubria*..
7. Цицерон. *Secunda action contra Verres*, 111.90,209: *...ex vetere memoria, ex monumentis ac litteris, plena dignitatis, plena antiquitatis*...
8. Квинтилиан. *Ораторское искусство* II.4.20; III.8.66.
9. Цицерон. *Tusculanes* I.44.108: *omni historia curiosus*.
10. Страбон XI.11.3.
11. Порфир. *De abstinentia* IV.21.
12. *De Fortuna Alexandri* I.5 = 328^C.
13. Прэр. *Evang.* I.4.6—8
14. III.22.1.
15. III.17.1.
16. Геродот I.137.17.
17. *De Ira* III.22.1.
18. См. в особенности: Плутарх. *Жизнь Артаксеркса* I.1; 2.1; 4.4—5 и т.д.; *Arphtegmes* 173^F—174^A; Непот. *De Regibus* XXI.1.4; Элиан. *Пестрые истории* I.32—34.

19. Квинт Курций III.2.17 (*mite ac tractabile ingenio*); III.8.5 (*sanctus et mitis*).
20. *Moralia* 458^E.
21. *Tusculanes* V34.97.
22. Артаксеркс 12.6 (см. стр. 388—389).
23. Валерий Максим IX.2, ext.5.
24. III.2, ext.2 (глава о достоинствах, *virtus*); также VII.3, ext.2.
25. См.: Валерий Максим IX.2, ext.7, и 11 (сравнить с Плутархом. Артаксеркс 16.2—7).
26. IX.1, ext.3; см.: Цицерон. *Tusculanes*, V.7.20.
27. Атений XII.539b.
28. См. также стр. 272—273.
29. См., например, Атений IV.144b-c; XII.529d,545f.
30. Ксенофонт. *Agésilas* 9.-5.
31. Сравнить ниже, стр. 260—262.
32. Арриан I.12.1: *kérukos tèn ereita mnètmèn*. Текст позволяет Арриану претендовать на право быть первым, успешно завершившим такое исследование (см. ниже, стр. 174—175).
33. Арриан VI.9.5.
34. Диодор XVII.94.1.
35. Плутарх. *Apophtegmes* = *Moralia* 172^{D-E}.
36. Сравнить с *De regibus* XXI.
37. Лукиан. Александр, или Лжепророк § 2.
38. Валерий Максим IX.3, Ext.
39. О позиции Вольтера см.: Ch. Rhis. *Voltaire. Исследование истоков исторического материализма*, 2-е изд., Slatkine-Champion, Geneve-Paris, 1977, стр. 150—162 (ссылка на стр. 152).
40. См.: K. Alpers. *Xerxes und Artaxerxes*, 1969; см. стр. 375—379.
41. Общим числом 818 в первом издании (Париж 1500), поговорки числом 4151 в окончательном издании (Bale, 1533): J.-C. Margolin в *Érasme*, 1992, стр. 103.
42. R. Zuber. *Письма и критические предисловия*, 1972, стр. 216—217 и №.21—22.
43. I. Gentillet. *Anti-Machiavel*, 1968, стр. 10 (комментарий издателя С.Е. Rathé).
44. Также отметим, что в трудах современных юристов постоянно упоминаются сближения между некоторыми учреждениями старинной Франции и персидскими, известными по греческим источникам: см. интересные заметки: G. Cardascia *Пояс Парисатиды*, 1995, стр. 143.
45. Валерий Максим I.1. Введение; Квинтиллиан. *Ораторское искусство* II.4.10; III.8.66.
46. Роллен. *Труды* I,566. Об этой педагогике см.: A. Brutter. *История обучения в век Людовика XIV*, 1997, стр. 49—50.
47. XV.3.24.
48. Намек на убийство Статиры (жена Артаксеркса II) Парисатидой, его мать, известный из Ктесия, а затем из Плутарха (*Жизнь Артаксеркса*).
49. *Apopht. Reg.* Александр 11 (180^B),30 (181^E).
50. Элиан. *Пестрые истории* XII.43.

51. Страбон XV.3.24; Плутарх. Александр 31.7.
52. III.8.6; IV.3.4; IV.7.2; V.1.1; VI.4.3.
53. III.3, ext.1 (сопротивление боли молодого македонского пажа).
54. IV.3.1—32.
55. Арриан III.22.2—6, анализированный ниже в главе IV.
56. «Книга XI содержит факты и описание деяний Александра (*res gestae Alexandri Magni*), до момента смерти Дария, царя персов (*usque ad interitum regis Persarum Darii*). В отступлении происходит знакомство с корнями царя Кариин».
57. Книга XI Юстиниана включает последовательно приход Александра (1), наведение порядка в Греции (II—IV), отправление (V), победу при Гранике и ее последствия (VI), завоевание Малой Азии до Гордиона VII), кампанию при Иссе (VIII—IX), кампанию в Финикии (X) и в Египте (XI), переговоры с Дарием (XII), затем победа при Гавгамелах (XIII—XIV), заговор против Дария и его смерть (XV).
58. См. главу VII.
59. Квинт Курций V.1.1—2; латинский текст, переведенный буквально Н. Vardon, являет собой задачу: надо понять, что такое «в частях империи Александра»; см.: Atkinson. Commentary II, стр. 29.
60. Диодор XVII.62.1—63.5.
61. Диодор XVII.5.3.
62. Prologues des Histoires Philippiques X.
63. Диодор XVII.3.6 (и главы 4; 8—15); параллельное описание у Юстиниана XI.1.5—10 (и следующие главы); можно обнаружить подробное описание побед Александра в Европе у Арриана 1.1—10, а также у Плутарха в «Александр-ре» 11—14.
64. Арриан II.14.5.
65. XVII.6.2.
66. Диодор 7.1—3.
67. Арриан II.14.9: *peri tes basileias* («по поводу царской власти»).
68. Диодор XVII.6.3: битвы, которые начнутся «вокруг вопроса о первенстве (*peri tou prôteiou*)».
69. См. длинный рассказ Диодора XVI.43—51 (бегство Нектанеба: 41.1).

ГЛАВА 4. ДАРИЙ ПО АРРИАНУ

1. Арриан III.22.2; *malthakos* — мягкий, изнеженный, бессильный; или *phreperês* отсутствие хладнокровия и здравого смысла.
2. Плутарх. Артаксеркс 7.3: *phronein kai makhestai*.
3. Непот. Pausanias 1.2: *in primis omnium Persarum et manu fortis et consilii plenus*
4. Диодор XIV 10.4: *en tois polemiois andreia dienegkein... kata tas sumboulas outfs eustokbein*.
5. Диодор XVI.47.1: *arete kai eunoia* (*eunoia*, «благосклонность», это ссылка на лояльность по отношению к царю).
6. Диодор XVI.40.4 *dia ten kakian kai apeirian*.
7. Диодор II.33.1: *andreia kai synesis*.
8. Плутарх. Ароптегмес (*Moralia 172^c*) *phronimotheros*.
9. Диодор XVII.30.2: *andreia / strategia / symboulos*.

10. Диодор XVI.48.1 (военачальник на службе фараона Нектанебо): *aretè kai agkhinoia stratégikè*.

11. Геродот III.25: *emmanes... kai ou phrénèrès*.

12. Арриан I.13.7.

13. Арриан I.18.7 (*gnòtè*), 9 (*kairos* / обстоятельств).

14. Арриан VII.28.2.

15. См. также: Квинт Курций IV.16.29, который высказывает негативное суждение об Александре, который бросился, не размышляя, в погоню за Дарием: *in illo ardore animi vix credi potest, prudentius quam avidius persecutus est*.

16. Плутарх. Александр 4.1—3.

17. Плутарх. Александр 21.6: *kallistos kai megistos*, и 33.5: *kalon andra kai megan*; о стереотипном характере терминологии, см. Л. Робер. По Малой Азии, 1980, стр. 423—424.

18. Страбон, XIV.1.41.

19. Ксенофонт. Экономики I.18: *peri tes basileias... makhouménos*.

20. Плутарх. Артаксеркс 6.4 (вялость: *malakia*; тот же термин, но в виде прилагательного, используется Аррианом для оценки Дария).

21. Там же 6.1: *polemikos, philetairos; basiléōs phronèma kai philotimia ekhontos*.

22. Совсем как Александр (Плутарх. Александр VI: укрощение Буцефала).

23. Арриан VII.28.2 (Александр); II.11.10 (Дарий).

24. См. Р. Дрю. *Greek accounts*, 1973, стр. 47—69.

25. М.Н. Hansen. *The battle exhortation*, 1993; *The Little Grey Horse*, 1998, в ответ на доводы: W.K. Pritchett. *Essays in Greek History*, Амстердам, 1994, стр. 27—109.

26. Диодор XVII.6.1—2; Юстиниан X.3.3—5 (анализируемый ниже на стр. 199—212).

27. Лукиан. Диалог мертвых 14.1 (Александр и Филипп); 15.3 (Александр, Ганнибал, Минос, Сципион).

28. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* II.6 (338^E).

29. Ксенофонт. Анабасис I.9.25—26.

30. Плутарх. Александр 23.10 (также 50.3).

31. Ктесий. *Persika* 58. О вопросе перебежчиков у Кира Младшего и Артаксеркса II, см. НЕР 634—646.

32. См. стр. 314—318.

33. Диодор XVIII.33.2—4.

34. См. главы X—XI.

35. Животные VI.25.

36. Арриан VII.4.5.

37. Александр 8.2: *tès polemikès arètès ephodion*.

38. IV.30.

39. Арриан I.11.7—8.

40. Арриан I.14.5—7; 15.

41. Диодор XVII.20.3—6,

42. Арриан I.14.4.

43. Плутарх. Александр 16.7.

44. Плутарх. Александр 32.9

45. Арриан I.15.3.
46. Арриан. Анабасис II.8.11: *to méson tès pasès taxéds ereikhe, kataper nomos tois Person baileusi tetakhtai.*
47. Арриан III.11.3—4
48. Ксенофонт. Анабасис I.8.21—23: *kai pantés d'oi tòn barbarôn arkhontes meson ekhontes to autôn hégontes.*
49. См. строгую критику Каллисфена у Полибия XII.22.2—3.
50. См. в особенности пример Ксеркса в 480: Геродот VII.56,212; Диодор XI.7.1; 18.3 и т.д. (см. НЕР 316).
51. Квинт Курций IV.4.11 (Тир); IV.6.4 (Газа).
52. Квинт Курций IV.6.29.
53. Арриан VI.7.5—6.
54. Диодор XVII.99.1.
55. Диодор XVII.99.3; см.: Квинт Курций IX.5.3.
56. Арриан I.14.4.
57. Диодор XVII.21.2.
58. Юстиниан XII.8.1: термин «*pariter*» определяет, по всей видимости, отношения с Александром, достоинства которого автор решил в очередной раз воспеть, приближая его подвиги к деяниям Геракла (XII) (XII.7).
59. Плутарх. Александр 60.12. Измерения соответствуют приблизительно двум метрам.
60. Плутарх, там же.
61. Диодор XVII.88.5
62. Квинт Курций VIII.14.14
63. Лукиан. Как пишется история XII; о поединке, см. стр. 170.
64. Квинт Курций VIII.14.45
65. Арриан V.19.1: *hyper basileias hégónisaménos.*
66. Диодор XVII.30.7: *eis ton hyper tes basileias kindunon* (см. стр. 291—300).
67. Арриан V.19.3
68. Арриан II.14.3.
69. Арриан II.14.8—9. *peri tes basileias... agonisai.*

ГЛАВА 5. А ТОТ ЛИ ЭТО ДАРИЙ?

1. III.2.14—19.
2. III.3.8—25.
3. V.1.3—9.
4. V.1.3—9.
5. V.8—11
6. V.13.13—15.
7. Плутарх. Александр 1.2—3;
8. V.11.4: *haud rudis Graecae linguae erat.*
9. Юстиниан XI.15.6: «Дарий узнает по языку (голову) одного из своих подчиненных (*civis*)... У него было по крайней мере то утешение, что он мог заговорить с человеком, который его понял бы». Использованные выражения весьма двусмысленные; читатель не знает, на каком языке царь и солдат

собираются разговаривать. Но по крайней мере ясно, что речь не идет о греческом языке.

10. Квинт Курций III.12.6—7: *Mitbrenem, qui Sardis tradiderat proditor*; сравните рассказ и доклад о терминах по отношению к сардам у Арриана в Анабасисе I.17.3—4, с моим исследованием «Александр у сардов» 1993, и НЕР 862—871 о других присоединениях персов.

11. Квинт Курций V.1.44: *Mazeam transfugam... Mbagophanem, qui arcem tradiderat... Mithreni Sardium proditori...*

12. См.: Квинт Курций III.7.11—15 (*Sisinès*): *inter socios fidèles*; IV.10.16 (греческие солдаты): *benevolentia ac fides*.

13. Арриан I.25.3. *pistos*

14. Квинт Курций III.6.17: *ingenitam erga suos reges suos venerationem...* На основании многочисленных древних рассказов, см.: F. Sisti. *Alessandro e il medico Filippo*, 1982; а также: Atkinson. *Commentary I*, стр. 163—169; Heckel. *Commentary*, стр. 128—131, и E. Baynham. *Quintus Curtius*, стр. 141—144.

15. Квинт Курций V.8.3: *fidelitate erga regem ad ultimum invicta*

16. Квинт Курций V.9.1; VI.5.1—2.

17. Квинт Курций V.9.16: *nefas esse deseri regem*.

18. Квинт Курций V.10.2.

19. Квинт Курций IV.6.5—6.

20. Квинт Курций III.13.17: *memoria majestatis suae...*

21. Квинт Курций IV.6.7 (*eximiae in regem suum fidei*), и IV.6.29 (*iam tum peregrinos ritus nova subeunte fortuna*).

22. Квинт Курций IV.6.4: *perfidia... proditi*

23. Квинт Курций V.11.6 и V.12.5: *proditio*.

24. Квинт Курций III.6.11: *crimen parricidi* (Филипп); VI.7.7 (*Dymnos*); V.9.9; 12.4 (Бесс против Дария).

25. Квинт Курций V.8.12.

26. Квинт Курций V.8.9: *proditores et transfugae*.

27. Квинт Курций V.8.3: *fidelitate erga regem ad ultimum invicta*; V.10.7: *Graecorum quo que fides*; V.11.6: *fides invicta*; V.11.11: *Graecorum militum fides timebatur*.

28. Квинт Курций V.11.12: *omnia profide experigiparatus*.

29. Квинт Курций V.11.2.

30. Квинт Курций III.3.1: *in quis plurimum habebat spei*; III.8.1. *praecipua spes et prorethodum unica*.

31. См. подробный критический анализ и альтернативные предложения в НЕР 803—820.

32. Диодор XVII.29.7; см. анализ ниже, стр. 291 sq.

33. См. также: Диодор XVII.73.1—4.

34. Диодор XVII.5.3—6.

35. Арриан II.14.5 и много других текстов (Квинт Курций VI.3.12; Страбон XV.3.17 и т.д.) цитированные и проанализированные в НЕР 789—800.

36. Диодор XVII.5.6.

37. *Ut post mortem Ochi regnari Arses, deinde Darius, qui cum Alexandro, Macedjnum rege, bello confligit.*

38. Юстиниан X.3: (§ 3) In eo adversus provocatorem hostium Codomannus quidam cum omnium favore processit...

39. Валерий Максим III.2.24: fuisse cum quibus inspectante utroque exercitu ex provocatione dimicasset; см. также: Aulu-Gelle II.11.2—3.

40.1.15.4

41. Квинт Курций III.11.5: quasy singuli inter se dimicarent.

42. Диодор XVII.20; см.: Арриан I.15.6—8

43. Диодор XVII.21.4 (tes andragathias to prôteion apênégkat); сравнить. XVII.6.1 (to prôteion tes andreias apênégkat).

44. Диодор XVII.83.5—6: protokalesato... monomakhêsai.

45. Квинт Курций VII.4.35 (см. §33: provocavit ad pugnam).

46. Квинт Курций VII.5.40.

47. См. также: III.11.7 (Александр в Иссе): «Убивая Великого царя, Александр искал славы в виде доспехов, доставшиеся в качестве трофея» — отсюда также стремление македонских солдат (при Гавгамеле): «Каждый страстно желал добиться славы, убив вражеского царя»(IV.15.25).

48. Знаменитые примеры (Manlius Torquatus, Valé rius Corvinus, Scipion Émilien) также были упомянуты Валерием Максимом II.3.6, который объясняет: «Но так как они находились под покровительством другого, то они не принесли доспехи Юпитеру Férétrien, дабы посвятить их этому богу».

49. Плутарх. Марцелл 7.1—2

50. Aulu-Gelle IX.II. Речь идет об угрозе личного поединка, поскольку Валерию помогает ворон (отсюда прозвище Corvinus), «знак божественного могущества», который атакует галльского военачальника и ослепляет его!

51. Aulu-Gelle IX.13.

52. Самуил 17.4—51.

53. См. стр. 187—190.

54. Плутарх. Пирр 24.3—6.

55. Страбон XIII.2.3 (приблизительно 2,50 м).

56. Прокоп. Войны 1.13.29—39.

57. Шах-наме, издание. J. Mohl, I, стр. 397—399.

58. Шах-наме, издание. J. Mohl II, стр. 145—167.:

59. См.: Плутарх. Артаксеркс 24.5—9: philia kai syrrimakkia

60. Арриан III.19.4: symmakhoi; сравнить НЕР 787—788.

61. М. Мосс. Эссе о даре, изданное в *Социологии и антропологии*, Париж, PUF, 1950, стр. 150—152.

62. Непот. Datames 1.1—2

63. Плутарх. Артаксеркс 24.9.

64. Геродот III.30; о воинских обязанностях персидских царей; см.: НЕР 237.

65. Ктесий, цитированный Диодором II.33.4.

66. Страбон XI.13.11.

67. Непот. Цари 1.2: quorum uterque privatus virtute regnum est adeptus.

68. Элиан. *Varia Historia* XII.43.

69. Атений XIV.633d-e.

70. Ксенофонт. Киропедия 1.2.1; Страбон XV.3.18 (НЕР 341—342).

71. Атений XIII.575f.
72. Квинт Курций III.9.4: *Ipsum regem in eodem cornu dimicaturum...*
73. Квинт Курций IV.14.8; также Диодор XVII.59.2: «Дарий командовал на левом крыле».
74. Плутарх. Александр 21.6; 33.5.
75. Юстиниан X.3.6.
76. Квинт Курций III.11.7 (Исс).
77. Диодор XVII.60.2 (Гавгамелы).
78. Диодор XVII.60.2; Квинт Курций IV.15.28—29.
79. Квинт Курций IV.15.30.
80. Арриан I.16.3.
81. Орозий III.17.3: «Но, когда Дарий увидел, что его войска побеждены, он был вынужден, хотя и был готов умереть на поле битвы, убежать опрометью по настоянию своих приближенных (*persuasu suorum fugere compulsus est*).
82. Юстиниан XI.14.3 (*sed a proximis fugere compulsus est*); см. глава XII.
83. Квинт Курций IV.16.9; анекдот также сообщен Юстинианом XI.14.4.
84. Прокоп. Войны II.12.3—5.
85. Диодор XVII.7.1—3; Юстиниан XI.6.8—10 (об этом пассаже), см.: НЕР 842—843.
86. Диодор XVII.1.1; Квинт Курций III.3.6 и IV.9.3; также Диодор XVII.39 (Дарий после Исса): «Вопреки катастрофе, которую он только что пережил, его решимость не была поколеблена» (сравните НЕР 843—859).
87. Диодор XVII.48.5—6; Квинт Курций IV.1.34—35; 5.13.
88. Квинт Курций III.9.4 и IV.14.8; Диодор XVII.59.2.
89. Арриан II.11.8; Ксенофонт. Анабасис 1.8.21.
90. Плутарх. *De Fortuna Alexandri II* (342); по поводу Александра не может быть и речи. 1—3.
91. FGh 90, F66.34; en mesois.
92. Лукиан. Судно, или Пожелания 31: *kata méson, ós nomos basileusi ton Persón*.
93. Таким же образом, заимствуя у Ксенофонта схему осуждения Харидемоса, Диодор добавляет от себя выражение «согласно персидскому обычаю»: Диодор XVII.30.4; Ксенофонт. Анабасис 1.6.10.
94. См. Полибий XII.18.9—10 и 22.2—3.
95. Agathias 113B-125B, цитированный согласно изданию В. Сатертона. *Dumbarton Oak Papers* 23 (1969), стр. 74—89.
96. См. ссылки на «персидские обычаи» в Войнах 1.3.17; 1.5.1; 1.5.2; 1.5.8—9,40; 1.6.13; 1.11.3—4; 1.11.34,37; 1.17.28.1.18.52—54; 11.28.25—26, и мои замечания в «Персы и иранцы после падения ахеменидской империи». История и историография 2002с.
97. См. в особенности у Арриана (II.14.5) «ссылку» на письмо, посланное Александром Дарию: «Ты захватил власть вопреки справедливости, несмотря на персидский закон (*oudí kata ton Persion nomon*)», см. другие тексты и комментарии в НЕР 790—794 и в «Войне и в династическом наследовании у ахеменидов: между «персидским обычаем» и «вооруженным насилием» 2003d.
98. Квинт Курций III.II.11.
99. Диодор XVII.1.3—5.

100. Плутарх. *De Fortuna Alexandri*, 11.10 (341), со ссылкой на «Илиаду» XI. 265, 541.
101. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I.9. (331^С).
102. Плутарх. *Coriolan* 14.2: *symbola tes andreias*; *Moralia* 276^D.
103. Валерий Максим III.2.24; см. также: *Aulu-Gelle* II.11.2.
104. Квинт Курций IV.16.31: *indicia virtutis*.
105. Квинт Курций IV.15.31: *adversa... terga*
106. Квинт Курций III.11.9: *adverso corpore vulneribus acceptis*.
107. Квинт Курций IV.6.24: *obducta cicatrice... inter primores*; идентичная тема d VII.9.11.
108. Квинт Курций IV.14.6: *cicatrice, totidem corporis decora*
109. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I.9 (331^С): *eikonas... aretes*.
110. См. для сравнения речь, где Марк Сервий гордо упоминает о своих ранах: «Затем, говорит он, он обнажил грудь и рассказал, в какой войне он получил каждую из своих ран» (Тит Ливий XLV.39.13).
111. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* 1.2326-, 327^A).
112. Плутарх. *Fortuna Alexandri* II.8 (340^B); Плутарх установил очевидную неясность, когда Дарию присваивают имя его предшественника, Арсэ; титул *astandès* (начальник службы царской почты) показывает, что Плутарх думает о Дарии, а не об Арсесе (HER 792).
113. Плутарх. Александр 5.3.
114. Плутарх. *De Fortuna Alexandri*, 11.11 (342^С).
115. См. в особенности ниже главу VII.
116. Об этой традиции, известной Юстиниану и Квинту Курцию, см. стр. 213.
117. Тема также часто всплывающая у персидских и арабо-персидских авторов: ниже, стр. 475—483.
118. См. стр. 337—338.
119. Тексты, цитированные и переведенные Stewart, *Faces of Power*, стр. 376—378.
120. Квинт Курций III.11.11: *ad hoc*; см. стр. 332—334 и 534—536.
121. Квинт Курций IV.15.24; 28; о мужестве персидских войск, которые окружают царя, см. также Диодор XVII.59.1—4.
122. Об этом мотиве см. стр. 318—323.
123. Об этом мотиве см.: HER, стр. 222—228; 239—242.
124. См.: P. Calmeyer. *Historischen Szenen*, 1992.
125. *Epinens*: Квинт Курций III.3.15—16; III.11.7; IV.13.26; IV.15.30; V.10.12.
126. Дискуссия о Великом царе в бою продолжается в главе XII.

ГЛАВА 6. ДАРИЙ МЕЖДУ ГРЕЦИЕЙ И РИМОМ

1. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* 1.8 (330^{B-C}).
2. *Velleius Paterculus*. Римская история II.41.1—2: *in vitam, non in voluptatem uteretur*.
3. Лукиан. *Фарсалы* IX.46—53 (*sarisse* — македонское оружие; *pilum* — римское оружие).

4. Лукиан. Как надо писать историю II.
5. Арриан III.11.4.
6. Арриан III.22.1.
7. Полибий X.28.3.
8. XII.3.2—12; 4.1; см. также: Плутарх. Александр 45.1.
9. XI.15.2.
10. Квинт Курций IV.12.11; V.7.9; V.8.1; VI.2.11—15.
11. Дион Кассий. Римская история XL.14.2—3.
12. Аммиан Марцеллин XXIII.6.2; Юстиниан XLI.4.
13. См. ниже. Глава VIII.
14. Плиний XXXI.21.35.
15. XVI.1.16.
16. Атеней XII.513f.
17. Квинт Курций V.8.1.
18. Дион. Речи VI.17.
19. Лукиан. Судно, или Пожелания 28—39.
20. Лукиан. Sur un appartement § 5 (HEP 248—249)
21. Тит Ливий XXXIV.6.7—9: *luxuriae enim peregrinae origo ab exercitu Asiatico investa in urbem est.*
22. Тит Ливий IX.17: *iam in Persarum mores adduxisset; superbia mutati vestis.*
23. Диодор XVII.77.4—7: *persikè tryphe...polyteleia ton Asianôn basiléon.*
24. Юстиниан XII.3.8—12: дегенерация; также XII.4.2: ...уступить порокам тех, которых он победил оружием.
25. Юстиниан XII.4.1.
26. Юстиниан IX.8.4,20—21
27. Арриан. Анабасис IV.7.34
28. Арриан. Анабасис IV.7 4; IV.8.2
29. Арриан. Анабасис IV.11.6 (*bia / nomos*)
30. Квинт Курций IV.6.29: *peregrinos ritu* (наказание, наложенное на Батиса).
31. Диодор. XVII.64.4 и XVII.112.6 *pros anèsin kai tryphèn.*
32. Квинт Курций V.1.4—6.
33. Квинт Курций V.2.8.
34. Квинт Курций V.1.36—38.
35. Валерий Максим IX.1.3 (глава *luxuria et libidine*).
36. Валерий Максим II.6.1.
37. См. IV.8.4; V.2.2; VI.2.15.
38. Тит Ливий XXIII.18.12.
39. Валерий Максим IX.1, ext.1.
40. Квинт Курций VI.2.12.
41. Квинт Курций VI.5.32.
42. То же выражение у Диодора XVII.77.6.
43. Квинт Курций VI.6.4,6,8,10.
44. Квинт Курций X.1.42; см. стр. 426—439.
45. Арриан III.1.9; об этом см. главу VIII.
46. Плутарх. De Fortuna Alexandri 1.8 (3301^{A-D}); см. также: Александр, 47.5—8.
47. Арриан III.22.5.

48. Римская история 1.6.1—2 (*summa imperii; imperium Asiaticum*); 1.6.6 (*Assyrii principes omnium gentium regum potiti sunt*).

49. Зосима. Новая история I.2.5.

50. Орозий. Истории I.4; I.19; III.6—11; III.7.5.

51. Арриан II.6.7.

52. Арриан. Индия 1.3

53. Квинт Курций IV.14.24.

54. Лукиан. Харон, или Созерцатели IX.

55. Плутарх. Помпей 34.7.

56. *De Fortuna Alexandri* I—II.

57. Плутарх. *Fortuna Romanorum* 2 (317^{B-C}).

58. *De Fortuna Alexandri* 1.5 (328^E); *eudaimonein*.

59. Евсевий. Евангелическая подготовка I.4.6—8. В течение почти семи веков, практически не изменяясь, следовали литературной форме *topos* о расширении культурных норм доминирующей власти за счет нравов и обычаев покоренных народов (см. стр. 137).

60. См. также: Полибий X.28.3: сообщая о существовании в Парфии привилегий, предоставленных местным крестьянам, Полибий уточняет, что они были записаны «во времена, когда персы царствовали над Азией».

61. Плутарх. *Fortuna Romanorum* 4 (317^F—318^A).

62. Клавдий. Похвала Стиликону III.159—167.

63. Дионисий Галикарнасский. Римская античность I.2.1.

64. XXIII.6.7.

65. XXIII.6.1.

66. I.201—214.

67. Страбон XV.3.24.

68. Диоген Лаэртский. Жизни и учения известных философов V.94: *Persika idiōmata*

69. Тацит. Анналы.61—63.

70. Дион Кассий LXXX.4.1; *Hérodien* VI.2.2.

71. Аппиан. *Mith.*116.570.

72. Аппиан. *Mith.*108.512; 117.572.

73. Диодор XL.4; Аппиан. *Mith.*117.576.

74. Дион Кассий. Римская история LLX.17.5.

75. III.3, ext.3e; VIII.7, ext.15.

76. I.6 ext.1.

77. II.10 ext.1.

78. III.2, ext.3.

79. V.3, ext.3g; см. VI.5, ext.2.

80. I.6 ext.1; III.2, ext.2.

81. IX.13, ext.1

82. I.6 ext.1.

83. I.6 ext.1.

84. IX.5, ext.2: *cujus in nomine superbia et impotentia habitat*.

85. IX.1, ext.3.

86. Клавдий. *Contre Rufin* II.105—107; 120—123.

87. В течение сражения при Гавгамелах ахеменидские отряды расположены «народами» (Диодор XVII.58.1), отсюда размышления, приписываемые Дарию: «Он был глубоко обеспокоен; не будет ли это объединение народов, не говорящих на одном языке, приводить к неясностям во время сражения?» (53.4).

88. III.13

89. III.20

90. III.16.3.

91. III.16.4

92. III.21.1—4. Анекдот рассказывается в манере, разработанной Геродотом 1.189—190.

93. Аммиан Марцеллин XXIII.6.36: *antiqui libri* (с с неточным изложением истории узурпации власти магами).

94. Арриан IV.11.6,9

95. Страбон XV.3.4 и 3.8; Квинт Курций III.3.1 (ссылка на войну против Креза с неточными деталями относительно Кира Младшего; VI.14.24).

96. Квинт Курций VI.6.11; VII.3.1.

97. Арриан IV.3.1.; Страбон XI.11.4.

98. В действительности основанная Дарием; та же ошибка у Элиана в «Животных» 1.59.

99. Диодор XVII.71.1.

100. См. противоречивые сообщения, собранные Страбоном XV.3.7—8.

101. Квинт Курций V.6.10; Арриан VI.29—30.

102. Квинт Курций X.1.32.

103. Плутарх. *De Fortuna Alexandri II* (343^A).

104. См.: Плутарх. Артаксеркс 3.1—2 (сравнить НЕР 539,985).

105. Страбон XV.3.24.

106. Арриан VI.29.9.

107. Плутарх. Александр 69.4. Хотя легенда встречается (с вариантами) у Арриана (VI.29.8) и Страбона (XV.3.7), надо ли уточнять, что подобной надписи никогда не имелось на гробнице ни на персидском, ни на греческом языке?

108. XI.11.4: *philokyros*.

109. Арриан IV.3.1.

110. Арриан. Индия IX.10; Анабасис VI.24.2—3 (автор утверждает там, что Кир смог вернуться из этого катастрофического похода всего с семьей солдатами).

111. Знак отличия, еще встречавшийся среди персидского дворянства эпохи Дария III; к нему обратились те, чья семья претендовала на родовую связь с одним из семерых заговорщиков, которые, под руководством Дария I, пресекали власть мага Смердиса, в 522 году (НЕР109—149).

112. Квинт Курций IV.12.8; X.1.22

113. Квинт Курций IV.14.24

114. Квинт Курций VI.3.12.

115. Квинт Курций III.10.8.

116. Квинт Курций IV.1.10—11.

117. Квинт Курций V.6.1.

118. Квинт Курций X.6.14 (речи Птолемея в Вавилоне после смерти Александра).

119. Квинт Курций VII.5.28.
 120. Диодор XVII.72.6.
 121. Арриан III.16.7; VII.19.2.
 122. Диодор XVII.72.6.
 123. Квинт Курций V.7.11; Плутарх (*De Fortuna Alexandri* I.7 =429^D; Александр 37.7) говорит о «троне Дария», очевидно имея в виду Дария III.
 124. Плутарх. Александр 37.5: *megalosophrosynè, arete*.
 125. Арриан IV.11.6.
 126. Отвратительная репутация Камбиза в классических источниках (начиная с Геродота) основана на обвинениях в разрушении египетских храмов и высмеивании обрядов и веры жителей: см.: НЕР 66—72.
 127. Арриан III.16.4.
 128. Арриан VII.17.3.
 129. Арриан VII.14.5.
 130. Плутарх. *De Fort. Alexandri* I.7.
 131. В своем длинном рассказе о воцарении Дария. Геродот (III.84—87) рассказывает, как конюх Дария, при помощи забавной хитрости, сумел заставить заржать лошадь своего хозяина первой, позволяя таким образом заговорщикам выбрать царя. Эпизод очень часто повторялся древними авторами (то же самое у Валерия Максима VII.8.2, или у Аммиана Марцеллина XXIII.6.36: этот думал, что «семь потомков этой расы магов присвоили персидскую царскую власть после смерти Камбиза»)
 132. Решающее вмешательство Атоссы, одной из жен Дария и матери Ксеркса, также заимствовано у Геродота (VII.2—4): см. обсуждение в НЕР 534—538 и 983—985.
 133. *De Fortuna Alexandri* II,8 (340^B).
 134. Имя, которое носили до его воцарения Дарий II и Артаксеркс III.
 135. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I,2 (327^A); также II.3 (336^E).
 136. Там же. II, 9 (341^A).
 137. Элиан. Пестрые истории XII.43
 138. III.4.
 139. III.139—140 и VII.3 (*idiotes*); см. Валерий Максим V.2.1 (*privatus*).
 140. Цари XXI.1.2
 141. См.: Платон. Законы III.693—696: «Дарий не был сыном царя; он получил воспитание, не пораженное вялостью, не так как Камбиз и Ксеркс, воспитанные женщинами и евнухами, вдали от мужчин.
 142. *De Fortuna Alexandri* I.2. (326^E)
 143. *De Fortuna Alexandri* II (336^C).
 144. Эта надпись упомянута Страбоном (XV.3.8), но довольно любопытна в свете повествования о гробнице Кира. Скорее всего, подделка была вдохновлена знаменитым заявлением Геродота (1.136), почти дословно процитированным Страбоном (XV.3.18): «Персы учат своих детей всего трем вещам: ездить верхом, стрелять из лука, говорить правду» (см.: НЕР 339—342). Классические тексты пересказывают в эллинизированной и глухой форме «Зеркало принца», в особенности запись, фигурирующую на гробнице Дария в Накш и-Рустам, где не имеется в виду охота (НЕР 222—228).

145. Юстиниан X.3.5.

146. Не упуская возможности вспомнить этот подвиг (в личной форме, так как он говорит о «династии семи царей магов», которую разрушил бы Дарий), Аммиан Марцеллин добавляет упоминание о Гистаспе, отце Дария, почитаемом религиозным преобразователем вслед за Зороастром (XXIII.6).

147. Страбон XV.3.24.

148. В действительности Вавилон и Сузиана упоминались также в книге XV.

149. То есть, согласно практике, хорошо известной греческим авторам, доходы, полученные от деревни, теоретически должны были использоваться для этой цели.

150. Страбон XVI.1.3. См. также описание того же региона у Аммиана Марцеллина (XXIII.6.22): Экбатан. Арбелы и Гавгамелы, где Александр заставил Дария глотать пыль в быстром беге с поля боя»; у Диона Кассия в «Римской истории» LXVIII.21.4: «Арбелы и Гавгамелы — это города, около которых Александр одерживал победу над Дарием».

ЧАСТЬ 4. ПРИНУЖДЕНИЕ И РЫВОК

ГЛАВА 7. ЦАРЬ СВЕРХУ И ЦАРЬ СНИЗУ

1. Квинт Курций III.1.6

2. Диодор XVII.7.2; 18.2

3. Юстиниан XI.6.8 (сопоставить с Аррианом III.10.2),

4. Или по гречески: *anô/katô* (сверху/снизу); *anabainein/katabainein* (подниматься/спускаться); *anôtérô/anotato* (выше/выше всего); *ai anô satrapeiai* (Верхние сатрапии).

5. Анабасис I.12.4

6. Ссылки: Непот. Агесилай 4.1-2 и Ксенофонт. Эллинские IV.1.41,

7. Диодор XVII.54.6, где роскошь (*truphè*) связана с легкой жизнью (Дарий) и противопоставлена славе (*doxi*) которую можно обрести в бою (Александр).

8. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I.10 (332^A), где роскошь Дария (*truphè*) связана с безынициативностью (*apraktos/apraxia*) и противопоставлена разнообразным достижениям цивилизаторского завоевателя (Александра).

9. Юстиниан XI.5.10 и Диодор XVII.17.2.

10. Плутарх. Александр 17.3 (*anebainô*). Автор таким образом ставит в известность о решении Александра захватить вначале страны средиземноморского бассейна: Арриан I.20.1.

11. Что сообщает Квинт Курций, говоря: «Александр решил настичь Дария, куда бы он ни направился» (III.1.19).

12. Плутарх. Александр 18.5—6: *anô/katabainô*.

13. Диодор XVII.30.

14. Квинт Курций III.2.

15. См. также: Арриан II.1.3, в более умеренных выражениях.

16. Арриан II.6.3—4; см. также: Квинт Курций III.8.1—9; Плутарх. Александр 20.1—4.

17. Квинт Курций III.8.1—11.
18. Квинт Курций III.2.1; Диодор XVII.30.6.
19. Арриан I.16.3.
20. Арриан I.20.3; II.1.1 («военно-морские силы и все побережье»); Диодор XVII.23.5—6.
21. Квинт Курций V.1.39; V.8.517; 9.1—8.
22. Квинт Курций V.11.
23. Геродот III.80—84.
24. Геродот VII.8—13.
25. VII.8—18.
26. Геродот IX.41—42: *nomos tôn Perséōn*.
27. См.: Диодор XVII.18.2—4; Арриан I.12.9—10.
28. См.: Диодор XVII.29.4.
29. Квинт Курций III.4.3.
30. Диодор XVII.18.4 *megalopsykhia* (HEP 1069).
31. Юстиниан XI.6.8: *occulta consilia victoriae furtivae convenire*; Арриан III 10.2; *aiskhrōs klepsai tèn nikèn, alla phanérōs kai aneu sophismatos nikēsai*.
32. Квинт Курций III.8.11: *haec magnificentius iactata quam uerius*.
33. По латыни *purpurati*, «те, кто носят пурпур» — термин, нередкий у Квинта Курция, для обозначения придворных.
34. Геродот VII.59—100; рассуждения Ксеркс-Демарат VII.101—104; ссылка на Ксеркса у Квинта Курция III.2.2: «Согласно примеру Ксеркса, он пересчитал армию» (Геродот VII.60).
35. Геродот VII.45 (*makarizō [makarios: счастливый]*); Квинт Курций III.2.10 (*laetus: счастливый*).
36. Геродот V.24: *syssitos kai symboulos*.
37. Геродот VII.2—4; Плутарх. Артаксеркс 2.4—5.
38. Диодор XVII.30.2: *symbolous*.
39. Арриан I.12.10.
40. Диодор XVII.30.4.
41. Квинт Курций III.8.3.
42. XV.42.2.
43. Плутарх. Фемистокл 29.5—6.
44. Даниил 4—5 (следует за историей львиного рва).
45. Квинт Курций III.2.17—18.
46. Диодор XVII.30.4: *kata tòn Perséōn nomon*.
47. Ксенофонт. Анабасис 1.6.10.
48. Квинт Курций III.2.19.
49. Ксенофонт. Анабасис 1.6.11.
50. Квинт Курций III.8.14—15; см. также: Арриан II.7.1.
51. Квинт Курций V.10.14: *natura simplex et mitis*; III.8.5 *sanctus et mitis*.
52. Квинт Курций III.8.5.
53. Квинт Курций III.2.17: *mite ac tractabile ingenium*.
54. Квинт Курций III.8.6.
55. Диодор XVII.30.4.1.
56. Квинт Курций III.8.3.

57. Квинт Курций III.2.10: *solita vanitate*.
58. См. например: Плутарх. Александр 23.7; *Moralia* 65^{C-D}; Арриан IV.8.3,8.6,9.9; Лукиан. Как пишется история 12, и т.д.
59. Арриан II.6.4 (Дарий до Исса); IV.8.3 (Александр и дело Клейтоса: «Эти люди, которые все время вели царей к их гибели и которые не переставали им вредить, лгья Александру, говорили, что...»).
60. Атений. *Deipnosophistes* VI 234c-262a.
61. Плутарх. *Moralia* 54—56.
62. Сенека. *De beneficiis* VI.30—31.
63. XVII.30.6.
64. Диодор XVII.30.5.
65. См.: Геродот V.24.
66. Квинт Курций III.8.6.
67. Диодор XVI.40.4—6: *tous hyper tes basileias agōnas*.
68. XV.29.2.
69. См. в особенности: Диодор XV.41.2,5; XVI.46,7; 49.7.
70. Диодор XVII.23.5.
71. Агесилай 15.1.
72. Диодор XVII.30.1.
73. См. как это описывает Диодор XVII.29; 31.3.
74. Арриан II.14.6.
75. Плутарх. Агесилай 15.8; см также: Артаксеркс 20.6, где автор дает объяснение: «так как на персидских монетах было изображение лучника».
76. Арриан II.14.5.
77. Арриан I.25.
78. Арриан II.4.9—11; Квинт Курций III.6.4—17.
79. Валерий Максим III.8.6.
80. Квинт Курций IV.9.13.
81. Квинт Курций III.8.7.
82. Диодор XVII.30.7 (*anagkazō*).
83. Квинт Курций III.8.7—9: *Mos maiorum* (обычай предков).
84. Квинт Курций III.8.10.
85. II.6.4.
86. Квинт Курций III.8.2: «Они настойчиво приглашали Дария возвратиться назад и вернуть себе просторные равнины Месопотамии».
87. Арриан II.6.6—7.7.
88. Арриан II.6.3—4.7.
89. III.8.8.
90. Ксенофонт. Анабасис II.2.10—11, повторенный Диодором XIV.25.8.
91. Агесилай 15.1.
92. Квинт Курций III.2.10—16.
93. Арриан I.13.2—6 (перед Граником); 1.18.6—9 (перед Милетом); II.25.2—3 (дипломатические предложения Дария после Исса); III.10.1—2 (перед Гавгамелами); III.18.11—12 (в Персеполе).
94. Полибий X.26.9.
95. Арриан VII.29.1.

96. III.22.2.
 97. См. стр. 177—181.
 98. См.: Плутарх. Артаксеркс 6.2 (oi ianð).
 99. Диодор XVI.40.4—6 и XVII.30.7.
 100. Ксенофонт. Анабасис 1.6.5: *symboulos*.
 101. Плутарх. Артаксеркс 8.3—6. Термин *eulabeia*, переведенный как «осмотрительность» подразумевает также идеи оборонительной позиции и самого страха.
 102. Диодор XIV.22.2 (цитируя свой источник: Эфор); см. также собственные заявления Кира, выраженные (или скорее составленные) Ксенофонтom в «Анабасисе» 1.5.9.
 103. Квинт Курций III.2.9: *festinatio*.
 104. Судно, или Пожелания 35, затем 34.
 105. Артаксеркс 7.1—2.
 106. I.7.17, 19.
 107. Арриан II.10.1: *tèi gnòmèi dedo ulòménos*.
 108. Арриан VII.8.7.
 109. Арриан II.6.4 («Ему казалось, что Александр больше не хочет наступать»); Квинт Курций III.8.10—11.
 110. Арриан II.10.2.
 111. III.11.7: *opimum decus caeso rege expetens* (Исс).
 112. Диодор XVII.34.4.
 113. Диодор XVII.20.3: «Возможно, личная отвага могла освободить Азию от приближающейся страшной угрозы».
 114. XVII.60.1.
 115. Плутарх. Александр 20.2; см. также двусмысленный пассаж Плутарха «De Fortuna Alexandri II» 9 (341 °).
 116. Квинт Курций III.11.10.
 117. Диодор XVII.34.5.
 118. Арриан II.12.1.
 119. См., например Квинт Курций III.11.5. *collato pede, quasi singuli se dimicarent* («нога против ноги, как в дуэли»).
 120. Арриан II.14.9.
 121. Квинт Курций IV.11.21: *praemia esse belli*.
 122. См. в особенности формулы, использованные Диодором XIV.23.5: *tous hyper tes basileias agòpizomenous* (Кир по отношению к Артаксерксу II; сравнивая, в частности, поединок между братьями Этеоклом и Полиником в известной трагедии); XVI.40.6: *tous hyper tes basileias agfnas* (Артаксеркс III); XVII.30.7: *tous hyper tes basileias agònas* (Дарий III), приближаясь к Арриану II.14.9: *agònisaiperi tes basileias* (ответ Александра Дари), или Ксенофонт, Экономии IV.18 *peri tes basileias... makhoumenos* (Кир Младший); Диодор XVII.54.6: *diamakhestaipros avton peri tes ton olon monarchias* (ответ Александра Дарию).
 123. Судно, или Пожелания 37: *peri tes arkhès makhomenon*.
 124. Плутарх. Артаксеркс 10—11.
 125. Арриан III.14.2.
 126. Диодор XVII.33.5.

127. Плутарх. Александр 20.8.
 128. Юстиниан XI.9.9.
 129. Арриан III.14.2—3,6.
 130. Квинт Курций IV.15.27—29.
 131. Плутарх. Александр 20.8: *en prôtois agônizomenos*.
 132. Арриан II.25.3.
 133. Диодор XVII.39.1.
 134. Диодор XVII.54.6.
 135. Диодор XVII.54.6.
 136. Упомянутные тексты: Арриан III.17 (Александр и Ouxiens); Диодор XIX.19.3—8 (Antigone и Cosséens); относительно статуса народов Zagros, их отношения с Великим царем, а затем с Александром и его преемниками, о них можно посмотреть в моих лекциях и анализах (где документация объединяется): «Разбой...», 1976; Государство и пастыри, 1982, стр. 57—112; НЕР 747—753, 1045—1046, 1048—1049.
 137. Плутарх. Агесилай 15.1.
 138. См.: Арриан II.14.9: *agonisai* (первое посольство); Квинт Курций IV.11.21: *praemia belli* (третье посольство).
 139. Диодор XVII.55.1.
 140. Квинт Курций IV.6.1; также: Юстиниан XI.12.5.
 141. III.12.5.
 142. Александр 21.1.
 143. XVII.37.3.
 144. Арриан II.12.5.
 145. Диодор XVII.38.2.
 146. IV.11.6.
 147. Квинт Курций IV.14.22: *in spem huius imperii genitum*.
 148. Арриан II.11.9—10; Плутарх. Александр 20.11—13; Квинт Курций III.11.23 («обычай требовал принимать победителя в палатке побежденного царя»); Диодор XVII.36.5 («Александр увидел в этом знак власти, распространенной на всю Азию»);
 149. Арриан III.11.5.
 150. Арриан V.18.4.
 151. Арриан VII.1.4.
 152. Юстиниан XI.9.9.
 153. Квинт Курций IV.15.30.
 154. Диодор XVII.60.3—4; 64.1.
 155. Арриан II.11.4—5.
 156. Квинт Курций III. XI.11 (*qui ad hoc ipsum sequebatur*); см. также Квинт Курций III.11.26: «Дарий постоянно меняет лошадь», сравнить с Диодором 34.6—7 (Дарию приводят другую колесницу), и 37.1 (Великий царь быстро бежит, беря поочередно лучших лошадей).
 157. Плутарх. Александр 33.8.
 158. Роман об Александре II.39.8—9; см.: В. Veelaert. Александр в рассуждениях о периодах жизни, 1999, стр. 247.
 159. Например: Н. Fuhrmann. Филоксен, 1931, стр. 146.

160. Арриан III.10.
 161. Арриан III.10.2. *pbanérōs kai aneu sophismatos*.
 162. Юстиниан (XI.6.8); о сопоставлении см. стр. 296—297.
 163. Валерий Максим IX.1, ext.1 (Ксеркс); Атений XII.539b (Дарий).
 164. Эсхил, Персы 492—512; роман II.16.7—8.
 165. Геродот VII.40 (Ксеркс); Квинт Курций III.3.11 (Дарий).
 166. См. стр. 297.
 167. Юстиниан I.10.21—24: *Ipse autem primus in fuga, в postremo in proelio* (то же выражение по поводу Дария III у Арриана II.11.4).
 168. Цезарь. Гражданская война III.96; см.: Плутарх. Помпей 72.3: «Он надел одежды, более соответствующие его бедственному положению, и потихоньку удалился».
 169. Лукиан. Фарсалы VIII.35—40. 170. См. стр. 488.
 171. См. например: Плутарх. Александр 20.9: *en prōtois agōnizomenos* (Александр).
 172. Арриан II.11.4: *xyn tois prōtois erpheugé* (Дарий в Иссе); см.: Юстиниан II.10.21—24: *primus in fuga* (Ксеркс).
 173. Плутарх. Александр 17.3; 18.5.
 174. Квинт Курций III.1.10.
 175. Арриан II.6.6.
 176. Арриан II.14.9.
 177. Квинт Курций IV.5.8.
 178. Квинт Курций IV.13.9.
 179. Плутарх. Александр 32.3: *pygomakhounta Dareion*.
 180. Квинт Курций IV.14.2.
 181. Квинт Курций IV.15.25.
 182. Диодор XVII.33.5 и 34.4.
 183. Плутарх. Александр 20.10.
 184. Диодор XVII.37.2 (двести стадий равняются приблизительно 36 км).
 185. См. также: Диодор XVII.25.1; Квинт Курций III.12.1: и IV.1.1—3.
 186. Квинт Курций IV.15.32—33.
 187. Квинт Курций IV.16.28—29.
 188. Квинт Курций IV.16.9 (и прибытие войск Александра: 16.16—18); см.: Юстиниан XI.14.4.
 189. См. рассказ у Арриана III.14.4—6; 15.1—6 (ссылка 15.5).
 190. Квинт Курций IV.16.3: *Dareum felicius fugere quam se sequi*.
 191. Плутарх. Александр 33.9—11, передает различные версии.
 192. Диодор XVII.37.3: *skeuleud*.
 193. См. в особенности: Плутарх. Марцелл 6—8.
 194. Квинт Курций III.1.17; находим то же выражение в VII.4.40, чтобы указать на голову побежденного врага, которого Эригий, победитель в поединке с иранским военачальником, приходит предложить Александру.
 195. Квинт Курций VI.3—9; см. Арриан III.16.1—2.
 196. Диодор XVII.64.1—2; см. XVII.73.2.
 197. Арриан III.21.1—5.

198. См. стр. 191—193. 199. Квинт Курций V.8.2: *itaque proeli magis quam fugae se praerperabat.*

200. Квинт Курций V.9.1.

201. Квинт Курций V.8.1.

202. Квинт Курций V.10.12—13: *Alexandri manus, quas solas timebat, effugere properabat.*

203. Квинт Курций V.13.4: *in illo corpore posita, est nostra Victoria*

204. Относительно слухов, которые циркулировали впоследствии по этому поводу относительно героизма царя (например: Плутарх. Александр 42.5—10), см. главу VI.

205. Квинт Курций V.13.5.

206. Либо приблизительно 70 км (верхом).

207. Арриан III.22.5.

208. Элиан. Животные VI.25.

209. По версии, переданной Диодором (XVII.73.4), Александр обещает Дарию, еще живому, отомстить за него: «Александр бросился в погоню за Бессом. Но так как тот начал движение намного ранее и убежал по направлению к Бактриане, Александр отказался преследовать врага и вернулся назад».

ГЛАВА 8. ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЛЕМ И СЕРЕБРЯНЫЕ ВАЗЫ

1. Квинт Курций III.3.8—25. Об обычаях можно также посмотреть в тексте Jamblique, недавно переведенном и прокомментированном P. Goukowsky. Кортеж, 1998.

2. Повозки на четырех колесах, следует отличать от повозки на двух колесах (см.: Геродот VII.41).

3. См. пример речи, которую произнес Барер перед Комитетом общественного спасения 26 июля 1793 года, в день, когда вандейские бунтовщики («разбойники») потешались над революционной армией: «Ваша армия похожа на армию персидского царя. Она тащит сто двадцать повозок обоза, в то время как разбойники идут со своим оружием и куском хлеба в сумке. Никогда вы не сможете их победить, пока не научитесь их способу сражаться!» Барер, похоже, говорит, подражая Харидемосу, подчеркивавшему, что солдаты Александра научены «дисциплине, изученной в школе бедности» (Квинт Курций III.2.12—15; ниже)! Барер, возможно, ознакомился с речью Харидемоса при помощи длинной ссылки и комментария Роллена (IV,42—46).

4. Квинт Курций III.11.20: *non belli, sed luxuriae apparatus.*

5. Квинт Курций V.1.23: *ad luxuriam magis quam ad magnificentiam...*

6. Тот же сюжет у Плутарха в «Алексаднре», 40.1; чтобы еще сильнее восхвалить простоту жизни Александра, Плутарх цитирует некоторых из своих компаньонов, описывающих контрпримеры, среди которых «Nagnon de Teos, который носил обувь с серебряными гвоздиками»; *exemplum* повторен Атенеем XII.539c (цитируя Филарха и Agatharchide Книдского) и Элиана. *Varia Historia* 9.3.

7. *Avaro potius hosti praeda optabilis.* Там же высказывание следует из *exemplum* и иллюстрирует его. Сравнить с: Тит Ливий IX.17: *praedam verius quam hostem...*

(армия Дария); Квинт Курций VI.1.6: *mox futura praeda sibi...* (армия Александра, пресыщенного трофеями и ожидаемая Дарием).

8. См.: Платон. Законы VI.777—780.

9. Валерий Максим III.7 ext.8: Другу, который хвалил мощь стен его городка, спартанец отвечает: «Если вы их сделали для женщин, bravo! Если это для мужчин, стыд вам!»

10. Арриан II.11.9—10: *es polytelè diaitan*.

11. Квинт Курций приводит там несколько ниже список (III.13.12—15): истинное Кто есть кто персидского высшего света.

12. Атений XI.781f-782a Цифры очень впечатляющие, так как в целом они составляют около четырех тонн.

13. См. также: Гераклеиды, цитированные Атением IV.145d: «Во все время ужина Великого царя наложницы (*pallakai*) поют и играют на лирах; одна из них играет соло, другие поют хором».

14. Атений XII.545f.

15. Элиан. Животные I.10.

16. Лукиан. Фарсалы VIII.397—399.

17. Аммиан Марцеллин XXIII. VI.76.

18. Диодор XVII.77.6—7; сравни: Квинт Курций VI.6.8 (НЕР 292—295).

19. Атений XIII.557b.

20. См.: Тацит. Истории III.40.

21. Тит Ливий. Римская История IX.17: *mulierum ac spadonum agmen trabentem... praedam verius quam hostem*.

22. Геродот III.17—26.

23. См.: НЕР 297—309, в особенности стр. 298, 301—302 (маленькие птицы) и 307—309 (посуда).

24. Престижное звание «придворный» предоставленное нескольким десяткам людей, которым македонский царь отмечал также свою к ним милость.

25. Цезарь. Гражданская война 3.96: *miserrimo ac patientissimo exercitu... luxuriam*.

26. Плутарх. Александр 24.3: *diaitès barbarikès... ton Person plouton*.

27. Александр 22—23.

28. Использованный термин (*anandria*) означает трусость на поле битвы.

29. Плутарх. De Fortuna Alexandri II, 11, 342^A, сравнивать с Александр 23.9.

30. Страбон XV.3.22; см. также: Валерий Максим IX.1, ext.3.

31. Диодор XVII.108.4; Валерий Максим IX.1.2.

32. Плутарх. Александр 23.9.

33. Ксенофонт. Анабасис I.9.20—28, в особенности 25—26.

34. Фронтин IV.1.6.

35. См.: Атений XII.539d-f; Элиан. Varia Historia IX.3; Полиен IV.3.24.

36. Плутарх. Александр 57.5: *o epi ton stròmatophylakòn tétagménos*.

37. Арриан. Анабасис VI.25.5: *ten kataskeuèn tèn basilikèn xumpasan...*

38. Плутарх. Эвмений 2.6—7.

39. Stratagemata IV.3.10.

40. Квинт Курций VI.6.14: *cum grave spoliis apparatuque luxuriae agmen vix movetur...*

41. Плутарх. Paul-Émile 12.11—12.
42. Квинт Курций VI.6.15—16.
43. См.: Арриан. Анабасис III.14.4—6; Квинт Курций IV.15.9—12.
44. Квинт Курций IV.16.28: *jacturam saecinarum inpedimentorumque... in ipsa acie...*
45. Квинт Курций IV.15.12.
46. Фронтин. Военные хитрости IV.3 (de continentia), 1 (Катон), 9—10 (Сципион. Александр).
47. Плутарх. Артаксеркс 24.9—10.
48. Фронтин. Военные хитрости IV.6.3.
49. Лукиан. Фарсалы IX.590—594; 616—618.
50. Арриан. Анабасис VI.25.3.
51. Квинт Курций VII.5.9—10.
52. Плутарх. Александр 42.6—10.
53. Фронтин. Военные хитрости 1.7.7.
54. Квинт Курций IV.7.5—16; Плутарх. Александр 26.10—13; 27.1—4; Арриан III.3.3—6.
55. Полиен. *Stratagémata* IV.3.25. Рассказ явно внушен рассказом Арриана.
56. Плутарх. Александр 40—42 (41.1).
57. Квинт Курций III.6.19—20.
58. Там же. 42.6—10; но в ходе окончательного преследования Дария известно, что Александр окружил себя войском закаленных всадников (Арриан I 11.20), на последнем этапе, когда он перешел на безводную дорогу, превратив даже пехотинцев во всадников, (21.8).
59. Квинт Курций V.7.12; см.: Плутарх. Александр 42.8—9: «Он взял шлем в руки, но, бросив взгляд вокруг, он увидел, что все всадники повернули головы и смотрят на питье. Тогда он отдал воду, не выпив ее, и, поблагодарив тех, кто ее ему предложил, сказал: «Если я выпью ее один, эти люди падут духом».
60. Атений II.45a-b (*basilikon hydor elaphrotaton kai hēdiston*).
61. Квинт Курций V.2.9 (*delicata aqua*).
62. Страбон TV.3.22 (*elaphrotaton*).
63. Атений II.45c, цитируя Полибия.
64. Там же. II.41f, цитируя Теофраста.
65. Плиний. Естественная история XXXI.21.35.
66. Атений II.46b.
67. Плиний. Естественная история XXXI.23.40, читать с подробными объяснениями, предложенными J. Serbat, переводчиком Плиния в Коллекции Университетов Франции, Художественная литература, Париж, 1972, стр. 126—137.
68. Ксенофонт. Киропедия I.3.9.
69. Диодор XVII.5.6.
70. Плутарх. Артаксеркс 19.9.
71. Повествование о «пьющих воду» включено в «Ночи Рамазана» (Поездка на Восток, «GF» Париж, II (1980): 215—221; ссылка взята на стр. 216). Пребывание в Константинополе датируется 1843 годом.
72. Плутарх. Александр 36.4.

73. В «Похвале Стиликону» III.157—158, в 400 г. после Р.Х., Клавдий использует сходную формулировку, включая в нее изображение потребления; в приметы римского территориального доминирования входит способность «пить из Роны, как и из Оронта»

74. Геродот VII.83.

75. Элиан. Животные XVII.36; Сенека. De Ira III.20 (Камбиз в Египте); явное сближение с Геродотом VII.128 (армия Ксеркса).

76. Страбон XVI.1.3; Плутарх. Александр 31.6—7.

77. См., например: Квинт Курций V.6.3, описывающий богатства Персеполья, среди которых находится накопленное царское имущество, собранное «не для использования, а для показательной роскоши (*supellex non ad usum, sed ad stentationem luxus comparata*).

78. Плутарх. Александр 40.2: *doulikotaton... to tryphan... basilikôtaton de to ponein...* См.: НЕР 311—313.

79. *Moralia* 342^A.

80. Элиан. Пестрые рассказы XII.40: *polyteleia kai alazoneia*

81. Диодор XVIII.26.6 и 27.5.

82. Сенека. De Ira III.20.

83. См.: Арриан VI.26.1.

84. См. также: Плутарх. Артаксеркс 4.4—5 (идентичный Элиану I.33), и 5.1 (идентичный Элиану I.32 и истории, о которой повествуется в самом начале *Apophtegmes*); эта история имела также большой успех в византийский период: см.: K. Alpers. *Xerxes und Artaxerxes*, 1969.

85. Там же. 14.2.

86. Уточнение «вода Хоасп», по моему мнению, добавлено Элианом для логичности своего описания: другие истории показывают, что цари готовы пить любую воду, если они испытывают жажду.

87. Плутарх. Артаксеркс 12.4—6.

88. Элиан. Пестрые рассказы XII.40: использованный термин (глагол *kêrussô* в прошедшем времени) допускает тот или иной перевод; но контекст одновременно повествовательный и синтаксический явственно вводит понятие обязательства.

89. О терминологии *nomos (persikos)* в греческой литературе, и вероятных *élamite* и вавилонских эквивалентах, см.: НЕР 526—528, 537, 797—799, 981—983; о формулировке *kata ten (eautou) dynamin* (Элиан, Пестрые рассказы 1.31), см. примеры, отмеченные в НЕР 956—957. Текст Элиана дает особенно много для обсуждения дифференциации подарков/податей в ахеменидской империи (см. НЕР 406 sq). Относительно системы царских подарков в Персии и о статусе благодетелей, см. многочисленные исследования в НЕР, в особенности стр. 314—350, 359—366, 948—952.

90. См.: Теопомп, процитированный Атенеом IV.145a (НЕР 413—414)

91. Плутарх. Апофтегмы 184^{D-E}.

92. См. стр. 302—304.

93. У.-М. Версе. Скрытый царь, 1990, стр. 276, и вся глава VI: «дальновидный царь».

94. Низами. Книга о павильоне семи царевен, перевод М. Барри, 2000, стр. 439—446.

95. Саади. *Boustan* или *Фруктовый сад* (перевод Барбье де Мейнар), Париж, 1880, стр. 35—46 (*Дара* и *табунщик*), 60—64 (*увечный Осел*).

96. J. Dakhliа. *Царский диван*, 1998, стр. 166—167 и 266.

97. Плутарх. *Артаксеркс* 12.6.

98. Плутарх. *Moralia* 174^А.

99. Цицерон. *Tusculanes* V.33.97 (с множеством других *exempla*, предназначенных для иллюстрирования морали о границах удовольствия, получаемого от еды).

100. Арриан VI.26.1: *en isotèti*. См.: Квинт Курций III.6.19—20: *inter ipsos*.

101. Плутарх. *Артаксеркс* 24.10

102. Атений 545 d, f.

103. Цицерон. *Tusculanes* V.33.97.

104. *Tusculanes* V.32.92: *quibus nunquam satiari ille posset*.

105. Встреча Александра и Диогена скорее всего вымышленная, была очень популярна и очень часто упоминалась. См.: Хэмилтон. *Комментарии* 32.

106. Агесилай 9.3—5.

107. См.: Атений IV.144b-f; 145a; XII.529d.

108. Юстиниан IX.8.4, 20—21.

109. Страбон XV.3.22.

110. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* II.11 (342^А)

111. Атений XII.529b; *exemplum* использован Валерием Максимом (IX.1, ext.3), но в этом случае в этом эпизоде упомянут Ксеркс, и не Дарий III. О Клархе, ученике Аристотеля, и его интересе к «варварской мудрости», см.: Л. Робер, *Opera Minora Selecta* 1989, стр. 441—454.

112. Цицерон. *Tusculanes* V.33.97: *negavit unquam se bibisset iucundius*.

113. Плутарх. *Артаксеркс* 12.6, где *hèdèds* довольно точно соответствует *iucundius*.

114. Квинт Курций IV.16.15: «Из соседних деревень ясно слышались крики (*ululatus*) стариков и женщин, которые, по варварской моде (*barbaro ritu*), приветствовали Дария, который все еще был их царем (*Dareum adhuc regem clamantium*)». Использованный термин (*ululatus*) может также позволить думать, что люди оплакивают скорее погибших в сражении (см. также стр. 398, п.6).

115. Квинт Курций V.13.23.

116. Арриан III.20—21 (выдержки).

117. О пассаже Полибия см. мой труд в: P. Briant (ред.). *Орошение и осушение в античности. Qanats и подземные трубопроводы в Иране, Египте, и Греции*. Сборник *Persika 2*, редакция №Thotm№, Париж, 2001, стр. 15—40.

118. См.: III.21.10: «Дарий вскоре умер от ран, прежде чем Александр смог его увидеть».

119. Юстиниан XI.15.5.

120. Сенека. *De Ira* III.20.

121. См.: Страбон XVI.1.3; Плутарх. *Александр* 31.6—7.

122. Полиен VII.11.12. Аполлон в данном случае есть греческий эквивалент иранского бога бури (НЕР 251—252, 941).

123. Цицерон. *Tusculanes* V.33.97; сравнить с Квинтом Курцием IV.16.12—13. В своем «Дневнике» (1561), Жан де ла Тайль «цитирует» таким образом реп-

лику Дария: «О, напиток несравненно вкусный, / я не пил никогда столь превосходного напитка» (около 1644—1645). Не будучи историком, не зная текста Цицерона и желая, без сомнения, вставить столь эффектную реплику в сцену, столь соответствующую его драматургии, автор связывает этот эпизод с ситуацией, когда Дарий умирает на руках Полистрата.

124. Светоний. Нерон 48.5.

125. Плиний. Естественная история XXXI.23.40.

126. Плутарх. Помпей 73.3.

127. Ктесий, упомянутый Атением XL464 a: kerame is potèriois.

128. Элиан. Животные VI.25.

129. Плутарх. Александр 43.2.

ГЛАВА 9. ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

1. См. стр. 348—349.

2. Квинт Курций III.11.21—23 (*vis ac libido; crudelitas ac licentia*); Диодор XVII.35—36.1; Юстиниан XI.9.10—12.

3. Речь идет об Артаксерксе III, который был убит хилиархом Багоасом.

4. Квинт Курций III.11.23.

5. Плутарх. Александр 20.11—13; Диодор XVII.36.5; 37.2.

6. Квинт Курций III.11.3 (*lugubris clamor barbaro ululatu planctuque*). Квинт Курций использует тот же термин в своем описании сражения при Гавгамелах, чтобы описать отчаяние конюхов Дария, убежденных, что царь убит (IV.15.29: *lugubri ululatu*); а также в IV.16.15, где, в ходе бегства царя, «в соседних деревнях ясно слышались крики (*ululatus*) стариков и женщин, которые, по варварской моде (*barbaro ritu*), приветствовали Дария, который для них был все еще царем», — если только речь не шла скорее о траурном плаче его родственников, матерей и жен персидских солдат, пропавших на поле боя (см., стр. 389, № 114).

7. См. IV.19.4—6; 20.1—4.

8. Арриан VII.28.2.

9. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* II.5(338^c).

10. Плутарх. Александр 22.4.

11. Диодор XVII.38.3—7.

12. Александр 21.3—7; 11 (*egkrateia; sophrosynè*).

13. Арриан IV.19.6 (*sophrosyni*).

14. Квинт Курций III.12.18—23.

15. Арриан II.11.9.

16. IV.2.2.

17. IV.3.1

18. III.3.67.

19. III.11.23; см.: Диодор XVII.36.5 и Плутарх. Александр 20.11 (см. НЕР201).

20. IV.6.11 (*mousourgoi*. также являются записанными в списках трофеев, сделанном в Дамаске: НЕР 306).

21. VI.11.47.

22. VII.3.15.
23. Ксенофонт. Анабасис 1.8.28—29.
24. Атеней. *Deipnosophistes* XII.609a: *kallistè*.
25. Элиан. *Varia Historia* XII.1: *kallistè*; см. также: Атеней XIII.576d: *kallistè*.
26. Диодор XVII.77.6; Плутарх. *Art.*27.2; см.: *Esther* 2.2—3 (HEP 289—203).
27. Атеней XIII.575b: *kallistè ton kata tèn Asian gynaikòn*.
28. Ксенофонт. *Суг.* IV.3.1.
29. Квинт Курций III.11.24: *haec formae pulchritudine nec illa quidem sorte corrumpat*.
30. Квинт Курций III.12.21—22: *virgines reginas excellentis formae... suae pulchritudine corrumpis...*
31. Плутарх. Александр 21.6: *polyrasòn ton basilidòn euprestatèn...*
32. Плутарх. Александр 21.10.
33. Аммиан Марцеллин XXIV.4.27 (in *Perside, ubi feminarum pulchritudo exellit...*).
34. Арриан IV.20.5.
35. Атеней XIII.609.a
36. Ктесий. *Persika*28,42
37. Плутарх. Артаксеркс 6.8; f также 16—19.
38. Арриан IV.19.5: *kallistèn eùt Asianòngynaikòn*.
39. Плутарх. Александр 77.6.
40. У Квинта Курция (III.13.13—14), жена Артабаза и три дочери Ментора упомянуты в числе женщин и детей из знатных семей *Daskyleion*.
41. Плутарх. Лыстец и друг 3 (*Moralia* 50^E). Как отмечает переводчик собрания Бюде (К. Сириелли. Литература, 1989, стр. 281), «каламбур между словами, обозначающими лестиц (*kòlakides*) и “приставные лесенки” (*klimakides*) невозможно перевести; они подобны паре подхалим/лифт (*encenseur/ascenseur*)». См. как Монтень передает Плутарха: «Не были ли Климакиды теми сирийками, которые прислуживали, встав на четвереньки, в качестве подножки и ступеньки дамам, которым надо было подняться на повозку?» (Эссе II. XII = I.1, 1962, стр. 506).
42. Атеней VI.256c-d. «деспоты-женщины» — переводит редкий термин *anax*, использованный в женском роде (термин, также использованный Эсхилом, чтобы охарактеризовать Атоссу в «Персах»).
43. В 343 году Артабаз и Ментор, порвав с Артаксерксом III, удалились в Македонию.
44. Валерий Максим IX.1: *De luxuria* и *libidine*, Ext.7: *effeminatior... delicato imperio...*
45. Валерий Максим IX.1.3.
46. Плутарх. Александр 21.5.
47. Элиан. *Varia Historia* XII.1: *dia to kallos to tou sòmatou, kai eti mallon dia tèn eugeneian tès psykhès*.
48. Диодор XVII.35.4—7; Квинт Курций III.11.21—22.
49. Плутарх. Артаксеркс 27.1; см.: Фемистокл 26.4—5, а также историю, перепетую в *Chairéas et Callirhoè* (V.3).
50. Элиан. *Varia Historia* XII.1.

51. Плутарх. Александр 21.7: *apsykhous eikōnas agalmatōn*.
52. S. Dubel. Романтическая красота или отказ от портрета 2002, стр. 47—48.
53. Гомер. «Илиада» I.323,346; II,689; XIX.246,282; XXIV,676.
54. Элиан. *Varia Historia* XII.
55. Диодор XVII.67.1.
56. Квинт Курций V.3.12—15; см. Арриан III.17.5.
57. Плутарх. Александр 43,7.
58. Тит Ливий I.57.9
59. Светоний. Aug.64
60. См. надпись SEG IV,634, переведенную и комментированную В. Bielman, Женщины в обществе в эллинистическом мире (IV—I в. до н.э.), Париж, SEDES, 2002, № 44, стр. 224—229.
61. Полиен VIII.53.2 и 5.
62. Атений XII.528f.
63. См. например: Вольтер. Эссе об обычаях, издание Рене Поммо, *Classiques Garnier*, II, 1990, стр. 774: «Во всю историю пенрсии все ее династии начинают с силы и заканчивают слабостью. Почти у всех этих фамилий была судьба *Serdanpull*, которого мы называем Сарданапал!»
64. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I.2 (326F).
65. Геродот IV.162.
66. Геродот IX.108—111.
67. Там же 112: «Аместрис приказала изуродовать жену Масиста; она приказала отрезать ей груди, которые велела бросить собакам, отрезать нос, уши, губы и язык; и отослала ее ему в таком состоянии».
68. Арриан II.12.6.
69. Плутарх, *De Fortuna Alexandri*. II,6 (338^E).
70. Квинт Курций VI.2.6.
71. Alex.22.5.
72. Арриан IV.20.5
73. Тит Ливий XXVI.49; Полибий X.18.3—15.
74. *Indibilis* у Тита Ливия.
75. Некто из иберийского народа.
76. Тит Ливий XXVI.50: *captiva.. adulta virgo, adeo eximia forma..* Идентичное описание у Валерия Максима 4.3.1 (*eximiae inter eos formae vrginem aetatis adultae*) и у Фронтин II.11.5 (...*inter captivas eximiae formae virgo nubilis*).
77. Плутарх. Александр 21.5 (*en hīyrouis kai hagiois*).
78. Там же 22.1—6.
79. Полибий X.19.3; см.: Тит Ливий XXVI.50; Фронтин II.11.5; Валерий Максим 4.3.1.
80. Плутарх. Александр 21.4; см.: Квинт Курций III.12.23.81; Диодор XVII.38.1.
82. Юстиниан XL.10.16.
83. Валерий Максим 4.3.1; см. также Фронтин II.11.5.
84. Квинт Курций VI.2.9.
85. II.11.25.
86. IV.3.1.

87. Плутарх. Александр 30.1; Юстиниан XI.12.6; см.: Рассуждения у Bodswort. Commentary, I, стр. 321; Heckel, Commentary, стр. 160—161; Atkinson. Commentary, I, стр. 392.

88. См. стр. 327—328.

89. Квинт Курций IV.10.19.

90. Плутарх. De Fortuna Alexandri II6 (Moralia 338^E); см. Квинт Курций IV.10.18—24.

91. Квинт Курций IV.10.25—26; см.: Плутарх. Александр 30.2 (Τίγης).

92. Квинт Курций IV.10.13—34; Плутарх. De Fortuna Alexandri.116 (338^{E-F}), Александр 30; Юстиниан XI.12.6—8; Арриан IV.20.1—3.

93. Квинт Курций IV.10.1—6; Юстиниан XI.12.9—16.

94. Плутарх, Алекс. 21.6 и 33.5 (kalos/kallisto et megas); та же терминология, использованная Диодором XVII.37.5, говорящим о Гестеионе; о слове элогии в эпоху Римской империи, см. в частности у Лукиана, примеры приведены Л. Робером в книге «Через Малую Азию», 1980, стр. 423—424.

95. Диодор XVII.38.2; Квинт Курций III.12.26.

96. Плутарх. Артаксеркс 1.1 (praotès kai megalopsykhia); см. 2.1 (praotèros), 30.9 (praos).

97. Элиан. Varia Historia XII.1.

98. III.2.17 (mitis et tractabilis); III.8.5 (sanctus et mitis); V.8.15 (simplex et mitis).

99. Chariton. Chairéas et Callirhoè VI.1,3.

100. Плутарх. Александр 22.6.

101. Ксенофонт. Суг. V.1.8.

102. Полибий X.19.4. Различие idiotes/strategos точно передает, в военном контексте, различие между простым человеком (idiôtès) и царем (basileus), так часто использованное в монархической литературе.

103. Фронтин II.11.5.

104. Тит Ливий XXVI.50.

105. Элиан. Varia Historia XII.1; история и ее варианты можно также прочитать у Ксенофонта, Anab. I.10.2; Юстиниана X.2, Плутарха Артаксеркс 26.5—8, 27.15.

106. Плутарх. Артаксеркс 30 (последние годы царствования); 23 (брак Артаксеркс-Атосса); 26.2—3 и 30.1 (отношения между Охом и Атоссой).

107. Плутарх. Александр 21.9 (kalis kai gennaias).

108. Юстиниан XI.10.2: captivam ...propter formae pulchritudinem coepit.

109. Плутарх. Александр 30.1 (речь все еще идет о мнимом третьем посольстве).

110. См.: Арриан IV.20.5: «Хотя влюбленный в нее Александр не хотел ее брать силой в качестве пленницы, но считал, что сочетаться с ней браком не было бы насилием».

111. Валерий Максим IV.3.1: veneris pecuniaeque cupido.

112. Квинт Курций VI.4.14.

113. Квинт Курций VI.4.23.

114. Квинт Курций VI.5.4.

115. У Арриана (III.23.4) Набарзан и Фратаферн отправляются вместе к Александру; некоторое время спустя пришло время для Артабаза и его сыновей (23.7); затем происходит кампания против Мардов (24.1—3) и прибытие

в «Задракарту, столицу Гиркании, где находилась царская резиденция Дария» (25.1).

116. Квинт Курций VI.5.22—23: *specie singulari spado atque in ipso flore pueritiae*.

117. Квинт Курций IV.12.8.

118. Квинт Курций X.1.37.

119. Плутарх. Лъстец и друг = *Moralia* 65^{C-D}.

120. «Сексуальные привычки Александра» в: Александр II, стр. 319—326: «Я сожалею, что вынужден написать это приложение, которое можно принять за наихудший вид популярной историографии» (стр. 319); см. Квинт Курций V.1.38, по поводу бесстыдного поведения женщин на пирах в Вавилоне: «Пусть нас простят наши читатели!»

121. Давайте отметим по ходу, что Тарн не первый автор, который был глубоко шокирован историей, рассказанной Квинтом Курцием. В записке (к тому же весьма религиозной) которую он посвятил (в 1646 г.) латинскому автору (*Ouvres* IV.2, стр. 222—232), Мот Ле Вайер осуждал одновременно Александра и Квинта Курция: «Александр пользовался евнухом Багоасом, который был необычайно привязан к Дарию... Странно, что [Квинт Курций] напрямую написал затем, что сладострастие Александра было полностью естественно и вполне позволено... Разумеется, ошибка Александра не может быть заглажена, что бы ни говорили по этому поводу римляне или греки» (стр. 228—229).

122. Диодор XVII.77.4 (*tryphè kai polyteleia*); Квинт Курций VI.2.12; см. стр. 263.

123. См. случай с Тириотом, «одним из евнухов из свиты царицы (*e spadonibus, qui, circa reginam erant*)» (Квинт Курций IV.10.25; см.: Плутарх. Александр 30.2 и 11: *thalamèpolos*, «комнатный слуга»).

124. Квинт Курций VI.5.23: *specie singulari spado atque in ipso flore pueritiae*.

125. См.: Плиний. *Hist. nat.* XIII.41; Овидий. *Amor.* 11.2.1.

126. Элиан. Пестрые рассказы XII.1.

127. Атений IV.145b.

128. ...*kallistos ton en tèi Asiai kai ôraiotatos genoménos...*

129. Квинт Курций X.1.38.

130. Квинт Курций III.3.23: *spadonum grex haud sane illis gentibus vilis*.

131. Тацит. *Истории*, III.40: *multo ac molli concubinarum spadonumque agmine; II.71: histrionum et spadonum gregibus...*

132. Квинт Курций VI.6.8: *quas spadonum greges... sequebantur*.

133. ...*et ipsi muliebria pati adsueti*.

134. Атений XIII.603b; Плутарх. *Moralia* 65^{C-D} и Александр, 67.7—8.

135. Квинт Курций X.1.26: *mares, qui stupro effeminarentur*.

136. Квинт Курций X.1.29: *importunissimum scortum, ne in stupro quidem et dedecoris patientia fraudis oblitum, quotiens amorem regis in se accenderat...* Термин *scortum* также использован на несколько предложений ранее (X.1.26).

137. Квинт Курций VI.7.2: *amore flagrabat, obsequio uni sibi dedita corporis vincetus*.

138. Квинт Курций VI.7.11: *effeminatum et muliebriter timidum, alias proditorem amatoris appelans*.

139. Квинт Курций VI.7.13

140. Квинт Курций V.2.17—22; см. стр. 410—413.

141. Квинт Курций X.1.26: *moris esse Persis...*
142. Помимо Тацита (История II.71 и III.40) см.: Светоний. Тит 7: «Опасались также их склонности к разгулу, видя его окруженным толпой дебоширов и евнухов (*propter exoletorum et spadonum griges*)».
143. Квинт Курций VI.5.23: «Просьбы больше, чем все остальное, побудили Александра прощать Набарзана».
144. Квинт Курций X.1.42 (*scortum*).
145. Плутарх. Александр 22.1 и 2.
146. Существовали также сборники *exempla*, посвященные исключительно уже умершим известным людям (*exitus illustrium virogum*).
147. Квинт Курций V.1.24; VII.6.20; IX.6.23.
148. Квинт Курций X.1.37: *regnare castratum*.
149. Так же называемый Теофрастом. Исследования о растениях II.6.17.
150. Диодор XVII.5.3—6
151. Арриан II.14.5; Квинт Курций VI.3.12; Плутарх. *Moralia* 337^E; см.: НЕР 789—799.

ЧАСТЬ 5. ДАРИЙ И ДАРА

ГЛАВА 10. ДАРА И ИСКАНДЕР

1. Превращенная Александром в сатрапию, сама Персия была включена позднее в Селевкидское царство (основанное в 311 году Селевком, одним из приемников Александра), а затем (как указал Страбон, XV.3.24) мелкие местные царьки (о династиях которых свидетельствует чеканка монет между концом II века до н.э. и началом III века н.э.) были завоеваны Парфией (царство Аршакидов, основанное Аршаком в последней трети III века до н.э.). Сама династия Аршакидов («*askhanienne*», династия, согласно терминологии иранских источников) означает восстановление иранской независимости от власти Александра. В свою очередь она была разрушена Ардаширом около 240 г. н.э., который основал другую иранскую династию — династию сасанидов, которая пресеклась в результате арабского завоевания (642 г. — сражение *Nihâvend*; 651 г. — смерть Яздгерда III).

2. «Царство Соломона...» 1971, стр. 1 («*Bouyide*»: название династии, которая царствовала на юге и западе Ирана и Ирака между серединой X века и серединой XI века). О «размышлениях над развалинами», передаваемыми европейскими путешественниками, см. стр. 27—35

3. Низами. Павильон семи царевен; пер. М. Барри, 2000, стр. 132 (с различными транскрипциями).

4. Бируни провел часть своей жизни при дворе Махмуда Газнийского, покровителя Фирдоуси. См.: С.Е. Bosworth. *EncIr* IV, 1990, стр. 274—276.

5. Это было показано Е. Yarshater в «Списках ахеменидских царей...», 1976.

6. Низами. Павильон семи царевен; пер. М. Барри, 2000, стр. 194.

7. Ксенофонт. Киропедия I.2.1; Динон, процитированный Атенеом XIV.630—633; Страбон XV.3.1; см.: НЕР 341—342.

8. О термине см. М. Шаки. Gabr, 2000, и очень интересная статья «Guèbre» Большой Энциклопедии Дидро-Д'Аламбера.

9. Давайте по ходу отметим, что в письме к своей сестре, датированном Тегераном 20 января 1856 года, Гобино, тогда секретарь чрезвычайной миссии в Персии, хвалится тем, что его дочь Диана «открыто заявляет, что испытывает к Александру сдержанные чувства, несмотря на его славу, из-за того, что тому пришлось разрушить Персеполь». «Персидские письма», *mercure de France*, Париж, 1957, стр. 41—42).

10. Свидетельства упомянуты у J. Darmesteter в «Легенде об Александре», 1878, стр. 86—88.

11. Перевод у: R.C. Zaehner. *Zurvan*, 1955, стр. 7—8.

12. См. сомнения, выраженные Ибн Калдуном в «Речах», том III, стр. 1044—1045.

13. Об этом аспекте см. особенно страницы труда H.W. Bailey. *Zoroastrian problems*, 1943, стр. 156—175.

14. Законы III.693—696; см. стр. 117, 147, 210—211.

15. Ch.-H. Fouchécour. Джамии, советник принцев, 1999.

16. Намек на прозвище Dhu'l Qarṇayn («двурогий»), во второй суре Корана, под которым в основном и известен Искандер (см.: например, Табари, стр. 511; противоположное мнение высказывает Талиби, стр. 400, 442, и Масуди, XXV, стр. 248—249): см.: Southgate. *Ihkandarnamah*, 1978, стр. 196—201.

17. Термин «означает витязя античного Ирана, воина благородного происхождения и военачальника» (G. Lazard, «Pahlavi...» 1972).

18. Термин указывает на представителей сельской аристократии (см.: V. Taffazzoli. *EncIr VII*, 1994, стр. 223—225)

19. Об этом см. особенно два исследования: Y. Yamanaka. От дьявола-разрушителя до исламского героя, 1993; Двусмысленность изображения Александра у Фирдоуси, 1999.

20. См.: Сl. Karpler. Александр в «Шах-наме» Фирдоуси, 1996.

21. В Дараб-наме Абу Тахера Гарсуси, Нахид тайно рождает Искандера около монастыря Аристотеля. Брошенный, маленький ребенок выкармливается козой. В возрасте от четырех до десяти лет его воспитывает Аристотель. Затем Нахид его признает, а Филипп назначает его своим преемником: см. перевод, комментированный М. Гайяром.

22. Согласно Табари (стр. 514), армия Дара насчитывала 600 000 человек, а армия Искандера — 800 000; не будучи более надежными, цифры Талиби (стр. 404—405) все же правдивее, соответственно, 80 000 и 12 000.

23. Арриан III.10.1—2: «Говорят, что Парменион... побуждал его к тому, чтобы атаковать персов ночью... Но Александр ответил ему, что для него было бы позором воровать победу, и что он, Александр, должен победить без хитростей».

24. В средневековом персидском языке термин *dastūr* обозначает человека мудрого и облеченного властью; в контексте государственных учреждений (как здесь) термин может быть переведен также как «министр»: см.: М. Шаки, *EncIr VII /1*, 1994, стр. 111—112.

25. Выше, стр. 460—463.

26. См.: A.L. Beekert. Александр в речи о периодах жизни, 1999.

27. О позиции Низами относительно войны и мира см.: J.-C. Bürgel. *Krieg und Frieden*, 1996.

28. В «Павильоне семи царевен» Низами жестко осуждает тех, кто изменил Дара. Он пишет об этом в тексте, посвященном восхвалению хорошего царя и осуждению плохих министров: см. перевод М. Барри, 2000, стр. 435, с коротким комментарием на стр. 727.

29. См. стр. 497—499.

30. Ссылка на статью «Mirkh^wvnd» в Энциклопедии ислама, стр. 129.

31. Согласно английскому переводу D. Shea, Лондон, 1832, стр. 361—363.

32. См. стр. 104—105.

33. Труд, отредактированный и переведенный E. R. Ross, «детописи Омана» (упоминаемые события приведены на стр. 3—7); об ошибочных выводах из текста (разрушение 10000 подземных каналов войсками Дара, стр. 6), см. замечания некоторых авторов в труде: P. Briant (ред.). *Irrigation et drainage*, Париж, 2001, стр. 13, № 26, и стр. 163, № 12

ГЛАВА 11. СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

1. См. стр. 388—394.

2. Об этой версии см.: F. Pfister. *Dareios von Alexander getötet*, 1958.

3. Египетский жрец, который в эпоху Лагидов (III век до. Р.Х.), написал на греческом языке историю египетских династий с мифических времен до 342 года н.э.: см.: *Aegyptiaca* (Epitomè), éd. Waddell, Loeb Classical Library, стр. 187, F75: «Дарий царил шесть лет, он был убит Александром» с комментариями Pfister, касающимся использованного словаря греческого языка (*katheilè*) и латинского языка (*interfecit*).

4. *Chronicon Paschale* есть нечто вроде «всеобщей истории», охватывающей период между Сотворением мира и 630 годом н.э. Текст цитируется согласно изданию, прокомментированному м. и м. Whitby, 1989, стр. 100—101.

5. Масуди. Золотые лужайки (стр. 247—248): «Искандер захватил силой оружия Сирию и Ирак, уничтожил всех царей, которые оказались там, и погубил Дара, сына Дара, царя персов»; Ибн Калдун. Речи III, стр. 1044: «... В то время, когда Искандер убил Дара и захватил ахеменидскую империю».

6. Паросский мрамор В.6 (M. N. Tod, *Greek Historical Inscriptions*, II, 1948, № 205, стр. 310).

7. Malalas. *Chronographia* 399. 13—20, цитировано по Whitby, стр. 101, № 317, в связи с пассажем Теофилакта 150.24—29.

8. Арриан III.21.10 и VI.11.4 («Дарий умер, когда Александр уже приближался»); также Юстиниан XI.15.14; Плутарх. Александр 43.5; сцена смерти Велико-го царя отсутствует у Квинта Курция ввиду пробела в рукописях.

9. См. выше главу VIII (Царь сверху и царь снизу).

10. Квинт Курций стих 12.8—9.

11. Квинт Курций стих 13.16: и *Alexandri fidem implorans*.

12. Об этой детали см. стр. 90, 193, и об эпизоде с Полистратом, стр. 388—392.

13. Арриан IV.20; Квинт Курций IV.10.22—34; Плутарх. *De Fortuna Alexandri* II.6 (338^F).

14. См. стр. 418—420.

15. См.: НЕР, глава VIII: «Люди царя» (стр. 314—366; 948—952).

16. См.: стр. 375—379.

17. *De Fortuna Alexandri* II.6 (338^F).

18. См. пример внуха Тириота, которого Дарий торопит начать перед лицом «Великого света Митры и правой руки своего царя» (Плутарх. Александр 30.8).

19. См. в особенности возвращение Набарзана, лицом к лицу с которым «Александр взял на себя обязательства (*fides*), согласно формам, принятым у персов (*quo Persae modo accipiebant*), вследствие которых он не должен ничего опасаться, если придет к нему» (Квинт Курций VI.4.14); это именно то, что автор, в эпизоде приезда Набарзана, называет «предварительными гарантиями» (IV.5.22: *ассерта fide*). Даже когда Артабаз приходит сдаваться, «он приказывает своим сыновьям приблизиться к правой руке царя». (VI.5.4).

20. Диодор XVI.43.

21. Непот. *Datames* 10.1—2: *fidemque de ea more Persarum dextra didisset. Hanc ut accepit, a rege missam...*

22. Об этом (не упоминая примера Полистрата) см.: S. Sherwin-White. *Hand-tokens*, 1978.

23. Низамй. Книга павильона семи царевен. Пер. М. Барри, 2000, стр. 350.

24. Плутарх. Александр 43.5; Юстиниан XI.15.14.

25. *De Fortuna Alexandri* II.11 (332^F); см.: Александр 43.5.

26. Диодор XVII.73.3.

27. Юстиниан XI.15.12; см. также: Письмо Тансара §1.

28. См.: Cl. Karpler. Александр в «Шах-наме», 1996, стр. 171—173, откуда я заимствую перевод стиха Фирдоуси.

29. См. стр. 573—574.

30. См. замечания: R. Hillenbrand. *The Iskandar Cycle*, 1996, стр. 209—210, и Fr. Richard. Иконография, относящаяся к Искандару, 1999, стр. 83.

31. «Историю Сохраба» можно прочитать в «Шах-наме», пер. J. Mohl, т. II, стр. 75—185.

32. Атений XII.548c; Ксенофонт. *Anab.* 1.1.9; см.: НЕР 634—635; 1012.

33. Деяния царей, 1936, стр. 126—135.

34. См.: S. Shaked и Z. Safa Andarz, 1987; Ch.-H. Fouchécour, *Moralia*, 1986.

35. Текст переведен Гриньячи. Несколько образцов, 1966 (стр. 68; 83); см. также: Fouchécour, *Moralia*, стр. 85 sq., и выше стр. 453—454.

36. Юстиниан XI.15.11, 15: *corpusque regio more sepeliri et reliquias ejus majorum tumulis inferri jussit.*

37. *De Fortuna Alexandri* II.12 (348B).

38. XVII.73.3: *basilike taphi/*

39. III.22.1.

40. См. стр. 39—52

41. Арриан IV.20.5.

42. Арриан VII.4.4—8.

43. Об этом см.: R. Davis. *Greek and Persian romances*, 2002, стр. 339: «We may take this concern with exogamy as emblematic of the political relationships espoused by a national epic».

44. См. стр. 455—457.

45. См. также Масуди XXIII, стр. 149—151 (в котором из Сасана сделали мусульманского богомольца, пришедшего принести ценные дары в Каабу). Была известна другая легенда, особенно запутанная в хронологическом плане. Она была известна Табари (стр. 526—527) и Талиби (стр. 526), в которой Aschk, основатель царства askhaniën (аршакидский), сын Дара Древнего, убил своего брата, Дара Младшего, «во времена Александра», а затем убил Антиоха, после чего на него напал римский император Константин! Подчеркивая, что Askhaniëns несомненно принадлежат к царскому роду (кейанидов), Талиби настаивает на сомнительности множества династических легенд!

46. Я очень благодарен Марине Гайяр, которая обеспечила мне доступ к своему неизданному переводу романа; я систематически использовал его в этом труде; я также активно пользовался Введением, которое она подготовила.

47. См.: труд Плутарха. *Mulierum virtutes* 3 (см.: P.A. Stadter, *Plutarch's Historical methods*, 1965, стр. 53—56); этот сборник *exempla* вдохновил затем Боккаччо на создание его *De mulieribus claris*.

48. Ктесий. *Persika* 54.

49. Полиен. *Stratagemata* VIII.27: предупрежденная о мятеже подвластного народа в то время, когда она принимала ванну, Родогун спешно подвязала волосы и поклялась, что она не будет их мыть до тех пор, пока не подчинит бунтовщиков; после победы она приняла ванну и тщательно вымыла шевелюру: «На царской персидской печати есть изображение Родогун с подвязанными волосами» (sic!).

ЧАСТЬ 6. ИТОГ И НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

ГЛАВА 12. ДАРИЙ В БОЮ: ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ИЗОБРАЖЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ»

1. *De Fortuna Alexandri* 11.13 (344^{D-E}).

2. См., например, стр. 226—247 по поводу «мозаики из Неаполя».

3. Квинт Курций III.3.17.

4. Военная одежда последнего Дария, 1985.

5. Надпись о Дарии в Персеполе (DPd; НЕР 195,253), с комментариями: E. Benveniste. *Иранские традиции*, 1938, стр. 538—543; G. Dumézil. *Mith et épopée*⁵, 1986, стр. 617—621.

6. Polyen VII.11.12, переведенный выше стр. 393, с моими комментариями в НЕР 251—252, и библиографическая справка стр. 941.

7. Ксенофонт. *Киропедия* 1.5.14; VIII.3.11—12; Геродот VII.40—41.

8. Квинт Курций III.3.8; см. НЕР 200—204.

9. Квинт Курций IV.13.2 (Солнце, Митра, и вечный и высокочтимый огонь); IV.14.24 («Богами моей Родины, вечным огнем... сиянием солнца»); также: Плутарх. Александр 30.5—8 (Oromazdes / Ахура-Мазда; Митра).

10. Ниже, стр. 536—537.

11. О перемещениях ахеменидского двора и его политическом значении, см. мое исследование «Le nomadisme du Grand roi», 1988, и НЕР 196—207, где можно найти наметки сравнения с «явлениями царя», изученными В. Guenée, а затем J. Boutier — A. Deweque-D. Nordman, Un tour de France royal, 1984; М.-Е. Wagner-D. Vaillancourt. Le roi dans la ville, 2001; в сообществах и царствах ислама, см. J. Dakhliа, Le divan de roi, 1998, стр. 308 sq.; эта модель была также использована в контексте инкской империи: см.: В. Kolata Andean Cities, 1996

12. Геродот VII.39—41 (Ксеркс покидает сардов); Квинт Курций III.3.8—25 (Дарий III оставляет Вавилон); см. также: Goukowsky. Кортж, 1998.

13. Диодор XVII.35.3; Квинт Курций III.3.22—23; 111.8,12; III.9.6; согласно замечательной истории пленных персидских принцесс, их палатка располагалась вблизи от царской палатки (Квинт Курций III.11.3).

14. Квинт Курций III.9.6: in medium agmen (по латыни agmen означает «армия в походе» в противоположность exercitus, «армия бьющаяся»).

15. Арриан III.11.5; а также у Диодора XVII.34.6—7 (Дарию привели другую колесницу), и 37.1 (он быстро убегает, по очереди вскакивая на своих наилучших коней); также Квинт Курций III.11.26: царь в бегстве постоянно меняет лошадей; о сменах лошадей в системе царской почты, см. НЕР 382—384.

16. Квинт Курций III.11.11; Плутарх. Александр 33.8; Элиан. Животные VI.48; см. стр. 332—333.

17. См. небольшой по объему труд Агафия, посвященный истории и учреждениям персов-сасанидов (издание А. Cameron 1969—70); ссылки на «персидские обычаи» у Прокопа в «Войнах» 1.3.17, 20; 1.5.1—2, 8, 40; 1.6.14; 1.9.7; 1.11.3—4, 34—35, 37; 1.16.28; 1.18.52; 11.28.25—26; см.: P. Briant. Персы и иранцы, 2002d.

18. Эварг. Histoire ecclesiastique 212.15: gegraphé nomon; Теофилакт. Истории III.14: epoièsato nomoi... thesmothetei; Жан д'Ефэз. Histoire ecclesiastique VI.9. Тексты представлены и блестяще проанализированы: М. Whitby. The Persian king at war, 1994

19. См.: Арриан V.27.5—6; о реакциях македонских солдат, см. мои замечания в Rois, tributs et paysans, 1982, стр. 36—39, 73—81; можно сравнить с опасениями, выраженными греческими наемниками после исчезновения Кира: Ксенофонт. Anabase III 1.2—2; также речь, которую держал Тиссаферн перед греческими наемниками: II.5.16—22; в конечном счете, как отмечает Н. Tonnet. Recherches I, 256—257, Арриан был вдохновлен тем же, что и Ксенофонт.

20. Арриан VI.13.1—3.

21. Арриан VI.13.4.

22. Полибий X.19.4; см. также: Арриан V.18.4—5 (Пор).

23. Квинт Курций III.11.7 Alexander non ducis magis quam militis munia exequabatur.

24. Люциан. Диалог мертвых 12.5: philokindynos... prokindyneuein tou stratou.

25. Плутарх. De Fortuna Alexandri, 1.3 (327^E) aboulos, propétis.

26. Арриан IV.8.5—6; см. 1.15.8: Клейтос отрезает руку Спифридата, занесенную для того, чтобы нанести удар Александру сзади.

27. О значимости темы мономахии у льстецов, см. анекдот, сообщенный (под видом монархической басни) Люцианом в труде «Как пишется история» 12: сплавляясь по Гидаспу, в Индии, Александр бросает в реку рукопись, где Каллистен сообщал о дуэли, которую царь проиграл Пору.

28. Аминь хочет осветить эти спорные вопросы: «Я должен был сообщить эти факты, даже ценой отступления от темы, чтобы будущие поколения не были равнодушны к подобным подвигам (erga) и таким испытаниям» (VI.11.8).

29. Квинт Курций X.7.2; об этом рассуждении см. мой анализ в «Antigone le Borgne», 1973, стр. 323—327, и мои заметки в НЕР 1077; о взаимоотношениях между царской властью и народом в Македонии, см.: M. Hatzopoulos. *Macedonian Institutions*, 1, 1996, стр. 261—322.

30. Квинт Курций III. XI.17 (opimum decus); также Диодор XVII.38.3; см. стр. 318—323.

31. Полибий VI.54.4: tes ton koinon pragmaton asphaleias.

32. См.: H. Flower. Традиция spolia opim, 2000.

33. Квинт Курций IX 5.1: magis ad famam temeritatis quam gloriam insignem.

34. Квинт Курций IV.16.29: in ullo ardore animi vix credi potest, prudentius quam avidius persecutus est.

35. Арриан I.13.6.

36. Плутарх. Александр 16.4: игра противопоставлений слов на греческом языке *manikōs* (бессмысленно) и *gnome* (разум, ум).

37. Плутарх. Артаксеркс 8.2—3: me kindyneuein auton... me phylaxasthai ton kindynon (упреки Cléarque).

38. Диодор XIV.23.7: prokheiroteron kindyneuein.

39. Арриан I.18.6—9: *gnome*

40. Плутарх. Александр 16.5.

41. Арриан I.14.7.

42. Арриан II.10.5.

43. Полибий X.22.5—6.

44. [Аристотель], *Péris Kosmou* 398a (НЕР 270—272); на тему о «невидимом принце» в совсем другом хронологическом и культурном контексте, см. также размышления J. Dakhliā, *Le divan de roi*, 1998, стр. 238—242.

45. См. Диодор XVII.54.6; Плутарх. *De Fortuna Alexandri* I.10 (332^A), упомянутые выше на стр. 290, N. 7—8.

46. См. стр. 142—145.

47. Исследование воинской функции царя в современной Франции начато с труда J. Cornette. *Le roi de guerre*, 1993, в особенности глава VI: «Должен ли король быть во главе армий?», стр. 177—207.

48. См.: Плутарх. Александр 16.7: «Александр был признателен своему щиту и плюмажу шлема, со всех сторон которого возвышался эгрет замечательной величины и белизны».

49. О полемических атаках против Генриха III и его любимчиков; см.: G. Poirier. *L'Homosexualite*, 1996, стр. 109 sq. (ссылка, стр. 111); N. Le Roux. *La faveur du roi*, 2000, стр. 622—629: пасквили разоблачают феминизацию нравов

при совместном влиянии дурных принцев и их недостойных любимцев; см. также стр. 267—270, и выше стр. 437—438.

50. О персонаже, помимо статьи в «Nouvelle Biographie universelle» (XXII, 1862, столбец. 255—261), можно посмотреть главным образом: R. Pintard. *Libertinage erudit*, 1943 [2000], стр. 127—148 (о его моральных и философских позициях); J. Cornette. *Le roi de guerre*, стр. 182—184. Я позволил себе модернизировать орфографию ссылок, черпаемых в «Oevres de Fr. La Mothe Le Vayer» (ред. 1669).

51. Плутарх. *De Fortuna Alexandri* 1.9, 331^c: «Каждая из частей его тела напоминала побежденную нацию, добытую победу, взятые города, падение царей. Вместо того, чтобы скрывать свои шрамы, он их показывал, как изображения, вырезанные на своем теле, знаки своего мужества и своей отваги»; см. стр. 219—221.

52. N. Perrot d'Ablancourt. *Lettres et prefaces critiques*, стр. 131—135; см.: R. Zuber. *Belles Infideles*, 1955, стр. 165—279, в особенности, стр. 206—214.

53. См.: C. Grell и Ch. Michel. *L'Ecole des Princes*, 1988, в особенности стр. 64—70, и 220—223 (анализ одной из картин, заказанных Ле Брюном).

54. G. Sabatier. *Версаль или фигура короля*, 1999, стр. 341, и вся глава VIII, «Король на войне», стр. 334—397; также книга J. Cornette, глава VIII, «Версаль, храм короля-воина». Отметим, что намного позже Наполеон будет считать, что «присутствие военачальника необходимо, это голова, это само сердце армии... Не македонская армия была на Инде, но Александр... Именно Цезарь завоевал Галлию...» ([Мемуары, коллекция «Библиотека Плеяды», III, 1935, стр. 90).

55. Я упоминаю в этом пассаже существование, в средневековой литературе, фигуры «подлого рыцаря», стоящей рядом с главной фигурой героя «гомерического» типа: см.: D.A. Miller. *Others kinds of heros*, 2000.

56. См. хорошую постановку: H. Van Vees. *Короли в сражениях*.

57. Вновь находим это у Прокопа 1.17.29—30, в контексте сасанидского двора.

58. XVII.30.7.

59. XVII.31.1.

60. XI.71.2 (назначение сатрапов Артаксерксом I: см.: НЕР 588); XVII.7.2 (Дарий сам как сатрап, стр. 334).

61. Квинт Курций IV.15.30: «Говорят, что, извлекая свой меч, Дарий спросил себя, избежит ли он, умирая с честью, стыда побега»; Юстиниан XI.14.3: «Дарий, видя своих убитых солдат, также хотел умереть»; Орос III.17.3; см. стр. 212—214.

62. Юстиниан XI.14.3 (*sed proximis fugere compulsus est*); Орос III.17.3: «Он был вынужден убежать по настоянию своих ближних (*persuasu suorum fugere compulsus est*)».

63. См.: H. Sancisi-Weerdenburg. *The death of Cyrus*, 1985.

СОКРАЩЕНИЯ

ТРУДЫ, ЦИТИРУЕМЫЕ В СОКРАЩЕННОМ ВИДЕ:

Atkinson, *Commentary I* = J.E. Atkinson, *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni, Тома 3 и 4*, Gieben, Амстердам, 1980.

Atkinson, *Commentary II* = J.E. Atkinson, *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni, тома с 5 no 7, 2*, Hakker, Амстердам, 1994.

Baynham, Quintus Curtius = E. Baynham, *Alexander the Great. Единственная история Квинта Курция*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 1998.

Berve, *Alexanderreich* = H. Berve, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, Мюнхен, I—II, 1926 [перепечатка Arno Press, New York, 1973].

ВНАч I = P. Briant, «Bulletin d'histoire achéménide I», in: *Topoi, Supp. 1*, 1997, p. 5—125.

Bosworth, *Commentary I* = A.B. Bosworth, *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander, I: Commentary on Books I—III*, Clarendon Press, Oxford, 1980.

Bosworth, *Commentary II* = A.B. Bosworth, *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander, II: Commentary on Books IV—V*, Clarendon Press, Oxford, 1995.

Hamilton, *Commentary* = J.R. Hamilton, *Plutarch, Alexander. A Commentary*, Clarendon Press, Oxford, 1969.

Heckel, *Commentary* = J. C. Yardley-W. Heckel, *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus, I: Books 11—12: Alexander the Great* (перевод и приложения J.-C. Yardley and Commentary by W. Heckel), Clarendon Press, Oxford, 1997.

HEP = P. Briant, *Histoire de l'empire perse. De Cyrus a Alexandre*, Paris, Fayard, 1996.

ТАБЛИЦА АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ ЖУРНАЛОВ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ:

AAH: Acta Antiqua Academiae Hungaricae (Budapest).

AchHist: Achaemenid History (Leiden).

AHB: Ancient History Bulletin (Calgary).

AHR: American Historical Review.

AION: Annali dell'Istituto Orientale di Napoli.

AJAH: American Journal of Ancient History.

- AJPh: American Journal of Philology.
 AK: Antike Kunst.
 AMI: Archvologische Mitteilungen aus Iran.
 AncSoc: Ancient Society (Bruxelles).
 ANRW: Aufstieg und Niedergang des romischen Welt.
 ARID: Annalecta Romana Instituti Danici.
 ASNP: Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa.
 BAGB: Bulletin de l'Association Guillaume-Budé.
 BAI: Bulletin of the Asia Institute.
 BCH: Bulletin de correspondance hellénique.
 BIFAO: Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale (Le Caire).
 BiOr: Bibliotheca Orientalis (Leiden).
 BSOAS: Bulletin of the Society of Oriental and African Studies (London).
 CAH: Cambridge Ancient History.
 CdE: Chronique d'Égypte (Bruxelles).
 CPh: Classical Philology.
 CQ: Classical Quarterly (Oxford).
 CRAI: Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres (Paris).
 CW: Classical World.
 DHA: Dialogues d'histoire ancienne (Besançon-Paris).
 Enclr: Encyclopaedia Iranica (New York).
 Ends: Encyclopédie de l'Islam.
 GIF: Giornale Italiano di Filologia.
 GJ: Geographical Journal.
 HSClPh: Harvard Studies in Classical Philology.
 IA: Iranica Antiqua.
 IJAIS: Nâme-ye Irdn-e Bâstân. The International Journal of Ancient Iranian Studies.
 INJ: Israël Numismatic Journal.
 JAOS: Journal of the American Oriental Society.
 JUS: Journal of Hellenic Studies (London).
 JJP: Journal of juristic Papyrology.
 JNES: Journal of Near Eastern Studies (Chicago).
 JRAS: Journal of the Royal Asiatic Society (London).
 JRS: Journal of Roman Studies (London).
 MDAI (A): Mitteilungen des Deutschen Archvologische Institut. Athens.
 MEFRA: Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité.
 MEFRM: Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge.
 NC: Numismatic Chronicle.
 OIP: Oriental Institute Publication (Chicago).
 QaS: Quadernidi Storia.
 RAC: Real-Lexicon der Antike und Christientum.
 RdE: Revue d'égyptologie.
 KE: Real-Enzyklopadie der Altertumswissenschaft.
 RŪA: Revue des études anciennes.
 REG: Revue des études grecques.

REL: Revue des études latines.

RhM: Rheinisches Muséum.

RSA: Rivista Storica Italiana.

SELVOA: Studi Epigrafici e Linguistici sul Vicino Oriente Antico.

SEPO A: Société pour l'étude du Proche- Orient ancien (Paris).

STIR: Studio, Iranica.

Trans.: Transeuphratène (Paris).

WO: We/t des Orients.

WJA: Würzburger Jahrbucher für die Altertumswissenschaft.

ZDPV: Zeitschrift der Deutsche Palastina-Vereins.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	5
---------------------	---

ЧАСТЬ 1

МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

История Дария и история Александра	7
Биографический тупик	10
Образы, память, история	12

ЧАСТЬ 2

НЕВЕРОЯТНАЯ БИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1. ПРИЗРАК ДЛЯ СВОИХ	17
Размышления на развалинах	17
Царь без дворца	24
Царь без могилы	26
Царь без лица	38
Годы правления и история правления	47
Имена царя	48
Кампания Дария III в Египте?	49
Взгляд на войну через монеты: отголоски и сомнения	54
«Мемуары» египетского врача	59
Отношение Вавилона к поражению Дария	60

ГЛАВА 2. ДАРИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	65
До обращения к истории	65
От Дройзена до Боссюэ и обратно	69
От Джорджа Роулинсона до Мари Рено	74
Другой вариант: подлый и недостойный царь	77
Дарий в галерее царских портретов	83
Азиатский деспот	86
Застой, упадок и развитие	89
Колонизатор Александр и колонизированный Восток	94
Итог и перспективы: возвращение к истокам	97

ЧАСТЬ 3

ПАРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ГЛАВА 3. «ПОСЛЕДНИЙ ДАРИЙ: ТОТ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОБЕЖДЕН АЛЕКСАНДРОМ»	101
Жизни в примерах, примеры жизней	101
Ехемтра и уроки политической морали	104
Наследство Античности	107
Осколки воспоминаний и фрагменты жизни	109
Дарий перед лицом Александра	112
Римляне о Дарии	116
ГЛАВА 4. ДАРИЙ ПО АРРИАНУ	119
Некролог-убийца	119
Ни смелый солдат, ни заметный военачальник	121
От одного некролога к другому	122
Исторический портрет и литературные нормы; о роли <i>mimèsis</i>	123
Арриан и Ксенофонт: от одного Анабасиса к другому	127
Кир Младший, Александр, Дарий и их приверженцы	131
Александр, Дарий и гомеровская модель	134
Дарий, Александр и Пор	139
ГЛАВА 5. А ТОТ ЛИ ЭТО ДАРИЙ?	140
В лагере Великого царя	140
Измена и верность	142

Дарий и кадусийский великан	146
Традиция поединка перед лицом двух армий	148
Дарий-Кодоман и кадусии	151
Оттенки и противоречия	155
Есть ли «история Дария»?	156
Один Александр, два Дария	159
От Арриана до «Романа»: одиночество Великого царя	161
Остановка на изображении: Дарий на неапольской мозаике	164
Слова и изображения	181
ГЛАВА 6. ДАРИЙ МЕЖДУ ГРЕЦИЕЙ И РИМОМ	183
Персы в Парфии	183
Сатрап Дария, или Образ извращенной монархии	187
Пять империй	194
Персидские цари в римской литературе <i>exemplā</i>	199
Персидские цари в историях об Александре	201
От одного Дария до другого: величие и падение	206
ЧАСТЬ 4	
ПРИНУЖДЕНИЕ И РЫВОК	
ГЛАВА 7. ЦАРЬ СВЕРХУ И ЦАРЬ СНИЗУ	208
Снизу вверх, сверху вниз	208
Царь, его советники и льстецы	210
Великий царь и его совет	212
Гнев царя: литературное творчество и монархическая басня ...	216
Великий царь и его дела	220
Царь в ловушке	223
Кир Младший, Артаксеркс и Дарий III	226
Легенда о поединке между Дарием и Александром	229
Бой или подарок!	232
Паническое бегство в верхние земли	236
Сюжет с бегством Великого царя	240
Подробности преследования	243
Царь верхних и нижних земель	245
ГЛАВА 8. ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЛЕМ И СЕРЕБРЯНЫЕ ВАЗЫ	248
О Великом царе, его пожитках и наложницах	248
Кухни и зависимости	255

Александр и его имущество: строгость и суровость	258
У царя жажда, а царь не пьет!	261
Серебряные вазы и Великий царь	264
Царь хочет пить, царь пьет!	267
Дар и обязанность	271
О деспотизме царя	272
Царь и философ	275
Шлем Полистрата	277
Конец империи и урок философии	280
ГЛАВА 9. ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	
ВЕЛИКОГО ЦАРЯ	281
Персидские царевны в руках Александра	281
От одной Статиры к другой	286
Пряха и царевна	292
Завоеватель и прекрасная пленница	294
Статира между Дарием и Александром	298
Багоас между Дарием и Александром	302
Порочная фигура молодого и красивого евнуха	306
Молодой евнух, царь и персидский дворянин	309
ЧАСТЬ 5	
ДАРИЙ И ДАРА	
ГЛАВА 10. ДАРА И ИСКАНДЕР	312
Между забвением и историческим мифом	312
От Дара до Ардашира в сасанидской литературе	317
«Проклятый Аликсандар»	320
Плохой царь Дара	324
От Аликсандара до Искандера	327
Брат, враг, герой	329
Причины поражения	334
Дара и приближенные: тема измены	336
Повторение схемы	342
ГЛАВА 11. СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ	344
Различные версии смерти Дария	344
Полистрат между Дарием и Александром	346

Александр у изголовья Дария	350
Дара, умирающий на руках у Искандера	351
Тексты и образы	354
Последняя «тронная речь»	361
Похороны Дария/Дара	363
Наследство Дара	365
Искандер и «другая» дочь Дара	369

ЧАСТЬ 6

ИТОГ И НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

ГЛАВА 12. ДАРИЙ В БОЮ. ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ: «ИЗОБРАЖЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ»	371
Дарий, Александр и рассуждения на тему царской власти	371
Что делать?	374
Жизнь царя и сохранение народа	375
Военный поход и странствующее государство	377
Кобыла Дария	378
От Дария до Хосрова	379
Споры в окружении Александра и Кира Младшего: две модели «царя-воина»	380
От Пармениона до кардинала Ришелье	384
Возвращение к Дарию III	390
ПРИМЕЧАНИЯ	393
СОКРАЩЕНИЯ	433

Научно-популярное издание

Пьер Бриан

ДАРИЙ В ТЕНИ АЛЕКСАНДРА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *А.Ю. Низовский*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.07.2007. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 28. Тираж 3000 экз. Заказ № 6458.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тулская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-40-74.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 188-00-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru

В Киеве:

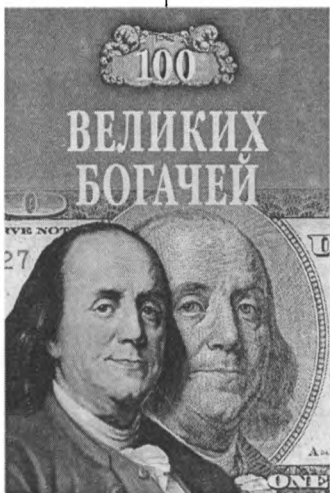
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

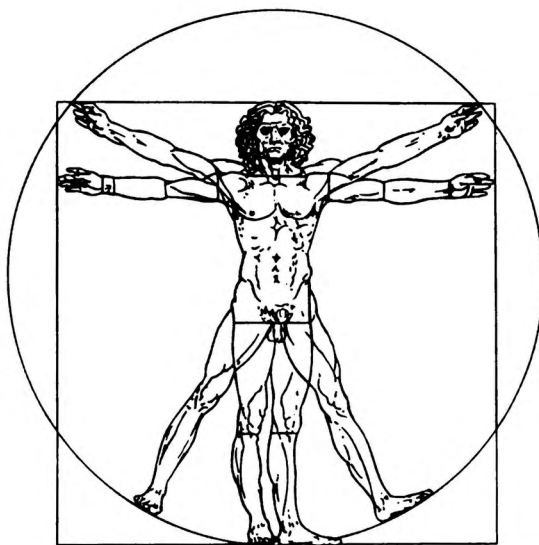

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

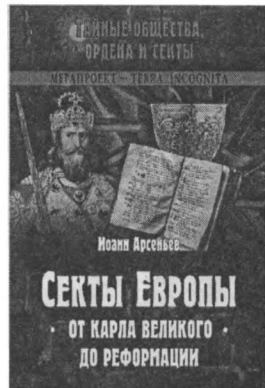
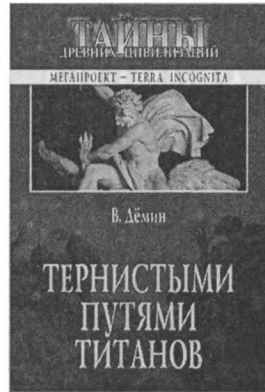

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция

«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

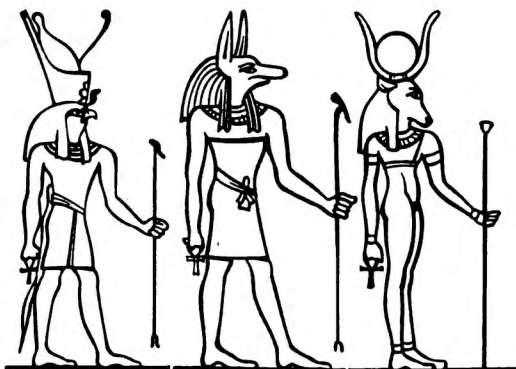

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

СЕРИЯ КНИГ

ТАЙНЫ ВЕКОВ

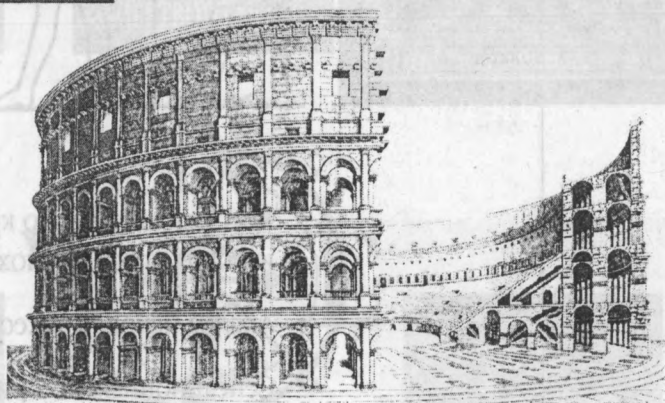
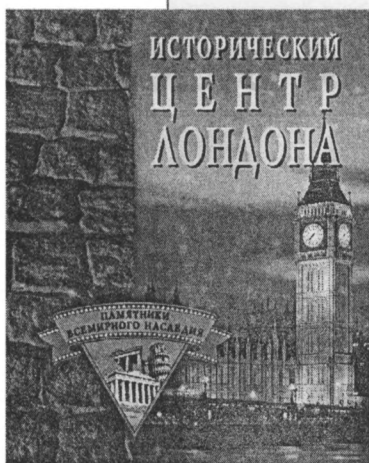

- Восстановленная по крупицам история древних эпох
- Анализ находок археологов
- Сенсационные исторические открытия
- Неизвестные страницы истории разных эпох
- Современные и дореволюционные авторы

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

СЕРИЯ КНИГ

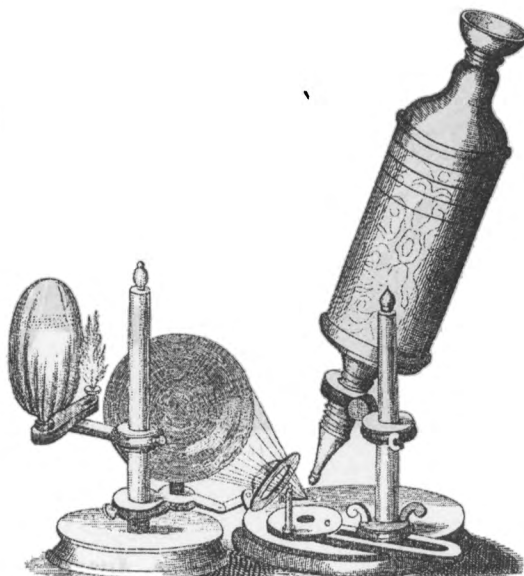
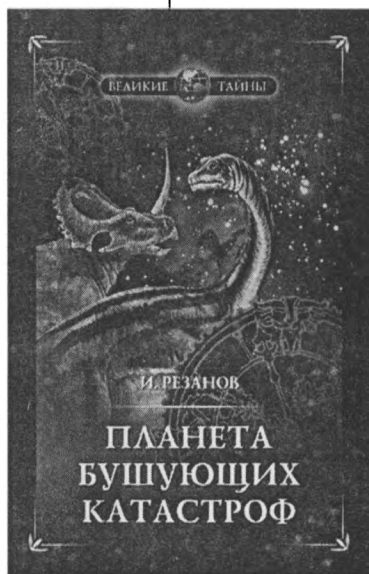
- Восстановленная по крупицам история древних эпох
- Анализ находок археологов
- Сенсационные исторические открытия
- Неизвестные страницы истории разных эпох

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ...

СЕРИЯ КНИГ

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ

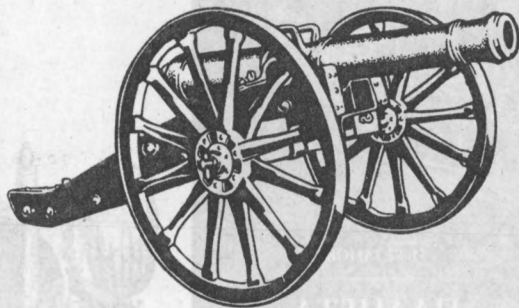
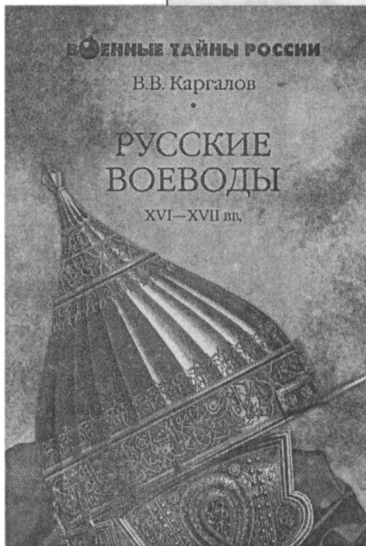
- Полные загадок судьбы известных исторических лиц
- Загадки древних цивилизаций и народов
- Оригинальное оформление
- Множество иллюстраций и рисунков
- Более 70 томов в серии

КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИДЕТ...

СЕРИЯ КНИГ

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

- Анализ всех военных конфликтов от времен Древней Руси до крушения Российской империи
- Стратегия и тактика
- Личности выдающихся военачальников
- Военные хитрости
- Неизвестные подробности сражений

Дарий в тени Александра

Кто же на самом деле «тот Дарий, который был побежден молодым македонским царем»? Почему-то считается, что на фоне личности Александра Великого его враг, персидский царь Дарий III, не заслуживает пристального внимания. Однако автор с полным основанием полагает, что слабый интерес к Дарию и его империи — это проявление общей недооценки эпохи Ахеменидов в истории Древнего Востока. Пьер Бриан пытается ответить на вопрос: был ли Великий царь «смелым» или «недостойным», — поставленный еще в Античности...

ISBN 978-5-9533-1946-1

9 785953 319461

